

Op $\frac{1-77}{11387}$

РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛЕДОВАНИЕ.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХИТ-07385
ИРМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

1913.

Предисловіе.

Цѣль настоящаго труда — дать отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ заключается истинный смѣслъ подвиговъ «юродства» и «столпничества»? Эти подвиги при жизни свв. юродивыхъ и столпниковъ вызывали удивленіе — въ однихъ, порицаніе — въ другихъ. И въ настоящее время, когда производится переоцѣнка цѣнностей, многое изъ жизни указанныхъ подвижниковъ для нѣкоторыхъ является непонятнымъ, а для другихъ положительно безцѣльнымъ. Въ видахъ популяризаціи высшаго нравственнаго значенія вышеуказанныхъ подвиговъ издатель и принялъ на себя печатаніе настоящаго сочиненія.

Выпуская въ свѣтъ эту книгу, издатель льститъ себя надеждою удовлетворитъ богословскою любознательности всѣхъ тѣхъ, кто интересуется вопросами аскетики.

Издатель.

ЮРОДСТВО и СТОЛПНИЧЕСТВО.

Религіозно-психологическое, моральное и социальное
изслѣдованіе.

Введеніе.

Значеніе и сущность аскетических подвиговъ: „юродства“ и „столпничества“. Задачи изслѣдованія.

Матеріалисты говорятъ, что нѣтъ ни нравственности, ни свободной воли, что человѣкъ есть только болѣе развитое животное, механически слѣдующее законамъ матеріальной необходимости, что, поэтому, для него нравственно только одно то, что полезно его матеріальной природѣ. Къ концу римской республики принципомъ жизни большинства сдѣлалось ученіе Эпикура. Пороки, совершаемые послѣдователями этого ученія, были такъ отвратительны, что самые легкомысленные люди ужасались, смотря на развратъ тогдашняго общества и каждого приверженца Эпикура называли свиньею изъ стада Эпикурова (*Epicuri de grege porcus*). Праздность, которая разъѣдала всю гражданскую жизнь, страшное распространеніе роскоши и грязнаго служенія чувственности въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, который отъ того сдѣлался товаромъ,—все это было слѣдствіемъ деморализаціи. Были только отдѣльныя личности, которыя съ любовію принимали строгія положенія стоицизма, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ нихъ найти нѣкоторое успокоеніе предъ всеобщей безнравственностію и распущенностію. Когда въ XVII и XVIII вв., матеріализмъ, вышедшій изъ Англіи, распространился по Франціи и сдѣлался популярнымъ въ литературѣ и искусствѣ, въ придворной и частной жизни, судьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго государства была рѣ-

шена. XVII вѣкъ былъ льстивъ, но онъ и въ самой лести сохранялъ извѣстную мѣру благопристойности, но XVIII вѣкъ льстилъ и вмѣстѣ осмѣивалъ; эпикурейская философія Вольтера сдѣлалась верхомъ совершенства для людей поверхностныхъ. Безнравственность XVIII вѣка есть пятно, котораго не въ состояніи смыть всѣ чудеса его краснорѣчія и геніальности. Матеріализмъ тогда стремился къ тому, чтобы, заглушая голосъ совѣсти, открыть для игры страстей свободное, неограниченное поле. Хотя реформаторы древности: Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека преслѣдовали предразсудки и суевѣрія своего народа съ большею пощадою, однако мы не находимъ, чтобы свободу духа они употребляли на разрушеніе узъ нравственности. Въ XVIII же вѣкѣ зараза умственного безобразія проникла даже въ души самыхъ строгихъ писателей. О словѣ „добродѣтель“ XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія. У Вольтера „добродѣтель“ является искусствомъ сдѣлать жизнь по возможности пріятною и украсить наслажденіе лоскомъ изящности. У писателей второго и третьяго ранга и въ *système de la nature* добродѣтель и порокъ были смѣшаны. Кондильякъ эмпиризмъ Локка превратилъ въ плоскій сенсуализмъ и атеизмъ. Руссо въ своихъ сочиненіяхъ разлилъ ядъ чувственныхъ удовольствій и основалъ систему ложной религіи. Энциклопедисты располагали къ чувственности. Отсюда, появилось божество—разумъ и стали приносить жертвы свободѣ, равенству и природѣ. Положимъ современный матеріализмъ не проповѣдуетъ прямо безнравственности, разврата, подобно матеріализму XVIII вѣка, но результатъ его все тотъ же. Что разумѣютъ современные матеріалисты подъ свободу? не что иное, какъ освобожденіе отъ всѣхъ узъ и ограниченій, которыми связываются страсти. Обращаясь къ настоящему времени, нельзя не замѣтить небывалаго оживленія мысли въ нашемъ обществѣ. По вызову жизни, она занялась рѣшеніемъ множества вопросовъ, для своего выраженія открыла себѣ новые органы и для своей стойкости пришла къ сознанію необходимости общихъ началъ—необходимости философіи.

Теперь не рѣдкость встрѣтить философскую статью въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но нельзя безъ глубокаго сожалѣнія не обратить вниманія на то, что современные мыслители нерѣдко переходятъ на сторону такихъ наставниковъ, съ мнѣніями которыхъ никогда не можетъ помириться истинно и твердо вѣрующая душа. Заслушиваясь матеріалистическимъ ученіемъ, наши мыслители и въ статьяхъ, конечно не всегда сознательно, проводятъ взгляды, враждебные христіанству, сужденія, набрасывающія тѣнь на его жизненность ¹⁾. Желая набросить тѣнь на жизненность и прогрессивныя стремленія христіанства, его нѣкоторые противники, поборники эмансипаціи чувственности и проповѣдники возстановленія правъ матеріи, говорятъ, что „только одно чувственное составляетъ послѣднюю, самую высшую цѣль этой жизни. Христіанство своею проповѣдію о воздержаніи сдѣлало несправедливость по отношенію къ чувственности; поэтому, чувственность должна опять возвратить свои права и возстановить свою честь, чтобы впередъ только такъ выражались: и плоть стала духомъ“. Послѣднія слова служатъ краткою, но вполне содержательною формулою для всѣхъ матеріалистическихъ стремленій ²⁾. Подобнаго рода матеріалистическія стремленія и приводятъ къ религіозному скептицизму, и люди міра сего, пропитанные матеріализмомъ, ниспровергають все то, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, питають презрѣніе ко всему, что было плодомъ долгихъ нравственныхъ страданій и подвиговъ, хранятъ недовѣріе къ тому, что возвышается въ дѣлѣ или въ мысляхъ надъ общею моралью, готовы соблазняться весьма многимъ изъ того, что не подходитъ подъ ихъ матеріалистическую мѣрку понятій и убѣжденій, нерѣдко одностороннихъ и неустойчивыхъ. Къ явленіямъ, неподходящимъ подъ мѣрку убѣжденій современныхъ матеріа-

¹⁾ „Современный матеріализмъ въ Германіи“, перев. съ французскаго. СПб. 1868 г. и „матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма; собраны изъ нѣмецкихъ источниковъ. СПб. 1864 г. ²⁾ Апологія христіанства. Геттингера ч. I, отд. I, перев. съ нѣмецк. языка свящ. Г. Чельцова. СПб. 1873 г. стр. 195.

листовъ, относятся два вида подвижничества: „юродство“ и „столпничество“, которые по своей необычности составляютъ загадку для общества, не всегда способнаго примѣчать божественную благодать, обитавшую въ святыхъ. Если современниками „юродство“ и „столпничество“ признавались за явленія ненормальныя, то не удивительно, что послѣдователи этихъ подвиговъ въ глазахъ большинства и особенно современной интеллигенціи представляются людьми безразсудными, сумасшедшими, а ихъ жизнь и дѣйствія способны вызывать только среди скептиковъ глумленіе и презрѣніе. Вѣдь, міръ даже не узналъ Господа, и распялъ Его ³⁾. Отсюда понятно, что то, что слѣпотствующій міръ сдѣлалъ въ отношеніи къ Іисусу Христу, тоже самое нерѣдко повторяетъ онъ и въ отношеніи къ вѣрнымъ рабамъ Его, которые, при всемъ обилии дѣйствовавшей въ нихъ благодати Божіей не только не признаны были за сосуды божественной благодати, но составляли предметъ различныхъ, противоположныхъ толковъ и были большею частию въ презрѣніи и поношеніи у міра. Христіанскому потомству достается честь узнать и воздать дань справедливой хвалы вѣрнымъ рабамъ Господа, опредѣлить ихъ значеніе и важность ихъ подвижническихъ трудовъ.

Надъ уровнемъ людей всегда и во всѣ времена возвышались личности, голоса которыхъ, господствуя надъ массами, какъ бы направляли человѣчество туда, куда хотѣли. Эти личности, вырабатывая мнѣнія, которыя, привившись къ большинству, часто впослѣдствіи обращались въ законы, вели толпы за собою, научали, наставляли. Чѣмъ сильнѣе были эти личности, тѣмъ поразительнѣе, огромнѣе было ихъ вліяніе, тѣмъ могущественнѣе было ихъ слово, тѣмъ рельефнѣе выдавались послѣдствія ихъ ученія. Справедливо присвоить всѣмъ имъ одно названіе—учители человѣчества. Человѣчество съ благоговѣніемъ сохранило и чтитъ память давно, очень давно, бывшихъ учителей, принесшихъ несомнѣнную пользу, облагороди-

³⁾ 1 Кор. II, 8.

вшихъ, такъ сказать, природу человѣка. Сократъ, Платонъ и подобные имъ не могутъ никогда быть забыты признательнымъ человѣчествомъ.

Но давно, очень давно появилось два отдѣла ученій: ученіе истины и ученіе лжи. Первый Учитель человѣчества былъ Самъ его Творецъ. Одаривъ человѣка всѣми благами и давъ ему блаженную жизнь, Самъ Онъ и наставлялъ его, бесѣдовалъ съ нимъ, указывалъ ему силы, тайны природы, что видно изъ того, что первозданный человѣкъ уразумѣлъ свойства животныхъ ⁴⁾, уразумѣлъ и созданіе жены отъ одной съ нимъ плоти ⁵⁾. Но въ раю же человѣкъ услышалъ и ученіе лжи. И съ тѣхъ поръ надъ человѣчествомъ раздаются и слышатся два голоса, два ученія. Голосъ правды, голосъ святой истины звучитъ въ откровеніи Самого Творца и въ ученіи Его избранныхъ служителей истины. Этотъ голосъ зоветъ человѣка къ возвращенію утраченныхъ благъ, не льститъ, не скрываетъ отъ него золь и бѣдствій, привлеченныхъ грѣхомъ на землю, онъ указываетъ прямой вѣрный путь къ блаженной вѣчности, уготованной Творцомъ Своему созданію. Такими учителями человѣчества по справедливости можно назвать всѣхъ святыхъ подвижниковъ, и въ частности, святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ. Это сѣмя святое ⁶⁾; это вожди человѣчества въ нравственной жизни, указывающіе ему путь, куда надо идти, раскрывающіе предъ его глазами картину нравственной распушенности современнаго имъ общества и призывающіе его къ исправленію путемъ обличенія гордости, личныхъ расчетовъ и движеній возбужденныхъ страстей, влекущихъ человѣка къ преступленіямъ, обидамъ, несправедливостямъ. Въ своей жизни святые юродивые и святые столпники являли образецъ смиренія, кротости, терпѣнія и примѣромъ своимъ стремились развить эти святые чувства въ людяхъ, возвысить ихъ надъ побужденіями личнаго самолюбія и возстановить его въ полную силу закона любви къ ближнимъ, показать несостоятельность нечело-

⁴⁾ Быт. II, 19. ⁵⁾ Быт. II, 23. ⁶⁾ Исаи VI, 13

вѣколюбія. Въ этомъ отношеніи святыя юродивыя и святыя столпники и для современнаго общества служатъ вполнѣ достойными образцами добродѣтелей и святости. Міръ признаетъ для себя счастьемъ имѣть достойныхъ и талантливыхъ дѣятелей науки, дѣятельныхъ и способныхъ государственныхъ людей, двигателей искусствъ и цивилизации; но не гораздо ли необходимѣе имѣть нравственные примѣры, которыми можно было бы руководствоваться для истиннаго благоугожденія Господу Богу. Для лучшаго укрѣпленія на трудномъ пути добродѣтелей образъ святыхъ подвижниковъ особенно важенъ, такъ какъ они, подобострастные намъ люди, указали путь къ небесному отечеству; конечно, мы не хотимъ сказать того, что всѣмъ надо сдѣлаться юродивыми или столпниками. Нѣтъ! а должны научиться ихъ примѣромъ достиженію нравственной чистоты и святости, подражать имъ не внѣшне, а внутренне, восходить отъ силы въ силу, отъ вѣры въ вѣру. Вѣдь, самый первый вопросъ, какой долженъ задавать себѣ всякій человѣкъ, есть вопросъ о цѣли, смыслѣ жизни. Люди живутъ въ мірѣ не для того, чтобы требовать служенія себѣ, чтобы сдѣлать міръ своимъ служебнымъ орудіемъ, какъ это тогда бываетъ, когда человѣкъ представляетъ себя самого средоточіемъ и цѣлью всего. По требованію здраваго смысла каждый напередъ долженъ опредѣлить для себя путь, которымъ надобно идти. Путь этотъ—служеніе Господу. Въ самомъ дѣлѣ, служить Богу, Которому должны служить всѣ твари, служить Ему съ тою полною свободою, которая свойственна истинной преданности и любви, исполнять вѣчный планъ Его безконечной премудрости, творить дѣло Его высочайшей воли и безпредѣльнаго милосердія,—вотъ та слава и то блаженство, которыя равняютъ человѣка съ ангелами, исполняющими волю Божію. А тому, какъ достигать исполненія воли Божіей, какъ при свободномъ нравственномъ поступаніи и дѣйствованіи возможно постигать высочайшую волю Божію и слѣдовать ей не рабски безсознательно, хотя съ полнымъ отреченіемъ отъ своей воли, но по доброду и свободному

убѣжденію—и учать насъ святыя подвижники, а въ частности святыя юродивыя и святыя столпники. Ихъ жизнь—это лѣствица нравственнаго восхожденія отъ силы въ силу, это высокій подвигъ стремленія лишь къ исполненію только одной воли Божіей, подвигъ, на который вступаютъ не по принужденію и насилію, какъ рабы, а съ довѣріемъ и съ любовью къ Богу, въ смиренномъ, однако, сознаніи своего недостойнства, съ прикрытіемъ своихъ добродѣтелей и высокихъ качествъ духа. Святыя юродивыя и столпники, воспитывая въ себѣ челоуѣка къ жизни вѣчной, чрезъ это самое оказывали благотворное вліяніе на современное общество и нынѣшнему своею жизнію раскрываютъ его обязанности и истинную цѣль жизни. Святыя юродивыя ненормальностью своихъ дѣйствій вливали въ погрязшій въ грубой чувственности духъ современнаго имъ общества, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, новую благодатную струю жизни духовной, а святыя столпники своими удивительнѣйшими аскетическими подвигами на столпахъ научали людей особой духовной бодрости и силѣ въ добродѣланіи неутомимомъ и какъ бы отрѣшаясь отъ земли, они ясно всѣмъ проповѣдывали съ апостоломъ: „вышнихъ ищите; горняя мудрствуйте, а не земная“ ⁷⁾).

Такимъ образомъ, стремленіе къ міру духовному и божественному, непрестанное желаніе и жажда сердца живѣйшаго общенія съ горнимъ міромъ, непрестанное стремленіе войти туда, „идѣже есть Христосъ одесную Бога“ ⁸⁾,—вотъ сущность подвиговъ „юродства“ и „столпничества“, сущность, которая должна составлять самую существенную и неотъемлемую черту и жизни каждаго истиннаго христіанина, поскольку онъ дѣла своего спасенія не считаетъ чѣмъ - нибудь малозначущимъ и неважнымъ. Въ виду этого „юродство“ и „столпничество“ суть одни изъ величайшихъ аскетическихъ подвиговъ, принимаемыхъ избранными угодниками Божіими подъ особымъ воздѣйствіемъ благодати,—принимаемыхъ и въ интересахъ даль-

⁷⁾ Колос. III, 1, 2. ⁸⁾ Колос. III, 1.

нѣйшаго нравственнаго усовершенствованія подвижниковъ и для служенія обществу, для котораго святые юродивые и святые столпники не дорожили ни своимъ спокойствіемъ, ни выгодами, отказывались отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, жертвовали всѣми надеждами въ этомъ мірѣ, готовы были на пожертвованіе самымъ блаженствомъ неба (напр. св. Симеонъ Дивногорецъ), подобно святому проку Моисею, лишь бы только спасти другихъ, доставить имъ блаженство.

Но „юродство“ и „столпничество“ взору современнаго человѣка въ лучшемъ видѣ представляются не болѣе, какъ явленія странныя, непонятныя,—далѣе затѣмъ, какъ явленія безцѣльныя, неразумныя, даже могущія, особенно „юродство“, вводить другихъ въ соблазнъ, слѣдовательно, прямо разрушительныя въ сферѣ нравственной, о чемъ въ свое время писали г. Розановъ ⁹⁾, г. Скабичевскій ¹⁰⁾, гг. Стоюнинъ и Энгельгардъ ¹¹⁾; историки же Гизо и Гиббонъ, писавшіе о столпникахъ, излили на нихъ изъ-подъ пера весь свой желчь, называя образъ ихъ жизни недостойнымъ человѣка-христіанина и объясняя его то гордостію, то фанатизмомъ.

Итакъ, „юродство“ и „столпничество“, какъ сами по себѣ—по своей необычайности и рѣдкости, такъ и по тѣмъ упрекамъ и нападеніямъ, какимъ они подвергаются со стороны противниковъ своихъ, невольно должны обращать вниманіе всякаго, кто принимаетъ участіе въ дѣлахъ церкви Христовой и для кого дорого и всякое, а тѣмъ болѣе необычайное, явленіе, въ ней происходящее.

Вотъ обстоятельства, побуждающія разсматривать эти два, однородныхъ по своей оригинальности, подвига. Всякому изслѣдователю, вращающемуся въ подобной области, необходимо выяснить побужденія и цѣли и разсмотрѣть подобныя, якобы ненормальныя, явленія, въ отношеніи къ природѣ человѣка и духу вѣры, разсмотрѣть ихъ съ вну-

⁹⁾ Новое время 1897 г. 31 декабря. ¹⁰⁾ Русская мысль 1900 г. X и XI кн.
¹¹⁾ Книжки „Недѣли“ 1897 г. I

тренней и высшей стороны, потому что для людей, мало знакомых съ высшею духовною жизнью, „юродство“ и „столпничество“ являются, конечно, смѣшными, отвратительными и лишь съ той узкой точки зрѣнія, съ какой непонятными и безцѣльными могутъ для нихъ казаться всѣ проявленія высшаго аскетизма. На изслѣдователѣ духа этихъ подвиговъ и лежитъ обязанность правильнаго сужденія о нихъ, ему необходимо глубоко всмотрѣться въ эти странныя малопонятныя явленія, не опуская изъ вниманія всѣхъ поразительныхъ проявленій высокодуховной жизни святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ, чтобы поверхностное сужденіе о нихъ противниковъ всяческаго аскетизма оказалось шаткимъ, ошибочнымъ. Въ частности, въ вопросѣ о юродивыхъ изслѣдователю предстоитъ рѣшеніе задачи,—какъ святые юродивые, показываясь жалкими и безумными, приумножали постоянно сокровища духовнаго совершенства и нравственнаго преуспѣянія, напоминая другимъ о высшей цѣли жизни, ему должно выяснить высоту столь труднаго подвига, которая можетъ быть понята и оцѣнена тогда только, когда мы представимъ себѣ,—сколько здѣсь требуется мудрости, чтобы въ смѣшномъ поведеніи, въ странныхъ, по видимому, безумныхъ дѣйствіяхъ не дозволить чего либо грѣховнаго, какой либо несправедливости, неуваженія къ другимъ или оскорбленія, въ неблагопристойномъ—ничего соблазнительнаго, и чтобы свое безславіе обращать въ славу Божию и на пользу ближнихъ. Путь чрезвычайно трудный и опасный! какъ, въ самомъ дѣлѣ, подражая безразсудству самыхъ низкихъ людей, сохранить всегда возвышенный духъ, стремящійся къ Богу? какъ, непрестанно ругаясь міру, обнимать, однако-же, всѣхъ совершенною любовію? какъ уберечь себя отъ духовной гордости тому, кто переноситъ столько оскорбленій и лишеній, сознаетъ, что все это терпитъ онъ невинно и что онъ совсѣмъ не то, за что почитаютъ его невѣжды? Такимъ образомъ, предстоитъ въ дальнѣйшемъ,—насколько возможно точно и обстоятельно, раскрыть сознательность и нравственное достоинство „юродства“, объяснить всѣ тѣ черты, которыя являются характеристическими

необычайнаго образа жизни юродивыхъ, и которыя въ глазахъ людей, живущихъ по общепринятымъ, ходячимъ правиламъ гражданскаго приличія, людей, такъ называемыхъ цивилизованныхъ, могутъ возбуждать сомнѣніе относительно внутренней законности и цѣлесообразности подвига „юродства“,—а именно: наружное сознательное отреченіе отъ пользованія разумомъ, составляющимъ высшее отличіе и преимущество человѣка, видимо неблагопристойное отреченіе отъ всѣхъ внѣшнихъ правилъ и законовъ гражданскаго общежитія, полное презрѣніе къ принятымъ въ свѣтѣ приличіямъ, лишеніе себя всякихъ дозволенныхъ благъ и невинныхъ радостей. Далѣе,—слѣдуетъ раскрыть, какъ въ жизни этихъ святыхъ послѣдователей Христа проявлялись всѣ христіанскія добродѣтели, завѣщанныя въ святомъ Евангеліи, въ частности: любовь къ Богу и ближнимъ до самоотверженія, стояніе за правду до смерти, незлобіе и терпѣніе при невинныхъ страданіяхъ, нестяжательность, воздержаніе, усердіе къ молитвѣ и пр. и пр. „Столпничество“ же, какъ одинъ изъ тѣхъ узкихъ и скорбныхъ путей, которыми царствіе небесное нудится, какъ одна изъ тѣхъ аскетическихъ формъ, угодныхъ Богу, въ которыхъ выражается стремленіе достигнуть возможнаго нравственнаго совершенства, нуждается въ выясненіи своей сознательности и права занять одно изъ первыхъ мѣстъ высшаго христіанскаго аскетизма. Поэтому, чтобы правильно судить объ этомъ великомъ, изумительномъ и необычайномъ подвигѣ необходимо разсмотрѣть причины и цѣли, побуждавшія столпниковъ уклоняться отъ обыкновенной подвижнической жизни и предпринимать новый, чрезвычайно тяжкій и оригинальный образъ жизни, показать, что въ подвигѣ столпостоянія не заключается никакой несообразности съ природою человѣка, какого мнѣнія могутъ держаться только тѣ, которые или невѣрно смотрятъ на природу человѣка или потому, что о „столпничествѣ“ судятъ по своимъ силамъ, далѣе, справедливо рѣшить вопросъ—согласно ли оно съ духомъ христіанской вѣры, въ виду того, что всѣ дѣйствія должны быть совершаемы въ духѣ вѣры, иначе и ве-

ликіе въ очахъ людей подвиги не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ?

Затѣмъ, такъ какъ „юродство“ и „столпничество“ суть подвиги христіанскіе и, значитъ, какъ и всякій подвигъ, принимаются, во-первыхъ, въ интересахъ личнаго спасенія и совершенствованія, во-вторыхъ,—такъ какъ святые юродивые живутъ въ обществѣ и служатъ ему, а святые столпники вліяютъ на него и сгруппировываютъ около своихъ столповъ цѣлыя монастырскія общины, то подвиги эти должны быть предметомъ разсмотрѣнія и съ точки зрѣнія общественнаго служенія принявшихъ ихъ.

Въ виду же того, что эти подвиги вызывались самою жизнію общества, ибо святые юродивые въ своемъ особенномъ служеніи были полезными членами гражданскаго общества, а святые столпники поборниками истиннаго благочестія въ церкви, которое въ V вѣкѣ видимо ослабѣвало,—они должны быть также разсматриваемы и какъ явленія историческія.

Имена святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ вписаны въ небесную книгу жизни, и святая церковь прославляетъ ихъ въ числѣ святыхъ Божіихъ, благоугодившихъ Богу своею жизнію. При жизни своей, нерѣдко окруженные помимо воли своей ореоломъ славы и поклоненія, эти святые подвижники и по отшествіи изъ этого міра не умерли безслѣдно,—память о нихъ не изглаживается изъ сердецъ народа и многими десятилѣтіями и даже столѣтіями передается потомству изъ устъ въ уста. Они являются для него вѣрными путеводителями въ поискахъ вѣчной Истины, остающейся неизмѣнною среди общей измѣнчивости преходящихъ феноменовъ жизни. Они признаются и почитаются имъ какъ живые образцы того возможнаго для ограниченной человѣческой природы духовнаго совершенства, которое состоитъ въ единеніи индивидуальной человѣческой души съ Божествомъ и достигается лишь при содѣйствіи даровъ благодати Божіей. Отсюда ясно, что жизнь каждого святого поучительна тѣмъ, что въ ней отчетливо замѣчается и дѣйствіе благодати Божіей на человѣческую душу и не-

исповѣдимые пути Прѣмысла Божія, равно попечительнаго о жизни каждаго человѣка, какъ и о судьбахъ всего міра; отсюда понятно,—почему житія святыхъ были предметомъ любимаго чтенія особенно русскаго народа, который находилъ въ нихъ немало нравственныхъ наставленій, необходимыхъ для непреткновеннаго восхожденія по степенямъ духовнаго совершенства, для нравственнаго преуспѣянія христіанина въ мѣру полнаго возраста Христова ¹²⁾). Вотъ основаніе для обстоятельнаго изученія жизни избранныхъ нами святыхъ подвижниковъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, жизнь всякаго вообще человѣка представляетъ собою всегда предметъ достойный изученія, такъ какъ въ жизни человѣка, этого малаго міра, отражается волей-неволей жизнь великаго міра, жизнь вселенной, жизнь человѣчества. И чѣмъ полнѣе отдѣльный человѣкъ отражаетъ въ своей жизни эту другую жизнь, чѣмъ вѣрнѣе понимаетъ ее и это пониманіе выражаетъ въ дѣйствіяхъ своихъ, направленныхъ не только къ попутному плаванію, но и къ усовершенствованію жизни; тѣмъ болѣе, безъ сомнѣнія, представляетъ научный интересъ жизнь такого человѣка, который обратилъ на себя вниманіе потомства, давъ ему образецъ жизни. Въ этомъ, кажется, причина—почему жизнь великихъ людей всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, не смотря на степень ихъ культурнаго развитія, обращала на себя такое преимущественное вниманіе. Но отсюда сама собою вытекаетъ и вся трудность жизнеописаній и ихъ изученія. Человѣкъ—не владыка вселенной, могущій по своему произволу распоряжаться матеріалами и обстоятельствами жизни. Онъ, безспорно, одаренъ отъ своего Творца великимъ умомъ и свободной волей, въ силу которыхъ можетъ повелѣвать обстоятельствами, свободно опредѣлять себя къ дѣйствию. Но при всемъ томъ, его свобода самоопредѣленія не неограниченная. По мѣткому выраженію Бэкона, человѣкъ, чтобы повелѣвать природою, прежде всего долженъ умѣть повиноваться ей. Печать зависимости отъ окружающаго міра

¹²⁾ Ефес. IV, 13.

физическаго и нравственнаго въ его разнообразныхъ видахъ лежитъ на человѣкѣ отъ его колыбели до могилы. Нельзя не признать за безспорную истину то положеніе современной нравственной статистики, что всею человѣческою жизнію заправляютъ два закона: законъ потребностей и законъ силъ. И какъ не вполне самопроизвольно человѣкъ создаетъ свои потребности, такъ точно не исключительно самъ собою создаетъ онъ и свои силы. Въ томъ и другомъ онъ обусловливается средой, и эта среда вліяетъ на него не только при рожденіи, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ жизнію наслѣдуетъ отъ родителей задатки физической и нравственной своей природы, не только въ дѣтствѣ и юности, когда его воспитываютъ и обучаютъ и когда, слѣдовательно, развиваютъ въ немъ извѣстныя физическія и нравственныя силы, но даже въ періодъ самой высшей зрѣлости его духа и тѣла. Человѣкъ, однимъ словомъ, никогда и никакъ не можетъ вполне отдѣляться отъ вліянія среды, въ которой онъ живетъ. Поэтому-то, задача жизнеописаній должна заключаться не въ изображеніи только дѣяній даннаго человѣка, только внѣшнихъ проявленій его личности. но притомъ и въ изображеніи среды, въ которой онъ жилъ и тѣхъ вліяній, которыя оказывала среда на даннаго человѣка и данный человѣкъ на среду. Задача жизнеописателя въ томъ и состоитъ именно, чтобы прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное нравственное развитіе описываемой личности въ ея полнотѣ и цѣлостности. Это требованіе нельзя предъявить тѣмъ литературнымъ пособіямъ, какими мы пользовались при изученіи подвиговъ „юродства“ и „столпничества“, отчего увеличивалась трудность обстоятельной разработки данной темы. Правда, историческаго матеріала бездна; отдѣльныя жизнеописанія святыхъ юродивыхъ и столпниковъ часто являются въ духовной литературѣ въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ. Въ этомъ отношеніи у насъ, можно сказать, никогда не было застоя. Причина процвѣтанія этого рода литературы заключается какъ въ томъ, что члены православной церкви любятъ читать вообще житія святыхъ, такъ, и еще болѣе, въ томъ, что со-

ставленіе этихъ житій не представляетъ собою большихъ трудовъ и не требуетъ спеціальной подготовки. Для этой цѣли довольно взять чѣты-минеи, изложить общеупотребительнымъ языкомъ заключающіяся тамъ свѣдѣнія, пополнить готовыя уже данныя еще кой-какими сказаніями, разсѣянными въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Тутъ вся задача въ томъ, чтобы представить полныя и подробныя свѣдѣнія и обрисовать нравственную личность святого возможно отчетливѣе. Оттого всѣ эти жизнеописанія отличаются однообразіемъ и монотонностію, такъ что многочисленные и разнообразные пути ко спасенію сводятся здѣсь на одну дорогу, и эта дорога—заключается, какъ будто единственно, въ тѣсной, замкнутой, сурово аскетической жизни. Если такія жизнеописанія были въ большомъ ходу въ прежнее время и теперь пользуются благочестивымъ вниманіемъ не малаго числа читателей, то тѣмъ не менѣе они далеко не удовлетворяютъ читателей, желающихъ видѣть въ святомъ кромѣ воздѣйствія на него благодати Божіей, привлеченной святостію его жизни, и обыкновенную сторону его жизни, въ кругу извѣстныхъ обстоятельствъ и въ естественной связи и зависимости отъ послѣднихъ. Человѣкъ никогда не можетъ быть свободенъ, какъ видѣли, отъ вліянія той эпохи, въ которую живетъ. Она кладетъ неизгладимую печать на его развитіе и нравственный характеръ. Какое же послѣ этого мы имѣемъ право отрывать жизнь праведника отъ общей жизни современниковъ и представлять её идущую своимъ изолированнымъ путемъ? нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ праведности, къ святости неотъемлемо принадлежитъ самому святому, но форма, въ которой отобразилась эта святость, носитъ на себѣ много общаго, параллельнаго, такъ сказать, съ жизнію современниковъ святого. Далѣе, жизнеописаніе тогда только будетъ истинно поучительно для живущаго въ мірѣ, когда оно не ограничится только разъясненіемъ его высокой праведности, а покажетъ первые, начальные подвиги вообще людей, посвятившихъ себя Богу, вступившихъ на путь спасенія. Вѣдь, не вдругъ сдѣлались

они праведниками, а мало-по-малу, шагъ за шагомъ, постоянно, быть можетъ, спотыкаясь, падая и опять возста-
вая. Сколько разъ, быть можетъ, они готовы были оста-
вить начатое ими дѣло спасенія и броситься опять въ объятія
шумной мірской жизни, и только благодать Божія укрѣп-
ляла и поддерживала ихъ? какъ же можно учить о спа-
сеніи, не показавъ вполнѣ того пути, по которому идутъ
спасающіеся? необходимо и описать этотъ путь съ начала
до конца, съ первыхъ слабыхъ усилій идти по этому пути
до послѣднихъ высокихъ подвиговъ, съ первыхъ, неров-
ныхъ, робкихъ, спотыкающихся шаговъ, до послѣдней, твер-
дой, смѣлой поступи человѣка, уже приближающагося къ
цѣли. Иначе,—какое же будетъ жизнеописаніе святого,
когда въ немъ говорится о томъ только, что онъ родился
тогда то, отъ такихъ то родителей, съ самыхъ раннихъ
лѣтъ показывалъ въ себѣ любовь къ подвижнической жизни
и, потомъ, когда позволили обстоятельства, удалился въ
пустыню; и здѣсь, обыкновенно начинаютъ описывать его
подвиги и чудотворенія, какъ будто они начались вдругъ,
сами собою, по какому-то чуду, безъ долговременной борьбы,
усилій, побѣдъ надъ собою. Всѣ подобнаго рода жизнеопи-
сатели святыхъ подвижниковъ заботятся лишь о томъ,
чтобы сообщить читателямъ какъ можно болѣе рассказовъ
о чудесахъ святого, думая, что этимъ самымъ они не только
возбуждаютъ въ читателяхъ особое благоговѣніе къ Господу
Богу, дивному во святыхъ своихъ, но подѣйствуютъ и на
самую жизнь ихъ благотворнымъ образомъ. Но этого то
послѣдняго и не бываетъ, потому что читатели, поражаясь
чудесами святого, благоговѣя предъ высокимъ образомъ
нравственной его жизни, не знаютъ, какъ и съ чего на-
чать имъ подражаніе жизни святого, какъ подступиться со
своими парализованными грѣхомъ силами къ этому дивному
сосуду благодати Божіей, къ мужу пришедшему въ мѣру
возраста Христова, и остаются такими же, какъ были
прежде, подобно спутникамъ Савла, которые будучи ослѣп-
лены молніею, поражены громомъ, повержены на землю,
остались такими же невѣрующими, потому что слышали

громъ и видѣли молнію, но не способны были слышать голоса Іисуса Христа, преобразившаго Савла изъ гонителя въ проповѣдника вѣры Христовой. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ читателей способны, подобно Савлу, вынести изъ чудотвореній, кромѣ особаго поразительнаго и уничтожающаго впечатлѣнія, и самую вѣющую въ нихъ благодатную силу Божію, но мы говоримъ о большинствѣ.

Такого рода и представляютъ изъ себя тѣ житія святыхъ, которыя мы просмотрѣли въ надеждѣ найти въ нихъ, помимо описанія жизни, — и объясненія подвиговъ: „юродство“ и „столпничество“.

1) Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковію, Филарета, архіепископа Черниговскаго (Гумилевскаго) изданіе Тузова. Спб. 1892 г. 12 книгъ.

2) Житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству четіихъ-миней. А. Н. Бахметевой. Москва. 1886 г. 4 книги.

3) Житія святыхъ, составленныя по руководству четіихъ-миней С. Извольскимъ. 12 книгъ съ прибавленіемъ 13-ой книги пролога. Москва. 1884 г.

4) Житія святыхъ, празднуемыхъ православно-греко-россійскою церковію. и сказанія о всѣхъ праздникахъ и чудотворныхъ иконахъ Богородицы, съ тропарями и изображеніями святыхъ, праздниковъ и иконъ. Свящ. Бухаревъ. Москва. 1897 г.

5) Житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству четіихъ-миней и пролога. Стратилатова. Москва. 1862 г.

6) Цвѣтникъ Пѣшношскій. Подвижники благочестія Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. Прот. В. Рудневъ. Москва. 1898 г.

7) Святый Андрей Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Архіеп. Сергій Владимірскій. Спб. 1898 г.

8) О жизни святаго Іоанна юродиваго, Московскаго чудотворца. Москва. 1862 г.

9) Блаженный Исидоръ Христа ради юродивый, Ростовскій чудотворецъ. Ярославль. 1884 г.

10) Житіе и чудеса праведнаго Лаврентія, Христа ради юродиваго Калужскаго чудотворца. Калуга. 1891 г.

11) Жизнь преподобнаго Трифона и блаженнаго Прокпія Вятскихъ чудотворцевъ. Вятка. 1893 г.

12) Жизнь и чудеса блаженнаго Николая Кочанова, Христа ради юродиваго, Новгородскаго чудотворца. Москва. 1891 г.

13) Сказаніе о житіи и чудесахъ преподобнаго Михаила Клопскаго, Христа ради юродиваго, пожившаго во обители Живоначальныя Троицы, на мѣстѣ, нарицаемомъ Клопско, въ области великаго Нова-града; писано по благословенію преосвящ. Архіеписк. Макарія того же великаго Нова-града въ лѣто міра 7045, отъ Рождества же Христова 1537, нѣкіимъ благороднымъ и благоговѣйнымъ мужемъ Арсеніемъ, нынѣ же сокращенно и преложенное. СПБ. 1877 г.

14) Бѣлянкинъ. Сказаніе о жизни и чудесахъ святаго Василия блаженнаго Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца. Москва. 1884 г. Въ этомъ сочиненіи перечисляются источники, изъ которыхъ заимствована жизнь святаго Василия: а) исторія государства російскаго Карамзина т. VI; СПБ. 1871 г., б) Θεодосій (33-ій) митрополитъ Московскій. Исторія церковная краткая, сочиненіе митрополита Платона, с) слѣдованная псалтирь, d) историческій словарь о святыхъ, 1836 г., е) полный мѣсяцесловъ 1818 г., h) лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей. Москва 1788 г., i) Прологъ, k) опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ святой непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ, l) четіи-минеи, m) степенная книга ч. 2 степ. 17, n) географическій словарь ч. 2, o) московскія вѣдомости 1836 г. № 94, p) исторія русскаго народа, сочин. И. Полевого, т. V, q) книга, писанная уставомъ: „чудеса святаго Василия Блаженнаго, хранящаяся въ библіотекѣ при Покровскомъ и святаго Василия Блаженнаго соборѣ, r) святцы, напечатанные въ лѣто 7156, отъ Р. Хр. въ 1648 г., въ

3-е лѣто царствованія государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Русіи.

15) Протоіерей І. Поспѣловъ. Блаженный Симонъ, Христа ради юродивый Юрьевецкій чудотворецъ. Кострома. 1891.

16) Житія св. Ѳеодора, Николая и Михаила Новгородскихъ юродивыхъ, помѣщенныя въ Новгородскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1898 г. въ № 14, 21 и 24.

17) Епископъ Киріонъ. Жизнь и подвиги преподобнаго Антонія столпника, чудотворца Марткопскаго. Тифлисъ. 1899 г.

18) А. Ѳ. Семеновъ. Житіе преп. Симеона Дивногорца, по мюнхенской греческой рукописи XI вѣка. Кіевъ. 1898 г.

19) Житіе преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Симеона Столпника (1 Сент.) 1901 г. Москва.

✓ Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ преобладаетъ вліяніе нашего Пролога и Четіихъ-Миней святого Димитрія, митрополита Ростовскаго, послужившихъ и для настоящаго изслѣдованія главными пособіями.

Прологъ. Прологи (Буслаевъ пишетъ — прологъ), 2 книги,—назидательное и полезное сочиненіе, ошибочно такъ названное. Собственно прологъ есть синаксарь святыхъ, т. е. собраніе краткихъ повѣстей о святыхъ. Прологомъ же его назвали по предисловію (*πρόλογος*) къ синаксарю.

Слово *πρόλογος*—введеніе къ книгѣ показываетъ по словамъ Срезневскаго, что славяно-русскій прологъ обязанъ своимъ происхожденіемъ греческимъ источникамъ (свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ I, 11—13. 1867 г.). Онъ переведенъ въ Болгаріи и перенесенъ оттуда въ Россію. Древнѣйшіе его списки относятся къ XII в., но несомнѣнно, говоритъ профессоръ Петровъ, что они существовали уже въ XIII вѣкѣ (о составѣ и происхожденіи славяно-русскаго печатнаго пролога; проф. Петровъ. Кіевъ. 1875 г. стр. 1). Прологи, кромѣ множества бесѣдъ и словъ отцевъ церкви и другихъ проповѣдниковъ, предлагаютъ самое разнообразное чтеніе въ назидательныхъ повѣствованіяхъ изъ Патериковъ, житій святыхъ, отъ

Старчества и пр. Въ прологѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія сказанія: подѣ 2-мъ октябрю—слово о святомъ Андреѣ, како ему сотворися Христа ради юродство; подѣ 3-мъ октябрю—слово о святомъ Андреѣ юродивомъ; подѣ 4-мъ октябрю—о Андреѣ, како въ видѣніи глагола ему Христосъ о юродствѣ и о вѣчной жизни; подѣ 5-мъ октябрю—слово отъ житія св. Андрея и Епифанія; подѣ 8-мъ октябрю—о діаконѣ Рафаилѣ; подѣ 13-мъ октябрю—о милостыни св. Андрея юродиваго; подѣ 15-мъ октябрю—о святомъ Андреѣ, како видѣ богатаго умерша; подѣ 16-мъ октябрю—о святомъ Андреѣ, како моляшеся Господеву за творящихъ ему пакости, и како видѣ рай; подѣ 25-мъ октябрю—о нѣкомъ блудницѣ умершемъ; подѣ 4-мъ декабрю—о черноризцѣ, его же изытъ блаженный Андрей отъ діавола; подѣ 27-мъ апрѣля помѣщается „слово о Исакіи монашѣ, его же прельсти діаволъ, и паки укрѣпився и побѣди діавола, и милость Божію получи“. Проф. Петровъ приписываетъ древнему русскому прологу значеніе энциклопедическаго сборника религіозныхъ свѣдѣній нашихъ предковъ (тамъ-же стр. 11).

Четии-Минеи св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Онъ началъ писать сентябрьскую четверть четіихъ-миней въ іюнѣ 1684 года въ Кієво-печерской лаврѣ, а окончилъ свои занятія 9 февраля 1705 г., когда „помощію Божією и Пречистыя Богоматери, и всѣхъ святыхъ молитвами мѣсяцъ августъ написася“ (житіе св. Димитрія, митр. Ростовскаго. Москва. 1852 г. стр. 25). Вообще надо сказать, агіографическія произведенія были самымъ распространеннымъ родомъ нашей древней письменности и для нашихъ предковъ составляли не только любимѣйшее чтеніе, но, и можно сказать,—единственное чтеніе, такъ какъ при своемъ нравственно-назидательномъ характерѣ, они имѣли несомнѣнно практическое значеніе, будучи лучшимъ родомъ проповѣди (Я. Амфитеатровъ, чтенія о церковн. словесн. ч. I, стр. 268). Они замѣняли собою живую проповѣдь, которая на Руси преслѣдовалась (Истор. русск. ц. Филарета, архіеп. Черниговскаго, т. III стр. 139—142). Въ нихъ безпрепятственнѣе

можно было указывать недостатки общества и подъ видомъ похвалы святому проводить такіе взгляды, которые не могли быть, по извѣстнымъ причинамъ, высказаны прямо, открыто; и когда русскіе архипастыри не могли отъ своего лица дѣлать прямого обличенія господствующему пороку, опасаясь преслѣдованій власти или окружавшей среды, тогда они обыкновенно пользовались житіями святыхъ, которыхъ читали въ церкви и списки ихъ распространяли въ народѣ. Личность проповѣдника-обличителя въ этомъ случаѣ сама собою терялась; обличенія такого рода не были слишкомъ рѣзки, но цѣль вполне достигалась. Житія святыхъ, замѣняя собою недостатокъ русской проповѣди, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ и, служа въ тоже время нравственной пользѣ народа, были во всѣ времена наиболѣе понятнымъ и любимымъ чтеніемъ. Чтеніе житій было тогда единственною проповѣдію народу, когда онъ приходилъ въ церковь. Въ нихъ онъ находилъ и православную догматику и христіанскую этику и даже полемику православной церкви и въ живыхъ изображеніяхъ добродѣтелей онъ получалъ себѣ образцы для подражаній,—и писатели житій святыхъ не опускали ни одного случая, чтобы не вывести изъ него христіанскаго наставленія. Такъ, призывая почитать память преподобнаго, они убѣждали своихъ слушателей и читателей подражать ему въ своей жизни и долго останавливались на этихъ примѣрахъ изъ жизни святого, которые касались вопросовъ времени, чтобы похвалою добродѣтелей святого поразить недостатки современнаго общества и тѣмъ вызвать слушателей къ исправленію. Описаніе жизни строгаго подвижника всегда давало случай похвалить нестяжательность. Описаніе жизни князя или инока, вышедшаго изъ княжескаго боярскаго рода, давало составителю случай говорить о ничтожности внѣшней мірской славы предъ славою небесною,—объ обязанностяхъ великаго князя къ церкви и государству, обличать своеволіе бояръ, какъ на примѣръ, въ житіи св. Михаила Клопскаго и пр. (Прав. собесѣдн. 1859, II, III). Отсюда можно сдѣлать смѣлое предположеніе, что житія святыхъ служили прежде тѣмъ, что

теперь у насъ извѣстно подъ именемъ „системы нравственнаго богословія“, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въдѣ и составители руководствъ по нравственному богословію, которое въ видѣ системы существуетъ у насъ только съ половины XVIII вѣка, естественно въ изложеніи нравственнаго ученія пользовались житіями святыхъ, писаніями подвижниковъ благочестія и т. п., хотя, правда, въ погонѣ за систематизированіемъ, упускали изъ виду самое главное—то, что нравственная жизнь христіанина есть какъ бы органическое цѣлое, развивающееся изъ одного усвоеннаго душѣ начала—духа Христова, благодати Божіей, дѣйствующей въ возрожденномъ человѣкѣ и что многія обязанности, на самомъ дѣлѣ не суть обязанности, а чувства, неизбежно появляющіяся въ душѣ при извѣстномъ ея состояніи, отчего и не получалось психологическаго элемента въ руководствахъ по нравственному богословію, и внутреннее изображеніе жизни благодатствованнаго человѣка въ нихъ отсутствовало, т. е. какъ она зарождается, развивается и укрѣпляется при помощи богодарованныхъ средствъ, разнообразится, при единствѣ внутренняго основанія по разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, имѣетъ свои переходныя ступени отъ совершенства къ совершенству, такъ же какъ и уклоненія къ злу¹³⁾.

Но современная западная наука или вовсе не касается житій святыхъ или, еще хуже, относится къ нимъ сомни-

¹³⁾ Такимъ характеромъ отличаются опыты изложенія нравственнаго ученія Теофилакта, епископа Коломенскаго (*orthodoxa orientalis Ecclesiae doctrina de credendis et agendis*; первое изданіе 1748 г. въ Лейпцигѣ, второе—въ 1888 г. въ СПБ.), который, по замѣчанію архіепископа Филарета, не вездѣ оригиналенъ и часто слѣдуетъ Буддею и Шуберту (Обзоръ русск. дух. литер. 1720—1858 г., изд. I, стр. 106); митрополита Гавріила: „краткое христіанское нравоученіе“. СПБ. 1769 г., Иннокентія, епископа Пензенскаго: „дѣятельное богословіе“, прот. Іоакима Кочетова: „черты дѣятельнаго ученія вѣры“ 1824 г., протоіерея П. Солярскаго: „записки по нравственному богословію“ 1860—1862 г. и т. п. На основаніи указанныхъ системъ нравственнаго богословія невозможно ясно и точно составить себѣ понятіе о нравственномъ ходѣ духовнаго развитія человѣка въ виду объективности и схоластичной дробности изложенія. Въ этомъ отношеніи сочиненія преосвященнаго Феофана—завторника, оригинальнаго писателя, проникнутыя однимъ аскетическимъ духомъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго, такъ какъ раскрываютъ строй духовной жизни возрожденнаго человѣка во всей его постепенности.

тельно. Сомнительность въ исторической достовѣрности житій святыхъ съ запада прокралась и въ наше современное цивилизованное общество. Западная наука въ ученіи о святыхъ, какъ извѣстно, со временъ Лютера порѣшила, что необычайное въ жизни святыхъ излишне, ихъ подвиги для спасенія не нужны, а все чудесное въ ихъ жизни—сомнительно и представляетъ не болѣе не менѣе, какъ легенду.

Разсмотримъ вкратцѣ положенія нѣмецкихъ ученыхъ. Они, во первыхъ, относятся недовѣрчиво къ необыкновеннымъ подвигамъ угодниковъ Божіихъ.

Но развѣ библейскіе святые не были необыкновенными подвижниками (напр. Моисей постился сорокъ дней, пророкъ Ілія, Іона тоже были великіе постники), извѣстно, что они скитались въ необитаемыхъ мѣстахъ, пустыняхъ (прор. Ілія), вели странный образъ жизни (пророки) и пр., и развѣ не заповѣдалъ Іисусъ Христосъ всѣмъ ищущимъ царства небснаго идти къ нему узкимъ путемъ и прискорбнымъ, путемъ самоотверженія, креста и страданій, ясно возвѣщая, что широкій путь самоугожденія ведетъ человѣка въ вѣчную погибель.

Во вторыхъ, нѣмецкихъ богослововъ смущаетъ явленіе чудесъ въ жизни святыхъ.

Но, вѣдь, Спаситель ясно предсказалъ, что вѣрующіе въ Него „именемъ Его бѣсы ижденуть, языки возглаголютъ новы: змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ не вредить ихъ; на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ (Мр. XVI, 17, 18); вообще, что вѣрующіе во Христа совершаютъ дѣла, какія Онъ Самъ творилъ, но даже и больше (Іоан. XIV, 12).

Въ третьихъ, нѣмецкимъ ученымъ представляются невѣроятными явленія ангеловъ и духовъ злобы, описанныя въ житіяхъ святыхъ.

Но въ этомъ не должно быть никакихъ сомнѣній въ виду того, что въ священномъ писаніи изображено множество явленій духовъ очамъ святыхъ людей и злокозненныхъ дѣйствій ангеловъ тьмы.

Наконецъ, послѣдній вопросъ касается исторической достовѣрности самыхъ повѣствованій четій-миней.

Этотъ вопросъ весьма удовлетворительно рѣшается самими же четьи-минейми. Издавая свои четьи-миней святой Димитрій Ростовскій говорилъ: „да не будетъ ми еже лгати на святаго“. Эти слова ясно намекаютъ на то, что святой Димитрій, при составленіи своего громаднаго произведенія, старался въ житіяхъ святыхъ отдѣлять историческую истину отъ вымысловъ ¹⁴⁾. Святой Димитрій Ростовскій, долгое время занимаясь разборомъ огромныхъ миней Макарія ¹⁵⁾, въ свои четьи-миней помѣстилъ только тѣхъ святыхъ первыхъ VII вѣковъ, о которыхъ повѣствовали древніе церковные историки: Евсевій, Памфилъ, Сократъ, Созоменъ, Евагрій, Руфинъ и др., а также и св. отцы: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Софроній, патріархъ Іерусалимскій, Григорій Двоесловъ, Ѳеодоритъ Кирскій и пр., святые подвижники: Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Лѣствичникъ. Для послѣдующихъ вѣковъ св. Димитрій Ростовскій пользовался сочиненіями св. Іоанна Дамаскина, преподобныхъ Іосифа и Ѳеодора Студитовъ, Іосифа Пѣснописца, Ѳеофана Начертаннаго, Никифора Каллиста, Симеона Метафраста и др. Были подъ его руками и Лавсаикъ Палладія Елеонопольскаго, Лугъ Духовный Іоанна Мосха, патерики и пр. За свѣдѣніями о лицахъ библейскихъ онъ обращался не къ одной только Библии, но и къ толкованіямъ на нее древнихъ св. отцевъ, въ библейскихъ изъясненіяхъ своихъ записавшихъ устные преданія церкви о библейскихъ святыхъ. Проф. Петровъ говоритъ, что св. Димитрій Ростовскій пользовался и Про-

¹⁴⁾ Вслѣдствіе недостатка въ старинномъ русскомъ обществѣ научной христіанской критики для агіобіографіи сталъ въ ней часто вкрадываться легендарный элементъ,—являлись разныя неисторическія черты въ изображеніи личности и подвиговъ того или другого святого, допускалась ошибочность въ хронологическихъ обозначеніяхъ и другіе виды искаженій истины; апокрифы вносились въ четьи-миней, такъ митроп. Макарій апокрифическое сказаніе о Вавилонѣ помѣстилъ въ своихъ четіихъ-минейхъ подъ 17-мъ декабря. ¹⁵⁾ Онъ въ 1552 г. закончилъ громадный сборникъ извѣстныхъ тогда книгъ историческихъ, поучительныхъ и назидательныхъ, получившій названіе „великія четіи-миней“.

логомъ при составленіи четій-миней, но пользовался имъ съ разборомъ и дополнялъ его свѣдѣніями изъ римскихъ мартирологовъ, изъ *Acta sanctorum* Болландистовъ и пр. (о происхожд. и сост. слав. русск. печ. пролога Н. Петрова. Кіевъ. 1875 г., стр. 7). Мудро пользуясь всѣмъ означеннымъ матеріаломъ, св. Димитрій Ростовскій, кромѣ общаго изслѣдованія источника въ повѣствованіи о святыхъ, отмѣчалъ въ самыхъ житіяхъ, на поляхъ, откуда что именно взято.

Но кромѣ исторической достовѣрности сказаній св. Димитрій дорожилъ и нравственнымъ значеніемъ разсказываемыхъ имъ событій и дѣйствій, стараясь выставить, оттъннить это значеніе, направляя весь свой разсказъ къ тому, чтобы преподать читателю какой нибудь нравственный урокъ. Въ нихъ можно найти множество нравственныхъ наставленій, высказанныхъ устами святыхъ мужей.

Въ этихъ наставленіяхъ указываются средства къ нравственному преспѣянію христіанина и возведенію его на высшую ступень нравственнаго совершенства. Конечно, назидательность и убѣдительность этихъ наставленій зависятъ много отъ того, что онѣ высказываются устами опытнаго христіанскаго подвижника, котораго жизнь есть оправданіе его правилъ и наставленій.

Поэтому, какъ бы ни были высоки эти правила, какъ бы ни тяжелы казались въ исполненіи,—они становятся доступными для насъ, послѣ того, какъ изрекли ихъ мужи, сильные словомъ и дѣломъ, извлекая ихъ не изъ холоднаго умозрѣнія, но изъ опытной духовной мудрости. А насколько строго относились къ изданіямъ четіихъ-миней св. Димитрія Ростовскаго, это видно изъ замѣчанія Горскаго. Послѣ перваго изданія четій-миней въ сентябрѣ 1705 года, второе съ нѣкоторыми поправками самого сочинителя и другихъ, напечатано въ Кіевѣ съ 1711—1718 г. Но послѣ этого Святѣйшій Синодъ, въ первый разъ отъ себя предпринимая изданіе этихъ книгъ въ общее назиданіе, нашелъ нужнымъ вновь подвергнуть ихъ внимательнѣйшему пересмотру. Почему, съ соизволенія Императрицы Елизаветы Петровны,

въ 1745 году, поручилъ это дѣло архимандриту Кіево-печерской лавры Тимоѳею Щербацкому съ другими кіевскими учеными, основательно знающими богословіе, церковную исторію и греческій и латинскій языки. Исправителямъ вмѣнено было въ обязанность обратить вниманіе на то, — не имѣется ли въ четіихъ-минейхъ чего нибудь противнаго священному Писанію, догматамъ вѣры и церковнымъ преданіямъ, также чего нибудь исторически сомнительнаго, невѣроятнаго, — и усмотрѣнныя погрѣшности представить Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе. Но Щербацкій только въ 1754 году представилъ нѣкоторыя свои замѣчанія, отказавшись отъ дальнѣйшаго труда. Потому Святѣйшій Синодъ возложилъ окончаніе этого дѣла на ректора новгородской семинаріи, хутынскаго архимандрита Іоасафа Миткевича (впослѣдствіи бѣлорусскаго епископа) и александровскаго іеродіакона Никодима. Самое изданіе исправленныхъ такимъ образомъ четій-миней вышло въ Москвѣ въ 1759 году. (Горскій. Св. Димитрій Митрополитъ Ростовскій. Москва. 1849 г., стр. 129).

Объяснить недовѣріе протестантовъ къ житіямъ святыхъ можно очень просто. Лютеръ самъ усиливался достигнуть святости необычайною борьбою съ своими дурными наклонностями. Но, лишенный благодатной помощи за гордость, которой онъ, можно сказать, и не искалъ, въ результатъ своего аскетизма онъ видѣлъ себя тѣмъ же чувственнымъ и страстнымъ человѣкомъ, какимъ вступилъ и въ монастырь. Тогда, вообразивъ, что ему довольно собственнаго несчастнаго опыта къ уразумѣнію величайшаго таинства, — какъ благодатію Божіею, при содѣйствіи человѣческой свободы, содѣлывается спасеніе человѣка, бывшій монахъ отринулъ монашество и вступилъ въ міръ съ тѣмъ окончательнымъ убѣжденіемъ, что внутренняго освященія нѣтъ, а есть только освященіе внѣшнее, или вмѣненіе человѣку безконечныхъ заслугъ Христовыхъ чрезъ вѣру. Послѣдователи Лютера, принявъ это положеніе своего учителя за основное начало своего богословія, естественно могли отвергнуть вѣру во всѣ подвиги святыхъ, и если какихъ изъ нихъ

нельзя было опровергнуть исторически, на тѣ стали смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ на дѣло мнимаго религіознаго фанатизма. Отвергнувъ основное чудо христіанства—благодатное возрожденіе падшаго человѣка и претвореніе его въ новаго, протестантство не видѣло уже никакой нужды во внѣшнихъ чудесахъ и, признавъ ихъ только свидѣтельствомъ истинности религіи, которое было необходимо при введеніи ея въ міръ, оно отвергло ихъ, какъ выраженіе ея божественной въ мірѣ силы, и всѣ сказанія о чудесахъ святыхъ отнесло къ сказаніямъ, составленнымъ фантазіею. Вотъ тѣ отношенія, въ какихъ протестантство, оторвавшись отъ лона Вселенской церкви, стало къ міру святыхъ Божіихъ, этому сѣмени истиннаго христіанства, которое до тѣхъ поръ пребудетъ на землѣ, пока пребудетъ и святая церковь!

Кіево-Печерскій патерикъ. Кіево-печерская лавра воспитала первыхъ угодниковъ у насъ Божіихъ и притомъ въ раннее время. Первымъ собирателемъ жизнеописаній отечественныхъ святыхъ былъ преподобный Несторъ лѣтописецъ, жившій, какъ полагаютъ, въ концѣ XI и въ началѣ XII в.; его трудъ продолжали печерскій инокъ Поликарпъ и печерскій же постриженникъ епископъ Симонъ. Само собою понятно, что патерикъ, или отечникъ, заключаетъ свѣдѣнія, да и то не о всѣхъ, объ инокахъ кіевопечерскихъ. Кубаревъ (въ журн. мин. нар. просв. 1838 г. ч. XX, стр. 1—34) и преосвященный Макарій (изв. 2-го отд. академіи наукъ V, 9) обстоятельно разобрали патерикъ. По ихъ изысканіямъ видно, что патерикъ имѣлъ въ виду одну цѣль—представить рядъ жизнеописаній св. печерскихъ отцевъ для назидательнаго чтенія христіанъ.

Въ историческомъ отношеніи патерикъ наиболѣе достойный источникъ нашей древней письменности. Преосвященный Макарій въ своей статьѣ насчитываетъ 10 редакцій Кіево-Печерскаго патерика, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ XV в., а позднѣйшія—къ XVII в. Лучшая редакція—печатная, изданная въ 1661-мъ году.

Критическимъ направленіемъ отличается и трудъ преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, поставившаго приведенныя выше слова св. Димитрія Ростовскаго эпилогомъ къ сочиненію: „русскіе святыя, чтимые всею Церковію или мѣстно; опытъ описанія жизни ихъ“. СПБ. 1863 г. Вотъ какъ опредѣляетъ преосвященный авторъ цѣль, которую онъ намѣтилъ себѣ при написаніи этого сочиненія: „прославлять святыхъ дѣло святое, говоритъ онъ, но надобно умѣнье совершать дѣло святое. Прежнія повѣствованія о святыхъ русской церкви писаны немногія современниками, очень многія людьми поздними, притомъ, писаны людьми разныхъ дарованій и разнаго образованія. Повторять всѣ эти повѣсти безъ разбора, безъ повѣрки—грѣшно предъ чистою совѣстію и стыдно предъ просвѣщеннымъ умомъ. Не оскорбимъ мы старыхъ повѣствованій, если на мѣсто поздняго, неоправдываемаго ничѣмъ, извѣстія, поставимъ извѣстія другихъ, болѣе древнихъ памятниковъ. Это будетъ службою правдѣ, которую всѣ должны уважать“. Соотвѣтственно этой своей цѣли — представить повѣствованія о жизни русскихъ святыхъ, очищенныя благоразумною критикою отъ всѣхъ позднѣйшихъ вымысловъ и неточностей, Архіепископъ Филаретъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ вдается въ ученые изслѣдованія и возстановляетъ истину въ ея настоящемъ видѣ.

Въ новѣйшее время строго научное, критическое отношеніе къ нашей агіобіографической письменности показалъ покойный проф. В. О. Ключевскій въ извѣстномъ изслѣдованіи — „древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ Москва. 1871 г. Разсмотрѣвъ 150 житій съ ихъ 250 редакціями, проф. Ключевскій дѣлаетъ общія замѣчанія касательно этихъ памятниковъ. Житіе, по его мнѣнію, было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни. Единственный интересъ, который привязывалъ вниманіе общества, подобнаго древне-русскому, къ судьбамъ отдѣльной жизни, былъ не историческій или психологическій, а нравственно-назидательный.

Критически отнесся къ житіямъ святыхъ и преосв. Сергій, архіепископъ Владимірскій въ своемъ сочиненіи: „Полный мѣсяцесловъ Востока. Томъ I. Восточная агіологія. Владиміръ 1901 г.“. Задача труда—представить по возможности полный списокъ всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Предлагаемая преосвященнымъ авторомъ свѣдѣнія въ 7 отдѣлахъ сочиненія добыты имъ съ большимъ стараніемъ и изложены съ строгой критикой, а для сторонней повѣрки снабжены многочисленными приложеніями (числомъ 15, около 200 страницъ). Печатные памятники восточной агіологіи, которые имѣлъ въ виду г. Мартыновъ, авторъ „церковнаго года“, преосвященнымъ авторомъ изслѣдованы вновь по первымъ изданіямъ, точнѣе разграничены и восполнены новыми, изданными на западѣ и въ Россіи и просмотрѣно по этому предмету болѣе 1500 рукописей греческихъ и особенно славянскихъ.

Въ близкой связи къ вышеуказанному сочиненію стоитъ и изслѣдованіе проф. Кіевской Духовной Академіи Николая Ивановича Петрова—„о происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога“. Кіевъ. 1875 г. Профессоръ Петровъ полагаетъ, что авторъ „полнаго мѣсяцеслова“ слишкомъ много довѣряетъ сказаніямъ пролога и г. Яковлева ¹⁶⁾—„о кіево-печерскихъ прологахъ“, а г. Яковлевъ слишкомъ много значенія придаетъ сравнительной миѳологіи. Сочиненіе проф. Петрова занимаетъ средину между этими двумя направленіями; критически относясь къ сказаніямъ Пролога, оно не оставляетъ безъ вниманія и миѳологіи. Здѣсь, между прочимъ, онъ доказываетъ, что жизнь подвижниковъ и повѣствованія патериковъ, основанныя главнымъ образомъ на подражаніи священному писанію, носятъ слѣды вліянія апокрифовъ, современной имъ философіи и народныхъ воззрѣній.

Святыни и древности Пскова. Графа М. Толстого. Москва. 1861 г. Въ этомъ сочиненіи даются свѣдѣнія о блаженномъ Николаѣ Салосѣ Псковскомъ.

¹⁶⁾ Памятники русской письменности XII и XIII в. СПб. 1872 г.

Святыни и древности великаго Новгорода.—Его же. Москва. 1861 г. Здѣсь кромѣ археологическаго описанія церковныхъ новгородскихъ древностей, авторъ знакомить съ жизнеописаніями мѣстныхъ святыхъ, заимствованныхъ имъ изъ древнихъ рукописей. Такъ, напримѣръ, при составленіи житія Михаила Клопскаго Салоса авторъ пользовался слѣдующими рукописями: 1) „пчела преподобнаго Максима, XVI в. безъ начала, полууст. въ четвертку“ (библіот. Сергіевой лавры № 735),—житіе его на листахъ 32—48 безъ начала; 2) „сборникъ 1536 г., полууст. въ четвертку“ (библіот. Московской Духовной Академіи, по катал. рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря № 659), житіе на лист. 311.—336; 3) „mineя-четья“, полууст. 1629 г. писан. Германомъ Тулуповымъ, въ листъ (Лавр. библіот. № 673), житіе на лист. 219—248; 4) житія святыхъ русскихъ и апокалипсисъ, полууст. тщательный, въ листъ, XVI в.“ (Лавр. библіотека № 692), житіе на лис. 59—91. Въ этой рукописи находится житіе Клопскаго, составленное въ 1537 г. Василиемъ Михайловичемъ Тучковымъ, по порученію архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Макарія. При жизнеописаніи Саввы, Вишерскаго столпника, авторъ пользуется рукописью 1514 г. библіот. Московской Духовной Академіи № 73 и новгородской лѣтописью.

Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ строго-критически относился къ изданіямъ житій святыхъ. Такъ онъ разсматривалъ двѣ рукописи подъ заглавіемъ: „святый блаженный Василій, Христа ради юродивый, московскій чудотворецъ“ и „жизнь святаго Василія блаженнаго, Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца“ и объ эти рукописи призналъ не заслуживающими одобренія и выхода въ свѣтъ по не основательности и водянистости (собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, томъ дополнительный стр. 421).

При помощи этихъ источниковъ, имѣющихъ для нашего сочиненія второстепенное значеніе, мы смѣло могли пользоваться повѣствованіями о св. юродивыхъ и св. столпникахъ для выясненія нравственнаго смысла ихъ подвиговъ,

не рискуя впасть въ историческія ошибки, предусмотрѣнныя выше поименованными изслѣдователями.

Обращаемся ко второй категоріи литературныхъ пособій, освѣщающихъ „юродство“ и „столпничество“ съ нравственной точки зрѣнія.

Воскресное чтеніе 1838 г. № 16, стр. 136—141. Здѣсь помѣщена статья подъ заглавіемъ: „древніе аскеты, или подвижники“. Въ ней авторъ, нарисовавъ общую картину аскетическихъ трудовъ древнихъ подвижниковъ и, въ частности, разсмотрѣвъ подвиги „юродства“ и „столпничества“, въ заключеніе рѣшаетъ вопросъ—можно ли аскетическіе подвиги св. юродивыхъ и столпниковъ объяснить фанатизмомъ, свойственнымъ пламеннымъ жителямъ востока.

Тамъ же въ 23 №, стр. 195—199, находится статья: „святые столпники“. Послѣ краткихъ историческихъ свѣдѣній о святыхъ столпникахъ и хронологическаго опредѣленія времени ихъ подвиговъ при помощи исторіи Евагрія—первой книги и *acta sanctorum*, авторъ опредѣляетъ цѣль и нравственный смыслъ столпостоянія, описываетъ аскетическіе подвиги святыхъ столпниковъ, указываетъ различіе уставовъ столпниковъ Симеона I-го и Симеона Дивногорца, разбираетъ возраженіе о томъ—не есть ли такое умерщвленіе плоти насиліе надъ природою, безвременное сокращеніе своей жизни и подробно останавливаетъ вниманіе читателей на свидѣтельствахъ богоугодности столпническихъ подвиговъ (даръ чудотвореній, прозорливость), причемъ знакомитъ съ двумя случаями „духовнаго зрѣнія“ изъ жизни святого Симеона I-го, не записанными въ четіихъ-минеяхъ святого Димитрія Ростовскаго; разборомъ общественнаго служенія столпниковъ заканчивается названная статья.

Воскресное чтеніе 1854 г. № 7, стр. 67—70. Авторъ статьи „преподобный Никита столпникъ, Переяславскій чудотворецъ“ по поводу обращенія преподобнаго Никиты занимается вопросомъ о дѣйствии благодати Божіей въ дѣлѣ пробужденія грѣшника отъ сна грѣховнаго.

Тоже 1853 г. № 6, стр. 52—59. Въ статьѣ „Симеонъ Дивногорецъ“ даются свѣдѣнія о жизни и подвигахъ этого

столпника († 596), извлеченныя изъ четій-миней святого Димитрія Ростовскаго и доказыається цѣлесообразность „столпничества“. Статья эта важна еще своими примѣчаніями, гдѣ опредѣляется историческая достовѣрность жизни святого Симеона Дивногорца.

Тоже 1863 г., № 23, стр. 548—555. Здѣсь А. В. въ статьѣ: „святые столпники“ очень кратко выясняетъ нравственный смыслъ „столпничества“.

Историческій вѣстникъ 1880 г. Въ ноябрьской книжкѣ (стр. 566—575) помѣщено весьма любопытное сообщеніе Н. Аристова о симбирскихъ юродивыхъ, характеризующее мистическое настроеніе общества и нравы жителей г. Симбирска 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка и описывается то вліяніе, какое имѣли на современное общество, мистически настроенное, юродивые въ качествѣ проповѣдниковъ раскола и сектантства.

Душеполезное чтеніе, 1884 г. Сентябрь, стр. 98—114. Здѣсь помѣщена статья подъ такимъ заглавіемъ: „юродивые Христа ради и ихъ благотворная для общества дѣятельность“. Е. Тихомирова. Представивъ общую картину подвига „юродства“, авторъ старается, затѣмъ, раскрыть внутренній смыслъ этого вида аскетизма; далѣе, онъ представляетъ нѣсколько чертъ изъ жизни святыхъ юродивыхъ Христа ради: Николая Салоса, Николая Кочанова и Θεодора, Іоанна Большого Колпака, Максима Московскаго, Прокопія Устюжскаго, Симеона и Андрея,—характеризующихъ ихъ благотворную общественную дѣятельность и то нравственное вліяніе, какое они оказывали на современниковъ.

Протоіерей Н. Митропольскій. О подвигѣ юродства вообще. Москва. 1897 г. Изданіе Захарова. Выясненіе нравственнаго смысла подвига „юродства“, какъ отрицательнаго способа представленія нравственнаго идеала, заимствовано авторомъ изъ Томскихъ епархіальныхъ вѣдомостей № 6, стр. 168, а авторъ названной статьи занимался поставленнымъ вопросомъ объ юродствѣ подъ сильнымъ вліяніемъ семинарскаго учебника по нравственному богословію Го-

кровскаго; такъ, на примѣръ, онъ пишетъ: „если возможно бываетъ то, что поэтъ плачетъ незримыми міру слезами въ то время, какъ онъ, повидимому смѣется надъ недостатками и пошлостію жизни, то возможно нѣчто подобное этому и въ мірѣ нравственномъ“ (стр. 5, ср. Покровскаго учебникъ, стр. 203).

Новгородскія епархіальныя вѣдомости 1898 г., № 20, стр. 1353. Въ этомъ № помѣщена статья г. Пятницкаго: „юродство Христа ради“ (церковно-историческій очеркъ и нравственно-психологическій анализъ подвига). Г. Пятницкій, опредѣляя „юродство“, какъ фактъ душевной жизни, въ которомъ отражается исторія души, боровшейся со зломъ и побѣдившей его, осуществленіе его видитъ въ самоотреченіи. Юродивые путемъ самоотреченія достигли того, что могли уже жить въ другихъ и за другихъ. Разсматривая особенности въ жизни юродивыхъ, авторъ старается показать, что они своею жизнію составляли всегдашній протестъ противъ тяготѣнія къ земному и мірскому, осуществляя на сценѣ мірской жизни общія аскетическія начала отреченія отъ міра и самоотреченія. Далѣе, оттънивъ особенное отношеніе юродивыхъ къ своимъ умственнымъ силамъ, авторъ указываетъ радикальнѣйшее отличіе циническаго поведенія и стоическаго отъ поведенія юродивыхъ и разсуждаетъ о нравственныхъ и психологическихъ причинахъ того—почему святые юродивые напускали на себя мнимое безуміе. Указаніемъ историческихъ условій, выясняющихъ глубоко-нравственное значеніе притворнаго безумія юродивыхъ, заканчивается статья г. М. Пятницкаго.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ немногихъ статей, можно заключить, что вопросы объ „юродствѣ“ и „столпничествѣ“ являются одними изъ интереснѣйшихъ, заслуживающихъ полного вниманія христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ, добавимъ кстати, требующихъ особенно осторожнаго обращенія съ собой, вопросовъ христіанской этики, вопросовъ, какихъ мало касалась наша духовная литература. Тогда какъ „столпничество“—этотъ своеобразный видъ подвижничества, до сихъ поръ еще не находилъ своего изслѣдователя,

„юродство“ все-таки—этотъ оригинальный видъ аскетизма — въ 1895 году въ первый разъ подвергалось обстоятельному, подробному обслѣдованію со стороны священника І. Ковалевскаго, представившаго свои изслѣдованія о подвигѣ „юродства“ въ довольно обширномъ (272 стр.) сочиненіи: „юродство о Христѣ и Христа ради юродивые“ (историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія), вышедшемъ въ 1900 году вторымъ изданіемъ въ Москвѣ (первое— 1895 г.).

Въ введеніи (1—18 стр.) авторъ даетъ общія понятія объ „юродствѣ“ и раскрытіемъ физической только стороны жизни юродивыхъ онъ ограничивается не касаясь точнаго опредѣленія самыхъ словъ „юродъ“, „юродство“. Затѣмъ, сравнивая „юродство“ съ другими видами христіанскаго подвижничества, о. Ковалевскій поставляетъ его выше всѣхъ другихъ подвиговъ; такъ, по его мнѣнію, „юродство“ выше пустынничества: „для отшельника пустыня была открытою книгою, въ которой онъ читалъ неизмѣримое величіе Божіе, училищемъ самопознанія, средствомъ къ самоусовершенствованію, мѣстомъ, гдѣ меньше искушеній. Если же пустыня представляетъ меньше искушеній для инока въ дѣлѣ спасенія, то, естественно, тѣмъ большій подвигъ для спасающагося въ міру“, заключаетъ авторъ (стр. 10, 11). „Лучшіе по его мнѣнію,—но какіе именно неизвѣстно,—представители иночества были того взгляда, что и среди міра возможно достигнуть такого совершенства, какимъ не обладаютъ и сами отшельники: поэтому тѣхъ, которые въ мірѣ живутъ благочестно, они, какъ видно изъ ихъ повѣствованій, ставятъ выше подвизающихся въ пустынѣ, потому, конечно, что первые, „спасались“ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ“ (стр. 11). Взглядъ этотъ можно назвать крайнимъ; вѣдь, условія для спасенія одинаково благопріятны или неблагопріятны какъ въ міру, такъ и въ пустынѣ; и здѣсь и тамъ есть свои особые искушенія; только устраненіе препятствій для спасенія различно.

„Юродство выше и мученичества (стр. 13), потому что оно есть всегдашнее мученичество; сколько требуется тер-

пѣнія, сколько нужно бдительности надъ собою, чтобы, находясь среди бурныхъ волнъ житейскаго моря, постоянно сохранить душу и тѣло чистыми отъ грѣха (стр. 14). Юродивые—крестоносцы по преимуществу, такъ какъ они по доброй волѣ изъ любви къ Богу несли самый тяжелый крестъ (стр. 15).

Заключеніе введенія составляетъ отвѣтъ на вопросъ— всегда ли юродивые считались и считаются истинными подвижниками и какъ учить о нихъ св. Церковь (стр. 15—18).

Въ 1-ой главѣ авторъ занимается выясненіемъ вопроса—заповѣдуется ли подвигъ „юродства“ словомъ Божиимъ—и при свѣтѣ текстовъ Библии (Лев. XIX, 2; Мѡ. V, 48; 1 Петр. I, 15, 16; 1 Кор. VII, 7, XII, 7—11; Ефес. IV, 13—16) приходитъ къ тому выводу, что какъ степени совершенства многоразличны, такъ и ведущіе къ совершенству пути разнообразны, необходимо только, чтобы были вѣрны они духу христіанства въ своемъ исходномъ пунктѣ и въ достиженіи конечной цѣли, а отсюда и подвижничество, не предписываемое священнымъ Писаніемъ, но согласное съ его духомъ, имѣетъ такое же нравственное достоинство, какъ и заповѣдуемый Писаніемъ образъ жизни (стр. 19—21). Переходя, далѣе, ко времени и условіямъ, благопріятствовавшимъ появленію подвижничества въ христіанствѣ, о. Ковалевскій находитъ начатки его въ ветхомъ завѣтѣ, „но примѣры его были рѣдки, и не смѣлы, потому что подвижничество было выше нравственнаго состоянія ветхозавѣтнаго человѣка, и только христіанство придало ему истинный смыслъ, сообщило ему новую силу и жизненность“ (стр. 21). Сказавъ нѣсколько словъ о произвольныхъ обѣтахъ, указываемыхъ въ Евангеліи—нестыжательности, дѣвствѣ, послушаніи,—авторъ долго останавливается на обѣтѣ монашества, знакомитъ читателей съ исторіей возникновенія этого вида подвижничества (стр. 23) и съ значеніемъ иноческихъ уставовъ преподобнаго Пахомія, гдѣ находятся черты, характеризующія подвигъ „юродства“; напр. 17-е правило: „возненавидимъ міръ и все, что въ мірѣ; возненавидимъ и всякій тѣлесный покой; отвернемся отъ

самой жизни, да Богови жить возможем“, 19-е: „будемъ алкать, жаждасть, наготствовать, бдѣнно бодрствовать и изъ глубины сердца въздыхая, проливать слезы во время псалмопѣній и молитвъ“ (стр. 25);—св. Кассіана, у котораго въ 41-й главѣ имѣются предписанія съ ясными намеками на „юродство“: „среди братства будь, какъ глухой, слѣпой, нѣмой и буй“; но подъ буйствомъ, какъ оказывается и какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ о. Ковалевскаго, св. Кассіанъ разумѣетъ не мнимое безуміе, а иноческое послушаніе; поясняя апостольское изреченіе „буй“ (1 Кор. III, 18), св. Кассіанъ говоритъ: „не разбирай и не обсуждай ничего изъ того, что тебѣ будетъ приказано, но со всею простотою и вѣрою всегда изъявляй послушаніе, то только почитая святымъ, спасительнымъ и мудрымъ, что указываетъ тебѣ законъ Божій или опытность старца“ (стр. 26),—преп. Ефрема Сирина, который въ своемъ „наставленіи монахамъ“, между прочимъ, говоритъ: „сподобившіеся достигнуть добродѣтелей христіанскихъ, въ удовольствіи и духовномъ улажденіи, съ радостію и веселіемъ, по блаженной надеждѣ воскресенія, безъ умышленія готовы, или лучше сказать признаютъ для себя вождельнымъ, быть въ наготѣ, въ голодѣ, терпѣть всякое злостраданіе ради Господа, подвергаться ненависти, безчестію, зловѣрію, бичеванію, стать какъ-бы отребіемъ міра сего и, наконецъ, быть распинаемыми и принимать на себя всякое „юродство“ (стр. 28).

Такимъ образомъ, происхожденіемъ своимъ подвигъ „юродства“ обязанъ Востоку, этому главному и лучшему разсаднику высокой иноческой жизни, на что указываютъ и вышеприведенныя прямыя предписанія древнихъ иноческихъ уставовъ.

Заключительный отдѣлъ 1-й главы (стр. 29—32) составляетъ указаніе существенныхъ чертъ „юродства“ въ посланіяхъ святаго апостола Павла къ Коринѣянамъ и въ то же время служить переходомъ ко II-й главѣ, гдѣ на стр. 32—38 о. Ковалевскій при помощи толкованій Златоуста и епископа Теофана текстовъ I посланія къ Коринѣянамъ III, 18 и IV, 10 старается опредѣлить „буйство“,

„юродство“, которое, по словамъ Златоуста, есть смиреніе помысловъ, очищеніе ума отъ внѣшняго ученія (стр. 32). Самостоятельнаго же опредѣленія „буйства“ не дается о. Ковалевскимъ.

Слѣдующія страницы книги (38—42) заняты очень длинною рѣчью объ отношеніи человѣческаго разума къ божественному откровенію, какъ источнику истинной мудрости, объ обязанностяхъ христіанина заботиться о просвѣщеніи ума свѣтомъ Христовой истины, о значеніи въ душѣ человѣка чистаго христіанскаго разума (стр. 42—47), о великой трудности сохранять разумъ отъ земныхъ привязанностей и о средствахъ къ достиженію богомыслія по ученію св. Макарія Египетскаго и блаженнаго Феодорита Кирскаго (стр. 47—53). Послѣ такого отдѣльнаго, не имѣющаго прямого отношенія къ вопросу о „юродствѣ“, которое ни разу не упоминается на протяженіи 15 страницъ,—разсужденія объ умѣ, авторъ сразу приступаетъ къ частнѣйшимъ выясненіямъ стремленія св. юродивыхъ къ Богу, умъ которыхъ (юрод.) постоянно былъ занятъ Богомъ и служилъ имъ руководителемъ, указателемъ и наставникомъ въ выборѣ средствъ къ сохраненію и утвержденію въ себѣ даровъ благодати Божіей. Такими средствами для размышленія служили всѣ зрѣлища переплетающихся человѣческихъ отношеній, побуждая св. юродивыхъ стремиться къ высшей духовной жизни, заставляя ихъ забыть себя и все земное,—что естественно вызывало безпорядокъ въ ихъ внѣшней жизни,—вовсе отрѣшиться отъ узъ чувственности, всего себя и вся благая міра принести въ жертву Богу, чтобы тѣмъ совершеннѣе жить для него, быть чистымъ орудіемъ воли Божіей, свершеннымъ органомъ жизни божественной (стр. 53—57). Выяснивъ естественность отношенія св. юродивыхъ къ разуму и показавъ, что они отрѣшались ума только во внѣшней жизни, авторъ для большей очевидности нравственной важности подвига „юродства“, далѣе, рѣшаетъ вопросъ—сообразно-ли съ духомъ христіанства вообще и въ частности съ природою человѣка, какъ разумно-чувственнаго су-

щества, отверженіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно замѣчается въ юродивыхъ? Отвѣты на эти вопросы даны Сладкопѣвцевымъ въ „Духовной бесѣдѣ“ за 1860 г. т. X, стр. 373—375, и о. Ковалевскій воспользовался только готовыми данными, что „образъ жизни юродивыхъ, несогласный съ жизнію по обыкновенному порядку, имѣетъ свое основаніе въ природѣ нашего духа и вполне согласенъ съ нравственнымъ закономъ, потому что, если бы можно было понять нашу природу и уразумѣть ея законы и требованія и по нимъ опредѣлить свое достоинство и назначеніе, измѣривъ глубину, въ которую мы ниспали, то, можетъ быть, увидѣли бы, что „юрродство“, по непреложнымъ законамъ нашего духа, есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, которыми человекъ можетъ пользоваться при возстаніи отъ паденія“,—и Покровскимъ въ его учебникѣ по нравственному богословію, откуда о. Ковалевскій заимствовалъ опредѣленіе „юрродства“, какъ отрицательнаго способа представленія нравственнаго идеала въ жизни (стр. 57—62, ср. учебн. Покровскаго стр. 203—204).

Предметомъ III-й главы служатъ разсужденія о томъ,—ведетъ ли и какимъ образомъ ведетъ „юрродство“ человекъ къ нравственному совершенству и сообразно ли оно съ любовію христіанина къ ближнимъ (стр. 62—72). Путь „юрродства“—путь смиренія, сознанія своей нравственной безпомощности; къ пріобрѣтенію смиренія, закрѣпляемаго благоразумными тѣлесными подвигами и направлена была вся жизнь св. юродивыхъ. Что же касается служенія ближнимъ, то на это была посвящена вся ихъ жизнь. Мысль эта подтверждается фактами изъ жизни святыхъ юродивыхъ.

Въ IV-й главѣ разбираются возраженія: а) не можетъ ли „юрродство“ служить для другихъ соблазномъ? Такъ какъ „юрродство“ принимали на себя уже утвердившіеся въ духовной жизни иноки,—но вѣдь юродивые не всѣ были иноками!—и по непосредственному призванію свыше и, такъ какъ, притомъ, не всякій соблазнительный поступокъ, по словамъ преп. Исаака Сирина, должно ставить

въ вину тому, кто допускаетъ его, то и находить соблазнъ въ „юродствѣ“ —немыслимо; б) не лишне ли вести такой образъ жизни для спасенія, когда и безъ него много путей ко спасенію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить раскрытіе образа жизни ветхозавѣтныхъ пророковъ и в) не погрѣшали-ли „юродивые“ противъ обязанности относительно развитія и образованія умственныхъ своихъ силъ. Отвѣтъ заимствованъ у Сладкопѣвцева (Духовн. бесѣда. 1860 г., стр. 437).

V-я глава книги содержитъ разсужденіе о времени появленія „юродства“ въ христіанской церкви; слишкомъ, кажется, рано признаетъ авторъ право на существованіе въ обществѣ христіанъ подвига „юродства“ въ томъ видѣ въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ; онъ говоритъ, пользуясь статьею „Душеполезнаго чтенія“ за 1873 г., что одновременно почти съ умирненіемъ церкви Константиномъ является рядъ особыхъ, доселѣ небывалыхъ и совершенно неизвѣстныхъ подвижниковъ христіанства, которые для того, чтобы спастись въ мірѣ и среди онаго, должны были принять на себя тяжелый подвигъ „юродства“ и только при исключительныхъ его условіяхъ могли подвизаться среди бурныхъ волнъ житейскаго моря, жертвуя для этого всѣми требованіями и, такъ называемыми, приличіями и принятыми обычаями мірской жизни“ (стр. 88). Разсужденіе это при отсутствіи фактическихъ данныхъ не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны. Затѣмъ, авторъ повѣствуетъ о значеніи египетскаго монашества и вообще иночества, трактуетъ о дѣятельномъ осуществленіи евангельскихъ заповѣдей египетскими иноками и слово въ слово повторяетъ все то о реализаціи святыми текста Библии, о чемъ говоритъ проф. Петровъ въ своей диссертациі—„о происхожденіи и составѣ славяно-русскаго пролога“ (стр. 121—129) (ср. стр. 92—93) и, наконецъ, ученіемъ святаго Макарія Египетскаго (бес. VIII, § 7, 8, 9) объ особенныхъ дѣйствіяхъ благодати въ душѣ человѣка и о состояніи благодатствованныхъ душъ, „когда въ человѣкѣ отъ свѣта благодати, возгорающагося въ сердцѣ, открывается внут-

реннѣйшій и глубочайшій сокровенный свѣтъ, такъ что человѣкъ, весь погрузясь въ сладостное созерцаніе, не владѣетъ болѣе собою и становится буйнымъ и страннымъ для міра сего, по преизобилію любви и услажденія и по сокровеннымъ тайнамъ, имъ созерцаемымъ“,—заканчиваетъ эту часть своего сочиненія (стр. 94—96), а о томъ, что же собственно способствовало появленію подвига „юродства“ въ церкви христіанской, не говоритъ ни слова. Тщетны также оказались поиски наши въ этомъ направленіи и въ слѣдующей части сочиненія (V глава, 96—100 стр.), предметомъ содержанія которой служитъ разсужденіе о сравнительномъ упадкѣ восточнаго иночества, какъ причинѣ появленія (не „юродства“), а назидательныхъ писаній о подвижничествѣ и о подражательномъ характерѣ этихъ произведеній, обстоятельно раскрытомъ проф. Петровымъ въ поименованномъ сочиненіи (стр. 176—177), которымъ дѣятельно пользовался и теперь о. Ковалевскій. Зачѣмъ идетъ рѣчь о подражательности житійныхъ сказаній, къ чему авторъ говоритъ о томъ, что такое-то житіе или эпизодъ изъ жизни извѣстнаго святого заимствованы оттуда-то,—непонятно; эти замѣтки, годныя для примѣчаній или же для введенія, совсѣмъ неумѣстны въ центрѣ отдѣла о „юродствѣ“, такъ какъ онѣ нарушаютъ правильный ходъ теченія мыслей автора и не даютъ возможности читателю слѣдить за основной идеей даннаго изслѣдованія, которая незамѣтно ускользаетъ, и вниманіе читателя разсѣвается. Такое отступленіе отъ главной темы, быстрый скачекъ отъ одного предмета къ другому, ярко бросается въ глаза читателю, когда онъ, познакомившись съ подражательнымъ характеромъ проложныхъ сказаній и патериковъ, съ половины 100-й страницы вдругъ начинаетъ читать характеристику первой, по времени, юродивой Исидоры,—монахини Тавенской, послѣ чего съ 102 стр. получаетъ, въ видѣ заключенія къ 1-й половинѣ сочиненія о. Ковалевскаго, самой главной, содержащей въ себѣ выясненіе нравственнаго смысла подвига „юродства“, опредѣленіе „юродства“, данное древнимъ церковнымъ историкомъ Евагріемъ (стр. 102—104).

Съ 105—131 страницы авторъ даетъ краткія жизнеописанія юродивыхъ Востока, заимствованныя имъ безъ перемѣнъ у Филарета, архіепископа Черниговскаго („Житія святыхъ“ изд. Тузова. СПб. 1892 г.).

Во II-ой части I-ой главы излагаются исторія и условія, способствовавшія особенному процвѣтанію подвига „юродства“ на Руси. Вмѣстѣ съ другими видами подвижничества изъ Греціи было заимствовано русскими и „юродство“ Христа ради. Историческія судьбы и складъ древне-русской жизни особенно способствовали процвѣтанію этого подвига въ древней Руси. „Юродство“—народный на Руси подвигъ или особенно любимый народомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали иностранцы въ своихъ описаніяхъ путешествій по Россіи. Описывается, затѣмъ, жизнь юродивой Пелагіи и другихъ; особую главу (II-ю) посвящаетъ авторъ вопросу о мнимо-юродивыхъ и о мѣрахъ гражданской и духовной власти противъ нихъ-и о раціональномъ способѣ борьбы съ этимъ зломъ путемъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа, а въ заключеніи даетъ рядъ жизнеописаній русскихъ юродивыхъ (стр. 132—272).

Сочиненіе это, какъ видно изъ представленнаго обзора его содержанія, страдаетъ отсутствіемъ опредѣленной основной идеи, которая красною нитью должна бы проходить черезъ все изслѣдованіе. Быстрые скачки отъ одного предмета къ другому (стр. 99—100, 102), мало относящіяся къ темѣ сочиненія разсужденія (напр., объ умѣ и его отношенію къ откровенію 38—42 стр.), отсутствіе строго опредѣленнаго плана, напр., „заповѣдуется ли „юродство“ словомъ Божиимъ?“ Рѣшивъ этотъ вопросъ, авторъ разсуждаетъ о времени и условіяхъ, благопріятствовавшихъ появленію въ христіанствѣ вообще подвижничества, а послѣ этого говоритъ объ иноческихъ уставахъ и, наконецъ, опять трактуетъ о томъ, что въ словѣ Божіемъ указываются существенныя черты „юродства“ (стр. 19—32),—вотъ все то, что рѣзко бросается въ глаза.

Вопроса о несходствѣ поведенія „юродивыхъ“ съ поведеніемъ циниковъ о. Ковалевскій совсѣмъ не касается.

Свои положенія онъ мало подтверждаетъ фактическими данными изъ жизни юродивыхъ и почему то совершенно опускаетъ изъ виду объясненіе тѣхъ чрезвычайныхъ дарованій, какими святыя юродивыя пользовались (чудотвореніе, прозорливость); разъясненій нравственнаго смысла нѣкоторыхъ особыхъ символическихъ дѣйствій юродивыхъ въ книгѣ о. Ковалевскаго не имѣется, раскрытія того, какимъ образомъ они достигали высокихъ добродѣтелей (напр., безстрастія, нестяжательности и пр.) въ раздѣльномъ видѣ у автора не представлено, и въ виду этого для читателя становится непонятнымъ цѣль всѣхъ тѣхъ аскетическихъ лишеній, какимъ подвергались св. юродивыя; словомъ, нельзя при помощи книги священника Ковалевскаго составить себѣ яснаго опредѣленнаго понятія о развитіи духовной жизни христіанина въ подвигѣ „юродства“ и потому намъ пришлось для того, чтобы узнать духъ и нравственный строй вообще подвижничества, а отсюда, въ частности и „юродства“, обратиться къ святоотеческимъ твореніямъ и прочитатъ частію въ подлинникѣ, частію въ журнальныхъ статьяхъ, творенія: преп. Макарія Египетскаго (изданіе 3-е. Москва. 1880 г.), Іоанна Лѣстовичника (изданіе 1851 г. Москва) и др. Особенно важнымъ пособіемъ въ уясненіи себѣ духа и строя подвижнической жизни послужило для насъ сочиненіе современнаго аскета-подвижника, епископа Теофана: „Путь ко спасенію“ (краткій очеркъ аскетики). Москва. 1894 г.; которое по содержанію можно справедливо назвать христіанской педагогикой, потому что, какъ педагогика старается указать путь, которымъ человѣкъ отъ дѣтскаго полусознанія могъ бы достигнуть полнаго человѣческаго развитія, полной чело-вѣчности, такъ точно и епископъ Теофанъ въ названномъ сочиненіи старается указать путь, которымъ долженъ идти человѣкъ со дня своего рожденія для того, чтобы достигнуть спасенія или, что тоже, полнаго христіанскаго развитія, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Въ богослужебныхъ книгахъ, наконецъ, мы нашли

много матеріала для того, чтобы нарисовать себѣ яркую картину нравственнаго восхожденія св. юродивыхъ и св. столпниковъ на высоту добродѣтелей и объяснить себѣ смыслъ всѣхъ тѣхъ аскетическихъ лишеній, какимъ подвергались св. юродивые и св. столпники.

Изъ этого перечня пособій и источниковъ, какими мы пользовались при изученіи даннаго вопроса, можно видѣть всю ту трудность работы, съ какою сопровождалось выясненіе нравственнаго смысла подвиговъ „юродства“ и „столпничества“. Пришлось, съ одной стороны, провѣрить весь историческій матеріалъ, необходимый для фактическаго освѣщенія извѣстныхъ нравственныхъ выводовъ и положеній и съ другой—совсѣмъ почти не воспользоваться тѣми мелкими журнальными статьями, которыя выше указаны; всѣ онѣ трактуютъ объ одномъ и томъ же и новыхъ освѣщеній въ выясненіи нравственнаго смысла „юродства“ и „столпничества“ не вносятъ.

Далѣе, раскрытіе смысла самихъ подвиговъ: „юродства“ и „столпничества“ представляетъ затрудненіе и само по себѣ, особенно защита безсознательности подвиговъ, такъ что справедливо и теперь замѣчаніе преосв. Филарета, митроп. Московскаго о томъ, что много нужно еще работать для того, чтобы удовлетворительно выяснить оригинальные виды подвижничества, писанное 30-го Мая 1838 г. по поводу просмотра преосв. Филаретомъ сочиненія студента Московской Духовной Академіи М. С.: „О высококомъ достоинствѣ жизни юродивыхъ Христа ради“ (Чтен. въ имп. ист. и древн. росс. 1880 г. кн. 2. Москва. 1882 г., стр. 3-я).

Изъ стремленія восполнить пробѣлы, допущенные о. Ковалевскимъ въ изученіи имъ подвига „юродства“, съ одной стороны, и изъ желанія обслѣдовать самостоятельно подвигъ „столпничества“ — съ другой, и опредѣлить ихъ нравственное достоинство, мы рѣшились идти слѣдующимъ путемъ:

Часть первая.

ГЛАВА I-ая.

Историческія данныя о святыхъ юродивыхъ. Смыслъ и значеніе различныхъ наименованій св. юродивыхъ. Опреѣленіе слова „юродство“.

1) Святая Исидора (10 мая), по Коптски—Варанкисъ, подвизалась въ IV в. въ монастырѣ, основанномъ преп. Пахоміемъ на маленькомъ островѣ Тавеннѣ, на Нилѣ, въ округѣ Тентирь или Дендеры, между новѣйшимъ городомъ Гирге и развалинами древней Оивы ¹⁾. Палладій, епископъ еленопольскій (съ 440 г.) повѣствуетъ о ней въ 420 г. ²⁾ въ Лавсаикѣ (§ 37 и 38) и его сказаніе не подлежитъ сомнѣнію, по мнѣнію преосв. Сергія ³⁾, но св. Ефремъ Сиринъ, посѣщавшій пустыни Египта въ 371 г., еще раньше предложилъ сказаніе о юродивой ⁴⁾. Св. Исидора, по мнѣнію преосв. Филарета, архіеп. Черниговскаго, окончила свои подвиги не позже 365 г. ⁵⁾.

2) Серапіонъ Синдонить (14 мая), египетскій монахъ, жилъ въ началѣ V вѣка ⁶⁾. Извольскій относитъ жизнь его къ VI вѣку ⁷⁾. Названъ такъ, по вѣроятному мнѣнію преосв. Сергія ⁸⁾, оттого, что не носилъ ничего, кромѣ синдона—

¹⁾ Гиббонъ; исторія упадка римской имперіи. Москва, 1884 г. т. IV, стр. 118, прим. I. ²⁾ Истор. учен. объ отцахъ церкви, Филарета, архіеп. Черниг. СПб. 1882 г. т. III, стр. 9. ³⁾ Полный мѣсяцесловъ Востока, 1901 г. Владиміръ. ч. I, стр. 138; замѣтки стр. 176. ⁴⁾ Твор. св. Ефрема Сирина 2. Москва, 1858 г. стр. 596—598. ⁵⁾ „Житія св. подвижницъ восточной церкви“, Филарета, архіепископа Черниговскаго, СПб. 1898 г. стр. 61. ⁶⁾ Мѣсяцесловъ прот. Дим. Вершинскаго, СПб. 1856 г. стр. 74. ⁷⁾ Житіе св. стр. 162, Май. ⁸⁾ Мѣсяцесловъ Востока, замѣтки стр. 182. I т.

льняной одежды. Свѣдѣнія о немъ даетъ Палладій въ своемъ Лавсаикѣ ⁹⁾.

3) Виссаріонъ египтянинъ (6 іюня), жилъ въ концѣ V-го вѣка ¹⁰⁾. Житіе его въ Патерикѣ скитскомъ ¹¹⁾.

4) Симеонъ—палестинскій монахъ (21 іюля) родомъ изъ Сиріи, родился въ 522 году. Свѣдѣнія о его жизни и дѣяніяхъ почерпнуты изъ его же рассказовъ другу своему діакону Іоанну, который рассказалъ его житіе Леонтію киприянину, епископу Неапольскому ¹²⁾, призывая Бога во свидѣтели своихъ словъ, что онъ не только ничего не прибавляетъ къ своему повѣствованію, но многое съ теченіемъ времени забылъ. Историческая достовѣрность житія подтверждается также одобрительнымъ свидѣтельствомъ о жизне-описателѣ преп. Симеона, представленномъ на 4 засѣданіи VII вселенскаго собора ¹³⁾. Евагріѣ схластикъ, антиохійской церкви историкъ (431—594) въ 4 книгѣ, гл. 34 повѣствуетъ о жизни своего современника Симеона Юродиваго согласно съ Леонтіемъ; Симеонъ сконч. около 580 г. (по Вершинскому), а по мнѣнію преосв. Сергія ок. 590 г.

5) Ома преп. Келесирійскій—сиріецъ (24 апр.) жилъ при императорѣ Юстиніанѣ. Свѣдѣнія о немъ находятся у Евагрія ¹⁴⁾, въ Лугѣ Іоанна Мосха (§ 87) и въ жизнеописаніи Марѣы (4 мая), матери Симеона Дивногорца ¹⁵⁾.

6) Андрей цареградскій (2 окт.) жилъ въ X вѣкѣ, родомъ скиѣ ¹⁶⁾, а не славянинъ, нотарій нѣкоего константинопольца Θεогноста при Львѣ Премудромъ. Его жизнь описалъ пресвитеръ Софійской церкви въ Царьградѣ Никифоръ ¹⁷⁾. Время его жизни опредѣляется различно: проф. Голубинскій относитъ его „юродство“ ко второй половинѣ V-го вѣка; проф. Срезневскій къ VI в. ¹⁸⁾, а преосв. Сергій говоритъ, что смерть св. юродиваго Андрея падаетъ на 940 г. и во всякомъ случаѣ не позднѣе 950 г. ¹⁹⁾. По мнѣнію

⁹⁾ Гл. 69—72. ¹⁰⁾ Мѣсяц. архіеп. Сергія ч. 2, зам. стр. 220. ¹¹⁾ Стр. 169—248. ¹²⁾ Петровъ. О происхожд. пролог. стр. 35. ¹³⁾ Горскій. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, Москва. 1849 г. стр. 186. ¹⁴⁾ Кн. IV, гл. 35. ¹⁵⁾ Сергій архіеп. Владимірск. Полный мѣсяцесл. стр. 154 замѣтки. ¹⁶⁾ Голубинскій истор. русск. церкви, т. I. втор. половина, стр. 346. ¹⁷⁾ Петровъ. О происх. пролога, стр. 39. ¹⁸⁾ Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. стр. 156. ¹⁹⁾ Мѣсяц. стр. 409, замѣтки ч. II.

преосв. Сергія житіє св. Андрея даєть поводъ относить время его подвижничества къ Царствованію Льва VI Мудраго (886—911), а не къ царствованію Льва I Макелла (457—474), т. к. во всемъ житіи нѣтъ ничего современнаго Льву I Макеллу и преп. Данилу Столпнику († 489), упоминаніе о которомъ внесено въ житіє не составителемъ его, а позднѣйшимъ интерполяторомъ. Судя по слогу, по тону и образу мыслей, житіє св. Андрея писано въ позднѣйшее время—въ эпоху упадка греческаго языка именно, въ концѣ X или въ началѣ XI в. Если бы святой Андрей жилъ въ V или VI в., то трудно допустить, чтобы до X в. о немъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній у церковныхъ писателей, тѣмъ болѣе, что подвигъ его былъ особенный и поразительный. Затѣмъ и имя его встрѣчается въ синаксарѣ XII в., составленномъ діакonomъ константинопольской церкви св. Софіи Маврикіемъ; позднее упоминаніе о св. Андреѣ въ синаксарѣ константинопольской церкви свидѣтельствуєтъ и о поздней жизни его ²⁰⁾.

7) Исакій монахъ Печерскій (въ мірѣ—Чернь, 14 февр.), бывший Торопецкій купецъ, жилъ въ XII в. и былъ современникъ св. Антонія и Ѳеодосія. Свѣдѣнія о немъ заключаются въ Кієво-печерскомъ Патерикѣ подъ 14-мъ февраля; онъ † 1090 г.

8) Авраамій Смоленскій (21 авг.) жилъ тоже въ XII в. при князѣ Мстиславѣ и по мнѣнію преосв. Филарета, митр. Московскаго, умеръ настоятелемъ монастыря положенія ризы Богоматери не позже 1220 г. ²¹⁾. Житіє его — въ сокращеніи изъ Великихъ четій-миней — у Димитрія, митр. Ростовскаго.

9) Прокопій Устюжскій (8 іюля), жилъ въ XIII в., родомъ Варягъ (по минеи) или нѣмецъ (по прологу), купецъ; крещеніє принялъ не отъ Варлаама Хутынскаго (какъ говорится въ Четіяхъ-минейхъ), такъ какъ послѣдній † 1192 г., а Прокопій столѣтіємъ позже въ 1303 г., а отъ Варлаама

²⁰⁾ Св. Андрей Христа ради юродивый. Гл. I-я СПб. 1898 г. Эта же статья помѣщена и въ „Странникъ“ за 1898 г. ²¹⁾ Собр. мнѣн. и отзыв.; отд. дополнит. стр. 587.

Прокшинича, умершаго въ Хутынѣ въ 1243 г. ²²⁾. По мнѣнію проф. Ключевского преданія о св. Прокопій и его чудесахъ стали записывать со второй половины XV вѣка ²³⁾. Савваитовъ говоритъ, что св. Прокопій † 1285 г., а Карамзинъ въ Исторіи государства російскаго (IV, прим. 206) годъ его кончины показываетъ 1303 г. Преосвященный Сергій архіеп. Владимірскій считаетъ карамзиновское показаніе болѣе вѣрнымъ потому, что изъ надписи на чудотворной иконѣ Устюжской Божіей Матери видно, что чудо избавленія Устюга по молитвамъ св. Прокопія было въ 1290 г. ²⁴⁾.

10) Николай Кочановъ (27 іюля), новгородскій уроженецъ, прозванный такъ за то, что бросалъ „кочанми“ въ юродиваго Ѳеодора ²⁵⁾ † 1392 года.

11) Ѳеодоръ новгородскій (19 янв.) родился въ Новгородѣ въ первой половинѣ XIV в., но въ какомъ году — неизвѣстно; есть догадка, что годы его рожденія относятся ко времени между 1325 — 1335 г.; † 1395 г. ²⁶⁾. Служба, молитва, житіе блаженнаго были написаны въ началѣ XVI в., но имя благоговѣйнаго ихъ составителя неизвѣстно.

12) Георгій Шенкурскій (23 апр.) въ XV в., подвизался въ окрестностяхъ города Шенкурска. Родители его были простые поселяне изъ деревни Яруполи по фамиліи Будиловы. Рукописное его житіе обнародовано архимандритомъ нынѣ епископомъ Рыльскимъ Никодимомъ ²⁷⁾. Умеръ онъ въ 1392 г., по рукописнымъ святцамъ въ 1462 г., а въ сочиненіи „достопамятности г. Шенкурска“ указывается годъ смерти 1450. Житіе и чудеса его написаны не позже первой половины XVII в., такъ какъ предпоследнее чудо (9-е) помѣчено 1640 г. ²⁸⁾.

13) Іаковъ Боровицкій (23 окт.). Кто былъ онъ родомъ, гдѣ жилъ и гдѣ умеръ, объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній

²²⁾ Богослов. вѣстн. 1894 г. VII, стр. 84—90, статья проф. Голубинскаго.

²³⁾ Древне-русс. житія святыхъ, какъ истор. источн. Москва, 1871 г. стр. 277.

²⁴⁾ Мѣсяц. востока, II ч. стр. 205 и замѣтки стр. 260. ²⁵⁾ Книга глаголемая описан. о рос. св. гр. Толстого, Москва, 1887 г. стр. 47. ²⁶⁾ Путешествіе по св. мѣстамъ Муравьева, СПб. 1888 г. ч. I стр. 426. ²⁷⁾ Архангельскій патерикъ, СПб. 1901 г. стр. 214. ²⁸⁾ Ibid. стр. 215.

нѣтъ. Въ 1440 г. тѣло его принесено на льдинѣ по Мстѣ, противъ теченія рѣки, къ Боровицкому порогу ²⁹⁾).

14) Максимъ Московскій (11 ноября) † 1433 г., проф. Ключевскій говоритъ, что „о св. житіи его быша не малая книга написанная“, неизвѣстно куда пропавшая ³⁰⁾ и оно извѣстно только по краткой редакціи, писанной во второй половинѣ XVI вѣка.

15) Михаилъ Клопскій (11 янв.) жилъ при великомъ князѣ Василии Димитріевичѣ, при митр. Фотіи (грекѣ изъ Мореи), при игуменѣ Троицкаго клопскаго монастыря (въ 15 вер. отъ Новгорода близъ рѣки Вояжи) Θεодосіи ³¹⁾. О времени прихода св. Михаила (23-го іюня 1408 г.) въ Клопскій монастырь упомянуто въ Новгородской лѣтописи III подъ 6916 г. ³²⁾. Житіе его въ первый разъ, какъ видно изъ похвалы святому ³³⁾, написано было нѣкимъ рабомъ Арсеніемъ, а дополнено и распространено, какъ ясно изъ лѣтописи по Воскресенскому списку ³⁴⁾, бояриномъ Тучковымъ, которому Владыка Макарій велѣлъ написать и распространить житіе и чудеса блаж. Михаила, нарицаемаго Салоса ³⁵⁾. Въ рукописныхъ святцахъ кончина св. Михаила помѣчена 1452 г.; это показаніе, говоритъ проф. Ключевскій, очевидно, составилось посредствомъ приложенія 44 лѣтъ жизни юродиваго въ Клопской обители къ 1408 г., когда по лѣтописи св. Михаилъ пришелъ въ Новгородъ; но неизвѣстно, когда онъ пришелъ на Клопско и можно только предполагать, что не позже 1408 г. Годомъ смерти св. Михаила проф. Ключевскій считаетъ 1456 ³⁶⁾. Вершинскій — 1452 ³⁷⁾, а въ словарь историческомъ о россійскихъ святыхъ годъ смерти его падаетъ на 1453 г. ³⁸⁾.

16) Исидоръ Твердисловъ (14 мая) XV в. Онъ пришелъ въ Россію изъ Германіи, но родомъ былъ славянинъ,

²⁹⁾ Словарь истор. о св. стр. 111. СПб. 1836. ³⁰⁾ Собрн. XVII—XVIII в. Древн русск. жит. св. стр. 246. ³¹⁾ Филаретъ, архіеп. Чернигов., жит. св. стр. 127, янв. издан. 1892 г. ³²⁾ Толст. Святѣи и древн. Новгорода. Москва. 1862 г. стр. 196. ³³⁾ Новгор. еп. вѣд. 1898 г. № 24. ³⁴⁾ Полн. собр. лѣт. т. VI, стр. 301. ³⁵⁾ Сказ. о житіи блаж. Михаила юродиваго. СПб. 1877 г. ³⁶⁾ Древне-русс. ж. св. стр. 212. ³⁷⁾ Мѣсяцесловъ. 11 янв. ³⁸⁾ Стр. 173, СПб. 1836 г.

а не нѣмецъ, какъ думаетъ авторъ историческаго словаря о святыхъ (стр. 109); на славянское его происхожденіе указываетъ и его мірское имя Твердиславъ, позднѣйшими переписчиками передѣланное въ Твердисловъ и неправильно толкуемое, какъ прозваніе его за то, что слова его сбывались ³⁹⁾. Въ словѣ Твердисловъ видна уже народная этимологія, не наблюдающая истиннаго происхожденія словъ ⁴⁰⁾. Умеръ 1474 г. Древнѣйшіе списки житія его восходятъ не далѣе конца первой половины XVI в. ⁴¹⁾.

17) Іоаннъ Устюжскій (21 мая) родился въ селѣ Пуховѣ, на рѣкѣ Сухонѣ, гдѣ былъ древній городъ Устюгъ; † 1494 г.; житіе его писано въ 1554 г. и сообщено игуменомъ Борисоглѣбскаго Сольвычегодскаго монастыря Діонисіемъ, лично знавшимъ св. Іоанна юродиваго, своему сыну, который его жизнь и описалъ ⁴²⁾.

18) Лаврентій Калужскій (10 авг.) † 1515 г. Авторъ словаря св. російской церкви на основаніи исторіи рос. іерарх. (VI, 1019) и описанія Лютикова монастыря полагаетъ, что онъ происходилъ изъ рода бояръ Хитровыхъ, на томъ основаніи, что его имя записано первымъ въ родѣ Григорія Семеновича Хитрова въ помянникѣ Перемышльскаго Лютикова монастыря (стр. 143). Но предположеніе это за несомнѣнное признать нельзя, потому что прежде было въ обычаѣ, продолжающемся и теперь, записывать въ своихъ помянникахъ имена мужей, извѣстныхъ свято-стію своей жизни, для выраженія уваженія къ нимъ. Такъ, въ Тамбовской губерніи есть много помянниковъ, въ которыхъ записаны въ главѣ частныхъ родовъ общеуважаемая имена старцевъ: Серафима Саровскаго, Иларіона Троекуровскаго и пр., а въ Калужской и Орловской—старца Леонида, Макарія и др. Копіи съ частныхъ помянниковъ вносятся на страницы монастырскихъ синодиковъ по просьбѣ вкладчиковъ обители, безъ всякаго изслѣдованія о томъ, чьи имена вписаны въ помянникахъ. Поэтому, и относи-

³⁹⁾ Книга глаголемая описаніе о рос. св. Толстого 1888 г. Москва, стр. 103.

⁴⁰⁾ Блаж. Исидоръ Ростовскій. Ярославль. 1884 г. стр. I, прим. 3-е. ⁴¹⁾ Тамъ-же стр. 2. ⁴²⁾ Ключевскій. Древне-русс. жит. св. стр. 278.

тельно св. юродиваго Лаврентія слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, что сказано о немъ въ записи Лаврентіева Калужскаго монастыря: „отца же и матери его никтоже свѣдомъ, древнихъ ради лѣтъ бывшихъ“. О дѣяніяхъ св. Лаврентія доставляетъ краткое свѣдѣніе старинная монастырская записъ, писанная въ концѣ XVII в. или въ началѣ XVIII в. при игуменѣ Киріонѣ ⁴³⁾.

19) Василій Московскій (2 авг.) жилъ во второй половинѣ XV в. при великомъ князѣ Іоаннѣ III въ селѣ Елоховѣ (близъ Москвы); † 1552 г. Св. Димитрій Ростовскій его житія въ Великой четѣи-минеи не нашелъ; ⁴⁴⁾ въ библиотекѣ Покровскаго Московскаго собора хранится рукописное „житіе и слово похвальное и чудеса св. Василия, новаго чудотворца Московскаго“, обслѣдованное проф. Ключевскимъ ⁴⁵⁾.

20) Николай Псковскій (28 февр.) † 1576 г. Название Салось не есть прозвище, а сирское слово, означающее простой, глупый. У грековъ это слово употребляется вмѣсто нашего юродивый, какъ видно изъ описанія путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію, гдѣ юродивый Кипріанъ названъ Салосомъ ⁴⁶⁾.

21) Іоаннъ Власатый (3 сент.), подвизавшійся въ Ростовѣ, † 1581 г. ⁴⁷⁾, а преосв. Филаретъ Черниговскій годомъ кончины его считаетъ 1580 ⁴⁸⁾, преосв. Сергій при-
мыкаетъ къ его мнѣнію ⁴⁹⁾.

22) Симонъ Юрьевецкій (4 ноября). Онъ родился въ селѣ Одѣлевѣ, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губ. (въ 20 верст. отъ заштатнаго города Плеса), а не на берегахъ Волги, недалеко отъ Юрьевца, какъ сказано въ житіяхъ святыхъ; † 1586 г. Въ житіяхъ показанъ годъ смерти 1584; въ историческихъ запискахъ о Кривозерской пустынь—1594; Ключевскій считаетъ годомъ смерти 1593. Это не вѣрно потому, что св. Симонъ умеръ при митрополитѣ Діонисіи, а съ 21 декабря 1586 г. былъ въ Москвѣ

⁴³⁾ Калужск. еп. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 5. 13. ⁴⁴⁾ Четѣи-минеи, 2 авг. л. 9.

⁴⁵⁾ Стр. 319, Древне-русс. ж. св. ⁴⁶⁾ Стр. 145; Москва. 1896 г. вып. II. ⁴⁷⁾ Словарь историч. ⁴⁸⁾ Русскіе святые. ⁴⁹⁾ Мѣсяцесловъ стр. 233.

уже патріархъ Іовъ. Житіе его писано во второй половинѣ XVII в., и сохранилось оно въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Около 1635 г. послано было къ патріарху Іоасафу посланіе о житіи и чудесахъ св. Симона. Біографъ писалъ по разсказамъ людей, знавшихъ Симона ⁵⁰⁾.

23) Галактіонъ † 1506, инокъ Терапонтова монастыря.

24) Іоаннъ Большой Колпакъ (14 іюля), или Водоносецъ, жилъ при Борисѣ Годуновѣ; родомъ изъ страны Вологодской; † 1589 или 1590 г. Житіе его написано въ Москвѣ въ 1647 г.; „рукою многогрѣшнаго простаго монаха“ ⁵¹⁾.

25) Кипріанъ Суздальскій (окт. 2) жилъ въ началѣ XVII в. въ селѣ Воскресенскомъ на р. Уводи, Влад. губ., Ковровск. уѣзда, † 1622 г. ⁵²⁾.

26) Прокопій Вятскій (21 дек.), Хлыновскій уроженецъ изъ Корякинской деревни, въ 6 вер. отъ г. Вятки, † 1627 г. Житіе его писано во второй половинѣ XVII в. ⁵³⁾.

27) Максимъ Тотемскій священникъ (18 янв.) † 1650 г. ⁵⁴⁾.

28) Андрей Тотемскій (10 окт.) род. 1638 г. † 1673 г. въ вологодскихъ предѣлахъ въ селеніи Усть-Тотемскомъ. Проф. Голубинскій говоритъ, что онъ умеръ въ 1674 г. ⁵⁵⁾.

29) Іона монахъ Пѣшношскаго монастыря Московск. губ., Дмитровск. уѣзда подвизался во второй половинѣ XVII в. † 1737 г. въ лѣсу и найденъ охотниками чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти совершенно нетлѣннымъ. О его подвигахъ было писано въ свѣтской литературѣ, напр. въ „Маякѣ“ за 1845 г. т. VI и въ Московскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за тотъ же годъ. Послѣдній изъ юродивыхъ не канонизованъ.

У Преосв. Сергія, архим. Леонида, у Савваитова, Барсукова, Толстого, Поселянина, Кайдалова и др. упоминается еще до 26 юродивыхъ, свѣдѣнія о которыхъ находятся въ рукописныхъ святцахъ мѣстныхъ монастырей и церквей, но они не канонизованы.

⁵⁰⁾ Ключевскій. Древне-русс. ж. св. стр. 343—344. ⁵¹⁾ Ключевскій. Древне-русс. житія свят., стр. 330. ⁵²⁾ Филаретъ, жит. св. окт. 2. ⁵³⁾ Ключевскій. Древне-русс. ж. св., стр. 344. ⁵⁴⁾ Богосл. вѣстн., 1894 г., Августъ, стр. 217. ⁵⁵⁾ Богосл. вѣст., 1894 г. сентябрь, стр. 9 дополненіе.

Всѣ историческія свѣдѣнія изъ жизни поименованныхъ св. юродивыхъ, строго провѣренныя критикой, вошли въ составъ нашего сочиненія въ качествѣ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ извѣстное нравственное положеніе.

Чтобы опредѣлить значеніе и смыслъ самаго названія, какое св. церковь прилагаетъ къ поименованнымъ угодникамъ Божиимъ, необходимо названіе „юродивый“ разсмотрѣть въ связи съ другими наименованіями, составляющими принадлежность каждаго юродиваго и помѣщающимися въ ихъ житіяхъ. Въ самыхъ повѣствованіяхъ св. юродивые — монахи именуются преподобными, мірскіе именуются праведными и блаженными.

Конечно, св. церковь, усвоивъ св. юродивымъ различныя наименованія, выражающія ихъ свойства и добродѣтели, кромѣ прославленія ихъ, имѣетъ цѣлю еще и то, чтобы возбудить въ сердцахъ всѣхъ членовъ церкви благочестивую ревность къ достиженію той славы, какую заслужили предъ Богомъ св. юродивые. „Мужества святыхъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, ими же, Богу помогающе, крѣпцѣ противу плотскихъ вожделѣній ратоваша, памятовати потребно быти разумѣмъ, яко образъ добродѣтельнаго ихъ житія разумѣюще, себе самихъ возбуждаемъ къ тѣхъ подражанію“ ⁵⁶⁾. Сообразно этому св. намѣренію не бесполезно вникнуть въ смыслъ и значеніе тѣхъ наименованій, какія св. церковь усвояетъ св. юродивымъ. Всѣ юродивые именуются святыми. Если производить слово святой — ἅγιος отъ греческихъ же словъ: отрицательной частицы α и γή — земля, то оно будетъ означать такого человѣка, который живетъ жизнію не земною, а небесною, т. е. который не прилѣпляется ни къ чему земному, порочному, а всѣмъ существомъ своимъ постоянно стремится отъ земли горѣ — къ Богу, и для котораго земля есть не болѣе, какъ мѣсто изгнанія, истинное же отечество его на небѣ (Филип. III, 20). Русское слово святой можно производить отъ славянскихъ словъ: свыше и ятый, т. е. такой

⁵⁶⁾ Четьи-минеи 10 іюня, житіе св. Вассіана.

человѣкъ, который жизнію своею показываетъ, что онъ стоитъ выше всего земного, принадлежитъ къ горнему міру, и который дѣлами своими возвышается надъ прочими земнородными. Еврейское слово кадош означаетъ отдѣленнаго, избраннаго изъ всѣхъ и назначеннаго на служеніе истинному Богу ⁵⁷⁾).

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ соображеній о словѣ святой, какъ прилагательномъ къ юродивымъ, можно заключить, что они представляли изъ себя классъ людей, такъ сказать, надземныхъ, т. е. такихъ, которые устремлялись горѣ къ Богу, выдѣленныхъ самимъ Богомъ изъ среды другихъ людей, избранныхъ Ему на служеніе.

Затѣмъ, св. юродивые—монахи именуются преподобными. Смыслъ слова преподобный раскрываетъ преосв. митрополитъ Михаилъ (петербургскій): „истинное преподобіе, говоритъ онъ, состоитъ въ сходствѣ и сообразности душевныхъ совершенствъ человѣка и его дѣлъ съ совершенствами и дѣяніями Божиими. Имѣть свойства, сходныя съ свойствами Божиими и поступать по онымъ—вотъ что составляетъ истинное преподобіе; быть духу человѣческому въ согласіи съ Духомъ Божиимъ, быть въ единствѣ съ Богомъ, повиноваться Богу и покоряться святѣйшей Его волѣ—вотъ что дѣлаетъ человѣка истинно преподобнымъ! въ этомъ единообразіи ума, воли и человѣческихъ дѣяній съ премудростію, волею и дѣяніями Божиими состоитъ истинное преподобіе, то подобіе, для котораго человѣкъ сотворенъ и искупленъ ⁵⁸⁾». Показавъ, въ чемъ состоитъ преподобіе, тотъ же авторъ, далѣе, раскрываетъ, какіе именно праведники и почему называются преподобными: „большею частію въ христіанской церкви преподобными назывались проходившіе иноческое званіе, впрочемъ, не потому только они названы преподобными, что таковую иноческую жизнь проводили наружно, но по внутреннему качеству, потому именно, что внутреннимъ своимъ духомъ они были весьма подобны Господу Богу; и

⁵⁷⁾ Исх. XIII, 1; Лев. XX, 26; Іерем. I, 5. ⁵⁸⁾ Бесѣды Михаила т. VI, Изданіе Терскова и Булаковскаго. СПб. 1856 г. стр. 646.

посему то не всѣ тѣ удостоены сего великаго наименованія, кои жили въ пустыняхъ и обителяхъ, но только тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно были подобны сотворшему и искупившему ихъ Господу“ ⁵⁹⁾.

Такъ, значить, св. церковь, называя юродивыхъ пре-подобными, соединяетъ съ этимъ именемъ тотъ высокій смыслъ, что св. юродивые въ своей жизни являлись истинными подражателями Господа Иисуса Христа, старавшимися жизнь свою сдѣлать подобною жизни Спасителя. „Они въ слѣдъ Христа усердно потекоша“; воспѣваетъ св. Церковь въ канонѣ св. юродивымъ ⁶⁰⁾, „скорбнымъ и тѣснымъ путемъ Христовымъ шествовали“ ⁶¹⁾. „Все отложъ мірское мудрованіе потеклъ еси радуяся въ слѣдъ Христа Бога“, поется въ канонѣ св. Василию. Эта мысль подтверждается еще третьимъ церковнымъ наименованіемъ св. юродивыхъ— „праведные“ (отъ слова правда, право—веду, т. е. жизнь веду правую) и особенно четвертымъ названіемъ— „богоносные“, какимъ именемъ названы Михаилъ Клопскій, Симеонъ и др., заимствованнымъ изъ отвѣта св. Игнатія императору Траяну. Это важное наименованіе вполнѣ приличествуетъ св. юродивымъ, какъ постояннымъ носителямъ въ сердцахъ своихъ Христа; св. церковь именуетъ ихъ домомъ, жилищемъ Духа Пресвятаго ⁶²⁾; „ты изъ млада Христа возлюбилъ еси, воспѣваетъ св. Церковь въ канонѣ св. юродивому Андрею, и къ Нему единому возжелѣлъ еси“. „домъ Христова благодаренія былъ еси“, прославляетъ св. Церковь блаженнаго Василія въ стихирахъ на великой вечернѣ. Этимъ наименованіемъ св. Церковь обращаетъ вниманіе на высокую, благочестивую, святую и назидательную жизнь св. юродивыхъ.

Пятое наименованіе св. юродивыхъ имѣетъ общій характеръ и прилагается почти каждому святому—это „блаженный“, т. е. убажжаемый ⁶³⁾; это названіе нельзя исключительно относить только къ св. юродивымъ, какъ допу-

⁵⁹⁾ Тамъ же, стр. 643. ⁶⁰⁾ Общ. мин. ⁶¹⁾ Изъ канона св. Василию, 2 августа.

⁶²⁾ Стихира на стих. изъ общ. миней. ⁶³⁾ Ср. блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, 1-й пс.; блаженны Спасителя, Мѣ. V гл.

скаеть это протоіерей Леонидъ Петровъ въ своихъ „краткихъ запискахъ о принадлежностяхъ и составныхъ частяхъ богослуженія ⁶⁴⁾, потому что блаженными часто называются и князья (напр. Александръ Невскій, Петръ Муромскій), преподобные (напр. Матѳей прозорливый окт. 5), святители (напр. Алексій митрополитъ въ житіи преп. Сергія 25 сент.) и пр.

Но самымъ распространеннымъ названіемъ выше перечисленныхъ св. подвижниковъ служить „уродивый“ или „юродъ“, какъ постоянно обозначается въ житіяхъ этихъ св. подвижниковъ. Во всѣхъ же древнихъ рукописныхъ житіяхъ они именуются уродивыми, уродами. Такъ въ житіи блаженного Симеона онъ постоянно называется оуродомъ; въ Патерикѣ Печерскомъ повѣствуется, что преподобный Исаакій „поча по міру ходити оуродомъ ся творя“; св. Авраамій Смоленскій „измѣнися свѣтлыхъ ризъ и въ худыя облечеса и хожаше яко единъ отъ нищихъ, — на оуродство ся приложи“ ⁶⁵⁾; житіе св. Іоанна Устюжскаго начинается такими словами: „мѣсяца маія въ 29 день. сказаніе и житіе св. праведнаго Иванна, иже Христа ради оуродиваго“, и немного ниже—и явися чудо отъ иконы святого праведнаго Прокопія, оуродиваго Христа ради“ ⁶⁶⁾; рукописное житіе св. Прокопія Устюжскаго начинается такъ: „и якоже бо исперва глаголетъ о блаженныхъ оуродивыхъ и т. д. . . въ лѣто 6986 г., бѣ нѣкій мужъ, оуродивый Христа ради, именемъ Прокопій“ ⁶⁷⁾; въ Степенной книгѣ ⁶⁸⁾ про св. Василия блаженного говорится: и аще проходя съ беззлобіемъ богомудрственное уродство ⁶⁹⁾; въ церковномъ уставѣ Троицкаго Лютикова монастыря (въ 6½ верстахъ отъ г. Перемышля, Калужской губерніи), написанномъ между 1474 и 1513 гг., надобно полагать на югѣ, въ Кіевской митрополіи, — подъ 14 мая читается: „св. Исидора Христа ради Уродиваго чудотворца

⁶⁴⁾ СПб. 1860 г., стр. 74. ⁶⁵⁾ Голубинскій, Исторія русск. церкви, т. I, гл. VI, стр. 548, Москва 1881 г. ⁶⁶⁾ Библиологическій словарь П. М. Строева, СПб. 1882 г., стр. 332. ⁶⁷⁾ Тамъ же стр. 343. ⁶⁸⁾ Ч. 2, ст. 17 гл. 9. ⁶⁹⁾ Бѣлянкинъ. Сказаніе о житіи и чудесахъ св. Василия блаженного. Москва 1884 г., стр. 37.

Ростовскаго“ ⁷⁰⁾; въ общей Миней, напечатанной при патриархѣ Іоакимѣ въ 1685 г., въ тропарѣ юродивымъ говорится: „мы оуроди оуродъ бысть Христа ради ⁷¹⁾; св. Исидоръ Твердисловъ „пріемъ уродственное, буйственное еже Христа ради житіе“ ⁷²⁾.

Такимъ образомъ, древнее общее названіе св. юродивыхъ есть „оуродъ“, перешедшее, затѣмъ, въ „юродъ“. Юродъ = jurodъ = iu + rodъ. Частица u = санскритскому ава, латинскому au. Если сравнить санскритское ава + rat — низвергаться и ава + jñā — мало цѣнить съ латинскими словами aufero и aufugio и съ славянскимъ словомъ — uběžātъ, — то смыслъ частицы iu (ou и ю) будетъ означать все то, что мало цѣнится, чего можно не знать, отъ чего можно убѣгать. Значить, частица ou (древній большой юсь) означаетъ — отдѣленность, отходъ отъ чего нибудь. Rodъ; санскритское rudh — подниматься, расти ⁷³⁾. Слѣдовательно, „юродъ“ будетъ означать нѣчто такое выросшее, поднявшееся, но что слишкомъ малоцѣнно, чтобы на него обращать вниманіе. Характеристичнымъ опредѣленіемъ слова „юродъ“, понимаемомъ въ указанномъ смыслѣ, служить славянское, отречіе міра ⁷⁴⁾: „якоже отречи міру быхомъ“ (περιχάρμα), говоритъ св. апостолъ Павелъ, выражая этимъ наименованіемъ ту мысль, что апостолы ничѣмъ не отличаются отъ того, что въ домахъ выбрасывается, какъ излишнее, какъ соръ, который выметають изъ дома на дворъ, а потомъ и со двора ⁷⁵⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи приведенныхъ словъ апостола Павла „отречіе“ называетъ прямо „буйство“ („буи“) ⁷⁶⁾. На основаніи этихъ соображеній можно заключить, что „юродивый“ — это есть отверженный міромъ, обществомъ. Сравнивая же слово „уродъ“ (юродъ) съ словомъ „выродокъ“, мы получимъ еще подтвержденіе высказанному соображенію о смыслѣ

⁷⁰⁾ Блаженный Исидоръ Ростовскій, Ярославль. 1877 г., стр. 23. ⁷¹⁾ Ковалевскій. Юродство о Христѣ. Москва. 1900 г., стр. 91 прим. 2-е. ⁷²⁾ Тамъ же стр. 239. ⁷³⁾ Свѣдѣнія эти сообщены проф. прот. М. И. Орловымъ. ⁷⁴⁾ I Кор. IV, 13. ⁷⁵⁾ Толк. I-го посланія ап. Павла къ Коринѣ. Епископа Теофана. Москва. 1882 г. стр. 161. ⁷⁶⁾ Бесѣда Златоуста на 1-е посланіе къ Коринѣ. СПб. 1858 г., стр. 226.

слова „юродивый“; „выродокъ“ будетъ означать человѣка выкинутого, выброшеннаго изъ рода, отверженнаго родомъ.

Такимъ образомъ, слово „юродивый“, употребляемое св. Церковью, какъ эпитетъ нѣкоторыхъ подвижниковъ, имѣетъ чрезвычайный смыслъ; церковь этимъ названіемъ выражаетъ ихъ отдѣленность отъ общества и избранность Богомъ ⁷⁷⁾, отъѣняетъ свойство ихъ благочестія, состоящее въ отверженіи ихъ міромъ, въ презрѣніи ихъ обществомъ, смотрѣвшимъ на нихъ не какъ на своихъ членовъ, а какъ на какихъ-то выродковъ, отщепенцевъ.

Вотъ первое значеніе слова „юродивый“ и его внутренній смыслъ. Отсюда и „юродство“, если не принимать, покамѣстъ, во вниманіе сакраментальной стороны слова, какъ дѣлаетъ сразу о. Ковалевскій, опредѣляя „юродство“ ⁷⁸⁾, будетъ означать не мнимое безуміе („буйство“), а отдѣленность нѣкоторыхъ лицъ обществомъ и сознательная ихъ отрѣшенность отъ общества для извѣстныхъ цѣлей спасенія. Но въ нашей литературѣ, при опредѣленіи словъ: „юродивый“, „юродство“ оставляется въ сторонѣ первое значеніе этихъ словъ, и опредѣленіе дается только на основаніи внутренняго смысла, заключающагося въ указанныхъ словахъ; вотъ оно: „юродство есть мнимое безуміе“, а юродивые—мнимые безумные (эта мысль проходитъ чрезъ все сочиненіе о. Ковалевскаго); иногда же пренебрегается и эта сторона, и опредѣленіе слова „юродивый“ дается съ одной стороны, не полное, а съ другой—нелѣпое, при отсутствіи всякихъ основаній подобное опредѣленіе встрѣчается въ энциклопедическомъ словарѣ Павленкова ⁷⁹⁾: „юродивые, читаемъ тамъ, это есть пользующіеся въ народномъ быту особымъ уваженіемъ, какъ прорицатели и ясновидцы, психическія больныя лица, ведущія скитальческій образъ жизни и поражающія неразвитыхъ людей странностями, причудами и нелѣпымъ бредомъ“. Почти тоже самое говоритъ и г. Скабичевскій: „въ жизни зачастую случается, что тамъ, гдѣ рисуется передъ нами могучая

⁷⁷⁾ I Кор. I, 27. ⁷⁸⁾ Стр. 32, 33. ⁷⁹⁾ Спб. 1899 г. стр., 2839.

сила, на самомъ дѣлѣ таится жалкое безсиліе. Такъ, крестьяне готовы бываютъ видѣть особеннаго избранника неба въ лишенномъ разума юродивомъ, которому мѣсто въ психіатрической больницѣ“ ⁸⁰⁾. Такія опредѣленія или, точнѣе говоря, характеристики, могутъ получаться тогда, когда человѣкъ совершенно не знакомъ съ извѣстнымъ явленіемъ, и если имѣетъ о немъ какое-нибудь представленіе, то очень поверхностное и судить больше о явленіи, руководясь внѣшними качествами его, а не углубляясь во внутреннее его содержание.

Современники св. юродивыхъ тоже считали ихъ безумными и, конечно, потому, что руководились въ своихъ сужденіяхъ о нихъ соображеніями чисто внѣшняго характера: „иніи, говорится въ житіи св. Андрея ⁸¹⁾, ругахуся ему, яко безумну, иніи бѣсна его быти мняху; мнози же зряще на него глаголаху: неистовъ есть человѣкъ сей, погуби умъ, дабы тако не было и врагомъ нашимъ“ ⁸²⁾. Ростовцы „мняху св. Исидора Твердислова умъ погубивша“ ⁸³⁾. „Видящии народи Іоанна Устюжскаго, мняху, яко цѣла ума не имуща“ ⁸⁴⁾. Преп. Симеона „человѣцы яко юрода и бѣсна быти мняху даже до кончины его“, и постоянно говорили: „юродъ и бѣсенъ есть Симеонъ“ ⁸⁵⁾. Дѣлать заключеніе о психическомъ разстройствѣ юродивыхъ побуждало ихъ современниковъ то обстоятельство, что св. юродивые сами старались казаться безумными, бѣсноватыми. Такъ св. Андрей „нача бѣгати по улицамъ, неистовъ творяшеся“ ⁸⁶⁾. Св. Симеонъ „на новый мѣсяцъ притворяше себѣ бѣснованіе, и падаше аки бѣсенъ и на многая очесамъ человѣческимъ неугодная и нелѣпая дѣяше, всѣмъ себе безумна быти являя“ ⁸⁷⁾. Такія дѣйствія св. юродивыхъ и вызвали поверхностныя, невѣрныя опредѣленія ихъ поведенія, и только тѣ немногіе, которые понимали сокровенный смыслъ этихъ мнимо ненормальныхъ дѣйствій,

⁸⁰⁾ Русская мысль, XI, 1900 г., стр. 47, статья: Аскетическіе недуги въ нашей современной интеллигенціи. ⁸¹⁾ 2 Окт., Четѣи-Минеи св. Димитрія Ростов., л. 11. ⁸²⁾ Ibid. л. 12 об. ⁸³⁾ Прологъ л. 32 об. ⁸⁴⁾ Ibid. 29 Мая, л. 68. ⁸⁵⁾ Чет.-мин. 21 Іюля, л. 146 и 148. ⁸⁶⁾ Чет.-мин. 2 Окт., л. 11. ⁸⁷⁾ Ibid. 21 Іюля, л. 149.

воздерживались отъ подобныхъ заключеній, хорошо зная, что все это св. юродивыми дѣлается для того, „да никтоже мнить ихъ быти святы“ ⁸⁸⁾.

Изъ приведенныхъ мѣстъ уже ясно видно, что „юродство“ и „буйство“—понятія совершенно различныя, да и употребляются они въ житіяхъ другъ за другомъ, какъ не тождественныя понятія („мняху быти юрода и бѣсна“), а потому „безуміемъ“ опредѣлять „юродства“ не должно, а оно можетъ входить въ качествѣ главной характеристической черты подвига „юродства“, отличающей этотъ видъ аскетизма отъ всѣхъ другихъ (напр. отъ столпничества). Поэтому, не рѣшаясь опредѣлять „юродства“, какъ мнимое безуміе, осмѣлимся предложить такое опредѣленіе слова „юродство“: „оно есть отверженность извѣстнымъ родомъ, обществомъ нѣкоторыхъ лицъ“. А такъ какъ дѣйствія св. юродивыхъ, живущихъ въ мірѣ, но презирающемъ ихъ, напоминали безумныхъ, „буихъ“, то, принимая это во вниманіе, частнѣе опредѣлимъ „юродство“—„оно есть образъ жизни мало цѣнный, совершенно отличный отъ обыкновеннаго образа жизни, принятаго въ обществѣ, считающемъ его безуміемъ“.

⁸⁸⁾ Тамъ-же.

ГЛАВА II-я.

Смыслъ употребляемаго въ Священномъ Писаніи слова „буйство“, — существеннаго признака „юродства“. Опреѣленіе „юродства“ въ тѣсномъ смыслѣ.

Въ Священномъ Писаніи нерѣдко употребляется слово „буйство“ въ значеніи безумія. Разсмотримъ эти мѣста св. Писанія для того, чтобы уяснить себѣ еще точнѣе смыслъ слова „юродство“ и опредѣлить его внутреннее значеніе. Такъ, св. царь и пророкъ Давидъ для того, чтобы его не узнали и не выдали Саулу „измѣни лице свое предъ Анхусомъ, царемъ Геескимъ, и притворися въ день той, и бѣяше во врата града, и паде у вратъ града, и слины своя точаше по брадѣ своей. И рече Анхусъ ко отрокомъ своимъ: се видѣсте мужа неистова, почто его введосте ко мнѣ, еда не имѣю азъ неистовыхъ, яко введосте его, да бѣснуется предо мною“ ¹⁾).

Въ русской библіи слово „бѣснуется“ переведено юродствовалъ. Пророкъ Іеремія (IV, 32) говоритъ: „вожди людей Моихъ Мене не познаша: сынове буи суть и безумни, мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша“. Этими словами св. пророкъ высказываетъ ту мысль, что уклоненія человѣка отъ Бога повергаетъ его въ невѣжество, пребывая въ которомъ онъ становится искусень и мудръ въ злѣ, а въ добрѣ — невѣжда. Соломонъ въ весьма жалкомъ видѣ представляетъ человѣка, поверженнаго въ невѣжество, и подъ словомъ безумный разумѣетъ преданнаго порокамъ, потому что страсти и пороки, омрачая сердце человѣка, держатъ его въ глубокомъ невѣдѣніи о самомъ себѣ, о твореніи и о Творцѣ. Онъ говоритъ, что отъ невѣжества происходитъ ожесточеніе сердца: „наказаніе приводитъ въ сокрушеніе сердце мудраго, безумный же бѣмъ не чувствуетъ ранъ“ ²⁾), что невѣжество доводитъ человѣка до величайшаго несчастія — утѣшаться своими грѣхами: „смѣхомъ безумный творитъ злая“ ³⁾). Іисусъ

¹⁾ Царст. I, XXI, 13—15. ²⁾ Притч. XVII, 10. ³⁾ Притч., X, 23.

сынъ Сираховъ говоритъ, что невѣжда самымъ дерзкимъ образомъ отвергаетъ всѣ средства ко спасенію: „буй, услышавъ слово, находится въ родахъ и силится низвергнуть его изъ себя“ ⁴⁾.

Въ священныхъ книгахъ новаго завѣта, „буйство“ (конечно духовное) прямо рекомендуется, какъ признакъ премудрости. Св. апостолъ Павелъ пишетъ: „аще кто мнитсѣ мудръ быти въ васъ, въ вѣцѣ семъ буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ“ ⁵⁾.

По толкованію преосвященнаго Теофана смыслъ этихъ словъ апостола Павла заключается въ слѣдующемъ: „мудрецъ, имѣя свое міровоззрѣніе, ставитъ себя въ этомъ мірѣ на высоту и въ устроеніи своей участи, своего быта, въ веденіи своихъ дѣлъ руководствуется только своими собственными соображеніями, не сознавая нисколько нужды въ высшей помощи; предметы, которыми занята его мысль— все внѣшнее, земное „благодѣіе“, тогда какъ забота о душѣ и о спасеніи ея ему на умъ не приходитъ. Не смотря на то, что житейская его мудрость и сумма познаній очень ограниченны, онъ всегда высоко ставитъ себя по мудрости и находится потому въ прелести, такъ какъ считаетъ себя имѣющимъ то, чего нѣтъ. Разсѣявая эту прелесть, апостолъ и говоритъ: всякій такой „буй да бываетъ“, т. е. прежде всего пусть познаетъ самъ себя, что не имѣетъ никакой мудрости, потомъ и самую мнимую мудрость пусть признаетъ не мудростію, а пустымъ призракомъ мудрости, затѣмъ, пусть приметъ ученіе и образъ жизни такіе, которые и самъ онъ прежде считалъ буйствомъ и всѣ, которые одинаковаго съ нимъ настроенія и считали и считаютъ буйствомъ, и такимъ буимъ пусть явится предъ лицомъ всѣхъ мудрыхъ въ этомъ вѣкѣ. Буимъ быть— значитъ—самого себя признать таковымъ по внѣшней мудрости, и чтобы другіе стали считать такимъ, потому что онъ во всемъ перемѣнился. А такой не можетъ уже обойтись безъ того, чтобы его не поносили, какъ буяго: онъ вѣруетъ

⁴⁾ Сирах. XIX, 11. ⁵⁾ 1 Кор. III, 18.

въ Распятаго, раздаетъ имѣніе, умерщвляетъ плоть, ночи проводитъ въ молитвѣ, чуждается увеселеній; обижаютъ кто, не защищается; предъ нимъ—красоты въ разныхъ видахъ,—а онъ вкуса въ нихъ не находитъ; денежку не бережетъ про черный день; всегда о чемъ-то думаетъ и ждетъ себѣ того, чего не видитъ ни онъ и никто другой. По мудрости вѣка сего—это всякаго осужденія достойное буйство. Его то и предлагаетъ апостоль, увѣряя, что кто такимъ сдѣлается, тотъ настоящимъ мудрецомъ и будетъ; да премудръ будетъ“, т. е. иначе нельзя быть истинно премудрымъ, какъ явившись буимъ предъ лицомъ мудрости вѣка сего. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, „какъ апостоль повелѣваетъ быть мертвымъ для міра ⁶⁾, и эта мертвость не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, содѣлываясь источникомъ жизни, такъ и теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Потому, какъ нищета по Богу ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣе всѣхъ, потому что у насъ все бываетъ напротивъ. Какъ крестъ, вещь повидимому, поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости“ ⁷⁾.

Такимъ образомъ, истинное благочестіе, и какъ проявленіе его аскетизмъ, есть „буйство“ въ глазахъ другихъ, но то, что представляется другимъ безразсудствомъ, на дѣлѣ есть мудрѣе всего того, что могутъ придумать люди, и сильнѣе всего того, что они могутъ сдѣлать. Эту мысль высказываетъ св. апостоль Павелъ въ 1 посл. Коринѣ. I, 25: „буге Божіе премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпчае человѣкъ есть“.

⁶⁾ Колос. II, 20. ⁷⁾ Толк. на 1 посл. къ Коринѣ. епископа Теофана, Москва. 1893 г., стр. 148—150.

По толкованію блаженнаго Θεодорита буимъ и немощнымъ Божіимъ, по мнѣнію несмысленныхъ, апостолъ называетъ тайну креста и доказываетъ, что она превозмогла и мудрыхъ и сильныхъ“. Мудрости человѣческой казалось, что крестъ—свидѣтельство немощи и вѣровать въ него—неразуміе, а на самомъ дѣлѣ, совсѣмъ другое было: вѣрующіе въ него исполнялись силою и премудростію.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что апостолъ, „говоря о буйствѣ и немощи креста, разумѣетъ не то, что онъ дѣйствительно былъ таковъ, но кажется такимъ, такъ какъ онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ, или тотъ, кто не убѣждаетъ никого? Платонъ сколько старался доказать, что душа безсмертна, но не сказалъ ничего яснаго и не убѣдилъ никого! напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ обратилъ и убѣдилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, евангельской жизни и будущемъ судѣ, онъ сдѣлалъ любознательными всѣхъ и земледѣльцевъ и неученыхъ. Такъ „буге Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчаетъ человѣкъ есть“. Сильнѣе и крѣпче тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всѣхъ своей власти и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливало истребить имя Распятаго, сдѣлало противное. Это имя возрастало и прославлялось болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали; живые, возставаая противъ преданнаго смерти, не могли ничего сдѣлать. Что благодатію Божіею совершили мытари и рыбаи, того и философы, и риторы, и властители, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить, понять того, что сдѣлалъ крестъ. Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи, о воскресеніи тѣлѣ, о презрѣніи настоящихъ благъ и надеждѣ благъ будущихъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами; имъ всѣ и вездѣ стали любознательными и способными ко всякой добродѣтели ⁸⁾.

⁸⁾ 1 Кор. I, 27.

И вотъ безумныхъ, въ глазахъ общества, людей Господь и избралъ въ качествѣ провозвѣстниковъ великихъ христіанскихъ истинъ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая“ ⁹⁾. По толкованію епископа Теофана буяя міра—люди невѣжды; немощная—бѣдные, никакого вѣса въ обществѣ и власти не имѣющіе. Противоположные имъ люди премудрые, превозносящіеся своимъ (умомъ) знаніемъ; крѣпкіе—сильные властію и вѣсомъ въ обществѣ, полагающіе въ нихъ прочность своего состоянія.

Богъ избралъ первыхъ, чтобы посрамитъ и упразднить послѣднихъ и именно тѣмъ, что, оставляя первыхъ по внѣшности, какъ и были, исполнилъ ихъ совершенствами въ духѣ, такими высокими, такъ рѣзко выдавшимися, что послѣдніе не могли ихъ не замѣтить и не могли не сознать, что эти совершенства несравненно выше тѣхъ, какія они имѣютъ.

Сознать, что тѣ, которыхъ они ни во что вмѣняли, стали несравненно выше ихъ,—вотъ въ чемъ посрамленіе.

Входя въ соприкосновеніе съ ними благородные видѣли въ уничиженныхъ высокое благородство нрава, чувствъ и расположеній, которыхъ сами не имѣли и которыхъ не давало имъ рожденіе по плоти; крѣпкіе видѣли въ немощныхъ власть надъ собою, ненарушаемую никакими страстями и спокойствіе духа, неколеблемое никакимъ стеченіемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, видѣли власть и спокойствіе, которыхъ были чужды сами и которыхъ не давала имъ ихъ внѣшняя власть; премудрые видѣли въ буихъ свѣтлость понятій о всемъ: о Богѣ, о мірѣ и паче о человѣкѣ,—о его назначеніи на землѣ и о его загробной участи и о томъ, какъ сдѣлать, чтобы перейти въ иную жизнь не на муки, а на блаженство, видѣли понятія, предъ которыми ихъ собственныя, съ такимъ трудомъ добытыя, ничто и по скудости, и по не далекости, и по темнотѣ, и

⁹⁾ Толк. на 1 посл. къ Кор. еп. Теофана, Москва. 1893 г., стр. 75—76.

по неопредѣленности. Увидѣвъ все это, лица видныя не могли не чувствовать себя посрамленными. Опыты показали, что тѣ, которые увидѣли себя посрамленными, бросали все, что считали цѣннымъ, обращались къ вѣрѣ и смиренно вступали въ общество тѣхъ, которыхъ прежде вмѣняли ни во что.

Такъ Богъ устроилъ потому, что нельзя было иначе отвлечь умы отъ плотскаго и видимаго, какъ представивъ предъ очи ихъ такъ разительное преимущества духовныхъ совершенствъ, при внѣшней невидности и обнаженіи отъ преимуществъ плоти.

Блаженный Феодоритъ говоритъ, что „апостолъ буимъ, немощнымъ и худороднымъ назвалъ по мнѣнію человѣческому, потому что истинное безуміе (буйство)—отсутствіе вѣры. Богъ же всяческихъ неучеными побѣдилъ ученыхъ, нищими—богатыхъ и рыбаками уловилъ вселенную“.

„Великая побѣда, говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ, побѣждать посредствомъ немудрыхъ. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любомудрствуютъ лучше ихъ. Поэтому, святой апостолъ Павелъ и сказалъ: „да премудрыя посрамитъ“.

Такъ онъ явилъ великую силу, низлагая великихъ чрезъ тѣхъ, которые казались ничѣмъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ святой апостолъ Павелъ пишетъ: „сила моя въ немощи совершается ¹⁰⁾“.

Въ самомъ дѣлѣ, нужна великая сила, чтобы людей униженныхъ и простыхъ вдругъ научить любомудрствовать о небесныхъ предметахъ. Врачу и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло есть научить, внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе—такую мудрость. Богъ же допустилъ это не только для удивленія или для показанія своей силы, но

¹⁰⁾ 2 Кор. XII, 9.

и для того, чтобы смирить превозносящихся, ихъ гордость и надменность, чтобы низложить самохвалство. Особенно же Онъ этимъ показалъ, что намъ самимъ собою спастись невозможно. Такъ онъ устроилъ въ началѣ, потому что и тогда невозможно было достигнуть спасенія самимъ собою, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданий, чтобы восходить къ Творцу тварей. Этимъ Онъ хотѣлъ низложить имѣвшую явиться надменность. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда его ведетъ, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ собою, то оставляетъ его блуждать и, давъ ему испытать, что онъ самъ собою научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ самъ его руководить, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія тварей, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами собою идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ далъ намъ міръ, какъ бы дщицу. Философы не хотѣли повиноваться Господу и идти къ Нему тѣмъ путемъ, которымъ онъ повелѣлъ. Поэтому, Богъ предложилъ другой, яснѣйшій перваго, путь и обучающій тому, что человѣкъ одинъ самъ по себѣ недостаточенъ для себя. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы, а теперь, кто не будетъ буимъ, т. е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не отдастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись ¹¹⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ толкованій текстовъ 1-го посланія къ Коринѣянамъ, можно заключить, что подъ „буйствомъ“ слѣдуетъ разумѣть смиренную вѣру, которую надо предпочитать внѣшней мудрости; и если человѣкъ не уничтожилъ въ себѣ гордости и высокомерія, а въ замѣнъ ихъ не приобрѣлъ покорности и преданности волѣ Божіей, то спасеніе для него невозможно. Богъ, лишивъ человѣка самохвалства, чтобы снабдить его

¹¹⁾ Толк. на I посл. Кор. еп. Теофана, стр. 78—83.

духовными преимуществами самого высокаго достоинства—каковы правда, освященіе и избавленіе о Христъ Іисусъ ¹²⁾, помогаетъ ему очищаться отъ грѣховъ, руководитъ въ борьбѣ съ міромъ, плотію, діаволомъ и способствуетъ ему достиженію чрезъ это чистоты души, получивъ которую и, всегда хвалясь о Господѣ, христіанинъ никогда не превозносится этимъ, но еще болѣе смиряется.

Вотъ смыслъ слова „буйство“, употребляемаго священными писателями, при свѣтѣ толкованій святыхъ отцевъ и епископа Теофана. „Буйство“ составляетъ неотъемлемый признакъ „юродства“; оно есть главная существенная черта, прежде всего замѣчаемая въ св. юродивыхъ; оно есть то свойство человѣка, которое дѣлаетъ его „не сущимъ“ ¹³⁾, мало цѣннымъ для того, чтобы обращать на него вниманіе, „худороднымъ“, т. е. не такимъ, какъ другіе въ родѣ, а худымъ въ родѣ, простымъ, не похожимъ на другихъ и, значитъ, отличнымъ отъ нихъ, выдѣленнымъ изъ среды другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, „буйство“ по своимъ проявленіямъ побуждаетъ общество отдѣлять изъ его среды всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ имъ; вотъ почему и Анхусъ Геоскій не принялъ мнимобезумнаго Давида въ свое общество, вотъ почему и міръ считалъ апостоловъ за ничто, признавая ихъ безумными, и подобно сору („отреби міра“) выметалъ изъ своей среды; этотъ особый классъ людей, отдѣлившись отъ общества и самимъ имъ отвергнутый, представлялъ изъ себя лицъ, преданныхъ всестороннему униженію ¹⁴⁾.

Эти признаки „буйства“ апостольскаго составляютъ существенныя характеристическія черты и „юродства“.

Что „буйство“ (безуміе, глупость) является главнымъ признакомъ „юродства“, это ясно видно изъ слѣдующихъ мѣстъ священнаго Писанія: Мѡ. V, 22 („аще речетъ уроде...), Мѡ. VII, 26 („уподобится мужу юродиву (безразсудному“), Мѡ. XXV, 2, 3, 8 („пять же бѣ юродивы“...), I Кор. II, 14 („юродство бо ему есть и не можетъ разумѣти“...), Ефес. V, 4, Тит. III, 9 („буихъ стязаній отступай“).

¹²⁾ I Кор. I, 30. ¹³⁾ I Кор. I, 28. ¹⁴⁾ I Кор. IV, 9, 10.

Такимъ образомъ, теперь и можно сдѣлать то опредѣленіе „юродства“ въ тѣсномъ смыслѣ, какое встрѣчается во всѣхъ статьяхъ журнала „Воскресное чтеніе“ за указанные выше годы и у о. Ковалевскаго, т. е. „оно есть такой подвигъ, отличительною чертою послѣдователей котораго служить мнимое безуміе“.

ГЛАВА III-я.

Причины „юродства“ въ связи съ вопросомъ о назначеніи человека. Реализація священнаго текста св. юродивыми. Объясненіе подражанія ихъ Иисусу Христу.

Въ мірѣ Божіемъ всякое твореніе имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе. Солнцу и свѣтиламъ назначено освѣщать землю, землѣ производить растенія, растеніямъ—служить пищею для одушевленныхъ тварей, безсловеснымъ животнымъ служить человѣку. А самъ человѣкъ долженъ служить, благоугождать Богу-Творцу своему и Владыкѣ. Изъ взаимнаго согласія и содѣйствія всѣхъ Божіихъ созданій одной общей цѣли происходитъ гармонія міра. Созданія бездушныя и животныя, не имѣющія разума, исполняютъ свое назначеніе по необходимости, произвольно, повинуются неизмѣнно опредѣленнымъ законамъ. Но человѣку, какъ разумному существу, предназначенному для иной, лучшей и высшей жизни, дана свобода. Онъ долженъ служить Богу и тѣмъ исполнять въ этомъ мірѣ свое назначеніе сознательно, добровольно. Всѣ люди имѣютъ одно общее главное назначеніе—познавать своего Творца, исполнять Его волю, любить и прославлять Его,—и въ этомъ находить свое высшее блаженство. Любовь къ Богу должна быть признана принципомъ нравственной дѣятельности человѣка: „Богъ любви есть, и пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ ¹⁾, а пребывать въ Бозѣ,—значить тоже, что поступать согласно съ волею Божіей, исполнять Его заповѣди: „соблю-

¹⁾ 1 Иоанн. IV, 16.

даяй заповѣди Его, въ Немъ пребываетъ, и Той въ немъ“ ²⁾). Значить, при такой только любви возможна истинно христіанская жизнь. Далѣе, если человѣкъ—чадо Божіе ³⁾, если онъ чрезъ Иисуса Христа приведенъ во внутреннѣйшее и ближайшее общеніе съ Богомъ, какъ Отцомъ своимъ, то воля Божеская не есть уже нѣчто чуждое для него, внѣшнее, которой онъ подчинялся бы по принужденію, страху или въ надеждѣ на награду. Но, сознавая свое сыновнее общеніе съ Богомъ, сродство своего существа съ существомъ Божіимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что исполняя волю Божію, онъ поступаетъ сообразно съ своей собственной природой, что, поэтому, опредѣленія его воли должны постоянно согласоваться съ опредѣленіемъ воли Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ людей отецъ и сынъ стоятъ между собою въ ближайшей, непосредственной, кровной связи. Природы того и другого находятся между собою въ сродствѣ, и сынъ унаслѣдываетъ отъ отца такую или иную организацію тѣла, такой или иной психическій складъ. Вліяніе отца на развитіе сына увеличиваетъ сродство этого склада. Такимъ образомъ, сынъ является представителемъ отца въ новомъ поколѣніи. Далѣе, внутреннее общеніе природъ сына и отца производитъ между ними общеніе во внѣшней жизни, общеніе интересовъ и дѣйствій. Очевидно, что воля отца въ такомъ случаѣ не составляетъ для сына отвнѣ дѣйствующаго на него закона, а является его внутреннимъ самоопредѣленіемъ. слѣдовательно, волю отца онъ выполняетъ, не по принужденію, какъ рабъ, но свободно. Таковъ долженъ быть естественный ходъ отношенія сына и отца. Таково, конечно, и отношеніе человѣка къ Богу должно быть. Если человѣкъ—сынъ Божій ⁴⁾, то, значить, онъ и наслѣдникъ царства небеснаго ⁵⁾. Но это царство для него не есть еще нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ принадлежитъ ему, чѣмъ дѣй-

²⁾ 1 Іоанн. III, 24 и Іоанн. XIV, 23; Мѡ. XXII, 40; Римл. XIII. 8—10; Галат. V, 14; 1 Кор. XIII, 1. ³⁾ Гал. III, 26, IV, 4. 5. 7; Римл. VIII, 13—17; Ефес. 1, 5; 1 Іоанн. III, 1. ⁴⁾ Римл. VIII, 2. 15; Гал. IV, 7. 22—31, V, 1; 1 Петр. II, 16. ⁵⁾ Гал. III, 29; Ефес. III, 6.

ствительно онъ обладаетъ; нѣтъ, оно есть для него только будущее, только имѣющее осуществиться. Слѣдовательно, и участіе его въ немъ есть не даръ только, но и задача и обязанность, если можно такъ сказать, постепенно преуспѣвать въ шествіи къ нему ⁶⁾. Затѣмъ, человѣкъ, какъ и всякое сотворенное существо не можетъ жить отдѣльною, независимою жизнію. Онъ поставленъ въ разнородныя отношенія къ другимъ существамъ, которыя имѣютъ на него неотразимое вліяніе и необходимы какъ для душевнаго, такъ и для тѣлеснаго его существованія. Въ этомъ отношеніи его можно уподобить растенію. Для органической жизни растенія необходимы—свѣтъ и теплота, которыми оно оживляется, согрѣвается, подъ вліяніемъ которыхъ оно растетъ, зрѣетъ; потомъ воздухъ и почва, отъ которыхъ оно получаетъ питаніе. Сверхъ того для растенія необходимо, чтобы собственные его органы были цѣлы, неповрежденны и исполняли, какъ должно, свое назначеніе. При недостаткѣ котораго либо изъ этихъ условій: свѣта, теплоты, воздуха, питанія, или при испорченности собственнаго его корня и стебля, растеніе останавливается въ своемъ ростѣ, вянетъ, сохнетъ. Такъ и человѣкъ для достиженія царства небеснаго долженъ поставить себя въ правильныя отношенія и къ ближнимъ, среди которыхъ назначено ему совершать свое служеніе, и къ тѣмъ главнымъ дѣателямъ, изъ которыхъ слагается его жизнь: къ душѣ и къ тѣлу.

Мы видѣли, что взаимныя отношенія дѣтей и отца опредѣляются, какъ отношенія любви. Любовь къ Богу, какъ начало нравственной дѣятельности, должна всецѣло проникать существо человѣка, должна быть безусловна ⁷⁾. Любовь существенно всегда одна и та же, и потому она есть нѣчто цѣлое. Гдѣ она явилась однажды, тамъ она распространяетъ свой свѣтъ и свою теплоту во всѣ стороны. Въ комъ открылся источникъ любви, тотъ любитъ Бога и человѣка, животныхъ и деревья, словомъ—тотъ для

⁶⁾ Мѡ. VI, 33. ⁷⁾ Мѡ. XXII, 37; Мр. XII, 30; Лк. X, 27.

всего открываетъ свое сердце. Открываться, распространяться во всѣ стороны--это существенное свойство любви. Слѣдовательно, съ любовію къ Богу въ человѣкѣ необходимо должна соединяться любовь и къ ближнимъ—людямъ. Побужденіе же этой любви къ ближнимъ Спаситель указываетъ въ томъ, что Самъ Богъ любитъ всѣхъ людей, что „Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ ⁸⁾ и что такая любовь Божія къ людямъ такъ велика и безгранична, что Онъ „отдалъ Сына Своего едиnorodнаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ ⁹⁾. Раньше было говорено о томъ, что основаніемъ нашей любви къ Богу служить то, что Онъ—нашъ высочайшій Отецъ, а мы Его дѣти; слѣдовательно, мы должны любить и людей, какъ дѣтей Божіихъ и нашихъ братьевъ во Христѣ. Значить, и любовь къ ближнимъ есть необходимое слѣдствіе нашей любви къ Богу и безъ этой послѣдней первая теряетъ свое значеніе и силу. Отсюда понятно, почему Спаситель наряду съ заповѣдью о любви къ Богу поставляетъ заповѣдь и о любви къ ближнимъ и на ту и другую вмѣстѣ смотритъ, какъ на единое начало нашей нравственной жизни ¹⁰⁾. Кто руководствуется этимъ началомъ и поставляетъ себя въ правильныя отношенія и къ Богу, и къ ближнимъ и къ самому себѣ, у того эта жизнь можетъ достигать полноты своего нравственнаго развитія. Въ поясненіе этого возьмемъ примѣръ изъ жизни. Представимъ себѣ, на примѣръ, юношу, воспитаннаго почтенными родителями, но находящагося вдали отъ родного очага и въ борьбѣ съ искушеніями. Дѣло идетъ о его совѣсти—быть можетъ, о его честности; онъ готовъ пасть. Въ эту минуту мысль о домашнихъ встаетъ передъ нимъ. Онъ можетъ отвернуться отъ этого спасительнаго образа и отдаться мечтаніямъ сердца, очарованнаго зломъ. Но если онъ встрѣчаетъ съ любовію благотворный лучъ, блеснувшій ему, если онъ

⁸⁾ Мѡ. V, 45. ⁹⁾ Іоанн. III, 16. ¹⁰⁾ Іоанн. XIV, 15. 21. 23; Мѡ. VI, 24.

останавливается надолго мыслію на дорогомъ ему образѣ отца или матери, что мудренаго, если онъ, въ силу живого представленія этого любимаго для него образа, спасется отъ паденія. Слѣдовательно, любовь наша есть опора въ борьбѣ жизни. Вотъ почему нравственная жизнь можетъ достигать полноты своего развитія только въ томъ случаѣ, когда сердце раскрыло себя для чувства божественной любви и сосредоточило, такимъ образомъ, всѣ свои привязанности на одномъ существѣ, которое всегда и во всемъ абсолютно тождественно съ добромъ. Такимъ образомъ, любовь къ Богу и ближнимъ есть сила, побуждающая человѣка согласовать свою волю съ волею божественною и постепенно вводящая жизнь его въ общеніе съ жизнію Бога ¹¹⁾.

Осуществить это начало въ своей жизни и стремились св. юродивые, вступая на трудный путь „юродства“ и шли твердымъ и неуклоннымъ шагомъ къ цѣли своего назначенія—единенія съ Богомъ ¹²⁾. Твердость этого пути обуславливалась ихъ отношеніемъ къ своей душѣ и къ своему тѣлу. Истинное стремленіе къ общенію съ Богомъ проявлялось въ нихъ сознаніемъ своей грѣховности, виновности ¹³⁾. Вѣдь и Іисусъ Христосъ побуждалъ людей углубляться въ самихъ себя, рассмотреть внимательно свою внутреннюю жизнь, свою природу, чтобы сознать всю грѣховность. Этимъ Онъ полагалъ въ человѣкѣ начало борьбы съ властію живущаго въ немъ грѣха,—борьбы, которая должна увеличиваться тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе и сильнѣе пробуждается въ немъ сознаніе своей грѣховности. Св. юродивые, по ученію Спасителя ¹⁴⁾, и вели упорную, самоотверженную борьбу съ чувственностью, гордостью, насиліемъ, вообще борьбу противъ всякаго рода грѣховныхъ удовольствій и склонностей,—путемъ различныхъ аскетическихъ лишеній плоти, чтобы самоотверженной борьбою съ грѣхомъ достигнуть спасенія ¹⁵⁾. И это вполне естественно.

¹¹⁾ Мѣ. XXII, 39; Мр. XII, 31. ¹²⁾ Іоанн. XIV, 21. 23. ¹³⁾ Мѣ. IV, 17; Мр. I, 15.

¹⁴⁾ Мѣ. X, 38; Мр. VIII, 34; Лк. IX, 23; XIV, 27. ¹⁵⁾ Мр. VIII, 35.

Не всякое сѣмя. въ землю брошенное, приносить плодъ, но только то, которое находитъ благопріятную почву ¹⁶⁾. Борясь съ тѣмъ, чѣмъ человѣкъ не долженъ быть, св. юродивые въ своей дѣятельной жизни осуществляли высокій образецъ Законоположника Христа. Вѣдь, Сынъ Божій, по ученію св. отцевъ. и „содѣлался человѣкомъ для того, чтобы послѣдователи Его уподоблялись Ему смиренномудріемъ, нестяжаніемъ, уничиженнымъ положеніемъ въ мірѣ, перенесеніемъ обидъ и поруганій, безпопечительностью о тѣлѣ, пренебреженіемъ навѣтами лукавыхъ демоновъ, чтобы, слѣдуя за Нимъ распинать плоть свою и умирать для Него и чтобы, побѣдивъ эту борьбою страсти, придти въ состояніе обновленія и назвать себя братомъ Іисуса“ ¹⁷⁾. Желая во всемъ подражать Христу, св. юродивые, живя въ мірѣ, оставляли міръ, чтобы „идти спасительной стезею“ ¹⁸⁾, такъ что „ни смущеніе мірское, ни власти держаніе, ни слава временная“ не могли отвратить ихъ отъ желанія слѣдовать за Христомъ ¹⁹⁾. Они, „послѣдуя глаголомъ божественнымъ и симъ выну поучаяся, исполнялись водъ благодатныхъ и были чужды всякаго плотскаго желанія“ ²⁰⁾. Они являлись точными совершителями заповѣдей божественныхъ ²¹⁾, ничего не любили на землѣ „паче Зиждителя“ ²²⁾, и, слѣдуя Ему, отвергались себя самихъ ²³⁾. Но чтобы раздѣльнѣе представить себѣ—въ чемъ выразилось подражаніе св. юродивыхъ Христу, частнѣе рассмотримъ,—какъ происходитъ оно по ученію св. Писанія? Священное Писаніе учитъ, что Іисусъ Христосъ, являясь Творцемъ новой жизни, Основою и Источникомъ блага въ человѣкѣ, существуетъ не внѣ его, а въ немъ, что чрезъ Него человѣкъ получаетъ возможность, силу и стремленіе къ нравственной жизни; слѣдовательно, чрезъ Него происходитъ зарожденіе и развитіе нравственной жизни человѣка. Такое

¹⁶⁾ Мѣ. XVIII, 3—8. ¹⁷⁾ О терпѣніи скорбей; ученіе св. отцевъ, собранное епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, СПб. 1892, стр. 127. ¹⁸⁾ Стих. св. Прокоп. Іюля 8. ¹⁹⁾ Икосъ по 6-й пѣсни въ службѣ св. Прокоп. 8 Іюля. ²⁰⁾ Изъ канона св. Исидору 14 мая. ²¹⁾ Тамъ-же. ²²⁾ Изъ канона 7-й пѣсни св. Андрею, 2 Окт. ²³⁾ Тамъ-же стихира на хвалитехъ.

развитіе духовной жизни, очевидно, должно быть отображеніемъ или отпечатлѣніемъ образа Творца нравственной жизни. Другими словами: вслѣдствіе свободнаго стремленія человѣка къ внутреннему воспріятію въ себя Христа и даруемыхъ Имъ для нравственной жизни силъ, его внутренняя нравственная фізіономія сама собою образуется подобно образу жизни Іисуса Христа ²⁴). Но слѣдованіе за Христомъ опредѣляется не внѣшнею только стороною, по которой Іисусъ Христосъ является не болѣе какъ только образцомъ жизни, но состоитъ во внутреннемъ общеніи жизни человѣка съ совершеннѣйшею жизнью Богочеловѣка, во внутреннемъ воздѣйствіи жизни Христа на жизнь человѣка, свободно стремящагося къ усвоенію этого воздѣйствія.

Въ Священномъ Писаніи мы не найдемъ такихъ мѣстъ, на основаніи которыхъ мы должны были бы признать Іисуса Христа только образцомъ, а свое отношеніе къ Нему опредѣлять только наружнымъ подражаніемъ Его жизни. Правда, есть мѣста, гдѣ дѣятельности Іисуса Христа усвоится, повидимому, значеніе простого образца, примѣра ²⁵), но всѣ они указываютъ на внутреннюю необходимость для человѣка осуществлять въ своей жизни Христа, а съ другой стороны—на характеръ и степень высоты какъ отдѣльныхъ добродѣтелей въ человѣкѣ, такъ и всей его нравственной жизни. Гдѣ же существуетъ внутреннее общеніе нравственной жизни человѣка съ жизнью Богочеловѣка, тамъ необходимо будетъ и внѣшнее послѣдованіе Ему: послѣднее есть необходимое слѣдствіе перваго ²⁶). Въ этомъ отношеніи послѣдователь Христа не есть простой только подражатель Его образа жизни, но, такъ сказать, центр тяжести своей жизни онъ имѣетъ въ Господѣ; Христосъ для него есть жизнь ²⁷), такъ какъ онъ можетъ сказать, что не онъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ ²⁸). Вотъ объясненіе подражательности св. юродивыхъ въ своей

²⁴) Римл. VI, 4—6; Гал. IV, 19; Ефес. IV, 15; Колос. III, 3. 4. ²⁵) Іоан. XIII, 15; XV, 12; Мѣ. 11, 29. 1 Петр. II, 21; 1 Іоанна II, 6; III, 16, Ефес. V, 2. ²⁶) Іоан. XV, 5. ²⁷) Рим. 1, 21. ²⁸) Гал. II, 20.

жизни образу жизни Христа. И нельзя, поэтому, думать вмѣстѣ съ профессоромъ Петровымъ, что у нихъ было преднамѣренное желаніе подражать и слѣдовать священному Писанію, что они старались исполнять законъ Божій съ буквальною точностью, осуществить его на дѣлѣ, реализовать его. Въ числѣ примѣровъ реализаціи новозавѣтнаго текста профессоръ Петровъ указываетъ на св. юродиваго Серапіона, который Христову заповѣдь,—„продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ“, старался осуществить въ своей жизни, ради нищелюбія продавъ даже евангеліе, съ которымъ никогда не разлучался. А своимъ постояннымъ странничествомъ, какъ и всѣ юродивые, онъ училъ другихъ слѣдующему правилу: „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ“ ²⁹⁾. По примѣру Спасителя, пришедшаго призвать не праведниковъ, а грѣшныхъ къ покаянію, св. юродивые Виссаріонъ, Серапіонъ, Симеонъ спасали блудницъ ³⁰⁾. „Буквально понимая, пишетъ профессоръ Петровъ, слова священнаго Писанія и прилагая ихъ къ жизни, св. подвижники тѣмъ самымъ ставили себя въ тѣ или подобныя имъ обстоятельства, при которыхъ совершались евангельскія событія. А одинаковыя обстоятельства и поступки имѣли и одинаковыя послѣдствія. Вслѣдствіе этого нравственные подвиги ихъ сопровождались чудесными проявленіями благодати Божіей въ духѣ евангельскихъ сказаній. „Такъ, св. юродивые: Андрей и Прокопій Устюжскій восходятъ на небо“ ³¹⁾.

Но, смотря съ этой точки зрѣнія на овеществленіе св. юродивыми тѣхъ или другихъ мѣстъ священнаго Писанія въ ихъ жизни, профессоръ Петровъ, однако, долженъ былъ въ заключеніе разсужденія о реализаціи св. подвижниками священнаго текста, признать подвиги ихъ въ одномъ извѣстномъ направленіи не односторонними и исключаящими себя взаимно, но находящимися въ гармоніи съ другими подвигами и считать монашескую жизнь древнихъ

²⁹⁾ О происхожденіи славяно-русскаго пролога. Кіевъ. 1875 г., стр. 121—123.

³⁰⁾ Тамъ же. ³¹⁾ Петровъ, о происхожденіи и сост. славяно-русскаго печ. пролога, стр. 125.

отцовъ школою высшаго совершенства, гдѣ путемъ упражненія въ разныхъ добродѣтеляхъ и особенно тѣхъ, которые соотвѣтствовали душевнымъ силамъ и внутреннему расположенію подвижниковъ, достигалось нравственное усовершенствованіе.

Конечно, говоритъ онъ, нельзя оспаривать того, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ гармоническаго развитія своихъ душевныхъ силъ и внутреннихъ помысловъ. Чтобы по возможности достигать этого равновѣсія, для этого надобно то ослабить одни расположенія, то усилить другія. При такомъ соотвѣтствіи подвиги св. отцевъ теряютъ свой кажущійся односторонній характеръ и не только гармонизуютъ съ общей системой нравоученія, но и необходимо предполагаютъ ее. Какъ скоро извѣстными особенными подвигами возстановлены душевная гармонія и равновѣсіе нравственныхъ силъ, тогда уже человѣкъ можетъ стоять въ центрѣ всей системы нравоученія и исполнять всѣ заповѣди Господни ³²).

Пользуясь послѣдними словами профессора Петрова, заключимъ, что вся жизнь св. юродивыхъ была жизнью въ любви ко Христу — идеалу нравственнаго совершенства, жизнью, которая не знаетъ никакой другой цѣли, какъ только Его, никакого другого совершенства, какъ быть съ Нимъ, творить Его волю. Св. юродивые явились истинными выразителями Его ученія, точными исполнителями Его жизни. Во всей жизни Іисуса Христа рельефно обнаруживаются слѣдующія черты высшая нестяжательность, смиреніе, терпѣніе, безграничная самоотверженная любовь, самопожертвованіе, кротость, чистота сердца и воли всецѣло принадлежали Іисусу Христу; безусловное подчиненіе Его волѣ Бога Отца составляетъ высокое нравственное значеніе; жизнь Его была рядомъ человѣческихъ опредѣленій воли и поступковъ; припомнимъ Его сорокодневное пребываніе въ пустынѣ послѣ крещенія, — всѣ эти 40 дней прошли для Спасителя въ сильной внутренней борьбѣ между

³²) Тамъ-же, стр. 128, 129.

долгомъ, волею Отца, съ одной стороны и слабостію природы человѣческой, съ другой жизнь Свою Онъ проводилъ въ обществѣ мытарей и грѣшниковъ и пр. и пр. Вотъ жизнь то Христа св. юродивые и воплотили въ себѣ, и, помня Его слова: „образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворихъ вамъ и вы творите“³³⁾, и наставленія св. апостола Павла: „бывайте подражатели Богу и ходите въ любви, якоже и Христосъ“³⁴⁾, они со всѣмъ усиленіемъ воли подражали Ему, подобно св. апостоламъ³⁵⁾, и на дѣлѣ осуществили слова апостола—Христова подражателя: „мы юродим Христа ради“³⁶⁾. Принимая на себя этотъ трудный подвигъ, св. юродивые исходили изъ мысли св. апостола Павла: „стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити... и облецытесь во вся оружія Божія, да возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити“³⁷⁾. Стремленіе къ царствію небесному путемъ борьбы съ діаволомъ и со всѣми соблазнами, въ мірѣ отъ него происходящими, — вотъ главная причина „юродства“. Это подтверждается случаемъ изъ жизни св. юродиваго Андрея. Однажды онъ видѣлъ во снѣ такое видѣніе между дьяволами и ангелами происходили состязанія, супостаты съ гордостью вызывали ангеловъ выслать противъ нихъ борца для того, чтобы сразиться съ ихъ борцомъ. Изъ среды ангеловъ отдѣлился прекрасный юноша съ тремя вѣнцами, изъ которыхъ одинъ былъ чистаго золота и украшенъ дорогими камнями, другой—жемчужный, а третій—массивнѣе тѣхъ, отъ всякаго цвѣта червлена и бѣла, и отъ вѣтвей Божія рая исплетенъ, и неувядаемый никогдаже“. Очень желая пріобрѣсти одинъ изъ дорогихъ вѣнковъ, св. Андрей обратился къ ангелу съ вопросомъ: за сколько и какъ онъ можетъ купить вѣнецъ. Ангелъ отвѣтилъ ему, что и за всѣ богатства міра невозможно пріобрѣсти вѣнца, и только за борьбу съ супостатомъ можно получить всѣ три вѣнца. Св. Андрей выступилъ на борьбу съ супостатомъ и послѣ долгой и упорной борьбы. наконецъ, побѣдилъ его. Пре-

³³⁾ Іоанн. XIII, 15. ³⁴⁾ Ефес. V, 1, 2. ³⁵⁾ Кор. XI, 1. ³⁶⁾ Кор. IV, 10.
³⁷⁾ Ефес. VI, 10, 16.

красный юноша, вручая св. Андрею три вѣнца, сказалъ ему: „иди съ міромъ, и отселѣ буди нашъ другъ и братъ: тецы убо на добрый подвигъ, нагъ буди и юродъ Мене ради, и многому добру причастникъ будеши въ день царствія Моего“. Послѣ этого видѣнія св. Андрей, сотворися юродъ Христа ради“ ³⁸⁾.

Вотъ первый моментъ вступленія св. юродивыхъ на трудный подвигъ. Въ самомъ дѣлѣ, подвигъ нравственнаго совершенства, по ученію св. отцевъ, начинается борьбою съ лукавымъ искусителемъ, по примѣру Христа Спасителя, и каждый подвижникъ подвергается коварнымъ искушеніямъ исконнаго челоуѣкоубійцы, цѣль которыхъ всегда одна и та же при всемъ разнообразіи искушеній—удалить челоуѣка отъ служенія Богу и воспламенить въ немъ грѣховныя похоти ³⁹⁾. Поэтому то, нравственная дѣятельность христіанина естественно и принимаетъ характеръ борьбы или брани ⁴⁰⁾. Общія вліянія злого искусителя подобны заразительнымъ міазмамъ, носящимся въ воздухѣ. Основаніе и начало этой борьбы лежитъ въ падшемъ естествѣ челоуѣка и открывается внутри его борьбою плоти съ духомъ, сѣмени прирожденнаго всѣмъ грѣха съ сѣменемъ новой благодатной жизни, или ветхаго челоуѣка съ новымъ ⁴¹⁾. А потому и первымъ орудіемъ діавола въ этой брани съ челоуѣкомъ служитъ тотъ же живущій въ челоуѣческомъ естествѣ грѣхъ; это та, прирожденная челоуѣку склонность къ злу, которая обнаруживается съ первымъ развитіемъ естественныхъ силъ челоуѣка, возгорается пламенемъ похотей въ юности, отвердѣваетъ въ видѣ постоянныхъ страстей въ лѣтахъ мужества и сопровождаетъ его до гроба. Эти возрасты прирожденнаго зла челоуѣческаго можно назвать періодами внутренней брани истиннаго сына церкви съ грѣхомъ, какъ исчадіемъ діавола. Поддерживается и усиливается эта борьба со стороны діавола кромѣ непосредствен-

³⁸⁾ Четьи Минеи, окт. 2, л. 10, изд. 1882 г. ³⁹⁾ Мѣ. XIII, 39; I Іоанн. III, 8; Іоанн. VIII, 2; Дѣян. V, 3; I Петр. V, 8; Ефес. VI, 12. ⁴⁰⁾ Ефес. VI, 13. ⁴¹⁾ Римл. VIII, 2; I Кор. IV, 16.

ныхъ дѣйствій его самага на расположенія и желанія чело-
вѣка, тѣмъ же міромъ съ полчищемъ его соблазновъ, питаю-
щихъ и укрѣпляющихъ естественную склонность чело-
вѣка къ злу. Св. апостолъ Іоаннъ Богословъ сводитъ ихъ къ тремъ
общимъ видамъ: „все, еже въ мірѣ, говоритъ онъ, похоть
плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская“ ⁴²⁾, т. е.
предметы мыслей, желаній и дѣйствій, самыя дѣйствія, склон-
ности, обычаи, привычки и пр., словомъ—вся жизнь и дѣ-
ятельность всѣхъ, живущихъ не по духу евангельскаго уче-
нія, проистекаетъ главнымъ образомъ изъ трехъ нечистыхъ
побужденій: сластолюбія, любостязательности и честолюбія.
Этотъ то духъ языческаго міра діаволь и поддерживаеъ
въ мірѣ христіанскомъ, и этому-то духу св. юродивые и объ-
являли ожесточенную и упорную борьбу. Св. Симеонъ идетъ
изъ пустыни „ругаться“ этому духу. Св. Аврамій Смолен-
скій въ юродство преложися, ругаяся міру и прелестемъ
его“ ⁴³⁾. Св. Исидора Твердислова побуждаетъ стремленіе
къ истинной христіанской вѣрѣ, „пріять юродственное еже
Христа ради буйственное житіе“ ⁴⁴⁾. Св. Іоаннъ Устюжскій
такъ опредѣляетъ своей матери, причины „юродства“: „да
избавлюся отъ грѣховъ“ ⁴⁵⁾. Далѣе, „юродство“ объявляло
войну честолюбію. Св. Исидора, „творящеся быти бѣсна,
добродѣтель свою предъ зрящими ю утаеваючи мудрѣ“;
списатель житія ея въ заключеніе прибавляетъ: „таково
житіе потаенныя угодницы Божія, яже подъ образомъ юрод-
ства, аки подъ покровомъ поработа Господу втайнѣ“ ⁴⁶⁾.
Св. Николай Кочановъ издѣтства нача велію вѣру къ Богу
держати, и явися на немъ Божія благодать: исхождаше бо
изо устъ его молитва къ Богу, яко кадило благовонно, и
любяше чистоту, и постъ, и колѣнное преклоненіе. Въ та-
ковой добродѣтели ему пребывающу, начаша его вельможи
и людіе блажити и славити. Сей же, не хотя славы отъ
человѣкъ и желая наслѣдникъ быти царствія небеснаго,
нача юродствовати Господа ради ⁴⁷⁾. Когда братія и игумень

⁴²⁾ I Іоанн. II, 17. ⁴³⁾ Четьи Миней 21 августа, л. 99. ⁴⁴⁾ Прологъ, мая 14,
л. 32, об. ⁴⁵⁾ Прологъ 29 мая, л. 57, об. ⁴⁶⁾ Четьи Миней 10 мая, л. 69 об. и 70.
⁴⁷⁾ „Новг. еп. вѣд.“ 1898 г., № 14, стр. 863.

Клопскаго монастыря начали „велика имѣть преподобнаго Михаила, онъ, хотя утаитися отъ братіи, юрода себе во всемъ творяше“ ⁴⁸⁾). Значить, въ данныхъ случаяхъ мотивомъ „юродства“ служило смиреніе. Стремленіе къ богомыслию, къ сосредоточенію себя въ цѣляхъ нелюбостяжанія тоже побуждало нѣкоторыхъ юродствовать; такъ св. Прокопій, принявъ православіе, не токмо міра съ похотьми его, но и самага себе презрѣвъ: прія бо юродственное житіе, и творяшеся яко безуменъ и несмысленъ предъ челоуѣки, разумъ свой весь углубленъ въ Бозѣ имѣя ⁴⁹⁾). Затѣмъ, самоотверженное служеніе спасенію ближнихъ было одною изъ главныхъ причинъ юродствованія: „творяше преподобный Симеонъ юродство не единого себя, но и иныя спасаа: многіе бо грѣшники наказуа словесы и дѣломъ, привождаше къ покаянію“ ⁵⁰⁾). Предъ принятіемъ на себя, „юродства“ св. Симеонъ такъ опредѣляетъ причины измѣненія жизни другу своему — пустыннику Іоанну: „нѣсть уже намъ, брате, нужды въ пустыни сей пребывати, но поидемъ послужити спасенію иныхъ: здѣ бо точію себѣ пользуемъ, а мзды отъ пользованія иныхъ не имамы. Не апостолъ ли глаголетъ: никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо; и паки: всѣмъ угождаю, не искій своеа пользы, но многихъ, да спасутся. И паки: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкіа спасу“ ⁵¹⁾). Такимъ образомъ, св. Симеонъ вышелъ на подвигъ „юродства“ съ цѣлію спасти другихъ. Кіево-Печерскій Патерикъ весьма характерно отмѣчаетъ причину „юродства“ преподобнаго Исакія, „прельщеннаго отъ бѣса во образѣ Іисусъ Христовѣ, послѣди же каявшагося юродствомъ Христа ради“ ⁵²⁾); значить, юродство преподобнаго Исакія было покаяніемъ, заглаженіемъ содѣяннаго грѣха, подавленіемъ прелести (гордости) смиреніемъ. Такимъ образомъ, „юродство“, на основаніи сказаннаго, есть одно изъ средствъ для борьбы челоуѣка съ міромъ и его прелестями.

⁴⁸⁾ Сказаніе о жизни и чудесахъ преподобнаго Михаила Спб., 1875 г., стр. 8.

⁴⁹⁾ Четьи Минеи 8 іюля, л. 48. ⁵⁰⁾ Четьи Минеи 21 іюля, л. 147 об. ⁵¹⁾ I Кор. X, 24, 33, I Кор. IX, 22. ⁵²⁾ Л. 16 об.

Но, является вопросъ, почему нѣкоторые подвижники избирали этотъ именно видъ подвижничества? что собственно наталкивало ихъ на оригинальный образъ жизни? Объяснить это можно очень просто. Человѣкъ въ настоящей своей жизни готовится къ жизни вѣчной. Здѣсь, на землѣ онъ долженъ трудиться безпрестанно въ добродѣланіи. Вѣдь, допустить состояніе недѣятельное, а только праздно-созерцательное, значить допустить, что въ будущей жизни душа человѣка измѣнится въ своей природѣ, а это невозможно: душа безсмертна, а жизнь ея въ дѣятельности собственно и состоитъ. Слѣдовательно, въ будущей жизни люди будутъ находится въ дѣятельномъ состояніи, и къ этой-то вѣчной дѣятельности и должны они готовиться въ настоящей жизни путемъ внутренняго надзора надъ собой, чтобы, восходя отъ силы въ силу ⁵³⁾ и преобразуясь отъ славы въ славу ⁵⁴⁾, достигнуть уподобленія самому Іисусу Христу, возстановить въ себѣ всецѣло образъ Божій и войти въ тѣснѣйшее единеніе съ Тріипостастнымъ Богомъ въ жизни вѣчной. Эта высочайшая, блаженнѣйшая и возжеленнѣйшая цѣль христіанской жизни, — предѣлъ всѣхъ желаній и стремленій св. юродивыхъ, — заставляющая ихъ во имя ея забывать все земное, внѣшнее. Эта цѣль, т. е. уподобленіе Христу, указывается и въ священномъ Писаніи: „образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите“ ⁵⁵⁾, говоритъ Спаситель; „Христосъ пострадалъ по насъ намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“ ⁵⁶⁾, пишетъ св. апостоль Петръ; св. Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуеть: „глаголай и въ Немъ пребывати долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ“ ⁵⁷⁾, св. апостоль Павелъ учитъ: „сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ“ ⁵⁸⁾, „дондеже достигнемъ вси... въ мужа совершенна въ мѣру возраста исполненія Христова“ ⁵⁹⁾. Далѣе, возстановленіе образа Божія указываетъ также Самъ Іисусъ Христосъ: „будите совершени, якоже и Отецъ

⁵³⁾ Псаломъ LXXXIII, 8. ⁵⁴⁾ 2 Кор. III, 18. ⁵⁵⁾ Іоанна XIII, 1, 5. ⁵⁶⁾ I Петр. II, 21. ⁵⁷⁾ I Іоанна II, 5, 6. ⁵⁸⁾ Филип. II, 5. ⁵⁹⁾ Ефесеямъ IV, 13; I Кор. II, 16; IV, 16.

вашъ небесный совершенъ есть“ ⁶⁰⁾; Іоаннъ Богословъ говоритъ: „нынѣ чада Божія есмы, не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, якоже есть“ ⁶¹⁾; св. апостолъ Павелъ пишетъ: „будьте подражатели Богу, якоже чада возлюбленная“ ⁶²⁾, подобають „облещися вамъ въ новаго челоуѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины“ ⁶³⁾.

Наконецъ, блаженное единеніе съ Тріипостастнымъ Богомъ указываетъ также Самъ Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: „аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ“ ⁶⁴⁾ и молится Отцу Своему: „да вси едино будутъ: якоже Ты, отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ будутъ едино“ ⁶⁵⁾. Поэтому то, истинно христіанская жизнь называется царствіемъ небеснымъ, царствіемъ Божиимъ внутри челоуѣка ⁶⁶⁾, а св. апостолъ Павелъ называетъ христіанъ храмами Духа Святаго, церквами Бога живаго ⁶⁷⁾.

Этого-то несказаннаго блага и стремились св. юродивые достигнуть здѣсь на землѣ, чтобы совершенно получить его въ жизни будущей на всю вѣчность. Они знали это ученіе, потому что упражнялись въ чтеніи божественныхъ книгъ. Св. Андрей былъ обученъ книгамъ и читалъ божественное Писаніе, Святой Ѳеодоръ Новгородскій воспитанъ былъ въ „добромъ наказаніи и изученъ божественному писанію и усердно прилежаше чтенію божественныхъ книгъ и житій святыхъ“ ⁶⁸⁾. Они знали путь къ царствію небесному, указанный въ священномъ Писаніи и потому будучи „распаляеми желаніемъ къ Богу, оставляли все мірское, спутника обрѣтши Христа“ ⁶⁹⁾. Въ канонѣ св. Прокопію еще яснѣе выражается стремленіе юродивыхъ: „обратитися никакоже истоощаемыми возжелѣвъ, богатство и славу временную и пищу мимотекущую, и мірское достояніе они

⁶⁰⁾ Мѡ. V, 48. ⁶¹⁾ I Іоанна III, 2. ⁶²⁾ Ефесеямъ V, 1. ⁶³⁾ Ефесеямъ IV, 24; Колоссаямъ III, 10. ⁶⁴⁾ Іоанн. XIV, 23. ⁶⁵⁾ Іоанн. XVII, 21. ⁶⁶⁾ Лук. XVII, 21; Матѡ. XIII, 44. ⁶⁷⁾ I Коринѣянамъ VI, 17, 19; 2 Коринѣянамъ VI, 16. ⁶⁸⁾ Новг. еп. вѣд. № 14 стр. 861, 1898 г. ⁶⁹⁾ Канонъ св. юрод. I пѣснь общая минея.

отринули“ ⁷⁰⁾. „Мироуханная любя ученія, и во чтеніи св. Писаній упражняся, Прокопіе, сластей уклонился еси смрадныхъ и безчестныхъ“ ⁷¹⁾, „единообразный смыслъ богоносный видѣвъ, божественными повѣстями и божественною одеждою одѣялся еси“. Св. юродивые слѣдовали „глаголамъ божественнымъ и выну сими поучалися“, возвышались въ добродѣтеляхъ „божественными повелѣніи выну“ ⁷²⁾ и „св. Духа дарованіе вниде въ помышленіе ихъ и они были всегда свободны о Господѣ“ ⁷³⁾. Отъ земныхъ на небесная помысливъ и дѣломъ совершивъ, красная міра сего во уметы вмѣнилъ еси Христа ради, Василіе, юродь бывъ на земли“ ⁷⁴⁾; „онъ весь бывъ домъ Божій и жилище св. Духа, церковь своего тѣла непорочну соблюлъ еси, и пришедъ вселися въ него Отецъ и Сынъ и Св. Духъ“ ⁷⁵⁾. Приготовленіе святыхъ юродивыхъ къ вѣчности состояло, какъ видно изъ богослужебныхъ книгъ, въ томъ, что они всѣ силы и способности своей души на землѣ развивали, образовывали и направляли сообразно съ будущей жизнью, помня при этомъ, что ничто скверное и лукавое въ царство Божіе допущено быть не можетъ, потому что добро и зло несовмѣстимы; отсюда, слыша ученіе Спасителя о спасеніи души, они заботились о томъ, какъ бы угодить Богу (канонъ святому Василию, 2 августа), и поэтому, свѣтъ Христовъ наполнялъ ихъ сердце и они, совлекшись ветхаго челоуѣка, являлись новыми, горя духомъ по Христовѣ заповѣди ⁷⁶⁾. Такимъ образомъ, они вели жизнь сообразно съ спасительнымъ Христовымъ ученіемъ, которое есть единственно вѣрное и надежное руководство къ жизни вѣчной, которое служило для нихъ единственно вѣрною и надежною педагогикою, если можно такъ выразиться, для земной жизни; значить, слово Божіе—эта высшая педагогика—побуждало св. юродивыхъ вести ради спасенія странный, повидимому, образъ жизни. Святый Василій Великій,

⁷⁰⁾ Миней 8 іюля. ⁷¹⁾ Тамъ же. ⁷²⁾ Изъ канона святому Исидору 14 мая. ⁷³⁾ Тамъ же. ⁷⁴⁾ Сѣдалень въ канонѣ. ⁷⁵⁾ Сѣдалень другой въ канонѣ. ⁷⁶⁾ Свѣтилень, 2 августа.

выясняя идеаль аскетической жизни, указываетъ олицетвореніе этого идеала въ земной жизни Іисуса Христа; онъ говоритъ, что „всякое дѣйствіе и всякое слово Спасителя нашего Іисуса Христа есть правило и благочестія и добродѣтели. Для того и воплотился Онъ, какъ бы на иконѣ изображая и благочестіе и добродѣтель, чтобы каждый и каждая, взирая на него, по возможности, соревновали Первообразному. Ибо для того носить наше тѣло, чтобы и мы, сколько возможно, подражали Его житію. Подвижники суть точные подражатели Спасителя и Его житію во плоти. Ибо какъ Спаситель, составивъ ликъ апостоловъ, даже и себя содѣлалъ общимъ для апостоловъ, такъ и сіи, повинующіеся своему Вождю, прекрасно соблюдающіе правило жизни, въ точности подражаютъ житію Господа и апостоловъ“ ⁷⁷⁾). Вотъ отвѣтъ на поставленные выше вопросы.

Далѣе, послѣдующіе юродивые слѣдовали по пути нравственнаго восхожденія, руководясь примѣрами первыхъ святыхъ юродивыхъ. Такъ св. Андрей ведетъ жизнь „во всемъ подобая Сimeону“ ⁷⁸⁾, св. Ѳеодоръ началъ „юродство“, поревновавъ Христа ради юродивымъ Андрею, Сimeону, Богу угодившимъ во „юродствѣ“, а особливо блаженному Христа ради юродивому Николаю Кочанову, въ то же время въ Великомъ Новгородѣ юродствовавшему ⁷⁹⁾. Святый Іоаннъ Устюжскій подражаетъ святому юродивому Прокопію, а образцомъ для послѣдняго служить святый Андрей ⁸⁰⁾. Кромѣ того они избирали этотъ подвигъ не безъ совѣта опытныхъ въ духовной жизни людей. Такъ, святый Андрей Тотемскій принимаетъ на себя иго „юродства“ для Христа по совѣту одного подвижника Стефана ⁸¹⁾. Подвижникъ Домникъ, ученикъ Оригена, даетъ подвижническія наставленія юродивому Серапіону ⁸²⁾. Святый юродивый Виссаріонъ предъ вступленіемъ на подвигъ „юродства“ беретъ наставленія у Исидора Пелусіота († 436) и часто потомъ

⁷⁷⁾ Творенія святого Василія Великаго, часть V, стр. 379 и 428. ⁷⁸⁾ Четьи Минеи 2 октября. ⁷⁹⁾ Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861. ⁸⁰⁾ Кормчій № 21, стр. 307, 1897 г. ⁸¹⁾ Кормчій 1897 г. № 40, стр. 534. ⁸²⁾ Ковал., стр. 107, 108.

бесѣдуетъ о духовной жизни съ преподобнымъ Герасимомъ († 475), Иорданскимъ пустынникомъ ⁸³⁾. Преподобный Мартиніанъ, зная настроеніе святаго Галактіона и тайные его подвиги, благословляетъ ему юродствовать ⁸⁴⁾. Святый Василій подражаетъ святому Андрею и Симеону: „уподобился еси, премудре Василіе, поетъ святая церковь, всѣми нравами и обычаемъ Симеону юродивому Христа ради, и Андрею цареградскому, и великому отцу Макарію, и Онуфрію, и Павлу Оивейскому, и Максиму (юродивому) чудному и Прокопію великому ⁸⁵⁾. Аскетическіе подвиги св. Михаила Клопскаго напоминали собою труды святаго Макарія Египетскаго и Пахомія Великаго, какъ поется въ 4-й пѣсни канона: „Макарія Великаго, паче естества ангельское житіе на земли леганію, и прочимъ добродѣтелемъ, отче Михаиле, поревновалъ еси“ и „житію Пахомія великаго подражавъ“ ⁸⁶⁾.

Не ограничиваясь такими образцами для подражанія въ своей жизни и совѣтами другихъ, святые юродивые приготовлялись къ подвигу „юродства“ и сами, съ одной стороны, изученіемъ аскетической жизни святыхъ отцовъ ⁸⁷⁾, а съ другой, — самой главной, — молитвою къ Богу о томъ, чтобы онъ сказалъ путь, которымъ имъ надо идти ко спасенію: „сердце Николая Кочанова, изъмлада явился горящимъ Богу“ ⁸⁸⁾. Святый Θεодоръ постоянно молилъ Бога указать ему путь спасенія, и Господь указалъ ему на „юродство“; значить, св. юродивые выступали на этотъ подвигъ по указанію свыше; мы видѣли, что святый Андрей былъ посланъ прекраснымъ юношей (т. е. Христомъ) юродствовать, святый Симеонъ говоритъ другу своему Іоанну, что Господь указываетъ ему этотъ подвигъ. Такимъ образомъ, можно заключить, что „юродство“ указано Самимъ Богомъ и есть подвигъ, Ему пріятный. Сами юродивые нерѣдко задавали себѣ вопросъ о томъ — пріятно ли ихъ

⁸³⁾ Ковал., стр. 259. ⁸⁴⁾ Путевыя письма съ сѣвера. Графа Толстого. Москва. 1868 г., стр. 59. ⁸⁵⁾ Изъ канона 2 августа святому Василію. ⁸⁶⁾ Изъ канона 11 января. ⁸⁷⁾ Напримѣръ святый Θεодоръ; Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861. ⁸⁸⁾ Ковалевскій, стр. 185.

такое служеніе Богу и можетъ ли оно служить средствомъ къ спасенію? Такими мыслями смущался святой Андрей и желалъ узнать чрезъ молитву о богоугодности подвига своего, и было открыто ему, что „юродство“ пріятно Господу: „такъ помышляюще Андрею, се пять женъ пріидоша тамо ⁸⁹⁾, и единъ старецъ свѣтель съ ними, и хождаху посѣщающе немощныхъ. Пріидоша же и ко Андрею, и рече старецъ оный къ старѣйшей: госпоже Анастасіе, не врачуеши ли здѣ ничтоже. И рече ему она: Господи Учителю, той его врачева, иже ему рече: буди юродъ Мене ради, и многому добру причастникъ будеши въ день царствія Моего, и нѣсть потребно ему врачеванія. И разумѣвъ блаженный Андрей, яко пріятно Богу дѣло его, радовашеся духомъ, и болѣе подвижеся на молитву въ нощи, а въ день юродъ творяшеся ⁹⁰⁾. Ангелъ Господень преподобному Питириму пустыннику Порфиритскому ⁹¹⁾ возвѣстилъ въ откровеніи о богоугодности „юродства“ и о его важности; явившись ему, ангелъ сказалъ: „почто величаешися во умѣ о добродѣтельномъ житіи твоємъ, и мнишися великъ быти сѣдя въ пустынномъ семъ мѣстѣ; хочеши ли видѣти жену добродѣтельнѣйшу и богоугоднѣйшу паче тебѣ; воставъ убо иди въ монастырь женскій, иже въ Тавенисіотѣхъ, и обрящеши тамо едину, носящую платъ сквернавъ на главѣ своей, та лучше есть предъ Богомъ паче тебе: понеже въ толицѣмъ соборѣ пребываючи и всѣмъ служащи выну, и отъ всѣхъ въ поруганіи сущи, никогдаже сердцемъ своимъ отлучися отъ Бога, но всегда умъ ея въ Бозѣ углубленъ есть. Ты же наединѣ здѣ самъ пребывая, и никогдаже отсюду тѣломъ исходя, вся грады умомъ твоимъ обходиши ⁹²⁾. Св. Симеонъ повѣдалъ своему другу діакону Іоанну за два дня до смерти: „видѣлъ нѣкоего славна глаголюща ко мнѣ: гряде юроде, гряди, да пріимеши не единъ вѣнецъ, но многія вѣнцы за спасеніе многихъ душъ человѣческихъ“ ⁹³⁾.

⁸⁹⁾ У церкви святой Анастасіи, гдѣ имѣлъ обыкновеніе молиться святой.

⁹¹⁾ Четьи Минеи—октября 2, л. 10 об. ⁹¹⁾ Ученику преподобнаго Антонія великаго.

⁹²⁾ Четьи Минеи 10 мая, л. 70. ⁹³⁾ Тамъ же 21 іюля, л. 152 об.

Такимъ образомъ, „юродство“ есть подвигъ, сообразный съ ученіемъ Христовымъ, не противорѣчащій священному Писанію, а вытекающій изъ духа христіанства, потому что, какъ видѣли, спасеніе души составляетъ необходимую принадлежность святыхъ юродивыхъ, а общепользность подвига „юродства“, направленного, какъ сейчасъ говорили, на спасеніе и ближнихъ, служить краснорѣчивымъ подтвержденіемъ его сообразности съ духомъ христіанства.

ГЛАВА IV.

Сознательно-намѣренное принятіе святыми юродивыми безумства. Психологическій смыслъ ихъ притворнаго безумія. Отношеніе святыхъ юродивыхъ къ уму. Скрытность ихъ характера.

Въ самомъ названіи подвига отдѣляется особенное отношеніе святыхъ юродивыхъ къ своимъ умственнымъ силамъ. Названія: „юродство Христа ради“, „буйство Христа ради“—значить—безуміе, глупость для Христа. Итакъ, по самому названію подвигъ „юродства“ является тѣмъ, что нѣкоторые ревнители благочестія становятся безумными изъ за осуществленія въ себѣ завѣтовъ Спасителя. Профессоръ Е. Е. Голубинскій говоритъ, что подвигъ „юродства“ о Христѣ въ томъ и состоитъ, что подвижникъ дѣлался притворно глупцомъ и безумнымъ о Христѣ, чтобы терпѣть отъ людей поношенія и укоризны и чтобы обличать современниковъ“ ¹⁾. Что святые юродивые притворно принимали на себя безуміе объ этомъ краснорѣчиво говорятъ выраженія житій святыхъ юродивыхъ: святой Симеонъ „юрода себе во всемъ творяше“; святой Ѳома Келесерійскій „творяшеся юродъ быти“ ²⁾; святой Исидоръ „пріемъ юродственное еже Христа ради буйственное житіе, якоже мнимо чловѣки“; святой Аврамій Смоленскій „во юродство преложися“; „ вси мняху святаго Прокопія, яко юрода“; святой Андрей „неистовъ дѣяся, несмыслень и недобрѣ

¹⁾ Исторія русской церкви, томъ I, 2-я половина, стр. 547, Москва. 1881 г.

²⁾ Четьи Минеи 24 апрѣля.

глаголющъ“; дѣйствія его наминали дѣйствія бѣсноватаго, и святаго Андрея связывали желѣзными цѣпями; святая блаженная Исидора „Бога ради притвори себе юродство, аки бы сущи бѣсна“; святой Симеонъ предъ вступленіемъ на этотъ подвигъ прямо „моляшеся прилежно Богу, яко безумнаго и несмысленнаго вси да имуть его“ и, живя въ міру „творяшеся бѣсенъ“ ³⁾; святой Исидоръ Ростовскій „днемъ яко юродъ хождаше, въ нощи же непрестанно молитву къ Богу возсылаше“, святой Феодоръ Новгородскій, „оставя временное сіе и скоротекущее житіе, волею во юродство претворися“ ⁴⁾; святой Николай Кочановъ „нача юродствовати Христа ради“ ⁵⁾ „творяшеся неистовъ и буй“ ⁶⁾; святой Михаилъ Клопскій „яко похабъ творяшеся“ ⁷⁾; святой Василій блаженный „похабся творя“...; святой Николай Псковскій „похабъ ся творя“ ⁸⁾. „По смерти родителей своихъ преподобный Георгій нача похабствовати, буйное и юродственное проходя житіе, по апостолу Христа ради“ ⁹⁾. Ходя преподобный по лѣсамъ, въ непроходимыхъ мѣстахъ, удаляшеся отъ человѣкъ, творя видимымъ яко юродъ вмѣняшеся ¹⁰⁾. Егда же начинаху людіе имѣти св. Симеона яко свята, онъ абіе нѣчто таково содѣловаше, еже не святости, но безумія явнымъ бываше показаніемъ ¹¹⁾, говорится въ его житіи. Послѣ же его смерти, замѣчаетъ біографъ его, современники Симеона познали, „яко юродивый не бѣ юродивый, но премудршій быше паче всѣхъ мудрецовъ вѣка сего, и мнимый быти грѣшникъ, праведенъ и преподобенъ, образомъ юродства и грѣшничества покрываяй свое богомудрое и богоугодное житіе предъ человѣки“ ¹²⁾. Святой Андрей „въ день аки неистовъ творяшеся, въ нощи же безпрестанно моляшеся Богу и святой Анастасіи“ ¹³⁾. Святой Исидоръ Твердисловъ „въ день яко юродъ хождаше, въ нощи же непрестанно молитву къ Богу возсылаше“ ¹⁴⁾.

³⁾ Житіе, листъ 151 об. ⁴⁾ Новгородскія епархіальныя вѣдомости 1898 г. № 14, стр. 861. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 863. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 865. ⁷⁾ Тамъ же № 21, стр. 1396. ⁸⁾ Ковалевскій, стр. 92, примѣчаніе. ⁹⁾ Арх. пат., стр. 214. ¹⁰⁾ Тамъ же. ¹¹⁾ Четьи Миней 21 іюля, л. 149-й. ¹²⁾ Тамъ же, листъ 153 об. ¹³⁾ Четьи Миней изданіе 1852 г. 2 октября, листъ 10 об. ¹⁴⁾ Прологъ 14 мая, листъ 33.

При томъ, святыя юродивые не всѣмъ казались безумными. Такъ, когда святой Симеонъ „бываше съ Іоанномъ діаконъ (того города, гдѣ жилъ святой Симеонъ — Емессы) наединѣ, ничтоже юродиво творяше, но съ кротостію и сокрушеніемъ сердечнымъ бесѣдоваше полезная“ ¹⁵⁾. Святой Прокопій Вятскій каждое воскресеніе исповѣдывался и приобщался „святыхъ Тайнъ у Вознесенскаго (города Вятки) священника Іоанна и съ нимъ говорилъ, „якоже и прочіи человѣцы, не яко нѣмъ и юродъ“, но подѣ клятвою, „да не кому же повѣдаетъ о глаголаніи его, дондеже отъ земли преселится“ ¹⁶⁾. Святой Симонъ Юрьевецкій просить одного человѣка, видѣвшаго его переходящимъ черезъ Волгу, какъ по суху, никому не говорить о томъ, что онъ находится въ полномъ разумѣ, до его смерти ¹⁷⁾.

Но зачѣмъ святыя юродивые предъ очами всего міра отказывались отъ владѣнія и употребленія самымъ высшимъ и цѣннымъ достояніемъ человѣка—разумомъ—для Христа? какъ понимать это и заповѣдуется ли такое отреченіе отъ ума священнымъ Писаніемъ? Конечно, нельзя сказать, что отреченіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявлялось въ святыхъ юродивыхъ, нигдѣ не заповѣдуется въ священномъ Писаніи. Священное Писаніе повелѣваетъ отрѣшиться отъ своего ума столько, сколько это нужно для спасенія: „никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнитъ мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ“ ¹⁸⁾. Апостолъ Павелъ пишетъ это къ Коринѣянамъ, у которыхъ въ большой силѣ и уваженіи была языческая ученость. Эта ученость возбуждала въ христіанахъ самомнѣніе и кичливость и не допускала ихъ въ смиреніи сердца искать подкрѣпленія и силы въ благодати. Поэтому, св. апостолъ Павелъ и предлагаетъ христіанамъ истребить излишнюю довѣренность къ своему уму и съ глубокимъ смиреніемъ предать себя водителству вѣры въ силу креста. Теперь—если святымъ юро-

¹⁵⁾ Четы Миней, 21 Іюля, листъ 151. ¹⁶⁾ Житіе святаго Трифона и Прокопія Вятскихъ (Вятка 1886 г., стр. 42). ¹⁷⁾ Пospлoвъ, стр. 22. ¹⁸⁾ I Коринѣянамъ III, 18.

дивимъ отреченіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ нихъ совершалось, представлялось нужнымъ и дѣйствительнымъ для спасенія, если въ этомъ увѣряла ихъ совѣсть, убѣждалъ разумъ, подтверждала вѣра, то ужели они не имѣли права рѣшиться на это средство для спасенія? и теряетъ ли это средство свою важность отъ того, что не заповѣдуется въ такомъ именно видѣ священнымъ Писаніемъ? Правда, съ перваго взгляда такое отреченіе отъ ума представляется даже и вовсе несомвѣстимымъ съ природою человѣка; отрѣшиться себя отъ обязанностей ума, на которыхъ держится весь порядокъ человѣческой жизни на землѣ, значитъ — быть человѣку не человѣкомъ, по крайней мѣрѣ не такимъ, какимъ онъ долженъ быть въ этомъ мірѣ, въ настоящемъ состояніи. Но если глубже всмотрѣться въ наше существо, то основаніе для „юродства“ можно найти въ самой лучшей и высшей части его, въ которой одной сохранились остатки величія нашей природы, въ которой одной лежатъ сѣмена высокаго ея назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, ужели духъ нашъ, назначенный для жизни высшей и безсмертной, долженъ быть въ рабскомъ подчиненіи только тому порядку, какой существуетъ на землѣ? ужели онъ для вѣчнаго не свободенъ отказаться отъ подчиненности тому, что носить на себѣ печать только временнаго и случайнаго? нѣтъ! назначеніе духа нашего выше. И если онъ несетъ бремя подчиненности порядку міра чувственнаго, то единственно потому, что его силы еще не вполне раскрыты, потребности не пробуждены, что онъ еще не вполне возвысился надъ временнымъ, скоропреходящимъ. Если перемѣнить это, не вполне сродное ему, состояніе на болѣе сродное, на то, въ какомъ ему приличнѣе быть, которое ближе къ его назначенію, то человѣкъ во многихъ отношеніяхъ явится другимъ. Это состояніе человѣка, очевидно, будетъ естественное, ему сродное; но если посмотрѣть на этого человѣка въ различныхъ отношеніяхъ его къ міру, то въ немъ легко можно замѣтить черты юродиваго. По мѣрѣ того, какъ силы духа развиваются и усовершеншаются, человѣкъ не можетъ не отрѣшаться отъ види-

мага и временнаго и, слѣдовательно, не можетъ не отрѣшаться отъ той стороны своей души, которая приспособляется въ немъ къ настоящему его состоянію, въ которой находятся узлы, крѣпко связывающіе его съ видимымъ и временнымъ, — обязанности жизни его здѣсь, на землѣ. А при этомъ преобладающемъ развитіи силъ духа, при этой отрѣшенности отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ настоящему состоянію, не можетъ не произойти разительнаго безпорядка во внѣшней, земной жизни, въ дѣятельности, относящейся къ земному положенію. Но такая дѣятельность не представляетъ изъ себя чего-нибудь несообразнаго съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Вѣдь жизнь по законамъ нашего духа, во всякомъ случаѣ — естественна, и хотя тутъ будутъ отвергнуты законы того же духа, приспособленные къ земному его быту, но при всемъ томъ эта жизнь, какъ жизнь собственно духовная, всегда будетъ имѣть достоинство нравственно-доброй жизни въ глазахъ тѣхъ, для которыхъ духовная жизнь выше жизни, заключающейся въ предѣлахъ земной дѣятельности, — для которыхъ настоящая жизнь — приготовленіе къ жизни, сообразной съ существомъ свободно — разумнаго духа.

Отсюда, отреченіе отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ настоящему состоянію человѣка при преобладающемъ развитіи высшихъ силъ ума, — естественно: дѣятельность, устрояемая по законамъ этого послѣдняго — вполнѣ достойна нравственно-разумнаго существа; слѣдовательно, если должно предположить, что святые юродивые находились подъ вліяніемъ этой стороны ума, устроили жизнь по ея законамъ и требованіямъ, то ясно, что, „юродство“, несогласное съ обыкновеннымъ житейскимъ порядкомъ, имѣетъ свое основаніе въ природѣ нашего духа и вполнѣ согласно съ нравственнымъ закономъ.

Но для человѣка, слишкомъ далекаго и отъ той среды и отъ той жизни, какую рисуютъ прологи и четьи-минеи, отреченіе отъ законовъ ума святыхъ юродивыхъ представляется страннымъ, и онъ низводитъ ихъ на степень пси-

хически разстроенныхъ людей ¹⁹⁾, только потому, что они не подчиняются общественной логикѣ. Христіанскій правильный взглядъ на мнимое безуміе святыхъ юродивыхъ не такой. Раньше мы имѣли случай говорить о томъ, что святые юродивые подражаніемъ Христу стремились къ богоподобію. Исполняя въ точности законъ евангелія, они тѣмъ самымъ благоустраивались въ внутренней своей жизни и, стяжавъ любовью своею къ Богу и ближнимъ союзъ совершенствъ ²⁰⁾, они старались исполняться, по апостолу, во всякой премудрости и разума духовнаго ²¹⁾, образовать и усовершенствовать свой умъ въ духъ евангелія. Умъ ихъ былъ устремленъ всегда къ Богу; такъ, святой Николай Кочановъ, „пребывая въ юродствѣ по стогнамъ града ходя, похабъ творяшеся, во устѣхъ же молитву имѣя къ Богу всегда“ ²²⁾; святой Василій, „разумъ непрелестенъ стяжавъ, посредѣ молвъ сохранилъ себя“ ²³⁾; онъ, крѣпостію ума непоколебимъ пребылъ и надъ страстями воцарился“; умъ его постоянно былъ занятъ богомысліемъ: „всегда Бога зря ума чистотою“. Его внутренній духовный взоръ, всегда обращенный къ Богу и совнѣ выражался тѣмъ, что глава его всегда была поднята къ небу, и очи его устремлены горѣ. „Много говорить—не миновать грѣха“ ²⁴⁾, говорилъ святой Василій. И руководясь этимъ указаніемъ премудраго, онъ, ничтоже глаголаше, аки безгласенъ творяшеся, утаитися мня отъ челоуѣкъ добродѣтелями, Богу же точію вѣдомъ быти“, „въ мірѣ жилъ безмолвно, яко въ пустыни, въ народѣ пребывая, яко въ кающихся обители ²⁵⁾; святой Михаилъ Клопскій умъ свой обращалъ на приобрѣтеніе душевной чистоты ²⁶⁾; „егда умомъ возлетѣлъ еси отъ темныхъ на небесная, тогда невозвратнымъ путемъ управился въ царство небесное“, поетъ святая Церковь преподобному Михаилу въ канонѣ; святой Симеонъ „умъ свой непрестанно простиралъ къ Богу“ ²⁷⁾ и заботился о томъ,

¹⁹⁾ Скабичевскій въ „Русской Мысли“ за 1901 г. ²⁰⁾ Колоссаямъ III, 14.

²¹⁾ Колоссаямъ I, 9. ²²⁾ „Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1878 г., стр. 863, № 14.

²³⁾ Стихира на стиховнѣ августа 2. ²⁴⁾ Притч. X, 19. ²⁵⁾ „Кормчій“, № 30, стр. 416, 1895 г. ²⁶⁾ Стихира на великой вечернѣ 11 января. ²⁷⁾ Изъ канона 21 іюля.

чтобы умъ свой „несмущенъ посредѣ плищей соблюсти“ ²⁸⁾. Про святого Іоанна Устюжскаго разсказывается, что онъ, „присно безъ сна въ нощи пребываше, моляся Богу, и ходя унылымъ и сѣтованнымъ лицомъ“ ²⁹⁾; святой Прокопій Устюжскій, „творяшеся яко безуменъ и несмысленъ предъ челоуѣки, разумъ свой весь углубленъ въ Бозѣ имѣяй“ ³⁰⁾: фактъ притворнаго безумія отмѣченъ и въ нашей свѣтской литературѣ.—„Лицо юродиваго, когда остался онъ наединѣ, описываетъ одинъ писатель, не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны“ ³¹⁾.

Значить, отрѣшенность отъ ума у святыхъ юродивыхъ была сознательная и не внутренняя. Послѣдней отрѣшенности въ святыхъ юродивыхъ предполагать нельзя; и въ возрожденномъ благодать хотя замѣняетъ умъ, такъ же какъ солнечный свѣтъ — свѣтъ возжигаемый, но не исключаетъ, однако, его дѣятельности. И возрожденному нуженъ указатель, который бы говорилъ ему, что онъ имѣетъ божественнаго руководителя и слѣдуетъ его велѣніямъ,—нуженъ наставникъ, который бы указывалъ средства, какъ сохранить и утвердить въ себѣ дары благодати. Сейчасъ только мы говорили о томъ, что умственная дѣятельность святыхъ юродивыхъ не была безсознательной; напротивъ, она совершалась по предварительно обдуманнѣмъ планамъ, (днемъ юродствуетъ, а ночью молится). Значить, внутреннее отношеніе къ уму у святыхъ юродивыхъ было естественное. Они отрѣшались отъ ума только во внѣшней жизни. Внѣшній образъ жизни составлялъ для нихъ то поприще, на которое они являлись, свергнувъ съ себя владычество ума. Здѣсь на совершеніе только нѣкоторыхъ дѣйствій простиралось это владычество ума, и именно тѣхъ, какъ видѣли, которые относились къ самому существу въ дѣлѣ спасенія, хотя у нихъ совершалось и это своимъ особеннымъ образомъ. Но

²⁸⁾ Стихиры на вечернѣ 21 іюля. ²⁹⁾ Прологъ 29 мая, листъ 67. ³⁰⁾ Четьи Минеи 8 іюля, листъ 48. ³¹⁾ „Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1898 г., № 20, стр. 1362.

для той стороны внѣшней жизни, которая не относится существенно къ вѣчному спасенію, но которую обязывается человѣкъ устроить по извѣстнымъ законамъ и правиламъ, какъ чувственно-духовное существо, какъ обитатель настоящаго міра, членъ видимаго общества вѣрующихъ, — для этой стороны святыя юродивыя и отвергались ума. А такъ какъ эта сторона внѣшней жизни ближайшимъ образомъ находится также подъ распоряженіями ума, утверждается на его законахъ, упорядочивается его правилами и предписаніями, то съ отреченіемъ для этой жизни отъ ума, во внѣшней жизни святыхъ юродивыхъ естественно долженъ произойти безпорядокъ. Послѣ этого они въ общественной жизни являлись подобными несмысленнымъ дѣтямъ. Попеченіе о пищѣ, одеждѣ, приличіи, словомъ — всѣ обязанности, изъ выполненія которыхъ большею частію слагается дѣятельность существа разумно-чувственного, для нихъ оставались какъ бы неизвѣстными, ненужными, и это то совершенно выдѣляло ихъ изъ среды окружающаго ихъ общества. Но, притворно отвергаясь ума, они расширяли его внутренно для Бога и наполняли его по выраженію церковной пѣсни, мыслей неизреченныхъ (изъ службы святому Лаврентію); измѣняя свои отношенія къ міру, но находясь въ немъ, святыя юродивыя старались быть внѣ его, увеличивая кругъ умственной дѣятельности для Бога, стараясь ввести себя въ Бога — уподобиться Ему, какъ Онъ сказалъ: „будите во Мнѣ“ ³²⁾, возрасти въ себѣ внутренняго человѣка по заповѣди апостола ³³⁾. Святыя юродивыя, какъ видѣли, старались имѣть и имѣли постоянно Бога въ своемъ разумѣ, по апостолу ³⁴⁾, т. е. они не только истинное имѣли въ своемъ умѣ понятіе о Богѣ, но и сдѣлали его руководительнымъ правиломъ въ жизни, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, сообразуясь съ Нимъ, возжигая въ своемъ сердцѣ къ Нему чистѣйшую любовь.

Дѣлаясь сторонниками всего истиннаго, святого, святыя юродивыя главнымъ мотивомъ воли своей считали умъ и

³²⁾ Іоанна XV, 4. ³³⁾ I. Петрово III, 4. ³⁴⁾ Римлянамъ I, 28.

имъ опредѣляли къ дѣятельности свою волю, не давая чувственнымъ мотивамъ брать перевѣсъ. Эта мысль символически выражена святымъ Симеономъ юродивымъ въ слѣдующемъ дѣйствіи: онъ носилъ на своей головѣ вѣнокъ изъ масличныхъ вѣтвей и травы, а въ рукѣ вѣтку и, ходя по городу, громко зывалъ: „торжество побѣдителю царю и граду его“; въ послѣдствіи онъ объяснилъ діакону Іоанну, своему другу, смыслъ этихъ словъ: „городомъ онъ называлъ душу, а царемъ—умъ, надъ страстями владычествующій ³⁵⁾. Такимъ образомъ, святой Симеонъ символически проповѣдывалъ о той внутренней побѣдѣ надъ самимъ собою, которая состоитъ въ господствѣ надъ страстями, о той борьбѣ, какую ведутъ между собою разумъ и чувственность въ человѣкѣ и о умѣ, какъ о силѣ, противостоящей страстямъ. Преосвященный Теофанъ говоритъ: „сила, борющаяся со страстями, есть умъ, въ коемъ—сознаніе и свобода. Чрезъ него цѣлительная сила переходитъ къ силамъ сквозъ подвиги, чрезъ него же сила, поражающая, разрушительная, проходитъ къ страстямъ въ бореніи. И обратно: когда страсти возстаютъ, то мѣтятъ прямо на умъ, т. е. на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго духа, куда врагъ черезъ страсти пускаетъ свои разжженные стрѣлы изъ душевной тѣлесности, какъ изъ засадъ. И пока цѣлы сознаніе и свобода, т. е. стоятъ на сторонѣ добра, то какъ бы ни было велико нападеніе—побѣда наша. Такимъ образомъ, точка опоры для страстей есть благодать“ ³⁶⁾. Нося на головѣ вѣнокъ, святой Симеонъ юродивый этимъ какъ бы показывалъ царственное назначеніе головы (ума), которая имѣетъ близкую и тѣсную связь съ явленіями душевной жизни и служитъ важнѣйшимъ ихъ органомъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческое тѣло завершается головою и въ отношеніи къ цѣлямъ жизни и ихъ достиженію не тѣло носитъ голову, а голова тѣло, которымъ она управляетъ. Лицо головы служитъ выраженіемъ

³⁵⁾ Четьи Минеи 21 іюля, 152 листъ об. ³⁶⁾ Путь ко спасенію 1892 г., отдѣлъ III, стр. 287.

и какъ бы живымъ зеркаломъ душевныхъ состояній чело-
вѣка ³⁷⁾. Голова, такимъ образомъ, имѣетъ значеніе органа
посредствующаго между цѣлостнымъ существомъ души и
тѣми вліяніями, какія онъ испытываетъ со внѣ или свѣше
и ей приличествуетъ правительственное достоинство въ
цѣлостной системѣ душевныхъ дѣйствій. Умъ имѣетъ зна-
ченіе свѣта, которымъ озаряется созданная Богомъ жизнь
человѣческаго духа съ ея, Богомъ данными, законами.
Сосредоточенности и неразсѣянности ума могутъ мѣшать
не только внѣшнія впечатлѣнія, но и впечатлѣнія міра
субъективнаго, внутренняго. Полная и безраздѣльная сосре-
доточенность ума на какомъ-либо предметѣ можетъ быть
весьма значительно повреждаема или даже парализуема
возбужденіемъ какихъ-нибудь стремленій и чувствованій,
относящихся къ другимъ предметамъ и вызывающихъ иной
рядъ представленій, стремящихся проникнуть въ умъ и
овладѣть имъ. Давленіе со стороны этихъ инородныхъ
стремленій, чувствованій или представленій, врывающихся
въ умъ и сбивающихъ его съ того предмета, на который
направляетъ его человѣкъ усиліемъ своей воли, бываетъ
иногда такъ сильно, постоянно и настойчиво, что для осво-
божденія отъ нихъ, какъ должной или желаемой концен-
траціи ума, остается или осуществить ихъ на дѣлѣ и
тѣмъ разрѣдить, такъ сказать, ихъ и лишитъ силы, или
предпринять борьбу съ ними для уничтоженія ихъ въ
основѣ. Освобожденіе отъ давленія разсѣивающихъ стремле-
ній и представленій посредствомъ осуществленія ихъ всегда
приноситъ лишь временный результатъ, не обезпечивающій
въ будущемъ, даже болѣе или менѣе близкомъ отъ новаго
появленія и возбужденія ихъ, отъ новаго вліянія, разсѣи-
вающаго умъ. Отсюда является потребность и необходи-
мость нѣкотораго болѣе радикальнаго ограниченія стремле-
ній, своимъ пробужденіемъ отвлекающимъ умъ отъ пред-
мета, на которомъ оно безраздѣльно и сполна должно быть
сосредоточено, требуется нѣкоторое подавленіе потребностей,

³⁷⁾ Сираха XIX, 26, Экклезіастъ VIII, 1.

мѣшающихъ желаемой и нужной собранности духа. Это именно потому, что уже самая ясность, чистота и сила ума стоятъ въ связи съ нѣкоторымъ подавленіемъ чувственности и нѣкоторымъ, если не ослабленіемъ, то утонченіемъ тѣла посредствомъ строгаго воздержанія и умѣренности. „Однимъ словомъ, говоритъ святой Василій Великій въ своемъ наставленіи юношамъ, все тѣло долженъ презирать тотъ, кто не хочетъ погрязнуть, какъ въ тинѣ, въ его похотяхъ, или пусть нисходитъ ему столько, сколько по словамъ Платона, позволяетъ польза философіи. Сія мысль почти нисколько не различествуетъ отъ словъ апостола Павла, который увѣщаетъ ни подъ какимъ видомъ не простирать попеченія о тѣлѣ до того, чтобы возникли похоти ³⁸⁾. Ибо тѣ, кои заботятся о благосостояніи тѣла, а душу, управляющую онымъ пренебрегаютъ, какъ ничего не значущую, чѣмъ различаются отъ такихъ людей, которые стараются объ устройствѣ орудій, а въ искусствѣ, дѣйствующемъ сими орудіями, не усовершенствуются? Итакъ, заключаетъ святой Василій Великій, надлежитъ укрощать и удерживать въ повиновеніи тѣло, какъ удерживаютъ стремленіе какого либо звѣря,—возбуждаемая имъ въ душѣ смятенія умирать умомъ, какъ бичемъ, и заботясь о духѣ, не давать воли страстямъ, дабы онѣ не увлекли его, подобно какъ необузданные и разъяренные кони увлекаютъ всадника. Здѣсь прилично упомянуть, говоритъ великій святитель, о Пифагорѣ; узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ тѣлесными упражненіями и явствами болѣе и болѣе приращаетъ свою тучность, онъ сказалъ ему: перестанешь ли ты дѣлать темницу свою часть отъ часу несноснѣе? по этой причинѣ, замѣчаетъ святой отецъ, говорятъ и Платонъ, зная вредъ, происходящій отъ тѣла, нарочно избралъ для академіи не очень здоровое мѣсто въ Атикѣ, дабы отнять отъ тѣла излишекъ здравія, какъ отнимаютъ лишніе сучья винограда. А я слышалъ отъ врачей, добавляетъ святой отецъ, что чрезмѣрное здоровье даже опасно“ ³⁹⁾. Но если отвлеченное

³⁸⁾ Римлянамъ XIII, 14. ³⁹⁾ Творенія святаго Василія Великаго.

мышленіе требуетъ нѣкотораго ограниченія и подавленія чувственности съ ея разсѣивающимъ вліяніемъ, то особенно это требуется для умнаго созерцанія и умной, или духовной молитвы, тѣмъ болѣе что предметомъ ихъ служить существо нечувственное, высочайшее, святѣйшее, безусловное. Такой объектъ созерцанія необходимо требуетъ не только свободы отъ давленія разсѣивающихъ чувственныхъ пожеланій, но и положительной нравственной чистоты, потому что по слову Спасителя, только „чистіи сердцемъ Бога узрятъ“. Отсюда естественно должно пристекать строгое и даже суровое отношеніе къ чувственности, постоянная борьба съ нею, какъ представляющею помѣху для сосредоточеннаго, чистаго и напряженнаго созерцанія. Однако, цѣлью этой борьбы съ чувственностью должно служить одухотвореніе, такъ сказать, плоти, т. е. приведеніе ея въ такое состояніе, въ которомъ она, по крайней мѣрѣ не могла бы мѣшать паренію духа, напряженному умному созерцанію и умной, или духовной молитвѣ. Но здѣсь однимъ изъ важныхъ препятствій служить мыслящая сила. Человѣку мыслить столь же естественно, какъ и солнцу свѣтить. Умъ движется впередъ подъ вліяніемъ какого-то невидимаго и неодолимаго влеченія. Остановить его дѣятельность никто не въ состояніи, но управлять имъ должно. Главное зло для ума—это суетныя, пустыя мысли. Въ письмахъ путешественниковъ мы читаемъ, что въ жаркихъ странахъ часто налетаютъ такіа тучи саранчи, что онѣ закрываютъ отъ путешественника солнечный свѣтъ и бросаютъ темную и холодную тѣнь. Тоже бываетъ и въ умѣ. Тучи суетныхъ мыслей постоянно носятся надъ умами людей, пересѣкаютъ лучи истины на ихъ пути къ сердцу и, такимъ образомъ, дѣлаютъ сердце чуждымъ добродѣтели; или, подобно стаѣ птицъ, налетѣвшихъ на недавно засѣянное поле, крылатыя мысли спускаются на сердце и выклевываютъ тѣ драгоценныя сѣмена, которыя посѣяны въ немъ рукою небснаго Святеля и которыя принесли бы обильные плоды.

Для того, чтобы освободиться отъ такого состоянія и

получить божественный свѣтъ и истину необходимо, по ученію святыхъ отцевъ, вступить въ брань съ своимъ вообращеніемъ и бороться съ нимъ всѣми силами, чтобы „обнажить“ умъ свой отъ всякихъ видовъ, цвѣтовъ и очертаній и вообще отъ всякаго воображенія и памяти чувственныхъ вещей, какъ хорошихъ, такъ и худыхъ, потому что, „все такое есть запятнаніе и затемнѣніе чистоты и свѣтлости ума, одебелѣніе его безвеществія и проводникъ къ отрастенію ума“, такъ какъ ни одна почти страсть душевная и тѣлесная не можетъ подступить къ уму иначе, какъ чрезъ воображеніе соотвѣтственныхъ имъ вещей чувственныхъ. Поэтому, необходимо хранить свой умъ безцвѣтнымъ, безъобразнымъ, безвиднымъ и чистымъ, какъ создалъ Богъ. Но достигнуть этого возможно лишь возвративъ умъ свой въ себя, заключивъ его въ тѣсномъ мѣстѣ своего сердца, и всего внутренняго человѣка, и научивъ его неотходно пребывать тамъ, внутри, внимая себѣ, себя разсуждая, наипаче же Бога созерцая и въ Немъ упокоеваясь. Подобно тому какъ змѣй, когда нужно ему бываетъ бросить старую кожу свою, идетъ и съ усиліемъ протискиваетъ себя сквозь какой-либо тѣсный проходъ, какъ говорятъ „естествословы“, такъ и умъ, чрезъ тѣснины сердца и умной въ сердцѣ молитвы протискиваясь, совлекается одежды воображенія чувственныхъ вещей и недобрыхъ чувственныхъ впечатлѣній, дѣлается чистымъ, свѣтлымъ и годнымъ къ единенію съ Богомъ, ради подобія Ему, какое воспринимаетъ чрезъ это. Или, — какъ вода, чѣмъ больше утѣсняется въ тѣсныхъ проходахъ, тѣмъ сильнѣе напираетъ и быстрѣе устремляется вверхъ, такъ и умъ, чѣмъ болѣе стѣсняется сокровеннымъ въ сердцѣ поученіемъ и себѣ вниманіемъ, тѣмъ дѣлается утонченнѣе и сильнѣе и, устремляясь горѣ, тѣмъ недоступнѣе бываетъ для всякой страсти и всякаго прилога помысловъ, и для всякаго образа вещей, не только чувственныхъ, но и мысленныхъ, такъ какъ онѣ въ такомъ случаѣ остаются внѣ и внутрь войти не могутъ. Или какъ лучи солнца, будучи разсѣяны въ воздухѣ и разъединены другъ съ другомъ,

бываютъ не такъ свѣтлы и теплородны, будучи же сосредоточены въ одну точку посредствомъ извѣстныхъ стеколъ, даютъ ослѣпительный свѣтъ и зажигательную теплоту, такъ и умъ, будучи собранъ въ центрѣ сердца себѣ вниманіемъ и сокровеннымъ поученіемъ, дѣлается свѣтоноснымъ и по-палительнымъ, тьму вещественную и страстную разгоняющимъ и всякіе такого рода образы и движенія уничтожающимъ“ ⁴⁰⁾. Святый Симеонъ юродивый и признавалъ умъ царемъ надъ страстями. Въ самомъ дѣлѣ, безъ умственнаго бодрствованія невозможно изгладить изъ души всѣ слѣды и остатки прежде воспринятыхъ впечатлѣній, возбуждающихъ и питающихъ страсти. Только непрерывною борьбою съ изгнаніемъ изъ души страстныхъ чувствъ можно стяжать себѣ вѣнецъ побѣды, и не дать діаволу играть своею душою, какъ мячикомъ, который старается держать человѣка въ страстномъ настроеніи, перебрасывая вниманіе отъ одного воспоминанія на другое и подъ ними шевеля пожеланія и страсти ⁴¹⁾).

Вотъ какой смыслъ можно усматривать въ символическомъ дѣйствіи святого юродиваго Симеона.

Значить, святые юродивые умъ свой пріучали къ борьбѣ съ страстями и старались развить его такъ, чтобы въ ихъ сердцѣ вкоренился вкусъ и навыкъ только къ тому, что раскрывало предъ ними Бога, а не къ тому, что льститъ чувственности, раздражаетъ ее, направляли умственные силы къ тому, чтобы навсегда утвердить себя въ томъ, что свято и праведно, что питаетъ благочестіе и возбуждаетъ умиленіе и благоговѣніе къ Творцу и Промыслителю, Искупителю и Освятителю всего существа человѣка.

Такимъ образомъ, святые юродивые старались казаться и казались прежде всего не такими, каковы они были на самомъ дѣлѣ. Сообразно ли это съ достоинствомъ разумной человѣческой природы?

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что скрытность, ко-

⁴⁰⁾ Невидимая брань. Москва, 1892 г., стр. 113, 114. ⁴¹⁾ Невидимая брань, стр. 119.

торая внутреннюю срамоту хочет прикрыть благовиднымъ покровомъ. во всякомъ случаѣ отвратительна. Но несомнѣнно и то, что скрытность святыхъ юродивыхъ совсѣмъ другого рода. Основаніе скрытности ихъ, какъ видѣли, отчасти лежало въ глубокомъ смиреніи, которое на самой высшей ступени нравственнаго совершенства представляетъ себя ниже всѣхъ. Совмѣстность съ нашею природою такого рода скрытности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сознаніе собственного ничтожества и недостойнства предъ Богомъ естественно человѣку, — и когда сознаніе это доходитъ до высшей степени, тогда человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ будетъ видѣть одни только недостатки. Если Богъ и въ ангелахъ усматриваетъ нѣчто стропотное ⁴²⁾, то тѣмъ болѣе это есть въ человѣкѣ, даже самомъ благочестивомъ. Усматривая недостатки и въ своихъ добродѣтеляхъ, смиренный подвижникъ благочестія желаетъ, чтобы и другіе также судили о немъ, а отсюда рождается мысль — скрывать отъ взора другихъ свои добродѣтели.

Далѣе, извѣстно, что сѣмя добра въ нашей душѣ гораздо удобнѣе утверждается, растетъ и созрѣваетъ втайнѣ, нежели когда оно выставляется на видъ. Привычка услаждаться собственными совершенствами и одобреніе другихъ легко могутъ ослабить одно изъ важнѣйшихъ побужденій къ нравственному усовершенствованію себя, — сознаніе собственного ничтожества. Человѣкъ тѣмъ сильнѣе возбуждается къ исправленію нравственныхъ своихъ недостатковъ, чѣмъ яснѣе усматриваетъ ихъ. Слѣдовательно, лишь только человѣкъ начнетъ заниматься разсматриваніемъ своихъ совершенствъ и въ тоже время упускать изъ виду свои недостатки, — стремленіе къ нравственному усовершенствованію себя необходимо слабѣетъ, если не совсѣмъ прекращается.

Приложимъ сказанное къ святымъ юродивымъ. Предположимъ, что чувство собственного недостойнства и опасеніе, чрезъ обнаруженіе предъ собою и другими своихъ

⁴²⁾ Іова, XV, 15.

совершенство, ослабить въ себѣ стремленіе къ усовершенствованію, были развиты у нихъ до великой степени, и мы должны будемъ признать, что скрытность святыхъ юродивыхъ нисколько не противорѣчитъ достоинству природы человѣческой. Возражая, что многіе съ голубиною кротостію могли открыто возвращать въ себѣ сѣмя добра, не имѣетъ силы въ глазахъ того, кто знаетъ, что люди одарены не одинаковыми дарованіями, какъ естественными, такъ и благодатными.

Значитъ, скрытность святыхъ юродивыхъ не можетъ служить основаніемъ того, чтобы считать, „юродство“ противнымъ природѣ человѣческой.

ГЛАВА V.

Видъ физической жизни святыхъ юродивыхъ: скитальческая жизнь, скудость въ одеждѣ, босоножіе, провозженіе жизни внѣ жилищъ или въ непокрытыхъ „хлѣвинахъ“, спанье на голой землѣ. Нравственный смыслъ этихъ лишеній.

Всѣ странности въ образѣ жизни святыхъ юродивыхъ происходили вслѣдствіе отрѣшенности ихъ отъ ума и отъ скрытности; иначе такой образъ жизни не могъ образоваться.

При взглядѣ на жизнь святыхъ юродивыхъ прежде всего бросается въ глаза ихъ скитальческая жизнь. Вступая на подвигъ „юродства“, они покидали все мірское, порывали всякую связь съ родными: святой Симеонъ покидаетъ нѣжно любящую свою мать, святой Андрей пренебрегаетъ своимъ положеніемъ у вельможи для „бѣганія“. святой Прокопій, раздавъ имѣніе свое, поселяется въ Хутынскомъ монастырѣ, а потомъ „юродствуетъ“ въ городѣ, святой Іоаннъ Устюжскій бѣгаетъ по улицамъ полуобнаженный, святой Михаилъ Клопскій пренебрегаетъ своимъ княжескимъ достоинствомъ, святые Николай и Феодоръ Новгородскіе пребывали внѣ отческаго дома и постоянно ходили по Новгороду, святой Максимъ Московскій, оставивъ свое жилище, родныхъ и близкихъ сердцу, бѣгалъ

по улицамъ Москвы, святой Василиій блаженный, оставивъ родъ свой и домъ отеческій ходилъ по улицамъ Москвы, святой Исидоръ Ростовскій, „утаився всѣхъ, изыде изъ дому своего“ и, поселившись въ Ростовѣ, проводилъ дни на городскихъ торжищахъ, святой Прокопій Вятскій, оставивъ родителей своихъ, „хождаше по всякъ день отъ церкви къ церкви, по торгу и по улицамъ“, святой Андрей Тотемскій тоже постоянно странствовалъ, святой Симонъ Юрьевецкій, тайно удалившись отъ родныхъ и знакомыхъ, скитался по полямъ и въ безлюдныхъ мѣстахъ, святой Серапіонъ Синдонитъ тоже не имѣлъ опредѣленнаго пристанища и всегда странствовалъ, святой Виссаріонъ путешествовалъ по монастырямъ ¹⁾.

Чѣмъ объяснить такой образъ жизни святыхъ юродивыхъ? конечно тѣмъ, что сердце ихъ невольно порывалось къ небу. Мысль о вѣчности, гдѣ конецъ всѣмъ превратностямъ, гдѣ ничѣмъ не стѣсняемая жизнь разольется широкою, величественною рѣкою, не встрѣчая никакихъ преградъ въ своемъ теченіи, внушала имъ, гдѣ источникъ надежды и упованія: онъ не на землѣ, но въ предѣлахъ выше земныхъ. Они, конечно, обращая взоры на себя, на свою плоть и пригвожденіе ея къ землѣ, потомъ, возводя ихъ горѣ, и вспоминая, что небо предназначено въ жилище имъ, что вѣчная слава прежде сложенія міра уготована въ ихъ наслѣдіе ²⁾, всегда вздыхали о лишеніи земныхъ благъ и сокрушали духъ свой и тѣло,—только бы обрѣсти Господа. Святой юродивый Серапіонъ часто сидѣлъ внѣ селенія и горько плакалъ. На вопросъ проходящихъ—о чемъ онъ плачетъ? онъ отвѣчалъ: „господинъ мнѣ поручилъ свое богатство, а я его растратилъ, и онъ хочетъ мучить меня“ ³⁾. Святой юродивый Виссаріонъ, когда приходилъ въ какой-либо монастырь, то садился у воротъ его и горько плакалъ. На вопросъ братіи: „что ты плачешь? если нуждаешься въ необходимомъ, то дадимъ

¹⁾ Ковалевскій, стр. 105.—272. ²⁾ Мѣ. XXV, 34. ³⁾ Кормчіи 1895 г. № 19, стр. 284.

тебѣ сколько можемъ, только войди къ намъ“, онъ отвѣчалъ: „не могу оставаться подъ кровлею, пока не найду имущества своего. Я различнымъ образомъ лишился великаго имущества: я и попался морскимъ разбойникамъ, и потерпѣлъ кораблекрушеніе, и лишился славы своего рода, изъ знатныхъ сдѣлался незнатнымъ“. Когда же ему приносили хлѣба и говорили: „прими это, отецъ, а прочее возвратить тебѣ Богъ, по словамъ твоимъ, — отечество, славу рода и богатство“, то святой Виссаріонъ еще болѣе плакалъ и громко рыдалъ, приговаривая: не умѣю сказать, могу ли я найти, что потерявъ ищу“ ⁴⁾). Мысль этихъ рѣчей та, что всѣ силы и способности своей души на землѣ человѣкъ долженъ развивать, образовывать и направлять сообразно съ будущей жизнью, чтобы тамъ, въ небесномъ отечествѣ, не подвергнуться отъ Господа наказанію. Значить, святые юродивые, смотря на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ на землѣ, обращали взоръ туда, откуда святые точки озаряютъ положеніе человѣка въ мірѣ, постоянно стремились къ почести высшаго званія Божія ⁵⁾) и въ своей земной жизни шествовали къ горѣ неосязаемой, къ царствію Божію. Богъ одарилъ человѣка, какъ говорили святые Серапіонъ и Виссаріонъ, извѣстными силами и способностями, вложилъ въ его природу извѣстныя потребности и стремленія, чтобы они служили для него и постояннымъ побужденіемъ къ дѣятельности и постояннымъ указаніемъ того, что онъ долженъ дѣлать и какъ поступать,—а способности, чтобы служили для него средствами къ удовлетворенію его истинныхъ стремленій и сдѣлалъ это, конечно, для того, чтобы человѣкъ и былъ такимъ, какимъ онъ созданъ быть, чтобы, выполняя законы своего бытія, онъ былъ именно тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, согласно съ волею Божіею, которую Богъ имѣлъ при его созданіи.

Стремиться къ достиженію этой цѣли, т. е. быть такимъ, какимъ Богъ создалъ человѣка, стремиться въ теченіи всей

⁴⁾ Ковалевскій, стр. 114, 115. ⁵⁾ Филипп. III, 14.

жизни къ этому идеалу, есть не только священный и непрѣмѣнный долгъ человѣка, налагаемый на него высочайшею волею Творца, но и источникъ всего счастія и блаженства человѣка. Чтобы выяснитъ послѣднюю мысль, употребимъ сравненіе. Какъ въ машинѣ все идетъ въ порядкѣ и какъ должно только до тѣхъ поръ, пока она дѣйствуетъ именно такъ, какъ она устроена механикомъ, — а въ противномъ случаѣ, когда она, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, начинаетъ дѣйствовать неправильно, не такъ, какъ слѣдуетъ, и какъ она устроена, она не только производитъ безпорядокъ и вредъ во всемъ, что къ ней соприкасается, но и сама себя разстраиваетъ и повреждаетъ, — такъ точно бываетъ и въ человѣкѣ. Дѣлая не то, что должно дѣлать ему по повелѣнію Божію, поступая не такъ, какъ того требуетъ то духовное богатство, которое дано ему Богомъ — истинныя свойства и потребности, — нарушая т. е. тѣ законы своего бытія, по которымъ онъ долженъ дѣйствовать въ жизни и съ которыми долженъ согласовать всѣ свои поступки, человѣкъ, неизбѣжно, не только нарушаетъ должныя отношенія къ своему я, но производитъ разстройство въ самомъ себѣ, причиняетъ вредъ своей природѣ и, такимъ образомъ, самъ для себя дѣлается источникомъ несчастій и страданій.

Прекрасно сознавая свое предназначеніе къ вѣчному существованію, святые юродивые и взирали на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ на землѣ и на міръ этотъ, какъ на страну пришельствія. Такой взглядъ былъ обыкновеннымъ и у ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Такъ, святые патріархи и праотцы и тѣломъ не имѣли постоянного жилища и духомъ стремились къ тѣмъ будущимъ благамъ, которыя надѣялись имѣть въ обѣтованномъ Искупителѣ. Святой пророкъ Давидъ хотя былъ и царь, но и на престолѣ царскомъ взывалъ ко Господу: „азъ есмь пресельникъ у Тебе и пришлецъ, якоже и отцы наши“ ⁶⁾. Такъ и всѣ святые исповѣдывали съ апостоломъ, а святые юро-

⁶⁾ Псаломъ XXXVIII, 13.

дивные и самымъ дѣломъ показывали, что они не имѣютъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуютъ ⁷⁾. Осуществляя въ своей бродячей жизни эти слова святаго апостола Павла, святые юродивые, конечно, сознавали,—а иначе они бы и не вели такой образъ жизни,—что мысль о себѣ, какъ о странникѣ въ мірѣ, презирающемъ все земное, особеннымъ образомъ способствуетъ удерживаться на пути добродѣланія, какъ учить объ этомъ и святой апостолъ Петръ: „возлюбленіи, увѣщаетъ онъ современныхъ ему христіанъ къ чистой и духовной жизни, молю васъ, яко странниковъ и пришельцевъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, иже воюютъ на душу“ ⁸⁾. Такимъ образомъ, мысль, что всѣ живущіе на землѣ странники и пришельцы, скорѣе всего даетъ понять—сколь враждебны и непріязненны для христіанина „плотскія похоти“ и какъ сильно онѣ воюютъ на душу. Эта мысль, срывая, такъ сказать, благовидную личину съ похотей, воюющихъ на душу, въ тоже время даетъ христіанину силу бороться съ ними. Сила эта заключается въ одной благодати Божіей, но такъ какъ и благодать не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ со стороны человѣка усилій идти къ добру и избѣгать зла, то въ собственныхъ усиліяхъ христіанина къ преодолѣнію чувственности, что можетъ быть лучше, какъ не постоянная мысль въ душѣ христіанина о томъ, что міръ—страна для него чуждая, что истинное отечество его на небѣ, что онъ пользуется здѣсь временнымъ пріютомъ.

Одно то размышленіе, что переселившіеся туда святые жили, дѣйствовали и мыслили такъ, одна эта мысль, возникающая у святыхъ юродивыхъ, набрасывала самое мрачное покрывало на всѣ земныя прелести и незамѣтно развивала въ ихъ вкусъ къ вѣчнымъ благамъ, такъ что всѣ они, „оставивъ богатство, славу временную и пищу мимотекущую и мірское достояніе“, устремлялись къ небесному

⁷⁾ Евреямъ XIII, 14. ⁸⁾ I Петр. II, 11.

отечеству ⁹⁾. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ святая церковь опредѣляетъ стремленія святыхъ юродивыхъ къ вѣчности: „вышнія красоты желая, нижнія сласти тѣлесныя тощю оставилъ еси, нестяжаніемъ суетнаго міра, ангельское житіе проходя, скончався“, поется въ общемъ кондакѣ святымъ юродивымъ. Эта мысль рельефнѣе высказывается въ икосѣ: „радуйся, премѣнивый тлѣнная и настоящая, надеждо будущихъ благъ“ ¹⁰⁾ и въ свѣтильнѣ: святые юродивые „удалились бѣгая мірскаго сожительства, и Христу сущему надъ всѣми Богу непорочнымъ житіемъ старались благоугодить ¹¹⁾. Стремленіе къ вѣчности побудило святаго Исидора отвергнуть отеческіе нравы и удалиться „нечестивыхъ сожительства“ ¹²⁾, и всѣхъ юродивыхъ имѣть „веліе нестяжаніе“ ¹³⁾, чтобы безпрепятственно, „живя съ дольними и ходяй плотію, ступать духомъ и стремиться къ горнему“ ¹⁴⁾.

Удаленная отъ мірскихъ тревоженій жизнь всегда уже сопровождается скудостью и нищетою. Эта связь двухъ указанныхъ явленій имѣла мѣсто еще въ языческомъ мірѣ. Классъ кающихся индійцевъ былъ въ одно и тоже время и уединенно живущимъ и нищенствующимъ. Въ эллинскомъ язычествѣ встрѣчалось тоже самое. Послѣдователи Пифагора, Сократа и Платона въ ихъ философскихъ общинахъ, съ извѣстною степенью уединенія, соединяли нищенскую бѣдность; отказывались отъ всякаго личнаго имущества. Нѣчто подобное было и въ средѣ іудейскихъ ессеевъ. Жизнь Самого Господа Іисуса Христа представляетъ совершеннѣйшій образецъ истинно аскетической нищеты, полнаго отчужденія отъ всякаго земнаго стяжанія; Онъ говоритъ: „лиси язвыны имуть и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же Человѣческой не имѣетъ гдѣ главы подклонити“ ¹⁵⁾.

И святые юродивые вѣрно слѣдовали Основателю христіанства въ отношеніи къ земнымъ стяжаніямъ. Подражая Ему, они нестяжательность свою довели до высшей степени.

⁹⁾ Изъ канона святымъ юродивымъ, общая минея. ¹⁰⁾ Общая минея. ¹¹⁾ Служба на 8 іюля. ¹²⁾ Изъ канона святому Исидору 14 мая. ¹³⁾ Изъ стихиръ святому Андрею 2 октября. ¹⁴⁾ Стихира на стиховнѣ, общая минея. ¹⁵⁾ Мѣ. VIII, 20.

Аскетическія ихъ лишенія касаются прежде всего одежды и жилища. Разсмотримъ раздѣльно этотъ физическій видъ подвига „юродства“. Предъ юродствованіемъ подвижники со-
влекались своей одежды и облекались въ рубище. Ношеніе вретѣща или волосяной рубашки на голомъ тѣлѣ подъ верх-
ними одеждами составляетъ траурный или покаянный
обычай, извѣстный съ древнѣйшихъ временъ Ветхаго за-
вѣта; онъ встрѣчается какъ у іудейскаго народа, такъ и
восточно-языческихъ народовъ ¹⁶⁾. Наряду съ ношеніемъ
вретѣща употреблялись раздираніе одеждъ, посыпаніе главы
пепломъ, сидѣніе на пеплѣ и прахѣ ¹⁷⁾. Вретѣще, это тор-
жественная траурная одежда Ветхаго Завѣта, въ существѣ
дѣла совершенно тоже, что и власяница христіанскихъ
отшельниковъ и аскетовъ по ихъ первоначальной формѣ
и по значенію. Оба выраженія: вретѣще и власяница обо-
значаютъ волосяныя, а никакъ не грубо-холщевыя одежды,
въ высшей степени простого покроя; дѣлались онѣ изъ
грубой шерстяной матеріи темнаго, а чаще всего—чернаго
цвѣта (о цвѣтѣ вретѣща даютъ понятія слѣдующія мѣста
священнаго Писанія: Исаіи L, 3: „я облекаю небеса мра-
комъ и вретѣще дѣлаю покровомъ ихъ“, Апокалипсисъ VI,
12: „солнце стало мрачно, какъ вретѣще). Подъ именемъ
власяницы (*cilitium kilikia*) разумѣется собственно покровъ
или одежда, сдѣланная изъ колючей шерсти киликійскихъ
козловъ ¹⁸⁾.

Въ христіанскія времена власяницей обыкновенно на-
зывается шерстяная одежда, носимая прямо на голомъ
тѣлѣ, причемъ иногда она скрывалась подъ верхнею оде-
ждою. Ношеніе на голомъ тѣлѣ власяницы основывалось
на примѣрѣ пророка Іліи и святого Іоанна Предтечи,
обыкновенною одеждою которыхъ была власяница изъ вер-
блюжьяго волоса ¹⁹⁾. Съ третьяго вѣка о ней часто упо-
минаютъ христіанскіе писатели. Святой Кипріанъ внушаетъ
падшимъ умиловать Бога слезами, униженнымъ ле-

¹⁶⁾ У ниневитянъ, Іоны III, 6; Бытія XXXVIII, 34. ¹⁷⁾ 2 Царствъ III, 31; 3 Царствъ XXI, 27; 4 Царствъ XIX, 1; Мѡ. XI, 21; Луки X, 13. ¹⁸⁾ Исаія XX, 2. ¹⁹⁾ Мѡ. III, 4. 4 Царствъ I, 8.

жаниемъ на землѣ, ношеніемъ власяницы. Въ средѣ монашества съ четвертаго вѣка эта же одежда входитъ чуть не въ всеобщее употребленіе. Такъ святой Андрей, послѣ того, какъ его признали сумасшедшимъ и отпустили на волю, „вземъ ножъ, иде на студенецъ, и совлекъ съ себя ризу, раздоби ю на пласты ²⁰⁾; святой Исидоръ Твердисловъ, рѣшивъ принять на себя подвигъ „юродства“, „отъ ризъ совлечеса“ ²¹⁾. Святой Василий блаженный „ни ризнаго одѣянія на тѣлѣ своемъ ношаше и нагъ хождаше и въ зимѣ и лѣтѣ“ ²²⁾; святой юродивый Устюжскій Іоаннъ „пребываше нагъ, точію едино рубище имѣя по чреслѣхъ своихъ. Егда же и въ срачицѣ прилучашеся ходити ему, и онъ ю ветху имѣяше, и никогдаже измовену“ ²³⁾; святой Прокопій Устюжскій ходилъ „въ единой ветхой рубищной и раздраной одеждѣ полунагъ сущи, рубищную же носимую одежду имѣяше съ единого рама спущену и плечи обнажены ²⁴⁾; святой Іоаннъ Большой Колпакъ по Москвѣ ходилъ почти нагой ²⁵⁾; святой Георгій Шенкурскій носилъ „гнусную и раздраную ризу, студа ради тѣлеснаго покрывая тѣло свое, якоже достоитъ покрыти ²⁶⁾; святой Андрей Тотемскій ходилъ въ раздранной одеждѣ ²⁷⁾; святой Симонъ Юрьевецкій зимою и лѣтомъ имѣлъ одну длинную раздранную рубашку ²⁸⁾; святой Николай Кочановъ носилъ ветхую одежду, а святой Феодоръ Новгородскій ходилъ полунагимъ, святой Николай Псковскій носилъ длинную рубашку, подпоясанную веревкою; святой Максимъ Московскій почти нагимъ бѣгалъ по улицамъ Москвы; святой Лаврентій калужскій зимой и лѣтомъ ничего не носилъ, кромѣ рубашки и овчиннаго кожуха; святой Прокопій Вятскій всегда рвалъ одежду, которую ему давали носить ²⁹⁾; святая Исидора „простымъ платомъ сквернавымъ покрываше главу свою“ ³⁰⁾. Иные изъ юродивыхъ носили влася-

²⁰⁾ Четьи Миней октября 2, листъ 10. ²¹⁾ Прологъ 14 мая листъ 32 об.

²²⁾ Прологъ августа 2, листъ 5. ²³⁾ Прологъ 29 мая, листъ 68. ²⁴⁾ Четьи-Миней 8 июля, листъ 48. ²⁵⁾ Кормчій 1895 г. № 26, стр. 367. ²⁶⁾ Архангельскій Патерикъ 1900 г., стр. 214. ²⁷⁾ Кормчій № 40, стр. 534. ²⁸⁾ Кормчій № 44, стр. 582.

²⁹⁾ Ковалевскій, стр. 183, 195, 202, 206, 251, 255. ³⁰⁾ Четьи-Миней 10 мая, листъ 69 об.

ницу какъ на примѣръ: Ѡаддей олонецкій ³¹⁾, Исáкій Печерскій ³²⁾.

Подобнаго рода аскетизмъ встрѣчается въ исторіи съ глубокихъ языческихъ временъ. Такъ, индійскіе аскеты еще въ древнюю эпоху извѣстны были тѣмъ, что они лежали или на голой землѣ или прямо на камнѣ безъ всякой одежды, кромѣ того покроя, какой у нихъ состоялъ изъ клочка древесной коры или какой-нибудь шкурки; эти лица назывались гимнософистами. Нагимъ былъ извѣстный циникъ Діогенъ въ своей бочкѣ. Нагими ходятъ нѣкоторые дервиши ислама. Вполнѣ нагими ходили отшельники такъ называемой Скитской пустыни въ Египтѣ; при взглядѣ на нихъ преподобный Макарій Египетскій вынесъ для себя то назиданіе, что при всей суровости своей жизни, онъ еще не дошелъ до той степени въ самолишеніяхъ, до какой дошли эти отшельники. Подобное же повѣствуется объ одной монашеской сектѣ „пасущихся“, жившей въ Месопотаміи. Въ христіанской церкви съ глубокихъ временъ раздаются сильные и непрестающіе голоса, ратующіе за возможную простоту, безпритязательность въ одеждѣ. Климентъ Александрійскій предостерегаетъ отъ пестрыхъ и цвѣтныхъ одеждъ, какъ соблазнительныхъ, ласкающихъ взоръ. Тертуллианъ говоритъ о внѣшнихъ украшеніяхъ, въ особенности женщинъ, святой Іоаннъ Златоустъ извѣстенъ своими обличеніями по части одеждъ. Совѣты великихъ мужей христіанской древности принимались во вниманіе, и нѣкоторые изъ членовъ христіанскаго общества доводили слѣдованіе имъ свое до высшей степени, какъ видно на примѣрахъ святыхъ юродивыхъ; они буквально осуществляли слова святого апостола Павла: „скитаемся, наготуемъ“ ³³⁾.

Отказывая себѣ въ одеждѣ, святые юродивые считали возможнымъ обходиться и безъ всякой обуви; почти всѣ они (за исключеніемъ Исáкія Печерскаго и Аврамія Смоленскаго) и зимою и лѣтомъ ходили босикомъ. Босоножіе

³¹⁾ Русскій Паломникъ 1895 г. № 36, стр. 571. ³²⁾ Кіево-печерскій Патерикъ.

³³⁾ 1 Коринѳянамъ IV, 11.

извѣстно съ древности. Оно основывалось прежде всего на нѣкоторыхъ очень извѣстныхъ примѣрахъ изъ ветхаго за-
вѣта; такъ, Моисею велѣно было снять обувь ³⁴⁾, Давидъ босой спасается бѣгствомъ отъ Авессалома ³⁵⁾, а пророку Исаи повелѣно было снять сандалии ³⁶⁾. Въ богослужебной практикѣ язычниковъ босоножіе тоже встрѣчается нерѣдко, на примѣръ, при совершеніи жертвъ въ обществѣ пиваго-
рейцевъ, при молитвенныхъ воззваніяхъ у римлянъ. Въ христіанской же древности встрѣчаемъ какъ увѣщанія къ босоножію, такъ и практику того же рода. Климентъ Алек-
сандрійскій въ числѣ нравственныхъ предписаній, необходи-
мыхъ для мужчины, поставляетъ и совѣтъ ходить безъ обуви. Онъ высказываетъ мнѣніе, что самое приличное дѣло для мужчины совсѣмъ не носить обуви, за исключе-
ніемъ военной службы, такъ какъ привязываніе къ ногамъ сандалій есть, по его мнѣнію, дѣло постыдное и унизитель-
ное, признакъ рабства, подобно тому, какъ цѣпочки на ногахъ женщины—постыдны, противъ которыхъ вооружался святой пророкъ Исаія ³⁷⁾. И дѣйствительно, объ ученикѣ Климента, Оригенѣ извѣстно, что онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ ходилъ босой.

Святой Кассіанъ вотъ какія основанія представляетъ для босоножія; онъ говоритъ, что босоножіе предписываетъ **самъ** Іисусъ Христосъ Своимъ апостоламъ, когда заповѣ-
дуетъ имъ не брать съ собою „ни двою ризу, ни сапогъ“ ³⁸⁾; но въ данномъ случаѣ Христосъ воспрещалъ только апо-
столамъ брать съ собою запасную обувь, повелѣвая доволь-
ствоваться одною обувью: „заповѣда имъ быть обуveni въ сандалія“ ³⁹⁾. Существовали цѣлыя общества босоногихъ (рудипедалы, упоминаемые блаженнымъ Августиномъ, ан-
глійскіе лолларды, требовавшіе, чтобы всѣ обязательно хо-
дили безъ обуви). Вообще надо сказать, обычай ходить босикомъ при извѣстныхъ случаяхъ, на примѣръ, во время эпитеміи, въ крестныхъ ходахъ, въ путешествіяхъ ко свя-

³⁴⁾ Исход. III, 5. ³⁵⁾ 2 Царствъ XV, 30. ³⁶⁾ XX, 2. 4. ³⁷⁾ III, 16. 18.
³⁸⁾ Маттея X, 10; Луки X, 4. ³⁹⁾ Марка VI, 9.

тымъ мѣстамъ, — считался всегда почтеннымъ. Извѣстно, что сами царственныя особы не пренебрегали этимъ обычаемъ (напримѣръ Ѳеодосій Великій). Словомъ, считалось вполне достохвальнымъ, если кто, препобѣждая холодъ и трудности пути, ходилъ босой, въ видахъ угожденія Богу. И святые юродивые въ этихъ же цѣляхъ лишали себя обуви и, можно предполагать, что они стремились осуществить дѣятельно толкованіе Кассіанова еванг. Маттея X, 10 и своимъ босоножіемъ выразить всегдашнюю покаянную настроенность своего духа.

Смыслъ и цѣль аскетическихъ лишеній святыхъ юродивыхъ въ одеждѣ и обуви выражена ясно и раздѣльно въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ: „егда озарился еси Духомъ божественнымъ, поется въ стихирѣ на стиховнѣ святому Василию, тогда міра вся красная отвергль еси: ничтоже на тѣлѣ твоємъ носилъ еси отъ тлѣнныхъ одѣяній, наготою тѣлесною Христу работая, желая блаженства вѣчнаго“ ⁴⁰⁾; „егда совлеклся еси тлѣнныхъ одѣяній, тогда облеклся еси въ новаго человѣка, обновляема Христовою кровію, отлагая ветхая мудрованія, задняя забывая, на предняя простираяся“ ⁴¹⁾; „всѣхъ земныхъ вещей житія сего суетнаго свободенъ былъ еси“, „въ народѣ нагъ ходилъ не срамляясь, яко же отъ чрева матерня изшелъ“ ⁴²⁾; „презрѣвъ плотская одѣянія, процвѣлъ яко кринъ сельный, одѣявся добродѣтелями яко ризою свѣта и наготою тѣла послѣдовалъ еси Христу“; „все отложъ мірское мудрованіе, потекль еси радуясь въ слѣдъ Христа Бога, Ему же во всемъ животѣ твоємъ неложно работая, показалъ еси труды и подвиги, и убѣдилъ еси ризу душевную, снѣга бѣлѣйши, да во всемъ послушливъ бывъ Христу“ ⁴³⁾, поется въ службѣ святому Василию.

Что же касается аскетическихъ лишеній святыхъ юродивыхъ въ жилищахъ, то они были прямо поразительны. Святый Андрей „въ толикомъ градѣ (Царь-градѣ) посредѣ

⁴⁰⁾ Минея 2 августа. ⁴¹⁾ Тамъ же. ⁴²⁾ Стихира на литіи 2 августа.

⁴³⁾ Стихира на хвалитехъ августа 2.

множества людей живя, не имѣ гдѣ главы приклонити: нищии бо его отъ кущъ своихъ прогоняху, богатіи во дворы своя не пускаху. И егда нужда бѣ уснути и упокоити мало многотрудное тѣло, смотряше, гдѣ же пси на сметищи лежать, и между ими полагашеся, и никогда подѣ кровомъ ночи, но всегда на стужи и знои, на гноищахъ, и въ блатѣ валяшеся“ ⁴⁴⁾; святой Серапіонъ Синдонитъ не имѣлъ нигдѣ никакого пристанища: „ни въ храминѣ покровеннѣй когда сидѣти или почити хотяше“ ⁴⁵⁾; святой Симеонъ „имѣяше себѣ хлѣвину покоя ради, паче же ночныхъ ради молитвъ“ ⁴⁶⁾; святой Исидоръ Твердисловъ въ Ростовѣ устроилъ себѣ „кущу въ хвастіи, непокровенну, на мѣстѣ сусѣ во градѣ, среди блатца нѣкоего порога; и отъ многого труда покой во дни тѣлеси своему пріимаше на улицахъ градскихъ, на гноищахъ, или на сметіи, или въ своей кущи тѣло свое на землю пометаше, и тамо мало сна пріимаше“ ⁴⁷⁾; блаженный Іоаннъ Устюжскій пребывалъ близъ соборныя церкви Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успенія, „въ хижинѣ стражилицной, а почиваше на гноищѣ“ ⁴⁸⁾; святой Прокопій Устюжскій „начастѣ у церкви соборныя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, на паперти, въ зимѣ и лѣтѣ пребываше, и егда хотяше себѣ отъ труда покой обрѣсти и почити, тогда на улицахъ, на гноищи, или на сметищи, и въ непокровеннѣй храминѣ пометаше себе на голѣ“ ⁴⁹⁾; святой Θεодоръ Новгородскій не имѣлъ постоянного жилища, а находился всего болѣе на церковныхъ папертяхъ ⁵⁰⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ветхое раздранное рубище служило юродивымъ одеждою, и то не всегда и не для всего тѣла; но они отлагали иногда и этотъ бѣдный покровъ наготы; большую часть жизни проводили подѣ открытымъ небомъ; городскія торжища, паперти церковей были обыкновеннымъ ихъ пріютомъ, гноища—мѣстомъ краткаго покоя

⁴⁴⁾ Четьи-Минеи октября 2, листъ 11. ⁴⁵⁾ Ковалевскій, стр. 105. ⁴⁶⁾ Четьи-Минеи іюля 21, листъ 152 об. ⁴⁷⁾ Прологъ 14 мая, листъ 33. ⁴⁸⁾ Прологъ 29 мая, листъ 68. ⁴⁹⁾ Прологъ 8 іюля, листъ 5. ⁵⁰⁾ Русскій Паломникъ 1892 г. № 27, стр. 418.

отъ усталости. Таковъ видъ физической жизни святыхъ юродивыхъ.

Далѣе, аскетическія лишенія святыхъ юродивыхъ касались также и постели, которая есть, такъ сказать, ночная одежда, а вмѣстѣ съ нею и сна. Попытки, если не вполне искоренить въ себѣ потребность во снѣ и ночномъ отдыхѣ, то по крайней мѣрѣ, сколько возможно ограничить удовлетвореніе этой потребности, попытки этого рода древни. Уже Гомеръ упоминаетъ объ одной древне Пелазгической жрицѣ Юпитера въ Додонѣ, что она ходила неумытыми ногами и спала на голой землѣ. Александръ Македонскій съ своими спутниками не только видѣлъ Діогена въ Коринѣ, лежащаго на жесткой землѣ предъ своей бочкой, но и встрѣчалъ на Востокѣ не мало индійскихъ аскетовъ, которые ложились или на раскаленномъ пескѣ, или на острыхъ камняхъ и которые, притомъ еще, наваливали себѣ камни на спину. О новѣйшихъ индійскихъ аскетахъ современные путешественники рассказываютъ, что они день и ночь бродятъ по обширнымъ раскаленнымъ отъ солнечнаго жара скалистымъ равнинамъ, или же зарываются въ землю, такъ что едва можно примѣчать ихъ дыханіе, или же обнаженные лежатъ на терновыхъ подстилкахъ; нѣкоторые изъ нихъ ложатся на ужасную постель, состоящую изъ желѣзныхъ острыхъ спицъ. Подобнаго рода формы аскетическаго самоистязанія встрѣчаются и среди святыхъ юродивыхъ. Такъ, блаженный Іоаннъ Устюжскій спалъ въ печкѣ на раскаленныхъ угляхъ, что видѣлъ священникъ Григорій ⁵¹⁾. Чтобы отогнать сонъ святые юродивые цѣлыя ночи простаивали на молитвѣ въ своихъ убогихъ „хлѣвинахъ“ или на холодныхъ папертяхъ церковныхъ или на снѣгу (святый Симонъ Юрьевецкій); святый Симеонъ „по вся нощи въ молитвѣ пребываше до утрени“ ⁵²⁾; святый Ѳеодоръ Новгородскій „днемъ ходя по стогнамъ града, творяше юродство, нощію же моляся Богу о избавленіи

⁵¹⁾ Ковалевскій, стр. 174. ⁵²⁾ Четыи Миней 21 іюля, листъ 152 об.

града отъ огненнаго запаленія“ ⁵³⁾: святой Исидоръ Твердисловъ „въ нощи непрестанно молитву возсылаше къ Богу и въ своей хвостной хижѣ всю ночь безъ сна въ молитвахъ, и въ слезахъ, и въ колѣнопреклоненіи пребываше“ ⁵⁴⁾, или же ложились спать на голой землѣ. Про святого Прокопія Вятскаго разсказывается, что онъ „пріимаше покоя своему тѣлеси овогда на улицахъ градскихъ, овогда за градомъ на гноищахъ, имѣя себѣ одръ—землю, а покровъ—небо“ ⁵⁵⁾, святой Виссаріонъ спалъ или сидя или стоя ⁵⁶⁾. Первоначально въ древности такой способъ провѣденія ночи предписывался грѣшникамъ въ знакъ покаянія и былъ тождествененъ съ возлежаніемъ во вретѣ и на пеплѣ и прахѣ, о чемъ говоритъ Библия ⁵⁷⁾; но уже съ древнѣйшихъ временъ христіанства спанье на голой землѣ стало обыкновеннымъ явленіемъ въ средѣ наиболѣе строгихъ аскетовъ (Антоній Великій, Іаковъ Низибійскій, Ефремъ Сиринъ и др.). Не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлать сонъ какъ можно менѣе покойнымъ и лишать его подкрѣпляющаго дѣйствія на человѣка, святые юродивые, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы сколько возможно ограничить продолжительность сна и этого достигали чрезъ удлиненіе ночныхъ молитвъ (святый Симеонъ).

Евстафій Солунскій, перечисляя виды подвижничества въ Греціи, указываетъ, между прочимъ, на такихъ подвижниковъ, черты которыхъ всѣ соединились въ внѣшней жизни святыхъ юродивыхъ: „οἱ γυμνήται“ — ходившіе нагишомъ; „οἱ τῶν τριχῶν ἀντιπροσφοί“ — нечесы, космачи, гривачи; „χαμίζουσι“ — землестельники; „ῥύπανες“ — грязноноги; „ἔκοντες κατὰ πάντος τοῦ σώματος ῥύπος“ — имѣющіе грязь по всему тѣлу ⁵⁸⁾.

Тяжелая обстановка внѣшней жизни не была неблагоприятной святымъ юродивымъ для нравственнаго ихъ раз-

⁵³⁾ Николо-Кочановская церковь, Новгородъ 1865 г., стр. 6. ⁵⁴⁾ Прологъ 14 мая, листъ 33. ⁵⁵⁾ Житіе святыхъ Трифона и Прокопія. Вятка. 1886 г., стр. 41. ⁵⁶⁾ Ковалевскій, стр. 112. ⁵⁷⁾ 2 Царствъ III, 31; 3 Царствъ XXI, 27; 4 Царствъ XIX, 1; Маттея XI, 21; Луки X, 13. ⁵⁸⁾ Голубинскій. Церковная исторія томъ I вторая половина, гл. VI, Москва; 1881 г., стр. 549, примѣчаніе 3.

витія. То вѣрно, что подъ холодомъ полюса сжимается какъ то сердце, а подъ жаромъ экватора испаряется мысль, но то ложно, что внѣшняя неприглядная обстановка въ нравственномъ отношеніи подавляетъ зачастую высокія, свѣтлыя-мысли и нѣжныя чувства. Святые юродивые всею своею жизнью краснорѣчиво говорятъ именно о томъ, что въ неприглядной житейской обстановкѣ, можно сохранить „цѣлымъ умъ“ и достигать того совершенства, къ которому обязанъ стремиться человѣкъ, простирая свою нѣжную любовь на всѣхъ ближнихъ добрыхъ и злыхъ и открывая свое любящее сердце для такихъ людей, которыхъ міръ презираетъ (блудницъ). Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же стоитъ на очереди вопросъ—чѣмъ объясняется оригинальность физической жизни святыхъ юродивыхъ, замѣчаемая въ ихъ постоянномъ бродяжничествѣ, въ босоножіи, въ полномъ почти и постоянномъ отреченіи отъ всякой одежды, въ самолишеніяхъ касательно ночного отдыха, въ спаньѣ на голой землѣ? нравственное духовное совершенство—главная существенная цѣль жизни человѣка: „будите совершенни“, говоритъ Спаситель, „якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ ⁵⁹⁾; „мы созданы“, по слову апостола, „на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ“ ⁶⁰⁾, „Бога бойся, и заповѣди Его храни: яко сіе есть всякъ человѣкъ“ ⁶¹⁾, т. е. въ этомъ состоитъ сущность жизни человѣка—безъ этого человѣкъ какъ бы не человѣкъ. Но добродѣтель, составляющая истинное совершенство и цѣль жизни человѣка есть не столько естественная, совершаемая по однимъ побужденіямъ разума и совѣсти и по ихъ указаніямъ, сколько христіанская, содѣваемая по духу евангелія. Эта добродѣтель, какъ видѣли, есть посильное, но усердное стремленіе къ богоподобию. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ по самой природѣ своей предназначенъ къ богоподобию. о чемъ ясно засвидѣтельствовано въ 26-мъ стихѣ 1-й главы книги Бытія; приступая къ сотворенію человѣка, Богъ сказалъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и

⁵⁹⁾ Матѣя V, 48. ⁶⁰⁾ Ефесеямъ II, 10. ⁶¹⁾ Екклесіастъ XII, 13.

по подобію“. Созданный по образу Божию, человекъ естественно долженъ стремиться къ своему Первообразу, болѣе и болѣе уподобляться Ему, восходя отъ подобія къ преподобію истины и правды ⁶²⁾. Іисусъ Христосъ стремленіе къ богоподобію ближе и яснѣе указалъ, какъ говорили, въ стремленіи къ подражанію Ему, и вотъ святые юродивые, какъ вѣрные исполнители евангельскаго закона, въ точности исполняютъ слова Христовы, богатому юношѣ сказанная: „иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене“ ⁶³⁾. Святый Прокопій Устюжскій раздастъ все богатство нищимъ и начинаетъ юродствовать ⁶⁴⁾; святый Аврамій Смоленскій по смерти своихъ родителей „оставшаяся послѣ ихъ имѣнія раздаде святымъ церквамъ, и монастыремъ и нищимъ, самъ же сотворися единъ отъ нищихъ“ ⁶⁵⁾; святый Феодоръ Новгородскій оставляетъ для Господа—села, имѣніе, множество рабовъ и покидаетъ домъ родительскій съ его великими богатствами ⁶⁶⁾; святый Максимъ Московскій оставляетъ жилище, родныхъ ⁶⁷⁾; святый Іоаннъ Московскій (Большой Колпакъ) „остави красоту міра“ ⁶⁸⁾. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того, что святые юродивые на дѣлѣ осуществляли заповѣди и совѣты евангельскія, служитъ случай, бывшій съ святымъ Серапіономъ: когда однажды онъ встрѣтился съ нищимъ, который дрожалъ отъ холода, то, остановившись, подумалъ: „меня почитаютъ постникомъ и исполнителемъ Христовыхъ заповѣдей, между тѣмъ я ношу одежду, а этотъ нищій—рабъ Христовъ погибаетъ отъ холода. По истинѣ, какъ убійца, буду осужденъ въ день страшнаго суда, если не покрою наготы его и попущу ему умереть отъ холода“. Тотчасъ онъ снялъ съ себя „синдонъ“ свой и отдалъ нищему: потомъ, сѣлъ нагой на распутии, держа въ рукахъ евангеліе. Въ то время одинъ знакомый, проходя мимо его, спросилъ: „отецъ Серапіонъ, кто обнажилъ тебя?“ Святый подвижникъ, указавъ на евангеліе, сказалъ: „оно раздѣло меня“.

⁶²⁾ Ефесеямъ IV, 24. ⁶³⁾ Матѳея XIX, 21. ⁶⁴⁾ Изъ канона 8 іюля, 3 пѣснь.
⁶⁵⁾ Четьи-минеи 21 августа л. 99. ⁶⁶⁾ Ковалевскій, стр. 185. ⁶⁷⁾ Ковалевскій, стр. 206.
⁶⁸⁾ Тамъ же, стр. 234.

Потомъ, святой Серапіонъ увидѣлъ, что мимо него ведутъ должника въ темницу; сжалившись надъ нимъ и не имѣя, что дать ему, онъ продалъ евангеліе и отдалъ тому человѣку деньги для уплаты долга. Послѣ того, какъ святой Серапіонъ пришелъ въ келлію, ученикъ спросилъ его: „гдѣ евангеліе?“ старецъ сказалъ: „сынъ мой! оно постоянно твердило мнѣ: продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, я послушалъ и сдѣлалъ такъ, чтобы за послушаніе получить дерзновеніе предъ Богомъ ⁶⁹⁾).

Такой образъ жизни есть самый совершеннѣйшій по идеѣ святаго Василія Великаго, который говоритъ: „то общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, изъ котораго исключена всякая собственность“ ⁷⁰⁾. Жизнь святыхъ юродивыхъ вполнѣ согласовалась съ этими словами великаго учителя. Они рѣшительно ничего не имѣли: въ хижинѣ святаго Симеона „не бѣ ничтоже, токмо бремя лозія“ ⁷¹⁾; святой Исидоръ Твердисловъ „не имѣяше у себе ничтоже въ хижинѣ своей, но токмо свое тѣло, и округъ его хвастіе, и то непокровено“ ⁷²⁾; святой Михаилъ Клопскій „въ келліи ничтоже имѣяше, ни ризъ, ни рогожи, но токмо едину ризу, ея же тѣло покрываше“ ⁷³⁾. Нестыжательность святыхъ юродивыхъ простиралась до того, что они работали даромъ или же получаемыя деньги отдавали обратно: такъ поступалъ святой Симонъ Юрьевецкій ⁷⁴⁾: работая у крестьянъ за плату, онъ всегда являлся за полученіемъ ея, но платы никогда не бралъ, какъ неразумный; святой Іоаннъ Устюжскій „ничтоже отъ кого взимаше“ ⁷⁵⁾; когда нѣкто богачъ, у котораго пропало 500 златницъ предлагалъ святому Симеону деньги за указаніе вора, то послѣдній отказался: „не хочу злата“ ⁷⁶⁾; святой Андрей Тотемскій не беретъ денегъ отъ старшины дикарей Ажбаки за исцѣленіе глазъ его ⁷⁷⁾. Серапіонъ Синдонить

⁶⁹⁾ Ковалевскій, стр. 106, 107. ⁷⁰⁾ Творенія святаго Василія Великаго часть V, стр. 427. ⁷¹⁾ 21 іюля Четьи-Минеи, листъ 152. ⁷²⁾ Прологъ 14 мая, листъ 33. ⁷³⁾ Прологъ, 11 января, листъ 27. ⁷⁴⁾ Ковалевскій, стр. 263. ⁷⁵⁾ Прологъ, 29 мая, листъ 68. ⁷⁶⁾ Четьи-Минеи, 21 іюля, листъ 151 об. ⁷⁷⁾ Кормчіи 1895 г. № 40, стр. 534.

отдасть обратно заработанныя деньги язычникамъ-комедіантамъ и нѣкому лакедемонскому мужу ⁷⁸⁾).

Такимъ образомъ, видно, что святые юродивые, желая слѣдовать за Христомъ, прежде всего исполняли Его совѣтъ о нестяжательности, чтобы безъ смущеній и заботъ посвятить себя служенію Богу. Приступая работать Богу, они прежде всего порывали связь съ міромъ и имуществомъ, какъ бы умирали для міра. Но какимъ образомъ могла возникнуть у нихъ мысль о такомъ крайнемъ нестяжаніи, выражающемся въ босоножіи, въ лишеніи одеждъ и пр.? Объясненіе этого найдемъ опять въ назначеніи чело-вѣка. Жизнь духовная—дѣятельное приближеніе къ Богу, направленное къ вѣчному единенію съ Нимъ въ будущей жизни. Къ чему бы чело-вѣкъ ни привязывался на землѣ, какъ бы сильно ни поработала его чувственность, какія бы мечтательныя ни питалъ онъ желанія и какъ бы ни былъ счастливъ въ ихъ достиженіи,—ничто земное и временное его не удовлетворитъ. Это внутреннее недовольство настоящимъ и земнымъ служить несомнѣннымъ признакомъ того, что неизгладимо въ чело-вѣческой душѣ стремленіе къ вѣчному, небесному. Путь туда—дѣятельная любовь къ Богу. Стремленіе и любовь почти одно и тоже, потому что, вѣдь, мы не стремимся къ тому, чего не любимъ, но нельзя не стремиться къ тому, что любимъ. Любовь, когда она движетъ умомъ и волею чело-вѣка, даетъ свое направленіе и внѣшнимъ его дѣйствіямъ, тогда она есть дѣятельная любовь, которая и возводитъ чело-вѣка къ Богу. Общій и обязательный законъ этой любви тотъ, чтобы ничего не поставлять для себя выше Бога, ничего на землѣ и въ мірѣ не предпочитать Ему, ни къ чему не прилѣпляться больше Его ⁷⁹⁾). Это исканіе Бога и „прилѣпленіе“ къ Нему можетъ имѣть различныя степени. „Чѣмъ болѣе кто любить, говоритъ у святаго Григорія Богослова олицетворенная чистота, тѣмъ постояннѣе смотритъ на любимаго. И я, возлюбивъ Христа, оставила здѣшнюю жизнь и не могу

⁷⁸⁾ Кормчій № 44, стр. 582. ⁷⁹⁾ Луки XIV, 26; Маттея X, 37.

обращать взоровъ на иные предметы“ ⁸⁰⁾. „Сильно желающіе правды Божіей возносятся благочестивыми помыслами надъ всѣмъ видимымъ и въ радости живутъ съ ангелами превыше земли ⁸¹⁾. Вотъ что побуждало святыхъ юродивыхъ доводить нестяжательность до крайнихъ предѣловъ. Прекрасно сознавая бесполезность мірской суеты, они отрекались отъ міра и жили въ немъ, какъ странники. „Кая польза намъ можетъ быти отъ суеты мірскія, говорилъ святой Симеонъ другу своему Іоанну предъ отреченіемъ отъ міра, и кую помощь обрящемъ отъ богатствъ въ день судный: не паче ли и повредятъ насъ, такожде и юность наша, и доброта тѣлесная, еда ли всегда пребудетъ: не измѣнится ли старостію; и не погибнетъ ли смертію; нѣсмы же извѣстны. дождемся ли старости: ибо и юніи, нечающіи смерти, умирають“ ⁸²⁾. Значить, нестяжательность святыхъ юродивыхъ вызывалась ихъ желаніемъ свободно рабоботать Господу. И дѣйствительно, по ученію святыхъ отцовъ, „о житейскихъ вещехъ пекущійся помыслъ имый, нѣстъ свободенъ: попеченіемъ бо о сихъ содержимъ есть и порабощаемъ, аще о себѣ самомъ печется сими, аще о инѣхъ. Свободный же отъ сихъ, ни о себѣ самомъ, ни инѣхъ ради попечется о житейскихъ. Богоугоднѣ же вся творя и содѣвая, безъ попеченія во всѣхъ вещехъ пребудетъ, и во всемъ житіи“. говоритъ преподобный Симеонъ новый Богословъ ⁸³⁾. „Подобно тому какъ песокъ, брошенный въ огонь гаситъ послѣдній, такъ точно и попеченія житейскія и всякое земное пристрастіе теплоту сердца истребляютъ“ ⁸⁴⁾. „Если кто, говоритъ тотъ же святой Симеонъ новый Богословъ, отъ навывковенія и желанія чувственныхъ отторже душу свою, и съ Богомъ связа сію, не точію и стяжанія и пѣнзаси свои презритъ, и яко о чуждихъ и странныхъ лишаемъ сихъ, не будетъ печалиться. но по слову апостола, будетъ обновляться внутренно ⁸⁵⁾.

⁸⁰⁾ Творенія святаго Григорія Богослова, часть V, стр. 71. ⁸¹⁾ Слова преподобнаго Нила Синаита изъ письма къ Теоклу. ⁸²⁾ Четьи-Минеи, 21 іюля, листъ 140 об. ⁸³⁾ Добротолюбіе, § 54, листъ 58, часть I. Москва, 1880 г. ⁸⁴⁾ Тамъ же § 63, листъ 59. ⁸⁵⁾ 2 Коринѣянамъ IV, 16; Добротолюбіе § 103, листъ 65.

Въ самомъ дѣлѣ, нестяжательность способствуетъ возводить умъ къ Богу и идти вполне евангельскимъ путемъ, такъ какъ нестяжательный свободно можетъ служить Господу, какъ несвязанный попеченіями и пристрастіями житейскими. Какъ птица легко летитъ къверху, когда крылья ея не связаны ничѣмъ, какъ корабль несется быстро по волнамъ морскимъ, когда онъ не обремененъ тяжелымъ грузомъ, такъ легко постоянно возноситься умомъ и сердцемъ къ Господу и человѣку, когда его мысль не связана попеченіями и думами о земныхъ стяжаніяхъ. Напротивъ, душа человѣка, постоянно вращаясь около предметовъ земныхъ, незамѣтно можетъ прилѣпляться къ земному, оземленѣть, какъ говоритъ преосвященный Теофанъ, сдѣлаться безчувственной. Свѣтлость взгляда, живость чувствъ, какъ нѣжные цвѣты увядаютъ отъ грубаго соприкосновенія съ предметами эгоизма, съ разсчетами своекорыстія. Тутъ же убивается чистая вѣра во все божественное, истрачивается сердечная теплота, достойная чистыхъ и святыхъ предметовъ неба, и душа остается съ одними земными стремленіями и плотскими удовольствіями, что съ буквальною точностью представлено въ лицѣ евангельскаго богача, который именно душѣ своей предлагалъ самыя грубыя плотскія наслажденія: „душе, имаша многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися“ ⁸⁶⁾. Такъ, отъ искушенія первыми потребностями жизни возможно дойти до совершеннаго рабства мамонѣ, до извращенія существенныхъ требованій человѣческой души, до пренебреженія и забвенія о вѣчности. Поэтому то, святые юродивые всячески противостояли столь губительному искушенію. Они отвращали сознаніе свое отъ суетнаго міра и обращали его къ міру духовному ⁸⁷⁾; возненавидѣвъ временная, они старались собрать богатство духовное ⁸⁸⁾: „возненавидѣвъ житіе міра сего. они разжигались любовію Господнею. яко огнемъ, попаляя помыслы гнусныя, и вся узы нынѣшняго

⁸⁶⁾ Лк. XII, 19. ⁸⁷⁾ Изъ канона святому Симеону, 21 іюля. ⁸⁸⁾ Изъ стихиръ святому Василию, 2 августа.

житія прелестныя расторгая, и благими искушеніи дара Христова душу очищая, яко злато въ горниль, и обрѣтши бисера добра избранна небеснаго, и продавъ имѣнія своя вся, того единого стяжали въ мысли своей ⁸⁹⁾; бисеръ этотъ добрый, по пѣснопѣніямъ церковнымъ, есть Христосъ: „славы и богатства не восхотѣвъ, говорится въ сѣдальнѣ въ службѣ святому Василию, вся ни во чтоже вмѣнилъ еси да Христа пріобрѣщеши, Его же и получилъ еси“. Стремясь къ богообщенію путемъ подражанія Христу, святые юродивые „о плотскихъ небрегли, всегда подвизаясь, умъ чистъ къ Богу представить“, нечувствительны были „ко всѣмъ житейскимъ“ ⁹⁰⁾. Изъ церковныхъ пѣснопѣній явствуется, что святые юродивые, стремясь къ Богу, удалялись отъ міра въ міръ, т. е. отъ всего страстнаго, суетнаго, грѣховнаго, вошедшаго въ жизнь частную, семейную, общественную и ставшаго тамъ обычаемъ и правиломъ. Они не бѣжали изъ міра, но отбросили всѣ нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, презрѣли все, вредящее человѣку въ міру,—все же мірское ихъ не касалось. Они жили по апостолу: „требующіи міра сего, яко не требующе“ ⁹¹⁾. По словамъ святаго Макарія такое поведеніе человѣка—есть высшая нестяжательность ⁹²⁾. Между прочимъ онъ пишетъ: „въ законѣ Богъ повелѣлъ Моисею сдѣлать мѣднаго змія, вознести и пригвоздить его на верху дерева; и всѣ, уязвленные зміями, взирая на мѣднаго змія, получали исцѣленіе. Сіе было сдѣлано по особому смотрѣнію, чтобы одержимые земными попеченіями, идолослуженіемъ, сатанинскими удовольствіями и всякимъ нечестіемъ, будучи возбуждены симъ образомъ, хотя нѣсколько возвели взоръ свой горѣ, и отрезвившись отъ дожняго, обратили вниманіе на высшее, и отъ сего опять простерлись къ высочайшему, а такимъ образомъ, постепенно простираясь къ вышнему и горнему, познали, что есть Превышій всея

⁸⁹⁾ Оттуда же. ⁹⁰⁾ Оттуда же. ⁹¹⁾ 1 Кор. VII, 31. ⁹²⁾ Бес. 24, § 2 стр. 236, Москва. 1880 г.

твари. Такъ и тебѣ Богъ повелѣлъ обнищать и, продавъ все, раздать нищимъ, чтобы, хотя и захотѣлъ бы ты ринуться долу, на землю, было уже сіе невозможно для тебя. Посему, допросивъ сердце свое, начни разсуждать съ своими помыслами: на землѣ ничего не имѣемъ у себя. обратимся же къ небу, гдѣ есть у насъ сокровище, гдѣ сдѣлана намъ 'купля? и умъ твой начнетъ возводить взоръ въ высоту, искать горняго и преспѣвать въ томъ" ⁹³⁾. Высочайшую нестяжательность святыхъ юродивыхъ составляло преданіе себя въ волю Божию, полное отреченіе отъ себя; „любовію, поется въ одномъ пѣснопѣіи, предложилъ еси твою мудре къ Богу душу, и къ Тому прилѣпился еси" ⁹⁴⁾; святой Василій „принеслъ себя, яко непорочну и благопріятну великому Архіерею жертву, представивъ ему душу свою" ⁹⁵⁾. Въ чемъ же состоитъ отреченіе святыхъ юродивыхъ отъ себя, объ этомъ можно составить понятіе по ученію святыхъ отцевъ. Отречься отъ себя, по словамъ святаго Макарія Египетскаго значить—не водиться ни въ чемъ своею волею и не быть господиномъ чего бы то ни было, кромѣ единой ризы и подобно невольнику вести себя со всѣми, не домогаясь ни чести, ни славы, ни похвалы не предъ очима точію работая, аки челоуѣкоугодникъ, но почитая себя обязаннымъ во всемъ услуживать въ любви и простотѣ ⁹⁶⁾. Далѣе, тотъ же св. отецъ поучаетъ: „тѣ непреткновенно совершаютъ теченіе до конца, которые вполнѣ возненавидѣли всѣ мірскія пожеланія, себя самихъ, всякую разсѣянность и удовольствія въ мірѣ и занятія мірскими дѣлами. Это и значить отречься себя самого" ⁹⁷⁾. „Кто рѣшительно не чтитъ признаваемого досточестнымъ въ мірѣ семъ, продолжаетъ святой Макарій Египетскій, отрекается отъ родныхъ, отрекается отъ всякой дольней славы, имѣетъ же въ виду небесную почесть, тому должно отречься вмѣстѣ съ міромъ и отъ души своей. Отреченіе

⁹³⁾ Бес. 11, § 8, стр. 113. ⁹⁴⁾ Изъ службы святому Прокопію 8 іюля. ⁹⁵⁾ Изъ канона святому Василию, августа 2. ⁹⁶⁾ Колос. III, 22; слово 2-е о совершенствѣ духовномъ гл. 8. ⁹⁷⁾ Гл. 23, стр. 518.

же отъ души состоятъ въ томъ, чтобы ни въ чемъ не искать своей воли ⁹⁸⁾. По словамъ преп. Іоанна Лѣствичника отреченіе отъ своей воли возводитъ на высшую степень святости: „великъ тотъ, кто благочестно отказывается отъ обладанія имуществомъ, но святъ тотъ, кто отказывается отъ обладанія своею волею ⁹⁹⁾. На этой ступени аскетизма нестяжательность подвижника принимаетъ тотъ видъ, какой мы видимъ въ „юродствѣ“. Не имѣя у себя ничего вещественнаго, юродивый отрекается даже и отъ своей воли. Гдѣ въ подчиненіе отдана воля, тамъ—какая же собственность. И въ самомъ дѣлѣ, разъ человѣкъ отдалъ себя всего на служеніе Богу, покорился Ему всецѣло, разъ работаетъ Господу усердно по любви къ Нему, ввѣряетъ Его промыслительной десницѣ свою душу, то можетъ ли онъ интересоваться тѣмъ, что вмѣнилъ „въ уметы“. Имѣя въ себѣ искреннюю вѣру въ Бога, онъ пренебрегаетъ вещественными благами міра, доводящими до тяжбъ и споровъ, постоянно же памятуя о смерти, отрекается даже и отъ своего тѣла ¹⁰⁰⁾, по ученію св. Іоанна Лѣствичника. Отрѣшаясь отъ всего земного и помышляя о горнемъ, подвижникъ бываетъ чуждъ пристрастія къ кому бы то ни было изъ своихъ или чужихъ. „Какъ неудобно однимъ глазомъ смотрѣть на небо, а другимъ на землю, такъ невозможно избыть опасностей для души тому, кто не устранилъ себя совершенно и помысломъ и тѣломъ отъ домашнихъ и пришлыхъ“, говоритъ св. Лѣствичникъ ¹⁰¹⁾. „Душки, всею любовью привязанныя къ Господу, съ Нимъ ходятъ, отъ всего отвращаясь, къ Нему устремляютъ молитвы и помышленія“, говоритъ св. Макарій Египетскій ¹⁰²⁾. „Душа, стремящаяся къ Господу, вся и всецѣло къ Нему простираетъ свою любовь и сколько есть силъ, къ Нему единому привязуется своимъ произволеніемъ, отрицается сама себя и не слѣдуетъ хотѣніямъ ума своего, потому что, по причинѣ неотлучнаго съ нами и обольщающаго насъ зла,

⁹⁸⁾ Посланіе св. Макарія Египет. стр. 431. ⁹⁹⁾ Лѣствица, Москва, 1851 г., стр. 200. ¹⁰⁰⁾ Лѣств., стр. 197, 201. ¹⁰¹⁾ Стр. 279. ¹⁰²⁾ Бес. 4, § 6, стр. 33. Москва. 1880 г.

ходить онъ лукаво. Напротивъ того, она всецѣло предаетъ себя Господню слову, отрѣшается отъ всякихъ видимыхъ узъ, сколько возможно сіе для воли, и совершенно предается Господу, ибо какъ скоро возлюбила Господа, исхищается изъ сѣтей мірскихъ“ ¹⁰³⁾, учитъ тотъ же святой отецъ. Преп. Іоаннъ говоритъ: „если мы заботимся о женѣ и о чадахъ, то Богъ уже не печется о нихъ. Если же оставимъ сіи заботы, то Богъ попечется и о нихъ и о насъ. Итакъ, не думай о томъ, чтобы заботиться или молиться о нихъ, дабы не удержать ихъ въ памяти и не сохранилась страсть въ душѣ твоей“ ¹⁰⁴⁾. Далѣе, онъ пишетъ такое наставленіе одному безмолвнику, котораго смущали помыслы о родственникахъ своихъ по плоти: „Господь сказалъ, пишетъ онъ, кто есть мати Моя, и кто суть братія Моя ¹⁰⁵⁾ и потому ты не долженъ нарушать заповѣди Божіей и имѣть дружбы съ плотскими братьями. Поруганный демонами, ты приводишь себѣ на память тѣхъ, которыхъ оставилъ Бога ради, и чрезъ то дѣлаешься преступникомъ. Горе намъ, братъ! что враги съ нами дѣлаютъ? Желаетъ ли питать къ родственникамъ любовь, которую ты и ко всѣмъ долженъ имѣть? молись о нихъ, чтобы и они спаслись благодатію Христовою. Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись къ подлежащему, чтобы подъ предлогомъ добраго дѣла, не вовлекъ тебя діаволъ въ безвременныя заботы. Не пекись ни о чемъ — живы ли родные твои или умерли, не посылай узнавать о томъ. Вспомни Господа, сказавшаго: остави мертвыя погребсти своя мертвецы ¹⁰⁶⁾. Себѣ внимай: родные не избавятъ тебя въ тотъ страшный день ¹⁰⁷⁾.

При свѣтѣ святоотеческихъ наставленій о важности и степеняхъ нестяжательности, становится яснымъ та ея крайность, до какой доводили святые юродивые эту добродѣтель. Любя Христа совершенною любовію, они „ничтоже

¹⁰³⁾ Бес. V, § 10, стр. 64, 65. ¹⁰⁴⁾ Рук. къ дух. жизни. 1883 г. отв. 64, стр. 57.
¹⁰⁵⁾ Мѣ. XII, 48. ¹⁰⁶⁾ Мѣ. VIII, 22. ¹⁰⁷⁾ Рук. къ дух. жизни отв. 69, стр. 60, 61.

земное восхотѣли“ имѣть ¹⁰⁸⁾ и по Златоусту, ихъ сердце поглощалось Господомъ, а Господь поглощалъ ихъ сердце ¹⁰⁹⁾; Христось, какъ бы впечатлѣлся въ умъ ихъ, по слову св. апостола Павла: „чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христось въ васъ“ ¹¹⁰⁾. А что это такъ—въ этомъ увѣряетъ насъ св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ: „желаніемъ еже къ Богу распалаемъ міръ оставилъ еси“, поется въ канонѣ св. Симеону ¹¹¹⁾, „всѣмъ сердцемъ Троицѣ усердно возложився ¹¹²⁾; „ра-дуйся, Прокопіе, возненавидѣвый родительскую любовь, Христа же единого надъ всѣми сущаго Бога, всѣмъ сердцемъ возлюбивый, и Тому невозвратнымъ желаніемъ послѣдовавый ¹¹³⁾, все желаніе свое къ Богу возложившій ¹¹⁴⁾; „ты Христа возлюбилъ еси и къ Нему единому возжелѣлъ еси“, поется въ канонѣ св. Андрею; „Христа Бога истинно возлюбивъ, себе самого отверглся еси и Тому послѣдовалъ еси, якоже Онъ рече: любяй душу свою спасти, погубить ю“ ¹¹⁵⁾, прославляетъ такъ св. церковь св. Андрея юродиваго; „волю хотѣнія своего отсѣая, св. Исидоръ утвердилъ стопы разума своего на камени любви Христо-вы“ ¹¹⁶⁾; „св. Прокопій весь разумъ и сердце отъ суетнаго міра сего къ Зиждителю неуклонно возложилъ“ ¹¹⁷⁾. „Что ты наречемъ, Василие чудне, поется въ стихирахъ, херувима ли: яко на тебѣ почилъ есть Христось“. Стремленіе ко Христу у св. юродивыхъ было, значитъ, непреодолимое; умъ ихъ простирался въ высъ, и высшая премудрость замѣняла имъ ихъ одежду, какъ говорится въ стихирахъ на вечернѣ св. Василию. А такъ какъ назначеніе человѣка состоитъ въ нравственномъ совершенствованіи свободной личности, въ движеніи къ полнотѣ человѣческаго существа, въ жизни по Богу, въ развитіи божественной стихіи, лежащей сѣменемъ разумности во всемъ человѣчествѣ, то св. юродивые и стремились находиться во внутреннемъ,

¹⁰⁸⁾ Изъ канона, общ. минея. ¹⁰⁹⁾ Доброт. М. 1880 г. л. 75 об. ¹¹⁰⁾ Галат. IV, 19. ¹¹¹⁾ Іюльск. мин. 21. ¹¹²⁾ Кан. 9 пѣснь, 21 іюля. ¹¹³⁾ Икосъ по 6 пѣсни, 8 іюля. ¹¹⁴⁾ Кан. 9 пѣснь, 8 іюля. ¹¹⁵⁾ 9 пѣснь, окт. 2. ¹¹⁶⁾ Май, 14. ¹¹⁷⁾ Стих. на литіи 8 іюля.

живомъ союзѣ со всѣмъ истиннымъ, добрымъ, прекраснымъ, стремились стать тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ онъ до паденія, приблизиться путемъ различныхъ аскетическихъ лишеній, касающихся житейскихъ потребностей, прежде всего, къ Первообразу. Слова св. Максима московскаго юродиваго, сказанныя имъ въ объясненіе своей оригинальности въ аскетическихъ лишеніяхъ: „оттерпимся и мы люди будемъ“ ¹¹⁸), имѣютъ именно этотъ глубокий смыслъ и краснорѣчиво подтверждаютъ высказанную нами мысль.

Далѣе, самъ міръ тѣснилъ и какъ бы гналъ отъ себя св. юродивыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если міръ, по Теофану, есть „ходячія страсти въ лицахъ, обычаяхъ, дѣлахъ и, прикасаясь къ нему какою нибудь частью, нельзя не расстроить и соотвѣтственной въ себѣ раны, или страсти, по сходству ихъ и подобонастроенію ¹¹⁹), то, естественно, что желающій себѣ спасенія не въ состояніи жить по его требованіямъ, разочаровывается въ его взглядахъ и разстается съ нимъ ¹²⁰). Да это и необходимо сдѣлать, потому что, какъ говоритъ преосвящ. Теофанъ, суетное, страстями пропитанное, неминуемо передаетъ въ душу человѣка тоже, возбуждаетъ или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажи очерняется, или касающійся огня опалается, такъ участвующій въ мірскомъ пропитывается богопротивнымъ. Потому мірскимъ омрачается умъ, рождается забвеніе, ослаба, плѣнь и расхищеніе, а тамъ и уязвленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло—человѣкъ палъ. Отсюда становится яснымъ, что должно оставить все, что опасно для духовной жизни, наносить суету и погашаетъ духъ ¹²¹). Житейскія потребности, касающіяся жилища, одежды и пр. мѣшали св. юродивымъ вести духовную жизнь, и они ими пренебрегали для того, чтобы „благоспѣялась“, по апостолу, душа ихъ ¹²²), чтобы мысль о земныхъ потребностяхъ не довела ихъ сначала до забвенія о сокровищѣ небесномъ, потомъ, чтобы, мало по малу

¹¹⁸) Ковал. стр. 207. ¹¹⁹) Путь ко спасенію, стр. 292. ¹²⁰) Тамъ же отд. II, стр. 122. ¹²¹) Отд. III, стр. 272. ¹²²) 3 Иоанн. I, 2.

не отуманила ихъ смыслъ и чувствъ до того, что они оказались бы неспособными служить Богу, услаждая душу свою вещественными и тлѣнными благами.

Такъ, значить, св. юродивые стремились къ почести вышняго званія Божія ¹²³⁾ и въ своей земной нестяжательной жизни они развивали сокрытыя сѣмена и силы высшей духовной жизни, восходя отъ немощей поврежденной человѣческой природы къ достиженію полноты возраста Христова ¹²⁴⁾, чтобы, облекшись силою свыше, возвыситься до Первообраза.

ГЛАВА VI.

Аскетическое терпѣніе въ „юродствѣ“: перенесеніе тѣлесныхъ страданій, добровольное перенесеніе позора и непріятностей и ихъ нравственное значеніе.

Желающій быть подражателемъ Христу, говоритъ св. Макарій Египетскій, чтобы при посредствѣ этого получить званіе сына Божія, рожденнаго Духомъ, прежде всего долженъ переносить благодушно и терпѣливо всѣ случающіяся съ нимъ скорби, какъ то: тѣлесныя болѣзни, обиды и поруганія отъ людей и навѣты отъ невидимыхъ враговъ, потому что, по Промыслу Божію, распоряжающемуся всѣмъ премудро и со всеблагою цѣлію, такія испытанія различными напастями попускаются душамъ, чтобъ обнаружилось явственно, которыя изъ нихъ любятъ Бога искренно. Отъ начала вѣка для св. патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ было знаменіемъ избранія то, что они прошли по тѣсному пути искушеній и скорбей и такимъ образомъ благоугодили Богу. „Сыне, говоритъ Писаніе, аще приступаеши работати Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи и все, елико аще нанесено ти будетъ пріемли“ ¹⁾, какъ благое, зная, что безъ Бога ничего съ нами не случается. И потому душѣ, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться тер-

¹²³⁾ Филипп. III, 14. ¹²⁴⁾ Ефес. IV, 13. ¹⁾ Сир. II, 1—4.

пѣніемъ и надеждою. Мученики, прошедши чрезъ многіе виды мученій, явили силу непобѣдимаго мужества, подчинившись и самой насильственной смерти;—послѣ этого они удостоиваемы были вѣнцовъ. Подобно этому и души, преданныя разнообразнымъ скорбямъ, или явно наносимымъ людьми, или возникающимъ въ самихъ душахъ отъ возстанія нелѣпыхъ помысловъ, или причиняемымъ впаденіемъ въ тѣлесныя болѣзни, если съ твердостію до конца все претерпятъ, сподобляются одинаковыхъ вѣнцовъ съ мучениками, одинаковаго дерзновенія къ Богу. Вождѣлѣвающій имѣть въ себѣ Христа и стяжать столь изящное наслѣдство долженъ, соотвѣтственно этому желанію, подражать Его страданіямъ. Говорящіе, что любятъ Господа, пусть докажутъ справедливость своихъ словъ не только великодушнымъ терпѣніемъ всѣхъ случающихся скорбей, но и терпѣніемъ охотнымъ, съ любовію, ради надежды, отложенной въ Господѣ ²⁾).

Такимъ образомъ, истинный подражатель Христовъ вслѣдъ за проявленіемъ высшей нестяжательности долженъ начать мужественную борьбу съ внѣшними и внутренними врагами своего спасенія, долженъ развить въ себѣ терпѣніе, чтобы имъ сообщить большую силу и крѣпость нестяжанію. И св. юродивые развивали въ себѣ эту добродѣтель: они своимъ смѣшнымъ, жалкимъ видомъ вызывали со стороны толпы массу насмѣшекъ. Но, зная, что „многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе небесное“ ³⁾, зная, что апостолы терпѣли побои, гоненія, злословія, хуленія ⁴⁾, зная, что „нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ людяхъ“ ⁵⁾, св. юродивые имѣли желаніе „разрѣшиться и со Христомъ быти“, потому что это несравненно лучше ⁶⁾ и потому они смѣло могли говорить вмѣстѣ съ апостоломъ: „кто ны разлучить отъ любви Божіей: скорбь ли, тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ“ ⁷⁾. И

²⁾ Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Ученіе св. отцовъ о терпѣніи. СПб. 1882 г.. стр. 1—10. ³⁾ Дѣян. XIV, 22. ⁴⁾ I. Кор. IV, 11—13. ⁵⁾ Римл. VIII, 18. ⁶⁾ Филип. 1, 21, 23. ⁷⁾ Римл. VIII, 35.

особенно эта черта является характерною для русских св. юродивыхъ, потому что основаніе ея лежитъ въ психології самой націи. Достоевскій не разъ отмѣчалъ эту черту нашего народа—вѣру въ спасительную силу невинныхъ, напрасныхъ страданій, а въ основѣ этой вѣры лежитъ глубокая религіозно-психологическая подкладка. „Каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, говоритъ онъ устами старца Зосимы, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ“⁸⁾. Въ этихъ словахъ таится великая истина. Въ самомъ дѣлѣ, въ нравственной области не можетъ быть такого дѣйствія, которое приносило бы пользу или вредъ одному только дѣйствующему или страдающему отъ него лицу. Каждый хорошій поступокъ увеличиваетъ несомнѣнно силу добра въ человѣчествѣ, и наоборотъ, каждое худое дѣйствіе увеличиваетъ силу грѣха и тѣмъ наноситъ незамѣтно всеобщій ущербъ. Поэтому, съ точки зрѣнія истинно-христіанской самоотверженной любви, какая была у св. юродивыхъ, нѣтъ ничего естественнѣе и искреннѣе, какъ желать пострадать отъ другихъ безвинно и тѣмъ какъ бы искуплять другъ друга. Въ этомъ случаѣ св. юродивые носятъ какъ бы тяготы другихъ, потому что вліять на другихъ и страдать отъ другихъ есть высшій законъ, отъ котораго мало также можетъ уклониться атомъ, какъ и высшее разумное существо. По этой замѣчательной идеѣ добровольнаго страданія отъ другихъ подвиговъ „юродства“ какъ бы сближается съ невинными страданіями Спасителя за родъ человѣчскій. Вѣдь онъ, какъ говоритъ проф. Голубинскій, въ томъ и состоялъ, чтобы „терпѣть отъ людей поношенія и укоризны“⁹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, св. юродивые казались безумными, чтобы скрыть свои добродѣтели, а отсюда неизбежно и вытекало терпѣніе. Но прежде, чѣмъ говорить о проявленіяхъ аскетическаго терпѣнія и о его нравственномъ значеніи необходимо рѣшить вопросъ есть ли терпѣніе добродѣ-

⁸⁾ Братья Карамазовы, 1882 г., ч. II, стр. 186. ⁹⁾ См. гл. IV сочиненія.

тель? вопросъ этотъ важенъ и его рѣшалъ въ свое время преосв. Амвросій, архіепископъ Харьковскій и выясненіе его для насъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ освѣщенія терпѣнія св. юродивыхъ. Итакъ, есть ли терпѣніе свободное и дѣятельное движеніе духа къ совершенству и составляетъ ли оно само по себѣ достоинство человѣка? вотъ какой отвѣтъ даетъ знаменитый церковный вѣтій: „большею частію, говоритъ онъ, подъ терпѣніемъ мы разумѣемъ произвольное и угнетенное состояніе духа, поражаемого неизбѣжными для насъ въ этой жизни затрудненіями, лишеніями и страданіями. Во всѣхъ такихъ состояніяхъ, когда прекращеніе страданій не зависитъ отъ нашей воли, мы находимся въ положеніи человѣка связаннаго, лишеннаго свободы дѣйствій и поражаемаго ударами, со стороны ему наносимыми. Такъ и понимали терпѣніе древніе философы, незнавшіе того взгляда на человѣческую жизнь, какой сообщаетъ божественное Откровеніе, такъ понимаютъ его и новые мыслители, отрицающіе этотъ взглядъ. Поэтому, жизнь человѣческая представляется имъ безотрадною, а неизбѣжное претерпѣваніе лишеній—унизительнымъ для свободнаго человѣческаго духа; потому они и не видятъ другого конца безплодному терпѣнію, кромѣ самоубійства. Христіанское же терпѣніе не таково: оно есть сознательное и свободное отношеніе къ бѣдствіямъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ безропотное перенесеніе страданій, соединенное съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ въ счастливомъ ихъ окончаніи. Это есть нравственная выдержка духа въ трудномъ положеніи, дѣятельная борьба съ собственными тягостными ощущеніями въ виду побѣды не только надъ самимъ собою, но и надъ гнетущими обстоятельствами ¹⁰⁾.

Теперь если мы обратимъ свои взоры на проявленіе терпѣнія св. юродивыхъ, то увидимъ, что ихъ жизнь составляетъ иллюстрацію къ опредѣленію терпѣнія преосв. Амвросія. Оригинальная жизнь св. юродивыхъ, конечно,

¹⁰⁾ Изъ слова преосв. Амвросія „о христіанскомъ терпѣніи“; Церковн. вѣдом. 1892 г. № 44, стр. 1517, 1518.

вызывала со стороны общества насмѣшки и другія, болѣе чувствительныя проявленія своего недовольства ихъ образомъ жизни. Такъ, „иніи ругахуся св. Андрею, иніи прогоняху отъ себя, гнушающеся имъ, аки псомъ смердящимъ, иніи бѣсна его быти мняху, друзіи отъ юныхъ отроковъ глумляшеся, біяху блаженнаго, пхажу же его и отгоняху, глаголюще: что ти есть, юроде, недостойнъ съ человѣки бесѣдовати; нѣцый несмысленіи пястми св. Андрея пхажу, а иніи біяху“ ¹¹⁾. Когда во время сильныхъ морозовъ зимою св. Андрей хотѣлъ у нищихъ „подъ кровомъ съ ними приклонитися, то они палицами его отъ себе аки пса отгоняху, вопіюще на него и глаголюще; отъиди, отъиди, псе, отсюду“ ¹²⁾. С писатель его житія, вообще, замѣчаетъ, что св. Андрей „многа претерпѣ поруганія и біенія“ ¹³⁾. Св. Исидоръ Твердисловъ „многоу досаду и укореніе пріемъ отъ безумныхъ, и біеніе, и яко юродъ вмѣняемъ ими и безумень, и много досажденія, и укоренія, и раны пріять“ ¹⁴⁾. Св. Іоаннъ Устюжскій „многоа озлобленія подъемъ, біенія, пханія и оплеванія отъ безумныхъ человѣкъ“ ¹⁵⁾. Св. блаженная Исидора „въ толицѣмъ бѣше отъ всѣхъ сестеръ“ ¹⁶⁾ презрѣннѣи, яко ниже пищи съ нею кая вкусити хотяше, отъ всѣхъ же бѣ уничижаема, поношаема, и озлобляема и отъ всѣхъ часто бываше біема, и всегда ненавидима, и злословима“; сестры вотъ какъ сами сознавались съ плачемъ преподобному Питириму ¹⁷⁾ о поруганіяхъ, причиненныхъ ими св. Исидорѣ: „иная глаголаше: азъ всегда ругахся ей; иная: азъ помои возливахъ на ню; иная: азъ пястми біяхъ ю; иная: азъ палицею ударяхъ ю; иніи же иныя отъ нихъ сотворенныя оной пакости исповѣдаху“ ¹⁸⁾. Св. Аврамія Смоленскаго братія монастыря изгнала вонъ изъ обители, въ которой онъ въ теченіи 5 лѣтъ терпѣлъ отъ завистливыхъ монаховъ озлобленія ¹⁹⁾. Св. Прокопій Устюжскій „бываше отъ многихъ поругаемый, много зѣло озлобленія

¹¹⁾ Чет. Мин. окт. 2 л. 11, 12. ¹²⁾ Тамъ же, л. 14 об. ¹³⁾ Тамъ же, л. 15 об.
¹⁴⁾ Прол. 14 мая, л. 32 об. ¹⁵⁾ Прол. мая 29, л. 68. ¹⁶⁾ Которыхъ въ Тавенскомъ монастырѣ было 40. ¹⁷⁾ Посѣтившему Тавенскую обитель по повелѣнію ангела.
¹⁸⁾ Чет. Мин. 10 мая, л. 69, 70. ¹⁹⁾ Чет. Мин., 21 авг., л. 99 об.

отъ безумныхъ человѣкъ пріятъ, и ранами озлобляемый, а наипаче отъ несмысленныхъ дѣтей“ ²⁰⁾. „Дѣти метаху на св. Симеона каменіемъ и палицами біяху, вопіюще: чернецъ юродивый, чернецъ юродивый“ ²¹⁾. Вѣтряная молодежь смѣялась надъ св. Ѣеодоромъ Новгородскимъ, поносила и била его ²²⁾. Когда св. Михаилъ Клопскій былъ въ Новгородѣ, то толпа дѣтей на улицѣ стала смѣяться надъ его юродствомъ, бросая въ него камни и всякую нечистоту ²³⁾. Св. Симонъ Юрьевецкій терпѣлъ много разнаго рода обидъ и оскорбленій: многіе смѣялись надъ нимъ, какъ надъ безумнымъ, укоряли его въ притворствѣ, толкали и били его ²⁴⁾.

Говорятъ, что подобное терпѣніе св. юродивыхъ происходило отъ ихъ безчувствія, или равнодушія къ жизни. Но это не вѣрно. Оно проистекало у нихъ изъ яснаго и правильного взгляда на жизнь и на все то, что въ ней совершается. Они прекрасно знали, что все въ рукахъ Божіихъ, что безъ воли Божіей ничего случиться не можетъ и что для испытанія воли человѣка необходимы искушенія. Хотя имъ было извѣстно, что по пути, ведущему къ славѣ, много радостей. наслажденій, но они знали, что на этомъ пути должно ожидать и бурь: „въ мірѣ скорбни будете“ ²⁵⁾, и опытъ всѣхъ святыхъ всѣхъ временъ показывалъ имъ, что одинъ только путь печали и слезъ ведетъ къ тому блаженному отечеству, гдѣ всякая слеза отыметъ отъ глазъ, онъ краснорѣчиво заявлялъ, что искушенія для подвижника необходимы и что они въ нихъ нуждаются для упражненія въ терпѣніи. Въ неизбѣжности скорбей для достиженія спасенія св. юродивыхъ увѣряло слово Божіе. Эта истина возвѣщается во многихъ мѣстахъ свящ. Писанія. Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: „аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе“ ²⁶⁾. Иисусъ Христосъ учитъ, что блаженство царствія

²⁰⁾ Прол. 8 іюля, л. 73. ²¹⁾ Чет.-Мин. 21 іюля, л. 146. ²²⁾ Русск. Пал. 1892 г., № 27, стр. 418. ²³⁾ Кормчій 1895 г. № 1, стр. 10. ²⁴⁾ Кормчій № 44, стр. 582. ²⁵⁾ Іоанна XVI, 33. ²⁶⁾ II. 1, 2.

небеснаго принадлежить плачущимъ, гонимымъ правды ради и терпящимъ поношеніе имене Его ради ²⁷⁾, что ученикъ не выше учителя своего и рабъ господина своего, и потому послѣдователямъ Его, по Его примѣру, неизбѣжно надо терпѣть всякія скорби и гоненія, и только „претерпѣвый до конца спасется... стяжетъ душу свою“ ²⁸⁾, что какъ „жена егда раждаетъ скорбь имать, яко прииде годъ ея“, такъ и христіанину необходимо имѣть скорбь ²⁹⁾, апостолы также утверждали души своихъ учениковъ въ той истинѣ, что „многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе небесное“ ³⁰⁾ и повелѣвали даже радоваться скорбямъ и искушеніямъ: „блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искушенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни“ ³¹⁾. Св. апостолъ Павелъ возвѣщаетъ, что „нынѣ легкое печали наша по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныхъ славы содѣлываетъ“ ³²⁾; въ посланіи же къ Евреямъ онъ подробно учитъ о необходимости и благотворности скорбей и искушеній, называя ихъ несомнѣннымъ признакомъ отеческой любви Божіей къ людямъ и заключаетъ, что иначе нельзя пріобщиться святыни Христовой, и что „всякое наказаніе, хотя въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздастъ правды“ ³³⁾. „Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитесь“, говоритъ св. апостолъ Петръ ³⁴⁾, „зане и Христосъ пострада по насъ намъ оставль образъ, да послѣдуемъ, стопамъ Его“, убѣждаетъ тотъ же св. апостолъ ³⁵⁾; потому, „аще съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ ³⁶⁾, заключаетъ св. апостолъ Павелъ; слѣдовательно, неминуемо „если не терпимъ, то и не воцаримся“ ³⁷⁾. Гоненія различныя слово Божіе поставляетъ отличительнымъ признакомъ истинно-благочестивыхъ: „все хотящій благочестно жити о Христѣ Исусѣ, гоними будутъ“ ³⁸⁾. Съ другой стороны,

²⁷⁾ Мѡ. V, 4, 10, 11. ²⁸⁾ Мѡ. X, 16—18; 22—25; XXIV, 13; Лк. XXI, 19.

²⁹⁾ Іоанна XVI, 20, 21, 23. ³⁰⁾ Дѣян. XIV, 22. ³¹⁾ Іак. I, 12. ³²⁾ 2 Кор. IV, 17.

³³⁾ Евр. XII, 2—16. ³⁴⁾ 1 Петр. IV, 1. ³⁵⁾ 1 Петр. II, 21. ³⁶⁾ 2 Тимѡ. II, 12.

³⁷⁾ Римл. VIII, 17. ³⁸⁾ 2 Тим. III, 12.

вѣчное горе возвѣщается тѣмъ, которые проводятъ настоящую жизнь въ удовольствіяхъ и утѣхахъ: „горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачете“ ³⁹⁾, говоритъ Иисусъ Христосъ. „Помяни, сказано будетъ всякому сластолюбцу, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоимъ: сего ради здѣ страждеши“ ⁴⁰⁾. Съ такими, а не иными убѣжденіями св. юродивые мужественно, свободно и сознательно переносили искушенія и терпѣливо ждали конца ихъ, когда это будетъ угодно Богу. Нетерпѣливости, малодушія, унынія, ропота въ борьбѣ св. юродивыхъ съ искушеніями не замѣчается, а напротивъ, видно безмятежное состояніе ихъ духа, когда они готовы не только терпѣть для Бога всякія искушенія, но и не желаютъ для себя ни какого иного счастья, кромѣ служенія и угожденія Господу въ терпѣніи; они молятся за своихъ гонителей и сами напрашиваются на гоненія, но объ этомъ рѣчь ниже; теперь же необходимо выяснить нравственный смыслъ аскетическаго терпѣнія св. юродивыхъ.

Прежде всего причиняемая св. юродивыхъ искушенія отъ людей напоминали имъ о небесномъ отечествѣ. Если бы они не встрѣчали на своемъ пути добродѣланія подобныхъ скорбей, то могли бы забыть ту лучшую страну, къ которой направлялись. Неудобства пути въ достиженіи добродѣтелей постоянно напоминали имъ о временности этой жизни: „злая терпѣлъ еси муки, поетъ св. Церковь св. Андрею, вся дни живота твоего, въ небесное царство желая вселиться“ ⁴¹⁾, „предспѣяй добродѣтельнымъ подвигомъ и терпѣніемъ юродственное жительство избралъ св. Василиій, желая сподобиться царства небеснаго“ ⁴²⁾, научали познавать мірскую суету, непрочность благъ земныхъ и, взявъ крестъ Христова терпѣнія, слѣдовать Ему ⁴³⁾, дѣлали ихъ душу болѣе чувствительною и тѣмъ усерднѣе побуждали ихъ искать Божіей помощи и обращать взоръ туда, гдѣ истинное прибѣжище. Всѣ христіанскія добродѣ-

³⁹⁾ Лк. VI, 25. ⁴⁰⁾ Лк. XVI, 25. ⁴¹⁾ Изъ канона окт. 2. ⁴²⁾ Изъ канона авг. 2.
⁴³⁾ Изъ службы св. Іоанну Устюжскому, стих. на Господи воззвахъ, 29 мая.

тели становятся болѣе твердыми чрезъ духовное упражненіе: потому св. апостолъ Павелъ учить: „скорбь терпѣніе содѣлываетъ; терпѣніе же искусство, искусство же упованіе“ ⁴⁴⁾; „всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна: вѣдаяще, яко искушеніе ваша вѣры содѣлываетъ терпѣніе“ ⁴⁵⁾; св. апостолъ Петръ также ободряетъ вѣрующихъ къ терпѣнію и утѣшенію въ скорбяхъ. объясняя имъ, что „искушенія нашей вѣры многочестнѣйше злата гиблюща, огнемъ же искушена, обрящется въ похвалу въ честь и славу, во откровеніи Іисусъ Христовъ“ ⁴⁶⁾.

Вотъ какъ еще яснѣе и рельефнѣе можно представить себѣ нравственное значеніе аскетическаго терпѣнія св. юродивыхъ въ отношеніи къ нападкамъ на нихъ со стороны современнаго имъ общества. Рѣдко можно чувствовать всѣ благотворныя дѣйствія бури, пока она еще продолжается. Душа человѣка такъ можетъ быть возмущена страхомъ, проникнута скорбью, такъ обезсилена страданіями, что въ это время можетъ и не чувствовать добрыхъ послѣдствій бури; потому, св. апостолъ Павелъ и говоритъ для ободренія: „всякое наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ, наученымъ тѣмъ воздастъ правды“ ⁴⁷⁾. Во время бури порывъ вѣтра, котораго морякъ страшится, какъ угрожающаго погибелью кораблю, часто несетъ корабль весьма быстро къ его цѣли. Это можетъ быть и незамѣтно во время бури, но потомъ, когда небо прояснится, когда можно дѣлать нужныя наблюденія, часто находятъ, что корабль въ бурную ночь прошелъ несравненно болѣе, нежели въ тихіе ясные дни. Тоже бываетъ и съ бурями, нападающими на человѣка со внѣ. Онѣ скорѣе подвигаютъ его къ желаемой пристани, и хотя въ то время, какъ вѣтры нападеній шумятъ, и волны сокрушаются вокругъ него, и онъ можетъ сказать: всѣ возстали противъ меня, но потомъ, съ благодарностію открываетъ, что вѣтры преслѣдованій далеко подвинули его въ путешествіи и, что волны озлобленія, ко-

⁴⁴⁾ Римл. V, 5. ⁴⁵⁾ Іак. I, 23. ⁴⁶⁾ 1. Петр. I, 7. ⁴⁷⁾ Евр. XII, 11.

торыя, казалось, должны были поглотить его, приблизили его къ небу. Горнило искушеній возжено не для истребленія, а для нравственнаго очищенія, для укрѣпленія въ покорности волѣ Божіей, для того, чтобы показана была искренность любви къ Богу и прославлено на землѣ имя Божіе: „и сядетъ, говоритъ пророкъ о Богѣ, разваряя и очищая яко сребро и яко злато“ ⁴⁸⁾). Золотыхъ дѣлъ мастеръ бросаетъ драгоцѣнный металлъ въ огонь, но не забываетъ его, а внимательно наблюдаетъ, ожидая его полной очистки, такъ и Господь бодрствуетъ надъ горниломъ искушеній человѣка, ожидая, чтобы онъ вышелъ оттуда, какъ золото, очищенное седмицею. Различныя нападенія со стороны общества на св. юродивыхъ, очищая ихъ, соединяли со Христомъ, въ подражаніе Которому они страдали и оставляли ихъ не только не побѣжденными, но болѣе чѣмъ побѣдителями: „во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны“ ⁴⁹⁾), потому что они, оставляя поле битвы, выходили совершенно здоровыми и еще болѣе укрѣпленными. Въдъ побѣдителемъ считается тотъ, кто, рѣшительно противостоя нападенію, отражаетъ каждый ударъ и сохраняетъ себя невредимымъ и, наконецъ, какъ бы ни была жестока борьба, преодолеваетъ своего врага и обезоруживаетъ его. Такова и была побѣда св. юродивыхъ надъ своими преслѣдователями;—своимъ терпѣніемъ они обезоруживали ихъ, и гоненія современниковъ лишены были оттого возможности причинять имъ дѣйствительное нравственное зло, а напротивъ, служили имъ орудіями для спасенія, утѣшенія, силы, такъ что они сами напрашивались на страданія; такъ св. Исакій Печерскій, чтобы загладить свой грѣхъ прелести „юродь сотворися, нача пакости наносити, ово игумену, ово же братіи, ово и мірскимъ человѣкомъ по міру ходя, яко и раны многимъ возлагати на него; поселившись же въ пещерѣ преп. Антонія, онъ началъ собирать къ себѣ мірскихъ юношей „на нихже возлагаше чернеческія рубы и тогда ово отъ игумена на-

⁴⁸⁾ Малах. III, 3. ⁴⁹⁾ Римл. VIII, 37.

казаніе, иногда же отъ родителей дѣтей тѣхъ раны приимаше, яже вся съ радостію терпѣше“ ⁵⁰⁾; св. Симеонъ своимъ смѣхомъ надъ евреемъ Манзеромъ вызвалъ со стороны того побои и ожоги горячею головнею ⁵¹⁾; онъ же былъ сильно побитъ за то, что самъ сталъ ѣсть и другимъ даромъ раздавать сочиво и бобы довѣрившаго ему торговлю одного мелкаго торговца ⁵²⁾. Воевода Феодоръ Петелинъ, разсерженный юродствомъ Симона Юрьеveckаго такъ жестоко побилъ его, что тотъ разболѣлся и умеръ ⁵³⁾; св. Прокопій Вятскій, „яко въ чужомъ тѣлеси, многія досажденія и раны съ благодареніемъ терпѣше“ ⁵⁴⁾. Зачѣмъ же это они допускали? а затѣмъ, что они прекрасно знали, что какъ бы ни были грозны наступленія враговъ, какъ бы они ни казались тяжелыми, но на самомъ дѣлѣ они служили предвозвѣстниками спасенія: „за терпѣнье даетъ Богъ и спасенье“, говаривалъ св. юродивый московскій Максимъ ⁵⁵⁾. Всѣ тѣ, которые смотрятъ на внѣшнее страданіе и не видятъ ни унынія, ни жалобы, — удивляются этому спокойствію потому, конечно, что не могутъ видѣть внутренняго утѣшенія, какимъ наслаждается человѣкъ, жизнь котораго сокровена со Христомъ въ Богѣ и тяжкія обиды и огорченія для котораго оттого становятся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній. Какъ вѣтры и волны, ударяя въ корабль, не только не разстраиваютъ его, но дѣлаютъ болѣе способнымъ выдерживать волненія моря, и мореплаваніе становится потому еще болѣе успѣшнымъ, а входъ въ пристань торжественнымъ, такъ и гоненія и оскорбленія, непріятныя сами по себѣ, дѣлаются неоцѣненными благодѣянiями, когда исходятъ отъ руки небеснаго Отца. По справедливости можно сказать о всѣхъ св. юродивыхъ, пребывающихъ теперь во славѣ, что Господь велъ ихъ прямымъ путемъ во градъ ихъ пребыванія. Этотъ путь былъ каменистъ, мраченъ, таинствененъ, буренъ, но онъ

⁵⁰⁾ Кіево-Печерск. Патер. 14 февр., л. 146 об. ⁵¹⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 152. ⁵²⁾ Тамъ же. ⁵³⁾ Кормч. № 44, стр. 583. ⁵⁴⁾ Коричій № 50, стр. 663. ⁵⁵⁾ Ковалевск., стр. 207.

былъ прямымъ путемъ къ царствію небесному; Господь Самъ прошелъ этимъ путемъ и „далъ образецъ терпѣнія и мужества“ св. юродивымъ, какъ поется въ общей имъ службѣ въ стихирахъ ⁵⁶⁾; Господь Самъ былъ презрѣнъ и отвергнутъ людьми; Его называли неистовымъ, Имъ всѣ гнушались. Значить, Онъ освятилъ этотъ путь страданій слѣдами ногъ Своихъ и придалъ ему особенное достоинство, оттого то св. юродивые „терпѣніемъ и страданіемъ послѣдовали Ему“ ⁵⁷⁾, какъ рабы Его раздѣляли участіе Своего Господина. Любовь ихъ желала имѣть сходство съ Нимъ, и вотъ они отвѣдывали изъ той горькой чаши презрѣнія, которую Онъ испилъ и поэтому то, на нихъ несправедливо смотрѣть, какъ на стоическихъ мудрецовъ, полагавшихъ верхъ совершенства въ холодномъ равнодушіи и суровой безчувственности; стойкость св. юродивыхъ въ страданіяхъ отъ людей объясняется присутствіемъ въ нихъ крѣпкой вѣры въ Бога и высокой преданности и любви ко Христу. Такъ, когда надъ Константинополемъ разразилась буря, и св. Андрей, не имѣлъ гдѣ главы подклонити, чтобы укрыться отъ бѣды, то, совершенно отчаявшись въ своей жизни, сказалъ, подобно многострадальному Іову: „благословенъ Господь Богъ, аще и умру отъ зимы сея, любве его ради да умру, силенъ же есть Богъ съ зимою сею и терпѣніе ми подати“ ⁵⁸⁾.

Далѣе, аскетическое терпѣніе св. юродивыхъ имѣло значеніе нравственной выдержки духа въ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Эту мысль высказалъ и св. юродивый Максимъ московскій словами: „исподволь сырыя дрова загораются“ ⁵⁹⁾. Значить, искушенія, страданія, какія несли св. юродивые служили какъ бы огнемъ, который охватывалъ сырую, грѣховную почву души. И въ самомъ дѣлѣ, страданія ослабляютъ и уничтожаютъ, подобно огню, самую коренную причину ихъ, т. е. приро-

⁵⁶⁾ Общ. минея.

⁵⁷⁾ Стих. на литіи, окт. 2.

⁵⁸⁾ Чет. Мин. 2 окт. 14 обор.

⁵⁹⁾ Ковал., стр. 207.

жденную грѣховность, какъ говорить св. апостоль Петръ: „зане пострадавый плотію преста отъ грѣха, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время“ ⁶⁰⁾. При помощи тѣхъ нападеній, которыя причиняли св. юродивымъ современники, они изгоняли изъ сердца грѣхъ, глубоко взрывали землю сердца, чтобы исторгнуть корни грѣха; съ огнемъ, если можно такъ сказать, они прошли по стезямъ внутреннихъ чувствъ, чтобы очистить ихъ отъ остатковъ грѣховныхъ впечатлѣній и воцариться со Христомъ, какъ говоритъ св. апостоль Павелъ: „аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ ⁶¹⁾. „Терпѣніе скорбей, говоритъ преп. Варсануфій, возводитъ трудящихся на седьмое небо“. Вотъ какъ достигается это состояніе по словамъ св. Варсануфія: „прежде всего къ человѣку приходитъ св. Духъ, научаеъ его всему, и тому, какъ надлежитъ смиренномудрствовать; потомъ, наставляемый этимъ первымъ воспламененіемъ, восходитъ онъ на первое небо, и такъ далѣе по мѣрѣ преуспѣянія, даже до седьмого. И тамъ удостоивается видѣть неизрѣченныя и страшныя вещи, коихъ никто не можетъ слышать, кромѣ достигающихъ этой мѣры. Совершенно умирающіе міру, терпѣніемъ и многими скорбями могутъ придти въ нее“ ⁶²⁾. Св. авва Іоаннъ говоритъ: „желаешь ли избавиться отъ скорбей и не тяготиться ими? ожидай большихъ и успокоишься; пріобрѣти терпѣніе святыхъ, и утѣшится духъ твой“ ⁶³⁾. Св. Варсануфій великій замѣчаетъ: „если не претерпишь страданій, не можешь взойти на крестъ. Когда же перенесешь сперва страданія, то войдешь и въ пристанище покоя Его, и потомъ будешь безмолвствовать безъ всякихъ заботъ, имѣя душу, утвержденную въ Господѣ и всегда прилѣпляющуюся къ Нему, вѣрою соблюдаемую, упованіемъ радующуюся“ ⁶⁴⁾. Вотъ почему св. Исидоръ

⁶⁰⁾ Петр. IV, 2. ⁶¹⁾ 2 Тим. II, 12. ⁶²⁾ Руководство къ дух. жизни. Москва. 1883 г., отв. 109, стр. 83, 84. ⁶³⁾ Тамъ же, отв. 47, стр. 37. ⁶⁴⁾ Тамъ же, отв. 152, стр. 120.

Твердисловъ всегда съ плачемъ говорилъ себѣ: „о Исидоре, многими скорбями подобаетъ ти внити въ царствіе небесное, нужно бо есть и нуждницы восхищаютъ е“ ⁶⁵). При свѣтѣ этихъ святоотеческихъ разсужденій можно сдѣлать выводъ въ отношеніи терпѣнія св. юродивыхъ такой: оно служило для нихъ искусствомъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и облегчало ихъ нравственный трудъ.

Кромѣ добровольнаго перенесенія позора и непріятностей св. юродивые терпѣливо переносили и всѣ неблагопріятныя вліянія погоды и сознательно увеличивали свои страданія тѣмъ, что не жили въ домахъ, носили рубища, ходили босикомъ, такимъ образомъ, — голодъ, жажда, стужа, зной и всѣ лишенія, неразлучныя съ жизнью скитальческою ихъ сопровождали. Св. Исидоръ Твердисловъ, говорится въ его житіи, „егда мразу, или снѣгу или дождю бывати тѣло и хижу непокровену имѣяше и тако пребываше во вся дни живота своего и веліе терпѣніе показа отъ студени зимнія и отъ вара солнечнаго“ ⁶⁶). Св. Исакій Печерскій „егда приспѣваше зима и мразы бяху люты, то стояше на утрени въ плесницахъ тако раздранныхъ, яко многожды примерзаху нозѣ его къ каменю, и не подвизаше ногами, дондеже отпояху утрени“ ⁶⁷). Св. Симонъ Юрьевецкій въ зимнія продолжительныя ночи, томимый жестокимъ морозомъ, ходилъ босикомъ и въ ветхой рубашкѣ по льду рѣки Волги ⁶⁸). Св. Прокопій Устюжскій въ зимній морозъ и снѣгъ, и солнечный варъ и зной съ радостію терпѣлъ и сие пребываше во вся дни живота своего ⁶⁹). Цѣль этихъ аскетическихъ самолишеній ясно выражена въ словахъ св. блаженнаго Василия: „если люта зима, то сладокъ рай“, говаривалъ онъ и при этомъ указывалъ на примѣръ 40 мучениковъ, которые ради царствія Божія скончались отъ мороза въ Севастійскомъ озерѣ, въ виду жарко натопленной бани ⁷⁰). Значить, самолишеніе указаннаго рода допу-

⁶⁵) Прол. 14 мая, л. 33. ⁶⁶) Прол. 14 мая, л. 33, 34. ⁶⁷) Кіево-Печерск. Патер., л. 146, изд. 1883 г. ⁶⁸) Кормчій 1895 г. № 44, стр. 582. ⁶⁹) Прол. 8 июля, л. 73. ⁷⁰) Кормчій № 30, стр. 416.

скалось св. юродивыми въ цѣляхъ спасенія; эта же мысль выражается и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ: „удивленіе всѣмъ бысть видящимъ житіе твое, поется въ общей службѣ св. юродивымъ: на сметищи леганіе, и посреди града обнаженіе и колесничное попаніе. Но сія вся бысть ему пути правленіе въ небесное царствіе“ ⁷¹⁾; затѣмъ, смыслъ такого терпѣнія еще частнѣе выражается въ службѣ св. Андрею, который плоть свою жаждою, зноємъ, дождемъ, снѣгомъ и воздушною тягостію смирилъ для того, чтобы, „душу отъ страстей свободну соблюсти“ ⁷²⁾. Къ тому, чтобы налагать на себя такія лишенія и такъ изнурять свою плоть, побуждало св. юродивыхъ желаніе, по выраженію церковной пѣсни, „вся Христова ученія дѣломъ исполнити“ ⁷³⁾. Господь Іисусъ Христосъ указалъ путь для спасенія узкій, тернистый: „иже хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ“ ⁷⁴⁾; „внидите узкими враты“ ⁷⁵⁾; „иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми“ ⁷⁶⁾, т. е. всякій желающій вполнѣ принадлежать Христу,—быть Христовымъ, долженъ распинать себя духовно. Такъ и поступали св. юродивые, когда путемъ различнаго рода лишеній, смиряли свою душу, но этого мало: они не только распинали свои страсти, а, по апостолу, носили и язвы Христовы на тѣлѣ своемъ ⁷⁷⁾, сораспинались Христу, причащались креста Христова. Но нравственно ли было такое поведеніе св. юродивыхъ? не дышетъ ли оно желаніемъ ихъ прекратить жизнь свою путемъ самоистязанія? такой Шопенгауэровскій противонравственный взглядъ совершенно не приложимъ къ аскетизму св. юродивыхъ. Они не были людьми, издававшими протяжный вздохъ изнеможенія и разочарованія; это не безсловесныя животныя, съ которыми сравниваетъ матеріалистовъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ письмахъ о матеріализмѣ ⁷⁸⁾, а люди, поставившіе цѣлю своей жизни самоотверженное служеніе Богу, имѣю-

⁷¹⁾ Канонъ. ⁷²⁾ Икосъ по 6 пѣсни, окт. 2. ⁷³⁾ Авг. 2, стих. на стиховнѣ св. Василию. ⁷⁴⁾ Мѣ. XVI, 24. ⁷⁵⁾ Мѣ. VII, 13. ⁷⁶⁾ Галат. V, 24. ⁷⁷⁾ Галат. VI, 17. ⁷⁸⁾ Прав. обозр. 1877 г. апр. и май.

щіе въ основѣ своей нравственной дѣятельности удовлетвореніе высшимъ потребностямъ духа, не взирая на то, что жизнь ихъ была исполнена самыхъ сильныхъ непріятностей, огорченій, страданій и бѣдствій, полагающіе счастье свое въ богоуподобленіи и достигающіе его путемъ распинанія своей плоти, т. е. грѣха, путемъ сначала внутренней борьбы, изъ которой само собою вытекала, потомъ, и внѣшняя—съ плотью. /

Чѣмъ же объяснить спокойно-благодушное перенесеніе св. юродивыми страданій и различнаго рода самолишеній?

Исполненіе воли Божіей одно только и сообщало св. юродивымъ благодушіе въ перенесеніи скорбей. Но какимъ образомъ? истинное благодушіе рождается изъ истиннаго благобытія, или благосостоянія нашего существа, когда человѣкъ душою и тѣломъ находится въ состояніи благоустроенномъ, сообразномъ съ его естествомъ и цѣлю, для которой онъ созданъ Богомъ. Какъ музыкальное орудіе тогда издаетъ пріятные звуки, когда оно хорошо настроено, такъ и человѣкъ тогда имѣетъ благодушіе, когда существо его благонастроено, всѣ силы его имѣютъ правильное взаимное отношеніе, законно дѣйствуютъ и стремятся къ истинной своей цѣли. А въ это именно состояніе благонастроения и приводитъ человѣка исполненіе Божіихъ заповѣдей. Господь, какъ любовь и благодать, далъ человѣку благія заповѣди, вполне сообразныя съ его существомъ въ его правильномъ состояніи; исполненіе заповѣдей Божіихъ и рождаетъ благоустройство во всемъ составѣ человѣка и невозмутимыя спокойствіе и благодушіе. Исполненіе воли Господа даетъ миръ и спокойствіе совѣсти, вноситъ въ духъ человѣка еще высшій миръ Божій, превосходящій всякій умъ ⁷⁹⁾. Благочестивая душа, исполняющая заповѣди Господни, всегда чувствуетъ этотъ миръ. А это чувство, невыразимо сладостное и утѣшительное для человѣка, проливаетъ отрадный миръ въ его душу: „миръ многъ любящимъ законъ Твой, Господи, аки

⁷⁹⁾ Филипп. IV, 7.

рѣка миръ ихъ“ ⁸⁰⁾, такъ что при всѣхъ случающихся съ нимъ скорбяхъ, онъ никогда не падаетъ духомъ и въ скорбяхъ радуется, по слову св. апостола Павла: „яко скорбяще, присно же радуящеся“ ⁸¹⁾. Эта радость и сопровождала всегда страданія св. юродивыхъ, которые, созерцая мысленно вѣчную награду, уготованную имъ за лишенія, знали, что земныя страданія ихъ ничего не значатъ въ сравненіи съ тою неизреченною славою, какая ожидаетъ страдальцевъ на небѣ; они прекрасно сознавали, что они должны быть непремѣнно крестоносцами на землѣ, мучиться на землѣ. Вѣдь, какъ розы не растутъ безъ шиповъ, такъ и христіанинъ не можетъ проводить жизни безъ креста; имъ было извѣстно, что каждый человѣкъ отъ вѣчности предопредѣленъ къ несенію креста Самимъ Богомъ для того, чтобы онъ могъ уподобиться образу Единороднаго Сына Божія, Іисуса Христа. Смотря на время своей жизни, какъ на скорое теченіе къ вѣчному пристанищу и покою, св. юродивые благодушно и переносили всѣ лишенія въ твердомъ упованіи, что страданія ихъ въ будущей жизни явятъ имъ вѣчную славу ⁸²⁾.

Но, говорятъ,—обречь себя на жизнь столь низкую и презренную, дѣлать изъ себя посмѣшище для другихъ, вызывать различныя страданія,—не значить-ли это унижать человѣчество? какъ согласить эти поступки св. юродивыхъ съ здравымъ разумомъ? но, во первыхъ, изъ началъ разума можно непосредственно производить одни всеобщія нравственныя правила, а не частныя, приличныя только немногимъ, или опредѣляющія необыкновенный образъ жизни; но по тѣмъ же началамъ нельзя и отвергать исключительныхъ такихъ правилъ, и, во вторыхъ, какъ ни страненъ образъ жизни св. юродивыхъ, но примѣры святыхъ показываютъ, что онъ былъ, при помощи благодати Божіей, средствомъ къ снисканію высокаго духовнаго совершенства, и въ немъ мы видимъ одно наружное, кажущееся униженіе человѣчества, но оно вознагра-

⁸⁰⁾ Пс. CXVIII, 165. ⁸¹⁾ 2 кор. VI, 10. ⁸²⁾ 2 Кор. IV, 18.

ждается и даже совсѣмъ исчезаетъ при внутреннемъ, существенномъ возвышеніи духа.

Итакъ, „юродство“, освобождая челоѣка отъ оковъ мірской жизни, подставляло его неприкрытымъ подъ удары людской ненависти, но въ замѣнъ этого дѣлало для него возможными и необходимыми Христовы страданія, давая ему соучастіе въ нихъ, по словамъ св. апостола Петра ⁸³). А участіе въ страданіяхъ Христовыхъ, необходимое условіе участія въ Его славѣ: „понеже приобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуется веселящеся. Аще укоряемы бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ: онѣми убо хулится, а вами прославляется“ ⁸⁴). „Понеже съ Нимъ страждемъ, да съ нимъ и прославимся“ ⁸⁵), „сообразуясь смерти Его“ ⁸⁶). „Аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ ⁸⁷). „Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были; міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Аще Мене изгнали и васъ ижденуть“ ⁸⁸), говоритъ Іисусъ Христосъ св. апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ.

Насколько для христіанина желательно участіе въ Христовой славѣ, которая есть истинная жизнь, настолько для него необходимо „юродство“. Оно открываетъ въ челоѣкѣ славу Христа или, что то-же, истинную Его жизнь, поскольку послѣдователь его носитъ въ своемъ тѣлѣ мертвость Его ⁸⁹).

⁸³) Петр. IV, 15—17. ⁸⁴) Петр. IV, 13, 14. ⁸⁵) Римл. VIII, 17. ⁸⁶) Филипп. III, 10.
⁸⁷) 2 Тим. II, 11. ⁸⁸) Іоанн. XV, 18—20. ⁸⁹) 2 Кор. IV, 10; 2 Тим. II, 11, 12.
Филипп. III, 10.

ГЛАВА VII.

Смирение въ „юродствѣ“ и его обнаруженія. Смирение духа.

Христа ради „юродство“ имѣетъ, такимъ образомъ, большое значеніе для роста духовной жизни человѣка. Тотъ переворотъ въ человѣкѣ, который служитъ условіемъ народненія въ немъ духовной жизни, прежде всего, какъ видѣли, заключаетъ въ себѣ сознаніе человѣкомъ своего ничтожества предъ Богомъ. Но чувства человѣка въ отношеніи къ Богу получаютъ полное значеніе, пріобрѣтаютъ надлежащую силу, лишь будучи проявлены въ отношеніяхъ его къ другимъ людямъ. Это смирение. Его истинный смыслъ въ сознаніи человѣкомъ своего матеріальнаго ничтожества въ отношеніи къ идеалу безусловнаго совершенства; но оно становится чувствомъ надлежащей силы, лишь становясь смирениемъ человѣка въ отношеніи къ другимъ людямъ, какъ говоритъ св. апостоль Петръ: „повинитесь вси другъ другу, стяжите смиренномудріе“ ¹⁾. Смирение человѣка въ отношеніи къ людямъ и составляетъ „юродство“. Христіанину надлежитъ добровольно отказаться отъ всего, что ставитъ его внѣшнимъ образомъ впереди другихъ въ направленіи мірской жизни, въ направленіи къ идеаламъ естественнаго достоинства и благосостоянія, отъ власти, нарядной внѣшности, отъ репутаціи умнаго человѣка, отъ всего того, что ставитъ выше другихъ и, напротивъ, стремиться къ тому, что обезличиваетъ человѣка, унижаетъ, какъ учитъ Спаситель: „иже убо смирится яко отроча, той есть болій во царствіи небеснѣмъ“ ²⁾, „иже аще хочетъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга и иже аще хочетъ быти въ васъ первый, буди вамъ рабъ“ ³⁾, и Самъ показалъ примѣръ смиренія, умывъ ноги своимъ ученикамъ и заповѣдавъ имъ „творить такожде“ ⁴⁾. Въ этомъ же настроеніи смиренномудрія христіане должны

¹⁾ Петр. V, 5. ²⁾ Мѣ. XVIII, 4. ³⁾ Мѣ. XX, 26, 27. ⁴⁾ Іоанн. XIII, 14, 15.

признаваться другъ другу въ проступкахъ: „исповѣдайте другъ другу прегрѣшенія, яко да исцѣлѣете“ ^{б)}).

Величіе „юродства“ и открывается изъ величія христіанскаго смиренія, выражающагося въ добровольномъ самоотреченіи; быть безъ всякой претензіи на внѣшнее достоинство, быть униженнѣе тѣхъ, съ которыми живешь и которые тебя знаютъ и, что тоже, не выдѣляться изъ толпы, быть свободнымъ отъ оковъ міра, жить такъ, чтобы внѣшній бытъ не препятствовалъ исполненію существенныхъ требованій христіанской нравственности, а совмѣщался съ христіанскимъ духомъ, питалъ его,—вотъ то, что, составляя величіе смиренія, возвышаетъ подвигъ „юродства“, возвышаетъ именно тѣмъ, что принявшій его на себя долженъ побороть самого себя, искоренивъ изъ своего сердца трудно искоренимое, самое живучее чувство въ душѣ человѣка—самолюбіе. Много можетъ переносить человѣкъ, но съ оскорбленіемъ своего самолюбія ему трудно мириться. Высоко надъ всѣмъ земнымъ можетъ подняться человѣкъ, но и тутъ самолюбіе не покидаетъ его и служитъ иногда причиной его гибели. Сокрушить этого непримимаго врага и стремились св. юродивые смиреніемъ, которое было непремѣннымъ спутникомъ всей ихъ жизни и которое составляло цѣль и конецъ ихъ уподобленія Іисусу Христу. Такого расположенія духа, въ которомъ человѣкъ бываетъ чуждъ всякой мысли о своихъ совершенствахъ, хотя бы и имѣлъ ихъ и со всею живостію чувствуетъ и сознаетъ свое ничтожество, немощь, требуетъ и самое существо дѣла, такъ какъ, во первыхъ, христіанская жизнь есть путь къ первобытному совершенству, въ какомъ человѣкъ былъ сотворенъ; но оно потеряно чрезъ гордость, слѣдовательно, возвращено можетъ быть не иначе, какъ чрезъ смиреніе; во вторыхъ, все дѣло спасенія нашего есть главнымъ образомъ дѣйствіе благодати Божіей, а не нашихъ собственныхъ силъ, значить, не намъ, а имени Господню принадлежитъ за все слава и

^{б)} Іак. V, 16.

благодареніе. Поэтому то, въ третьихъ, Господь Іисусъ Христосъ первый источникъ блаженства указалъ именно въ нищетѣ духовной ⁶⁾ и путь къ возвышенію—въ смиреніи и униженіи: „всякъ возносяйся смирится смираяя же себе вознесется“ ⁷⁾ и, призывая слѣдовать за собою всѣхъ желающихъ, внушаетъ, чтобы они наипаче поучались у Него кротости и смиренію: „научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ ⁸⁾. Наконецъ, въ четвертыхъ, св. подвижники также не находятъ довольно словъ, чтобы достаточно восхвалить и показать необходимость смиренія въ духовной жизни. „Прежде всего, сынъ мой, говоритъ св. Антоній великій, удаляйся гордости и люби смиреніе. Отъ смиренія рождается познаніе истины, отъ познанія истины вѣра, отъ вѣры—надежда, отъ надежды—любовь, отъ любви—повиновеніе, отъ повиновенія—постоянное исполненіе заповѣдей“ ⁹⁾. „Думаешь ли ты, говоритъ св. блаженный Августинъ, воздвигнуть великое зданіе въ высоту? позаботиться прежде всего объ основаніи его внизу; это основаніе есть смиреніе“. „Истинный признакъ христіанства въ томъ состоитъ, учитъ св. Макарій Египетскій, чтобы какой трудъ кто ни понесъ, какія бы добродѣтели ни совершилъ, такъ себя вести, какъ бы ничего не сдѣлалъ, и постящійся долженъ говорить—я не постился, и молящійся—я не молился, и бдящій въ молитвѣ—я не бдѣлъ, а только начинаю упражняться и трудиться, и праведный предъ Богомъ долженъ говорить—я не праведенъ и еще не подвизаюсь, а только начинаю каждый день“ ¹⁰⁾. „Какъ богатолюбивый, хотя соберетъ многія тысячи, не бываетъ тѣмъ доволенъ, но тѣмъ паче дѣлается несатымъ его желаніе; или, какъ лишенный сладкаго питія, прежде нежели насытился онымъ, еще большею воспламеняется жаждою, тако и вкушеніе Божіей сладости выше всякой сытости. Напротивъ того, чѣмъ болѣе кто обогащается симъ богатствомъ, тѣмъ паче пред-

⁶⁾ Мѡ. V, 3. ⁷⁾ Лк. XVIII, 14. ⁸⁾ Мѡ. XI, 29. ⁹⁾ Христ. чтен. 1826 г. ч. XXIII. ¹⁰⁾ Бес. XXV, § 11.

ставляетъ себя нищимъ. Таковыя христіане сами въ себѣ не высоко цѣнятъ душу свою, но крайне униженными пребываютъ предъ Богомъ и почитаютъ себя рабами всякаго человѣка“ ¹¹⁾. „Тѣ, которые сподобились содѣлаться чадами Божиими и въ себѣ имѣютъ просвѣщающаго ихъ Христа столько унижаютъ себя, что не представляютъ и человѣка, который былъ бы ихъ ниже, но себя почитаютъ изъ всѣхъ послѣдними“ ¹²⁾. „Душа истинно боголюбивая и христолубивая, хотя бы совершила тысячи праведныхъ дѣлъ, по ненасытному своему стремленію къ Господу думаетъ о себѣ будто бы ничего еще она не сдѣлала: хотя бы изнурила тѣло свое постами и бдѣніями, при такихъ остается чувствованійхъ, будто бы не начинала еще трудиться для добродѣтелей; хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій, или откровеній и небесныхъ таинъ, по безмѣрной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не пріобрѣла; а напротивъ того, ежедневно алкая и жаждая, съ вѣрою и любовію пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными тайнами и благоустроеніемъ себя во всякой добродѣтели. Она уязвлена любовію небеснаго Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждаетъ въ себѣ пламенное стремленіе къ небесному Жениху, вождѣваетъ совершенно сподобиться таинственнаго и неизреченнаго общенія съ Нимъ въ святынь Духа, съ откровеннымъ лицомъ души, взираетъ на небеснаго Жениха лицомъ къ лицу, въ духовномъ и неизглаголанномъ свѣтѣ, со всею несомнѣнностью входитъ въ единеніе съ Нимъ, сообразуется смерти Его, съ великимъ вождѣніемъ непрестанно, ожидаетъ смерти Христа, несомнѣнно вѣруетъ, что чрезъ Духа пріиметъ совершенное избавленіе отъ грѣха и тьмы страстей и, очистившись Духомъ, освятившись душевно и тѣлесно, сподобится стать чистымъ сосудомъ для пріятія въ себя небеснаго міра и обителію небеснаго и истиннаго Царя Христа“, продолжа-

¹¹⁾ Сл. VI, гл. 3, стр. 545. ¹²⁾ Сл. VI, гл. 6, стр. 549.

еть тотъ же св. отецъ ¹³⁾. Авва Дороеей говоритъ: „старайся привести себя въ такое устроеніе, чтобы во всемъ находить себя достойнымъ укоренія. Вѣруй, что безчестія и досады суть врачества отъ гордости. Молись объ укоряющихъ тебя, объ истинныхъ врагахъ твоихъ, при несомнѣнномъ убѣжденіи, что ненавидящій безчестіе, ненавидитъ смиреніе, и убѣгающій отъ огорченій, бѣжитъ отъ кротости“ ¹⁴⁾. И въ этомъ то смиренномъ сознаніи своего ничтожества именно и заключается тайна возвышенія или преспѣянія христіанскаго. „Питай въ себѣ постоянно то чувство, что ты муравей и червь, говоритъ преподобный Теогностъ, да содѣлаешься богозданнымъ человѣкомъ и сколько унизишь себя, столько же возвысишься. Если ты, подобно псалмопѣвцу, считаешь себя, яко ничтоже предъ Богомъ ¹⁵⁾, то изъ малаго непремѣнно сдѣлаешься великимъ, и въ то время, когда думаешь, что не имѣешь и не знаешь ничего, обогащаешься и дѣятельностью и вѣдѣніемъ достохвальнымъ о Господѣ“ ¹⁶⁾. Совершенство смиренія, по словамъ св. Исаака Сирина, состоитъ въ томъ, чтобы съ радостью сносить ложныя обвиненія. Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается и ничего не говоритъ въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Иные добровольно навлекали на себя названіе непотребныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣевъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обидѣвшихъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣнчана всякою чистотою и непорочностію. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись въ образѣ юродивыхъ, бывъ растворены божественною солію и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ

¹³⁾ Бес. X, § 4, стр. 106, 107. ¹⁴⁾ Епископъ Игнатій Брянчаниновъ; о терпѣніи скорбей, стр. 25. ¹⁵⁾ Пс. XXXVIII, 6. ¹⁶⁾ Тамъ же.

что на высотѣ совершенства своего святыхъ ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ добродѣтелей ¹⁷⁾). Непремѣнною чертою смиренія служить, значить, сокровенность. т. е. такое поведеніе, чтобы, гдѣ не требуетъ обязанность или настоятельная нужда, не обнаруживать своихъ подвиговъ предъ людьми, а совершать ихъ въ тайнѣ, предъ лицомъ одного Бога. Такая сокровенность, весьма необходимая человѣку для сохраненія, утвержденія и приведенія въ зрѣлость добродѣтели и требуемая Іисусомъ Христомъ ¹⁸⁾, и отличала жизнь и дѣятельность св. юродивыхъ, и „юродство“ дѣлала прямо противоположнымъ фарисейству. Тогда, какъ фарисей живетъ одною только показанностію, при своей духовной пустотѣ и скрываетъ чрезъ это развращенность своего ума, сердца и воли, юродивый, напротивъ, отъ внѣшнихъ дѣлъ добродѣтели отказывается даже и тогда, когда они являются необходимымъ выраженіемъ и плодомъ его дѣйствительной внутренно-добродѣтельной настроенности.

Можно сказать, что насколько велико до безмѣрности и преступно самолюбіе фарисея, настолько и даже болѣе величественно и достойно великой похвалы христіанское смиреніе юродиваго, добровольно отказывающагося не только отъ наградъ и чести, но и отъ добраго о себѣ мнѣнія со стороны людей, а потому оно, какъ одно изъ существенныхъ проявленій „юродства“ не представляетъ изъ себя родъ притворства, лицемѣрія противныхъ чувству истиннолюбія и искренности христіанскихъ. Въ томъ, что оно происходило изъ началъ совершенно истинныхъ, увѣрять насъ фактическія данныя.

Смиреніе побуждало всѣхъ св. юродивыхъ держать себя ниже, чѣмъ какъ подобало имъ по сану и по положенію (напр. священства—Аврамій, монашества,—Симеонъ, Михаилъ и др.), слагать съ себя высокое достоинство и переходить въ низшее состояніе (св. Михаилъ Клопскій сложилъ княжеское достоинство), вращаться въ обществѣ

¹⁷⁾ Ковал., стр. 65; твор. св. Ис. Сир. М. 1854 г. сл. 58, стр. 377, 8 и 53 и 285 - 92. ¹⁸⁾ Мѡ. VI, 1—6.

презрѣнныхъ людей и т. п. Съ этой стороны „юродство“ есть въ извѣстныхъ цѣляхъ роль, если можно употребить такое слово, личнаго спасенія, а главное—общественнаго служенія. Оставляя пока въ сторонѣ дѣло общественнаго служенія св. юродивыхъ, ограничимся теперь интересами личнаго спасенія ихъ.

Такъ, св. Симеонъ прежде чѣмъ выступить на подвигъ „юродства“, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня молился, прилежно, дабы его дѣла Господь покрылъ предъ человѣки, дондеже отъ житія сего преставленъ будетъ, яко да убѣжитъ тщетныя славы и возношенія, но яко безумнаго и несмысленнаго всѣ да имѣють его, и самъ онъ „чудесная своя дѣла благодатію Божіею творимая, покрывалъ являемымъ изъ внѣ юродствомъ“ ¹⁹⁾. Когда, нѣцый отъ знавшихъ св. Прокопія Устюжскаго, видяще его юродственное житіе, начаша того блажити, глаголюще: сей человѣкъ великъ есть предъ Богомъ, понеже отъ иныя страны, и отъ зловѣрія въ правовѣріе со многимъ имѣніемъ сѣмо пришедъ, вся раздаде ниимущимъ, самъ же нищету возлюбивъ, юродь творится Христа ради, тогда таковая словеса блаженный Прокопій многажды слышавъ, опечалися вельми, и не терпя отъ человѣкъ хвалимый быти, поиде оттуда къ восточнымъ странамъ, всюду юродствуя, и многая озлобленія отъ неразумныхъ пріемля ²⁰⁾. Съ того времени, какъ въ Клопскомъ монастырѣ узнали о княжескомъ происхожденіи преподобнаго Михаила, то „вельми начаша чтити блаженнаго“, но онъ всего менѣ желалъ извѣстности у людей и потому больше прежняго сталъ юродствовать ²¹⁾. Св. Іоаннъ Устюжскій въ день творяшеся предъ человѣки аки юродь, ристая по улицамъ, дабы его не познали“ ²²⁾. Жизнь добродѣтельная св. Исидора Твердислова, „аки подъ спудомъ подъ образомъ юродства таима бѣ“ ²³⁾. Преп. Исакій Печерскій, „не хотя славы отъ человѣкъ, нача юродствовати“ ²⁴⁾. Не желая, чтобы добрыя дѣла св. юродивыхъ видѣли люди, они своими

¹⁹⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 146. ²⁰⁾ Чет. Мин. 8 іюля, л. 48. ²¹⁾ Житія Филарета, архіеп. Черниг. янв. 11, стр. 128. ²²⁾ Прол. 29 мая л. 68. ²³⁾ Чет. Мин. 14 мая, л. 112. ²⁴⁾ Киев. печ. пат. 14 февр., л. 146.

странностями прикрывали свои добродѣтели и совершали ихъ въ тайнѣ. Св. Симеонъ, „покрыти хотя пощеніе свое, многажды по семидневномъ неяденіи ядыше мяса предъ всѣми, нарочно того ради, да не точію яко юрода, но и яко грѣшна мнятъ его вси быти“; онъ же „на большее мнимаго своего юродства показаніе, отлагаше стыдѣніе человѣческое, и множицею обнаженъ по торжищу хождаше, овогда храмля, овогда скача, овогда же по земли ползаше, и текущымъ по пути запинаше нозѣ, и лежа на земли біяше землю ногами и ина многая очесемъ человѣческимъ неугодная и нелѣпая дѣяше, всѣмъ себѣ безумна быти являя, да никтоже мнитъ его быти свята“ ²⁵⁾. Однажды, пробывъ весь великій постъ безъ пищи, св. Симеонъ въ великій страстной четвергъ рано утромъ „на торжищи сѣдя ядыше“, чѣмъ приводилъ всѣхъ въ смущеніе и получалъ замѣчанія, „яко ни святаго четверга не почитаетъ, но рано ястъ“ ²⁶⁾. Чтобы люди не могли знать о его чудесахъ, онъ „творяшеся бѣсенъ, и акибы отъ бѣсовскаго дѣйства вѣсть дѣемая въ тайнѣ въ человѣцѣхъ, того ради съ бѣснующимися хождаше яко единъ отъ нихъ сый“ ²⁷⁾. Послѣ недѣльнаго поста одинъ разъ въ воскресенье утромъ св. Симеонъ взялъ колбасу, перекинулъ черезъ плечо, „аки оранъ діаконскій“, а въ лѣвую руку горчицу и, „омокая колбасу въ горчицу тако ядыше: приходящимъ же къ нему играти, уста горчицею помазоваше“ ²⁸⁾. Онъ же охотно принимаетъ на себя обвиненіе въ нецѣломудріи и вотъ по какому случаю: когда одинъ корчемникъ, раскаявшись въ томъ, что напрасно билъ св. Симеона, разбившаго сосудъ съ виномъ, куда выпустила ядъ змія, сталъ почитать его, то св. Симеонъ вотъ что сдѣлалъ, чтобы его ругали: „нѣкоего дне почивающей женѣ корчемниковой единой въ храминѣ своей, а корчемнику вино продающе, прииде къ ней старецъ, и нача совлекати съ себе одежды, и творяшеся аки леши съ женою хотяй. Она же видящи то, воскрича, и притече мужъ ея, и рече жена къ мужу: иждени

²⁵⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 147, 149.
²⁶⁾ Тамъ же, л. 151.

²⁷⁾ Тамъ же, л. 149. ²⁸⁾ л. 151 об.

проклятаго сего юрода, яко насилувати мя хочеть. Бивъ убо мужъ старца заушенми, изгна его вонъ на стужу: бѣ бо мразъ велій и дождь, и сѣдѣше старецъ внѣ, терпя хладъ, въ единой сый ветсѣй и раздраннѣй одеждѣ. Оттолѣ не точію самъ корчемникъ не вмѣняше его въ святаго, но и другимъ, аще кто глаголаше, яко Симеонъ Христа ради юродствуетъ, извѣщаваше съ клятвою глаголя: по истинѣ бѣсенъ есть, и ума не имать. еще же и блудникъ, жену бо мою насилувати хотѣ, и мясо ясть, и иная неподобающая дѣла творить, яко не имый Бога“ ²⁹⁾. Для того, чтобы предать забвенію свои добрыя дѣла, нѣкоторые изъ св. юродивыхъ покидали совсѣмъ или на время мѣста своего жительства. Такъ преп. Исидора послѣ того, какъ ушелъ изъ монастыря преп. Питиримъ, „не терпящи быти почитаема отъ сестеръ, изыде тайно изъ монастыря, и въ не-свѣдомыхъ мѣстѣхъ крыяшеся даже до преставленія своего къ Богу“ ³⁰⁾. Когда нѣкто торговецъ Фускарій, у котораго жилъ св. Симеонъ, и его жена стали почитать послѣдняго за совершенное имъ чудо (онъ голыми руками принесъ горячихъ угольевъ), то „онъ бѣжа изъ дому того, и не возвратися, дондеже то чудо въ забвеніе прииде“ ³¹⁾. „Никтоже отъ человѣкъ вѣдѣше добродѣтельнаго житія св. Прокопія Устюжскаго“ ³²⁾. О св. Василии московскомъ извѣстно, что онъ „ничтоже глаголаше, и аки безгласенъ творяшеся, утаитися мня отъ человѣкъ добродѣтельными, Богу же точію вѣдомъ быти“ ³³⁾. „Никтоже вѣдѣше добродѣтельнаго житія блаженнаго Исидора Ростовскаго“; онъ съ этою цѣлью устроилъ себѣ кущу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы глазъ человѣческій не могъ замѣтить его молитвы ³⁴⁾. „Мѣста идѣже обыче въ тайнѣ молитися св. Симеонъ никтоже вѣдѣше“ ³⁵⁾. Св. юродивые всегда запрещали рассказывать про свои добродѣтели, которыя какимъ либо образомъ становились явными. Такъ св. Іоаннъ Устюжскій взялъ клятву съ любопытнаго священника, подсмотрѣвшаго,

²⁹⁾ Тамъ же, л. 147. ³⁰⁾ Чет. Мин. 10 мая, л. 70. ³¹⁾ Чет. Мин. 21 іюля л. 146 об. ³²⁾ Прол. 8 іюля, л. 73. ³³⁾ Прол. авг. 2, л. 5. ³⁴⁾ Прол. 14 мая, л. 33. ³⁵⁾ Чет. Мин. 21 іюля 151.

какъ онъ легъ на горячіе уголья,—не рассказывать объ этомъ никому ³⁶⁾. Св. Прокопій Устюжскій повѣдалъ клирику Симеону о явленіи ему ангеловъ Божіихъ подъ условіемъ никому не говорить до его смерти ³⁷⁾. Одна благочестивая константинопольская женщина по имени Варвара видѣла въ изступленіи одинъ разъ на площади близъ „Константинова столпа св. блаженного Андрея, ходяща посреде многихъ, аки столпа пламеннаго блистающагося“ и бѣсовъ, въ образѣ черныхъ эеіоповъ, ходящихъ сзади его и говорившихъ о томъ, чтобы Богъ другого такого не далъ на землѣ, такъ какъ и этотъ юродивый „изжегль сердца наша и ругается всему міру“, и научающихъ людей бить св. Андрея, который молился за нихъ. И вотъ видитъ Варвара,—раскрылось, подобно вратамъ, небо и вылетѣло оттуда множество красивыхъ ласточекъ и среди нихъ бѣлоснѣжный голубъ большой величины, несшій въ клювѣ золотой масличный листь; онъ человѣческимъ голосомъ проговорилъ: „прими листь сей, его же Господь Вседержитель посла ти отъ рая, въ знаменіе благодати Своея, занеже милостивъ еси и человѣколюбивъ, якоже и Самъ Онъ милостивъ, и прославить тя, и возвеличитъ милость Свою на тебѣ, занеже біющія ты прощаеши, и милуеши, и молишися о нихъ, да не имѣютъ въ семъ грѣха. Сія глагола голубъ, сѣдѣ на главѣ святаго“. Видя такое видѣніе благочестивая Варвара искушалась мыслью рассказать о немъ, чтобы люди знали,—какихъ свѣтильниковъ имѣетъ Господь на землѣ. Много разъ пыталась она повѣдать о бывшемъ видѣніи, но сила Божія „возбраняше ей“. Послѣ встрѣтилъ ее св. Андрей и сказалъ: „храни тайну мою, Варваро, и никому не повѣдай то, еже видѣла еси, донелѣ же пройду въ мѣсто селенія дивна, даже до дому Божія“. Та сказала ему: „аще и хочу кому повѣдати, но не могу, честный свѣтильниче и святче Божій, возбраняетъ бо ми невидимая сила Божія“ ³⁸⁾. Св. Андрей заповѣдуетъ одному монаху, избавившемуся отъ страсти

³⁶⁾ Жит. св. Фил., архіеп. черниг. май 29, стр. 285. ³⁷⁾ Тамъ же, стр. 71, іюля 8. ³⁸⁾ Чет. Мин. окт. 2, л. 13.

сребролюбія по его молитвѣ: „блюди, да не повѣси яже о мнѣ никомуже: азъ же поминати тя начну день и ночь въ молитвахъ моихъ, да Господь Іисусъ Христосъ управить путь твой на доброе ³⁹⁾. Онъ же, рассказавъ своему другу пресвитеру Никифору о восхищеніи его до третьяго неба и о видѣніи Іисуса Христа, „клятвами закла его, не повѣдати сего никомуже дондеже отъ тѣлесныхъ узъ разрѣшится ⁴⁰⁾. Избавивъ отъ смерти одного ростовскаго купца, спущеннаго съ корабля въ море, св. Исидоръ Твердисловъ запретилъ ему рассказывать объ этомъ чудѣ: „никомуже повѣдай о мнѣ, но сказуй, яко божественная сила избави тя отъ глубины морскія“. Когда купецъ возвратился въ Ростовъ, то увидѣлъ здѣсь св. Исидора юродствовавшя; онъ снова „прещаше ему, да ни кому же повѣсть бывшаго на мори, и храняше то въ молчаніи купецъ оный даже до преставленія угодника Божія, сице и другія чудодѣянія его тайно совершахуся ⁴¹⁾. Св. Симеонъ Юрьевецкій, когда увидѣлъ его нѣкто переходящимъ Волгу, какъ по суху, сказалъ ему не безумствуя: „именемъ Божиимъ заклинаю тебя—никому не сказывай, что ты видѣлъ, какъ я ходилъ по Волгѣ, доколѣ я не отойду къ Господу, иначе если ты объ этомъ расскажешь, то вмѣсто благословенія, получишь отъ Бога наказаніе. Богу угодно, чтобы ты узналъ о мнѣ недостойномъ рабѣ Его, послѣ же моей смерти объявишь это о мнѣ, если будетъ на то воля Божія ⁴²⁾. Какая то невидимая сила удерживала тѣхъ, которые думали рассказывать про дѣла св. юродивыхъ. Такъ, избавленный отъ прелюбодѣянія нѣкій юноша, „не можаше исповѣдати Симеона, яко исцѣли его“. Нѣкто Балій тоже, не можаше изъяснити цѣлителя своей изсохшей руки, токмо глаголаше: „яко инокъ нѣкій, носяй на главѣ своей вѣнецъ отъ финиковыхъ вѣтвей, исцѣли мя“ ⁴³⁾.

Высшую степень смиренія св. юродивыхъ составляло то, что они отказывались не только отъ всѣхъ разсужденій самолюбиваго разума, но даже и отъ довѣрія свидѣ-

³⁹⁾ Тамъ же, л. 14.

⁴⁰⁾ Тамъ же, л. 15 об.

⁴¹⁾ Чет. Мин. 14 мая, л. 112.

⁴²⁾ Поспѣловъ 27, 28.

⁴³⁾ Чет. Мин. 21 іюля, 147 об.

тельству чувствъ. Такъ, св. Симеонъ послѣ разсказа другу своему діакону Іоанну о той наградѣ, какую онъ удостоился получить въ видѣніи за спасеніе многихъ человѣческихъ душъ, со вздохомъ заключилъ: „господине діаконе, ничтоже вѣмъ себе сотворша таково, еже бы достойно было небеснаго воздаянія: юродъ бо и лишенный разума кую мзду имать пріяти; развѣ туне благодатію своею помилуетъ мя Владыка мой“ ⁴⁴⁾ и добрыя дѣла свои онъ называлъ „лѣностію окаяннаго своего житія“ (тамъ же). Св. Андрей, когда въ сильный морозъ хотѣлъ согрѣться около пса и когда лишился и этого послѣдняго желанія, то сказалъ самъ себѣ: „о коль грѣшенъ еси окаянне, яко не точію человѣцы, но и пси гнушаются тобою“ ⁴⁵⁾. Одинъ инокъ скитскій былъ высланъ пресвитеромъ за какой то грѣхъ изъ храма, и св. юродивый Виссаріонъ всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, говоря: „и я тоже грѣшникъ“ ⁴⁶⁾. Такое смиреніе духа возникало въ св. юродивыхъ вслѣдствіе того, что ихъ взоръ постоянно прикованъ, такъ сказать, былъ къ созерцанію своей душевной нечистоты, и они считали себя потому послѣдними отребіями міра. „Симонъ, ты глупецъ, несытая гортанъ“, говорилъ самъ себѣ св. Симонъ Юрьевецкій ⁴⁷⁾, выражая тѣмъ свое нравственное ничтожество.

Упражненіемъ въ духовномъ смиреніи для св. юродивыхъ служило терпѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, они принимаютъ различныя обвиненія на себя, подвергаются насмѣшкамъ, ударамъ, отрекаются отъ ума и т. п. для того, чтобы выработать въ себѣ нравственный характеръ, пріобрѣсти извѣстную стойкость въ добродѣтели, переломить себя, а это и составляетъ смиреніе. Въ этомъ увѣряетъ насъ ученіе св. подвижниковъ. „Для стяжанія смиренія, читаемъ въ одномъ аскетическомъ твореніи, понудь себя и напрягись принять въ любительныя объятія свои всякія неудовольствія и прискорбности, какъ родныхъ сестеръ и всячески убѣгать славы и почестей, желая паче быть отъ всякаго уничижаемымъ

⁴⁴⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 152 об. ⁴⁵⁾ Чет. Мин. л. 14 об. ⁴⁶⁾ Ковал., стр. 114. ⁴⁷⁾ Пospѣловъ, стр. 10.

и незнаемымъ и ни отъ кого не получать попеченія и утѣшенія, кромѣ единого Бога. Утверди въ сердцѣ своемъ, убѣдясь въ благотворности его, такой помыслъ, что Богъ есть единое твое благо и единое убѣжище, а всѣ другія вещи суть для тебя тернія, которыя, если вложить ихъ въ сердце свое, причинятъ тебѣ вредъ смертоносный. Если же случится тебѣ отъ кого потерпѣть пораженіе, не печалься о томъ, но перенеси то съ радостью, держа увѣренность, что Богъ тогда съ тобой. И не желай другой чести и не ищи ничего другого, какъ страдать за любовь къ Богу и за то, что служить къ наибольшей Его славѣ. Понудь себя и понасиль радоваться, когда кто скажетъ тебѣ оскорбительное слово, или осудитъ тебя, или презрѣніе тебѣ покажетъ, потому что подъ такимъ поношеніемъ и безчестіемъ сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь ихъ, то очень скоро окажешься богатымъ духовно. Не ищи никогда, чтобъ тебя любилъ кто въ этой жизни и почиталъ тебя, чтобъ тебѣ свободнѣе было сподрадать Христу распятому, ни отъ кого и ни отъ чего не встрѣчая въ томъ препятствія. Берегись себя самого, какъ злѣйшаго какого врага своего и не слѣдуй волѣ своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому, держи всегда наготовѣ оружія противъ себя самого, и когда хотѣніе твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное отъ всего сторонняго, предъ Богомъ твоимъ, съ глубочайшимъ смиреніемъ умоляя Его, да будетъ въ этомъ Его, а не твоя воля; и сдѣлай это съ искренно-сердечнымъ преданіемъ себя въ волю Божию, безъ всякой примѣси самолюбія, зная, что самъ въ себѣ ты ничего не имѣешь и самъ по себѣ ничего сдѣлать не можешь въ дѣлѣ своего спасенія. Когда почувствуешь, что твоя душа уязвляется какимъ нибудь остномъ ядовитаго тернія, т. е. страстію или страстнымъ помысломъ, то усугубь вниманіе и напрягись не допустить ихъ до сердца, ставъ противъ нихъ лицомъ съ сопротивленіемъ имъ и сердце держа за собой недосязаемымъ для нихъ и чистымъ предъ Богомъ, Котораго, такимъ образомъ,

ты всегда будешь имѣть сущимъ внутри тебя, въ глубинѣ твоего сердца, ради чистоты настроенія его“ ⁴⁸⁾). Вотъ прекрасная иллюстрація смиренія св. юродивыхъ, которые, хотя совершили и тысячи праведныхъ дѣлъ, хотя сподоблялись различныхъ дарованій св. Духа, сткровеній и таинъ, однако считали себя не приобрѣтшими ничего добраго для спасенія; такъ св. Симонъ юрьевецкій всю свою жизнь молится о томъ, чтобы душа его была сохранена отъ злыхъ духовъ въ часъ смертный; св. Симеонъ говоритъ другу своему діакону Іоанну: „азъ многу печаль и великъ страхъ имамъ, донелѣже преиду грозная оная мѣста, на нихже вся человѣческая дѣла и словеса истязуются подробну“ ⁴⁹⁾). Значить, св. юродивые, несмотря на то, что всю свою жизнь истребляли въ себѣ грѣхъ и старались свою душу освободить отъ всего того, что стѣсняетъ ее во всей ея нравственной дѣятельности и не даетъ ей свободно дышать, не полагались на свои добрыя дѣла, но постоянно въ своемъ сердцѣ хранили самоосужденіе и, не высокоумдрствуя о себѣ, всегда пребывали въ покаянныхъ чувствахъ и расположеніяхъ. Ихъ самоосужденіе служило основаніемъ всѣхъ ихъ добродѣтелей. Самоосужденіе св. юродивыхъ и происходящее отсюда постоянное покаяніе естественно рождало плачъ и душевное умиленіе. Это объясняется существомъ покаяннаго самоосужденія. Вѣдь, самоосужденіе всегда бываетъ обращено на разсмотрѣніе и испытаніе внутренняго человѣка, на сердце, гдѣ зачинаются и образуются и откуда исходятъ разные мотивы человѣческой дѣятельности. И потому, чѣмъ глубже человѣкъ погружается въ себя, чѣмъ раздѣльнѣе и яснѣе представляетъ себѣ требованія Христова закона, чѣмъ внимательнѣе проникаетъ онъ въ свое сердце, тѣмъ яснѣе усматриваетъ его нечистоту, несовершенства своего поведенія, далекость жизни отъ евангельскихъ идеаловъ и тѣмъ болѣе поражается глубиною своего паденія и поврежденія своей природы. Слѣдствіемъ такого самопознанія и было то же-

⁴⁸⁾ Невидимая брань. Москва. 1892 г. стр. 261—263. ⁴⁹⁾ Чет. Мин. 21 іюль л. 152 об.

ланіе нѣкоторыхъ св. юродивыхъ, чтобы послѣ ихъ смерти тѣла ихъ были погребаемы на дорогѣ, въ концѣ кладбища, или у церкви; чтобы какъ можно болѣе ногъ попирали ихъ прахъ. Такое, на примѣръ, желаніе выразилъ св. Николай Кочановъ ⁵⁰⁾. Сознаніемъ своей окаянности объясняется и то, что св. Исидора „нечистѣйшихъ въ монастырѣ дѣлъ не гнушающихся, скверныя очищающе мѣста, и бѣше монастырю аки губа всякую нечистоту омывающая и очищающая“ ⁵¹⁾. Смѣло можно утверждать, что жизнь св. юродивыхъ была непрерывнымъ подвигомъ покаяннаго смиренія.

Далѣе, смиреніе св. юродивыхъ характеризовало ихъ, какъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, они вполне осуществляли слова Спасителя: „аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное“ ⁵²⁾. Этотъ образецъ жизни и воплотили въ себѣ св. юродивые. Какимъ образомъ? Въ жизни естественной чѣмъ больше человѣкъ независимъ и самостоятеленъ, чѣмъ больше имѣетъ своей собственности, своего ума, своей воли и силы, своей дѣятельности, тѣмъ считается выше, совершеннѣй и достойнѣй другихъ. На примѣръ, взрослый человѣкъ, возмужалый—выше и совершеннѣе юноши, потому-что можетъ жить самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ отца, жить своимъ собственнымъ умомъ, управляться своей волей, питаться своимъ трудомъ и своими средствами. Юноша совершеннѣе отрока и младенца, потому-что хотя и не отдѣлился еще отъ отца, живетъ подъ одной съ нимъ кровлей, не имѣетъ еще ни своего дома, ни своего семейства и состоянія, но начинаетъ уже порождать собственныя мысли, составлять свои планы и предположенія, воспитывать и приготавливать собственныя силы къ самостоятельной жизни и дѣятельности. А что такое младенецъ по естеству? Онъ и немощенъ, и бѣденъ, и безсиленъ, и несмысленъ и безволенъ. А въ благодатной жизни, напротивъ, младенецъ по духу, болѣе есть во царствіи небеснѣмъ ⁵³⁾. Младенецъ по естеству не имѣетъ

⁵⁰⁾ Жизнь и чудеса его, стр. 19.
XVIII, 3. ⁵³⁾ Мѣ. XVIII, 4.

⁵¹⁾ Чет. Мин. 10 мая, л. 69 об.

⁵²⁾ Мѣ.

еще собственности. Пока находился онъ во чревѣ матери своей, онъ весь какъ бы погруженъ былъ въ ея жизнь: ея дыханіемъ онъ дышалъ, ея пищею питался, ея кровью возрасталъ и двигался. Родившись потомъ на свѣтъ, хотя отпалъ отъ своего корня и начинаетъ жить отдѣльною жизнью, но еще долго живетъ жизнію своей матери; ея молокомъ питается, на ея рукахъ носится, ея руками водится. Чтобы войти въ царствіе небесное, необходимо нужно человѣку низойти духомъ свободно и добровольно въ жизнь младенческую, отрѣшиться отъ самолюбія, самоумія, самочинія— „отбѣгше, яже въ мірѣ, похотныя тли“ ⁵⁴⁾ и всею душею, всѣмъ помышленіемъ и всѣмъ сердцемъ возлюбить Господа Бога—быть единъ духъ съ Господомъ. Чѣмъ меньше въ человѣкѣ будетъ своего, человѣческаго,—тѣмъ больше въ немъ будетъ Божьяго, тѣмъ онъ выше и совершеннѣе будетъ въ царствіи небесномъ. „Уничижи себе: и узриши славу Божию въ себѣ“, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ ⁵⁵⁾. Изъ характеристики жизни дитяти можно будетъ еще рельефнѣе представить себѣ величіе „юродства“. Какія дѣла дитяти? спрашиваетъ св. авва Исаія и отвѣчаетъ: дитя, когда наказываютъ его, плачетъ; съ радующимися оно радуется; если укоряютъ его, оно не гнѣвается; похвалами не превозносится; если предпочтутъ ему другого, оно не тревожится ревностью; если возьмутъ отъ него что-либо принадлежащее ему, оно не смущается; если оставятъ ему наслѣдство, оно пребываетъ къ этому равнодушнымъ; оно не судится ни съ кѣмъ, не вступаетъ ни въ какіе споры, не ненавидитъ никого изъ людей. Дитя, находясь въ нищетѣ, не печалится объ этомъ; находясь въ богатствѣ, не превозносится: увидѣвъ женщину, не ощущаетъ вожделѣнія: сластолюбіе и попечительность не обладаютъ имъ: оно не осуждаетъ никого, никѣмъ не владѣетъ, никому не завидуетъ, не хвалится тѣмъ, чего не знаетъ; не насмѣхается надъ ближнимъ; не питаетъ вражды ни къ кому; не лицемеритъ, не ищетъ мірскихъ почестей, не собираетъ богатства, чуждо сребролюбія, дерзости, не учитъ другихъ по

⁵⁴⁾ I Петр. 1, 8. ⁵⁵⁾ Твор. св. Исаака Сирина сл. 51. Москва. 1854 г.

страстному побужденію високоумія; ни о чемъ не заботится, если снимуть съ него одежду, не скорбитъ объ этомъ: не слѣдуетъ собственной волѣ; не боится ни голода, ни злодѣевъ, ни звѣря, ни войны, ни гоненія“ ⁵⁶⁾). Какая прекрасная иллюстрація жизни св. юродивыхъ. Дѣйствительно, св. юродивые слѣдовали за Христомъ, какъ малое дитя за своимъ отцемъ или матерью и, отложъше, по апостолу, всяку злобу, и всяку лесть, и лицемѣріе и зависть и вся клеветы, яко новорождени младенцы словесное и неленостное млеко возлюбили, чтобы возрасти во спасеніе ⁵⁷⁾, они со страхомъ и трепетомъ спасеніе свое содѣвали ⁵⁸⁾, злобою младенствуя ⁵⁹⁾).

Вся ихъ жизнь краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что они считали себя ниже и хуже всѣхъ, ни передъ кѣмъ не превозносились, не считали себя способными для совершенія великихъ дѣлъ, не хвалились какимъ либо дѣломъ, а прикрывали его странными поступками, не превозносились дарами природы или благодати; не могли радоваться о стяжаніи, которое презрѣли и котораго не домогались ⁶⁰⁾, не могли они и сѣтовать объ утратѣ чего нибудь, но въ духѣ смиренія веселились только о Господѣ; глубокое смиреніе святыхъ юродивыхъ заставляло ихъ во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ, какимъ они подвергались со стороны людей, не жаловаться ни на кого, а принимать ихъ, какъ должное; св. юродивые старались убѣгать отъ похвалъ людскихъ и съ этою цѣлію они скрывались отъ всего мірскаго и отъ людей, представляя себя безумными во многихъ случаяхъ ⁶¹⁾. Смиреніе духа побуждало св. юродивыхъ естественно удаляться отъ всего того, что оскорбляетъ другихъ и эта ихъ черта возводитъ подвигъ „юродства“ на степень общественнаго служенія.

⁵⁶⁾ О терпѣніи скорбей. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ, стр. 127, 128.

⁵⁷⁾ 1, Петр. II, 1. ⁵⁸⁾ Филипп. II, 12. ⁵⁹⁾ 1 Кор. XIV, 20. ⁶⁰⁾ Св Симонъ Юревецкій, попросивъ у избавленнаго имъ отъ потопленія купца рубашку и сапоги, отказывается потомъ, когда тотъ исполняетъ его просьбу: „мнѣ они не нужны“ Поспѣловъ, стр. 22. ⁶¹⁾ Такой совѣтъ для утвержденія себя въ смиреніи давалъ еще Нитрійскій пустынникъ Авва Орь (прибавл. къ твор. св. отцевъ XIII, Москва 1854 г., стр. 224).

ГЛАВА VIII.

„Юродство“, какъ общественный дѣятельный типъ. Любовь, какъ основное начало общественной св. юродивыхъ дѣятельности и ея проявленія. Значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ, опирающееся на ихъ необыкновенныхъ духовныхъ дарованіяхъ.

Такимъ образомъ, подвигъ „юродства“ о Христѣ не есть только личный подвигъ, но принимающій его выступаетъ на общественное служеніе; даже болѣе, общественное служеніе есть завершеніе подвига; на это служеніе юродивый посылается какъ мужъ избранный, уже устроившій свое собственное дѣло и могущій научать и направлять другихъ. Св. юродивые совершали свои дѣла на глазахъ міра; жили они преимущественно въ большихъ городахъ: св. Симеонъ—въ Эмессѣ; св. Андрей—въ Константинополѣ; св. Максимъ, Василій и Іоаннъ—въ Москвѣ; св. Николай и Ѳеодоръ — въ Новгородѣ; св. Прокопій и Іоаннъ — въ Устюгѣ; св. Николай (салось) — въ Псковѣ; св. Іоаннъ (Власатый)—въ Ростовѣ; св. Лаврентій—въ Калугѣ. Находясь въ обществѣ, св. юродивые уже по существу дѣла обязательно такъ или иначе вліяли на него. Какое ихъ было вліяніе? вліяніе будетъ пассивнымъ, когда человѣкъ, исключительно занятый собой и своими дѣлами, вовсе не думаетъ о другихъ, и если онъ въ житейскихъ сношеніяхъ съ послѣдними такъ или иначе воздѣйствуетъ на нихъ, то воздѣйствуетъ не намѣренно, хотя съ точки зрѣнія христіанской нравственности и не безотвѣтственно за послѣдствія своего поведенія; но оно можетъ быть и активнымъ, когда вся жизнь, всѣ поступки, слова и дѣйствія человѣка имѣютъ за собою какія-либо, добрыя или дурныя цѣли и рассчитаны на что-либо, касающееся окружающихъ. Вліяніе св. юродивыхъ на общество было съ ихъ стороны обязательно активнымъ. Внѣшній ихъ образъ жизни, странные для другихъ поступки и дѣйствія — все это было намѣреннымъ и основано именно на расчетѣ такъ или иначе

и, конечно, всегда съ благою цѣлю, подѣйствовать на другихъ. Вотъ третья характерная черта „юродства“ въ опредѣленіи проф. Е. Е. Голубинскаго: „юродство состоитъ въ томъ..., чтобы обличить современниковъ“ ¹⁾).

Но достигали-ли св. юродивые въ своей жизни и дѣятельности тѣхъ высокихъ цѣлей, какія ставились всѣми истинными послѣдователями Спасителя и подражателями Его высокому примѣру, выступающими на служеніе ближнему — или что тоже—было-ли воздѣйствіе св. юродивыхъ на общество положительнымъ?

На поставленный вопросъ должно отвѣтить прямо: положительное воздѣйствіе св. юродивыхъ на окружающее общество не подлежитъ сомнѣнію. Чтобы понять это, рассмотримъ ближе взаимоотношенія св. юродивыхъ о Христѣ и общества. Юродивые въ обществѣ были не простыми глупцами; напротивъ, они имѣли въ своемъ родѣ великій авторитетъ. Прежде всего, они представлялись обществу загадочными существами; затѣмъ, всѣмъ бросалась въ глаза ихъ религіозность. А при сравнительной живости религіознаго чувства народъ всегда расположенъ ко всему таинственному и чудесному. Слѣдовательно, уже одно то, что „юродство“ при всей своей особенностяхъ являлось не какъ что либо совершенно новое и чуждое обществу, а напротивъ, такъ сказать, удовлетворяло важнѣйшимъ духовнымъ запросамъ этого общества, должно было отразиться на отношеніяхъ общества къ св. юродивымъ и къ лучшему для послѣднихъ. Затѣмъ, и главнымъ образомъ, значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ опиралось, конечно на ихъ необыкновенныхъ духовныхъ дарованіяхъ — прозорливости, силѣ чудесъ и молитвы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не уважать и до извѣстной степени не благоговѣть предъ такимъ челоукомъ, который, подобно древнимъ пророкамъ, безстрашно является къ правителямъ и вельможамъ, сурово обличаетъ ихъ, угрожаетъ, и угроза его потомъ сбывается; или который загадочно возвѣщаетъ грядущее бѣдствіе на

¹⁾ Истор. русск. церкви, т. I, втор. половина, стр. 547.

все общество, и оно потомъ постигаетъ его; или—еще по просьбѣ этого общества молится о предотвращеніи грозящей бѣды, имъ же предсказанной, и молитва его доходитъ до небесъ, прелагая гнѣвъ Божій на милость. Вотъ почему и отношенія къ св. юродивымъ такъ измѣнялись: то ихъ гнали въ шею и били, а то, когда нужно, когда въ трудныя минуты общественной или частной жизни ожидали руководства свыше, взоры всѣхъ направлялись къ юродивому. Его отыскивали, приводили въ собраніе, ласкали, какъ дитя, примѣняясь къ его мнимому младенческому состоянію, дарили разныя бездѣлушки, давали нерѣдко и деньги, словомъ, всячески старались задобрить и расположить къ себѣ; въ то же время зорко слѣдили за нимъ, примѣчая всѣ его движенія и поступки и чутьемъ угадывая, какое въ его странныхъ дѣйствіяхъ скрывается указаніе на истину, которую надо было уловить, разгадать непонятное. И голосъ св. юродиваго былъ гласомъ Божиимъ.

Общественная жизнь св. юродивыхъ характеризуется, какъ самоотверженная дѣятельность на пользу ближнихъ, совершаемая въ духъ евангельской любви, безъ которой человѣкъ бываетъ мертвъ духовно: „не любяй брата, въ смерти пребываетъ“ ²⁾. Любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ прежде всего выразилась въ ихъ незлобіи и прощеніи наносимыхъ имъ со стороны общества обидъ, сопровождавшимся молитвою за враговъ. Такъ, св. Андрей „вся терпяше и о пакостящихъ ему и біющихъ его моляшеся: да не будетъ имъ грѣха о семъ, иже ми біеніе творять, въ невѣдѣніи бо сія содѣвають, и невѣдѣніа ради отпущеніе примутъ“ ³⁾. Когда св. Исидору оскорбляли сестры монастырскія она: „не сотвори оскорбленія каковаго никомуже, ниже сама когда прогнѣвася или опечалися, ни поропта о чесомъ либо, но всегда молчаше, никомуже отвѣщаваючи словесе каковаго, ни мала ни велика“ и, когда сестры, раскаявшись преподобному Питириму въ своихъ обидахъ, нанесенныхъ ими св. Исидорѣ, „припадающе къ блаженнѣй, просяху

²⁾ 1 Иоанн. III, 14.

³⁾ Чет. Мин. окт. 2, л. 12 об. и 13.

прощенія“, то она вмѣстѣ съ преподобнымъ Пителимомъ „молитву къ Богу о сестрахъ сотвори прилежну, еже проститися согрѣшеніямъ ихъ“ ⁴⁾. Св. Исидоръ Твердисловъ, когда поселился въ Ростовѣ, то отъ здѣшнихъ жителей терпѣлъ страшныя гоненія и побои, но самъ „яко въ чуждемъ тѣлеси все съ благодареніемъ терпяше, и никако же досадителемъ воздаваше, но токмо въ умѣ своемъ глаголаше къ Богу: Господи, не постави имъ въ грѣхъ сего“ ⁵⁾. Св. Аврамій Смоленскій „вся съ кротостію и смиреніемъ терпяше, благодарящи Бога о напущенномъ на него искушеніи, и моляшеся о ненавидящихъ и обидящихъ его“ ⁶⁾. Св. Прокопій Устюжскій „въ день оскорбляемъ и озлобляемъ бываше, а въ нощи ни мала покоя себѣ приимаше, но по граду хождаше по всѣмъ св. церквамъ, и моляшеся Господеви со слезами за градъ и люди и за озлобителей своихъ, глаголя: Господи, не постави имъ грѣха сего“ ⁷⁾. Св. Симонъ Юрьевецкій не только не отвѣчалъ зломъ на оскорбленія, но смиренно молился за обижавшихъ его ⁸⁾.

Такимъ образомъ, св. юродивые твердо держались одной цѣли, — чтобы, подвергаясь разнымъ обидамъ отъ людей, радоваться, а не скорбѣть; и они радовались, но радовались не бессмысленно, а на томъ основаніи, что обрѣтали благопріятный случай къ полученію прощенія своихъ грѣховъ, прощая ближнему, въ чемъ и заключается, по мнѣнію св. Марка подвижника, разумъ истины, который обильнѣе всякаго иного вѣдѣнія, потому что „изъ него, говоритъ онъ, можно умолять Бога, навѣрное зная, что молитва будетъ услышана; онъ — плодъ вѣры и доказательство вѣры во Христа; посредствомъ его можно легко нести крестъ; при его посредствѣ можемъ любить Бога отъ всего сердца и ближняго, какъ самаго себя; для его снисканія мы должны возложить на себя: постъ, бдѣніе и пр. подвиги и лишенія, чтобы и сердце и внутреннее рас-

⁴⁾ Чет. Мин. 10 мая, л. 69 об. и 70. ⁵⁾ Прот. 14 мая, л. 32 об. и 33.

⁶⁾ Чет. Мин. авг. 21 л. 99 об. ⁷⁾ Чет. Мин. 8 іюля, л. 48. ⁸⁾ Кормч. 1895 г. № 44, стр. 582.

положеніе наше отверзлись, приняли его въ себя и уже не извергали. Тогда за прощеніе ближнему его согрѣшеній, усмотримъ въ себѣ дѣйствіе благодати, таинственно данной намъ св. крещеніемъ; она будетъ дѣйствовать на насъ не непримѣтно, - но со всею очевидностію, вполне ощутительно ⁹⁾. Но такому состоянію могло противодѣйствовать и, притомъ, очень сильно, тщеславіе; и вотъ молитва—то за враговъ научала смиряться предъ ближнимъ, и была единственнѣйшимъ средствомъ противъ памятозлобія и служила знаменіемъ любви и милованія. Эту мысль прекрасно выразилъ св. юродивый Симеонъ въ своемъ наставленіи другу діакону Іоанну: „блюди говорилъ онъ, да не приступаеши къ божественному служенію, имый гнѣвъ на кого, яко да не возбранятъ твоя грѣхи быти пришествію духа“ ¹⁰⁾. Главнѣйшимъ обнаруженіемъ любви къ ближнему св. юродивыхъ служила ихъ милостивость. Сущность ихъ милостивости заключается прежде всего въ состраданіи и жалостливости сердца ко всѣмъ чувствующимъ созданіямъ Божиимъ, а заслуга достоинства ея—въ самопожертвованіи для другихъ. Чувство милостивости, какъ и всякая вообще добродѣтель, проявлялось въ свят. юродивыхъ путемъ самопринужденія и обращалось потомъ уже въ навѣкъ. Служеніе Богу, какъ мы видѣли, всѣ св. юродивые начинаютъ съ того, что все свое имущество раздаютъ бѣднымъ для того, чтобы „обнажиться отъ земныхъ вещей и быть духомъ съ небесными“, какъ говоритъ св. Варсануфій великій ¹¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшившійся оставить все мірское, поступаетъ весьма благоразумно, когда, по слову Спасителя ¹²⁾, разомъ расстаётся съ своимъ стяжаніемъ, такъ какъ, по ученію блаженнаго Діадоха, „полезное дѣло при самомъ познаніи истины, съ выступленіемъ въ благое служеніе,—оставить безразсудное тщеславіе и не хвалиться богатствомъ, возненавидѣвъ свои пожеланія, дабы намъ не радоваться расточенію имѣнія, и чрезъ то болѣе уничтожить свою душу такъ, какъ бы мы ничего добраго не

⁹⁾ Епископъ Игнатій Брянчаниновъ, стр. 65, 66. ¹⁰⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л 153.

¹¹⁾ Рук. къ дух. жизни, отв. 629, стр. 437. ¹²⁾ Мѣ. XIX, 21.

дѣлали. Ибо доколѣ изобилуемъ богатствомъ, весьма увеселяемся, если дѣйствуетъ въ насъ сила добродѣтели, расточеніемъ онаго, какъ свидѣтельствомъ нашего усерднаго повиновенія Божію повелѣнію, а когда все издержимъ, постигаетъ насъ скорбь безмѣрная и уничиженіе, ибо намъ представляется, что мы не дѣлаемъ ничего достойнаго правды. Посему душа обращается, тогда съ великимъ смиреніемъ къ себѣ самой, дабы то, чего не можемъ приобрѣтать себѣ каждодневно милостынею, стяжать посредствомъ прилежной молитвы, терпѣнія и смиренія“ ¹³⁾. Св. Исаакъ Сиринъ совѣтуетъ имѣющему имѣніе расточить его вдругъ и стать нищимъ для того, чтобы „по благодати Божіей, освободившись отъ попеченій, нищетою своею стать выше міра“ ¹⁴⁾. Съ этою цѣлью св. юродивые и раздавали свое имущество бѣднымъ и все то, что получали отъ добрыхъ людей, отдавали нищимъ. Такъ, св. Прокопій Вятскій, когда получалъ отъ кого хлѣбъ, деньги и т. п., то все это бросалъ нищимъ, больше же всего онъ ничего не бралъ ¹⁵⁾. Про св. Андрея извѣстно, что „еще кто отъ милостивыхъ нищелюбцевъ подаваше ему милостыню, онъ взимая инымъ убогимъ даяше ю, обаче не тако даяше, да познанъ будетъ яко милостыню даетъ, но яко юродъ, сваряся на нихъ, и аки бити ихъ хотя, меташе на лица имъ цаты, яже въ рукахъ имяше, и тако ихъ они собираху“ ¹⁶⁾. Св. Аврамій смоленскій „подаваемая ему раздаваше нищимъ“ ¹⁷⁾. Все, что давали добрые люди св. Андрею Тотемскому, онъ тайно раздавалъ нищимъ ¹⁸⁾. Св. Ѳеодоръ Новгородскій „убогимъ всякое требованіе творяше милостыню неоскудну подавая, и кто подаваше ему въ милостыню что денегъ, одежды, обуви и сѣснаго, вся раздаваше убогимъ и неимущимъ“, не оставляя себѣ ничего ¹⁹⁾.

Интересны приемы, съ какими нѣкоторые изъ св. юродивыхъ давали милостыню: когда св. Андрей получалъ

¹³⁾ Христ. чт. 1827 г., ч. XXVIII, стр. 58. ¹⁴⁾ Сл. 56, стр. 341, 351.

¹⁵⁾ Житія св. Прокоп. и Триф. Вятскихъ. Вятка 1886 г., стр. 42. ¹⁶⁾ Чет. Мин. окт. 2 л. 11. ¹⁷⁾ Авг. 2 л. 100 Чет. Мин. ¹⁸⁾ Кормч. № 40 стр., 534. ¹⁹⁾ Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861.

деньги, то, проходя мимо нищихъ, „игру творяше сребренники; нищіе же аки юрода порѣваху его, и похищашу сребренники. Онъ же ударяше ихъ пястію яко сваряся, и тамо пометая сребренники вси, и отбѣгаше отъ нихъ: нищіе же взявше сребренники и дѣлаху на главы“, или однажды, онъ проходилъ мимо дома, гдѣ жили блудницы, одна изъ блудницъ схватила его за одежду, прибѣжали другія, вырвали у него одежду и покрыли его рогожей ²⁰⁾. Объясненія такого страннаго способа благотворительности св. Андрея дается въ его жизнеописаніи: „се же творчше св. Андрей, да не явѣ будетъ милостыня его“ ²¹⁾.

Значить, глубокое чувство смиренія побуждало св. юродивыхъ скрывать такимъ образомъ свои добрыя дѣла. Вотъ съ какими свойствами проявлялась дѣятельная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ. Она носила характеръ, согласный съ основными требованіями закона Божія о любви къ ближнему, ибо въ дѣлахъ любви (милостыня) спасеніе ²²⁾. А что именно такъ на милостивость смотрѣли св. юродивые, это ясно видимъ изъ наставленія св. Симеона юродиваго діакону Іоанну: „молю тя, брате, да никогоже отъ нищихъ, паче же отъ иноковъ презираеши, и укоряеши: да вѣсть любовь твоя, яко мнози въ нихъ злостраданіемъ очищени суть, и яко солнце сіяють предъ Богомъ. Молю тя, чадо и брате мой Іоанне, всячески тщися быти милосердъ, ибо въ грозный онъ часъ милосердіе паче иныхъ добродѣтелей помощи намъ можетъ, пишется бо: блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь“ ²³⁾.

На основаніи этихъ словъ св. юродиваго Симеона можно заключать, что онъ милосердіе поставлялъ на самую высшую степень нравственнаго совершенства, такъ какъ милостивіи и будутъ помилованы. Кромѣ того милостыня, по словамъ св. Симеона, оказываетъ сильное дѣйствіе на очищеніе и просвѣщеніе души. Въ этомъ увѣряетъ и ученіе св. отцевъ. „Какъ купель крещенія угашаетъ

²⁰⁾ Прол. 2 окт., л. 87.

²¹⁾ Тамъ же.

²²⁾ Прологъ 20 янв., л. 525 об.

²³⁾ Пс. XL, 2; Чет. Мин. 21 іюля, л. 152.

огнь геенскій, такъ милостыня истребляетъ пламень грѣховный. И какъ въ крещеніи однажды дается отпущеніе грѣховъ, такъ непрестанное упражненіе въ благотворительности постоянно низводитъ на человѣка благоволеніе Божіе“, говоритъ преп. Кассіанъ“ ²⁴⁾. „Милосердіе одно все можетъ, увѣряетъ св. патріархъ Іеремія, ибо кто милосердствуетъ и любитъ бѣдныхъ ради Господа, тотъ и освобождается отъ невыплатимаго долга грѣховъ и пріобрѣтаетъ весь міръ за ничтожную цѣну, и вдругъ юнѣетъ и дѣлается безсмертнымъ, и царствуетъ въ небесномъ царствѣ и, какъ вѣрный рабъ, во всемъ послѣдуетъ Господу и царски богатѣетъ по призванію Царя: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра и пр. и, свободный отъ вѣчнаго наказанія, наслаждается всякаго рода радостями въ вѣки“ ²⁵⁾.

Далѣе, почему св. Симеонъ настаивалъ на нищелюбіи? онъ говорилъ, что многіе изъ бѣдныхъ „яко солнце сіяютъ предъ Богомъ“ и, значить, милостынею имъ можно привлечь и къ себѣ это сіяніе. Очищая душу отъ помрачающихъ ее страстей, милостыня въ пламенѣющей чистотѣ любвеобильнаго чувства приближаетъ сердце человѣка къ Богу и въ мірѣ совѣсти открываетъ уму его живыя черты образа Божія. „Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, какъ милостыня, и лично не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета. Наше милосердіе, говоритъ онъ далѣе, пусть будетъ зеркаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и сущности Божіей“ ²⁶⁾. И Самъ Господь сказалъ: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть ²⁷⁾, добавляетъ преп. Дороей, ибо сія добродѣтель особенно дѣлаетъ богоподобнымъ и того, въ комъ она обитаетъ, напечатлѣвая на немъ образъ первобытнаго, нетлѣннаго, благого и непостижимаго существа ²⁸⁾.

²⁴⁾ Христ. чтен. 1835 г., ч. IV, стр. 8. ²⁵⁾ Христ. чтен. 1842 г., ч. I, стр. 248.

²⁶⁾ Слов. 41 и 56, стр. 313 и 350. ²⁷⁾ Лк. VI, 36. ²⁸⁾ Христ. чт. 1835 г. ч. II, стр. 246.

„Какъ тотъ, кто имѣлъ бы другомъ своимъ Бога, замѣчаетъ св. патріархъ Іеремія, чрезъ это самое имѣлъ бы друзьями своими и всѣхъ святыхъ, такъ и тотъ, кто имѣетъ милосердіе, имѣетъ уже и всѣ добродѣтели“ ²⁹⁾). Такимъ образомъ, чрезъ любовь къ бѣднымъ происходитъ непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ. „Хочешь ли умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріавъ въ себя ощущеніе онаго услажденія, непорабощенного чувствомъ?“ спрашиваетъ св. Исаакъ Сиринъ и отвѣчаетъ: „когда внутри тебя обрѣтается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣлъ милостыни производитъ въ душѣ общеніе съ Божествомъ безъ посредства какого-либо времени къ единенію съ славою вѣчности“ ³⁰⁾).

Прилагая это возвышенное ученіе о милостынѣ къ милостивости св. юродивыхъ, мы легко замѣтимъ то ея значеніе и то великое свойство, какія она сообщала св. юродивымъ. Они по истинѣ были великими милостивцами, потому что милостыня ихъ была чистая, правая, „необидимая“, не отъ лихвы и грабежа. Они не разбирали тѣхъ, кому благотворили, а подавали милостыню достойнымъ и недостойнымъ (блудницамъ); не похвалялись милосердіемъ своимъ и не выставались съ нимъ на показъ. Но мы видѣли, что св. юродивые брали всетаки подаванія и раздавали ихъ нищимъ. Св. же Исаакъ Сиринъ говоритъ: „не возлюби стяжанія по нищелюбію, для подаванія милостыни, не ввергни души своей въ смятеніе тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому, не уничтожь чести своей подчиненностію людямъ и, прося у нихъ, не утрать свободы и благородства ума своего въ попеченіи о житейскомъ“ ³¹⁾). Какъ согласить этотъ взглядъ св. отца съ поведеніемъ св. юродивыхъ? Они, какъ извѣстно не просили милостыни. Правда, св. Симонъ Юрьеveckій юродивый просилъ отъ купца Зубарева за спасеніе отъ потопленія купить ему сапоги и рубашку, но просьба св. Симона касалась не столько

²⁹⁾ Христ. чт. 1842 г., ч. I, стр. 246. ³⁰⁾ Сл. 1. ³¹⁾ Сл. 56, стр. 351.

его самого, сколько купца, которому онъ послѣ того какъ онъ забылъ объ обѣщаніи купить сапоги и рубаху, напомнилъ о томъ, что надо быть благодарнымъ за благодѣянія Божіи и милосерднымъ: „нищему протягивай руку твою, говорилъ Зубареву св. Симонъ, если хочешь, чтобы почивало на тебѣ благословеніе Божіе, да не готовь мнѣ рубашки и сапоговъ; они мнѣ не нужны“ ³²⁾. Извѣстно также про св. Василия московскаго, что онъ не отказался принять отъ одного вельможи, котораго любилъ, лисью алаго цвѣта шубу: „добре, добре, господине твори ты якоже хочещи, я люблю тебя“, говорилъ онъ боярину ³³⁾, но потомъ онъ очень скоро разстался съ этимъ подаркомъ. Если нѣкоторые св. юродивые и раздавали принятую милостыню за давшихъ и тѣмъ самымъ располагали ихъ къ милостиности, то иные св. юродивые, какъ напр. св. Серапіонъ, вовсе отказывались отъ раздачи чужого: „я не раздаю чужихъ денегъ“, отвѣчалъ св. Серапіонъ на предложеніе одного человѣка взять для раздачи денегъ (Ковел.). Значитъ, вся суть милостиности св. юродивыхъ зависѣла отъ цѣли, съ какою они ее совершали: они подавали ее въ исходатайствованіе отъ Бога умилоствленія тѣмъ, которые давали имъ, или вызывали ихъ на благотворительность ближнимъ.

Состраданіе св. юродивыхъ выражалось въ ихъ жалостливости къ ближнимъ и состояло прежде всего въ томъ, что они оказывали сильное нравственное вліяніе на ближнихъ, какъ отчасти уже и было замѣчено: гнѣвъ ихъ смиряли своимъ терпѣніемъ, обиды—молчаніемъ, грѣхи, содѣянные противъ себя, прощали съ молитвою за обидѣвшихъ и по апостолу: „съ плачущими плакали, съ радующимися радовались“ ³⁴⁾. Препод. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „тотъ милостивъ, кто когда услышитъ, или увидитъ что-либо печаливающее брата его, возгорится сердцемъ, а равно и тотъ, кто будучи заушенъ братомъ своимъ, не возымѣлъ столько безтыдства, чтобы отвѣчать и печалить сердце

³²⁾ Поспѣловъ, стр. 22.

³³⁾ Кормчій № 32, стр. 436.

³⁴⁾ Римл. XII, 15.

его. Милостивый не только даетъ людямъ милостыню, но и съ радостію терпитъ отъ другихъ неправду и милуетъ ихъ ³⁵⁾. Это одна сторона сострадательности св. юродивыхъ къ ближнимъ. Другая сторона характеризуетъ ихъ со стороны ихъ жалостливости къ людямъ и особенно плохимъ въ нравственномъ отношеніи. Св. юродивые, какъ истинные нищелюбцы, забывали о самихъ себѣ, сами терпѣли всевозможныя лишенія, памятуя лишь о нуждающихся и не имущихъ, потому-что для нихъ не составляло большей и совершеннѣйшей любви, какъ злострадать со други своими и душу свою положить за брата своего. Св. Симонъ Юрьевецкій изъ чувства жалостливости къ бѣднымъ крестьянамъ со всякимъ усердіемъ и немедленно исполнялъ всѣ дѣла, какія ему поручали: безпрекословно мололъ хлѣбъ въ ручныхъ жерновахъ, рубилъ дрова въ лѣсу и носилъ ихъ на себѣ: каждый день много воды носилъ на своихъ плечахъ и помогалъ въ работѣ всѣмъ, кому требовалось ³⁶⁾. Жалостливость св. юродивыхъ рельефно выступаетъ на фонѣ ихъ нравственной дѣятельности въ тѣхъ ихъ поступкахъ, которыми характеризуются ихъ отношенія къ блудницамъ и вообще къ подонкамъ общества, когда они спускаются до настроенія этого презрѣннаго другими класса людей, чтобы знать и ихъ мысли и чувствованія. Св. Василій блаженный (московскій) вращается среди пьяницъ, сидящихъ въ бражныхъ тюрьмахъ ³⁷⁾; св. Симонъ Юрьевецкій часто посѣщалъ кабаки ³⁸⁾; св. Андрей находится въ обществѣ блудницъ ³⁹⁾. Конечно, такое поведеніе св. юродивыхъ и можно только объяснять ихъ сострадательностью къ этимъ погибающимъ людямъ, которыхъ они пытались исправлять и исправляли, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Насколь сильна была сострадательность св. юродивыхъ къ погибшимъ созданіямъ, это видно вотъ изъ какого случая изъ жизни св. Симеона. Однажды замѣтили, что онъ вошелъ въ домъ распутной

³⁵⁾ Слов. 56, стр. 341. ³⁶⁾ Кормчій № 44, стр. 582. ³⁷⁾ Законъ XVI в. на Руси позволялъ только веселиться свободно въ корчмахъ на святкахъ и на святой недѣлѣ, а въ остальное время года буянившихъ пьяницъ помѣщали въ бражные тюрьмы. Кормчій № 30, стр. 416. ³⁸⁾ Тамъ же № 44, стр. 583. ³⁹⁾ Чет. Мин. 20 окт.

женщины и, заперевъ за собою дверь, остался съ ней наединѣ. Потомъ онъ отворилъ дверь и поспѣшно вышелъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ, не смотритъ-ли кто на него. Послѣ того подозрѣніе еще болѣе усилилось, такъ что видѣвшіе его позвали къ себѣ женщину и спросили ее, зачѣмъ у ней былъ Симеонъ и такъ долго. Но женщина клятвенно увѣряла, что уже третій день по бѣдности не было у ней ничего во рту, кромѣ воды, а св. Симеонъ принесъ ей мяса, хлѣба и вина и, заперевъ дверь, предложилъ трапезу съ приказаніемъ, чтобы она ѣла до-сыта, потому что довольно терпѣла отъ недостатка въ пищѣ, остатки же всего принесеннаго взялъ съ собою ⁴⁰⁾. Такимъ образомъ, видно изъ рассказаннаго факта, что св. Симеонъ руководился въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, чтобы доставить блудницѣ прежде всего возможность удовлетворить ея насущнымъ потребностямъ. Для него чуждо было ея занятіе, ея скверное поведеніе, а онъ въ мысляхъ имѣлъ одну только цѣль—накормить блудницу и, въ дальнѣйшемъ можетъ быть, своею сострадательностью привести ее къ покаянію. Сострадательность св. юродивыхъ простиралась и на враговъ. Такъ, препод. Михаилъ Клопскій упрощаетъ игумена обители накормить 30 разбойниковъ, пришедшихъ въ монастырь съ злымъ умысломъ—ограбить обитель ⁴¹⁾. Св. юродивый Симеонъ общается одному человѣку отыскать его вора, но подъ клятвою, что тотъ не будетъ бить вора ⁴²⁾. Нѣжность чувствъ къ людямъ не была чужда св. юродивыхъ. Св. Прокопій Устюжскій часто приходилъ на берегъ рѣки Сухоны и тамъ сидѣлъ на камнѣ, слѣдя за плавающими на лодкахъ и молился „съ жалостію къ Богу о нихъ да сотворитъ имъ тихое плаваніе“ ⁴³⁾. Св. Симеонъ, нѣжно любящій діакона Іоанна, совѣтуетъ ему позаботиться, сколько возможно, о своей душѣ ⁴⁴⁾. Сострадательность св. Андрея къ грѣшникамъ была удивительна: онъ горько плачетъ и молится о прощеніи грѣховъ одного умершаго бо-

⁴⁰⁾ Ковал., стр. 118.

⁴¹⁾ Жит. св. Филарета архіеп. Черниг., стр. 129.

⁴²⁾ Чет. Мин. 21 мая, л. 151 об.

⁴³⁾ Чет. Мин. 8 іюля, л. 50.

⁴⁴⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 152.

гача, часто посѣщаетъ кладбища и молится о умершихъ ⁴⁵⁾. Высшую степень милосердія св. юродивыхъ составляло самопожертвованіе. Св. Серапіонъ Синдонитъ отдаетъ нищему, дрожащему отъ холода, свой послѣдній синдонъ ⁴⁶⁾, а самъ остается нагой и, наконецъ, продаетъ послѣднее евангеліе, съ которымъ никогда не разставался, для того, чтобы выручить изъ бѣды одного должника ⁴⁷⁾. Одинъ разъ онъ въ Лакедемонѣ продалъ себя въ рабство для спасенія одного семейства отъ ереси ^{47*)}. Значить, въ данномъ случаѣ онъ за ближнихъ полагалъ свою душу.

Наконецъ, въ высочайшей степени чувство милосердія у св. юродивыхъ сливается съ чувствомъ безграничной любви. Вотъ какъ описываетъ это чувство св. Исаакъ Сиринъ: „сердце милующаго есть возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи,—о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце его и не можетъ онъ вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему, и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы“ ⁴⁸⁾. Такою именно любовью и отличались св. юродивые. Любя совершенною любовью Бога, они совершенную же любовь переносили и на всѣхъ ближнихъ. Отчасти мы уже познакомились съ фактическими данными, характеризующими такую любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ. Теперь же добавимъ нѣсколько еще фактовъ для полноты представленія безграничной ихъ любви. Св. Ѳеодоръ новгородскій, лишь только спускалась ночь надъ Новгородомъ, бывшимъ въ то время на высотѣ своего ве-

⁴⁵⁾ Окт. 2, л. 12 об. ⁴⁶⁾ Египетскіе монахи, чтобы показатъ свое отреченіе отъ дѣлъ мірскихъ и общенія съ землею, носили по свидѣтельству преп. Кассіана, льняныя туники, безъ рукавовъ, едва достававшія до локтей, такъ что у нихъ руки всегда были совсѣмъ голы. ⁴⁷⁾ Кормчій, 1895 г. № 19, стр. 285. ^{47*)} Кормчій, стр. 285. ⁴⁸⁾ Сл. 48, стр. 254.

личія и политической славы, и шумный городъ предавался сну, обходилъ обители и храмы новгородскіе и молился за свой вольный городъ, за благодѣтелей своихъ, за людей презиравшихъ и гнавшихъ его и за всю Русь православную. Св. Михаилъ Клопскій „всегда молитву приношаше къ Богу, не яко ту о себѣ требоваше, но о другихъ“ ⁴⁹⁾. Св. Василий блаженный со слезами молится вмѣстѣ съ нѣкоторыми благочестивыми людьми объ избавленіи москвичей отъ нашествія татаръ ⁵⁰⁾. Онъ же неутѣшно плачетъ, предвидя пожаръ Москвы и молится Богу о избавленіи города ⁵¹⁾. Когда св. Андрей хотѣлъ согрѣться во время сильной стужи у псовъ, то „иніи кусающе его, отгоняху отъ себя, иніи же сами оставльше его, отвѣчаху“, а онъ вознесъ молитву къ Богу: „буди воля Господня“ ⁵²⁾.

Безграничная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ въ высшей степени знаменательный признакъ ихъ послѣдованія Христу. „О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ ⁵³⁾, сказалъ Онъ своимъ апостоламъ. Вотъ критерій, опредѣляющій отношенія св. юродивыхъ къ ближнимъ. Кто любитъ Бога, тотъ любитъ и брата своего. Св. юродивые любили Бога, значить, они любили и ближнихъ, а любя ближнихъ, они любили и Бога, такъ какъ „не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, Его же не видѣ, како можетъ любити“ ⁵⁴⁾? Дѣйствія любви св. юродивыхъ отличались чистотою. Чистая любовь не ищетъ своихъ си ⁵⁵⁾, не ищетъ своей пользы, а угождаетъ ближнему, во благо, къ назиданію ⁵⁶⁾. Видя брата, впадающаго въ нѣкое прегрѣшеніе, св. юродивые молятся, чтобы Господь возставилъ его ⁵⁷⁾. Такимъ образомъ, будучи чистыми отъ всякаго пристрастія къ земнымъ благамъ и жизненнымъ удобствамъ св. юродивые могли служить ближнимъ безкорыстно и честно со всею пылкостью своего любящаго сердца и, зная, что „сынъ человѣческій не прииде, да послужать Ему, но послужити, и дати душу

⁴⁹⁾ Новг. епар. вѣд. № 24, стр. 1648. ⁵⁰⁾ Кормчій № 30, стр. 416. ⁵¹⁾ Бѣлянкинъ, стр. 17. ⁵²⁾ Чет. Мин., л. 11. ⁵³⁾ Іоанн. XIII, 35. ⁵⁴⁾ 1 Іоанн. IV, 20. ⁵⁵⁾ 1 Кор. XIII, 5. ⁵⁶⁾ Римл. XV, 2. ⁵⁷⁾ 1 Іоанн. V, 16.

свою избавленіе за многихъ“ ⁵⁸⁾, они не мечтали никогда о своемъ превосходствѣ надъ ближними и ничего не принимали по сварливости, или по тщеславію, но, руководясь смиренною любовью, всегда служили братіямъ своимъ, какъ высшимъ себя.

Этими всѣми разсужденіями устраняется то возраженіе, что строгое и суровое подвижничество, сосредоточивая подвижника на помыслахъ о личномъ духовномъ благѣ и спасеніи, способно якобы ослаблять въ немъ чувство христiанской любви къ ближнимъ, участія къ земнымъ невзгодамъ, къ тѣлеснымъ нуждамъ и страданіямъ внѣшняго міра, остающагося за предѣлами ихъ. Мы видѣли, что св. юродивые, обрекавшіе себя на тяжкіе труды и лишенія, были вмѣстѣ и глубоко любящими и участливыми къ людскимъ страданіямъ и несчастіямъ. Участливость иныхъ изъ нихъ не ограничивалась единицами, а простиралась на цѣлое общество, на всю страну, которая подвергалась несчастію. Въ житіи преп. Михаила Клопскаго передается слѣдующее: послѣ продолжительной засухи въ новгородской странѣ оказался неурожай, а за нимъ голодъ. Голодающіе бѣдняки изъ поселянъ толпами стекались къ Клопскому монастырю, прося хлѣба. Не особенно велики были хлѣбные запасы и въ самомъ монастырѣ. Игуменъ спрашивалъ братію „что намъ дѣлать“? преп. Михаилъ отвѣчалъ: „Господь, семью хлѣбами насытившій 4000 народа, не оставитъ и насъ, если будемъ подавать нуждающимся“. Когда продолжалась раздача хлѣба изъ запасовъ монастыря, среди братіи поднялся ропотъ, внушаемый опасеніемъ, что самъ монастырь останется безъ хлѣба. Но исполнились слова вѣры, сказанныя преп. Михаиломъ: по милости Божіей обитель не оскудѣла хлѣбомъ, въ чемъ скоро увѣрились игуменъ и братія. Правда, здѣсь мы видимъ ропотъ монаховъ по поводу милосердія монастыря. Но это значитъ, что источникъ ропота и неподатливости на помощь ближнимъ былъ въ малодушіи или двоедушіи, а не въ духѣ истиннаго подвижничества,

⁵⁸⁾ Мѣ. XX, 28.

до котораго еще не смогли возвыситься такіе изъ братіи. Съ другой стороны, въ виду борьбы съ малодушіемъ братіи, тѣмъ выше является подвигъ св. Михаила, кормителя голодавшаго народа, умѣвшаго побѣждать малодушіе и вразумлять малодушныхъ силою своей любви, вѣры и власти духовной.

Общественное служеніе св. юродивыхъ не ограничивалось ихъ милосердіемъ въ указанномъ смыслѣ, оно простиралось еще дальше. Св. юродивые являлись проповѣдниками покаянія. Какъ Іисусъ Христосъ придавалъ столь великую важность покаянію, что проповѣдь о немъ считалъ цѣлю Своего пришествія на землю: „не придохъ призвати праведники, говорилъ Онъ, но грѣшники на покаяніе“ ⁵⁹⁾; а потому, входилъ въ общеніе съ мытарями и грѣшниками; простилъ жену грѣшницу, слезами омывшую ноги Его въ домѣ фарисея Симона ⁶⁰⁾; не осудилъ, но простилъ блудницу: „ни Азъ тебѣ осуждаю: иди и ктому не согрѣшай“ ⁶¹⁾, такъ и св. юродивые въ своемъ поведеніи подражали Іисусу Христу; они находились въ обществѣ порочныхъ лицъ, чтобы привести ихъ къ покаянію, никогда не осуждали грѣшниковъ, а всегда заботились объ ихъ исправленіи. Такъ, св. Василій блаженный посѣщаетъ бражныя тюрьмы и тамъ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы исправить пьяницъ ⁶²⁾. Св. Прокопій Вятскій часто заходитъ въ корчемницы и въ кабацкія поварни и тамъ насколько ему возможно старается такъ или иначе повліять на грѣшниковъ ⁶³⁾. Св. Симонъ Юрьеvecкій тоже весьма часто приходилъ въ кабаки, конечно, съ цѣлю оказать какое-либо благотворное нравственное вліяніе на пьяницъ ⁶⁴⁾. Но особенно св. юродивые любили заниматься спасеніемъ блудницъ. Св. Симеонъ ходилъ къ блудницамъ, „ища ихъ спасенія“. Иногда онъ говаривалъ блудницамъ,—хотите-ли, что-бы я имѣлъ васъ своими друзьями? я дамъ вамъ 100 златницъ, только не грѣшите. Блудницы, смѣясь надъ нимъ, общались, но

⁵⁹⁾ Мр. II, 17. ⁶⁰⁾ Лк. VII, 37—50. ⁶¹⁾ Іоанн. VIII, II. ⁶²⁾ Кормчій № 30 стр. 416. ⁶³⁾ Жит. свв. Трифона и Прокопія Вятскихъ. Вятка. 1886 г., стр. 41. ⁶⁴⁾ Поспѣловъ, стр. 22.

онъ требовалъ отъ нихъ клятвы, и которая изъ блудницъ давала клятву, онъ дарилъ той деньги, а въ случаѣ новаго ея паденія въ грѣхъ, св. Симеонъ обличалъ ее и до тѣхъ поръ такъ поступалъ, „дондеже истиннаго покаянія неложное обѣщаніе сотворить: и тако святой многія спасе блудницы“ ⁶⁵). Св. Андрей обличалъ блудницъ и уговаривалъ ихъ всѣхъ совлечься той злосмрадной одежды, въ какую облекъ ихъ діаволъ ⁶⁶). Про св. Виссаріона разсказывается: „шелъ онъ нѣкогда чрезъ одну египетскую деревню и, увидѣвъ блудницу, которая стояла у своего дома, сказалъ ей: „ожидай меня вечеромъ, приду къ тебѣ и ночую съ тобою“. Хорошо, авва! отвѣчала блудница. Она приготовилась и постлала ложе. Вечеромъ св. Виссаріонъ пошелъ къ ней и, вошедши въ ея горницу, спросилъ: „приготовила-ли ложе? приготовила авва. Св. юродивый заперъ дверь и сказалъ ей: подожди немного; я только исполню наше обычное правило. И св. Виссаріонъ началъ молиться. Читалъ онъ псалтырь; послѣ каждого псалма молился Богу о ней, прося Его даровать блудницѣ покаяніе и спасеніе, и Богъ услышалъ его. Блудница стояла въ трепетѣ и молилась подлѣ св. Виссаріона. Когда онъ окончилъ чтеніе псалтири, она пала на землю. Св. Виссаріонъ взялъ апостолъ, много прочиталъ изъ него и окончилъ свое молитвословіе. Блудница пришла въ сокрушеніе и, узнавъ, что св. юродивый пришелъ къ ней не для грѣха, но чтобы спасти ея душу, поверглась предъ нимъ и просила: „сдѣлай милость, авва, отведи меня туда, гдѣ могу я угодить Богу“. Св. Виссаріонъ повелъ ее въ женскій монастырь и поручилъ ее настоятельница: „прими сію сестру и не налагай на нее бремени или заповѣди, какъ на другихъ сестеръ, но давай ей, чего она захочетъ, и если захочетъ идти, позволяй ей“. Здѣсь бывшая блудница стала великой постницей и всю остальную свою жизнь благоугождала Богу ⁶⁷).

Лица, отступавшія отъ православной вѣры, составляли предметъ заботливости св. юродивыхъ, и нѣкоторые изъ

⁶⁵) Чет. Мин. 21 іюля, л. 149 об. ⁶⁶) Проп. 12 окт., л. 87. ⁶⁷) Ковал., стр. 69.

нихъ употребляли всѣ возможныя средства для того, чтобы спасти погибшихъ. Такъ, св. Серапіонъ въ Лакедемонѣ продаетъ себя въ рабство одному благочестивому мужу, впавшему въ манихейство, и въ теченіе двухъ лѣтъ своими наставленіями старается отклонить его и все семейство отъ ереси и, достигнувъ цѣли, скрывается отъ нихъ. Онъ же, продаетъ себя за 20 монетъ комедіантамъ-язычникамъ и, живя у нихъ въ великомъ постѣ (питаясь только хлѣбомъ и водою), проповѣдуетъ имъ слово Божіе до тѣхъ поръ, пока они не обратились въ христіанство, съ принятіемъ христіанства они отстали отъ театра и начали жить честно и благочестиво; они говорили своему избавителю: „теперь, братъ, мы отпустимъ тебя на свободу, такъ какъ ты самъ освободилъ насъ отъ постыднаго рабства“. Св. Серапіонъ отвѣчалъ: „поелику Богъ устроилъ, а вы содѣйствовали, чтобы ваша душа чрезъ меня была спасена, то я скажу вамъ всю тайну этого дѣла: сжалившись надъ вашею душою, которая была въ великомъ заблужденіи, я, свободный подвижникъ, родомъ египтянинъ, ради вашего спасенія продался вамъ, чтобы вы освободились отъ великихъ грѣховъ. И теперь я радуюсь, что Богъ совершилъ сіе чрезъ мое смиреніе. Я оставляю васъ и пойду о спасеніи другихъ пецися“ ⁶⁸⁾. Св. Симеонъ обращаетъ въ христіанство семейство нѣкоего харчевника и еврея ⁶⁹⁾.

По требованіямъ обстоятельствъ св. юродивые являлись то въ роли грозныхъ обличителей грѣшниковъ, то въ роли кроткихъ наказателей. Св. Симеонъ ударяетъ по щекѣ юношу и говоритъ ему „не прелюбодѣйствуй“; этотъ способъ достигъ цѣли, и юноша бросилъ гнусное занятіе“ ⁷⁰⁾. Св. Андрей, встрѣтивъ однажды нѣкоего вельможу, плюнулъ на него и сказалъ: „лукавый блудникъ, ругатель церковный! Ты идешь къ утрени какъ будто, а самъ ходишь къ сатанѣ на скверныя дѣла! беззаконникъ, встающій въ полночь и прогнѣвляющій Бога! пришло уже время принять награду по дѣламъ твоимъ! или ты думаешь, что утаишься

⁶⁸⁾ Кормчій № 19, стр. 284 и 285. ⁶⁹⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 149. ⁷⁰⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 147.

страшнаго и всевидящаго ока Божія, „вся испытующаго“ ⁷¹⁾. Въ другомъ же случаѣ онъ является кроткимъ учителемъ благочестія и достигаетъ спасенія ближняго. Одинъ монахъ велъ добродѣтельную жизнь. Всѣ восхваляли его благочестіе, но оно было напускнымъ. Инокъ этотъ страдалъ страстію сребролюбія, и даваемая ему для раздачи бѣднымъ деньги не употреблялъ по назначенію, но „вся въ корвану влагаше, и видя, умножающееся сребро, радовашеся“. Съ этимъ то лицемѣрнымъ инокомъ сребролюбцемъ и встрѣтился однажды св. юродивый Андрей и сталъ пристально на него смотрѣть, а монахъ, принимая его за нищаго и полагая, что онъ хочетъ получить что-нибудь отъ него, сказалъ ему: „Богъ ты да помилуетъ, брате, не имѣю бо ти что дати“. Въ другой разъ, когда св. Андрей снова встрѣтился съ инокомъ-сребролюбцемъ, то, взявъ его за правую руку, сталъ умолять его: „рабъ Божій, безъ гнѣва выслушай меня твоего раба и милостиво пріими убогія мои слова, такъ какъ изъ за тебя я нахожусь въ великой печали и переносить ее уже болѣе не могу, потому что ты сначала былъ другъ Божій, а теперь сталъ слуга сатаны. Имѣвшій серафимскія крылья, зачѣмъ отдался сатанѣ, чтобы съ корнемъ онъ ихъ вырѣзалъ? имѣвшій молніинъ образъ, зачѣмъ сдѣлался темнообразнымъ? горе мнѣ, что ослѣпилъ тебя змій сребролюбія. Ты былъ солнце, но зашелъ въ темную ночь и злую. Зачѣмъ, брате, погубилъ свою душу? зачѣмъ подружился съ сребролюбивымъ бѣсомъ? зачѣмъ далъ ему почивать на тебѣ! зачѣмъ копишь золото? развѣ погребенъ съ нимъ будешь? по смерти твоей все другимъ достанется. Зачѣмъ чужіе грѣхи держишь и хочешь удавиться скупостію? тогда какъ другія умираютъ отъ холода, жажды и голода, а ты, любуясь на свои сокровища, веселишься! Это-ли есть путь покаянія! таковъ-ли чинъ иноческій! такъ-ли отвергся ты міра и яже суть въ мірѣ! такъ-ли распялся міру и всѣмъ суетнымъ! развѣ не слышалъ Господа говорящаго: „не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди, ни двою ризу“ ⁷²⁾? зачѣмъ

⁷¹⁾ Чет. Мин. окт. 2. ⁷²⁾ Мѡ. X, 9.

забылъ эти заповѣди? вотъ сегодня или завтра умрешь, а „яже уготовалъ еси кому будутъ“ ⁷³⁾? не знаешь, что ангелъ хранитель далеко отъ тебя ушелъ съ плачемъ, а діаволъ стоитъ возлѣ и змій сребролюбія обвился вокругъ шеи твоей, а ты его не чувствуешь; умоляю тебя, послушай меня и раздай имѣніе твое нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ, убогимъ, страннымъ и не имѣющимъ гдѣ главы подклонити, да поторопись и снова будешь другъ Божій. А если меня не послушаешь, то погибнешь!“ Кроткое увѣщаніе св. Андрея произвело сильное впечатлѣніе, и монахъ роздалъ все свое имѣніе нищимъ, чѣмъ больше пріобрѣлъ къ себѣ уваженія и распространилъ свою благотворительность ⁷⁴⁾. Изъ этого разсказа видно, какъ сильна была любовь блаженнаго къ грѣшнику и какое сильное желаніе онъ имѣлъ къ тому, чтобы направить на путь спасенія погибшаго. Онъ скорбитъ душою о его гибели, не можетъ терпѣть того вреда, въ какой впалъ сребролюбецъ и кротко умоляетъ его, напоминая о данныхъ отреченіяхъ отъ міра, бросить сребролюбіе. Въ духѣ же кротости и св. Серапіонъ обличилъ гордость одного пустынника. У него былъ обычай молиться вмѣстѣ съ приходящими къ нему. Такъ онъ предложилъ совершить молитву и посѣтившему его одному пустыннику, но тотъ замѣтилъ св. Серапіону, что не смѣетъ молиться съ нимъ по причинѣ множества грѣховъ, что онъ недостойнъ дышать даже однимъ съ нимъ воздухомъ. Св. Серапіонъ хотѣлъ омыть ему ноги, но тотъ не позволилъ по той-же причинѣ. Св. юродивый предложилъ пустыннику ѣсть, и самъ съ нимъ вмѣстѣ сталъ ѣсть. Послѣ этого онъ далъ такое наставленіе пустынножителю: „сынъ мой, если хочешь себѣ пользы, то сиди въ своей кельѣ, будь внимателенъ къ себѣ и своему руководѣлю, такъ какъ по молодости для тебя полезнѣе сидѣть въ кельѣ, чѣмъ выходить изъ нея“. Пустынникъ огорчился. Лицо его измѣнилось, что не укрылось отъ глазъ св. юродиваго, который сказалъ обидѣвшемуся: „вотъ ты сейчасъ говорилъ: я грѣшникъ,—

⁷³⁾ Лк. XII, 20. ⁷⁴⁾ Чет. Мин. окт. 2, л. 13 об. и 14.

обвинялъ себя, какъ недостойнаго, а теперь такъ разсердился, когда я съ любовію давалъ тебѣ совѣтъ! если хочешь быть смиреннымъ, то учись великодушно переносить обиды отъ другихъ и удерживайся отъ празднословія“. Пустыжникъ раскаялся предъ св. Серапіономъ и удалился отъ него, получивъ большую пользу для души ⁷⁵⁾. Такимъ образомъ, наставленіе св. Серапіона дышетъ любвеобильнымъ характеромъ и имѣетъ значеніе характеристики его взгляда на подвижническую жизнь. По его мнѣнію практической аскетизмъ, проявляющійся въ трудолюбіи, не долженъ быть отдѣляемъ отъ созерцательнаго, напротивъ,—практическія занятія (руководѣліе) являются, по его мнѣнію необходимыми—будь внимателенъ къ себѣ и своему руководѣлю.—Значитъ св. Серапіонъ поставляетъ рядомъ самонаблюденіе и трудолюбіе, какъ два явленія, необходимыя въ аскетической жизни. Проявленіе практическаго аскетизма, какъ видно изъ словъ св. Серапіона, идетъ еще далѣе—оно простирается на терпѣливое перенесеніе различнаго рода обидъ отъ другихъ, для укрѣпленія себя въ смиреніи. Такимъ образомъ, при смиреніи предполагать должно въ подвижникѣ терпѣніе и наоборотъ. Вниманіе къ себѣ удерживаетъ отъ празднословія. Значитъ, въ этомъ наставленіи св. Серапіона мы находимъ еще ученіе о трезвеніи, или сердечномъ безмолвіи, пріобрѣтаемомъ прежде всего тогда, когда подвижникъ не выходитъ изъ своей кельи и отдается самонаблюденію.

Иногда обращеніе грѣшниковъ св. юродивые совершали силою своей вѣры въ чудодѣйственную помощь Божію. Такъ, однажды св. Симеонъ юродивый поступилъ въ качествѣ продавца овощей къ нѣкому Фускарію, зараженному севировой ересью. Св. юродивый товаръ весь роздалъ бесплатно нищимъ, а самъ сѣлъ оставшійся — „уже бо цѣлую седмицу не ядыше“.—Фускарій жестоко побилъ св. Симеона и вырвалъ даже ему бороду. Выгналъ онъ его вонъ: св. Симеонъ сѣлъ у воротъ дома. Въ это время женѣ Фускарія потре-

⁷⁵⁾ Кормчій № 19, стр. 285.

бовались горячіе уголья для кажденія въ домѣ. Св. юродивый взялъ изъ печки горячихъ угольевъ голыми руками и потомъ, къ удивленію Фускарія и его жены, высыпалъ ихъ въ полу и держалъ уголья до тѣхъ поръ, пока они не истлѣли. Чудо это такъ поразило Фускарія съ его женою, что они тотчасъ-же приняли православіе ⁷⁶⁾. Въ нѣкоего Балія, „смѣхотворная игрища на позорищи творяща, именамъ Псифасъ“, св. Симеонъ бросилъ камнемъ, который перекрестилъ. Камень ударилъ по правой рукѣ, и она отерпла. Явившись во снѣ Балію, св. Симеонъ взялъ съ него клятвенное слово „не творити болѣе того смѣхотворнаго художества“ и покаяться. И, „воспрянувъ, Балій обрѣтается здравъ, и рука его бѣша исцѣлена“ ⁷⁷⁾.

Св. юродивые не стѣснялись обличать и сильныхъ міра. Св. Іоаннъ Большой Колпакъ, встрѣчаясь съ Борисомъ Годуновымъ, порицалъ его: „умная голова, разбирай Божьи дѣла, Богъ долго ждетъ, да больно бѣтъ“ ⁷⁸⁾. Въ молодые годы Іоанна Грознаго, во время губительныхъ боярскихъ смутъ, когда деспотизмъ и право сильного господствовали въ обществѣ, жизнь св. Василия блаженнаго была живымъ укоромъ людямъ безнравственнымъ и утѣшала невинно страдавшихъ отъ произвола дикихъ страстей. Св. Михаилъ Клопскій запрещаетъ братіи открывать монастырскія ворота одному вельможѣ Григорію и велитъ не принимать его вкладовъ за запрещеніе вельможею пользоваться землею, расположенною вокругъ монастыря и рыбною ловлею ⁷⁹⁾. Св. Николай Псковскій обличаетъ Іоанна Грознаго и предлагаетъ ему покушать хлѣба-соли, а не человѣческой крови и на замѣчаніе царя: „я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ“, говоритъ ему: „ты дѣлаешь хуже, питаешься плотію и кровію христіанскою, забывая не только постъ, но и Бога“ ⁸⁰⁾.

Св. Михаилъ Клопскій, когда князь Димитрій Шемяка просилъ блаженнаго помолиться за него, отвѣчалъ: „довольно бѣдъ натворилъ ты; если еще примешься за то же,

⁷⁶⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 146 об. ⁷⁷⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 147. ⁷⁸⁾ Кормчій № 26, стр. 367. ⁷⁹⁾ Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 24, стр. 1642. ⁸⁰⁾ Ковал., 203.

то со стыдомъ воротишься сюда, гдѣ гробъ ждетъ тебя“ ⁸¹⁾. Архіепископа Евѣимія (Брадатаго) 1424—1428 г. св. Михаилъ обличалъ за корыстолюбіе и лихоимство: „дозволяютъ-ли правила пастырю расхищать свое стадо? для кого ты собираешь?“ въ глаза онъ говорилъ архіепископу ⁸²⁾.

Св. юродивые, не страшась земныхъ страданій, старались выставить на видъ всѣ болѣзни и скорби растлѣннаго человѣчества. „Божница домашня, а совѣсть продажна. По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ. Всякъ крестится, да не всякъ молится“, говаривалъ св. Михаилъ московскимъ купцамъ и знати московской. „Аминь, аминь, а головой въ овинъ. Богъ всякую неправду сыщеть: ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь“, обличалъ онъ распутныхъ женщинъ ⁸³⁾. Св. Симеонъ „въ притворномъ бѣснованіи премногіе человѣки обличаше о тайныхъ грѣсѣхъ ихъ: овыя о нечистотѣ, о татѣбѣ, о клятвопреступленіи, и кождо о всякомъ грѣсѣ его. Обличаше же иныя особѣ, иныя предъ другими, инымъ притчами сказоваше злая дѣла ихъ, да познають свою совѣсть, а инымъ явѣ поношаше о творимыхъ беззаконіяхъ: и тако весь градъ удерживаше отъ грѣховъ смертныхъ, приводя люди въ чувство и въ покаяніе“ ⁸⁴⁾. Св. Николай Кочановъ „глаголаше на улицахъ Новгорода словеса неумѣстныя, обаче нѣкимъ предстоящимъ весьма учительная и полезная: являше иногда движенія странная, обаче не единому соблазнъ дающая, паче же многихъ вразумляющая“ ⁸⁵⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго можно заключить, что св. юродивые центральною цѣлію своего подвижничества полагали спасеніе другихъ. Св. Симеонъ предъ тѣмъ, какъ выступить на это поприще, говорилъ другу своему пустыннику Іоанну: „я пойду въ міръ спасать другихъ и ругаться міру, а здѣсь въ пустынѣ, мы никого не спасѣмъ, кромѣ себя“. Эта цѣль „юродства“ весьма ярко оттъняется въ службахъ св. юродивымъ. Всѣ они были

⁸¹⁾ Жит. св.; Филарета, стр. 130. ⁸²⁾ Тамъ же, стр. 325. ⁸³⁾ Ковал., стр. 207. ⁸⁴⁾ Чет. Мин. 21 іюля л., 151 об. ⁸⁵⁾ Жизнь и чудеса блаженн. Николая Кочанова. Москва. 1891 г., стр. 11.

„содержимы хриstopодобною любовью божественною спасать других“ ⁸⁶⁾. Св. Іоаннъ Устюжскій „многимъ образъ къ добродѣтели своего житія исправленіемъ положилъ“ ⁸⁷⁾. Вся жизнь св. юродивыхъ была училищемъ благочестія для современниковъ: „яко солнце свѣтозарно, добродѣтельнаго ради житія твоего повсюду просіялъ еси, поется въ общей службѣ св. юродивымъ, ибо добродѣтелей твоихъ уясниша вѣрныхъ сердца: кто-бо слышавъ безмѣрное твое смиреніе и терпѣніе не удивится; еже ко всѣмъ кротость и беззлобіе, къ скорбящимъ милованіе и къ сущимъ въ бѣдахъ скорое поможение“ ⁸⁸⁾. Ихъ добровольныя страданія служили во спасеніе другихъ. Вольнымъ своимъ терпѣніемъ св. юродивые учили общество терпѣнію, смиренію и самоисправленію. „Не всё по шерсти, говаривалъ св. Максимъ, ино и напротивъ. Блудливой чушкѣ полѣно на шею. За дѣло побыютъ, повинись, да пониже поклонись. Не плачь битый, плачь небитый“ ⁸⁹⁾, говорилъ св. Максимъ.

Значить, св. юродивые самою своею жизнію составляли всегдашній протестъ противъ тяготѣнія къ земному и мірскому. Своимъ оригинальнымъ поведеніемъ они говорили, что жизнь общества ихъ еще не устроилась по евангелію. Она такъ несовершенна, что, оставаясь среди мірскаго, можно стать скорѣе на путь стремленій къ богоравенству, указанный діаволомъ для нашихъ прародителей ⁹⁰⁾, нежели на путь богоуподобленія, завѣщанный Спасителемъ. Такъ или иначе, „юродство“ есть протестъ противъ несогласія жизни общества съ евангельскимъ ученіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть въ то, чѣмъ заняты мірской человѣкъ, какими заботами поглощена его душа для того, чтобы яснѣе, рельефнѣе представить себѣ значеніе „юродства“. Вѣдь внѣшнія заботы и чувственныя попеченія гораздо шире у человѣка, чѣмъ требованія его плоти. Напримѣръ, вниманіе, удѣляемое имъ плотской половой любви, требующей и большихъ затратъ и времени и душевныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, далеко не покрывается

⁸⁶⁾ Стих. на веч. минея. ⁸⁷⁾ Стих., мая 29. ⁸⁸⁾ Общ. минея. ⁸⁹⁾ Ковал. стр. 207. ⁹⁰⁾ Быт. III, 5.

запросами плоти. „Юродство“ въ данномъ случаѣ своею необычайностію и оригинальнію говорило о томъ, что обычная жизнь міра ненормальна. Раздача св. юродивыми бесплатно товара торговцевъ, ихъ обличенія людской неправды, даже сильныхъ міра, ихъ одинаковое безразличное обращеніе съ худшими членами общества (пьяницами, блудницами),—не есть-ли это явный протестъ противъ злоупотребленія правами имущества, противъ произвола власти, противъ сословнаго высокомерія. Они картиною порока учили добродѣтели, спасали погибавшихъ, жертвуя своимъ добрымъ именемъ. Они разоблачали ту гордость и ненависть, которыя бываютъ неизбѣжными спутниками половой похоти, доводящей её до громадныхъ размѣровъ. Въ этомъ случаѣ „юродство“ является отрицательнымъ способомъ выраженія евангельскаго идеала. Оно научало любить добродѣтель не прямо, а посредствомъ изображенія всей гнусности грѣховъ и страстей и посредствомъ яркихъ картинъ порока. Вѣдь и по истинѣ, для того, чтобы научить добродѣтели, настроить человѣка на истинный путь, отвлечь отъ грѣха, надобно низойти на степень его уровня и по апостолу, быть съ беззаконнымъ, яко беззаконникъ, дабы пріобрѣсть беззаконника; съ немощнымъ, яко немощенъ, чтобы пріобрѣсть немощныхъ, быть, словомъ, всѣмъ вся, чтобы спасти другихъ ⁹¹⁾).

Юродивые поэтому—исключительные типы, выразившіе собою идеально тоску больной совѣсти человѣка. Они важны, какъ яркое свидѣтельство о душевномъ настроеніи человѣка, который хотя сколько-нибудь похожъ на человѣка. Въ иныхъ натурахъ это душевное настроеніе сказывается не такъ ярко, но все же сказывается. Это душевное настроеніе сказывается не только въ трагическихъ, но даже и въ комическихъ явленіяхъ нашей жизни. Такъ, напримѣръ, у Островскаго, его Титъ Титычъ, послѣ всѣхъ своихъ смѣшныхъ похожденій, совершенно неожиданно объясняетъ, что „деньги и все это тлѣнъ и прахъ“ и дѣйствуетъ сообразно съ этими

⁹¹⁾ 1, Кор. IX, 21, 22.

своими мыслями, потому что онъ живутъ въ немъ надъ всѣми наслоеніями дикости, грубости, самодурства. Эти мысли даютъ окраску его жизни, въ нихъ, а не въ безобразіи самая ея сущность. Для иныхъ интеллигентныхъ лицъ подобные переходы отъ безобразія къ покаянiю психологически невозможны; имъ становится непонятнымъ общее настроеніе, дѣлающее возможнымъ подобное явленіе. Интеллигентъ самъ до того уже не способенъ къ подвигу, до того уже не понимаетъ красоту подвига, что въ дѣлѣ, которое совершаетъ юродивый видитъ не глубокий и трогательный подвигъ, а одно суевѣріе, эгоизмъ, фанатизмъ, ненормальность. Если кто нибудь всю жизнь звѣрствовавшій и грабившій, совершаетъ въ своей нравственной жизни переломъ къ лучшему и начинаетъ жить по евангелію, то интеллигентный человѣкъ обыкновенно всѣ подобные факты приводитъ въ доказательство безсилія религіи, видитъ въ нихъ результатъ грубаго ханжества. Между тѣмъ подобный то переходъ отъ худшаго къ лучшему и свидѣтельствуетъ именно о дѣйстви болыной совѣсти и о безконечной силѣ религіозныхъ вліяній. Для народа „юродство“ и служить выразителемъ того состоянія, которое характеризуетъ его, какъ живущаго ненормально, что на его сторонѣ ложь, а на сторонѣ юродиваго правда, потому что правда несомнѣнно на сторонѣ того, кто не имѣетъ гдѣ главы подклонить, кто терпѣливъ, кто не стремится ни къ какимъ правамъ, не ищетъ и не признаетъ этихъ своихъ правъ, кто думаетъ, что человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ, а имѣетъ только обязанности предъ Богомъ, кто отрѣшается отъ всего мірскаго и считаетъ все Божиимъ, кто свободенъ отъ заботъ и гнетущихъ нуждъ этой земной жизни; правда, словомъ, на сторонѣ того, кто или своею мыслию и жизнью, какъ многіе св. подвижники, или хотя одною только жизнью, отрицаетъ ту нехристіанскую общественность, среди которой, во имя которой и мыслию которой мы живемъ, отрицаютъ во имя правды Божіей и завѣтовъ Христовыхъ, отрицаютъ эту общественность съ ея банками, позволимъ выражаться современно, биржами, правами, съ ея принци-

пами комфорта, съ ея парламентомъ и домами терпимости всѣхъ видовъ, родовъ и наименованій. Своею жизнью св. юродивые служили этому именно дѣлу нравственного возсозданія человѣчества; они напоминали всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ единомъ, что есть на потребу, напоминали о томъ, что они живутъ среди страшной и безмѣрной лжи. Скудные притворнымъ умомъ они имѣли умное сердце, которое дальновиднѣе ума, и это сердце указывало имъ путь ихъ жизни, и вотъ почему юродивый не психопатъ, не дурачокъ, какъ многіе думаютъ, а Божій человѣкъ, который смѣло, какъ небесный посланникъ, какъ пророкъ, бичуетъ людскую неправду и, движимый, какою то неземною силою, а не своимъ разсудкомъ, не своею волею, обличаетъ сильныхъ міра. Русскіе художники—историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ изображали историческихъ св. юродивыхъ, какъ положительные типы, какъ носителей Христовой правды, какъ самыхъ яркихъ выразителей больной совѣсти, являющейся въ складѣ русскаго народнаго характера. Если среди интеллигенціи перестаютъ понимать то настроеніе, которое создаетъ юродивыхъ, то въ людяхъ изъ образованнаго общества, на болѣе или менѣе исключительныхъ, тоже настроеніе отражается иногда душевнымъ состояніемъ, приводящимъ къ безумію и преступленію,—тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое изобразилъ съ такою силою Достоевскій въ „преступленіи и наказаніи“. Высшая мечта, высшая тоска, свившія себѣ гнѣздо уже въ опустошенной душѣ, приводятъ Раскольниковъ къ преступленію. Изъ его души была вытравлена вѣра въ Существо безконечно справедливое и милосердное, но потребность вѣры, потребность высшей мечты, тоска по этой мечтѣ остались, и онъ увѣровалъ въ свою фантазмагорію, которою замѣнилъ для себя высшую мечту. Въ концѣ концовъ Раскольниковъ приходитъ къ просвѣтлѣнію. Великое страданіе снова приводитъ его къ Богу. Это и понятно.

Св. юродивые были средствомъ для откровенія воли Божіей подобно тому, какъ прежде Господь говорилъ и чрезъ Валаамову ослицу. А почему именно Господь изби-

раетъ для этой цѣли именно простецовъ, это объяснялось съ народной точки зрѣнія кажется такъ: блаженненькіе болѣе другихъ достойны того, чтобы Господь ихъ устами изрекалъ Свою волю; во первыхъ, по самой своей простотѣ они были чужды главнаго порока, которымъ страдало человѣчество—лжи и обмана; во вторыхъ, св. юродивые много переносили, много страдали, страданія же искупаютъ грѣхи и приближаютъ челоѣка къ Богу, а св. юродивые и были страдальцами за все общество, искавшими случаевъ перенести, потерпѣть. Вотъ почему и правда была на сторонѣ св. юродивыхъ—общественныхъ страдальцевъ, несшихъ на своихъ плечахъ тяготу общества. Притомъ, и народное сознаніе уже давно подмѣтило убійственную силу правды, высказываемую глупымъ или малымъ: „глупый да малый скажутъ правду“, говоритъ русская пословица. И опытъ постоянно подтверждаетъ это. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ тягостнѣе положенія, какъ положеніе родителей, уличаемыхъ въ чемъ-нибудь правдою, почти несознательно высказанною дѣтьми. Шекспиръ во всѣхъ трагедіяхъ своихъ вывелъ шутовъ—по внѣшности глупыхъ людей, роль которыхъ сводилась къ высказыванію правды сильнымъ міра сего—королямъ, правды, прикрытой прибаутками. Это дѣйствіе правды въ устахъ глупыхъ оправдывается и въ исторіи св. юродивыхъ. Іоаннъ Грозный не выносилъ обличеній ни со стороны митрополита Филиппа, ни со стороны бояръ, подвергая ихъ опалѣ и наказанію, но онъ выслушалъ сильное обличеніе изъ устъ Псковскаго юродиваго св. Николая. Вообще надо согласиться съ тѣмъ, что тѣ, въ комъ жила еще непосредственность и нравственное чувство: дѣти, юродивые, старцы—тѣ лучшіе проповѣдники правды. Они изъ природы берутъ её и изъ своего сердца. Вотъ почему въ произведеніяхъ Достоевскаго,—этого знатока страдающихъ и падшихъ душъ,—какъ справедливо отмѣтилъ преосв. Антоній, архіепископъ Волынскій ⁹²⁾, посредниками въ спасеніи и обращеніи на правый путь являются дѣти, женщины

⁹²⁾ Т. III, стр. 313.

и старцы. И по слову Спасителя, въ дѣлахъ вѣры и религии то, что скрыто отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ ⁹³⁾, и по слову апостола: „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамить: и немощная міра избра Богъ, да посрамить крѣпкая“ ⁹⁴⁾.

Значить, можно заключать, примыкая къ мнѣнію проф. Олесницкаго, что цѣль „юродства“ составляло отрицательное представленіе нравственнаго идеала и отрицательное воздѣйствіе противъ испорченнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ безумія и беспорядочности жизни, которыми проникнуть грѣховный міръ, св. юродивые хотѣли сокровеннымъ и незамѣтнымъ образомъ вести его къ мудрости Божіей и къ нравственному исправленію ⁹⁵⁾, всѣмъ своимъ поведеніемъ показывая окружающему обществу, что оно уклонилось отъ того нравственнаго начала, которое должно управлять человѣкомъ въ его нравственномъ поступаніи. Св. юродивые обличали человѣчество своими ненормальными дѣйствіями въ томъ, что у него отсутствуетъ внутренняя внимательность, непрестанное самопознаніе, что, уклоняясь отъ своего назначенія, оно дѣйствуетъ не по волѣ Божіей, опредѣляющей всю дѣятельность человѣка, а по волѣ и влеченію своего единственнаго грѣховнаго сердца. Частнѣе, на примѣръ, нарушеніемъ постовъ (св. Симеонъ ѣлъ колбасу), кощунствомъ въ церкви (онъ же бросалъ орѣхи въ женщинъ въ церкви и въ свѣчи), небрежнымъ отношеніемъ къ церковнымъ постановленіямъ, они являлись строгими обличителями тогдашняго индеферентизма, болѣзни крайне опасной, такъ какъ страждущіе ею не только не сознаютъ своего бѣдственнаго положенія, но и считаютъ его часто вполне законнымъ, естественнымъ, прикрывая его лицемѣріемъ (напр.. сребролюбецъ—монахъ, обличенный св. Андреемъ), охлажденія религіознаго чувства и ослабленія нравственной энергіи воли. Но являясь въ качествѣ проповѣдниковъ положительнаго нравственнаго идеала путемъ отрицательнаго его представленія,

⁹³⁾ Мѡ. XI, 25. ⁹⁴⁾ 1. Кор. I, 27. ⁹⁵⁾ Прав. богос. Олесницкаго, Кіевъ. 1893 г. § 57, стр. 211.

св. юродивые врачевныя средства для того, чтобы вызвать внутреннія силы человѣка на борьбу со зломъ для достиженія нравственнаго идеала, употребляли такого рода, чтобы они дѣйствовали не столько на умъ, сколько на сердце и волю. Своимъ удивительнымъ смиреніемъ они старались уничтожить гордую и пагубную для нравственнаго возрстанія человѣка самоувѣренность въ достоинство своего положенія, пробудить своимъ поведеніемъ ложность такого положенія и желанія освободиться отъ него. Презрѣніемъ даже самага необходимаго въ жизни св. юродивые научали современниковъ нестяжательности и обличали тѣхъ, которые, руководясь практическими цѣлями, думали въ пристрастіи къ внѣшнимъ удобствамъ жизни, къ матеріальному довольству съ пренебреженіемъ, даже забвеніемъ высшихъ духовныхъ потребностей, думали устроить свое счастье. Общеніемъ съ подонками общества, напр., блудницами, кромѣ сакраментальнаго значенія для себя, какъ способа приученія къ индеферентному обращенію съ женщинами, они опровергали самоувѣренное отчужденіе прочихъ отъ этихъ лицъ, какъ будто не заслуживающихъ никакого вниманія, холодное пренебреженіе ими. Ученіе св. юродивыхъ похоже было на то, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ отрицательнаго обнаруженія эстетическаго идеала. „Возможно, говоритъ Покровскій въ своемъ учебникѣ по нравственному богословію, чтобы поэтъ плакалъ незримиыми міру слезами въ то время, какъ смѣется, повидимому, надъ недостатками и пошлостію жизни; возможно, чтобы въ это время предносилсѣ ему положительный, чистый, свѣтлый ея идеаль,— поэтому возможно и отрицательное изображеніе добродѣтели ⁹⁶⁾.

Значеніе св. юродивыхъ особенно сказалось во время общественныхъ бѣдствій. Когда, по благоразумію житейскому, люди стараются унести собственную жизнь и свое достояніе изъ подъ ударовъ грядущаго бѣдствія, мало думая о томъ, куда упадутъ эти удары, лишь бы мимо ихъ, въ

⁹⁶⁾ Нравств. богосл. Самара. 1891 г., стр. 201.

то время люди, руководимые божественною мудростію, забывая о собственных интересахъ, стараются не о томъ, какъ бы скрыться отъ грядущей опасности, а о томъ, чтобы отдалить угрожающее бѣдствіе отъ своихъ собратій, и въ самоотверженной любви, готовой положить душу за други своя, возсылаютъ молитвы къ Богу объ отвращеніи или прекращеніи бѣдствія, внушая и другимъ тоже самое. О св. Прокопѣ Устюжскомъ рассказываютъ, что онъ призывалъ устюжанъ къ покаянію, чтобы отвратить народное бѣдствіе: „покайтесь, братіе, о грѣсѣхъ своихъ, взывалъ онъ, и умиловитѣ Бога пощеніемъ и молитвами, аще ли не покается, вси имате вскорѣ погибнути огненнымъ градомъ; гнѣвъ бо Божій приходитъ; бдите и молитесь, да не внидете въ напасть“. Но когда проповѣди св. Прокопія не внимали, онъ пошелъ по всему городу „проповѣдуя всѣмъ людемъ со многими слезами и съ воплемъ крѣпкимъ, яко приближается казнь отъ Бога, и глаголаше: покайтесь, о человѣцы, плачѣтесь о грѣсѣхъ своихъ и молитесь, дабы Господь Богъ отвратилъ праведный гнѣвъ свой и не погубилъ бы града, якоже Содомъ и Гоморры, за умножившіяся беззаконія“. Когда же и этой проповѣди не послушали („сей человѣкъ безуменъ есть, и никогда-же смысленно что глаголетъ, почто его слушати“ говорили) и когда наказаніе Божіе не замѣдлило наступить, то св. Прокопій со слезами молится Богу словами св. пророка Моисея: „остави, Господи, людемъ грѣхи ихъ, аще же ни, изгладѣ мя изъ книги Твоея“ ⁹⁷⁾. Св. Василій блаженный предъ большимъ Московскимъ пожаромъ (въ 1547 г.) плачетъ неутѣшно и молится Богу о помилованіи людей ⁹⁸⁾. Кромѣ того, изъ житій св. юродивыхъ видно, что они трезвостію и высокою своихъ сужденій прямо возвышались надъ современниками. Многіе изъ нихъ лучше, чѣмъ наиболѣе опытные и проницательные руководители современнаго имъ общества, умѣютъ поднять ходъ общественной жизни, схватить характерныя черты какъ ея дѣятелей, такъ и окружающей

⁹⁷⁾ Иск. XXXII, 32 Чет. Мин. 8 іюля, л. 48 об. и 49. стр. 416.

⁹⁸⁾ Кормчій № 30

послѣднихъ среды. Такъ, св. Лаврентій во время убѣждаетъ князя Симеона напасть на крымскихъ татаръ въ 1512 г. ⁹⁹⁾; св. Николай Псковскій вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Токмаковымъ научаютъ псковичей, какъ принять Грознаго царя, чтобы смягчить его гнѣвъ на милость,—и устроенная, по ихъ наученію, добрая встрѣча царя, тронула ожесточенное сердце послѣдняго ¹⁰⁰⁾. Или—прямая, иногда до грубости, обличенія, направляемая св. юродивыми противъ могущественныхъ и властныхъ деспотовъ-правителей ¹⁰¹⁾; св. Василій блаженный, прозрѣвая настроеніе того-же царя, мечтающаго постоянно о лютыхъ казняхъ, замѣтилъ ему однажды, что онъ былъ не въ храмѣ, а на Воробьевыхъ горахъ, всегда при удобномъ случаѣ и прямо подъ настроеніе,—обнаруживаютъ въ св. юродивыхъ и высоко-проницательный умъ и глубокое знаніе ими человѣческаго сердца. Послѣднее обстоятельство обезпечивало для св. юродивыхъ возможность быть въ самомъ близкомъ сообщеніи съ людьми, входить во всѣ дома безъ различія званій и состояній и въ нужныхъ случаяхъ давать различные совѣты и указанія. Гибкая проницательность ихъ ума и уважалась современниками, и св. юродивыхъ, когда было нужно, приводили къ правителямъ, которые оказывали имъ готовность снисходительно выслушивать ихъ, конечно, ради ихъ наивной простоты да убожества, а не ради добродѣтели, (потому что добродѣтели свои они смиренно скрывали отъ людей, которые, считая ихъ болѣе, чѣмъ ограниченными и нечуждыми обыкновенныхъ внѣшнихъ грѣховъ, не могли и подумать о величій и разумности ихъ нравственныхъ подвиговъ, если имъ приходилось ихъ замѣчать) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаясь за разъясненіями; нѣкоторые св. юродивые несли какъ бы государственную службу при дворѣ. Такъ, св. Лаврентій частенько бываетъ въ домѣ Калужскаго князя Симеона, который посвящаетъ его въ государственныя дѣла

⁹⁹⁾ Карамз. VII, прим. 86. ¹⁰⁰⁾ Заслуга св. Николая выражена ясно въ кондакѣ: „чудотворецъ явился, Николае, царску державу и смысла свирѣпство на милость обративъ“, 27 іюля. ¹⁰¹⁾ Тотъ же св. Николай приглашаетъ Грознаго покушать хлѣба-соли, а не человѣческой крови.

(напр., битва съ татарами); онъ же во время битвы его съ татарами присутствуетъ въ сраженіи и укрѣпляетъ все воинство: „не бойтесь“! ¹⁰²⁾; св. Василій блаженный ходитъ къ царю публично при стеченіи знаменитыхъ особъ; насколько онъ пользовался расположеніемъ за свою дѣтскую простоту видно изъ того, что предъ его смертію московскіе граждане приходили къ нему съ утра до ночи за благословеніемъ и со слезами прощались съ нимъ, прося не забывать ихъ и по смерти ¹⁰³⁾; князь ростовскій и особенно жена его Наталія „призываху св. Прокопія Вятскаго въ домъ свой и служаху ему, сама княгиня тѣло блаженнаго омывающе своими руками и облачающе его въ новыя срачицы, и приводяще его съ собою къ церкви Вознесенія“ ¹⁰⁴⁾. Когда черезъ вельможу Іоанна Немира (новгородскаго) св. Михаилъ Клопскій узналъ о томъ, что великій князь хочетъ идти войною на Новгородъ за то, что граждане противъ воли его выбрали себѣ князя изъ Литвы, по имени Михаила, то онъ сказалъ упомянутому вельможѣ: „зачѣмъ мятутся новгородцы, какъ будто безумные или пьяные; если не утолите гнѣва великаго князя Іоанна, то постигнуть васъ великія бѣды: придетъ сюда Іоаннъ, станетъ на берегахъ Волхова, поплѣнитъ страну вашу, казнить многихъ вельможъ, а другихъ отведетъ въ плѣнъ, тотъ же князь, на котораго вы полагаете надежду, не можетъ помочь ни вамъ, ни самому себѣ и обратится въ бѣгство. Разошлите послы къ великому князю, добивайте челомъ ¹⁰⁵⁾. Высшія духовныя лица тоже обращались къ Михаилу Клопскому и поступали согласно съ его указаніями: архіепископъ Евѣимій проситъ молитвъ св. Михаила и послѣ поставленія на кафедру новгородскую получаетъ отъ него повелѣніе идти въ Москву и тамъ „царствующаго благословеннаго царя Василія гнѣвъ на ся утолити“ ¹⁰⁶⁾. Св. Михаилъ являлся даже третейскимъ судьей. Такъ, когда два вельможи Елевферій и Іоаннъ поссо-

¹⁰²⁾ Кал. еп. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 6. ¹⁰³⁾ Бѣлянкинъ, стр. 21, 27. ¹⁰⁴⁾ Жит. св. Трифона и Прокопія, стр. 40. ¹⁰⁵⁾ Толстой, стр. 202. ¹⁰⁶⁾ Новг. еп. вѣд. № 21, стр. 1403. Царь Василій могъ сердиться на Евѣимія за то, что тотъ рукоположеніе получилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ по благословенію св. Михаила Клопскаго.

рились, то за разрѣшеніемъ обиды пошли къ св. юродивому Михаилу, который одному изъ нихъ сказалъ: „чадо, отвергни отъ себя насилуемая, и самъ припади къ необидимому судьи, яко да ущедритъ тя: зрю бо тя въ велицѣй бѣдѣ суща. Аще ли же не сотвориши сие, яже заповѣдахъ тебѣ, то извѣстно буди ти, яко днесъ будеши нѣмъ, ни двигнутися могій, ни очима воззрѣти“ ¹⁰⁷⁾; князю Димитрію Шемякѣ, пришедшему къ св. Михаилу за благословеніемъ и молитвою о возвращеніи ему престола, онъ предсказалъ гибель ¹⁰⁸⁾; князь Константинъ, лишенный своей отчины въ 1419 г., снова ее возвращаетъ при посредствѣ св. юродиваго Михаила въ 1421 г. ¹⁰⁹⁾; св. юродивые новгородскіе Ѳеодоръ и Николай Кочановъ (юродствовавшіе въ одно время), всегда какъ будто взаимно преслѣдовали другъ друга. Когда блаженному Ѳеодору приходилось быть на Софійской сторонѣ, то св. Николай гналъ его на Торговую; тоже дѣлалъ и св. Ѳеодоръ, когда заставлялъ блаженнаго Николая на Торговой сторонѣ. Эта кажущаяся вражда двухъ противниковъ была назидательнымъ урокомъ для буйной новгородской вольницы, а не вражда двухъ сердецъ, хорошо понимавшихъ другъ друга, и прекрасной характеристикой духа того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ Новгородѣ, во время жизни св. юродивыхъ Ѳеодора и Николая, изъ за самыхъ пустяковъ были постоянныя междоусобія, кончавшіяся весьма часто кровопролитіемъ, разграбленіемъ имуществъ, пожарами и убійствами ¹¹⁰⁾.

Но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что какіе то нищіе вмѣшиваются въ дѣла государственныя, и голосъ ихъ имѣетъ часто рѣшающее значеніе? г. Рущинскій любовь русскихъ къ юродивымъ объясняетъ своеобразиемъ сложившагося на Руси идеала христіанской благочестивой жизни, особеннымъ свойствомъ практическаго нравственнаго религіознаго быта, который, по его мнѣнію, сводился къ двумъ видамъ: это необыкновенное уваженіе къ отшельническимъ подвигамъ и привязанность къ внѣшнимъ пред-

¹⁰⁷⁾ Тамъ же, стр. 1402. ¹⁰⁸⁾ Тамъ же № 24, стр. 1644. ¹⁰⁹⁾ Филар. архіеписк. Чернигов. жит. св., стр. 325, янв. 11 ¹¹⁰⁾ Русс. Пал. № 27, 1892 г., л. 418.

метамъ и пріемамъ благочестія. „Русскіе, говоритъ онъ, имѣли наклонность придавать большое значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ и формамъ благочестія, съ которыми они привыкли отождествлять самую нравственность, благочестіе, русскихъ, ихъ идеаль нравственнаго совершенства, носилъ строго внѣшній и отчасти дѣтскій характеръ. При отсутствіи просвѣщенія и происходящемъ отсюда дѣтскомъ, простосердечномъ, возрѣніи на вещи и при практическомъ складѣ характера, русскій человѣкъ, подобно дитяти, желалъ постоянно имѣть вблизи и окружать себя предметами своего благоговѣнія и почитанія. При отсутствіи религіознаго просвѣщенія и истиннаго пониманія христіанскаго идеала нравственности, русскій человѣкъ видѣлъ высшій образецъ благочестивой и совершенной жизни въ подвигахъ отшельничества. Русскій человѣкъ любилъ все то, что только поражало внѣшнее чувство, что близко было его дѣтскому уму и свойству; этимъ само собою объясняется его любовь и уваженіе къ юродивымъ, которые не встрѣчаютъ ничего себѣ подобнаго въ религіозномъ быту и сознаніи другихъ народовъ и религіозныхъ обществъ ¹¹¹⁾. Такого взгляда г. Рушинскій держится, конечно, подъ вліяніемъ мнѣнія иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII в., а иностранцы (напр. Горсей и Флетчеръ), какъ онъ самъ говоритъ, не щадили рѣзкихъ остротъ и насмѣшекъ при изображеніи какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ русскаго народа, дѣтскій оттѣнокъ благочестія котораго, дѣтскую простоту въ созданіи идеаловъ нравственнаго совершенства и подвижничества, они нашли въ столь свойственномъ русскимъ, необыкновенномъ уваженіи къ юродивымъ, этимъ обманщикамъ, волшебникамъ, оракуламъ, по своей жизни и поведенію, но далеко не по знаніямъ своимъ, напоминавшихъ гимнософистовъ ¹¹²⁾. Значитъ, придавать большое значеніе мнѣнію иностранныхъ писателей нельзя, а находить основанія уваженіе къ св. юродивымъ якобы въ дѣтской простотѣ, характеризующей религіозныя

¹¹¹⁾ Рушинскій. Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII в.в. Москва. 1871 г., стр. 105, 106. ¹¹²⁾ Стр. 104, 105.

воззрѣнія русскихъ и въ вытекающемъ отсюда дѣтскомъ желаніи окружать себя предметами своего почитанія, рискованно. Причины уваженія къ св. юродивымъ русскихъ людей надо искать глубже, въ психологіи самой русской націи. Мы выше имѣли случай говорить о томъ, что русскій человѣкъ цѣнилъ и цѣнитъ разнаго рода страданія и униженія въ дѣлѣ спасенія. И въ настоящее время въ деревняхъ нерѣдко можно видѣть, какъ крестьяне, особенно женщины, утѣшаютъ больныхъ тѣмъ, что самая болѣзнь послѣднихъ посылается во спасеніе души, что она есть посѣщеніе Божіе, а поэтому, надо радоваться, что дается возможность пострадать за свои грѣхи. Мы говорили, что по наблюденіямъ *Θ. М. Достоевскаго* — могучая русская душа разъ сознала свои недостатки и необходимость исправленія—то она требуетъ страданія за всѣхъ и только на этомъ и успокаивается. Въ этомъ то и заключается причина уваженія къ св. юродивымъ русскихъ. Далѣе, ихъ любовь къ ближнимъ должна была снискивать себѣ уваженіе, а глубокое пониманіе юродивыми жизни, влекло народъ русскій къ св. юродивымъ. Св. юродивые не шли ни къ кому, а ихъ самихъ розыскивали и приводили въ дома въ нужныхъ случаяхъ; такъ, новгородскій вельможа, кланяясь въ землю, просилъ св. *Николая Кочанова* посѣтить его и считаетъ присутствіе его великой для себя честью ¹¹³⁾, такъ какъ съ его присутствіемъ водворяется миръ и спокойствіе въ его домѣ. „Множество людей приходяше къ *Аврамію смоленскому* влекоми поученіи его, имиже наставляше ихъ на путь спасенія, со слезами къ покаянію увѣщая грѣшныя, и мнози умиляющеся сердца своими, преставаху отъ грѣховъ, и исправляху житіе свое истиннымъ покаяніемъ“ ¹¹⁴⁾. Св. юродивые, какъ извѣстно, бѣгали людей, т. е. не бывали въ домахъ (напр. *Георгій Шенкурскій*, *Василій блаженный*), а когда было необходимо ихъ присутствіе, то сами являлись въ извѣстные дома. „И приходяше, говорится въ житіи св. *Прокопія Вятскаго*,

¹¹³⁾ Новгор. еп. вѣд., стр. 864, № 14. ¹¹⁴⁾ Чет. Мин. авг. 21, л. 100.

во многіе дома къ жителямъ города Хлынова, идѣже зрять болящаго человѣка, и которому возстати отъ болѣзни, того приѣмля рукама своими, со одра возставляетъ и радуется о немъ; а которому въ болѣзни той умерети, надъ тѣмъ начнетъ плакати и лобзати руцѣ свои, къ персемъ прилагающе и указаніемъ веляше погребальная творити“. Однажды онъ пришелъ въ приказную избу и съ воеводы Жемчужникова снялъ шапку ¹¹⁵⁾ и надѣлъ ее на свою голову. Тотъ съ улыбкой уступилъ ему и мѣсто свое. Св. же Прокопій взялъ его за руку и увелъ въ арестантскую. Прошло немного дней, и воевода по царскому повелѣнію былъ арестованъ на 7 дней за неисправность по службѣ ¹¹⁶⁾. Значитъ, св. юродивые являлись въ дома въ исключительныхъ случаяхъ. За пронизательность ума, за правоту и прозорливость и почитали, особенно русскіе, св. юродивыхъ. Когда св. Василій блаженный обличилъ Іоанна Грознаго въ томъ, что онъ будучи въ храмѣ, думалъ о постройкѣ дворца на Воробьевыхъ горахъ, то царь началъ „читити и бояться его, провидца сердецъ и мыслей человѣческихъ“ ¹¹⁷⁾. Народъ чувствовалъ влеченіе своего сердца къ св. юродивымъ. къ ихъ дѣтской простотѣ, любилъ ихъ за то, что они были вѣстниками правды Божіей, сосудами благодати Божіей, за то, что они, предсказывая грядущія бѣдствія, вели народъ къ покаянію и къ молитвѣ объ избавленіи отъ нихъ, уважалъ за то, что они проливали слезы въ горячей молитвѣ за своихъ современниковъ, почиталъ за то, что они были вѣрными сынами церкви и преданными гражданами отечества.

Такимъ образомъ, эти внутреннія чувства, привлекали уваженіе народа къ святымъ юродивымъ, а не скудость просвѣщенія, или дѣтскость религіозныхъ понятій русскихъ. Впечатлѣніе, какое производили св. юродивые на общество не умирало въ немъ, а напротивъ закрѣпляло уваженіе къ св. юродивымъ и заставляло преклоняться предъ нравственнымъ величіемъ этихъ людей, вѣра которыхъ была

¹¹⁵⁾ Воеводы по татарскому обычаю сидѣли въ шапкахъ въ то время.

¹¹⁶⁾ Кормчій № 50, стр. 604. ¹¹⁷⁾ Тамъ же, № 30, стр. 417.

такъ сильна, что они чувствовали близость Бога, любовь которыхъ была такъ велика, что невольно покоряла себѣ сердца всѣхъ. Это выражалось особенно сильно послѣ смерти св. юродивыхъ, когда всѣ жители плакали по нимъ неутѣшно. По смерти, напр., св. Михаила Клопскаго „пріде архіепископъ со многимъ освященнымъ соборомъ и всенароднымъ множествомъ течаху бо быстринамъ рѣчнымъ подобящеся, слезы непрестанно ліюще. Старѣйшины града яко наказателя рыдаху; юноши хранителя и буести воздержника; вдовицы заступника; сирые питателя; младенцы наказателя; иноцы спутника; странные упокоеніе и вси общаго предстателя плакаху, а иже невѣдуще погребенія преподобнаго слезами своими себе обливаху, укоряюще себе и недостойными нарицающеся“ ¹¹⁸⁾.

Но возвратимся къ выясненію служенія св. юродивыхъ обществу. Ихъ подвигъ на степень государственной службы возвышался даромъ предвѣдѣнія и предсказыванія будущаго. Такъ, св. Симеонъ предсказываетъ въ 588 г. землетрясеніе ¹¹⁹⁾, моровую язву ¹²⁰⁾; св. Михаилъ Клопскій предсказалъ паденіе Новгорода, архіепископство Іонѣ, провидѣлъ рожденіе собирателя русской земли ¹²¹⁾; предвѣщали пожары (напр. св. Ѳеодоръ Новгородскій говаривалъ вслухъ: „Это мѣсто чисто будетъ“; или „хорошо будетъ съять рѣпу“ ¹²²⁾; или св. Николай Псковскій предупреждалъ предъ пожаромъ: „желѣзныя двери, желѣзные затворы“ ¹²³⁾). Св. Прокопій Вятскій предъ пожарами билъ въ набатъ за нѣсколько дней ¹²⁴⁾; предсказывали голодъ ¹²⁵⁾, урожай ¹²⁶⁾, извѣщали о строгихъ царскихъ указахъ ¹²⁷⁾, предвѣщали

¹¹⁸⁾ Новг. еп. вѣд., стр. 1647, № 24. ¹¹⁹⁾ Въ царствов. Маврикія. ¹²⁰⁾ Чет. Мин. 21 юля, л. 148. ¹²¹⁾ Толстой. Святѣи и древности Новгор., стр. 198, 202. „Той будетъ всему русскому царствію наслѣдникъ и всѣмъ окрестнымъ странамъ страшень будетъ и сей Новаграда обладателемъ будетъ и гордыню вашу упразднить и въ свою волю васъ приведетъ и все самовластіе ваше разрушить“. Дѣйствительно, въ 1440 г. 22 янв. род. Иванъ III и въ 1471 г. покорилъ Новгородъ. ¹²²⁾ Русск. Пал. 1892 г., № 27, стр. 418. ¹²³⁾ Словарь историческій, стр. 120. ¹²⁴⁾ Кормчій № 50, стр. 663. ¹²⁵⁾ Св. Ѳеодоръ: „берегите хлѣбъ“, предупреждалъ бывало. ¹²⁶⁾ Св. Прокопій Устюжскій носилъ въ лѣвсей рукѣ 3 кочерги и если въ который годъ держалъ ихъ вверхъ, то былъ урожай, а внизъ, то голодъ, л. 49 и 50 Чет. Мин. 8 юля. ¹²⁷⁾ Св. Прокопій Вятскій предъ тѣмъ, какъ должно быть строгимъ указамъ, „ходя по торгу. поставляше древца поряду и бѣяше тѣ, аки людей“; тамъ же.

общественныя бѣдствія ¹²⁸⁾, рожденіе великихъ людей ¹²⁹⁾, общественныя должности нѣкоторыхъ ¹³⁰⁾, будущее положеніе сильныхъ лицъ ¹³¹⁾, смерть иныхъ ¹³²⁾, отвращали своею прозорливостію отъ преступленій и т. подоб. ^{132*)}. Значить, св. юродивые являлись для современнаго имъ общества вѣстниками правды Божіей. Разсматриваемое съ этой стороны „юродство“ напоминаетъ ветхозавѣтное пророческое служеніе. Проведемъ параллель между этимъ служеніемъ и „юродствомъ“. Ветхозавѣтные пророки, выходя изъ всѣхъ классовъ еврейскаго народа, имѣли различныя служенія. Одни изъ нихъ, какъ Ілія и Елисей, были мужи труда и борьбы; другіе, какъ Ісаія, Іеремія и Амосъ, учили и пророчествовали; одни возставали противъ насилія и нечестія царей, другіе—вообще противъ пороковъ и развращенія нравовъ. Но всѣ они одушевлялись однимъ и тѣмъ же мотивомъ и духомъ; всѣ они защищали вѣру въ единаго Бога противъ идолопоклонства, правду и право—противъ чужого господства. Свое высоко-нравственное ученіе пророки ясно и открыто возвѣщали всѣмъ и каждому. Отъ ихъ громкаго гласа не скрывался ни царь, ни

¹²⁸⁾ Св. Прокопій Устюжскій предсказалъ бѣду Устюжанамъ отъ гибели огнемъ и градомъ, Прол. 8 іюля, л. 73 об. ¹²⁹⁾ Онъ же поклонился въ землю за

• вечерней въ церкви трехлѣтней дѣвочки Маріи и пророчески сказалъ: „се грядетъ мать великаго Стефана епископа, учителя Пермскаго“, такъ что слышавшіе удивились, потому что Пермь была тогда страной языческой. Чет. Мин. 8 іюля, л. 49 об.

¹³⁰⁾ Св. Михаилъ Клопскій предсказалъ архіепископство игумену Θεодосію и его удаленіе съ каѳедры. Филар. арх. Черниг. житія св. янв. 11, стр. 128. ¹³¹⁾ Св. Василиій блаженный предъ смертію своею царевичу Θεодору пророчески сказалъ: „вся пра-

родителей твоихъ, твоя будутъ, и наслѣдникъ будешь имъ“. Прол. 2 авг., л. 5. ¹³²⁾ Св. Ѳома Келесерійскій предсказалъ смерть нѣкому Анастасію, Чет. Мин. 24 апр., л. 108 об., св. Прокопій Вятскій—смерть сына одного священника.

^{132*)} Однажды у одного Константинопольскаго вельможи умерла дочь, завѣщавшая предъ смертію похоронить себя въ склепѣ, устроенномъ въ загородномъ виноградникѣ. Просьба ея была исполнена. Въ то время, когда несли гробъ на погребеніе, за похоронной процессіей слѣдилъ одинъ воръ, грабившій драгоценныя вещи съ покойниковъ, чтобы съ наступленіемъ ночи похитить всѣ драгоценности. Проходившій здѣсь же св. Андрей уразумѣлъ злыя мысли вора и, желая отвлечь его отъ худого дѣла, предсказалъ ему слѣпоту въ случаѣ, если онъ вздумаетъ воровать. Хотя воръ удивился прозорливости св. Андрея, но всетаки отправился совершать гнусное дѣло. Но лишь только онъ снялъ всѣ одежды съ покойницы, какъ вдругъ она поднялась и ударила его рукой по лицу, и воръ ослѣпъ отъ страха. И вспомнилъ онъ тогда святаго Андрея и „дивляшеся, яко прѣвидѣ и прорече все имущее ему быти и исполнися его пророчество“. Чет. Мин. 2 окт., л. 11 об. и 12.

вельможа, ни священникъ, ни простолюдинъ. Они вездѣ— и въ храмѣ, и при городскихъ воротахъ, въ чертогахъ царя и въ тюрьмахъ изрекали свое слово, возвѣщали истину всякому желавшему и не желавшему слышать ихъ проповѣдь. Къ царю Давиду, какъ къ простому смертному, явился пророкъ Нааванъ и смѣло обличилъ его въ совершенномъ преступленіи. Будучи, такимъ образомъ, вѣстниками божественной воли, пророки своею жизнію первые показывали примѣръ ея исполненія. И дѣйствительно, ихъ жизнь была вполнѣ безукоризненна. Предъ вступленіемъ въ свое служеніе, они оставляли всѣ мірскія заботы, забывали свой домъ, родныхъ и даже семейства. Они скитались, не заботясь о своихъ чувственныхъ потребностяхъ и до того отличались нестяжательностью, что цари посылали имъ вмѣсто драгоценностей нѣсколько хлѣбовъ ¹³³). Этого мало. Пророки готовы были переносить всѣ угрозы, упреки, заключенія, страданія; они готовы были даже на смерть ¹³⁴). Дѣйствія пророковъ облакались таинственностью и имѣли глубокой символическій смыслъ. Такъ, напр., супружескій союзъ пророковъ былъ не слѣдствіемъ побужденій природы, а дѣломъ высокаго ихъ служенія, или непосредственно открытой имъ воли Божіей „иди“, говоритъ Господь, св. пророку Осіи, пойми себѣ жену блужденія, и опять возлюби жену любящую зло и любодѣйцу“ ¹³⁵), для того, конечно, чтобы этимъ дѣйствіемъ изобразить развратъ еврейскаго народа. Предсказывая трехъ-лѣтній плѣнъ египетскій и еѳіопскій отъ ассиріянь съ его послѣдствіями, Господь велитъ св. пророку Исаіи: „иди и сверзи вретѣще съ чреслъ своихъ, и сандалія твоя иззуй съ ногъ твоихъ, и сотвори сѣце, ходя нагъ и босъ“ ¹³⁶), св. пророку Іезекиилю Господь повелѣваетъ сдѣлать слѣдующее для изображенія плѣна: „возьми себѣ плинеу и положи ю предъ лицомъ твоимъ, и да напишеша на ней градъ Іерусалимъ: и да даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки,

¹³³) 3. Цар. XIV, 3.
III, 1.

¹³⁴) Мѣ. XXIII, 30, 31; Дѣят. V, 52.
¹³⁵) XX, 2.

¹³⁶) Осіи I, 2,

и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. Ты же возьми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою и между градомъ, и да уготовиши лице твое нань, и будетъ въ затворѣ, и затвориши и: знаменіе сіе есть сыномъ израилевымъ. Ты же да спиши на лѣвомъ боку твоємъ, и да положиши неправды дому Израилева на немъ, по числу дней пятьдесятъ и сто, въ няже поспиши на немъ и возмешь неправды ихъ. И совершиши сія, и поспиши на деснѣхъ ребрѣхъ твоихъ второе, и возмешь неправды дому Іудина чотыредесять дней, день за едино лѣто положихъ тебѣ“ ¹³⁷⁾. Одинъ изъ сыновъ пророческихъ въ искаженномъ видѣ, съ покрываломъ на головѣ предсталъ Ахаву ¹³⁸⁾. Іеремія нѣсколько времени носилъ на шеѣ яремъ и чрезъ пословъ, приходившихъ къ Седекіи, послалъ его къ сосѣднимъ царямъ ¹³⁹⁾. Іезекіиль обрилъ голову и бороду мечемъ и одну часть волосъ сжегъ среди города, другую изрубилъ мечемъ, а третью развѣялъ по вѣтру ¹⁴⁰⁾. Пророчества свои они обращаютъ часто не къ людямъ, а къ неодушевленнымъ предметамъ, напр. горамъ ¹⁴¹⁾ и говорятъ имъ, какъ одушевленнымъ существамъ ¹⁴²⁾ и проч.

Св. юродивые, тоже принадлежа къ всякому классу общества ¹⁴³⁾ хотя общественное свое служеніе проходили различнымъ образомъ, но были всѣ одушевлены однимъ желаніемъ возвѣщать вездѣ и всюду правду Божию, ведя людей къ покаянію, всѣ они возставали противъ произвола власти, противъ проявленія грубо-дикихъ страстей. Чуждые мірскихъ интересовъ, преслѣдуемые и озлобляемые людьми, св. юродивые подобно пророкамъ были всегда преданы челоуѣчеству и во всѣхъ его опасностяхъ и скорбяхъ являлись первыми поборниками и утѣшителями. Угрожала ли небесная кара? молитвенный вопль ихъ смягчаетъ грозное опредѣленіе суда Божія. Тяготѣло-ли на плечахъ народа ярмо рабства? они, на защиту его, небоязненно являлись

¹³⁷⁾ IV, 1—6. ¹³⁸⁾ 3 цар. XX, 37, 43. ¹³⁹⁾ XXVIII, 23. ¹⁴⁰⁾ V, 1—3.
¹⁴¹⁾ Іезек. VI, 3. ¹⁴²⁾ Тамъ же, 34. ¹⁴³⁾ Были среди нихъ князья, крестьяне, священники, купцы, монахи и пр.

предъ царей съ обличеніемъ и угрозою; они мужественно возвышали свой голосъ, обличали, преслѣдовали нечестіе въ чертогахъ сильнаго, не щадили соблазна и въ порфирѣ. И жизнь св. юродивыхъ вполнѣ соотвѣтствовала той правдѣ, какую они возвѣщали людямъ. Прежде всего страхъ Божій рождалъ въ ихъ сердцахъ благое послушаніе, это въ свою очередь производило отверженіе отъ міра и презрѣніе всего земного, а отъ этого происходило терпѣніе, рождающее смиреніе, отъ ихъ глубокаго смиренія проистекало умерщвление своей воли, отъ чего увядали у нихъ всѣ корни чувственныхъ потребностей, а цвѣли только и приносили плодъ однѣ добродѣтели, а отъ умноженія добродѣтелей получалась чистота сердца и, затѣмъ, апостольское совершенство, завершаемое любовью. При такихъ своихъ добродѣтеляхъ св. юродивые становились, подобно пророкамъ, сосудами чрезвычайныхъ Божьихъ дарованій и были здѣсь, на землѣ представителями небеснаго Царя. Дѣйствія ихъ, направленные къ исправленію грѣшниковъ, отличались сакраментальностью и имѣли символическое значеніе. Извѣстно, что св. юродивые, подобно пророкамъ, предсказывали юродствуя, загадочными фразами ¹⁴⁴⁾, нравственное воздѣйствіе старались оказать на другихъ путемъ различныхъ ненормальныхъ дѣйствій, намековъ и т. п. ¹⁴⁵⁾.

Такимъ образомъ, пророчество, какъ общественное служеніе въ юродствѣ имѣетъ своимъ основаніемъ великіе примѣры въ жизни и дѣяніяхъ св. пророковъ, которые дѣйствовали не отъ себя, но по внушенію Духа Божія. Но такое ихъ служеніе нѣкоторыми не признается, какъ имѣющее право гражданства, и самые представители его считаются лжепророками. Это доказывалъ еще въ 1860 году на страницахъ „Нашего времени“ (№ 34) г. Прыжовъ въ статьѣ объ одномъ юродивомъ: „Иванъ Яковличъ, лжепро-

¹⁴⁴⁾ Св. Симеонъ „непознавательнѣ будующая провѣщаваше“ Чет. Мин. 21 іюля.

¹⁴⁵⁾ Пр. Михаилъ Клопскій, предсказалъ архіепископство Іонѣ, поднявъ его за уши, когда онъ былъ маленькимъ и сказавъ: „учись книгамъ, великъ будешь“. Новг. еп. вѣд. № 24; св. Симеонъ предъ землетрясеніемъ ударяетъ палкою по домамъ; св. Прокопій предъ неурожаемъ держитъ 3 кочерги внизъ и пр.

рокъ“. Лжепророчество—это такое ужасное преступленіе, въ которомъ посягають на имя Божіе и даже на вдохновеніе божественное въ дѣлахъ и словахъ одной лжи и обмана: это самый губительный и нетерпимый видъ духовнаго святотатства. Поэтому, сколько не простительно было бы, замѣтивъ такое преступленіе, молчать о немъ, не выводить его на чистую воду истины, столько же въ обличеніи его надобно быть основательнымъ и осмотрительнымъ. И такъ, стоитъ разобрать, на сколько основателенъ отзывъ г. Прыжова о И. Я. Корейшѣ, юродивомъ студентѣ Петербургской Духовной Академіи.

Основаніе къ разбору труднаго вопроса о лжепророчествѣ находимъ у св. апостола Іоанна Богослова: „возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ“, и далѣе дается такое правило къ распознаванію лжепророчковъ: „о семъ познавайте Духа Божія и духа лстча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша отъ Бога есть“; исповѣдуетъ, разумѣется, не такую вѣроу, которою исповѣдуютъ иные Бога вѣдѣти, дѣлы же отменятся Его, но вѣроу, входящею въ самую силу исповѣдуемаго боговоплощенія, слѣдовательно, исповѣдуетъ, движась Христовымъ челоѣколюбіемъ къ очищенію самого плотскаго или матеріальнаго и земнаго отъ грѣховныхъ сквернъ. „И всякъ духъ иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша“, т. е. не признавая основанія истины и добра въ Богѣ Словѣ и именно въ духѣ той Его любви къ челоѣчеству, по которой Онъ „плоть бысть“,—такой духъ „отъ Бога нѣсть“ ¹⁴⁶⁾. По такому-ли правилу изучалъ г. Прыжовъ юродиваго И. Я.? напротивъ, во всей его статьѣ, показывающей впрочемъ въ немъ специальное знакомство съ древностями, по крайней мѣрѣ со старинной русской жизнью, нѣтъ ни одной черты, взятой изъ искусства распознавать лжепророчковъ, какому учить св. Іоаннъ Богословъ. Надобно или быть совсѣмъ безумнымъ, безъ всякаго

¹⁴⁶⁾ 1 Іоан. IV, 1—3.

остатка здраваго смысла, или смотрѣть на каждого человѣка прямо глазами той вѣры, что ради этого человѣка сдѣлался человѣкомъ, жилъ и умеръ плотію самъ Сынъ Божій, надо входить по возможности и въ самую силу расположенія этой любви Христовой къ человѣчеству, чтобы вести ненормальный образъ жизни съ цѣлью слѣдить за житейскими нуждами и заниматься вопросами людей, къ чему собственно и сводилось „юродство“. Смотри очами Христова человѣколюбія на людей, дѣйствительно удобно замѣчать свѣтящійся и въ житейскихъ нашихъ дѣлахъ и затрудненіяхъ, даже во тьмѣ разныхъ дрязгъ земныхъ, свѣтъ любви Отца Небеснаго, не отвергающаго пока еще ни одного грѣшника. И вотъ св. юродивые и ихъ истинные подражатели (въ родѣ И. Я. Корейша) слѣдили во всемъ и на всѣхъ за этимъ духовнымъ свѣтомъ къ намъ во Христѣ, т. е. любви. Въ комъ они примѣчали чистоту и свѣжесть души, требующую только духовной поддержки, чтобы послужить къ духовному освѣженію и другихъ въ этомъ мірѣ,—такимъ у нихъ и была готова нужная поддержка. Въ комъ они замѣчали, что духовная красота даровъ Божіихъ, относящихся къ душѣ или тѣлу, растеряна въ рассѣянности или даже замѣнилась безобразною наготою разныхъ житейскихъ гадостей и духовнаго безчувствія, такимъ они прямо и наглядно показывали это духовное ихъ нечестіе ¹⁴⁷). Ужасъ и отвратительность того положенія людей, въ которомъ знать они не хотятъ Сына Божія въ своей жизни или мысли, въ которомъ потому нѣтъ мѣста и для любви Отца Небеснаго, почивающей только въ Сынѣ и, ради Его благодати, простирающейся на созданія, они выражали своимъ негодованіемъ (ударяли иногда такихъ людей, напр. св. Андрей ударилъ по щекѣ блудника). Такія дѣйствія св. юродивыхъ имѣли значеніе, очевидно, болѣе, нежели только символическое; символы составляютъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ означеннымъ ими предметамъ, а въ дѣй-

¹⁴⁷) Напр. св. Симеонъ Юрьевецкій въ кабакѣ пьетъ водку, когда ему подносятъ, но такъ, что она течетъ только по нему, а въ ротъ не попадаетъ; Писльовъ, стр. 22.

ствіяхъ св. юродивыхъ выражалась непосредственно мысль и движеніе его духа.

Св. Андрей посмотрѣлъ на „вора звѣрообразно и яко гнѣваяся рече“ (л. 11).

Но г. Прыжова смущаетъ темная загадочность дѣйствій юродивыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ имъ надо было выражать свои предреченія и вообще мысли не прямо? но, вѣдь, дѣлать дѣло, со всею открытостью его значенія и силы, хорошо и кстати было бы только тогда, когда мы находимся среди готоваго вниманія и сочувствія именно къ силѣ своего дѣла. Много-ли у насъ занимающихся житейскими дѣлами съ духовнымъ разсужденіемъ; съ пониманіемъ духовнаго и въ житейскихъ матеріальныхъ вещахъ? много-ли ведущихъ духовную жизнь, жизнь по благочестію, но такъ, чтобы умѣть или только хотѣть и въ дѣлахъ земныхъ прозирать и выдерживать силу духовную, духъ и силу Христа, сошедшаго ради насъ съ неба на землю? у насъ ужъ если захотятъ жить по Божьи, то для такихъ уже всѣ среды, гдѣ труждаются и обременяются разнымъ образомъ люди, составляютъ только грѣшный погибающій міръ. Или если уже кто, руководясь исключительно практическими цѣлями, займется дѣлами или вещами, относящимися къ земному, то онъ словно черезъ рубиконъ перешелъ отъ всего духовнаго, Христова. Что-же теперь дѣлать человѣку, который живетъ по Божьи, но такъ, что входитъ и въ духъ Божьей любви къ намъ немощнымъ и грѣшнымъ людямъ и потому стремится помочь братьямъ въ несеніи тяготы житейскихъ нуждъ и дѣлъ, въ которыхъ обыкновенно проводитъ всю свою жизнь человѣкъ,—помочь именно чрезъ упроченіе духовнаго значенія и за этими дѣлами и нуждами человѣческими? Прямо и открыто повести это дѣло—значить почти только увеличить отвѣтственность людей за духовную ихъ невнимательность. „Такъ пусть же буду я въ глазахъ людей дуракомъ и безумцемъ, пока наконецъ сами люди не образумятся вести по духовному и житейскія свои дѣла, въ которыя погружены“, разсуждали такъ св. юродивые. И въ такомъ случаѣ зага-

дочность, приточность словъ, дѣйствій остается единственнымъ средствомъ къ возбужденію въ людяхъ духовной внимательности и разсудительности, или по крайней мѣрѣ, только духовнаго сочувствія. Для этой цѣли, и по тѣмъ же причинамъ, Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Первообразъ и Первооснова для всякаго истинно добраго и разумнаго дѣла, во время земной жизни, употреблялъ приточно-загадочный образъ рѣчи и дѣйствій, имѣя прямое назначеніе научать людей истинѣ, для этой же цѣли и пророки рѣчь свою и дѣйствія прикрывали символами.

Св. юродивые, предвидя въ цѣляхъ спасенія другихъ то, что имѣетъ быть впереди, не основывались, при этомъ, ни на какихъ внѣшнихъ данныхъ, подобно астроному или политику. Не лишне кстати объяснить—какимъ образомъ сообщается человѣку даръ вѣдѣнія будущаго для того, чтобы устранить возраженіе, что св. юродивые въ предсказываніи будущаго уподоблялись якобы языческимъ прорицателямъ и дѣйствовали въ состояніи сумашествія, какъ полагали еще даже современники ихъ. Такъ, о св. Симеонѣ юродивомъ говорили, что онъ знаетъ будущее не отъ Бога, а отъ бѣса и что предсказываетъ въ состояніи безумія ¹⁴⁸⁾, а предсказанія св. Прокопія Устюжскаго считали безсмысленнымъ бредомъ: „сей человѣкъ безуменъ есть, и никогда-же смысленно что глаголетъ, почто его слушать ¹⁴⁹⁾).

При сообщеніи человѣку истиннаго пророчества происходитъ воздѣйствіе Духа Божія на духъ человѣческій, которое возвышаетъ естественныя силы человѣка до сверхъестественнаго состоянія. Въ этомъ состояніи человѣческій духъ не пассивенъ, но настолько-же активенъ, насколько и при воспріятіи впечатлѣній внѣшняго міра. По этому взаимодействію божественнаго Духа на человѣческій духъ, божественная истина усваивается не механически послѣднимъ, но, говоря нѣсколько вульгарно, переваривается въ сознаніи и дѣлается собственностью воспринимающаго лица. Очевидно, здѣсь личныя силы человѣка служатъ содѣйствующимъ

¹⁴⁸⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 151 об.

¹⁴⁹⁾ Чет. Мин. 8 іюля, л. 48 об.

щими факторами откровения и обуславливают его. Такъ и должно быть. Только на этой гармоніи силъ божескихъ и человѣческихъ и основывается откровеніе. Св. юродивые— не мечтательные умы, не болѣзненные натуры, носящія въ своей крови много магнитной силы и потому могущія говорить свободно о будущемъ. Нѣтъ, это умы здоровые, ясные и спокойные. Предсказанія ихъ имѣютъ твердый характеръ, какъ-бы часто ни обманывала надежда, повидимому, какъ бы далеко не затягивалось исполненіе предсказанія, какъ бы сильно не противорѣчилъ предреченію дѣйствительный ходъ вещей,—все это не смущало св. юродивыхъ, не беспокоило и не сбивало съ толку. Они съ неподвижностью скалы держались за свои откровенія. Они, подобно живописцу, рельефно рисовали картину будущаго, внося въ нее новыя и, притомъ, самыя мелкія, опредѣленные черты (напр. предсказаніе св. Михаила Клопскаго о паденіи Новгорода, предреченіе св. Николая Псковскаго о томъ, что Іоанну Грозному не придется громить Псковъ и т. п.). Есть-ли какое-нибудь сходство св. юродивыхъ съ языческими прорицателями? всѣ операціи, по которымъ изрекали языческіе прорицатели будущее, основывались на обманѣ. Чрезъ хитрость они старались распространить свою практику. Отъ обмана наживали себѣ деньги и развивали корыстолюбіе. Вотъ черты, говорящія о нравственной испорченности языческихъ прорицателей. Затѣмъ, самыя предсказанія угадывались по шуму листьевъ въ Додонѣ. Шумъ листьевъ додонскаго дуба язычники принимали за таинственный голосъ самаго Зевса и всячески пытались разгадать его волю. По сказанію Геродота отвѣты давались женщинами, а истолкователями ихъ были жрецы. Для истолкованія шума листьевъ священнаго дуба требовалось особенное вдохновеніе. Средствами вызыванія вдохновенія служили обряды: омовенія, куренія, питье воды изъ священнаго источника и т. п. Кромѣ шума листьевъ священнаго дуба, провѣщательное значеніе видѣли въ пѣніи птицъ, гнѣздившихся на вѣтвяхъ дерева, въ звукѣ мѣдныхъ сосудовъ, въ журчаніи источника и въ снахъ, видѣнныхъ

жрецами, когда они засыпали на землю на принесенных дарахъ. Въ Дельфійскомъ прорицалищѣ шарлатаны вдохновлялись еще болѣе, чѣмъ въ Додонскомъ. Главною сценою прорицалища была пещера, изъ которой выходили одуряющіе холодные газы, приводившіе человека въ болѣзненное, ненормальное состояніе. Дѣйствіе этихъ холодныхъ испареній доводило пиѳію до того, что она вздрагивала, металась, говорила или кричала самыя безсвязныя, непонятныя фразы. Предъ процессомъ одуренія пиѳіа постилась, купалась въ Касталійскомъ источникѣ, надѣвала длинную мантию, распускала волосы, на голову надѣвала золотой вѣнецъ, жевала лавровый листъ и садилась надъ упомянутой пещерой на треножникъ. Ея безсвязныя сентенціи и фразы, изреченныя въ экстатическомъ состояніи, истолковались, какъ и въ додонскомъ прорицалищѣ, жрецами; послѣдніе, конечно, объясняли эти фразы по своему субъективному взгляду, а главное, соображаясь съ обстоятельствами тѣхъ лицъ, къ которымъ относилось пророчество.

Изъ представленнаго краткаго очерка о главныхъ греческихъ оракулахъ легко можно видѣть—отъ чего зависѣло и въ чемъ состояло вдохновеніе языческихъ прорицателей. Здѣсь мы видимъ совершеннѣйшій контрастъ св. юродивымъ—предсказателямъ. У послѣднихъ вдохновеніе становилось сознательнымъ актомъ и сообщенное чрезъ вдохновеніе воспринималось, хотя въ возвышенномъ, но всетаки нормальномъ настроеніи духа. Не то у языческихъ прорицателей. У нихъ была полная потеря сознанія. И къ великому удивленію, только это болѣзненное настроеніе духа и считалось у язычниковъ единственнымъ средствомъ къ воспріятію сверхъестественныхъ откровеній. Даже знаменитая александрійская школа учила, что истинное откровеніе возможно тогда, когда духъ познающій выступитъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ сознаетъ различіе между началомъ познающимъ и предметомъ познанія. Для познанія верховной истины и верховнаго начала единственное средство заключается въ непосредственномъ созерцаніи или въ такомъ состояніи сознанія, когда въ немъ умолкаютъ всѣ

опредѣленные мысли, представленія, и весь духъ приходитъ въ нераздѣльное единство съ самимъ собою и съ источникомъ бытія. Такое состояніе александрійскіе мыслители называли экстазомъ. Только въ такомъ состояніи человѣческому духу непосредственно предстаетъ верховное, несказанное начало всякаго бытія. Въ этомъ состояніи и находились св. юродивые, когда пророчествовали; такъ, о св. Андреѣ замѣчается, что предъ пророчествованіемъ „онъ нечувствовать себе нача на многъ часъ“ ¹⁵⁰).

Затѣмъ, выше мы имѣли случай замѣтить, что значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ опиралось на ихъ чудодѣйственной силѣ. Они выступали въ качествѣ чудотворцевъ тогда, когда нужно было помочь людямъ въ тѣлесныхъ нуждахъ, или привести народъ къ покаянію и спасенію. Такъ, о св. юродивомъ Михаилѣ Клопскомъ разсказывается: „бывшу бездождію въ великомъ Новгородѣ, и въ окрестныхъ мѣстахъ три лѣта: не токмо же источникомъ, но и рѣкамъ изсохнути отъ бездождія. И абіе помолися святой, и потрясеса мѣсто, и изыде источникъ воды неизчерпаемая, даже до днесь. И всѣ приходящіи людіе пріимаху отъ него воду на потребу себѣ“ ¹⁵¹). Будучи вообще снисходительными къ слабостямъ человѣческимъ св. юродивые употребляли иногда свою чудодѣйственную силу для наказанія явной несправедливости, наглой обиды ближняго безстыдною ложью и для вразумленія забывающихъ Бога и идущихъ противъ своей совѣсти. Такъ, св. Симеонъ, подобно древнему пророку Елисею, наказалъ издѣвавшихся надъ нимъ отроковицъ искривленіемъ глазъ и лобзаніемъ искривленныхъ глазъ исцѣлилъ ихъ; гнушавшіяся же цѣлованія дѣвицы остались такъ, не смотря на всѣ свои просьбы потомъ исцѣлить ихъ. Причину своей невнимательности къ нимъ св. Симеонъ объяснилъ такъ: „аще не бы искривилъ очесъ ихъ Богъ, то превзошли бы блудодѣйствомъ всѣхъ женъ сирійскихъ. искривленія же ради очесъ ихъ не имуть быти таковы“ ¹⁵⁰). Мнимо умершій дѣйстви-

¹⁵⁰) Чет. Мин. октяб. 2, л. 12. ¹⁵¹) Прол. 11 янв., л. 27 об. ¹⁵²) Чет. Мин. 21 июля, л. 150.

тельно умираетъ послѣ того, какъ св. Василій блаженный покрылъ его шубою, выпрошенной недобрыми людьми, якобы на погребеніе мнимо-умершаго товарища и сказалъ: „буди отнынѣ мертвъ во вѣки за лукавство твое—лукавнующіе погребятся“ ¹⁵³). Насмѣхавшіяся дѣвушки-продащицы надъ наготою блаж. Василія теряютъ зрѣніе и послѣ слезныхъ моленій и глубокаго смиреннаго раскаянія получаютъ исцѣленіе послѣ того, какъ Василій подулъ каждой въ глаза ¹⁵⁴). Исцѣливъ глаза одного крестьянина, св. Симеонъ отпускаетъ его съ такимъ наставленіемъ: „се здоровъ еси, ктому не кради козъ у сосѣда твоего“, а знатнаго эмесскаго гражданина послѣ исцѣленія предупреждаетъ не прелюбодѣйствовать ¹⁵⁵).

Не входя въ детальное разсмотрѣніе чудесной стороны подвига „юродства“ и не останавливаясь на рѣшеніи вопросовъ, какіе обыкновенно ставятъ протестанты, отвергающіе чудеса временъ послѣ апостольскихъ, что противно св. Писанію ¹⁵⁶), на томъ основаніи, что они или невозможны или бесполезны, или несовмѣстимы съ порядкомъ и управленіемъ вселенной, замѣтимъ только, что чудесное относится ближайшимъ образомъ къ божественному откровенію, къ вѣрѣ христіанской, которая сама имѣетъ основаніе въ предвѣчныхъ и преестественныхъ совѣтахъ Божіихъ, и что чудо и составляетъ объясненіе и доказательство Промысла Божія. Чудо предполагаетъ собою паденіе человѣка: если бы не было паденія, то не было бы нужды и въ чудесахъ. Такъ какъ люди заблудились, выступили за предѣлы нормальнаго порядка вещей и сдѣлались неспособными къ спасенію безъ Божіей помощи, то Богъ подалъ людямъ Свою помощь и подаетъ ее въ лицѣ своихъ избранниковъ, и это божественное благодѣяніе составляетъ источникъ всѣхъ чудесъ. Значитъ, всѣ чудеса направлены къ духовному назиданію и утвержденію въ добрѣ, и подлинно: всѣ св. юродивые употребляли чудесную силу то для исправленія грѣшниковъ, то для вразумленія и предупрежденія другихъ,

¹⁵³) Кормчій № 32, стр. 436. ¹⁵⁴) Тамъ же. ¹⁵⁵) Чет. Мин. 21 іюля, л. 151, 152. ¹⁵⁶) Мѣ. XVII, 21; XXI, 21; XVI, 17, 18; Іакова V, 14—18.

то для обращенія въ христіанство (св. Симеонъ исцѣляетъ еврея, и тотъ принимаетъ крещеніе и т. п.). Такимъ образомъ, можно заключить, что Господь посредствомъ чудесъ Своихъ избранныхъ свидѣтелей истины все сильнѣе и сильнѣе напоминалъ, какъ и теперь напоминаетъ, о высшей цѣли, къ которой должны стремиться члены Его Царства и о превосходномъ пути любви, которымъ здѣсь, на землѣ, должно шествовать.

Еще одинъ вопросъ—о посредствѣ или орудіяхъ, употребляемыхъ св. юродивыми при чудотвореніяхъ (напр. дуютъ въ глаза, цѣлуютъ въ больныя мѣста, наступаютъ на больную ногу, какъ св. Іоаннъ Устюжскій, умываютъ снѣгомъ, какъ св. Андрей Тотемскій старшину дикарей Ажбака и прочая). Эти посредства не приближаютъ св. юродивыхъ къ какимъ-либо оракуламъ или волшебникамъ, какъ несправедливо думали иностранцы (Горсей и Флетчеръ) и современные фельетонисты въ родѣ г. Розанова и Скабичевского, а показываютъ только то, что источникъ силы чудесъ не въ юродивомъ, а внѣ его—въ всемогущей силѣ Господней. Вѣдь, и Самъ Господь Спаситель, вполнѣ обладая собственною чудотворною силою, однимъ словомъ утишившій бурю и воскресавшій мертвыхъ, иногда находилъ нужнымъ употреблять посредства: влагалъ персты въ уши, дѣлалъ брєніе отъ плюновения, касался слюною языка нѣмыхъ и т. п. Эти посредства нужны были не для Его чудотворной силы, которая была дѣйствительна и безъ нихъ, а для возбужденія вѣры въ исцѣляемомъ и въ народѣ, для показанія, что и въ другихъ средствахъ врачеванія дѣйствуетъ Его-же чудодѣйственная сила и для смиренія человѣческой гордости и въ особенности гордости ума—этого тягостнѣйшаго и погибельнѣйшаго грѣха. Отсюда, въ орудіяхъ, употребляемыхъ св. юродивыми при чудотвореніяхъ мы должны усматривать желаніе ихъ нравственно воздѣйствовать на души исцѣляемыхъ и возбудить въ нихъ вѣру въ силу Божію.

Сводя все сказанное къ одному общему знаменателю, нельзя не придти къ тому заключенію, что самоотверженная

любовь къ ближнимъ проходить красною нитью чрезъ всю общественную дѣятельность св. юродивыхъ, источникомъ святыхъ чувствованій въ сердцахъ которыхъ было божественное сердце Спасителя. Какъ вѣрные Его подражатели, сравнивающіе постоянно свою душу съ житіемъ Христовымъ ¹⁵⁷⁾, по словамъ св. Тихона Задонскаго, преобразуясь въ Его образъ, воспринимая отъ Него силу Его любви, св. юродивые обращали изліянную въ ихъ сердцахъ часть божественной любви на тѣхъ людей, съ которыми они поставлены были въ общеніе. Какъ Господь поднялъ на рамо Свое заблудшее овца,—родъ человѣческій—и понесъ на Себѣ его немощи, страданія и грѣхи, такъ и св. юродивые возлагали на душу свою душу брата своего и испытывали въ самихъ себѣ его искушенія, болѣзни и скорби (напр. общеніе съ падшими людьми). Они, очевидно, живо чувствовали, что всѣ члены церкви суть члены одного тѣла Христова и, потому, когда страдалъ какой-нибудь членъ, близкій къ нимъ, страдали и они (напр. согрѣшившій монахъ высылается изъ храма, и св. юродивый Виссаріонъ считаетъ свое присутствіе въ храмѣ недостойнымъ по причинѣ грѣховъ и тоже уходитъ). Когда огонь соблазна воспламенялся въ ближнихъ, онъ дѣйствовалъ и на ихъ сердце, возбуждая въ немъ иной огонь, огонь жалости, любви и ревности о славѣ Божіей и о спасеніи ближнихъ (молитвы слезныя св. юродивыхъ). Потери для св. юродивыхъ—пріобрѣтеніе, страданіе изъ любви—потребность души, жизнь—непрестанное служеніе для другихъ. Такое самоотверженіе въ св. юродивыхъ происходило изъ подражанія Христу ¹⁵⁸⁾ и св. апостолу Павлу, который, подражая Спасителю, и всѣхъ вѣрныхъ увѣщаетъ облегчать состраданіемъ и участіемъ въ немощи немощныхъ и не себѣ угождать, но ближнему въ созиданіе, указывая на образецъ божественнаго искупителя: „ибо Христосъ не Себѣ угоди“ ¹⁵⁹⁾.

Такимъ образомъ, сила любви Іисуса Христа, изливающаяся въ сердца чадъ Своихъ, есть чистый источникъ

¹⁵⁷⁾ Излож. Христ. ученія. Спб. 1869 г., стр. 286.

¹⁵⁸⁾ 1 Кор. XI, 1.

¹⁵⁹⁾ Римл. XV, стр. 1—3.

состраданія къ немощнымъ и падающимъ для истинныхъ учениковъ Христовыхъ. Но для этого небеснаго источника въ самой душѣ подражателей Христовыхъ есть глубокое основаніе, много способствующее къ сохраненію состраданія, есть чувство, служащее къ подкрѣпленію христіанскаго состраданія къ ближнимъ—это смиренное ощущеніе своей немощи и склонности къ грѣху. Это ощущеніе, доведенное св. юродивыми до высшей степени совершенства, усиливало и охраняло въ нихъ чувствованія снисхожденія и состраданія къ грѣшнымъ собратьямъ, побуждая любить ихъ, какъ самихъ себя ¹⁶⁰⁾, принимать участіе въ ихъ несчастіяхъ съ тѣмъ внутреннимъ чувствомъ, съ какимъ онъ испытываетъ эти несчастія въ самомъ себѣ. Такая самоотверженная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ и служила подавательницею пророчествъ, была причиною и чудотвореній ¹⁶¹⁾. Св. Симеонъ „милосердствуя о бѣсноватыхъ молитвою своею многихъ прогна бѣсовъ ¹⁶²⁾. Эта любовь побуждала ихъ „чтити всѣхъ, какъ образы Божіи, всѣмъ благожелать и благодѣтельствовать, предъ всѣми смиряться и всѣмъ угождать въ предѣлахъ добра, съ радующимися радоваться и соскорбѣть скорбящимъ, никого не осуждать и не уничивать, даже въ мысли и въ чувствѣ, истины не скрывать, въ учителя не навязываться и больше всего хранить миръ и согласіе со всѣми,—съ готовностію на всякія для того съ своей стороны жертвы ¹⁶³⁾.

ГЛАВА IX.

Безстрастіе, какъ завершеніе подвига „юродства“. Проявленіе высшей степени святости въ св. юродивыхъ. Выясненіе факта восхищенія св. юродиваго Андрея въ рай и сущность полученнаго имъ откровенія въ раю.

Св. юродивые, живя въ міру, вращаясь среди людей и соблазновъ міра, не отклоняли своего сердца отъ христіанской настроенности, потому что свою жизнь они не только

¹⁶⁰⁾ Мѣ. XXII, 39; Іоанна XV, 18. ¹⁶¹⁾ Путь ко спасен. ч. III, стр. 331.
¹⁶²⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 156 об. ¹⁶³⁾ Невидимая брань. Москва. 1892 г. стр. 244.

начинали во Христѣ, но и продолжали ее въ Немъ. Они служили Богу въ мірѣ, но жили духомъ въ удаленіи отъ міра¹⁾. Какъ въ духовномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи необходимо уединеніе для образованія сильныхъ и глубокихъ характеровъ. Обдуманность, самопознаніе, умѣнье владѣть собою, самоиспытаніе, духовная мудрость бываютъ плодомъ молитвъ и созерцаній. Въ такихъ духовныхъ упражненіяхъ св. юродивые приближались къ небу, и мірскія блага теряли въ ихъ глазахъ свою преувеличенную цѣну; силы ихъ послѣ молитвенныхъ подвиговъ возобновлялись, и св. юродивые всегда были готовы къ новой духовной дѣятельности съ полною вѣрою въ то, что ихъ подкрѣпитъ такая помощь, которая выше всякой земной. Увлекаемые силою воли къ внѣшнимъ и внутреннимъ подвигамъ, св. юродивые старались достигнуть такого состоянія, чтобы ни во внутренней, ни во внѣшней природѣ своей ничего не слышать, никакихъ не ощущать движеній, кромѣ одной мысли, которая бы, какъ струя свѣта, была неподвижно устремлена къ Богу, т. е. состоянія безстрастія. Вся ихъ жизнь и была временемъ приученія себя къ безстрастію. Мысль о Богѣ была насущною потребностію св. юродивыхъ, которые представляли себя постоянно въ присутствіи Божіемъ, или въ памятованіи о Богѣ. Но это составляетъ только одну сторону созерцанія св. юродивыхъ. Другую же высшую сторону созерцанія ихъ составляло постоянное ихъ размышленіе о безконечномъ величій Божіемъ, требующее для себя всего человѣка. Такое-то созерцаніе и вело св. юродивыхъ къ безстрастію. При такомъ созерцаніи по ученію св. отцевъ „прежде всего должно всѣми мѣрами удерживать помыслъ, установивъ надъ нимъ трезвенный надзоръ ума, чтобы не позволять душѣ предаваться не обузданнымъ стремленіямъ по влеченіямъ тѣла, ибо когда душа, приводя въ движеніе свою мысленную силу, какая естественно вложена въ нее сотворившею ее св. Троицею, желаетъ должнаго и надлежащаго, тогда избѣгаетъ она нападеній тѣла,

1) Аки безплотенъ, аки ангель и т. п., такъ воспѣваетъ церковь.

предусматривая и обуздывая беспорядочныя его движенія, блюдетъ въ себѣ приличную ей тишину, и среди безмолвнаго досуга занимается свойственными ей созерцаніями; и сіе дѣлаетъ, по возможности, возводя внимательный взоръ къ достопоклоняемой Троицѣ, и умозаключая о неприступности Божіей славы по преизбытку ея сіянія о свѣтлости блаженства, о безпредѣльной премудрости, о постоянствѣ и неволненности безмятежія, объ естествѣ безстрастномъ и неподвижномъ. Посему душа, соблюдающая мысленную свою силу въ трезвѣніи и приличныхъ дѣйствіяхъ, утвердится въ описанныхъ выше созерцаніяхъ и будетъ упражнять свою нравственность въ томъ, что правильно, справедливо, благопристойно, мирно. А какъ скоро прекратитъ размышленіе и перестанетъ углубляться въ надлежащія созерцанія, возставшія тѣлесныя страсти, какъ безчинные и наглые псы, надъ которыми нѣтъ надсмотрщика, начинаютъ сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отдѣляя себѣ часть ея жизненной силы ²⁾). Очевидно такъ широко понимаемое созерцаніе должно было составлять постоянное занятіе всей жизни св. юродивыхъ. Св. Григорій Богословъ, на себѣ испытавшій благотворныя слѣдствія созерцанія, такъ восторженно говоритъ о немъ: „сѣдая моя голова и согбенные члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, и между ними много и кратковременныхъ наслажденій, но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочнѣе славы—приблизиться къ Божеству пренебеснаго Бога“ ³⁾). Путь къ этой славѣ—созерцаніе, или, какъ выражается Григорій Богословъ, „мысленное переселеніе къ Богу“ ⁴⁾), только при такомъ состояніи духа и возможна безстрастность какъ къ своему внутреннему я, такъ въ отношеніи другъ къ другу. Св. Василий Великій такъ развиваетъ эту мысль: „человѣкъ сотворенъ по образу Божію, а грѣхъ, увлекая душу въ страстныя пожеланія, измѣнилъ красоту образа. Итакъ,

²⁾ Твор. св. Василия Велик. ч. V, стр. 390, 391.
ч. V, стр. 256.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 123.

³⁾ Твор. св. Григ. Богосл.

необходимо возвратиться къ первоначальной благодати, которой люди стали чуждыми чрезъ грѣхъ. чтобы снова украсить себя по образу Божію, безстрастіемъ уподобившись Творцу, необходимо направить попеченіе на то, чтобы душа никогда не была обладаема никакою страстью, а напротивъ того, чтобы мысль при нападеніи искушеній, оставалась непоколебимою, и чтобы чрезъ то сдѣлались мы причастниками Божія блаженства“ ⁵⁾). Эти слова ставятъ насъ на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ св. Василій Великій, строя идеаль подвижника. Подвижникъ долженъ достигнуть такого самообладанія, чтобы быть выше всѣхъ и внутреннихъ и внѣшнихъ случайностей въ своей жизни и строго заправлять всѣмъ ея ходомъ, не допуская ни малѣйшихъ уклоненій. Самая любовь, которая должна быть душою всей его дѣятельности ⁶⁾), должна быть вполне сознательною и находится подъ неуклоннымъ наблюденіемъ разума ⁷⁾). Вообще, какъ можно больше разумно-духовнаго, и какъ можно меньше безсознательнаго, случайнаго—плотскаго—вотъ задача внутренней жизни и внѣшней дѣятельности подвижника, надъ которою онъ долженъ трудиться цѣлую жизнь, чтобы достигнуть безстрастія. Чѣмъ ближе подходитъ подвижникъ къ безстрастности, тѣмъ больше онъ является аскетомъ ⁸⁾). Такимъ образомъ, безстрастіе есть стремленіе къ богоподобию, при которомъ всѣ страсти утихаютъ. Какъ тѣло человѣка находитъ удовлетвореніе потребностямъ своимъ въ жизненныхъ началахъ, изъ которыхъ оно составлено, въ воздухъ, водѣ и въ сродныхъ ему питательныхъ веществахъ, а разобщенное съ ними умираетъ, такъ и богоподобный духъ его только тогда можетъ найти полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и жить истинно своею жизнію, когда будетъ въ непрерывномъ союзѣ съ Богомъ, Котораго онъ есть дыханіе и образъ. Орелъ, надѣленный способностью къ высшему полету не довольствуется пареніемъ около земли, или въ низшихъ слояхъ воздуха, а любитъ устремляться въ воздушныя высоты,

⁵⁾ Ч. V, стр. 68.

⁶⁾ Ч. V, стр. 81.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 290.

⁸⁾ Ч. VI,

стр. 390, 391.

парить выше и выше, чтобы ближе наслаждаться видѣніемъ солнца, такъ и богоподобный человѣческій духъ, созданный съ преимущественнымъ стремленіемъ парить умомъ своимъ въ небо и Вѣчность, къ Самому Солнцу міра духовнаго, не можетъ удовлетвориться познаніемъ не только земныхъ вещей, но и всего сотвореннаго. Богоподобный человѣческій духъ, созданный съ безграничнымъ стремленіемъ, естественно стремится къ своему безпредѣльному Началу и Первообразу, и въ Немъ только находитъ полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ духовнымъ потребностямъ и стремленіямъ, а все вещественное, временное и конечное, какъ несродное ему и несоотвѣтствующее безграничнымъ его стремленіямъ, не можетъ потому его удовлетворить. Вотъ причина того, почему св. юродивые всѣ силы своего ума устремляли къ Богу. Посвящая почти все время богоговѣйнымъ размышленіямъ о Богѣ, созерцая отраженіе Его совершенствъ въ видимомъ мірѣ и въ собственномъ духѣ, разсматривая пути промысла Божія въ мірѣ и въ особенности стараясь, при свѣтѣ сверхъестественнаго откровенія Божія, уразумѣвать чрезвычайное проявленіе благости, правды и премудрости Божіей въ дѣлахъ людей, при пособіи указанныхъ средствъ богопознанія и при непосредственномъ озареніи отъ Отца свѣтовъ, со дня на день яснѣе познавали Бога, побуждаясь безпредѣльностью и непостижимостію существа и совершенства Его къ новымъ и новымъ размышленіямъ о Немъ. Въ непрерывно-приращающемся вѣдѣніи о Богѣ св. юродивые для своего ума находили наиболѣе сродную, самую питательную и никогда неоскудѣвающую пищу и высокое наслажденіе. Подобно тому, какъ дѣти естественно влекутся къ своимъ родителямъ по единству природы ихъ съ природою родителей, такъ и духъ св. юродивыхъ естественно всѣми силами и всѣмъ своимъ существомъ неудержимо стремился къ соединенію съ своимъ Первообразомъ. Стремясь познать Бога, уподобиться Ему въ нравственномъ совершенствѣ, св. юродивые при свѣтѣ этого познанія и при озареніи свыше яснѣе познавали и самихъ себя. Преуспѣвая, при

помощи благодати Божіей, болѣе и болѣе въ любви къ Богу и для стяжанія этой любви подавляя въ себѣ самолюбіе, охраняя сердце свое отъ любви къ міру и силою самой любви къ Богу покоряя и истребляя всѣ страсти, св. юродивые нравственно возвышались свободою духа и въ самомъ чувствѣ собственной любви къ Богу, вкушая уже неизъяснимую сладость, чувствовали они себя вполнѣ блаженными, когда удостоивались возчувствовать въ сердцѣ своемъ и любовь къ себѣ Божію, по слову Господа: „Азъ любящія Мя люблю“ ⁹⁾, воспламеняясь чрезъ то еще большею любовью къ Нему. Ревнуя уподобиться Богу въ святости, стараясь быть совершенными ¹⁰⁾, осуществляя въ себѣ образъ совершенствъ, явленныхъ въ жизни и дѣлахъ Богочеловѣка, св. юродивые, при помощи благодати Божіей, со дня на день болѣе украшались богоподобными совершенствами, при сознаніи которыхъ, въ духѣ благодаренія къ Богу и смиренія, исполнялись чистою радостію, подобно той, какую естественно чувствуютъ при видѣ своего тѣлеснаго благообразія и изящества своей одежды, не говоря уже о спокойствіи совѣсти, о сладкомъ чувствѣ безстрастія, которыя всегда естественно сопутствуютъ добродѣтельной жизни. Постоянное же молитвенное настроеніе св. юродивыхъ облакало ихъ силою Божіею, окружало и охраняло ихъ помыслъ отъ страстныхъ мечтаній и дѣлало ихъ безстрастными. Приобрѣтенію состоянія безстрастности способствовало еще сильнымъ образомъ та житейская обстановка, среди которой дѣйствовали св. юродивые, пріучавшіе себя къ индеферентному безстрастному обращенію съ людьми (напр. съ блудницами). Нельзя отрицать того, что св. юродивые обращались къ своему внутреннему я, провѣряли себя, призывали себя на судъ собственной совѣсти съ цѣлью опредѣлить—чего больше накопилось у нихъ въ душѣ: добра или зла. Правда, они вращались въ обществѣ, но умъ то ихъ былъ занятъ постоянно богомысліемъ; удаленія ихъ въ тайныя укромныя

⁹⁾ Притч. VIII, 17.

¹⁰⁾ Мѡ. V, 48.

мѣста, всенощныя бдѣнія—что это—какъ не средства для того, чтобы вызвать бодренность сердца, трезвенность мысли, повѣрку себя! вѣдь и всѣ ихъ пощенія, бдѣнія, колѣнопреклоненія, спанье на голой землѣ и др. виды аскетизма суть только дѣйствительныя средства къ достиженію совершенства къ приобрѣтенію мощи противъ грѣха; они „постятся, чтобы смирить свою буйную плоть, совершаютъ бдѣнія, чтобы изощрять свое умное око; спятъ на голой землѣ, чтобы не разнѣживаться сномъ; уединяются, чтобы избѣжать и малѣйшихъ поводовъ къ учиненію чего-либо оскорбляющаго Всесвятаго Бога; творятъ молитвы и иныя совершаютъ дѣла благочестія, чтобъ вниманіе ихъ не отходило отъ небесныхъ вещей,—дѣлаютъ все это не для чего другого, какъ для того, чтобы лучше познать свою собственную худость и благосердную благость Божію, чтобы научиться и расположить ее послѣдовать Господу Іисусу Христу, съ самоотверженіемъ и крестомъ на раменахъ своихъ и чтобъ больше и больше возгрѣвать въ себѣ любовь къ Богу“ ¹¹⁾. Если этими мотивами руководились св. юродивые, а иными они не могли руководиться, въ достиженіи нравственнаго совершенства, то, значитъ, самоиспытаніе для достиженія безстрастія было главнѣйшимъ ихъ духовнымъ занятіемъ. И дѣйствительно, по взгляду св. отцевъ (препод. Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина и др.) безстрастіе, понимаемое въ смыслѣ окончательнаго погашанія взыграній плоти и помысловъ, достигается лишь тогда, когда человѣкъ не только разбираетъ ту или другую свою мысль въ отдѣльности, то или иное чувство или желаніе, но бываетъ занятъ настроеніемъ своей душевной жизни, а условіемъ къ установкѣ вполнѣ здраваго, нормальнаго настроенія человѣческаго духа и служить провѣрка личныхъ ощущеній и взглядовъ на свою внутреннюю жизнь, или, выражаясь точнѣе—бодрственность сердца, когда человѣкъ съ спокойно, но съ углубленнымъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ, разсматриваетъ себя, на всемъ пути

¹¹⁾ Невидимая брань. Москва. 1892 г., стр. 13.

своей жизни, сопоставляя всякаго рода случаи и впечатлѣнія, входящіе обыкновенно въ его жизнь. Присутствія такого самоуглубленія въ св. юродивыхъ отрицать нельзя и св. Церковь, воспѣвая ихъ подвиги, постоянно отмѣчаетъ это ихъ самосозерцаніе. „Мудрою мыслию утвердилъ еси душу свою, поработивъ плотская мудрованія духу“, поется въ общей службѣ св. юродивыхъ ¹²⁾. „Сердце твое скрижаль очищену св. Духа благодать обрѣтши, отче, написа совершенно безстрастіе“, говорится въ канонѣ ¹³⁾. „Иже себе познавый, постигль еси страхъ Господень“, поетъ св. Церковь св. Василию блаж. Духовная жизнь св. юродивыхъ и состояла только въ сближеніи съ Богомъ, а въ связи съ этимъ единеніемъ, по ученію св. отцевъ стоитъ „и сознаніе собственной ничтожности и склонности на всякое зло; частнѣе, духовная жизнь выражается: въ любви къ Богу и нелюби къ самому себѣ, въ подчиненіи себя не только Богу, но и всѣмъ тварямъ изъ любви къ Богу,— въ отверженіи отъ всякой собственной своей воли и совершенной покорности волѣ Божіей и въ желаніи совершать все это отъ чистаго сердца, въ славу Божию ¹⁴⁾, только для одного благоугожденія Богу, только потому, что такъ хочетъ Онъ Самъ, что такъ надлежитъ любить Его и работать Ему. Но для достиженія такого совершенства необходимо подавить сначала собственныя волненія и, наконецъ, совсѣмъ ихъ погасить и умертвить“ ¹⁵⁾. При помощи Божіей св. юродивые, какъ вѣритъ св. Церковь, и умерщвляли свои волненія ¹⁶⁾, путемъ аскетическихъ подвиговъ (поста, молитвы, созерцаній и пр.), поработали всѣ чувства ¹⁷⁾ духу для того, чтобы взойти на гору безстрастія. А восходъ этотъ и совершается, по словамъ епископа Теофана, только тогда, когда огонь божественнаго духа, внѣдряясь въ человѣка, начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Онъ дѣйствуетъ во все продолженіе духовнаго труда надъ очищеніемъ сердца, и всю силу свою являетъ только

¹²⁾ Съдал. по поліели. ¹³⁾ Общая минея. ¹⁴⁾ 1 Кор. X, 31. ¹⁵⁾ Невид. брань, стр. 16, 17. ¹⁶⁾ Общая минея и служба 14 мая св. Исидору, канонъ: ¹⁷⁾ Изъ службы св. Андрею 2 окт.

тогда, когда умолкнуть страсти. Вещество страстей, будучи изнуряемо божественнымъ огнемъ, потребляется, а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется, и душа очищается, отходятъ и страсти. Безстрастіе есть какъ бы воскресеніе души прежде воскресенія тѣла, когда въ человѣкѣ ничего не остается ветхаго, а появляется все новое ¹⁸⁾. Это полное и, между тѣмъ, всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изступленіемъ возноситъ на небо къ видѣнію. Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти нечувствителенъ, и они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ его глазами. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище—и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію“ ¹⁹⁾.

Сознанію св. юродивыхъ ясно предносилось чувство любви къ Богу и правды, которыя и вытѣсняли изъ ихъ сердца всякое страстное движеніе. Затѣмъ, извѣстно, что они никогда не позволяли себѣ осуждать ближняго, а относились ко всѣмъ съ чувствомъ состраданія. Наконецъ, вообще, они всегда были внимательны къ своимъ чувствамъ и никогда не допускали того, чтобы воспринимаемое чрезъ нихъ возбуждало и питало страсти, а напротивъ такъ имъ пользовались, чтобы оно, не уклоняя ихъ отъ главной цѣли, способствовало имъ выражать свою твердость въ стояніи въ волѣ Божіей, для чего всѣ чувственные впечатлѣнія они обращали въ нравственно-назидательные для себя уроки (напр. впечатлѣнія, получаемыя отъ обращенія съ блудницами) и совершенно какъ-бы умирали для страстей. Они, въ отношеніи, къ міру поступали такъ, какъ учитъ св. Лѣстничникъ, считающій безстрастнымъ того, кто на одушевленные предметы смотритъ какъ на неодушевленные ²⁰⁾ и одинаковое испытываетъ расположеніе при видѣ тѣхъ и другихъ ²¹⁾: „великъ тотъ, говоритъ св. Лѣстничникъ, кто

¹⁸⁾ Іезек. XXXVI, 26. ¹⁹⁾ Путь ко спасенію, стр. 328. 329. ²⁰⁾ Степ. 29, § 10. ²¹⁾ Тамъ-же степ. 15, § 8.

пребываетъ безстрастнымъ при соприкосновеніи и по истинѣ блаженъ тотъ, кто приобрѣлъ совершенную нечувствительность ко всякому тѣлу, цвѣту и красотѣ ²²⁾. Св. Аѳанасій Великій сравниваетъ безстрастныхъ съ мертвецами и говоритъ, что „они уподобляются болѣе мѣхамъ, нежели людямъ, охладѣвъ, какъ отвердѣвшій иней: зане быхъ, яко мѣхъ на сланѣ ²³⁾. Дѣлается мѣхомъ на сланѣ тотъ, кто истиниваетъ плоть свою, не оставляетъ въ ней ничего воспламененнаго и похотнаго, но какъ бы оледеняетъ ее ²⁴⁾. Св. юродивые и смотрѣли на свой подвигъ, какъ на средство къ совершенному умерщвленію плоти для достиженія безстрастія. Они поступали въ жизни своей такъ, какъ научилъ нѣкогда св. Макарій Египетскій одного монаха, спрашивавшаго — какъ спастись? онъ послалъ его на кладбище и велѣлъ сначала хвалить мертвыхъ, а потомъ ругать и послѣ этого сдѣлалъ наставленіе подражать мертвецамъ ²⁵⁾. Взглядъ св. юродивыхъ на свой подвигъ, какъ на приученіе себя къ безстрастію, весьма ясно выраженъ св. юродивымъ Серапіономъ Синдонитомъ въ его бесѣдѣ съ одною затворницею. Узнавъ о ней, св. Серапіонъ пришелъ туда, гдѣ 25 лѣтъ подвизалась затворница и сказалъ прислуживавшей ей старицѣ: „скажи дѣвицѣ, что одинъ монахъ непремѣнно желаетъ съ нею видѣться“. „Затворница много лѣтъ никого не видитъ“, отвѣчала старица. „Поди, скажи, что я долженъ съ нею видѣться, ибо меня послалъ къ ней Богъ“. Но и тутъ она не послушалась. Только черезъ 3 дня св. Серапіонъ получилъ доступъ къ затворницѣ и сказалъ ей: „что ты здѣсь сидишь?“. Затворница отвѣчала: „я не сижу, но иду“. „Куда ты идешь?“ спросилъ св. Серапіонъ. „Къ Богу моему“. „Жива ты или умерла?“ обратился съ вопросомъ св. юродивый. „Вѣрую Богу моему, что умерла для міра, ибо кто живетъ по плоти, тотъ не пойдетъ къ Богу“. „Если хочешь, сказалъ св. Серапіонъ, увѣрить меня въ томъ, что ты умерла для міра, то сдѣлай то, что я дѣлаю“. „Приказывай, но только возможное, и я сдѣлаю“.

²²⁾ Тамъ же. ²³⁾ Пс. СХVIII, 83. ²⁴⁾ Твор. св. отц. 1854 г., т. XX, стр. 42.

²⁵⁾ Дост. сказ. о подвизнич. свят. Москва. 1845 г., стр. 148.

„Для мертвого, продолжалъ св. юродивый, подобнаго тебѣ, все возможно, кромѣ нечестія—сойди внизъ и пройди“. „Я не выхожу 25 лѣтъ, какъ-же теперь пойду?“ отвѣчала затворница. „Вотъ не говорила-ли ты, замѣтилъ св. Серапіонъ, я умерла для міра, очевидно, поэтому, что и міръ для тебя не существуетъ. А если такъ, то мертвый ничего не чувствуетъ и для тебя должно быть все равно—выйти или не выйти“. Затворница пошла. Когда она дошла до одной церкви, св. Серапіонъ сказалъ ей: „если хочешь меня увѣрить, что ты умерла, а не живешь для людей, тоними съ себя все платье, какъ вотъ я, положи его на плечо и ступай по городу, а я пойду впереди тебя въ такомъ же видѣ“. „Но если, отвѣтила она, я сдѣлаю это, то многихъ соблазну такимъ безстыдствомъ и кто-нибудь скажетъ, что это сумасшедшая или бѣснующаяся“. „А тебѣ что за дѣло, если это скажутъ, отвѣчалъ св. Серапіонъ; вѣдь, ты говорила, что умерла для людей, а мертвецу нѣтъ никакой до того нужды, бранить-ли его кто или смѣется надъ нимъ, потому-что онъ нечувствителенъ ко всему“. Тогда затворница сказала: „прикажи мнѣ сдѣлать другой подвигъ; теперь я еще не дошла, а только молюсь о томъ, чтобы дойти до такой степени“. „Смотри же, сестра, сказалъ св. юродивый, не величайся, будто ты святѣе всѣхъ, и не хвались, что умерла для сего міра. Вотъ ты узнала, что жива еще и угождаешь людямъ. Я могу быть болѣе мертвымъ, чѣмъ ты, и что я умеръ для міра, могу доказать дѣломъ,—именно тѣмъ, что равнодушно взираю на него, ибо не стыжусь и не соблазняюсь, могу сдѣлать то, что приказываю тебѣ“ ²⁶⁾). Такимъ образомъ, на основаніи рассказаннаго можно заключать, что св. юродивые, препобѣдивъ свою плоть, препобѣждали естество и становились выше его, такъ что все окружающее не могло оказывать на нихъ растлѣвающаго дѣйствія и потому, они пребывали въ міру безстрастными. „Св. Симеонъ въ толикое прииде безстрастіе, яко плоть его бяше, аки нѣкое нечувственное древо, ника-

²⁶⁾ Ковал., стр. 109, 110.

коваже въ себѣ вождельнія ощущающа, умерщвленнѣмъ бывшимъ удомъ его весьма“ ²⁷⁾; онъ, посредѣ женъ играючи пребываше, якоже чистое посредѣ огня злато, и множицею отъ безстудницъ руцѣ въ нѣдра его влагающихъ, скоктаемый сущи, пребываше яко мертвъ тѣломъ, древу нечувственну подобный ²⁸⁾. Надо думать, что безстрастность такая въ св. юродивыхъ была вслѣдствіе того, что они постоянно слѣдили за своими душевными движеніями и сохраняли свой умъ отъ страстныхъ помысловъ непрестаннымъ молитвеннымъ созерцаніемъ Бога, такъ какъ страсти, по ученію преподобнаго Феона и Діокла, охватываютъ существо человѣка тогда, когда умъ его перестаетъ мыслить о Богѣ, и по необходимости подпадаетъ человѣкъ подъ власть духа плоти ²⁹⁾. Вотъ объясненіе того случая, когда св. Симеонъ, однажды пройдя по городу нагой, зашелъ нагой же въ женскую баню. Притомъ, онъ и самъ другу своему Іоанну діакону объяснилъ свои чувствованія въ женской банѣ: „вѣру ими мнѣ, братъ, говорилъ св. Симеонъ, якоже древо посредѣ деревей, сие азъ бѣхъ тогда посредѣ оныхъ, ни ощущахъ, яко тѣло имамъ, ниже помышляхъ, яко къ тѣлесамъ вндохъ, но весь умъ мой въ дѣлѣ Божіи бѣше“ ³⁰⁾. Св. Виссаріонъ, находясь у блудницы, остается безстрастнымъ. Всѣ св. юродивые именуются св. церковью мужами безстрастія ³¹⁾.

Безстрастность св. юродивыхъ происходила отъ ихъ мертвенности плоти, которую они убили великими аскетическими подвигами. Кромѣ того непрестанное занятіе души высокими помыслами уцѣломудривало созерцаніе ихъ ума (какъ говорилъ св. Симеонъ), который уже не внималъ безстыднымъ непотребнымъ помысламъ. Св. Нилъ Синайскій вотъ какъ опредѣляетъ значеніе созерцанія въ приобрѣтеніи безстрастія: „трудъ строгаго житія, изнуряя тѣло, даетъ еще можетъ быть, время страстямъ подвигнуть праздную мысль къ тому, что составляетъ собственно вещество страстей. Умозрѣніе же, содѣржа привлеченнымъ къ себѣ

²⁷⁾ Чет. Мин. 21 июля, л. 145.
стр. 289.

³⁰⁾ Тамъ же, л. 147 об.

²⁸⁾ Тамъ-же, стр. 149 об.

³¹⁾ Общ. Миняя.

²⁹⁾ Дост. сказ.,

всецѣлый умъ, не даетъ мѣста, не говорю страсти, но даже и человѣческому помыслу, призывающему можетъ быть и къ необходимой потребности. Не только страстное сластолюбіе препобѣждаетъ услажденіе умозрѣніемъ, въ которомъ съ полезнымъ срастворено пріятное, но и естественную нужду ³²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, кто всегда смотритъ въ глубину своего сердца съ непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ, тотъ удаленъ отъ всего житейскаго, такъ какъ ходящій по духу не можетъ знать похотей плоти. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ, что кто постоянно имѣетъ предъ своими очами Іисуса Христа, взираетъ на Него, того не обольститъ никакой грѣхъ, у того ничѣмъ другимъ духъ не возмущается ³³⁾. Но достиженіе св. юродивыми безстрастія стоило имъ великихъ трудовъ; они достигали его путемъ непрестанныхъ аскетическихъ подвиговъ: „постомъ, и воздержаніемъ, и на земли леганіемъ, увядилъ еси плотскія страсти: душу же просвѣтилъ еси“, воспѣваетъ св. Церковь въ общей службѣ св. юродивымъ ³⁴⁾. Но, не смотря на такіе аскетическія лишенія, св. юродивые всетаки подвергались страстнымъ искушеніямъ, и только въ молитвѣ къ Богу находили себѣ упокоеніе и облегченіе. Вотъ что св. Симеонъ юродивый рассказывалъ своему другу Іоанну-діакону: „егда бѣхъ въ пустынь, и многое изъ начала отъ плотскихъ страстей имѣяхъ служеніе, и моляхся со слезами къ Богу о облегченіи брани, явился мнѣ св. Никонъ, глаголя: како пребываеши братъ; азъ же рѣхъ ему: злѣ стражду, отче, и еще ты мнѣ не поможеша, не вѣмъ, что творити, плоть бо ратуетъ мя зѣло. Ослабився же старецъ почерпе воду отъ святаго Іордана и возлія на чрево мое и знаменіе крестное сотвори, и глагола: се здравъ еси, и оттолѣ не начахъ ощущати плотскаго вождельнія ни во снѣ, ни на явѣ“ ³⁵⁾. Такимъ образомъ, видно, что не безъ тяжелой борьбы и сильныхъ внутреннихъ страданій св. юродивые достигали безстрастія. Не смотря на то, что они всецѣло всю силу своей духовной ревности обращали на дѣла само-

³²⁾ Твор. св. отцевъ 1858 г., стр. 319. ³³⁾ Слова о покаян. 3, стр. 200

³⁴⁾ Сѣд. по 2-й каѳизмѣ. ³⁵⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 149 об.

исправленія себя отъ нечистотъ и страстей, на высвобожденіе, выразимся словами преосвящ. Теофана, своихъ силъ и укрѣпленіе ихъ въ богоугодной дѣятельности, не взирая на то, что эта работа поглощала все ихъ вниманіе, всѣ труды и все время ³⁶⁾, однако упорядоченіе и организація въ себѣ безстрастности требовали высшей, божественной помощи, и только божественною помощію, при собственныхъ напряженныхъ усиліяхъ ума и воли, и можно объяснить то явленіе, что св. юродивые, вращаясь почти нагіе въ кругу женщинъ, оставались нечувствительными къ женскимъ прикосновеніямъ. Далѣе, постоянное тяготѣніе ихъ къ Богу („весь умъ св. Симеона въ дѣлѣ Божіи бѣше“, когда онъ находился въ женской банѣ), внутреннее умное безмолвіе ихъ, не выходя „изнутри“, способно было подать помощь тяготѣнію души къ Богу. Преосв. Теофанъ весьма отчетливо объясняетъ созерцательное состояніе подвижника, постепенно достигающаго безстрастія. „Первымъ условіемъ духовной жизни, пишетъ епископъ-затворникъ, служитъ внутри пребываніе, которое есть господство челоуѣка надъ самимъ собою, ибо подвижникъ долженъ стяжать чистоту ума отъ помысловъ, чистоту воли отъ пожеланій, чистоту сердца отъ пристрастій и страстей. Значитъ, условіемъ и средствомъ къ внутри пребыванію служатъ боренія съ помыслами въ душѣ, а въ тѣлѣ—связаніе его, а за ними измѣненіе внѣшняго порядка“ ³⁷⁾. Когда-же подвижникъ самоуглубится, тогда онъ будетъ видѣть иной міръ невидимый, но и не воображаемый, а предносящійся сознанію. „Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя и увидишь храмину небесную“, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ. По объясненію св. Василия Великаго это состояніе есть то, когда челоуѣкъ чувствуетъ, что онъ „назираемъ“. Святитель Теофанъ, какъ бы въ разъясненіе этихъ словъ, говоритъ: „зри себя содержимымъ десницею Божіею и зримымъ окомъ Божіимъ, спасаемымъ въ Господѣ, стоящимъ въ смерти, подъ судомъ, чтобы вслѣдствіе того рай вос-

³⁶⁾ Путь ко спас., стр. 316.

³⁷⁾ Путь ко спас. III отд., стр. 232.

пріять“. Когда же подвижникъ будетъ созерцать все это, тогда онъ достигнетъ зрѣнія высшаго; при непрерывности же и напряженности упражненій въ духовныхъ созерцательныхъ подвигахъ подвижникъ достигаетъ стоянія постоянного въ духовномъ мірѣ, предъ Богомъ. Кто-же воспринялъ при помощи Божіей созерцаніе другого, невидимаго міра, тотъ уже изшелъ изъ настоящаго міра и пребываетъ въ другомъ своимъ сознаніемъ и сердцемъ, вошелъ въ царствіе Божіе или воспріялъ его въ себя. Выступленіе изъ настоящаго міра и вступленіе въ другой составляетъ, по Теофану, главную цѣль и предметъ напряженнаго исканія подвижника. Трудъ, напряженіе, усиліе скоро приводятъ къ желанной цѣли. Зрѣніе же другого міра способствуетъ содержать въ себѣ и возгрѣвать духъ ревности тѣмъ, что доставляетъ истинное поприще для дѣйствованія ревнующему духу. „Ты—не здѣшній, говоритъ св. Златоустъ, а изъ другого міра, слѣдовательно, и дѣйствовать долженъ, какъ бы въ томъ мірѣ, а для того и зрѣть его“. Съ другой стороны, кто зритъ его, тотъ постоянно будетъ имѣть предъ глазами какъ бы норму, какъ бы образчикъ, напоминающій о томъ, чтобы не уклониться, не сдѣлать чего либо криво ³⁸⁾. При такомъ состояніи духовномъ подвижникъ естественно погружался въ созерцаніе и, отрѣшаясь совсѣмъ отъ земного, становился земнымъ ангеломъ, небеснымъ человекомъ. И св. юродивые, предавъ себя Богу, жили и дѣйствовали только въ Богѣ и для Бога и были вполне безстрастными.

Постоянно и неизмѣнно содержа въ себѣ истинную и живую вѣру, усвояя ее себѣ не только умомъ но и чистымъ сердцемъ, св. юродивые исполнялись чувствомъ высочайшаго благоговѣнія и совершеннѣйшей преданности къ Богу, дѣятельно стремясь проявить эту преданность во всемъ своемъ внутреннемъ поведеніи. Живая вѣра въ Бога вводила ихъ въ непосредственное присутствіе Божіе, давала имъ созерцать безконечное величіе свойствъ и совер-

³⁸⁾ Путь ко спасенію III отд., стр. 236—238.

шенствъ Божіихъ, а созерцаніе этихъ свойствъ вызывало въ нихъ благоговѣніе къ Богу, всецѣлую преданность святой Его волѣ. Вполнѣ сознавая свою зависимость отъ Бога, свое въ Немъ возрожденіе, жизнь, спасеніе, они поставляли Бога средоточіемъ всей своей жизни и „преображались“. Для достиженія состоянія преображенія со стороны св. юродивыхъ употреблялись: молитва, благочестіе, размышленіе, созерцаніе. Размышленіе, возбуждаемое молитвою и благочестіемъ, возводило ихъ умъ къ созерцанію Высочайшаго Существа. Созерцать, вѣдь, и значить—забыть все и себя самого, умереть совсѣмъ для внѣшняго міра, отказаться отъ всякихъ собственныхъ мыслей и всецѣло съ безпредѣльною ревностью погрузиться въ Богъ и преобразоваться. Принимая это во вниманіе, легко понять непонятныя тѣ состоянія преображенія, которыхъ достигали путемъ аскетическаго созерцанія св. юродивые ³⁹⁾. Разсмотримъ одно изъ проявленій высшаго созерцательнаго аскетизма въ подвигѣ „юродства“, описанное пресвитеромъ константинопольскимъ Никифоромъ со словъ того лица, которое испытывало такое состояніе, т. е. св. Андрея юродиваго. Вотъ что онъ ему рассказывалъ: „въ сладкомъ двухъ-недѣльномъ снѣ я видѣлъ неизреченныя откровенія Божіи. Я находился въ прекрасномъ и дивномъ раю и не знаю, какъ я сюда попалъ—въ тѣлѣ или не въ тѣлѣ—не знаю. Но я замѣтилъ на себѣ свѣтлое одѣяніе и на головѣ вѣнецъ изъ цвѣтовъ: царскій поясъ опоясывалъ мое одѣяніе. Я восхищался красотою райскими: тамъ было много садовъ и въ нихъ росли высокія деревья, испускающія отъ вѣтвей благоуханіе. Одни изъ деревьевъ цвѣли непрестанно, другія—украшались златовидными листьями, иныя—имѣли различныя, несказанной красоты, плоды. Невозможно сравнить райскія деревья съ земными, „Божія бо рука, нечеловѣческая насади я“. Находилось тамъ безчисленное мно-

³⁹⁾ Напр. св. Михаилъ Клопскій „нѣкогда во единомъ часѣ обрѣтается въ притворѣ св. Софіи, и паки въ обители св. Троицы“ (Новг. еп. вѣд. № 21, 1898 г., стр. 1401), или св. Василій блж. одновременно, находясь въ Москвѣ, заливалъ пожаръ въ Новгородѣ и пр. и пр.

жество птицъ; у однѣхъ были золотыя крылья, у другихъ были бѣлаго цвѣта, а у нѣкоторыхъ—пестраго. Онѣ сидѣли на вѣткахъ райскихъ деревь и пѣли. Отъ ихъ пѣнія услаждалось мое сердце. Сады тѣ были расположены въ стройномъ порядкѣ („якоже станетъ полкъ противу полка“). Они орошались большою рѣкою, протекавшею посрединѣ рая. По ея берегамъ раскинулъ свои вѣтви виноградъ съ золотыми листьями. Тихій вѣтеръ колебалъ деревья райскихъ садовъ. На меня напалъ страхъ и мнѣ думалось, что я стою вверху тверди небесной. Юноша, одѣтый въ багряницу, проходилъ мимо меня. Я послѣдовалъ за нимъ и вотъ увидѣлъ большой красивый крестъ радужнаго цвѣта; вокругъ него стояли огнезранные пѣвцы и пѣли какую-то сладкую хвалебную пѣснь. Юноша, подойдя къ кресту, поцѣловалъ его и мнѣ велѣлъ тоже приложиться къ нему. Я съ радостію и страхомъ лобызалъ крестъ усердно. Посмотрѣвъ внизъ, я увидѣлъ подъ собою нѣчто въ родѣ морской бездны и, думая, что я хожу по воздуху, испугался и началъ кричать своему проводнику: „Господи, боюсь, да не ниспаду въ глубину“. Онъ же сказалъ мнѣ: „не бойся, подобаетъ бо намъ взойти выше“ и подалъ мнѣ руку. Тотчасъ мы поднялись выше второй тверди, и увидѣлъ я тамъ дивныхъ мужей и ихъ покой. Послѣ этого мы вошли въ чудный пламень, который насъ не опалялъ, но только освѣщалъ. Я опять сталъ бояться. Но спутникъ мой, подавъ мнѣ руку, сказалъ: „еще выше взойти подобаетъ намъ“, и тотчасъ мы поднялись выше третьяго неба, гдѣ я услышалъ пѣніе множества небесныхъ силъ. Затѣмъ, подошли мы къ блестящей, молніевидной завѣсѣ, предъ которой стояли огненные юноши съ блестящими лицами и съ огненными оружіями въ рукахъ. Здѣсь же увидѣлъ я безчисленное множество воинства небснаго. Проводникъ мой сказалъ: „какъ только откроется завѣса, тогда увидишь Владыку Христа и поклонись престолу славы Его“. Я, слыша это, трепеталъ и радовался. Лишь только открылась завѣса, я увидѣлъ Господа моего, какъ нѣкогда пророкъ Исаія ⁴⁰⁾,

⁴⁰⁾ VI, 1—2.

„сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафимы стояху окрестъ; бѣ же оболченъ въ ризу багряну, лице же Его пресвѣтло, и очи прелюбезнѣ взирающіи на мя“. Я упалъ предъ Нимъ. Невозможно передать той радости, какая меня тогда объяла. Я слышалъ и три слова, сказанныя мнѣ пресладкими и пречистыми устами Спасителя. Тогда всѣ небесныя воинства воспѣли предивную пѣснь. Проснувшись, я увидѣлъ себя „на мѣстѣ, идѣже бѣхъ первѣе, во углѣ лежащъ“ ⁴¹⁾. Этотъ разсказъ, какъ таинственный, касающійся духовнаго міра, закрытаго отъ насъ почти непроницаемымъ покровомъ, можетъ быть и объясненъ только тѣмъ, кто самъ находился въ сообщеніи съ нимъ, кто самъ былъ созерцателемъ.

Прежде всего надо рѣшить вопросъ о мѣстѣ восхищенія св. Андрея. Область, куда былъ восхищенъ св. юродивый Андрей названа третьемъ небомъ, раемъ ⁴²⁾. Что это за область третье небо? гдѣ она находилась? Подъ именемъ неба въ священномъ писаніи часто разумѣется воздушное пространство, висящее надъ нашею землею ⁴³⁾, въ которомъ замѣчаются явленія: вѣтра, мрака, облаковъ, тучъ, града, грозной бури, бывающія въ воздухѣ. Впрочемъ, воздухъ въ св. писаніи называется небомъ не въ собственномъ значеніи этого слова; подъ именемъ неба собственно разумѣется то необъятное для взора человѣческаго пространство, которое заключаетъ въ себѣ небесныя тѣла и оканчивается въ глазахъ шарообразнымъ сводомъ ⁴⁴⁾. Затѣмъ, въ св. писаніи подъ именемъ неба разумѣется небо высшее всѣхъ небесъ. На этомъ небѣ обитаетъ Самъ Богъ ⁴⁵⁾, безплотные духи ⁴⁶⁾ и праведные души людей ⁴⁷⁾. Отъ того оно и называется обиталищемъ Божиимъ ⁴⁸⁾, домомъ Отца Небеснаго ⁴⁹⁾, небомъ небесе ⁵⁰⁾, градомъ, котораго художникъ и строитель есть Богъ ⁵¹⁾ и др. именами, которыя всѣ на человѣческомъ языкѣ означаютъ не что

⁴¹⁾ Чет. Мин. окт. 2, л. 13 об., 14—15. ⁴²⁾ Св. Андрей говорилъ: „азъ видѣхъ себѣ въ рай красномъ, тамъ же, л. 14 об. ⁴³⁾ Пс. XVII, 28. ⁴⁴⁾ Быт. XXVII, 28. ⁴⁵⁾ Ефес. IV, 1, 10. ⁴⁶⁾ Евр. XII, 22. ⁴⁷⁾ Лк. X, 12; Ефес. II, (. ; Филипп. III, 20. ⁴⁸⁾ 3 царств. VIII, 27. ⁴⁹⁾ Іоанн. XIV, 2. ⁵⁰⁾ 3 царств. VIII, 27. ⁵¹⁾ Евр. XI, 10.

другое, какъ міръ духовный. Вѣроятно, и разумѣется подѣ третьимъ небомъ или раемъ, куда восхищенъ былъ св. Андрей, міръ духовный. Въ основаніе этой вѣроятности можно полагать какъ самое названіе неба, куда былъ восхищенъ св. Андрей, третьимъ, такъ и названіе рая, тождественное третьему небу. Небо третье, т. е. высшее, совершеннѣйшее; оборотъ рѣчи—еврейскій, замѣчаемый и въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ ⁵²⁾ и выражающій собою полноту и совершенство предмета. Раемъ называлось всякое пріятное мѣсто, но преимущественно тотъ едемскій садъ, гдѣ пребывали наши прародители. Такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего того, чтобы человѣкъ зналъ и могъ представлять выше и возжеленнѣе невиннаго состоянія первобытной четы, то слово Божіе примѣнительно къ человѣческому понятію, употребляетъ слово рай и для выраженія будущаго его блаженства: „днесъ со Мною будеши въ рай“ сказалъ Спаситель раскаявшемуся разбойнику“ ⁵³⁾, „наше жилище на небесѣхъ есть“ ⁵⁴⁾, „въ дому Отца небеснаго обители многи суть“ ⁵⁵⁾. Поэтому то, и надо думать, что св. Андрей былъ восхищенъ въ блаженное жилище небожителей, какъ самъ онъ о томъ рассказывалъ ⁵⁶⁾. Гдѣ же находится это жилище? по буквальному смыслу словъ св. Андрея блаженное жилище небожителей представляется въ высотѣ стихійной („выше вторыя тверди“). Свящ. писаніе тоже учитъ, что Богъ оттуда говорилъ человѣку въ началѣ временъ и продолжаетъ подавать свои наставленія устами пророковъ, апостоловъ, оттуда ангелы нисходятъ и по возвѣщеніи воли Божіей опять удаляются ⁵⁷⁾, туда вошелъ Богочеловѣкъ ⁵⁸⁾, наконецъ, ангелами возносятся и блаженные души ⁵⁹⁾. Но это только символы, подѣ которыми изображается міръ духовный, а не самые предметы. „Богъ представляется живущимъ на высотѣ, которая надъ нами, только въ означеніе Его славы, могущества, величія

⁵²⁾ О трєблаженное древо, трєокаянный и т. п. ⁵³⁾ Лк. XXIII, 43. ⁵⁴⁾ Филипп. III, 20. ⁵⁵⁾ Іоанн. XIV. ⁵⁶⁾ „видѣхъ тамо, въ раю, выше вторыя тверди, дивныя мужи, и покой ихъ, и радость праздника ихъ неизглаголанна языкомъ человѣческимъ“, Чет. Мин. 2 окт., л. 15. ⁵⁷⁾ Суд. XIII, 20. ⁵⁸⁾ Ефес. IV, 10. ⁵⁹⁾ Лк. XVI, 22.

и власти, ибо естественно человѣку представлять себя Царя, живущимъ или сидящимъ, на высотѣ, что такъ люди, по внушенію самой природы, обращаютъ очи горѣ, когда призываютъ Бога въ свидѣтели, или просятъ Его помощи. На землѣ нѣтъ языка, способнаго къ изображенію предметовъ духовныхъ. Почему и св. Писаніе не иначе изображаетъ ихъ, какъ подобіями, взятыми изъ видимой природы. Небеса стихійныя, какъ по своей высотѣ и величію, такъ и по своему постоянству и безпредѣльности, особенно способны быть символами вещей духовныхъ, которыя сами по себѣ славны и вѣчны. А такъ какъ и умныя силы и праведныя души по внутренней чистотѣ и святости близки къ Богу и ясно видятъ славу Тріипостаснаго Божества, ибо управляются уже видѣніемъ, а не вѣрою, то и ихъ блаженство, истекающее изъ созерцанія величія Божія, представляется подъ видомъ неба или царства небснаго. При чемъ однако никогда не должно сливать образовъ съ предметами изображаемыми“ ⁶⁰⁾. И Господь, съ мѣста жилища своего взирающій на сыновъ человѣческихъ ⁶¹⁾, есть вмѣстѣ Богъ приближающійся, а не Богъ издалеча ⁶²⁾. Господь, слышащій съ небесъ ⁶³⁾, въ то время близокъ ко всѣмъ призывающимъ Его ⁶⁴⁾; Богъ, посылающій свою помощь, тѣмъ не менѣе пребываетъ съ нами въ скорби ⁶⁵⁾; Господь, возшедшій превыше всѣхъ небесъ, есть и будетъ съ нами до скончанія вѣка ⁶⁶⁾. Тоже должно думать и о мірѣ духовномъ вообще. Духовный міръ не ограничивается извѣстнымъ пространствомъ и не заключается въ извѣстномъ мѣстѣ. Его предѣлъ не есть предѣлъ чувственности, какъ бы, т. е., начало Его было тамъ, гдѣ оканчивается чувственность. Итакъ, третье небо, по внутреннему смыслу св. Писанія, не означаетъ стихійной высоты, или какого-нибудь мѣста, но высоту блаженства духовнаго. Оно есть небо умное, небо чистоты и славы. Это небо близь насъ есть: ангелы, хранители людей, всегда присутствуя при нихъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію, постоянно предстоятъ

⁶⁰⁾ Христ. чт. 1827 г., ч. 27, стр. 206. ⁶¹⁾ Пс. XIII, 2. ⁶²⁾ Іерем. XIII, 23, 24.
⁶³⁾ 2 Парал. XIV, 23. ⁶⁴⁾ Пс. CXLIV, 18. ⁶⁵⁾ Пс. XI, 15. ⁶⁶⁾ Мф. XXVIII, 20.

и на небѣ предъ лицомъ Отца небеснаго ⁶⁷⁾. Это понятіе берется съ первыхъ чиновъ близкихъ къ особѣ государя. Это небо при насъ; напр. Іаковъ говоритъ послѣ видѣнія лѣствицы: „Господь есть на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдѣхъ“ ⁶⁸⁾. Это небо даже внутри насъ есть: „малъ сосудъ есть сердце, говоритъ св. Макарій Великій, но въ немъ пріятны бываютъ вся вещи: тамо Богъ, тамо ангелы, тамо животъ и царство, тамо небесные грады, тамо сокровища благодати“ ⁶⁹⁾. Короче: такъ какъ Богъ не имѣетъ нужды въ томъ или другомъ мѣстѣ, и такъ какъ блаженство духовъ состоитъ въ созерцаніи Божества, то рай или третье небо можетъ быть вездѣ, ибо Богъ вездѣ, преимущественно же тамъ, гдѣ Онъ являетъ или свое величіе или свою безмѣрную благодать. Прекрасно выражаетъ эту мысль св. Церковь въ трипѣснѣ въ навечеріи Рождества Христова: „обхождаху ангелы, якоже престолъ херувимскій, ясли, вертепъ-бо небо зряху, лежащу въ немъ Владыцѣ“. По вшествіи Богочеловѣка въ вертепъ, вошло съ Нимъ туда и небо съ цѣлымъ небеснымъ величіемъ. Теперь нѣсколько словъ объ образѣ восхищенія св. Андрея юродиваго. Онъ рассказываетъ о немъ, какъ о чемъ-то неизвѣстномъ; „не рѣзумѣхъ же себе, аще въ тѣлѣ быхъ, или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть, что ми бысть, не вѣмъ, яко же бо кто всю ночь спитъ сладко, и заутра востанетъ, тако азъ чрезъ двѣ недѣли пребывахъ въ сладкомъ видѣніи, якоже Божіе изволеніе веляше“ ⁷⁰⁾. Внѣ-ли тѣла св. Андрей восхищенъ былъ въ рай или въ тѣлѣ? безъ тѣла-ли душа его созерцала тайны міра духовнаго, или въ тѣлѣ, но приведенная въ состояніе сверхъ естественное? конечно, для всемогущества Божія ничего не значило восхитить на время душу св. Андрея изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ такомъ непримѣрно чудесномъ дѣйствіи, каково отлученіе души отъ тѣла въ живомъ человѣкѣ; міръ духовный, какъ видѣли,—близъ насъ: преграда, отдѣляющая человѣка, есть чувственность послѣдняго. Поэтому, со стороны чело-

⁶⁷⁾ Мѡ. XVII, 10. ⁶⁸⁾ Быт. XXVIII, 16. ⁶⁹⁾ Смотри. Дим. Ростовск. въ словѣ на Р. Хр. ч. III. ⁷⁰⁾ Ч. М. Окт. 2, л. 14 об.

вѣка нужно только, чтобъ уничтожилось въ немъ преобладаніе чувственности, чтобъ въ его душѣ раскрылась способность сообщенія съ міромъ духовнымъ и, человѣкъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, по мѣрѣ раскрытія духовной стороны его, будетъ въ обществѣ небожителей. Такъ, Іаковъ видитъ въ сновидѣніи лѣствицу, „утвержденную на земли, еяже глава досягаше до небесъ, и ангели Божіи восходяху по ней. Господь же утверждашеся на ней“ ⁷¹⁾. Тайновидецъ, восхищенный въ духъ на великую и высокую гору, созерцаетъ св. Іерусалимъ, „нисходящъ съ небесе отъ Бога, имущъ славу Божію“ ⁷²⁾. Но можетъ ли человѣкъ, оставаясь въ тѣлѣ, быть въ такомъ тѣсномъ чрезвычайномъ сообщеніи съ горнимъ міромъ, въ какомъ находился св. Андрей? онъ былъ восхищенъ въ рай, до третьяго неба и слышалъ 3 слова отъ самого І. Христа, не сознавая былъ-ли онъ тогда въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла. По свидѣтельству мужей, опытныхъ въ тайнахъ міра духовнаго, которые сами были зрителями, или приняли наставленіе отъ отцевъ и изъ устъ ихъ научились истинѣ, такое сообщеніе человѣка съ горнимъ міромъ въ тѣлѣ возможно. Св. отцы говорятъ, что подобныя видѣнія бываютъ:

а) внезапны и быстры: человѣкъ мгновенно, божественною силою, переносится изъ страны чувственной въ духовную,

б) столь сладостны для ума и сердца, что человѣкъ, если бы это зависѣло отъ его воли, никогда не разлучался бы съ ними,

с) способны до такой степени восторгать духъ нашъ, что онъ какъ-бы вовсе отдѣляется отъ тѣла, забываетъ его, вслѣдствіе чего дѣлается оно тогда безчувственнымъ и какъ бы мертвымъ. „Егда бываетъ неизреченное видѣніе, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, перестануть тогда уста и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ чувствомъ кормникъ, и мысль скоро летящая: и не кому имать

⁷¹⁾ Быт. XXVIII, 12

⁷²⁾ Апок. XXI, 10, 11.

мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но наставленіемъ наставляется силою иною и плѣненіемъ содержитсяъ въ часъ онъ, и бываетъ въ непостижимѣхъ вещехъ, идѣже не вѣсть, ни хотѣніе иматъ чего и въ изступленіи бываетъ, и по словеси апостолу, аще въ тѣлѣ, или внѣ тѣла— не вѣсть“. Въ другомъ мѣстѣ: „внегда дѣйствомъ духовнымъ движется душа къ онымъ Божественнымъ и подобно Божеству, уставлена будетъ непостижимымъ соединеніемъ, и просвѣтитъ лучею высокаго свѣта въ своихъ движеніяхъ; и егда сподобится умъ почувствовать будущаго блаженства, и себе забываетъ и всѣхъ сущихъ здѣ, и не ктому беретъ движеніе въ чемъ, но пребываетъ внѣ хотѣнія въ мысли безплотныхъ, въ яже убо не повелѣна быша чувства сказати, то вжизается въ тебѣ радость, умолчающая языкъ неуподобленіи пищи его. Кипитъ изъ сердца сладость нѣкая, и привлечитъ человѣка всего изъ всего неощутнѣ, на время и время; нападаетъ на все тѣло пища нѣкая и радованіе, якоже плотскій языкъ не можетъ изрещи сія, дондеже вся земная пепелъ и уметы вмѣнить въ памяти сей, и егда найдетъ человѣку она пища, сице непщуетъ сицевый въ онъ часъ, яко нѣсть ино что небесное царство, точію се. И аще не бы Богъ предѣлъ положилъ въ животѣ семъ таковымъ вещемъ, не имѣлъ бы человѣкъ изыти оттуда отъ видѣнія ихъ дивнаго. Но сія суть неизреченна, не неизглаголанна и страшна, якоже глаголетъ Симеонъ, Новый богословъ. Воистину страшна и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не иматъ, посредѣ келліи на одрѣ сѣдя; внутрь себя зрю Творца міру, Который на небеси будучи, и въ сердцѣ моемъ есть, здѣ и тамо зритъ ми ся. и бесѣдую, и люблю, и ямъ питаюся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и съединився ему, небеса превосхожу. И сіе вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ ⁷³⁾. Причина, отчего при такихъ видѣніяхъ человѣку кажется, что онъ переносится куда-то, не зная, въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, скрывается въ измѣненіи состоянія со-

⁷³⁾ Творенія св. Исаака Сирина. Москва. 1854 г., стр. 290 и слѣд.

зерцающего. Внезапное, быстрое измѣненіе естественнаго состоянія, мгновенный переходъ изъ чувственной страны въ духовную, созерцаніе невѣдомыхъ предметовъ, которыхъ красота невыразима, чѣмъ другимъ можетъ показаться, какъ не перенесеніемъ въ прекрасный міръ? а быстрая смѣна сверхъестественнаго состоянія, незамѣтный переходъ отъ духовнаго къ чувственному, мгновенное сокрытіе неизреченной красоты, чѣмъ другимъ можетъ показаться, какъ не снисшествіемъ изъ прекраснаго міра? Во время такихъ видѣній духъ необходимо долженъ былъ раскрыться (этимъ легко объясняется разность повѣствованій о раѣ и небѣ въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Святые видѣли рай по степени раскрытія духовной способности и ослабленія союза души съ тѣломъ, такъ какъ по замѣчанію Премудраго „тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную область духовъ“ ⁷⁴⁾). Отсюда, находящемуся въ сверхъестественномъ состояніи человѣку и потомъ пришедшему въ себя, естественнѣе подумать, что тѣла съ нимъ не было, нежели, что онъ находился въ тѣлѣ. Если же такъ, если человѣкъ, находясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста (какъ видно изъ словъ св. Андрея: „воспрянувъ, обрѣтохся на мѣстѣ, идѣже бѣхъ первѣе, во углѣ лежащъ, и удивляхся, гдѣ бѣхъ въ видѣніи, и что сподобихся видѣти“ ⁷⁵⁾), можетъ быть восхищенъ до слышанія неизреченныхъ глаголовъ, и не сознать, въ тѣлѣ-ли онъ тогда находится, или кромѣ тѣла, то можно и, кажется, должно думать, что и св. Андрей, во время сообщенія съ горнимъ міромъ, находился въ сверхъестественномъ состояніи духа, т. е. душа его раскрылась въ это время для духовнаго міра до возможной степени раскрытія въ тѣлѣ, такъ что узы, соединявшія ее съ тѣломъ, какъ бы вовсе уничтожились, прервались. Значитъ, св. Андрей во время восхищенія былъ въ тѣлѣ, такъ сказать, кромѣ тѣла, былъ весь въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ.

⁷⁴⁾ Прем. Сол. IX, 9, 15. ⁷⁵⁾ Ч. М. Окт. 2, л. 15 об.

Св. Андрей юродивый выражаетъ сущность полученнаго имъ откровенія въ раю въ слѣдующихъ словахъ: „слышахъ же премилосердаго Творца моего, пресладкими и пречистыми своими усты, три словеса Божественная изрекшаго ко мнѣ, коихъ св. Андрей не восхотѣ явити“. Можно думать, что св. Андрей восхищенъ былъ въ рай, или до третьяго неба, не столько для слуха, сколько для зрѣнія. Это было прямое видѣніе; св. Андрею позволено было въ этомъ восхищеніи, такъ сказать, заглянуть въ блаженное жилище духовъ и праведныхъ душъ,—посмотрѣть на ихъ состояніе, на занятія ⁷⁶⁾, на предметы ихъ окружающіе, на взаимныя отношенія, вообще, если можно такъ выразиться, на ихъ небесный бытъ. Такъ, св. Андрею позволено было вознестись духомъ въ блаженное мѣсто-пребываніе небожителей, взглянуть на убранство и красоту небеснаго свода, отъ дивнаго созерцанія которой никогда не согласился бы оторваться созерцающій, по словамъ преп. Нила Сорскаго ⁷⁷⁾, если бы только это было въ его волѣ, и если бы Богъ не положилъ предѣла такому видѣніямъ. Но отчего св. Андрей не хотѣлъ сказать, что ему говорилъ Іисусъ Христосъ? отъ того, должно быть, что, находясь въ состояніи сверхъестественномъ, онъ слышалъ эти слова и имѣлъ видѣніе, а когда закрылся отъ него духовный міръ, то въ немъ осталось впечатлѣніе высокое; отъ умаленія и сознанія своего окаянства, трепета и ужаса, охватившихъ его при воспоминаніи о семъ, онъ и „не восхотѣ явити“ сказанныхъ ему Іисусомъ Христомъ трехъ словъ.

Въ чемъ нравственный смыслъ разбираемаго видѣнія? для чего оно нужно было св. Андрею? а для того, чтобы укрѣпить его въ подвигѣ юродства, который съ начала пріятія его и до конца былъ устланъ терніями. Видѣніе и слова Христа были, такъ сказать, опорой для св. Андрея въ его трудномъ подвижничествѣ „да утѣшится здѣ на время“, какъ рассказывалъ св. Андрей въ началѣ видѣнія ⁷⁸⁾.

⁷⁶⁾ Видѣхъ и слышахъ множество небесныхъ силъ поющихъ и славословящихъ Бога и пр., *ibid* л. 15. ⁷⁷⁾ Цер. Іер. т. V, стр. 251. ⁷⁸⁾ Л. 14 об.

Безъ нравственной высшей поддержки человѣкъ, сколько бы ни были велики силы его духа, не устоитъ никогда противъ безпрестанно вооружающихся на него бурь и смятеній и падеть подъ ихъ тягостью. Св. Андрей въ своей многоскорбной жизни только въ Богѣ и могъ находить себѣ утѣшеніе; на землѣ же онъ былъ почитаемъ, „яко юродъ“; къ Нему то онъ мысленно и переносился въ горькія минуты своей жизни. Послѣ чего горести его растворялись сладостью, и изнемогавшій духъ воодушевлялся новою силою: „егда и нынѣ помысли оное видѣніе, говорилъ св. Андрей, исполняюся неизреченныя радости ⁷⁹⁾).

ГЛАВА X.

Разборъ возраженій противъ цѣлесообразности „юродства“. Значеніе „юродства“, какъ высшаго самоотверженія. Заключение.

Намъ остается еще разобратъся въ тѣхъ возраженіяхъ и недоумѣніяхъ, — которыя вызываетъ и можетъ вызывать „юродство“ о Христѣ въ малопонимающихъ сущность этого подвига. Возраженія эти касаются прежде всего „юродства“, какъ явленія страннаго, непонятнаго, соблазнительнаго. Подобныя возраженія вызываются при поверхностномъ знакомствѣ съ жизнію св. юродивыхъ у интеллигентнаго человѣка, и притомъ, слишкомъ далекаго отъ той среды, отъ той жизни, какую рисуютъ Четъи-Минеи. Думается, что такому человѣку необходимо напомнить, прежде всего, что понятія — „странный“, „грубый“ — слишкомъ широкія понятія, объемъ и содержаніе которыхъ необходимо сѣузить, когда мы начинаемъ разбирать поведеніе и жизнь лицъ иной среды, другого времени и, наконецъ, иного направленія. Нравы и обычаи различны въ разныхъ классахъ общества и мѣняются съ годами. Безспорно для всякаго, что человѣкъ высшаго круга, вращающійся въ сферахъ

⁷⁹⁾ Чет. Мин. Окт. 2, л. 15.

сложныхъ и утонченныхъ взаимоотношеній между людьми, найдетъ много очень наивнаго въ жизни нашихъ прямодушныхъ и простыхъ крестьянъ. Не менѣе очевидно и то, что нынѣшнее время, — время утонченной вѣжливости и приличій,—далеко ушло отъ старины, и современный человѣкъ уже начинаетъ стыдиться исполнять многіе даже изъ добрыхъ и естественныхъ обычаевъ ея; его щекотитъ то, къ чему былъ равнодушенъ или даже, чѣмъ дорожилъ его предокъ. Но, кажется, всего болѣе можетъ отдѣлять одного человѣка отъ другого рознь въ мысляхъ, чувствахъ, словомъ, въ направленіи всей духовной жизни.

Когда эта рознь обнаруживается между тѣмъ, что принято всѣми въ обществѣ, какъ здоровое трезвое, и взглядами отдѣльнаго человѣка, не желающаго подчиняться общественной логикѣ,—то послѣдній является оригиналомъ, эксцентричнымъ. По сложившимся условіямъ людской, общественной жизни, насквозь пропитанной явною и скрытною ложью и неправдой, попасть въ чинъ юродиваго—самое легкое дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ рѣшиться только говорить всѣмъ и всегда правду безъ прикрасъ, безъ лицемѣрія и лести, стоитъ не позволять себѣ ни одного изъ тѣхъ лживо-гнилыхъ словъ, которыми покрываютъ себя часто неискренность, обманъ и даже вражда, чтобы тотчасъ же прослыть за идіота, юродиваго. Герои Достоевскаго—Левъ Николаевичъ Мышкинъ и Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ („Идіотъ“ и „Братья Карамазовы“) разсуждаютъ и дѣйствуютъ не по логикѣ окружающаго ихъ общества, а потому и являются странными.

Вотъ что на этотъ счетъ говоритъ у него старецъ Зосима своимъ прежнимъ товарищамъ послѣ того, какъ совершенно измѣнилъ свою жизнь: „гдѣ вамъ познать это (т. е. мою жизнь). Я разъ въ жизни поступилъ предъ вами истинно, и что же, сталъ для васъ точно юродивый: хотъ и полюбили меня, а всетаки надо мной смѣетесь“ ¹⁾. Но о св. юродивыхъ мы должны сказать, что рознь между

¹⁾ Братья Карамазовы, стр. 347.

ними и современнымъ имъ обществомъ простирается еще далѣе, чѣмъ указано и доходитъ до полной противоположности интересовъ той и другой стороны, потому что св. юродивые ни во что вмѣняютъ все то, чѣмъ живетъ окружающій ихъ міръ. По отношенію къ нимъ и обществу въ данномъ случаѣ сбываются слова святого апостола Павла: „душевный человѣкъ, не принимаетъ того, что отъ духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судить о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ“ ²⁾. Св. юродивыхъ, какъ людей духовныхъ, могли понимать только такіе же, какъ и они, духовные люди, т. е. вполне отрѣшившіеся отъ міра. Характерный случай представляетъ житіе св. Исидоры тавеннисіотской, о чемъ было говорено выше. Изъ житія св. Кипріана Устюжскаго извѣстно, что онъ любилъ принимать къ себѣ св. юродиваго Прокопія (Устюжскаго) и много утѣшался посѣщеніемъ этого угодника Божія ³⁾. Изъ житія преп. Иринарха затворника видно, что на его духовное развитіе много вліялъ св. юродивый Іоаннъ Власатый, и что, когда Иринархъ терпѣлъ временное изгнаніе изъ обители, то пользовался совѣтами и утѣшеніемъ отъ него ⁴⁾. Словомъ, для людей того же духовнаго склада, какимъ отличались св. юродивые, для соучастниковъ въ одной общей брани духовной, какая ведется всѣми св. угодниками, странности св. юродивыхъ не казались таковыми, такъ какъ въ духовной жизни они естественны и цѣлесообразны. Въ самомъ дѣлѣ, духовная жизнь на высшихъ ступеняхъ ея развитія очень развѣтвляется; брань съ невидимымъ врагомъ, старающимся при всякомъ случаѣ привнести въ эту жизнь что либо свое, усложняется, видоизмѣняются приемы и средства въ этой брани. Вотъ одинъ изъ нихъ, указываемый св. Лѣстничникомъ: „постараемся, говоритъ онъ, не только бороться съ демонами, но и нападать на нихъ. Кто побѣдилъ страсти, тотъ поражаетъ демоновъ, при-

²⁾ 1 Кор., X, 4, 15.

³⁾ Чет. минеи, сент. 29.

⁴⁾ Тамъ же, сент. 3.

творно показывая, что имѣетъ страсти и тѣмъ обманываетъ своихъ враговъ, оставаясь неуязвленнымъ для нихъ ⁵⁾. И здѣсь заключается разгадка такихъ непонятныхъ явленій въ жизни св. юродивыхъ, какъ напримѣръ—одинъ блаженный сѣлъ торопливо принесенную ему нѣкимъ виноградную кисть, показывая демонамъ въ себѣ чревоугодника; или другой изъ братіи, вовсе не желавшій первенства, притворился, что домогается этого ⁶⁾.

Но „юродство“ непонятно съ той стороны, что въ жизни св. юродивыхъ часто проявлялись и такіе поступки, которыхъ имъ, повидимому, не слѣдовало бы совершать и которые, кажется, не могутъ служить предметомъ подражанія для другихъ, напримѣръ, иногда они не наблюдали правилъ приличія въ церкви. Такъ о св. Симеонѣ юродивомъ извѣстно, что онъ, придя однажды въ церковь, сталъ гасить свѣчи орѣхами, а когда его хотѣли оттуда выгнать, то онъ началъ бросать ихъ въ женщинъ; волочилъ по улицамъ мертвую собаку и пр., св. юродивые являли полное невоздержаніе, иногда не посѣщали церкви и т. п. Относительно этихъ поступковъ можно сдѣлать вотъ какое замѣчаніе. Не всякій законъ имѣетъ обязательную силу для всѣхъ состояній человѣчества. Законъ есть средство, ведущее человѣка къ духовной жизни. А степени духовной жизни различны, слѣдовательно, и средства, возводящія отъ одной ступени къ другой, также неодинаковы. Значить, кромѣ главныхъ существенныхъ законовъ, обязательная сила которыхъ простирается на всѣ возрасты духовной жизни, есть и такіе, которые при переходѣ отъ низшей степени къ высшей, теряютъ свою обязательность. Въ новой жизни—новый законъ, значить, прежній законъ, приспособленный къ низшимъ степенямъ жизни, для человѣка, достигшаго высшихъ ея степеней, не имѣетъ прежней обязательности. Поэтому, неудивительно, если св. юродивые, достигшіе высшей степени духовнаго совершенства, иногда не выполняли требованій законовъ церкви.

⁵⁾ Ковалев., стр. 76.

⁶⁾ Тамъ же.

Потомъ, правила церкви, отъ которыхъ отступали иногда св. юродивые, не суть совершенно безусловныя. Цѣль выше средствъ. Поэтому, для нравственной цѣли, и слѣдовательно для тѣхъ цѣлей, отъ которыхъ зависитъ достиженіе этой высшей цѣли, нисколько не предосудительно, если св. юродивый, послѣ долговременнаго поста, прибѣгалъ къ такому средству, которое правилами церкви возбраняется не безусловно (ѣлъ, напр., съ жадностію—какъ св. Симеонъ и пр.).

Затѣмъ, ѣду послѣ чрезмѣрнаго поста можно объяснить чисто личнымъ желаніемъ св. юродивыхъ избавить себя отъ гордости, которая унижаетъ человѣка и упраздняетъ добродѣтели; значить, они ѣли послѣ усиленнаго поста открыто потому, чтобы скрыть свой подвигъ и отогнать отъ себя демона, который, по словамъ преп. Исидора Пелусіота, внушаетъ иногда чрезмѣрный постъ, такъ какъ знаетъ, что постникъ такъ можетъ разслабить тѣломъ, что будетъ бесполезенъ и для себя и для другихъ; и когда болѣзнь отъ времени усилится, то упадетъ отъ вѣры, предастся отчаянію и начнетъ богохульствовать ⁷⁾. Кромѣ того, вкушеніе послѣ долговременнаго поста вовсе не свидѣтельствовало о жадности св. юродивыхъ. Они ѣли не для удовольствія, но какъ дѣлатели Божіи, для бодрости въ дѣлахъ Христовыхъ.

Св. Нифонтъ цареградскій смущеніе нѣкоего брата, удивлявшагося тому, что нѣкоторые хотя и изнуряютъ тѣла свои воздержаніемъ, все таки не могутъ возобладать надъ страстями и надъ ними царствуютъ: гнѣвъ, вражда, памятозлобіе, зависть и злѣйшее всѣхъ немилосердіе и скупость, а иные изъ добродѣтельныхъ ѣдятъ и пьютъ вино, а въ нихъ не видно никакого грѣха, разрѣшилъ такъ: „многопостящіеся и неисправляющіеся претерпѣваютъ это отъ устъ своихъ, ибо тотъ, кто не хранитъ всегда своихъ устъ, если и весь годъ постится, не получаетъ никакой пользы. Итакъ, раздражаетъ ли тебя діаволъ на гнѣвъ,

⁷⁾ Христ. чт. 1844 г. ч. I, стр. 37.

не говори ничего, — и ты одержишь побѣду надъ страстію. Опять возбуждаетъ ли тебя врагъ на зависть, не клевети, — и ты побѣдишь лукаваго, ибо плодъ зависти есть оклеветаніе. Если ражжетъ тебя обольститель на блудъ, не отвержай устъ своихъ для бесѣды съ женщинами. О тѣхъ же добродѣтельныхъ, которые ѣдятъ и пьютъ, пови-
димому свободно, знай, что они суть доблестные воины, поправшіе грѣховныя страсти и теперь сдѣлавшіеся господами и властелинами, получивъ отъ Бога даръ безстрастія (Симеонъ юродивый). Они сперва предались воздержанію и, подвизаясь, достигли, наконецъ, цѣли, которой желали. Впрочемъ, дѣлающіе такъ, часто дѣлаютъ это лишь предъ людьми, пребывая же наединѣ — въ безмолвіи, подвизаются въ воздержаніи, вознаграждая поученіемъ то, чего они лишили себя малымъ разрѣшеніемъ передъ людьми“⁸⁾. Эти слова вполнѣ разрѣшаютъ вышеприведенное недоумѣніе.

Но опять возникаетъ недоумѣніе: св. юродивые подобными поступками могли соблазнять другихъ? Безспорно, что на каждомъ христіанинѣ лежитъ строгая обязанность — не подавать повода своимъ поведеніемъ къ соблазну другихъ. Спаситель говоритъ: „горе“ тому „его же ради соблазнъ приходитъ. Уне ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, ниже да соблазнить отъ малыхъ сихъ единаго“⁹⁾. И св. апостоль Павелъ заповѣдуетъ вѣрующимъ всячески удаляться отъ случаевъ, могущихъ быть поводомъ къ соблазну другихъ¹⁰⁾. Но поступки св. юродивыхъ, которыхъ признавали безумными, могутъ ли служить поводомъ къ соблазну? кто станетъ подражать безумному? Если бы кто, падая въ грѣхъ, сталъ бы ссылаться на примѣръ св. юродиваго, то едва ли кто бы ему повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему онъ беретъ въ примѣръ одного юродиваго? ясно, что причина и корень зла въ самомъ человѣкѣ, въ его дурной настроенности, при которой для него всюду соблазнъ. Но

⁸⁾ Руков. къ духовн. жизни, преп. отцевъ Варсонуфія Велик. и Іоанна. Москва. 1883 г., стр. 530—531. ⁹⁾ Лк. XVII, 2. ¹⁰⁾ 1 Кор. VIII, 9.

они, могутъ намъ возразить, подавали поводъ къ осужденію себя? Дѣйствительно, св. юродивые были постояннымъ предметомъ насмѣшекъ и поношенія. Справедливо и то, что поводомъ къ этому служили странные ихъ поступки. Но виновны ли въ этомъ св. юродивые? Они казались лишенными ума; но какое правило ума при обращеніи съ такими несчастными? не насмѣхаться, но скорбѣть о нихъ повелѣваетъ долгъ человеколюбія; не презирать ихъ долженъ христіанинъ, но молить Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ умъ этихъ несчастливцевъ, въ которыхъ страждетъ человѣческая природа; не издѣваться надъ ними, но въ глубокомъ смиреніи повергаться предъ Господомъ, чтобы Онъ не подвергъ насъ подобному несчастію. Послѣ этого для кого св. юродивые могутъ быть предметомъ соблазна? Очевидно для тѣхъ, въ комъ совершенно утратилось чувство человеколюбія, такіе люди вовсе не стоятъ того, чтобы изъ за нихъ осуждать „юродство“.

Кто искушается отъ своея похоти, въ комъ властвуетъ грѣхъ, для того вездѣ искушенія, тотъ всегда грѣшитъ не потому, что поводъ къ грѣху приходитъ отвнѣ, но потому, что въ немъ самомъ живетъ грѣхъ. Да если бы св. юродивые и сняли съ себя покровъ безумія, то прекратился ли бы для нечестивцевъ поводъ къ соблазну? напротивъ, еще увеличился бы. Открытое благочестіе также не сносно для нечестія и разврата, какъ свѣтъ солнечный нестерпимъ для больного глаза. Поэтому, если бы св. юродивые въ полномъ свѣтѣ представили міру свои добродѣтели, то для нечестивыхъ сдѣлались бы еще большимъ камнемъ преткновенія. Кто изъ святыхъ Божіихъ, открыто свѣтившихъ на свѣщницѣ міра, не былъ поносимъ и преслѣдуемъ отъ грѣшнаго и развращеннаго міра? Если же кто и послѣ этого хочетъ видѣть въ жизни св. юродивыхъ поводъ къ соблазну для другихъ, тотъ пусть вспомнитъ, что св. юродивые всегда молили Господа, чтобы Онъ простилъ невѣдѣніе поносившихъ ихъ, а иногда, когда то находили нужнымъ, и сами вразумляли соблазнявшихся ихъ поведеніемъ.

Такъ, когда нѣкій протокомить близъ Емессы видѣлъ св. юродиваго Симеона, носимаго блудницей на плечахъ, погоняемой сзади другою блудницею ремнемъ, пришелъ въ смущеніе отъ этого, то св. юродивый разсѣялъ его мысли такъ: „ударивъ его въ лице, откры одежду свою, и показавъ не стыдяся тѣло свое умерщвленное, сказа предъ нимъ глаголаше: здѣ ли взыгранію быти помышляеши, окаянне“ ¹¹⁾. Итакъ, для тѣхъ, которые считали св. юродивыхъ безумными, поступки ихъ не могли служить поводомъ къ соблазну.

Но, вѣдь, могли соблазняться тѣ, которые понимали св. юродивыхъ и считали ихъ святыми. Эти люди могли видѣть причину отступленія св. юродивыхъ отъ нѣкоторыхъ постановленій св. церкви и дѣйствительно видѣли. Такъ, діаконъ емесскій Іоаннъ, понимавшій св. Симеона, понялъ также и то, почему онъ однажды съ жадностью ѣлъ бобъ (послѣ 40-дневнаго поста) или рано утромъ въ виду всѣхъ въ великій четвергъ принималъ пищу ¹²⁾.

Значить для благонастроеннаго человѣка св. юродивый никогда не могъ быть камнемъ преткновенія; хорошій человѣкъ всегда съ сочувствіемъ долженъ отнестись къ бѣдственному положенію своего собрата, если онъ и не пойметъ его образа жизни и поведенія. „Чистымъ вся чиста“ ¹³⁾, невѣрнымъ же, преданнымъ страстямъ, грѣхолобивымъ и оскверненнымъ все кажется нечистымъ и все ихъ влечетъ къ грѣху: пища, питіе, одежда, мѣсто, время, лицо, дѣйствіе, бесѣда, взглядъ, осязаніе, обонаніе, вкусъ, слухъ, видъ, движеніе и все ихъ вызываетъ на беззаконіе“, говоритъ преп. Нилъ подвижникъ“ ¹⁴⁾.

Видоизмѣнимъ разбираемое недоумѣніе относительно „юродства“: не лучше ли было бы угодившему Богу, не принимая такого опаснаго подвига, жить благочестиво въ обществѣ и, такимъ образомъ, оказывать лишь одно положительное вліяніе на него, не будучи хотя бы косвеннымъ соблазномъ для другихъ?

¹¹⁾ Чет. Мин. 21 іюля, л. 150.
чт. 1844 г. ч. IV, стр. 56.

¹²⁾ Тамъ же.

¹³⁾ Тит. 1, 15.

¹⁴⁾ Христ.

Но, во-первыхъ, подвигъ „юродства“ есть подвигъ для избранныхъ и принимается подъ воздѣйствіемъ божественной благодати. Надо имѣть въ виду, что на этотъ подвигъ вступали мужи нравственной зрѣлости; одни изъ подвижниковъ приготовлялись къ нему пустынноческими подвигами (какъ напр. св. Симеонъ, прожившій до юродства въ пустынь 29 лѣтъ), иные шли спасать другихъ, приготовясь съ дѣтства къ смиренномудрію и къ созерцанію ¹⁵⁾, другіе руководились совѣтами духовныхъ своихъ отцевъ ¹⁶⁾. Прекрасную характеристику положенія св. юродивыхъ въ обществѣ можно усматривать въ словахъ св. Симеона новаго Богослова: „иже страхомъ Божиимъ ходитъ, сей съ мужи лукавыми обращая не боится, страхъ его внутрь имѣя, и нося неборимое вѣры оружіе, съ ними же возможетъ и можетъ вся творити, и яже мнятся многимъ неудобна и невозможна. Но яко-же нѣкій исполинъ посредѣ — обезьянъ или, левъ, рыкающій посредѣ псовъ и лисовъ пребывая, уповаеть на Господа: и твердостію мудрованія уязвляеть ихъ, и устрашаетъ смыслы ихъ, яко жезлъ желѣзный, премудрое наводя слово ¹⁷⁾).

Во-вторыхъ, безъ того, чтобы не быть предметомъ соблазна для кого либо и въ чемъ либо, нельзя обойтись и живя благочестиво. Лица, составляющія общество, всегда слишкомъ различны во взглядахъ, вкусахъ и по степени умственного и нравственного развитія, такъ что при такомъ различіи цѣнителей многіе добрые поступки однимъ могутъ казаться не благоразумными и, слѣдовательно, не произведутъ на нихъ желаемого воздѣйствія, а другими будутъ истолкованы даже въ дурную сторону. Не слѣдуетъ еще забывать и того, что злоба и зависть не только не изгнаны изъ міра, но даже и не обезсилены по сравненію съ прежними временами. Исторія можетъ убѣдить въ этомъ.

¹⁵⁾ Св. Николай Кочановъ „весьма изъ млада сердце свое яви горящимъ Богу и выну пребываше въ помышленіи о Бозѣ, Ковал., стр. 185. ¹⁶⁾ Такъ, затворникъ Иринархъ, благословляя св. Іоанна Большого Колпака на подвигъ „юродства“ и давъ ему совѣтъ носить желѣзные кресты, сказалъ ему пророчески; „дасть тебѣ Богъ поучать людей отъ востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей отъ пьянства; Ковалев., стр. 235. ¹⁷⁾ Добротол. § 52, л. 57 об.

Возьмемъ самое крупное изъ нея: чистѣйшая и святѣйшая жизнь Спасителя, Его безпримѣрные поступки, исполненное одной правдой ученіе, вліяли, толковались, вліяютъ и толкуются на протяженіи уже девятнадцати слишкомъ вѣковъ далеко неодинаково и часто превратно!

Но не лучше ли, возникаетъ опять недоразумѣніе, жить человѣку такъ, чтобы дѣятельность его и угодна была Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразна съ настоящею землею жизнію,—съ положеніемъ его въ обществѣ? Но никто не можетъ и не имѣетъ права назначать другому образъ жизни, чтобы онъ тѣмъ, а не другимъ путемъ достигалъ спасенія. Силы у людей различны, и всякій лучше самъ знаетъ свои силы, нежели ктонибудь другой: поэтому, всякій самъ лучше можетъ опредѣлить для себя и образъ дѣятельности, нежели кто другой.

По крайней мѣрѣ, никто не имѣетъ права упрекать другого въ томъ, что онъ избралъ тотъ, а не иной путь спасенія, которое совершается, надо еще замѣтить, не однѣми силами человѣка, но и содѣйствіемъ благодати, и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ благодать, наставляя человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни, тамъ расчеты ума должны умолкнуть.

Далѣе, недоумѣніе относительно „юродства“ носить чисто юридическій характеръ. Профессоръ Голубинскій въ своей исторіи русской церкви ¹⁸⁾ высказываетъ такое мнѣніе: „юродство по отношенію къ монахамъ, строго говоря, противоканоническій подвигъ, ибо юродствовать можно только въ міру, а монахъ неисходно долженъ пребывать въ монастырѣ“.

Такой взглядъ можетъ высказываться только тогда, когда имѣется въ виду одна внѣшняя сторона „юродства“ и совершенно опускается внутренній смыслъ подвига. Но изъ предыдущихъ разсужденій можно видѣть, что хотя св. юродивые жили въ міру, но они были одиноки не менѣе, чѣмъ монахи. Для другихъ людей они казались не тѣмъ,

¹⁸⁾ Стр. 547.

чѣмъ были на самомъ дѣлѣ—окружающіе ихъ не всѣ понимали. Монашество и духовное созерцаніе св. юродивыхъ продолжалось и среди міра. „Въ мірѣ живой безмолвствовалъ, яко въ пустыни; въ народѣ пребывая, яко въ кающихся обители“, говорится въ житіи св. Василия блаженного. Тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ св. юродивыхъ.

Преосв. митрополитъ Макарій въ своей церковной исторіи говоритъ, что „юродство“ поражало общество не столько внутреннимъ значеніемъ своимъ, сколько внѣшнимъ видомъ ¹⁹⁾. Вѣрнѣе думать, что народъ любилъ св. юродивыхъ за то, что они были носителями и выразителями правды Божіей и за то, что они несли тяготу народа на себѣ.

Вѣдь и Грозный изъ уваженія къ св. Василию блаженному несъ его гробъ на своихъ плечахъ, на что указываетъ преосвященный историкъ ²⁰⁾ не потому, что поражался внѣшнею стороною „юродства“ св. Василия, а потому, что тотъ своими прямыми обличеніями пробуждалъ совѣсть Грознаго царя и побуждалъ его одуматься.

Извѣстно изъ его житія, что когда св. Василій обличилъ Грознаго въ его намѣреніяхъ о постройкѣ дворца на Воробьевыхъ горахъ, то царь съ тѣхъ поръ „нача вельми чтити“ св. юродиваго.

Наконецъ, „юродство“ на первый взглядъ имѣетъ сходство съ цинизмомъ. Въ жизни св. юродивыхъ мы замѣчаемъ: суровый постъ, наготу, пріютъ—гнища и кучи мусора. То же самое по внѣшности находимъ и въ жизни циниковъ ²¹⁾. Антисеенъ ходилъ въ поношенномъ плащѣ, съ сумою и посохомъ; щеголя своею бѣдностію, отказывалъ себѣ во всякой пищѣ, кромѣ самой суровой. Діогенъ ограничивалъ свои желанія самымъ необходимымъ; ѣлъ мало, сырую или грубую пищу; вся его одежда состояла изъ плаща, сложенного вдвое; сума и огромный посохъ

¹⁹⁾ Истор. русск. церкви т. VIII. СПб. 1877 г., стр. 324—325. ²⁰⁾ Тамъ же.

²¹⁾ Вѣра и разумъ 1891 г. II, стр. 97—121, стат. проф. О. Зеленогорскаго: „циники“ (психологическій, моральный и соціальный этюдъ).

дополняли его нарядъ; спалъ онъ въ своей знаменитой бочкѣ; ѣлъ при всѣхъ, а также публично совершалъ свои отправленія, которыя совершаются скрытно; словомъ, онъ намѣренно оскорблялъ всѣ житейскія приличія. Такимъ образомъ, пріемы въ жизни св. юродивыхъ и циниковъ, повидимому, были одинаковы, но только повидимому. Велика разница между ними, если обратить вниманіе на исходную точку и мотивы тѣхъ и другихъ. Намѣренныя оскорбленія и нарушенія житейскихъ правилъ у циниковъ вытекали изъ презрѣнія къ окружающему міру и изъ личной гордости. Типичнымъ съ этой стороны является слѣдующій случай изъ жизни Діогена. Платонъ, устроивъ однажды пиръ для друзей, не пригласилъ на него Діогена. Во время самаго пира является Діогенъ въ своемъ обычномъ странномъ нарядѣ и, топча грязными босыми ногами богатый коверъ, говоритъ: „такъ я попираю гордость Платона“. „Еще съ большею гордостію“, замѣтилъ Платонъ. Не такъ поступали св. юродивые. Когда св. Николая Кочанова, пришедшаго по приглашенію новгородскаго вельможи на обѣдъ къ нему, избили слуги и изругали, онъ, „видѣвъ, яко не отъ своея воли се творять, но учими діаволомъ, терпяше съ радостью, благодаря и хваля Бога ²²⁾. Св. Исидоръ Твердисловъ, когда ему не далъ пить слуга княжескаго двора и выгналъ его вонъ и когда князь, узнавъ о случившемся, послалъ за св. юродивымъ и спросилъ его: „что нужно сдѣлать съ этимъ негодяемъ?“, то св. Исидоръ все простилъ служителю и безъ ропота вышелъ изъ дому. Значитъ, у древнихъ циниковъ за странными поступками скрывались гордость и эгоизмъ, а у св. юродивыхъ—смирненіе и любовь. Далѣе, въ достиженіи безстрастія между циниками и св. юродивыми замѣчается громадное различіе. Св. юродивые, какъ мы уже говорили объ этомъ, стремились достигнуть безстрастія путемъ непрерывныхъ аскетическихъ самолишеній, а циники думали, что существуетъ лишь два дѣйствительнѣйшихъ средства

²²⁾ Новг. еп. вѣд. № 14, 1898 г., стр. 864.

противъ сладострастія: голодъ и веревка. Это же ученіе встрѣчается въ ученіи стойковъ и буддистовъ. Разумѣется, поступающіе такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы развязать узелъ, разсѣкаютъ его; вмѣсто того, чтобы найти путь къ добродѣтели, самую добродѣтель укладываютъ въ гробъ.

Наконецъ, и энциклопедическій словарь, составленный учеными и литераторами въ 1861 г. имѣетъ о св. юродивыхъ неправильное понятіе, и совсѣмъ ихъ не чтитъ, уподобляя ихъ помѣшаннымъ странствующимъ дервишамъ-абдалямъ ²³⁾, какіе бываютъ у персіянъ и въ Индіи. По ученію персидскаго суфизма или мистицизма, абдали, въ числѣ 400, составляютъ второй разрядъ святыхъ, и на каждую эпоху считается 7 абдалей, представителей 7 земныхъ поясовъ ²⁴⁾. Можетъ ли подобное подраздѣленіе имѣть хоть тѣнь сходства съ „юродствомъ“!

Прославленіе Богомъ св. юродивыхъ ясно доказываетъ, что „юродство“ Христа ради пріятно Богу и слѣдовательно, спасительно: но эта важность „юродства“ въ дѣлѣ спасенія еще яснѣе откроется тогда, когда глубже вникнемъ въ существо „юродства“, какъ высшаго рода самоотверженія, гдѣ св. юродивые отрѣшались отъ той стороны ума, подъ вліяніемъ которой устраняется дѣятельность человѣка, какъ существа чувственнаго, какъ обитателя міра чувственнаго. При помощи выясненія сути самоотверженія, мы можемъ опредѣлить значеніе „юродства“, какъ проявленія самаго высшаго самоотверженія. Что такое самоотверженіе? оно есть такое состояніе человѣка, при которомъ онъ добровольно отвергается отъ всего, что въ немъ есть отъ естества и отъ ветхой жизни и отъ самой своей личности. Отсюда, значитъ, оно простирается, на все плотское въ человѣкѣ: всѣ побужденія, ощущенія, желанія, удовольствія, привязанности, корень которыхъ въ плоти и которыя проникнуты и заражены грѣхомъ, должны въ человѣкѣ какъ бы престать и умереть, такъ чтобы плоть нисколько

²³⁾ Абдаль-отшельникъ.

²⁴⁾ Словарь, СПб. 1861 г., стр. 41.

не стѣсняла и не подавляла духа, а жила только имъ и ради его; 2) на все душевное: человѣку должно отказаться и ни во что вмѣнить свой естественный разумъ со всѣмъ его мудрованіемъ, со всѣмъ знаніемъ, со всѣми началами и законами, сдѣлаться буимъ Христа ради и признать себя ничего незнающимъ и немогущимъ знать своими силами, а воспринять вмѣсто того разумъ Христовъ и плѣнить себя совершенно въ послушаніе евангелію, должно отречься отъ своей воли и отъ всѣхъ ея естественныхъ побужденій, хотѣній, привычекъ, пристрастій, ни во что вмѣнить самыя свои совершенства и добродѣтели и волею своею сдѣлать законъ Христовъ, должно отвергнуться отъ своего сердца со всѣмъ тѣмъ, что оно любитъ по естественному побужденію, къ чему стремится, чѣмъ услаждается и все его устремить къ единому Іисусу Христу, въ Немъ только и для Него любя и другіе предметы; 3) наконецъ, на самую личность: человѣку должно забыть себя, ничего не дѣлать для себя, а напротивъ, во всемъ видѣть и искать одного Іисуса Христа, все дѣлать ради Его и въ угожденіе Ему.

Можетъ быть, повидимому, такое самоотверженіе и не возможно и не должно быть такъ понимаемо, но въ такомъ то именно видѣ оно вполне и осуществлено св. юродивыми. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что безъ такого самоотверженія нѣтъ истиннаго христіанства, такъ какъ христіанская жизнь есть, вѣдь, не наша собственная жизнь, а жизнь Христова, жизнь Духа Божія въ насъ; слѣдовательно, она не иначе можетъ привиться, какъ только тогда, когда природа и личность наши уступятъ ей свое мѣсто и, такимъ образомъ, ничто собственно наше, ничто ветхое и естественное не будетъ ей препятствовать, и дѣятельность наша вездѣ будетъ проистекать не изъ естества, а отъ Іисуса Христа и благодати Св. Духа. Иначе же, чтобы человѣкъ ни дѣлалъ, какъ бы ни старался исправлять свою жизнь и украшать ее добрыми дѣлами, если все это будетъ происходить отъ насъ самихъ, отъ нашего ума, отъ нашей воли, будетъ походить на новый платъ, пришиваемый къ ветхой одеждѣ, по слову Христа Спасителя, послѣ

чего только горшая дѣла будетъ ²⁵⁾, или же на вино новое, вливаемое въ мѣхи ветхи, или же на прекрасные плоды, привѣшанные на ниткѣ къ безплодному дереву, а не выросшіе изъ его корня. Священное писаніе несомнѣнно предписываетъ самоотверженіе во всемъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Иисусъ Христосъ учитъ: „аще кто хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе“ ²⁶⁾ и далѣе указываетъ погубленіе души, какъ непремѣнное условіе къ обрѣтенію или спасенію ея. Въ другомъ мѣстѣ Христосъ говоритъ, что предъ любовью къ Нему должна уступать всякая естественная привязанность къ чему бы то ни было ²⁷⁾ И еще: „аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ принесетъ. Любяй душу свою погубитъ ю, и не навидяй души своя въ мірѣ семъ. въ животъ вѣчный сохранивъ ю“ ²⁸⁾.

Также и собственнымъ Своимъ примѣромъ Иисусъ Христосъ показалъ, что надлежитъ непремѣнно умереть, чтобы воскреснуть. Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что Христосъ за всѣхъ умре для того, да живущіи не ктому себе живутъ, но умершему за насъ и воскресшему ²⁹⁾, и о себѣ утверждаетъ, что онъ не самъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ ³⁰⁾; что внутренній человѣкъ обновляется въ немъ по мѣрѣ истлѣнія внѣшняго ³¹⁾; что онъ вмѣнилъ тщету и уметы быти не только всѣ свои пріобрѣтенія и преимущества, но и самую непорочность по правдѣ законной, и всѣмъ отщетился, да Христа пріобрѣщетъ ³²⁾. Въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій жизнь христіанскую онъ называетъ подобіемъ и пріобщеніемъ страданій Христовыхъ, сраспятіемъ съ Иисусомъ Христомъ, крещеніемъ въ смерть Его, спогребеніемъ Ему, и такое распятіе и смерть съ Спасителемъ поставляетъ непремѣннымъ признакомъ хри-

²⁵⁾ Мѣ. IX, 16, 17.

²⁶⁾ Мѣ. XVI, 24, 25, Мр. VIII, 34.

²⁷⁾ Мѣ. X, 37—39.

²⁸⁾ Іоанн. XII, 24, 25.

²⁹⁾ 2 Кор. V, 15.

³⁰⁾ Гал. II, 19.

³¹⁾ 2 Кор. XIV, 16.

³²⁾ Филипп. III, 3.

стіанства: „иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми ³⁵⁾).

Само собою разумѣется, что самоотверженіе въ такомъ смыслѣ не вдругъ приобрѣтается и мы знаемъ, что св. юродивые умирали мало по малу для міра, постепенно порабощая тѣло духу, по слову апостола ³⁴⁾). Такимъ образомъ, самоотверженіе есть смерть ветхой человѣческой природы, но не есть потеря личности, совершенное уничтоженіе природы. Напротивъ, самоотверженіе возвращаетъ человѣку власть надъ самимъ собою, дѣлаетъ его свободнымъ, такъ какъ самоотверженный человѣкъ, становится выше всего, его окружающаго, выше даже самого себя, ни къ чему на землѣ онъ не влечется и ни къ чему не привязывается, и поэтому, по духу своему является свободнымъ.

Въ чемъ же выражается духовная свобода самоотверженнаго человѣка?

Такъ какъ эгоизмъ владѣетъ чувственною природою человѣка посредствомъ плотскихъ удовольствій и наслажденій, то духовная свобода силою самоотверженія прежде всего возвышается надъ человѣкомъ, побѣждая похоть плоти ³⁵⁾).

Эгоизмъ держитъ волю человѣка въ цѣпяхъ, скованныхъ, такъ сказать, изъ сокровищъ и благъ міра, самоотверженіе расторгаетъ эти цѣпи, и человѣкъ, разрывая связь сердца съ земными сокровищами, разсуждаетъ такъ съ апостоломъ: „ничтоже внесохомъ въ міръ сей явѣ, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ ³⁶⁾).

Эгоизмъ увлекаетъ многихъ приманкою почестей и славы, самоотверженіе доставляетъ плѣнникамъ этимъ свободу, увлекая ихъ къ почести вышняго званія ³⁷⁾). Эгоизмъ основываетъ свое величіе въ умѣ человѣка на умственныхъ отличіяхъ, самоотверженіе, ставя это величіе ни во что, ничего болѣе знать не хочетъ, точію Іисуса Христа ³⁸⁾). Эго-

³³⁾ Гал. V, 24; VI, 24; Рим. VI, 3—11; VII, 4, 6; VIII, 13; 2 Кор. IV, 10, 11; Колос. II, 11, 12; XX, 3; 2 Тимов. II, 11, 12. ³⁴⁾ 1 Кор. IX, 27. ³⁵⁾ 1 Петр. II, 11. ³⁶⁾ Тим. VI, 7, 8. ³⁷⁾ Филипп. III, 4—8, 14. ³⁸⁾ 1 Кор. II, 2.

измъ извращаетъ въ сердцѣ человѣка и самую естественную любовь къ жизни, поставивъ цѣлю настоящей жизни эту же самую жизнь, самоотверженіе разрушаетъ этотъ оплотъ эгоизма, поставляя цѣлю жизни и смерти человѣка Христа Спасителя, потому что самоотверженный возвышается до такой свободы духа, что и самая жизнь нисколько не привязываетъ его къ себѣ и что ему и „еже жити Христосъ; и еже умрети, приобрѣтеніе“ ³⁹⁾).

Такое именно христіанское самоотверженіе мы и видимъ въ подвигѣ „юродства“. Оно въ немъ является не столько внѣшнимъ, сколько внутреннимъ, состоящимъ въ отсѣченіи отъ сердца нечистыхъ помысловъ и страстей. Но внутреннее самоотверженіе само собою вызываетъ внѣшнее, а чаще внѣшнее самоотверженіе производитъ внутреннее; такъ въ жизни всѣхъ св. подвижниковъ, а въ частности, св. юродивыхъ, мы замѣчаемъ, что они всегда почти восходили къ внутреннему самоотверженію чрезъ внѣшнее, хотя одно внѣшнее самоотверженіе безъ внутренняго не составляетъ истиннаго самоотверженія и не производитъ духовной свободы, которая побуждаетъ самоотверженно спасать другихъ отъ зноя и холода (св. Серапіонъ), помогать бѣднымъ, полагать душу свою за спасеніе падшихъ и пр. и пр.

Далѣе, „юродство“ есть родъ высшей степени самообладанія. Вѣдь, св. юродивые, достигая высшихъ ступеней нравственнаго развитія, не были тутъ навсегда гарантированы отъ преобладанія страстей низшихъ надъ высшими требованіями нравственнаго закона ⁴⁰⁾; и здѣсь то имъ пришлось проявить во всей своей силѣ самоуправленіе. Прежде всего, живя въ міру, они естественно — могли согрѣшати мыслію. Значитъ, и первымъ проявленіемъ самообладанія св. юродивыхъ было надлежащее управленіе своими мыслями, умомъ. Кто научится здраво, спасительно мыслить, тотъ возьметъ верхъ надъ низшими страстями плоти, и

³⁹⁾ Филипп. I, 21. ⁴⁰⁾ Св. Исаакій Печерскій, возмечтавшій о своей святости, поклонился до земли діаволу, явившемуся въ образѣ Іисуса Христа; Кіево-Печ. Патер. 14 февр.

христiанскія мысли своею чистотою могутъ прогонять тѣ унизительныя и развращающія мысли, которымъ люди часто любятъ предаваться и отъ которыхъ часто нравственно гибнутъ. Надо полагать, что и чистота отношеній, полнѣйшее безстрастiе св. юродивыхъ (напр. св. Симеона) было проявленiемъ ихъ свѣтлыхъ мыслей. Чистотою мыслей (св. Симеонъ въ женской банѣ) они отгоняли отъ себя всякiя плотскiя пожеланiя, и умъ ихъ не разбѣгался по распутiямъ мiра.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманiе на употребленiе ума и на его значенiе во внѣшней жизни, гдѣ онъ является силою, которая чрезъ сообщенiе другимъ нашихъ мыслей и чувствованiй въ словѣ, сближаетъ насъ съ ними и соединяетъ, то смѣло можемъ признать „юродство“ съ этой стороны подвигомъ безпримѣрнаго самоотверженiя, отказаться отъ ума для внѣшней жизни, значитъ отвергнуться всего себя, оставить почти одно имя человѣка, прервать обыкновенный союзъ съ ближними, закрыть свою душу отъ всѣхъ и cadaго, осудить себя на перенесенiе отъ нихъ всего, что обыкновенно бываетъ слѣдствiемъ безумiя,—это значитъ осудить себя на всѣ лишенiя, не имѣть нужнаго для поддержанiя внѣшняго своего бытiя—пищи для пропитанiя, одежды для прикрытiя наготы, жилища для прiюта. Проводя жизнь въ обществѣ, св. юродивые были не менѣе одиноки, какъ и живущiе въ дикихъ пустыняхъ, ихъ души, исполненныя высокими, святыми чувствами, съ обѣтомъ „юродства“ до конца жизни, большею частiю, закрыты для всѣхъ и cadaго. Не каждому изъ нихъ случалось въ продолженiи цѣлой жизни найти человѣка, которому бы можно или должно было сказать нѣсколько словъ, могущихъ дать понятiе, что онъ не тотъ, какимъ его считаютъ, что онъ знаетъ Бога, знаетъ присныхъ о Христѣ братiй и молится за нихъ. Чтобы имѣть такую силу самообладанiя, какую мы замѣчаемъ въ „юродствѣ“, для этого необходимо самопознанiе, требующее того, чтобы человѣкъ, отвлекая свой взглядъ отъ внѣшнихъ предметовъ, обращался къ себѣ и замѣчалъ въ своей природѣ всѣ,

представляющіяся ему общія или частныя, существенныя или случайныя, хорошія или худыя свойства.

Самопознаніе было непрерывнымъ дѣломъ цѣлой жизни св. юродивыхъ. Они съ неослабною бдительностію наблюдали за каждымъ проявленіемъ своей мысли, внимательно слѣдили за самыми тайными своими чувствованіями и желаніями и силою Божіей благодати, призываемой молитвою и самоотверженіемъ, прозорливо предотвращали даже малѣйшее поползновеніе своей природы къ нарушенію небесной правды, внушаемой начертаннымъ въ человѣкѣ закономъ духа и гласно проповѣдуемой въ словѣ Божіемъ. Самопознаніе св. юродивыхъ не только благотворно было для нихъ самихъ, но имѣло еще обширнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на самое окружавшее ихъ общество. Оно обуздывало въ немъ порывы эгоистическаго самомнѣнія, сообщало ему прекрасный характеръ христіанской скромности и сдержанности и располагало его къ жизни мѣрной и равной, къ дѣятельности строгой и обдуманной, къ основательности во всѣхъ его предначинаніяхъ. Такимъ образомъ, чрезъ самоотверженіе въ „юродствѣ“ происходило отложеніе или совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣяньми его ⁴¹⁾, измѣненіе грѣховнаго образа мыслей, желаній, чувствованій и дѣйствій, совершенное исправленіе своей жизни и осуществленіе евангельскихъ добродѣтелей, совокупность которыхъ составляетъ святость.

Въ заключеніе I-ой части сочиненія, очень кратко коснемся современнаго „юродства“.

Въ настоящее время въ рѣдкомъ городѣ нельзя не встрѣтить лицъ мужскаго и женскаго пола, которыя своимъ образомъ жизни, своими поступками, вообще своимъ поведеніемъ напоминаютъ прославленныхъ св. церковію Христа ради юродивыхъ, потому и извѣстны въ народѣ также подъ именами юродивыхъ. Божіихъ людей, или просто подъ своими уменьшительными именами; Иванушка, Антонушка, Павлуша, Петруша, Маша, Аннушка, Дарьюшка и

⁴¹⁾ Ефес. IV, 22.

т. п. Ихъ нерѣдко можно видѣть на улицахъ, а всего болѣе они витають около храмовъ Божіихъ, ходять босые въ худыхъ рубищахъ, съ растрепанными волосами, съ посохами въ рукахъ, обвѣшанные различными побрякушками, четками, веревочками и т. п. Своими словами, замѣчаніями и разными странными поступками вызываютъ они у однихъ улыбку, у другихъ насмѣшку, у иныхъ отвращеніе. Такъ какъ подобные люди не причиняють никому существеннаго зла, и своимъ поведеніемъ, выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка жизни, не производять замѣтныхъ безпорядковъ, то и остаются большею частію безъ присмотра и наблюденія. Гдѣ они имѣють пристанища, чѣмъ питаются, до этого многимъ нѣтъ дѣла: только сердобольныя вдовы, набожныя старыя барыни, особенно купчихи, даютъ имъ у себя пріютъ и столъ, и въ сладость слушаютъ ихъ наставленія.

Таковъ былъ въ 60 годахъ прошлаго столѣтія въ Муромѣ нѣкто Антоній. Жилъ онъ въ тѣсной кельѣ, рѣдко являлся въ храмъ, а больше нигдѣ. Волосы носилъ длинныя, въ безпорядкѣ разбросанныя, такъ что они закрывали все его лицо. Въ храмъ становился онъ всегда на одномъ мѣстѣ и ни на кого изъ присутствующихъ не обращалъ вниманія. Въ народѣ пользовался большимъ уваженіемъ. Такого рода Божьи люди живутъ обыкновенно въ тѣсныхъ келійкахъ, построенныхъ усердствующими, имѣють при себѣ послушника или послушницу, которые докладываютъ о приходящихъ и принимаютъ отъ нихъ приношеніе. Образъ жизни этихъ затворниковъ большею частію мало извѣстенъ, потому что рѣдко они выходятъ изъ своего постоянного затвора, а при посѣтителяхъ ведутъ себя вообще осторожно. Въ бесѣдѣ съ посѣтителемъ они не словоохотливы; впрочемъ у иныхъ въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая разборчивость,—съ одними изъ посѣтителей говорятъ больше, съ другими очень мало; весьма нерѣдко эта разборчивость опредѣляется званіемъ и состояніемъ приходящихъ, еще чаще—различными приношеніями. Малыя приношенія удостоиваются краткихъ отвѣтовъ, а иногда и никакихъ

не удостоиваются; большія же приношенія встрѣчаютъ радужный пріемъ и обильную рѣчь; только рѣчь эта всегда иносказательна, загадочна, представляется въ различныхъ притчахъ, такъ что слушатели сначала большею частію не понимаютъ сказаннаго, а потомъ уже сказанное прилагаютъ къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ своей жизни, желая истолковать загадочныя слова юродивыхъ.

Первое основаніе уваженія и довѣрія къ юродивымъ заключается въ томъ, что въ нашемъ народѣ живо преданіе о святыхъ, прославленныхъ церковію, извѣстныхъ именемъ юродивыхъ или блаженныхъ. Очень многіе изъ простолудиновъ, даже неграмотныхъ, знаютъ житіе и подвиги св. Андрея юродиваго, Василия блаженнаго и пр. и потому, когда замѣчаютъ что либо подобное въ жизни и дѣйствіяхъ теперь появляющихся юродивыхъ и блаженныхъ, тотчасъ переносятъ на нихъ свои готовые представленія и думаютъ видѣть въ этихъ лицахъ такихъ же точно блаженныхъ, каковы были св. Андрей и др. Послѣ этого, естественно, обращаются къ нимъ, какъ людямъ, особенно угоднымъ Богу, во всякомъ поступкѣ и словѣ ихъ думаютъ видѣть что либо необычайное, пророческое. Если юродивый посѣтитъ домъ, почитаютъ это великимъ счастьемъ; если даже изругаетъ, и то принимаютъ съ благоговѣніемъ. Съ другой стороны, причина уваженія и довѣрія ко всякаго рода юродивымъ заключается въ особомъ характерѣ этихъ лицъ, которыя принимаютъ ихъ. Это люди съ религіознымъ настроеніемъ, но не имѣющіе ясныхъ и твердыхъ понятій о религіи, съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, способные подчиняться вліянію всякаго, въ комъ только видятъ что-нибудь особенное, выходящее изъ круга обыкновенныхъ явленій въ религіозномъ отношеніи; это по преимуществу женщины и простой народъ. Вѣра женщинъ, даже образованныхъ, тѣмъ болѣе вѣра простого народа—тепла, искренна; но она не имѣетъ въ нихъ самыхъ твердыхъ нравственныхъ опоръ, не освящена ясными понятіями о божественномъ промыслѣ, о силѣ благодати, о значеніи молитвъ церкви, особенно приношенія безкровной жертвы и о дру-

гихъ религіозныхъ истинахъ, которыя могутъ служить руководствомъ, отрадою и утѣшеніемъ во всѣхъ случаяхъ жизни; потому то люди съ подобнымъ характеромъ вѣры большею частію суевѣрны, легкомысленны, безразлично до вѣрчивы и, по своей безотчетной религіозности, почитаютъ святымъ дѣломъ ухаживать безъ разбору за всякими странниками и юродивыми и въ сладость слушаютъ ихъ наставленія, почитаютъ для себя великимъ счастіемъ, если эти люди оказываютъ какое либо вниманіе къ ихъ усердію и нравственнымъ ихъ нуждамъ. Кто глубоко проникнуть истиннымъ христіанскимъ духомъ, имѣетъ твердыя нравственныя убѣжденія, достаточно знакомъ съ истинами вѣры и требованіями церкви, тотъ, въ случаѣ какихъ либо недоумѣній или тревогъ совѣсти, въ себѣ самомъ, въ своихъ убѣжденіяхъ найдетъ источникъ успокоенія и ободренія; если этого недостаточно, поспѣшитъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, туда, гдѣ есть истинное и всегда готовое разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ совѣсти и нравственной жизни, т. е. къ церкви, къ ея пастырямъ и учителямъ. Напротивъ, кто и въ себѣ самомъ не имѣетъ твердыхъ нравственныхъ опоръ и не знаетъ, гдѣ найти ихъ, кто въ простотѣ сердца способенъ вѣрить всякому внушенію, лишь бы оно носило характеръ религіозности, особенно, если исходитъ изъ устъ людей, кажущихся необыкновенными, похожими на чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ, каковыми считаются мнимо юродивые, тотъ естественно обращается къ подобнымъ лицамъ и ввѣряетъ имъ всю свою душу.

Наконецъ, одною не изъ послѣднихъ, а, можетъ быть, и изъ первыхъ причинъ уваженія и довѣрія къ мнимо-юродивымъ и блаженнымъ можно почестъ то, что пастыри церкви мало обращаютъ вниманія какъ на самихъ мнимо-юродивыхъ, такъ и на нравственное состояніе своихъ пасомыхъ. Все знакомство пастыря съ нравственными потребностями пасомыхъ ограничивается по большей части одною исповѣдію, а послѣ того ему мало нужды, насколько совѣты его оправдываются дѣломъ; онъ и не заботится о томъ, чтобы пасомые во всякой душевной нуждѣ, при каждомъ недо-

умѣніи совѣсти обращались къ нему за совѣтомъ и вразумленіемъ, Такая отдаленность пастыря отъ своихъ пасомыхъ и побуждаетъ послѣднихъ со своими духовными нуждами обращаться къ лицамъ постороннимъ, помимо своихъ пастырей, и стоитъ только человѣку высказать какое-либо знаніе случайныхъ обстоятельствъ изъ семейной жизни (а знаніе это пріобрѣтается весьма легко—сами же приходящіе рассказываютъ, что случается у другихъ) заинтересовать загадочною рѣчью, явить себя въ своемъ образѣ жизни и дѣйствіяхъ не похожимъ на всѣхъ,—онъ войдетъ въ славу и не отобьется отъ приходящихъ за совѣтами. При близости мнимо-юродивыхъ къ простому народу, при безцеремонности ихъ обращенія, которое нравится простолюдинамъ, загадочность и таинственность рѣчи особенно привлекаетъ къ нимъ слушателей. Пройди только юродивый мимо смиренной, задумавшейся богомолки, скажи ей какъ бы мимоходомъ неопредѣленное замѣчаніе въ родѣ слѣдующаго: „затопила баба печку, а дымъ то такъ клубомъ, клубомъ и пошелъ“. Или: „поѣхалъ мужикъ за дровами, наложилъ большой возъ, везъ его, да и не доѣхалъ“. Какъ смутится бѣдная, услышавши такое замѣчаніе! ей непременно представится, что въ домѣ не все благополучно, или съ ней какое-либо случится несчастіе, и послѣ она сама уже будетъ искать случая встрѣтиться съ Божіимъ человѣкомъ, съ тѣмъ, чтобы услышать отъ него что-либо опредѣленное.

Пастырь церкви и долженъ слѣдить за всякимъ особеннымъ явленіемъ въ жизни своихъ пасомыхъ, и дѣйствія юродивыхъ повѣрять сказаніями о прославленныхъ святыхъ и всѣми мѣрами стараться узнавать о нравственномъ качествѣ самихъ юродивыхъ. Поставляя себя въ близкое отношеніе къ своимъ пасомымъ, которые не будутъ чувствовать никакого стѣсненія или затрудненія, когда откроется надобность обратиться къ своему духовному отцу,—заявляя предъ ними полную готовность помогать и содѣйствовать имъ въ духовныхъ нуждахъ, когда бы они не обратились къ нему,—пастырь тѣмъ самымъ уже устранитъ мысль о потребности учителей, прямымъ образомъ не призванныхъ

къ этому дѣлу, и пасомые не будутъ имѣть надобности
искать себѣ совѣтниковъ и руководителей помимо тѣхъ,
которые благодатію Божіею призваны и посвящены на это
служеніе.

Часть II.

ГЛАВА I.

Предварительныя свѣдѣнія о св. столпникахъ и о „столпничествѣ“.

Названіе столпниковъ (στυλῖται, κλονῖται, columnares) въ церкви христіанской дано не многимъ пустынникамъ, подвизавшимся на столпахъ. Къ числу ихъ относятся:

1) Св. Симеонъ, сирійскій пустынникъ (1 Сент.), о которомъ, какъ о первомъ столпникѣ, повѣствуетъ блаж. Θεοδορίтъ; родиною св. Симеона было селеніе Сисаны Киликійской области; отца его звали Сусотіанъ, а мать—Марѳа; относительно времени стоянія его на столпѣ историки разногласятъ: нѣкоторые говорятъ, что св. Симеонъ подвизался на столпѣ 47 лѣтъ, другіе—40, а иные—80 лѣтъ; первыя мнѣнія не вѣрны. Извѣстно, что св. Симеонъ жилъ всего 103 года; на 12 году вступилъ въ монастырь, а на 18-мъ постригся въ монахи, и вскорѣ удалился на гору близъ села Таланиссы; черезъ 3 года потомъ взошелъ онъ на столпъ, на которомъ оставался до конца своей жизни, слѣдовательно 80 лѣтъ, какъ говорится въ книгѣ „обѣдъ душевный“ въ 1-мъ словѣ, въ нед. 2-ю по святомъ Духѣ, на л. 123. Не вѣрность произошла, вѣроятно, отъ того, что первыя свѣдѣнія основаны на свидѣтельствѣ блаж. Θεοδορίта и др. писателей, не дожившихъ до кончины св. Симеона, умершаго въ царствованіе Льва Великаго въ 459 г. ¹⁾ Въ прологѣ

¹⁾ По свидѣтельству Кедрина.

помѣщены: „слово отъ Лимониса о Минѣ діаконѣ, иже иде въ міръ, свергъ иноческій образъ, и паки отъ св. Симеона облеченъ въ него, и спасеся“, „чудо о пресвитерѣ“ и „чудо о друзѣмъ пресвитерѣ“ ²⁾). О подвигахъ св. Симеона повѣствуютъ его ученики: Антоній и Косьма ³⁾).

2) Св. Даніилъ (11 декабря) родомъ изъ Месопотаміи, но не изъ села Виѳара, — между Тигромъ и Евфратомъ, близъ города Самосаты, какъ говорится въ Четіихъ Миняяхъ, а изъ Мараѳа, какъ сказано въ патрологіи Миня ⁴⁾; родителей его звали Илія и Марѳа; подробное житіе св. Даніила находится у Симеона Метафраста. Хронологическія показанія и подробное раскрытіе различныхъ обстоятельствъ жизни св. Даніила столпника въ метафрастовомъ сказаніи ведутъ къ предположенію, что оно заимствовано изъ современнаго источника, а можетъ быть, изъ житія святаго Даніила, извѣстнаго по рукописямъ и составленнаго современникомъ и отчасти очевидцемъ ⁵⁾). Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ 3-мъ словѣ объ иконахъ ссылается на житіе св. Даніила, по свидѣтельству Баронія и Еводія Ассемани. Θεодоръ чтець говоритъ о св. Даніилѣ, что онъ, пришедши изъ монастыря Симеонова (перваго столпника), восшелъ на столпъ въ Анаплѣ, что онъ возсталъ противъ царя Василиска, отвергнувшаго указомъ Халкидонскій (IV) соборъ ⁶⁾). Св. Даніилъ жилъ 80 л. и 3 мѣс. по сказанію св. Димитрія Ростовскаго. Годъ смерти его опредѣляется различно: Вершинскій (въ своемъ мѣсяцесловѣ) показываетъ 489 г., а Штадлеръ 490 г.

3) Св. Іоаннъ и

4) Св. Симеонъ Дивногорець, называемый младшимъ (24 декабря). Онъ родился въ царствованіе Юстина I въ 521 г. въ Антиохіи, столицѣ Сиріи. О жизни св. Симеона Дивногорца, попутно съ которой описываются и подвиги св. столпника Іоанна, его современника,—повѣствуетъ Ева-

²⁾ Л. 2 и 3. ³⁾ Патрологія Филарета, архіеп. Черниговск. т. III, § 191 стр. 8; св. Димитрій Ростовскій, Горскаго, стр. 133—134; Петровъ о происхожден. и сост. пролога, стр. 33. ⁴⁾ Мѣсяцесловъ Востока, Сергій, архіеп. Владим. 1901 г. Владиміръ II т. Замѣтки, стр. 500. ⁵⁾ Горскій, св. Димитрій Ростовскій. Москва. 1849 г., стр. 149. ⁶⁾ Мѣсяцесловъ Востока, стр. 500, II т. Замѣтки.

грий, очевидецъ, часто посѣщавшій св. столпника на его столпѣ. Полная его жизнь была написана Аркадіемъ, епископомъ Кипрскимъ (630—638). Твореніе это теперь потеряно, но его зналъ препод. Іоаннъ Дамаскинъ, ссылавшійся на него во 2-мъ словѣ объ иконахъ и достовѣрность его засвидѣтельствовалъ VII вселенскій соборъ въ 4 засѣданіи, по сказанію котораго, св. Дивногорецъ совершилъ 132 чуда. Сказаніе о подвигахъ и чудесахъ его заимствуютъ изъ сочиненія Никифора, магистра Антіохіи, по прозванію *Ὁδρανός*, жившаго при императорѣ Василии II (976—1025), которое представляетъ собою риторическую обработку перваго житія и изъ *βίος ἐν συντόμῳ*, имѣющагося въ одномъ спискѣ парижской національной бібліотеки и, наконецъ, изъ житія, написаннаго Іоанномъ Петринымъ (XI в.), воспользовавшимся пространнымъ сказаніемъ Никифора Урана (X в.). Въ мученическихъ актахъ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ устныхъ бесѣдъ св. Дивногорца, который извѣстенъ еще и какъ творецъ церковныхъ пѣснопѣній ⁷⁾ и посланія къ императору Юстиніану, читаннаго на засѣданіяхъ VII всел. собора ⁸⁾. Сохранились также письма его, посланныя со столпа къ императору Юстиніану и Юстину II и касающіяся возникшихъ въ то время ересей несторіанъ и самаритянъ. Кромѣ того онъ сочинилъ рядъ аскетическихъ статей. Приписывается ему и уцѣлѣвшій апокалипсисъ, но здѣсь авторство св. Симеона сомнительно, хотя это откровеніе уже въ VII в. упоминается, какъ его сочиненіе ⁹⁾. Умеръ св. Симеонъ въ 596 г.

5) Антоній—столпникъ Марткопскій. Антоній Марткопскій принадлежалъ къ числу 13 сирскихъ или каппадокійскихъ отцевъ, прибывшихъ въ Грузію въ VI в. Ученикъ св. Іоанна, инокъ Антоній, благовѣствовалъ Христа сперва около Зедазнійской горы, въ Кахетіи, затѣмъ поселился въ Лопатанскомъ ущельѣ и тутъ за рѣкою Алазаною устроилъ

⁷⁾ О чемъ есть изслѣдованіе г. Попадопуло-Керамевса въ Визант. Врем. за 1894 г. „Симонъ Ѳавмасторитъ, какъ пѣснописецъ и составитель церковныхъ мелодій“, стр. 141—150. ⁸⁾ Виз. Врем. 1899 г. отд. II, стр. 538—542. ⁹⁾ Виз. Врем. 1899 г. отд. III, стр. 537—538.

для своихъ учениковъ монастырь, наконецъ, удалился въ лѣсную и непроходимую гору Акріанскую, гдѣ также основалъ монастырь Марткопскій; водворивъ въ этой обители чинъ и порядокъ среди братіи, преп. Антоній на сосѣднемъ высокомъ утесѣ Марткопской горы устроилъ для себя каменный столпъ съ церковью во имя Симеона столпника и провелъ здѣсь послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни. Подъ руководствомъ св. Іоанна Зедазтели онъ просвѣщалъ народъ свѣтомъ христіанскаго знанія и водворилъ здѣсь истинное подвижничество ¹⁰⁾).

6) Св. Алипій (26 ноября) родился въ Адріанополѣ пафлагонитскомъ при импер. Иракліи (610 — 641). Житіе его описано Метафрастомъ, который пользовался жизнеописаніемъ, составленнымъ однимъ изъ его учениковъ и помѣщеннымъ у Сурія подъ 26-мъ ноября. Что житіе св. Алипія писано ближайшимъ его ученикомъ и соотечественникомъ, это ясно видно изъ слѣдующаго: описывая возвращеніе св. Алипія въ отечество, въ Адріанополь, откуда онъ удалился было искать болѣе удобнаго мѣста для своихъ подвиговъ, біографъ говоритъ: „Богу угодно было явить намъ такую милость, что Онъ даровалъ спасительный плодъ тому самому городу, въ которомъ онъ возросъ“. Жизнеописатель и прямо называетъ его своимъ отцомъ, а себя отраслью его сада, хотя и позднюю. Въ концѣ житія онъ обращается къ святому съ воззваніемъ и молитъ его: „призри на насъ и сжался надъ нами, которыхъ ты собралъ и оставилъ сиротами и пр.“. Словомъ, все жизнеописаніе проникнуто благоговѣйнымъ чувствомъ ученика, съ которымъ недавно обращался святой столпникъ ¹¹⁾. Св. Алипій стоялъ на столпѣ 53 года и умеръ 118 лѣтъ.

7) Св. Θεодосій Эдесскій (конца VIII в. и начала IX в.), упоминаемый въ житіи св. Θεодора Эдесскаго (9 іюля); стоялъ на столпѣ болѣе 50 лѣтъ.

¹⁰⁾ Епископъ Киріонъ. Жизнь и подвиги преп. Антонія столпника, чудотворца Марткопскаго. Тифлисъ; стр. 16. 1899 г. ¹¹⁾ Горскій, св. Димитрій Ростов. стр. 146.

8) Св. Лука халкидонскій, новый столпникъ (11 декабря). Онъ воевалъ съ болгарами при греческихъ царяхъ Романъ I (917 — 944) и Константинъ Багрянородномъ (912—959), а послѣ того 50 лѣтъ подвизался въ монашествѣ. Годъ смерти его падаетъ на 970—980. Дѣло въ томъ, что съ греками воевалъ и едва не сокрушилъ греческую имперію Симеонъ, царь Болгарскій (896—927); послѣ него съ греками былъ миръ; слѣдовательно, кончина св. Луки была между 970 — 980 г., а такъ какъ описанная въ прологѣ битва его была въ 917 году, то, значитъ, вѣрнѣе кончину св. Луки полагать около 970 г. ¹²⁾.

9) Св. Никита (24 мая), уроженецъ г. Переяславля Залѣскаго, жилъ въ XII вѣкѣ. Житіе св. столпника Никиты помѣщается въ рукописномъ житіи, хранящемся въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ. Краткое извлеченіе изъ него сдѣлано въ прологѣ подъ 24 мая и въ книгѣ магистра богословія іеромонаха Іосафа: „краткія свѣдѣнія о св. угодникахъ Божіихъ и мѣстно чтимыхъ подвижникахъ благочестія, коихъ св. мощи почиваютъ въ церквахъ Владимірской епархіи. Владиміръ, 1860 г., стр. 81. А. Кадлубовскій, разсматривая происхожденіе и литературную исторію житія св. Никиты Переяславскаго столпника въ Филологическомъ вѣстникѣ за 1898 г. ¹³⁾, говоритъ, что оно составлено подъ вліяніемъ греческаго житія св. великомученика Никиты. Св. столпникъ Никита былъ убитъ ворами съ цѣлю грабежа въ 1186 г. по Калайдовичу ¹⁴⁾, а по историческому словарю въ 1189 г. ¹⁵⁾. Едва ли св. Никита былъ убитъ своими учениками, какъ думаетъ г. Толстой въ своемъ описаніи (стр. 87), такъ какъ ученики знали, вѣроятно, — какія носилъ онъ вериги — серебряныя или желѣзныя, да и были ли у него ученики?

10) Св. Кириллъ Туровскій, жившій въ одно время съ Никитою Переяславскимъ; но онъ не можетъ быть названъ столпникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются осталь-

¹²⁾ Полн. Мѣсяц. Востока, стр. 381 и замѣтки II т., стр. 500, 501. ¹³⁾ № 3 и 4, стр. 118 и сл. ¹⁴⁾ Пред. къ памяtn. російск. словесн. XII в., стр. XXII. Москва. 1821 г. ¹⁵⁾ Стр. 180.

ные. Св. Кириллѣ имѣлъ обыкновеніе только по временамъ заключаться въ узкую башню и стоять въ ней по нѣсколько дней.

11) Св. Савва Вишерскій (1 окт.), сынъ боярина Ивана Васильевича Борозды (изъ Твери), родился въ 1381 г. въ г. Кашинѣ. По сказанію краткой лѣтописи монастырской ¹⁶⁾, онъ самъ построилъ свой монастырь съ деревянною церковію по благословенію Симеона, архіепископа Новгородскаго въ 1417 г., „при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ. Толстой, основываясь на новгородской лѣтописи, гдѣ надъ 6926 г. записано: „поставили четыре церкви деревянныхъ... Вознесенія Христова въ Савинѣ пустынѣ у Саввы Вишерскаго“, утверждаетъ, что воздвигнуть храмъ былъ въ 1418 г.: онъ вѣроятно имѣетъ въ виду окончаніе храма — освященіе его ¹⁷⁾. Св. Савва въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви ¹⁸⁾ создалъ для себя столпъ, на которомъ имѣлъ обыкновеніе стоять всю недѣлю, сходя съ него въ субботу къ братіи. Житіе св. Саввы писано Пахоміемъ Логоветомъ и не въ 1460 — 1461 годахъ, когда Пахомій жилъ у архіепископа Іоны въ Новгородѣ, а въ 1464 году ¹⁹⁾. Годъ смерти св. Саввы Вишерскаго падаетъ на 1460 г.

12) Св. Симеонъ, третій столпникъ (26 іюля). По извѣстію мѣсяцеслова преосв. Сергія онъ упоминается въ минеяхъ XI в. и ему имѣется канонъ съ акростихомъ: „τοὺς ἀνταδέλφους“, т. е. и его брату Георгію. Преосвящ. Сергій полагаетъ, что здѣсь имѣется въ виду киликійскій столпникъ, убіенный молніею въ VI вѣкѣ, хотя нѣкоторые желаютъ видѣть въ воспоминаніи „св. Симеона въ пещерѣ, въ оградѣ“, 1-го столпника ²⁰⁾. Имя этого столпника упоминается въ пѣснопѣніяхъ сырной субботы ²¹⁾.

¹⁶⁾ Иеромонаха Алексія, стр. 1. ¹⁷⁾ Святѣи и древности Новгорода Великаго 1860 г., стр. 220. ¹⁸⁾ По Толстому — близъ обители, стр. 220. ¹⁹⁾ Древне-русск. жит. св., какъ истор. источникъ. М. 1871 г. Ключевскій, стр. 123, 157. ²⁰⁾ Мѣсяцесловъ Востока. Владиміръ. 1901 г. т. II, стр. 123 и 534 и замѣтки, стр. 286. ²¹⁾ Кайдаловъ упоминаетъ еще о Даниилѣ столпникѣ, подвизавшемся въ Ануфриевѣ-Тропневѣ монастырѣ (выписки изъ свяцевъ конца XVII в.) и преосв. Сергій о Лукѣ, стоявшемъ на столпѣ въ Евтропьевѣ монастырѣ, Новгор. губ. (стр. 569.) Они не канонизованы.

На Западѣ, сколько извѣстно, „столпничество“ не привилось. Григорій Турскій въ своей исторіи франковъ повѣствуетъ: когда одинъ отшельникъ, вѣроятно, Вульфляихъ, по примѣру восточныхъ столпниковъ, устроилъ себѣ столпъ близъ Трира, въ Арденскихъ горахъ, то Галльскіе епископы взглянули на это не благосклонно и приказали столпъ разрушить ²²⁾.

На востокъ же подвиги стоянія на столпѣ ради благочестія встрѣчаются еще ранѣе IV вѣка. Св. Ефремъ Сиринъ въ 29 поученіи къ египетскимъ монахамъ говоритъ, что онъ видѣлъ человѣка, который ради добродѣтели стоялъ на столпѣ. Продолжались подвиги столпничества, по свидѣтельству Никиты Хоніата, до XII вѣка, а въ Россіи до половины XV вѣка. Древность „столпничества“ подтверждаетъ св. Григорій Назіанзинъ (IV в.). Онъ говоритъ: „нѣкто, о чудо! цѣлые годы стоитъ на священномъ мѣстѣ, простирая честныя руки и не спитъ, превращенный въ живой камень Христомъ“, и дальше: „на божественной горѣ, съ коей, претерпѣвшій страданія, вознесся Христосъ, когда оставилъ сей міръ, стоитъ поражаемый снѣжной мятелюю и вѣтромъ, нѣкій человѣкъ, не смущаемый ни мыслью, ни рѣчью“. Въ житіи Павла Латросскаго говорится, что „онъ, вышедъ изъ монастыря, при чемъ благочестивый Димитрій, не противился разлукѣ, возвратился быстрыми шагами къ горѣ Латросу. Тамъ онъ, воспѣвая псалмы Давида, обошелъ всѣ пещеры и вершины. Встрѣтивъ одного монаха, по имени Аѳанасія, онъ просилъ его соорудить ему, вблизи лавры Спасителя, столпъ для того, чтобы не только отъ людей удалиться на него, но чтобы и тѣломъ желать приблизиться къ небесамъ. Аѳанасій указалъ ему другой столпъ нерукотворный; это была весьма высокая скала, достигавшая до облаковъ“. Изъ приведеннаго разсказа видно, что подвигъ непрестаннаго стоянія на ровномъ мѣстѣ не удовлетворялъ еще нѣкоторыхъ подвижниковъ; они, желая усугубить его, восходили на вершины высокихъ скалъ и,

²²⁾ Семеновъ. Житіе св. Дивногорца по Мюнхенской рукописи, стр. 6. Кіевъ, 1898 г.

стоя тамъ на молитвѣ, присоединяли къ тягостямъ неустаннаго стоянія и неусыпнаго бдѣнія еще тягость непрерывнаго вниманія, дабы не слетѣть въ пропасть. Но такъ какъ не повсюду встрѣчались природныя скалы, то нѣкоторые подвижники искали подобіе ихъ въ столпахъ, оставшихся отъ древнихъ разрушенныхъ зданій, или же сами строили столпы, на которыхъ и спасались. Въ VI и VII в. по Р. Хр. число столпниковъ было столь значительно, особенно въ Сиріи, что Византійская имперія признала ихъ закономъ за особое сословіе въ государствѣ ²³⁾.

Въ XIII и XIV в., какъ видѣли, „столпничество“ на Востокѣ уменьшается и быстро исчезаетъ. По мнѣнію г. Семенова такое быстрое исчезновеніе „столпничества“ на Востокѣ произошло отъ измѣненія всего государственнаго и общественнаго строя въ Сиріи и Палестинѣ ²⁴⁾, гдѣ преимущественно и встрѣчались столпники, послѣ того какъ тамъ утвердились фанатически преслѣдующіе христіанство турки ²⁵⁾.

Митрополитъ Евстаѣй Солунскій упоминаетъ о какихъ-то подвижникахъ деревлянахъ (δενδροκομοίμενοι, οἱ ἐπὶ τῶν δένδρων — подвижающіеся на деревьяхъ). По мнѣнію проф. Голубинскаго эти деревляне представляли собою видъ столпниковъ, которые вмѣсто столповъ подвизались въ стояніи на деревьяхъ, устраивая, разумѣется, подмости ²⁶⁾.

Столпническая жизнь составляетъ рѣдкое явленіе въ церкви христіанской и какъ такое оно возбуждаетъ сомнѣнія въ своей цѣлесообразности. Но сомнѣнія эти происходятъ лишь отъ поверхностнаго знакомства съ такимъ оригинальнымъ явленіемъ. Чтобы правильно судить объ извѣстныхъ дѣйствіяхъ человѣка, надобно знать его побужденія и цѣли и разсмотрѣть ихъ въ отношеніи къ природѣ человѣка и духу вѣры. Если эту мѣрку мы приложимъ къ явленію „столпничества“, то найдемъ, что оно есть одно

²³⁾ А. О. Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. Кіевъ, 1898 г., стр. 4. ²⁴⁾ Въ другихъ странахъ, кромѣ Сиріи и Палестины, столпники были рѣдки. Объ нихъ упоминаютъ еще на Аѳонѣ и на Синаѣ. ²⁵⁾ Тамъ же, стр. 5. ²⁶⁾ Истор. церкв. Москва. 1881 г. т. I гл. VI, стр. 549, прим. 3-е.

изъ благодѣяній божественнаго промысла для церкви, особенно благотворныхъ тогда, когда общественная жизнь не сообразовалась съ началами жизни христіанской. Оно показывало образецъ благочестивой жизни; ревнителямъ же высшаго совершенства, предписываемаго евангеліемъ, раскрывало обширное поприще для подвиговъ самоумерщвленія. „Стопничество“, такимъ образомъ, представляло новый видъ добровольнаго мученичества и возникло-то оно какъ разъ тогда, когда прекратился подвигъ мученичества. Оно есть какъ бы продолженіе его. Что совершили св. мученики, то довершили св. столпники. Какъ страданіями и терпѣніемъ тѣхъ возбуждались вѣра и нравственность первенствующихъ христіанъ, такъ строгими аскетическими подвигами св. столпниковъ возбуждались къ благочестивой жизни вѣрующіе. Какъ твердость св. мучениковъ сокрушила силу язычества, такъ ревность св. столпниковъ разрушала идольскія капища. Какъ изъ радости, съ какою св. мученики шли на страданія, открывалась сила христіанства, такъ изъ готовности, съ какою св. столпники самоумерщвляли себя и отрекались отъ всѣхъ удовольствій плоти и міра, открывалась сила ученія Христова. Для своего времени св. столпники были тѣмъ же, чѣмъ были мученики въ первыя времена христіанства, т. е. живымъ свидѣтельствомъ святости Христовой вѣры, образцомъ чистѣйшей нравственности, побужденіемъ и подкрѣпленіемъ для колеблющихся орудіемъ обращенія для невѣрныхъ, о чемъ подробно будетъ рѣчь ниже.

Далѣе, отступленіе св. столпниковъ отъ обыкновенной подвижнической жизни, выразившееся въ стояніи на столпахъ, имѣло свой глубокій смыслъ и значеніе: „стопничество“ являлось противоположнымъ культамъ языческому почитанію горъ и холмовъ. Какимъ образомъ? Известно, что „стопничество“ развилось въ Сиріи, а общей характеристикой сирійскаго подвижничества, по мнѣнію проф. Петрова, можетъ служить характеристика ветхозавѣтныхъ праведниковъ, данная апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ Евреямъ, гдѣ онъ говоритъ, что ветхозавѣтные

праведники были побиваемы камнями, скитались въ мило-
стяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озло-
бленія. Тѣ, которыхъ весь міръ былъ недостоинъ, скита-
лись по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ
земли ²⁷⁾; и сирійскіе подвижники въ подражаніе ветхозавѣт-
нымъ жили на горахъ, въ вертепахъ, въ „хлѣвинахъ“ до
того узкихъ и тѣсныхъ, что въ нихъ можно было жить
сгорбясь или лежа, нерѣдко оставались подъ открытымъ
небомъ, подвергались зною и непогодѣ. Преподобный же
Евсевій (18 Февр. Прологъ), не довольствуясь жизнію на
горѣ, окружилъ себя каменною оградой ²⁸⁾: здѣсь можно
усматривать переходъ къ „столпничеству“. Сирійское по-
движничество, значитъ, было какъ бы культомъ горъ; а
„столпничество“, какъ одинъ изъ видовъ сирійскаго подвиж-
ничества, по нашему мнѣнію, представляло собою противо-
положность языческому религіозному культу горъ, горныхъ
духовъ и исполиновъ. Такъ какъ высоты по своему назна-
ченію имѣли непосредственное отношеніе къ священнымъ
богослужебнымъ дѣйствіямъ, то онѣ, какъ богослужебныя
мѣста, пользовались у язычниковъ большимъ уваженіемъ
и любовью, чѣмъ какія-либо другія мѣста, не возвышав-
шіяся надъ землею. Причина этого понятна. У языческихъ
народовъ особенное почтеніе къ высотамъ вызывалось ихъ
взглядомъ на божество. Признавая своихъ боговъ за суще-
ства высшія всего земного, они старались и найти ихъ не
на землѣ, а выше земли. Черезъ совершеніе богослуженія
на возвышенныхъ мѣстахъ, горахъ и холмахъ, высившихся
къ небу, или въ послѣдствіи на искусственныхъ возвышеніяхъ,
язычники думали стать въ болѣе близкое отношеніе къ
богамъ. Большимъ уваженіемъ у нихъ пользовались, по-
этому, тѣ горы, гдѣ небо и земля какъ бы соприкасались.
Эти горы имѣли значеніе мѣстопребыванія боговъ. Таково
было значеніе горъ у арійскихъ народовъ: у грековъ почи-
тался Олимпъ—гора боговъ, у Индійцевъ—Меру и пр. Ре-
лигіозное почитаніе возвышенностей съ языческой почвы

²⁷⁾ XI, 37 и дал.
пролога, стр. 156.

²⁸⁾ Петровъ, о происхожд. и составѣ славяно-русскаго печ.

перенесено было потомъ на почву истинной религіи, и на языческихъ высотахъ начало славиться имя Іеговы. Что еврейскія священныя горы прежде почитались язычниками это видно изъ указаній Библии. Такъ, напр., на горѣ Синаѣ былъ культъ языческаго бога Сина. Названіе возвышенности Вааль-Ермонъ ²⁹⁾ указываетъ на почитаніе тамъ Ваала; на горѣ Ермонъ нѣкогда стоялъ храмъ Ваала, какъ подтверждаютъ до нынѣ сохранившіеся на склонѣ горы и на южной ея вершинѣ обломки храма и свидѣтельство блаженнаго Іеронима. Сирійцы называли еврейскаго Бога Богомъ горъ ³⁰⁾. Этотъ фактъ даетъ возможность видѣть, что у нихъ господствовало вѣрованіе въ то, что горы суть мѣста пребыванія боговъ. покровительствующихъ живущимъ подлѣ нихъ народамъ. Такое же представленіе о горахъ, какъ жилищахъ боговъ, имѣли и вавилоняне, что подтверждается словами пророка Исаи о погибшемъ вавилонскомъ царѣ ³¹⁾. Въ свидѣтельствахъ внѣ библейскихъ ³²⁾ можно находить указаніе на многія другія горы, не названныя въ ветхомъ завѣтѣ, но имѣвшія для язычниковъ священное значеніе, какъ мѣста пребыванія боговъ. Особенно цѣны въ этомъ отношеніи надписи набатейскія, гавранскія и свидѣтельства христіанскихъ и языческихъ писателей. Изъ нихъ открывается, какъ широко былъ развитъ культъ высотъ у язычниковъ ³³⁾. Не былъ онъ чуждъ и евреямъ. Извѣстно, что онъ существовалъ особенно въ царствѣ израильскомъ и отъ первыхъ временъ судей и почти до самаго плѣна совершалось почитаніе Іеговы въ жертвахъ закланія и куренія, приносившихся на алтаряхъ, устраивавшихся большею частію на возвышенностяхъ и холмахъ. Высоты эти, по словамъ Евальда, были похожи на древне-ханаанитскія капища и состояли изъ высокаго каменнаго конуса (символа святости), изъ высоты въ собственномъ смыслѣ, изъ алтаря, священнаго дерева или роши и изображенія отдѣльнаго божества. По мнѣнію Тенія

²⁹⁾ 1 Пар. V, 23; Суд. III, 3. ³⁰⁾ 3 Цар. XX, 28. ³¹⁾ XIV, 13. ³²⁾ Позднѣйшаго происхожденія. ³³⁾ М. Пальмовъ. Идолопоклонство у древнихъ евреямъ. СПб. 1897 г. гл. II, стр. 152, 176.

высота представляла ограждение, огороженную площадь, священную ограду ³⁴⁾. Этотъ то культъ высотъ и былъ положительнымъ идолопоклонствомъ у язычниковъ всѣхъ временъ. Понятно, что христіанскіе подвижники не могли быть равнодушными зрителями такого языческаго культа и не могли допускать дальнѣйшаго его существованія. И вотъ въ лицѣ св. столпниковъ они занимаютъ сначала, въ глазахъ язычниковъ высоты горъ и ущелья, а затѣмъ устраиваютъ столпы, напоминавшіе собою языческіе священные ограды и жертвенники, чтобы ниспровергнуть культъ идолопоклонства въ самомъ его центрѣ и замѣнить его христіанскимъ богопочтеніемъ.

Это подтверждается и рассказами изъ житій св. столпниковъ, поселявшихся часто въ идольскихъ капищахъ. Такъ, св. Алипій поселился именно въ идольскомъ капищѣ и построилъ потомъ на его мѣстѣ церковь въ честь св. мученицы Евѣиміи ³⁵⁾. Св. Даніиль тоже имѣлъ сначала пребываніе въ пустомъ идольскомъ храмѣ въ Филимпорѣ, а потомъ воздвигъ здѣсь столпъ ³⁶⁾. Поселяясь на горахъ ³⁷⁾, св. подвижники дѣлали ихъ мѣстомъ служенія истинному Богу, подобно тому, какъ въ ветхомъ завѣтѣ высоты, гдѣ совершались жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ, замѣнялись служеніемъ Іеговѣ.

Но кромѣ этой главной причины столпостоянія св. подвижниковъ тамъ, гдѣ раньше было служеніе идоламъ, имѣются еще и другія основанія къ отступленію св. столпниковъ отъ обыкновенной подвижнической жизни, которыя опредѣляются личными соображеніями подвижниковъ, а именно: стремленіе къ безмолвію, желаніе противоборствовать свободно діавольскимъ кознямъ, жажда смиренія и умерщвленія плоти, а главное достиженіе богоуподобленія путемъ аскетическаго созерцанія. Но объ этомъ подробно поговоримъ ниже, теперь же не лишне высказать вотъ какое соображеніе относительно „столпничества“. Го-

³⁴⁾ Петровъ. О происх. слав.-русск. прол., стр. 157. ³⁵⁾ Чет. мин. 26 ноября.
³⁶⁾ Чет. мин. 11 дек. ³⁷⁾ Св. Симеонъ младшій подвизался на Дивной горѣ, св. Симеонъ 1-ый тоже предъ столпостояніемъ обиталъ на горѣ.

ворять, что психологических основаній къ столпостоянію не имѣется ³⁸⁾, и мы не можемъ знать того, почему нѣкоторые св. подвижники спасались на столпахъ. Конечно, въ житіяхъ святыхъ столпниковъ не говорится опредѣленно, что по такой-то причинѣ святой взошелъ на столпъ, хотя указывается, что желаніе „безмолвнѣйшаго“ житія побуждало ихъ удаляться отъ общества и сооружать себѣ столпы ³⁹⁾, но можно находить въ восшествіи на столпъ подвижниковъ и болѣе глубокой смыслъ.

Изъ исторіи извѣстно, что заключеніе на столпы или въ столпы служило нѣкогда наказаніемъ. Такъ, заключенъ былъ на столпъ царевичъ Іоасафъ; царевичъ Камаральзаманъ, не желавшій жениться по волѣ своего отца, былъ тоже заключенъ на столпъ ⁴⁰⁾; св. мученицы: Варвара († 306 г.), Ирина ⁴¹⁾ при императорѣ Траянѣ и Христина († 300) при Діоклетіанѣ, тоже были заключены на столпъ ⁴²⁾. Можно предположить, что св. столпники знали о фактахъ заключенія въ видѣ наказанія на столпы нѣкоторыхъ святыхъ; но даже если имъ и неизвѣстны были эти случаи, то по крайней мѣрѣ они знакомы были съ существовавшимъ тогда обычаемъ заключенія преступниковъ въ башни за извѣстныя провинности.

Отсюда можно сдѣлать вотъ какое вѣроятное предположеніе: столпники, живя на столпахъ, добровольно себя наказывали, какъ грѣшниковъ Божіихъ по способу, существовавшему въ странѣ въ отношеніи къ гражданскимъ преступникамъ.

Такимъ образомъ, св. столпники фактически выражали свою преступность противъ Бога и первымъ долгомъ своимъ очевидно, считали—поставить самихъ себя въ должныя границы и направить свои дѣйствія, чувства и мысли согласно съ закономъ Божіимъ, который нарушителей своихъ караетъ и заботится о томъ, чтобы быть въ состояніи

³⁸⁾ Сзменовъ. Житіе св. Дивногорца, стр. 8. ³⁹⁾ Въ житіи Дивногорца.

⁴⁰⁾ А. Веселовскій, изъ истор. литературн. образ. востока и запада. 1872 г., стр. 160.

⁴¹⁾ Ученица св. апост. Тимофея († 300), при Діоклетіанѣ. ⁴²⁾ Прологъ 4 дек., 5 мая и 24 іюля

исполнить свое назначеніе путемъ борьбы со зломъ. Рѣдкій преступникъ, отдѣленный отъ общества, не обращался къ своему я. Это и понятно по причинѣ его одиночества. Такъ и св. столпники, живя на столпѣ, какъ заключенные за грѣхи, естественно должны были заниматься собой и провѣдывать о своемъ внутреннемъ состояніи. Познаніе и изслѣдованіе самого себя скоро показывало имъ ту бездну, изъ которой исходятъ пороки и беззаконія. Увидѣвъ же въ себѣ эту бездну, извергающую изъ себя все скверное и нечистое, они, по понятной причинѣ, могли придти въ ужасъ, возчувствовать всю мерзость пороковъ и вмѣстѣ омерзеніе къ нимъ; признавая себя ужаснѣйшими грѣшниками, св. столпники начинали скорбѣть, презирать себя и осуждали себя добровольно на постоянное заключеніе на столпѣ. Въ качествѣ добровольныхъ узниковъ св. столпники имѣли естественное желаніе освободиться отъ тяжкаго рабства страстей, подобно тому, какъ преступники стремятся вырваться изъ темницы или башни на свѣтъ Божій и ощущали въ себѣ пламенное желаніе къ исправленію себя путемъ непрерывной аскетической борьбы со зломъ. Значить, св. столпники заключали себя на столпы въ качествѣ преступниковъ Божіихъ и представляли изъ себя въ дальнѣйшемъ стояніи борцовъ со зломъ.

Теперь нѣсколько словъ объ устройствѣ столповъ. Столпы дѣлались различнаго вида и высоты. Устраивалась столпобразная башня *στύλοςειδὲς μικρὸν ἑγκύλιον*, *ἑγκύλιον*, *στῦλος*, т. е. столпообразный малый затворъ, затворный столпъ съ балкономъ на верху ⁴³⁾. Верхняя площадка столпа, на которой стоялъ подвижникъ, была весьма небольшая, на столпѣ св. Симеона I она, по вычисленію Вогюэ, едва равнялась одной квадратной сажени. Гиббонъ говоритъ, что, по словамъ Евагрія, площадка столпа имѣла окружность въ 3 фута (въ 2 локтя) ⁴⁴⁾, но такой незначительный размѣръ противорѣчитъ и здравому смыслу, и фактамъ и правиламъ архитектуры. Глядя на нее снизу

⁴³⁾ Истор. русск. церк. Голубинскаго, т. I, 2 пол., стр. 547. Москва. 1881 г.

⁴⁴⁾ Истор. паденія рим. имперіи, стр. 135, прим. IV.

легко было впасть въ заблужденіе. Эта площадка иногда окружалась деревянною, досчатою, сплошною рѣшеткою (βαύτης, μόδιος), изъ за которой видны были только голова и плечи подвижника, или же просто рѣшеткою (κίχλινος). Изображеніе подобныхъ столповъ можно видѣть на миниатюрахъ Кондакова ⁴⁵⁾. Для защиты отъ солнечнаго зноя и непогоды устраивался иногда на столпахъ навѣсъ или даже родъ малой келліи, какъ можно предположить изъ выраженія ἐγκλυστήριος στέλος. О существованіи навѣсовъ извѣстно изъ Четій-миней, гдѣ въ житіи св. Даніила столпника ⁴⁶⁾ рассказывается о томъ, что ему былъ устроенъ навѣсъ надъ столпомъ императоромъ Львомъ; или въ житіи св. Алипія рассказывается, что онъ сбросилъ свой навѣсъ. Поднятіе на верхнюю площадку столпа возможно было только посредствомъ подъемной лѣстницы. Г. Семеновъ говоритъ, что столпникъ лѣстницу обыкновенно держалъ у себя на верху и спускалъ ее только въ крайнихъ случаяхъ, тогда, продолжаетъ онъ, они вовсе не имѣли никакихъ подъемныхъ лѣстницъ, а все необходимое для себя принимали по веревкѣ, спускавшейся внизъ на блокъ ⁴⁷⁾. Это невѣрно. Въ существованіи блока необходимо усомниться, такъ какъ едвали св. столпники, отказывавшіе себя во всемъ необходимомъ, могли пользоваться услугами блока для принятія на столпъ пищи. А что лѣстница для восхожденія на столпъ была снаружи, въ этомъ увѣряютъ насъ житія святыхъ. Такъ, когда св. Симеонъ I по повелѣнію посольства, присланнаго сирійскими епископами для изслѣдованія подвига святаго Симеона столпника, хотѣлъ сойти со столпа, то посланные не велѣли сходить ему ⁴⁸⁾. Значитъ, они видѣли, какъ онъ вступалъ на лѣстницу; когда св. Даніила возвели въ санъ пресвитера, то была приставлена лѣстница къ столпу и туда вошелъ епископъ, или

⁴⁵⁾ Histoire de l'art bysantiné II, 102. ⁴⁶⁾ Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. стр. 5. ⁴⁷⁾ Семеновъ, стр. 5. ⁴⁸⁾ На столпъ св. Симеона I была наверху дверь, вѣроятно, ведущая на лѣстницу: случился бо иногда открытымъ были дверцамъ, и не малой части стѣны верхнія разсыпанной отъ ветхости, и доколѣ же стѣна и дверцы обновившася, бысть всѣми зримый святой не малое время". Чет. мин. Сент. 1, л. 7 об.

когда нѣкто Геласій разсердился на св. Даниїла за столпо-стояніе въ его владѣніяхъ и велѣлъ ему сойти со столпа, и когда св. Даниїлъ началъ сходить со столпа, то Геласій и народъ, видя его опухшія ноги и то затрудненіе, съ какимъ онъ прошелъ 6 ступеней, велѣлъ вернуться ему обратно. Можно предполагать, что и внутри столпа устраи- валась лѣстница. Восхожденіе столпника на построенный столпъ совершалось съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ древнихъ рукописяхъ Ассемани сохранился полный чинъ такихъ восхожденій ⁴⁹⁾.

Столпы воздвигали различной высоты. Такъ, первый столпъ св. Симеона I, на которомъ онъ стоялъ 4 года былъ въ 6 локтей (πύχων), второй—въ 12 локтей, третій— въ 22 и четвертый, гдѣ онъ пребывалъ 20 лѣтъ, былъ вы- шиною въ 36 локтей, а по сказанію блаженнаго Феодорита и другихъ историковъ, въ 40 локтей. Столпъ св. Даниїла былъ вышиною въ два человѣческихъ роста. Столпъ св. Луки—новаго столпника—въ 12 локтей. Столпъ св. Си- меона Дивногорца имѣлъ въ выши́ну 40 ступеней ⁵⁰⁾.

Столпы воздвигали отчасти сами св. столпники или посторонніе. Св. Симеонъ I построилъ первый столпъ самъ, а остальные столпы были воздвигнуты его почитателями. Св. Даниїлу построилъ первый столпъ другъ его Маркъ, а второй—Геласій, владѣлецъ той земли, гдѣ подвизался св. столпникъ; императоръ Левъ тоже создалъ столпъ и крышу надъ нимъ въ благодарность за полезную обще- ственную дѣятельность св. Даниїла. Св. Симеону Дивно- горцу сначала былъ созданъ столпъ монахами, а потомъ— его почитателями.

Самое первое понятіе о подвигѣ „столпничества“ даетъ уже видѣть, что вся высота христіанскаго самоотверженія состояла и выражалась здѣсь по преимуществу во внѣш- нихъ подвигахъ, въ борьбѣ св. столпниковъ съ внѣшними скорбями, которыя, по самому образу подвига, болѣе всего поражали ихъ тѣлесную природу. Въ самомъ дѣлѣ, что иное

⁴⁹⁾ Чет. мин. 1 сент. л. 5; 26 ноября л. 142 об.; 24 мая л. 158 об. Семеновъ, стр. 5. ⁵⁰⁾ Тамъ же, 24 мая; л. 156 об.

были столпы для св. подвижниковъ, какъ не особаго рода кресты, на которыхъ они распинали плоть свою, подвергая ее всевозможнымъ лишеніямъ и жестокому вліянію воздушныхъ перемѣнъ. „Владыцѣ подобяся, на столпъ восшелъ еси, яко на крестъ: но Онъ рукописаніе всѣхъ растерзалъ, ты же возстанія страстей растерзалъ еси: Онъ яко овча, ты же яко закланіе; Онъ взыде на крестъ, ты же на столпъ“, поется въ стихирахъ св. Симеону I-му. Восходя на столпы и переходя постепенно съ низшихъ на высшіе, св. столпники, какъ бы по лѣстницѣ восходили отъ совершенства къ совершенству и, живя между небомъ и землею, „оныя устраниаяся къ сему же приближаяся плотию и духомъ“, сообразно съ своимъ назначеніемъ стремиться къ высшему, духовному, невидимому, — они заблаговременно, такъ сказать, переносили туда и умъ свой и сердце. Вся жизнь ихъ служила постояннымъ оправданіемъ апостольскаго изреченія: *„елико внѣшній чловѣкъ нашъ тлѣетъ, толико внутренній обновляется“* ⁵¹⁾. Въ лицѣ ихъ духъ является торжествующимъ надъ плотію; все, что отъ плоти и крови, служило въ нихъ духу, — оттого всѣ аскетическіе подвиги св. столпники совершали какъ бы въ иномъ естествѣ. Въ лицѣ ихъ очищенная и возвышенная надъ всѣмъ дольнымъ духовная наша природа достигала такого совершенства, что еще здѣсь на землѣ, обнаруживала свое богоподобное величіе и дѣлалась способною къ ближайшему общенію съ самимъ Богомъ. Служеніе св. столпниковъ справедливо можно назвать предстояніемъ предъ Богомъ, разумѣя это предстояніе въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Стоя между небомъ и землею они призывали Бога, славословили Его, отъ земли вознося ко Господу молитвы за всѣхъ, а съ неба низводя на людей Божіе благословеніе.

⁵¹⁾ 2 Кор. IV, 16.

Г Л А В А II.

Особенныя дѣйствія благодати Божіей въ избраніи святыхъ столпниковъ на служеніе Богу.

Нельзя не остановиться съ благовѣйнымъ вниманіемъ при созерцаніи тѣхъ путей, которыми промыслъ Божій приготавлиалъ св. столпниковъ въ наставники и руководители другихъ. Они проходили всѣ степени духовной жизни для того, чтобы изъ нихъ могли образоваться превосходные руководители душъ. Сначала они находились подъ руководствомъ домашнихъ, затѣмъ, старцевъ. Нѣкоторое время жили въ неизвѣстности, въ затворѣ для того, чтобы имѣть возможность безопасно образоваться и усовершенствоваться. Испытывали искушенія, чтобы знать, какъ помочь другимъ бороться съ ними. Подвизались, непрестанно молясь, борясь, умерщвляя плоть для того, чтобы показать, что великое дѣло служенія спасенію душъ другихъ требуетъ приготовленія дѣятельнымъ, непрерывнымъ упражненіемъ въ добродѣтеляхъ и уединеніемъ, безъ которыхъ легко сдѣлаться жертвою неразумной и самонадѣянной ревности.

Итакъ, подготовка св. столпниковъ къ нравственному совершенству давалась имъ въ домашнемъ воспитаніи. „Отрокъ Симеонъ (1-ый) воспитывашеся не въ книжномъ наказаніи, но въ простотѣ и незлобіи: обаче Духа Божія премудрость и въ простыя вселятися обыче, и невѣжи избирати вѣсть, да посрамится вѣка сего мудрованіе“ ¹⁾. Святаго Алипія воспитывала въ страхъ Божию вдова-мать, проводившая жизнь „въ пощеніи и молитвахъ и возлагаючи себе съ сыномъ на промыслъ Христа, Иже есть Отецъ сиротамъ и вдовицамъ; она роздала по смерти мужа все свое имѣніе и служила при церкви въ чинѣ діакониссы ²⁾. Родители святаго Даніила желали его 5-лѣтнимъ оставить

¹⁾ Четьи минеи, л. 3 об. 1 сентября.

²⁾ Тамъ же, 26 ноября, л. 163.

въ монастырь, но по совѣту игумена взяли его обратно домой; когда же святой Даниилъ будучи 12 лѣтъ тайно ушелъ отъ родителей въ монастырь, то они, узнавъ объ этомъ, пришли къ игумену и просили его постричь ихъ сына въ монахи въ ихъ присутствіи ³⁾. Святой Симеонъ Дивногорецъ, испрошенный у Бога молитвами матери и посвященный Богу, въ отрочествѣ отличался незлобіемъ, кротостію и молчаніемъ ⁴⁾. Домашнее воспитаніе имѣло громадное значеніе для будущихъ подвижниковъ. Вотъ почему мать святаго Симеона Дивногорца получила (въ видѣніи) такое повелѣніе отъ Іоанна Предтечи: „подобаетъ тебѣ Симеона въ дѣтствѣ со всякимъ опасствомъ блюсти, яко сосудъ святъ быти имущаго на службу Господу Богу ⁵⁾. Руководимые Промысломъ Божиимъ, святые столпники свободно избирали себѣ путь шествія къ нравственному совершенству. Когда святой Даниилъ 12 лѣтній пришелъ самъ въ монастырь, то игуменъ долго не соглашался принять его, совѣтуя ему возвратиться къ родителямъ, но „егда не возможе отъ намѣренія еѣо премѣнити и узрѣ въ немъ веліе къ Богу тщаніе и усердную любовь“, созвалъ монастырскую братію и совѣтовался съ нею—принять ли отрока Даниила въ монастырь или нѣтъ? братія, подивившись великодушію и постоянству и Божіе званіе въ немъ познавающе, соизволиша пріятую тому въ сопребываніе ихъ быти“; и такимъ образомъ „отрокъ самъ себе введе на службу Богу“. Святой Симеонъ Дивногорецъ, водимый благодатію Божіею, самъ, будучи 6 лѣтъ, приходитъ въ Пильскій монастырь, гдѣ и поселяется на удивленіе братіи и игумена Іоанна столпника.

Такимъ образомъ видно, что святые столпники находились подъ особымъ дѣйствиємъ благодати Божіей, освятившей ихъ на службу Богу отъ чрева матери: „отъ корене благаго благій плодъ прозябе, отъ младенства святой Симеонъ 1-й благодатію паче неже млекою воспитанъ“, поется въ стихирахъ святому столпнику Симеону „отъ

³⁾ Тамъ же, 11 декабря, л. 138. ⁴⁾ Тамъ же, 24 мая, л. 156. ⁵⁾ Тамъ же.

младыхъ ногтей подвижникъ изряденъ израслъ еси“, прославляетъ въ канонѣ святая церковь святаго Дивногорца.

При помощи этой благодати св. столпники и достигали совершенства въ духовной жизни еще въ младенчествѣ ⁶⁾). Въдѣ начало и источникъ благодатной и духовной жизни не заключается въ самомъ человѣкѣ,—въ его разумѣ или волѣ, и природа человѣческая совершенно безсильна произвести сама изъ себя не только совершенство, но и зародышъ духовной жизни, а потому самоспасеніе для человѣка рѣшительно невозможно. Это очевидно само собою для здраваго разума и ясно открывается изъ опыта, такъ какъ если начала и физической жизни нѣтъ въ самомъ человѣкѣ и, вообще, изъ ничего ничто не можетъ быть само собою, и что въ произведеніи не можетъ быть болѣе, чѣмъ сколько есть въ причинѣ, равно какъ и въ природѣ неизмѣнный законъ такой, что каковъ корень, таковы и плоды, то какимъ образомъ духовная жизнь можетъ произойти въ плотскомъ человѣкѣ сама собою, новое возникнуть изъ ветхаго, доброе изъ злого, святое изъ грѣховнаго, живое изъ мертваго? Всѣ, въдѣ, примѣры обращенія грѣшниковъ на путь добродѣтелей, при всемъ своемъ разнообразіи, въ томъ имѣютъ сходство, что всѣ они совершались не собственными человѣческими силами, а постороннею, высшею силою, безъ которой ⁷⁾ никто никогда не могъ самъ собою исправить въ себѣ самага малаго недостатка и преодолѣть самую легкую порочную склонность, а тѣмъ болѣе совершенно перемѣнить себя и сдѣлаться новымъ и духовнымъ человѣкомъ изъ ветхаго и плотскаго.

Въ священномъ Писаніи эта истина утверждается со всею силою ⁸⁾). Такъ какъ въ собственномъ существѣ человѣка нѣтъ сѣмени, начала и источника новой жизни, а есть только въ Иисусѣ Христѣ, то очевидно, что человѣкъ

⁶⁾ Про св. Симеона Дивногорца житіе его говоритъ, что онъ отъ пеленъ сра-
спялся Христу. Извѣстно, что всѣ святые столпники (кромѣ св. Никиты, Саввы
Вишерскаго, Кирилла Туровскаго, Алипія), начали аскетическіе подвиги самоумер-
щленія съ юношескихъ лѣтъ. ⁷⁾ Что ясно увидимъ тогда, когда будетъ рѣчь объ
обращеніи святаго столпника Никиты. ⁸⁾ Исаи VIII, 20; Римл. VIII, 3, 7, 8; VII,
14—25; 1 Кор. XV, 55; Ефес. II, 8; Мѣ. VII, 16—18; Лк. XVII, 5; Іоанн. III, 6.

не только не можетъ произвести его самъ изъ себя, но даже и взять готовое, сохранить и произрастить не можетъ самъ собою, никакимъ усиліемъ своей воли и дѣятельности, то онъ нуждается въ посредствующей силѣ между собою и источникомъ духовной жизни Іисусомъ Христомъ. Сила эта, или благодать и усваиваетъ человѣку жизнь Христову, зачиная, сохраняя и возвращая её. Ей то Священное писаніе и приписываетъ главнымъ образомъ все дѣло духовной жизни въ человѣкѣ⁹⁾. Благодать Божія, вселившись въ человѣка, проникаетъ всю его природу, всѣ силы его существа, всѣ движенія его духа и, многообразно измѣняясь и преобразуясь въ немъ, всюду показываетъ свое благотворное вліяніе, все оживотворяетъ, освящаетъ, преобразуетъ по свойству жизни Христовой и, такимъ образомъ, мало-по-малу вноситъ въ человѣка новую жизнь.

Дѣйствіемъ благодати только и можно объяснить непреодолимое влеченіе святыхъ столпниковъ съ юныхъ лѣтъ къ Богу. Отъ нея дѣйствій въ умѣ ихъ были свѣтъ, истина и добрая помышленія,—въ волѣ—благочестивое желаніе и намѣреніе служить Богу и въ сердцѣ—ощущеніе мира, радости и упованія.

Подъ вліяніемъ благодати Божіей св. столпники конечною цѣлію своей жизни полагали любовь къ Богу, высочайшей Истинѣ, Добру и Красотѣ и въ Немъ стремились найти совершенное удовлетвореніе потребностямъ своего сердца. Отсюда земные предметы уже по самой своей сущности, какъ предметы тлѣнные и скоропреходящіе, недостойны были того, чтобы имѣть къ нимъ пристрастіе.

Но любовь къ Богу есть, вѣдь, даръ Божій, который подается ищущимъ Его и способнымъ принять и сохранить его. Этой то божественной любовью и наполнено было сердце святыхъ столпниковъ, которые приобрѣли ее при помощи благодати Божіей, а не могли воспринять ее однимъ своимъ дѣтскимъ размышленіемъ, одними собственными усиліями. Заложенные въ ихъ души домашнимъ воспита-

⁹⁾ Римл. III, 23, VIII, 14—16; 1 Кор. XII, 3; XV, 10; 2 Кор. III, 5; XII, 9; Галат. IV, 5, 6; Ефес. III, 16, 17; Тит. III, 5, 6; Іоанн. VI, 44.

ніемъ благія стремленія при помощи благодати Божіей, родились въ порывы, и они, несмотря на свои дѣтскіе годы, презирають уже міръ и вмѣняють ни во что земныя утѣхи, желая умереть для міра.

Святой Даниилъ „егда бѣ дванадесяти лѣтъ, изыде изъ дому отца своего, никомуже повѣдая о своемъ отшествіи и о намѣреніи: презрѣ бо уже Христа ради родителей своихъ, и отечество, и сродники, и други, и иде въ монастырь, иже бѣ двадесять стадій отъ возрастившія его веси“ ¹⁰⁾.

Святой Симеонъ Дивногорецъ 6 лѣтъ приходитъ въ Пильскій монастырь и черезъ годъ, постригшись въ монахи, восходитъ на столпъ ¹¹⁾.

Эти факты краснорѣчиво говорятъ о томъ, что при помощи Божіей благодати, высшую цѣль стремленій этихъ юныхъ подвижниковъ составлялъ Богъ. Идея о Богѣ, внѣдренная въ сердце каждаго человѣка Самимъ Богомъ, Сотворившимъ человѣка по образу и по подобию Своему, не осталась безплодною въ душѣ святыхъ юныхъ подвижниковъ. Она стремилась выйти своимъ росткомъ вонъ.

Но это не все; при помощи благодати Божіей, святые юные подвижники своимъ дѣтскимъ сердцемъ чувствовали, что они должны воздать Богу отъ себя все, что у нихъ есть, а именно: умъ, сердце и слово, посвятить эти вещи Богу и непрестанно познавать Его, любить Его и молиться Ему.

Въ этомъ смыслѣ и можно понимать слова 12-лѣтняго Даниила, сказанныя имъ игумену того монастыря, куда онъ пришелъ на жительство: „азъ того ради пріидохъ сѣмо, да живу Христу, умру же міру, аще же ми отъ красныхъ тѣхъ иноческихъ трудовъ будетъ и умерети, то лучше есть, неже отъити тщу отсюду, и возложшу руку свою на рало, и зрящу вспять возвратитися“ ¹²⁾.

Такимъ образомъ, спасительная благодать Божія дѣйствовала въ святыхъ юныхъ подвижникахъ такъ, что разсѣявала воображаемую силу міра и воспламеняла ихъ

¹⁰⁾ Четьи минеи. 11 декабря, л. 137 оборот. изданіе 1875 г. ¹¹⁾ Четьи минеи, 24 мая, л. 156 об. ¹²⁾ Четьи минеи, декабря, л. 138.

ревностію о своемъ спасеніи, такъ что они оставляли все мірское и сразу порывали всякую связь съ міромъ.

Про святаго Симеона (I-го) разсказывается въ его житіи, какъ онъ, стоя въ одинъ воскресный день въ церкви и слыша чтеніе евангелія о блаженствахъ ¹³⁾, попросилъ одного старца разъяснить ему смыслъ этихъ словъ, и когда тотъ, „Духомъ Божиимъ наставленъ, отверзъ уста своя, на многъ часъ поучаше его, показуя путь къ нищетѣ духовнѣй, и чистотѣ, и любви Божіей и ко всему добродѣтельному житію на совершеніе ведущій“, святой Симеонъ, выйдя изъ церкви, „не возвращаясь въ домъ, но на особое зайде удобное къ моленію мѣсто, и тамо единъ бывъ паде ницъ крестообразно на землю, съ плачемъ моля Бога, да покажетъ ему путь ко спасенію, и лежа долго на молитвѣ, усну, и узрѣ видѣніе“: какъ будто бы онъ сталъ копать землю и когда остановился копать, думая, что довольно уже, то услышалъ повелѣніе копать еще и еще ¹⁴⁾. Послѣ этого видѣнія св. Симеонъ отправился въ монастырь „и падъ лежаше предъ враты монастырскими безъ пищи и питія, терпя 7 дней“; на 8-й день игуменъ монастырскій, придя къ св. Симеону, спросилъ его о цѣли прибытія его сюда; св. Симеонъ съ плачемъ сказалъ ему: „ищу работати Богу всѣмъ усердіемъ помилуй мя, грѣшнаго и повели ми внити въ монастырь и всѣмъ послужити ¹⁵⁾. Затѣмъ, благодать Божія, какъ учитъ преосв. Оеофанъ, исторгаетъ человѣка изъ узъ міра тѣмъ, что иногда ему представляетъ жизнь, противоположную той, которую онъ ведетъ и его взору рисуетъ лицъ, обладающихъ извѣстнымъ подвигомъ, неизвѣстнымъ для него ¹⁶⁾. Такъ, св. Алипій столпникъ имѣетъ непреодолимое желаніе идти въ восточную страну, „яко слышу тамо многихъ святыхъ отецъ, говорилъ онъ своей матери, въ пустыняхъ живущихъ безмолвно; вселюся убо съ ними, и взирающе на богоугодное житіе ихъ, имамъ помощію Божією подражати добродѣтелямъ ихъ“ ¹⁷⁾. Св. Даніилъ столпникъ „го-

¹³⁾ Матеея V, 3. ¹⁴⁾ Четьи минеи. 1 сент., л. 3 об. ¹⁵⁾ Тамъ же. ¹⁶⁾ Путь ко спасенію, стр. 121. ¹⁷⁾ Четьи-миней, 26 ноября.

ряше духомъ видѣти великаго мужа Симеона столпника и къ подражанію того возбуждаешся“ ¹⁸⁾. Св. Лука, новый столпникъ, измѣняетъ образъ своей жизни и постригается въ монашество послѣ того, какъ „Божіимъ промышленіемъ“ былъ сохраненъ невредимымъ во время войны съ болгарами ¹⁹⁾. Особенное дѣйствіе благодати Божіей на измѣненіе образа жизни человѣка замѣчается въ обращеніи св. Никиты Переяславскаго. Онъ „измлада бѣше суровъ и обидливъ, и мятежникъ, и многія человѣкомъ пакости творя, повлачая на судища, и грабя: такожде и ины други имяше подобны себѣ“. Однажды въ церкви за вечернимъ богослуженіемъ Никита услышалъ чтеніе слѣдующихъ словъ изъ книги пророка Исаіи: „такъ глаголетъ Господь, измытеса, и чисти будете, отымите лукавствія отъ душъ вашихъ и пр.“. Никита пришелъ въ ужасъ и, придя домой, онъ всю ночь не могъ заснуть, размышляя о слышанныхъ въ церкви словахъ. На другой день въ обществѣ веселыхъ друзей Никита позабылъ о вчерашнемъ своемъ размышленіи; онъ даже пригласилъ своихъ друзей къ себѣ въ гости и, придя домой, велѣлъ своей женѣ варить мясо. Когда та стала мыть мясо, то вдругъ увидѣла кровь, „необычно пѣнящуюся, егда же вложи въ горнецъ мясо и начатъ варити, то видѣ въ горнцѣ кипящу кровь, и въ немъ восплавающу, ово главу человѣчу, ово руку, и плеснѣ ножныя, и ужасеса, и повѣда мужу своему“. Тотъ, видя это видѣніе, испугался и долго не могъ придти въ себя. Когда же немного успокоился, то, глубоко вздохнувъ, сказалъ: „увы мнѣ, много я согрѣшилъ“. Съ плачемъ вышелъ Никита изъ дома и отправился въ монастырь св. великомученика Никиты, и „падъ на ногу игумену обители тоя, глагола: спаси душу погибающую“ ²⁰⁾.

Пробужденіе св. Никиты отъ грѣховнаго сна совершилось такимъ образомъ мгновенно. Онъ, вразумленный свѣше бывшимъ ему видѣніемъ, быстро „втѣсняется въ иной чинъ бытія и жизни и, пораженный, стоитъ въ немъ“,

¹⁸⁾ Четьи Миней, 11 декабря.
24 мая, л. 48 об.

¹⁹⁾ Прологъ, ч. I, 11 декабря.

²⁰⁾ Прологъ,

какъ говоритъ преосвящ. Теофанъ ²¹⁾, и съ ужасомъ оглядывается на пройденный имъ путь нечестія; предъ взоромъ его совѣсти раскрываются всѣ душевныя раны, вся мерзость прошедшихъ дѣлъ, вся тяжесть совершенныхъ злодѣяній, и вотъ въ св. Никитѣ возрастаетъ, умножается сознание своей грѣховности, своей виновности предъ Богомъ, расширяется чувство раскаянія, возрастаетъ желаніе примиренія съ правосудіемъ Божиимъ и, озаренный благодатію Божіею, онъ рѣшаетъ бросить міръ и „вся, яже въ мірѣ“ и идти въ монастырь для очищенія себя отъ грѣховъ. Чтобы разрѣшить свое сердце отъ прежнихъ мірскихъ узъ, освободить его отъ всего внѣшняго, сдѣлавъ его свободнымъ для служенія Богу, св. Никита свободно избираетъ новый образъ жизни—иночество, а затѣмъ и „столпничество“ и вдали отъ всего того, что можетъ такъ или иначе нарушать сердечный миръ, упражняется въ подвигахъ самообладанія и умерщвленія плоти, служившей долго грѣху. Въ житіи св. Никиты говорится, что послѣ того, какъ онъ увидѣлъ видѣніе, то „во ужасѣ бысть на многъ часъ“ ²²⁾. „Замѣчательно, пишетъ преосвящ. Теофанъ, что благодатное возбужденіе всегда сопровождается пораженіемъ и нѣкотораго рода испугомъ; потому ли, что оно вдругъ, какъ бы врасплохъ, схватываетъ грѣшника на распутіяхъ жизни, какъ преступника и представляетъ неотклонимому судилищу Божію или потому, что новый порядокъ, раскрываемый въ сознаніи, совершенно новъ для него и разительно противоположенъ прежнему,—и не только новъ, но и совершенно, во всѣхъ частяхъ, блаженствоводателенъ, тогда какъ въ первомъ ничтожномъ, одна туча сердца и крушеніе духа“ ²³⁾. Ужасъ преподобнаго Никиты именно и можно объяснить неожиданностію дѣйствія благодати Божіей. „Пришедъ въ себе“ ²⁴⁾ преп. Никита свѣрилъ себя съ своими настроеніями и, вспомнивъ то, чѣмъ прежде жилъ и услаждался, увидѣлъ ту опасность гибели, къ которой привелъ его путь грѣха, и то нравственное безо-

²¹⁾ Путь ко спасенію, стр. 115. ²²⁾ Прол., л. 2. ²³⁾ Путь ко спас., ч. II, стр. 112—113. ²⁴⁾ Прологъ, 24 мая.

бразіе, которымъ была покрыта грѣхлюбивая его душа,— и вотъ справедливый укоръ совѣсти вызываетъ въ немъ сознаніе своей грѣховности: „увы мнѣ, много согрѣшихъ“ ²⁵⁾, восклицаетъ съ глубокимъ вздохомъ преп. Никита, и предъ его сознаніемъ тотчасъ ясно проходитъ вся прежняя грѣховная жизнь, достойная презрѣнія. Лишь только явилось такое сознаніе грѣховности у преп. Никиты, онъ немедленно разрываетъ удерживающія его въ міру узы, стряхиваетъ съ себя покровы и сѣти грѣха, и тогда возжигается въ его душѣ искра любви къ Богу, которая, разгораясь, обнимаетъ все его существо, воспламеняетъ всѣ его силы, и онъ даетъ волю своему облагодатствованному сердцу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что преп. Никита, лишь только благодать Божія коснулась его, какъ онъ принялъ сразу же на себя подвигъ продолжительнаго истязанія своей совѣсти и, ужасаясь страшной участи, уготованной грѣшникамъ, обращается тотчасъ же отъ области сатаны къ Богу и не только воздыхаетъ у монастыря, куда привлекла его благодать Божія, но съ великою скорбію проливаетъ слезы, такъ какъ душа его, послѣ долговременнаго разлученія съ Богомъ, увидѣвъ Его, какъ Отца, возбуждается къ пролитію слезъ, какъ говоритъ св. Ефремъ Сиринъ ²⁶⁾. Получивъ прощеніе отъ Бога, знакомъ чего было принятіе его въ монастырь, св. Никита, какъ искренно кающійся, самъ себя наказываетъ за всѣ прежнія беззаконія, за вѣроломную измѣну любвеобильному Отцу, за безчувственность и неблагодарность Щедродателю Богу. Въ состояніи тяжкаго стыда предъ лицомъ милосерднѣйшаго Отца небеснаго, Котораго онъ оскорблялъ и прогнѣвлялъ своими беззаконіями, при страшныхъ угрызенияхъ пробудившейся совѣсти, св. Никита обрекаетъ себя на всевозможныя жертвы для умилоствленія Бога и осуждаетъ себя на самые тяжелые подвиги на столпѣ, какъ бы желая вознаградить погибшее время своего заблужденія. Самоумерщвленіе его вытекало изъ любви ко Христу, потому что, кто любитъ Христа, говоритъ

²⁵⁾ Тамъ же, ²⁶⁾ Слов. 99 о покаян., стр. 160.

св. Іоаннъ Златоустъ, какъ должно любить, тотъ самъ не потерпитъ остаться безъ наказанія, хотя бы Христосъ и простилъ его, такъ какъ одно оскорбленіе Его составляетъ уже величайшее наказаніе ²⁷⁾). „Душа, давшая на расхищеніе сокровища дарованій, отвергшая завѣтъ Господень, угасившая прекрасный огонь душевныхъ слезъ, болѣзненно терзаемая воспоминаніемъ о томъ, не только со всею готовностію пріемлетъ всякіе труды, но благочестно рѣшается умертвить себя подвигами“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ (ст. 5). Съ одной стороны, подвиги на столпѣ сопровождали св. Никиту, а съ другой — непрестанное, постоянно возрастающее томленіе его кающейся души, доходящее до самозабвенія и какъ бы истощанія въ мукахъ раскаянія. Очевиднымъ и самымъ вѣрнымъ признакомъ истиннаго сокрушенія св. Никиты о своихъ грѣхахъ служилъ строгій образъ жизни, возненавидѣніе всякаго тѣлеснаго утѣшенія; отвращаясь тѣла своего, какъ врага, по слову св. Лѣствичника (ст. 7), онъ изнурялъ его тяжелыми веригами, жилъ въ скорбяхъ, въ тяготѣ, въ трудахъ, въ скудости, въ наготѣ, въ одиночествѣ, въ нуждѣ, въ болѣзняхъ, въ униженіи, въ оскорбленіяхъ, въ сердечномъ сокрушеніи, въ отреченіи отъ жены и отъ сродниковъ, въ борьбѣ съ своими страстями. Значить, благодать Божія чрезъ видимое посредство (видѣніе) невидимо и непосредственно прикоснулась къ духу преп. Никиты и извлекла его изъ томящихъ узъ въ свѣтъ Божій, въ область божественной жизни, вывела изъ грѣховнаго состоянія съ помощію средства, состоящаго въ томъ, что Господь попускаетъ грѣшнику идти по пути беззаконій ²⁸⁾ для того, чтобы онъ самъ увидѣлъ и созналъ опасность своей гибели.

Итакъ, св. столпники находились подъ особымъ воздействиемъ на нихъ благодати Божіей, приготавливавшей ихъ къ высшимъ подвигамъ столпостоянія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ даже извѣстно изъ житій, что ихъ предъизбраніе быть путеводными свѣтилами для ищущихъ спасенія выра-

²⁷⁾ Бѣс. 11 на Мѣ., стр. 266.

²⁸⁾ Римл. I, 21—32.

жалось въ знаменательныхъ видѣніяхъ, бывшихъ ихъ родителямъ, да и самое рожденіе св. столпниковъ, какъ дѣйствіе ближайшаго попеченія Божія, приготавлило ихъ къ чему то особенному въ путяхъ промысла Божія.

Такъ, мать св. Алипія предъ его рожденіемъ видѣла во снѣ, что она какъ будто держитъ на своихъ рукахъ агнца, очень красиваго, и на рогахъ у него—двѣ заженныя свѣчи. А когда родился св. Алипій, то „нѣкая божественная свѣтлость велія храмину исполняше“. Эти видѣнія служили знаменіемъ благодати Божіей и свѣтлости его добродѣтелей, „яко имѣяше свѣтъ быти міру“. Послѣ снова было видѣніе его матери: весь адріанопольскій народъ стекался къ ея дому, воспѣвая рожденіе младенца“ ²⁹⁾). Въ житіи св. столпника Даниїла разсказывается, что его мать, долго не имѣвшая дѣтей и подвергавшаяся за то упрекамъ со стороны мужа, такъ и своихъ родныхъ, обратилась съ молитвою къ Господу о разрѣшеніи своего неплодства и дала обѣтъ посвятить „дарованное“ Богу, „якоже древле Анна Самуила“. Уснувъ послѣ молитвы, она видитъ видѣніе! 2 большихъ свѣтильника на подобіе блюдъ спускаются надъ ея главою; „то бяше, говорится въ житіи, прознаменованіе имущаго произыти изъ нея таковаго плода, иже сіяніемъ добродѣтелей паче звѣздъ будетъ свѣтлѣйшій“. Вскорѣ у нея родился сынъ и ему не давали имени въ теченіи 5 лѣтъ, „но отъ Бога тому нарещися желяху, да иже Божіимъ дарованіемъ родися, той отъ Бога и имя себѣ пріиметъ“. Родители съ этою цѣлію взяли новорожденнаго и отправились съ нимъ въ ближайшій монастырь съ просьбою къ игумену — дать ихъ сыну имя. Игумень сказалъ имъ, „яко тѣмъ именемъ его подобаетъ нареши, еже Самъ открыетъ Богъ“. Взявъ Библію, онъ раскрылъ ее и „обрѣте нѣкая словеса св. пророка Даниїла, и разумѣвъ, яко тако благоволитъ Богъ, да тоеже пророческое имя и тому наречется отроку, именована его Даниїломъ: отнюдуже знаменовашеся, яко

²⁹⁾ Четьи-Минеи, 26 ноября, л. 163.

имѣяше той отрокъ великому оному пророку, якоже именемъ, тако и нравы быти подобенъ“ ³⁰⁾. Мать св. Симеона II-го Марфа не хотѣла выходить замужъ, думая постричься въ монахини, но по внушенію Божію, она сочеталась бракомъ съ однимъ антиохійцемъ Іоанномъ, на котораго она оказывала сильное нравственное вліяніе, „возставляючи его на всякое дѣло благое, и оба они украшаху житіе свое пощеніемъ, воздержаніемъ и молитвами, тщашеся угодить Богу“. Марѳа очень часто ходила въ церковь св. Іоанна Предтечи и здѣсь дала обѣщаніе—если родится у нея сынъ, то посвятить его Богу. Черезъ годъ послѣ ночной молитвы, Марѳѣ явился во снѣ св. Іоаннъ Предтеча и возвѣстилъ ей, что она родить сына Симеона, который „будетъ сынъ десницы, мяса и вина и кія-либо человѣческою хитростію творимыя снѣди не вкуситъ, но хлѣбъ, и медъ, и соль, и вода питаніе ему будетъ. По дву же отъ рожденія его лѣтѣхъ, имаши принести того сѣмо въ мою церковь, и крестити, и егда крещенія благодати сподобится, тогда извѣстится, что имать отроча мое быти“. Предсказаніе исполнилось и Марѳа безъ болѣзни родила сына. Послѣ крещенія младенецъ ясно проговорилъ: „имѣю отца и не имѣю отца, имѣю мать и не имѣю матери“ и повторялъ эти слова въ продолженіи 7 дней, чему всѣ удивлялись и „проразумѣваху того быти имуща не земныхъ, но небесныхъ подражателя“ ³¹⁾. Значить, Господь благоволилъ призвать св. столпниковъ къ особенному жребію, къ высшимъ подвигамъ, но притомъ такъ, чтобы было видно свободное участіе призываемыхъ въ дѣтской покорности ихъ опредѣленію влекущей ихъ къ себѣ волѣ Божіей. Убѣжденіе въ этомъ можно находить въ ветхозавѣтной исторіи, представляющей много примѣровъ того, что отличные мужи, предназначенные для особенныхъ важныхъ цѣлей, рождались отъ бесплодныхъ родителей (напр. Исаакъ, Сампсонъ, Самуиль и др.).

Посвященный или посвятившій себя на служеніе Гос-

³⁰⁾ Четьи-Минеи, 11 дек., л. 137 об. ³¹⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 153.

поду долженъ прежде всего очистить себя, приготовиться къ служенію Богу. Съ первыхъ шаговъ своего усовершенствованія онъ обязанъ противиться требованіямъ плоти, принуждая себя къ добру, противясь злу. Самопротивленіе и самопринужденіе это и есть какъ бы „форменныя начала подвижничества“, по словамъ епископа Теофана. То и другое составляетъ „бореніе“ человѣка съ собою, или иначе подвигъ. А такъ какъ подвигъ (бореніе) есть сущность добродѣланія, то подвижнику необходимо ревновать о подвигахъ самопринужденія и самопротивленія съ цѣлю возведенія себя на степень первозданной чистоты, достиженія богоуподобленія. И чѣмъ кто рѣшительнѣе дѣйствуетъ, тѣмъ тотъ скорѣе достигаетъ чистоты. Слѣдствіемъ такой рѣшительности и бываютъ тѣ внѣшніе подвиги самоумерщвленія, какіе налагали на себя св. подвижники вслѣдъ за своимъ обращеніемъ къ Богу (уединеніе, постъ, умерщвленіе плоти и т. п.), причемъ, по мнѣнію преосв. Теофана, это была сознательно избранная, благодатію Божіею внушенная мѣра, принятая къ скорѣйшему созрѣнію въ нравственномъ отношеніи ³²⁾. Значить, чтобы въ душѣ подвижника созрѣло внутреннее тяготѣніе къ Господу, ему необходимо рѣшительное отреченіе отъ всего въ цѣляхъ истребленія въ себѣ страстности и очищенія себя путемъ борьбы, чтобы установить себя въ подвигахъ добродѣланія, ему необходимо предать себя всецѣло Богу и поступить, такъ сказать, подъ Его непосредственное руководство ³³⁾. Св. столпники и принадлежали къ числу тѣхъ избранниковъ Божіихъ, которые неимовѣрно быстрымъ порывомъ отдавали себя Богу, были Имъ принимаемы и водимы.

Они поставляли своею цѣлю—достигать нравственнаго совершенства въ своей жизни. Первый и основной обѣтъ ихъ жизни было иночество, съ которымъ тѣсно связывалось и дѣвство. Такъ какъ съ этими обѣтами исключалась привязанность къ землѣ и земнымъ выгодамъ, то св. столпникамъ не было нужды искать земныхъ благъ. Отсюда—

³²⁾ Путь ко спас. III, стр. 212—215.

³³⁾ Тамъ же, стр. 286, 287, 217,

третій обѣтъ, входящій въ жизнь св. столпниковъ—нестяжательность. Въ виду же того, что св. столпники разрывали связь съ міромъ и людьми, то имъ уже нечего было искать у людей на землѣ, а только находить все у Бога на небѣ. Отсюда проистекали обѣты всецѣлой покорности Господу и послушанія людямъ, преуспѣвшимъ на поприщѣ духовной жизни. При этихъ строгихъ обѣтахъ у св. столпниковъ-иноковъ было одно общее стремленіе—распять свою плоть съ ея страстями и похотями и утвердить въ себѣ господство духа и благодати. Они умерщвляли свое тѣло трудами, постомъ, молитвеннымъ бдѣніемъ; они вышались и стремились духомъ къ единому Богу, изгоняя изъ своего ума всякій земной помыслъ, изъ своей воли—всякое своевольное желаніе, изъ своего сердца—всякое грѣховное вождѣленіе. Св. столпники являлись среди этого человѣческаго міра инымъ неземнымъ міромъ,—это были земные ангелы и небесные человѣки. Иночество св. столпниковъ, служа для нихъ самихъ прекрасною школою и разсадникомъ духовнаго испытанія, такъ какъ оно покоилось на самомъ строгомъ, серьезномъ основаніи жизни,—на побужденіи къ совершенному господству духа надъ плотію, разума надъ чувственностію, сверхъестественнаго надъ естественнымъ для высшей степени святости и вѣчнаго союза съ Богомъ, составляло реакцію противъ разложенія господствующаго порядка вещей въ обществѣ, выражая собою стремленіе спасти чистоту и дѣвственность христіанскаго общества. Признавая за обществомъ, за семействомъ, за бракомъ, за собственностію божественное учрежденіе, св. столпники оставляли все это потому только, что оно представляло единственное препятствіе для созерцательной жизни и дѣятельности. Св. столпники-монахи своимъ героическимъ высоконравственнымъ характеромъ невольно вызывали себѣ у современниковъ сочувствіе и подражаніе, являясь защитниками и охранителями чистой вѣры и христіанской нравственности ³⁴).

³⁴) Объ этомъ подробнѣе сказано въ VII главѣ.

Живя въ монастыряхъ, будущіе столпники подвергали себя самымъ строгимъ лишеніямъ, какъ бы подготовляясь къ „столпничеству“. Такъ, св. Симеонъ (І-й) такъ твердо стягивалъ свое тѣло веревкою, сплетенною изъ финиковыхъ вѣтвей, что она проникала до костей; черезъ 10 дней тѣло его загноилось и покрылось червями, издавая отъ себя сильный дурной запахъ ³⁵). Затѣмъ, онъ приучилъ себя ѣсть только однажды въ недѣлю, въ воскресенье. Во время великаго поста св. Симеонъ по 20 дней воздерживался отъ принятія пищи. Первая такая попытка едва не привела его къ смерти. Св. Лука „желѣзы себе обложилъ по всей плоти“ ³⁶). Св. Симеонъ Дивногорецъ тайно обвинилъ свое тѣло волосяной веревкой, которая разѣдала его плоть до костей, такъ что вытекло много крови, и власяница прильнула къ тѣлу, начавшему гнить ³⁷). Св. Никита „тяжкая желѣза носилъ“ ³⁸). Послѣ такихъ предварительныхъ аскетическихъ самолишеній св. столпники ³⁹), покинувъ монастыри, поселялись въ пустыняхъ, гдѣ въ пещерахъ или въ пустыхъ идольскихъ капищахъ проводили затворническую жизнь: общество ихъ вмѣсто людей составляли звѣри. Такъ, св. Симеонъ (І-й) поселяется въ колодцѣ, наполненномъ различными гадами, и тамъ проводитъ созерцательную жизнь въ теченіе трехъ лѣтъ, а потомъ восходитъ на гору и приковываетъ себя за ногу къ горѣ желѣзной цѣпью въ 20 локтей длины ⁴⁰). Св. Даніилъ поселяется въ идольскомъ капищѣ, заваливъ всѣ входы и оставивъ только „оконце едино мало приходящихъ ради“ ⁴¹). Св. Алипій, имѣя непремѣнное желаніе жить уединенно „на мѣстѣ безмолвнѣйшемъ“, занимается съ этою цѣлю эллинскій склепъ въ одномъ изъ идольскихъ капищъ для того, чтобы, наслаждаясь богомысліемъ непрестаннымъ, усерднѣе работать Господу“ ⁴²).

³⁵) Это обстоятельство послужило поводомъ къ увольненію св. Симеона изъ монастыря: игумень и братія „да не како иніи братія немошнѣйшии подражати ему хотяше будутъ сами себѣ виновны смерти, повелѣша ему изыти изъ монастыря“, Четьи-Минеи, 1 сен., л. 4. ³⁶) Прологъ 11 декабря, л. 34 об. ³⁷) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 157 об. ³⁸) Прологъ, 24 мая, л. 58 об. ³⁹) За исключеніемъ св. Никиты, Саввы Вишерскаго и Кирилла Туровскаго. ⁴⁰) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 4 об. ⁴¹) Четьи-Минеи, 11 дек. ⁴²) Тамъ же, 26 ноября.

Св. Симеонъ Дивногорецъ до поселенія въ монастырѣ живетъ въ Пильской пещерѣ ⁴³⁾ „со звѣрьми, аки со агнцы: тѣхъ бо точію имѣ сожителей, отъ человекъ же невидимый бѣше отнюдѣ“ ⁴⁴⁾. Жизнь затворническая пустынная имѣла громадное значеніе для св. столпниковъ въ смыслѣ выработки въ нихъ созерцательнаго аскетизма и приученія къ твердому перенесенію искушеній. Вѣдь, въ затворнической жизни, свободной отъ внѣшнихъ искушеній, возникаетъ для подвижника внутренняя духовная борьба. То являются образы удовольствій міра, то возникаютъ помыслы гордости, то низлагаютъ душу помыслы унынія. Къ борьбѣ разнообразныхъ помысловъ, которые тѣмъ сильнѣе воюютъ на душу, чѣмъ менѣе для нея внѣшняго развлеченія, присоединяются самыя сильныя искушенія духовъ злобы. Приучивъ себя къ постоянному бодрствованію надъ собою въ затворѣ, къ сохраненію молитвеннаго духа, къ огражденію себя смиреніемъ, св. столпники въ пламенной любви къ вѣчной жизни и свѣту увлекались высшими подвигами и стремились увеличивать свои труды, и вотъ они покидаютъ затворъ и восходятъ на столпы, причемъ, кстати сказать, сооружаютъ нѣкоторые тамъ, гдѣ раньше были идольскія капища и мѣста служенія идоламъ замѣняютъ служеніемъ истинному Богу.

Г Л А В А III.

Безмолвіе и молчаніе, какъ средства, подготовлявшія св. столпниковъ къ созерцанію.

Такимъ образомъ, послѣ подготовительныхъ подвиговъ самоумерщвленія и затворничества святые подвижники, уже испытавшіе себя въ самоотверженіи и терпѣніи, восходятъ на столпы, сооружая ихъ въ замѣнъ идольскихъ капищъ. Но отъ чего и какъ родилась у нихъ мысль о „столпни-

⁴³⁾ Тамъ же, 24 мая. ⁴⁴⁾ Пещера эта находилась въ Тиверинской странѣ на границѣ съ Селевкіею.

чествѣ“? Раньше мы высказали свои соображенія объ этомъ (1-я глава), а теперь познакомимся съ мнѣніемъ дѣписателей о св. столпникахъ. Мысль о „столпничествѣ“ св. Симеону I-му внушилъ особенный случай. Кротостію своего характера и строгостію жизни, еще въ отроческихъ лѣтахъ, св. Симеонъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе и удивленіе многихъ. Но, когда, удалившись на гору близъ селенія Таланисса въ затворъ и тамъ усугубивши подвиги самоумерщвленія, онъ началъ исцѣлять приходившихъ къ нему, тогда слава его подвиговъ и чудотвореній разнеслась далеко, такъ что начали стекаться къ нему всѣ, не только вблизи живущіе, но и отъ странъ далекихъ. При необыкновенномъ стеченіи и усердіи народа къ св. подвижнику, происходилъ безпорядокъ: каждый изъ приходившихъ хотѣлъ ближе видѣть св. Симеона, прикоснуться къ нему и скорѣе получить отъ него благословеніе и помощь. Народъ, стѣсняясь самъ, тѣснилъ св. Симеона, возмущалъ его душевное спокойствіе и препятствовалъ его дѣятельности. Что же долженъ былъ сдѣлать св. Симеонъ въ такомъ затруднительномъ положеніи? скрыться отъ людей? но, съ одной стороны, это было и невозможно: народъ съ воплемъ послѣдовалъ бы за нимъ всюду, что случилось съ св. Симеономъ Дивногорцемъ, послѣ того какъ онъ ушелъ на Дивную гору ¹⁾); а съ другой—можетъ быть праведникъ считалъ такое уклоненіе отъ народа не позволительнымъ. Онъ видѣлъ, что богатство духовныхъ даровъ сообщено ему не для того, чтобы онъ скрывалъ его подъ спудомъ, но чтобы употреблялъ его на пользу своихъ ближнихъ. Св. Симеонъ хотѣлъ благодѣтельствовать народу и между тѣмъ встрѣчалъ препятствія со стороны самого же народа. Чтобы освободиться отъ такого затруднительнаго положенія, св. Симеонъ вздумалъ отдѣлиться отъ народа, не уклоняясь отъ него стать на возвышенное мѣсто, на столпъ: „стуживъ блаженный, говорится въ житіи св. Симеона, отъ такого почитанія и отъ покоя, изобрѣте страненъ образъ житія:

¹⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 161 об.

умысли бо создати столпъ и на немъ стояти“ ²⁾). Впрочемъ, мысль о „столпничествѣ“, внушенная св. Симеону особеннымъ случаемъ, утверждена была Самимъ Богомъ, и святой вступилъ въ новый подвигъ не прежде, какъ получивъ на то повелѣніе отъ Бога. Козьма, халдейскій священникъ, не разъ бесѣдовавшій съ св. Симеономъ, говоритъ, что ангелъ Господень трижды являлся св. Симеону на скалѣ и призывалъ его къ „столпничеству“. Епископы и прочіе сирійскіе посланники, по строгомъ изслѣдованіи жизни св. Симеона, доносили своей церкви, что начатое имъ дѣло отъ Бога. Вообще, всѣ современники св. Симеона смотрѣли на его столпническій подвигъ не какъ на вымыселъ ума человѣческаго, но какъ на дѣло божественное. Ученикъ Симеоновъ св. Даніилъ взошелъ на столпъ также по Божію призванію, и притомъ неоднократно. Преданный своему учителю, онъ хотѣлъ подражать его жизни, но страшился ея необыкновенной трудности. Богъ ободрилъ его слѣдующимъ видѣніемъ: „видѣ Даніилъ столпъ стоящъ предъ собою, и высотой превосходящъ облаки, преподобнаго Симеона верху столпа стояща и глаголюща: взыди сѣмо Даніиле!“ и когда св. Даніилъ представлялъ невозможность взойти на такую высоту, два свѣтоносные юноши восхитили его и поставили предъ св. Симеономъ, который облобызалъ своего ученика и сказалъ ему: мужайся Даніилъ, великодушень и крѣпокъ будь, и стой добрѣ и мужественно; „прознаменоваше же то видѣніе, яко подобаетъ ему подобіемъ св. Симеона столпника на столпъ взыти“. Но св. Даніилъ медлилъ исполнить повелѣнное, какъ бы не довѣряя самому себѣ и ожидая болѣе яснаго призванія. Въ самомъ дѣлѣ, спустя немного времени, Богъ снова объявилъ ему Свою волю чрезъ преп. Сергія, которому было такое явленіе: три юноши пришли къ нему и сказали: „встань Сергій и скажи Даніилу, чтобы онъ приготовилъ себя къ большему подвигу“. Возставъ отъ сна, преп. Сергій разсказалъ это св. Даніилу, который понялъ, что Богъ по-

²⁾ Четьи-Минеи, 1 сент., л. 5.

велѣваетъ ему подражать житію св. Симеона. Послѣ этого св. Даниилъ уже не сомнѣвался въ божественномъ призваніи къ „столпничеству“; съ помощію преп. Сергія устроилъ столпъ на мѣстѣ, показанномъ Самимъ Богомъ ³⁾ и, съ благодареніемъ Богу, ночью, чтобы никто не узналъ, вступилъ въ новый подвигъ „столпничества“. „Слава Тебѣ, Христе Боже, взывалъ св. Даниилъ, яко сподобляеши мя такового житія. Ты же вѣси, Господи, яко о Тебѣ утверждаяся и на Тебе надѣяся, восхожду на сей столпъ ⁴⁾. Десница Божія, воздвигавшая такихъ великихъ и необычайныхъ подвижниковъ, самымъ яснымъ образомъ открылась на св. Симеонѣ Дивногорцѣ, который съ пеленъ началъ подвижническую жизнь. О его „столпничествѣ“ было открыто св. Іоанну столпнику, игумену Пильскаго монастыря: предъ приходомъ св. Дивногорца въ обитель онъ видѣлъ его стоящимъ на столпѣ и съ нимъ приближающимся къ обители ⁵⁾. Когда св. Дивногорцу было 15 лѣтъ онъ особеннымъ откровеніемъ Божиимъ былъ вызванъ на гору Дивную и здѣсь, по повелѣнію Божию, продолжалъ столпостояніе, причемъ, самый столпъ былъ освященъ Самимъ Иисусомъ Христомъ, явившимся вмѣстѣ съ ангелами ⁶⁾. Нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ о томъ,—были ли подобныя откровенія и призванія другихъ св. столпниковъ, но изъ описанія ихъ жизни видно, что всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ водительствомъ Духа Божія, а поэтому, нельзя думать, что они рѣшались на великій подвигъ „столпничества“, не испросивъ прежде на то благословенія Божія.

Итакъ, св. столпники старательно избѣгали публичной жизни, и всѣ они восходили на столпы съ цѣлію безмолвія ⁷⁾, наиболѣе способствующаго къ богомыслію. Такого

³⁾ Преп. Сергій во снѣ видѣлъ бѣлаго голубя и хотѣлъ его схватить, но услышалъ голосъ: думаешь ли сътѣю поймать его? нѣтъ; но руками надобно взять его; голубь полетѣлъ вверхъ „и ктому невидимъ бѣ“. Разумѣвъ же Сергій, яко тамо ему показа Богъ къ созиданію столпа мѣсто, сказа Даниилу, еже видя и слыша“, (Чет.-Мин., 11 дек.). ⁴⁾ Тамъ же, 11 дек., л. 143. ⁵⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 156. ⁶⁾ Тамъ же, л. 162. ⁷⁾ Св. Алипію „прииде желаніе особнаго уединенаго житія, да безмолвно живущи, усерднѣ Единому работаетъ Богу и Его наслаждается богомышленіемъ непрестаннымъ“ (26 ноябрь, л. 163). Св. Даниилъ, взойдя на столпъ „начѣ жити Богу между землею и небомъ, оныя устраниая плотію и духомъ“ (11 дек., л. 143).

рода проявленіе аскетизма извѣстно было еще въ древности, во времена дохристіанскія. Законодательная книга индусовъ Ману, а также древнѣйшія индійскія эпическія сказанія знакомятъ насъ съ такими изъ числа кающихся индійцевъ, которые жили въ лѣсахъ, въ уединенныхъ хижинахъ и въ постройкахъ, имѣвшихъ однѣ стѣны безъ крыши. Такія жилища или отдѣльно встрѣчались въ глухихъ мѣстахъ, или же составляли поселки, когда нѣсколько аскетовъ проводили удаленную отъ общества жизнь. Этотъ послѣдній видъ аскетическаго отчужденія встрѣчается въ средѣ буддійскаго отшельничества; напротивъ, у отшельниковъ браманизма преобладаетъ уединенная жизнь въ собственномъ смыслѣ, вдали отъ людей. Греки и римляне понимали также достоинство уединенной жизни и ея значеніе въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, какъ это можно видѣть изъ разсужденій философовъ Платона и Сенеки. Уединенную жизнь высоко цѣнили двѣ іудейскія секты: ессеи и еерапевты. Та же жизнь находитъ себѣ почитателей въ средѣ дервишей Ислама. Христіанская аскетико-уединенная жизнь ведетъ свое начало отъ великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ: Іліи и Елисея, а также и отъ Іоанна Предтечи. Самъ Іисусъ Христосъ имѣлъ обычай уединяться для молитвы: „утромъ, вставъ весьма рано вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился“⁸⁾. Наклонность къ уединенной жизни весьма рано появляется въ христіанскомъ обществѣ, въ особенности въ Египтѣ, гдѣ предъ глазами христіанъ былъ примѣръ уединенной жизни еерапевтовъ. Въ III-мъ вѣкѣ въ Египтѣ существовало общество уединенныхъ аскетовъ, названныхъ іеракистами, отъ имени ихъ руководителя Іерака, ученика Оригена. Съ IV-го вѣка уединенную жизнь мы находимъ среди столпниковъ. Для чего нужно было св. столпникамъ уединеніе? зачѣмъ они бѣгали того иноческаго общества, среди котораго имъ суждено было Богомъ жить? для чего удалялись людей, когда сама природа побуждаетъ къ общи-

⁸⁾ Мр. 1, 35; Мѣ. XIV, 13.

тельности? такъ, если бы всѣ люди единомысленно стремились къ небу, если бы въ мірѣ не было соблазновъ и искушеній на каждомъ, можно сказать, шагу, если бы о каждомъ кружкѣ людей можно было сказать, что онъ собранъ для добрыхъ цѣлей, во имя Божіе, тогда, не ища нарочно уединенія, легко было бы пріобрѣсти наклонность къ благочестію и спастись. Но духъ міра противоположенъ духу Христову, потому и заповѣдуетъ св. апостоль Іоаннъ Богословъ: „не любите міра, ни яже въ мірѣ; аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ ⁹⁾“. Здѣсь не сказано: не любите людей, бѣгайте всѣхъ ихъ, а—не любите міра, т. е. не увлекайтесь духомъ не христіанскимъ, удаляйтесь отъ общества съ порочными людьми, отъ обычаевъ и правилъ, развращающихъ душу, отъ поводовъ къ грѣху. А уберечься отъ многоразличныхъ соблазновъ міра можно при помощи уединенія отъ нихъ. Вѣдь, уединеніе вовсе не исключаетъ общенія съ людьми и въ жизни св. юродивыхъ мы видѣли, что они, находились всегда въ обществѣ, но уединялись отъ соблазновъ. Св. столпники, также бѣгая міра, не оставляли и приходящихъ къ нимъ, помогая имъ своими молитвами и наставленіями, о чемъ подробно скажемъ, когда будемъ разбирать общественную ихъ дѣятельность. Въ чемъ же заключается нравственный смыслъ уединенія св. столпниковъ? оно оказывало весьма благотворное вліяніе на успѣхъ ихъ самоиспытанія. Дѣйствительно, разсматривая жизнь св. столпниковъ, легко замѣтить, что они все свое вниманіе сосредоточивали на себѣ, и притомъ, вниманіе не поверхностное, а самое глубокое для того, чтобы знать—какъ совершается путь восхожденія къ добродѣтелямъ. Безъ уединенія невозможна проверка себя; нельзя имѣть самособранности духа, когда вокругъ не будетъ безмолвія. Далѣе, уединеніе служило для св. столпниковъ благотворнымъ средствомъ для богомыслія и молитвы. Извѣстно, что св. столпники поселялись въ пустыхъ капищахъ, на горахъ, въ узкихъ хлѣвинахъ и на

⁹⁾ 1 Іоанн. II, 15.

столпахъ потому, что эти мѣста „отъ всякія молвы были свободны и къ богомыслию удобны ¹⁰⁾“. Люди, занимающіеся учеными трудами, по опыту знаютъ, что не иначе можно основательно обдумать какую-либо важную истину, какъ устранивъ отъ себя всѣ препятствія, развлекающія вниманіе на извѣстный предметъ. При бесѣдѣ же съ Богомъ—невидимымъ Существомъ—надобно совершенно отрѣшиться отъ земли, устремиться всѣми силами души горѣ, забыть все для Бога ¹¹⁾. Наконецъ, уединеніе укрѣпляло благочестивый характеръ св. столпниковъ. И въ жизни обыкновенной разсѣянные люди бываютъ не тверды въ своихъ правилахъ, слабы волею и не умѣютъ въ трудныхъ случаяхъ сохранить присутствіе духа, и это отъ того, что они не привыкли обдумывать своихъ поступковъ, не имѣли времени вникнуть въ себя. И наоборотъ, люди самособранные и въ житейскомъ быту бываютъ тверды и разсудительны, потому что имѣютъ время укрѣпить себя въ характерѣ. Что же касается жизни духовной, представляющей такъ много трудностей, борьбы и съ самимъ собою и съ внѣшними препятствіями, то здѣсь въ выработкѣ нравственнаго характера очень много требуется осторожности, обдуманности, твердости воли. А эти качества и пріобрѣтаются при усиленныхъ уединенныхъ молитвенныхъ подвигахъ, что ясно видно на примѣрахъ св. столпниковъ, благочестивая твердость которыхъ поражала всѣхъ; напр. св. Даніилъ, сойдя со столпа, преслѣдуетъ императора Василиска, отвергавшаго Халкидонскій соборъ и добивается умиротворенія церкви ¹²⁾. Итакъ, св. столпники уединялись для самоуглубленія, самоиспытанія и богомыслия, чтобы болѣе укрѣпляться въ силахъ нравственныхъ и преуспѣвать въ жизни духовной.

¹⁰⁾ Четьи Миней, 26 ноябрь, л. 163 об. ¹¹⁾ Говоря это, мы никакъ не ослабляемъ важности общественной молитвы: кто удаляется отъ нея, тотъ отчуждаетъ себя отъ тѣла церкви, лишается благодатныхъ даровъ, подаваемыхъ въ церкви и подвергаетъ себя опасности духовной гибели. Но при общественной молитвѣ непременно должна быть и уединенная. Иисусъ Христосъ, утвердившій Своимъ примѣромъ необходимость общественной молитвы, посѣщая храмъ іерусалимскій, Самъ же подаль примѣръ и уединенной молитвы (Мѣ. XXVII, 37), и далъ заповѣдь: „ты же егда молишися, вниди въ клѣтъ твою и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ, и Отецъ твой видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ“ (Мѣ. V, 6).

¹²⁾ Четьи Миней, 11 дек.

Уединеніе св. столпниковъ, такимъ образомъ, служило подготовительнымъ средствомъ къ возбужденію духа созерцательности. Вторымъ средствомъ, полезнымъ въ этомъ отношеніи, было ихъ молчаніе, которое являлось важнѣйшимъ внѣшнимъ условіемъ, дѣлавшимъ возможнымъ религиозное углубленное размышленіе. Подъ молчаніемъ разумѣется какъ вообще обузданіе языка, выражающееся въ малоглаголаніи, такъ болѣе или менѣе продолжительное воздержаніе отъ употребленія дара слова. „Столпничество“ было выраженіемъ второго вида молчанія. Св. Дивногорецъ, „соблюдаше себе отъ бесѣдъ человѣческихъ по вся бо дни до девятаго часа затворенъ пребываше, ни съ кимже хотя бесѣдовати, точію съ единымъ Богомъ“ „и пребываше особъ молчащи“ ¹³⁾. Всѣ св. столпники въ цѣляхъ свободного аскетическаго упражненія въ самосозерцаніи проводили жизнь на столпахъ, а иные употребляли и другія средства, для упражненія въ молчаніи. Такъ св. Лука новый столпникъ влагалъ камень въ уста „молчанія ради“ ¹⁴⁾. Какимъ образомъ упражненіе въ молчаніи св. столпниковъ могло служить для нихъ подготовительнымъ средствомъ въ переходѣ къ другому виду аскетическаго упражненія—самосозерцанію и вести къ духовному совершенству?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что молчаніе св. столпниковъ или безмолвіе, съ одной стороны, было выраженіемъ глубокаго самоотверженія св. столпниковъ, а съ другой,—служило самодѣйствительнымъ средствомъ къ упражненію въ самоотверженіи. Языкъ есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ органовъ въ составѣ человѣческаго тѣла, движеніе которыхъ, при чрезвычайной легкости и быстротѣ, сильно и неудержимо. Что быстрѣе и стремительнѣе мысли? и однако языкъ, нѣкоторымъ образомъ, подражаетъ быстротѣ ея движенія. Поэтому, обращенный на злое, онъ, какъ замѣчаетъ апост. Іаковъ, есть неудержимое зло. А отсюда уже нельзя не видѣть, что безмолвіе—не малый подвигъ, потому что тѣмъ, которые обрекали себя на безмолвіе,

¹³⁾ Четьи Миней, 24 мая.

¹⁴⁾ Прологъ, 11 дек.

надлежало постоянно бдѣть надъ собою и удерживать стремленіе своей природы тамъ, гдѣ она дѣйствуетъ всего сильнѣе и упорнѣе. Какъ трудно удерживать стремленіе огня, такъ и почти столько же трудно удерживать языкъ, ибо злой языкъ, по выраженію апостола, есть огонь палящій коло рожденія и опаляясь отъ геенны¹⁵⁾. Но трудность безмолвія еще болѣе увеличивается, когда представимъ себѣ, что слово составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній разумной нашей природы, что въ немъ и чрезъ него преимущественно проявляются самыя внутреннія стороны человѣческаго духа,—его разумѣніе и свобода, неистощимое богатство его мыслей и чувствованій, что человѣкъ естественно и неудержимо стремится проявлять внутреннюю дѣятельность духа чрезъ слово, такъ какъ отсюда у человѣка сильное влеченіе передавать другимъ почти всѣ возникающія въ душѣ мысли и чувствованія, отсюда болѣзненная трудность—носить, а тѣмъ болѣе навсегда погребать въ сердцѣ какую-либо тайну. Поэтому, кто посвящалъ себя безмолвію, тотъ долженъ былъ постоянно бороться съ самимъ собою, останавливая стремительный потокъ мыслей и чувствованій, всегда готовый излиться въ словѣ и заставляя эти душевныя волны сокрушаться въ себѣ самомъ. Замѣтимъ, наконецъ, и то, что въ словѣ заключается для человѣка обильный источникъ услажденія и отрады. Посредствомъ слова изливаются душевныя наши радости и дѣлаются оттого какъ бы полнѣе и обильнѣе: чрезъ слово открываются для насъ источники новыхъ радостей, истекающихъ отъ взаимнаго собесѣдованія съ подобными намъ; съ словомъ проходитъ всякая скорбь и душевная горечь, и мы чувствуемъ нѣкоторую отраду. Слѣдовательно, заключить уста свои на болѣе или менѣе продолжительное время значитъ—закрыть для себя одинъ изъ источниковъ земныхъ удовольствій. Но, состоя главнымъ образомъ въ обузданіи языка, безмолвіе приводитъ естественно и къ другимъ видамъ самоотверженія. „Аще кто въ словѣ не

¹⁵⁾ Іак. III, 6.

согрѣшаетъ, говоритъ св. ап. Іаковъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло“ ¹⁶⁾. И дѣйствительно, ктѣ имѣетъ столько силы духа, чтобы обуздати и связать языкъ, по своему устройству, легкій и быстроподвижный, тотъ можетъ обуздати и другіе члены тѣла, болѣе грубыя и недѣятельныя,— удержати руки отъ хищенія, ноги отъ неправого теченія. Языкъ, по выраженію апост.—какъ бы нѣкоторое кормило въ нашей тѣлесной природѣ. „Се и корабли велицы суще и отъ жестокихъ вѣтровъ заточаемы, обращаются малымъ кормильцемъ, а може стремленіе правящаго хошетъ: такоже и языкъ малъ убо есть, и велми хвалится“ ¹⁷⁾. Отсюда, кто искусенъ въ управленіи своимъ языкомъ, тотъ управитъ и всѣмъ тѣломъ, не смотря на самыя сильныя порывы страстей и пожеланій чувственныхъ. И какъ языкъ легкостію и быстрою движенія подражаетъ быстротѣ душевныхъ движеній, то научившійся постоянно обуздывать языкъ не неопытенъ будетъ и въ управленіи своими помыслами и самою свободою. „Стяжи безмолвіе, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, и оно возвыситъ тебя надъ страстями“ ¹⁸⁾; кто возшелъ на степень этой добродѣтели (т. е. молчанія), говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, тотъ въ состояніи однимъ ударомъ разсѣчь крѣпко сплетенный узелъ пороковъ“ ¹⁹⁾.

Св. царь и пророкъ Давидъ говоритъ: „охраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внемгда востати грѣшному предо мною“ ²⁰⁾. Такой обѣтъ далъ нѣкогда себѣ и Богу прошедшій едва ли не всѣ пути духовныя Давидъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и св. столпники, обрекая себя на молчаніе, одною изъ главныхъ цѣлей своего подвижничества поставляли—не согрѣшать языкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, слово наше, по превратному его употребленію, служитъ источникомъ многихъ нравственныхъ золъ. „Словеса орудіе сущіе міра сего“, сказалъ св. Исаакъ Сиринъ ²¹⁾, имѣя въ виду превратное употребленіе слова. И въ самомъ дѣлѣ, это

¹⁶⁾ Іак. III, 2.
¹⁹⁾ Лѣствица, ст. II-я.

¹⁷⁾ Іак. III, 4, 5.
²⁰⁾ Пс. XXXVIII, 2.

¹⁸⁾ Слово о безмолвіи, л. 126 об.
²¹⁾ Добр. 11, 49.

такое орудіе, помощію котораго міръ преимущественно можетъ дѣйствовать и оказывать могущественное и вмѣстѣ губительное свое вліяніе на человѣка. „Тлятъ обычаи благи бесѣды злы“ ²²⁾, говоритъ апостоль. Будучи постоянно чисты и свободны отъ грѣховъ словесныхъ, столпники самымъ дѣйствительнымъ и надежнѣйшимъ образомъ защищали себя отъ вреднаго вліянія со стороны человѣческихъ обществъ, преграждали главный входъ въ душу свою злу, текущему въ мірѣ и становились недоступными для многихъ соблазновъ и искушеній его.

„Безмолвіе есть надзиратель помысловъ, учитель размышленій, приращеніе ума“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ ²³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не содѣйствуетъ размышленію, чистотѣ и возвышенности мысли, какъ совершенное безмолвіе. Употребленіе слова, по большей части, ведетъ къ разсѣянности, а ничто столько не препятствуетъ здравому разсужденію, какъ разсѣянность. И древніе мудрецы понимали достоинство молчанія и, можно сказать, полагали въ немъ тайну своей мудрости. Такова была школа Пиеагорейская: она не прежде открывала для своихъ питомцевъ сокровищницу мудрости, какъ послѣ трехлѣтняго искуса ихъ въ молчаніи ²⁴⁾. Поэтому, св. столпники, закрывая уста свои, безъ сомнѣнія, непрестанно питали духъ свой благочестивыми размышленіями, восходя мыслію къ высочайшимъ предметамъ вѣры, что извѣстно у аскетовъ подъ именемъ умнаго дѣланія, занимались богомысліемъ, умною молитвою, непрерывно, такъ сказать, священнодѣйствовали и служили въ тайнѣ духа своего Богу.

Безмолвіе, закрывая человѣка въ себѣ и, сосредоточивая внутреннюю его дѣятельность въ немъ самомъ, сообщаетъ ему полноту внутренней жизни, особенную крѣпость и силу духа. „Исцѣленіе языка древо жизни: храняй же его, исполнится духа“, говоритъ премудрый Соломонъ ²⁵⁾. Вообще, благочестивое молчаніе и жизнь безмолвная могутъ служить наилучшимъ средствомъ къ прес-

²²⁾ Кор. XV, 33. ²³⁾ Ст. II-я. ²⁴⁾ Лекц. проф. Миртова по ист. ф-ии 1898 г.

²⁵⁾ Притчи XV, 4.

пѣянію въ духовномъ совершенствѣ и къ возрастанію внутренняго человѣка. „Безмолвіе нива Христова, плодотворная, плоды приносящая благіе“, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ ²⁶⁾. Таково вообще свойство добродѣтелей христіанскихъ и совершенствъ духовныхъ, что онѣ всего болѣе любятъ зачинаться, расти и созрѣвать въ тайнѣ сердца человѣческаго, и чѣмъ глубже корень ихъ и сокровеннѣе во внутренней жизни человѣка, тѣмъ и самыя добродѣтели бываютъ выше и плодотворнѣе. Ап. Петръ поставляетъ даже молчаніе отличительною чертою внутренней жизни человѣка: „и потаенный сердца человѣкъ, говоритъ онъ, въ неистлѣннѣи кроткаго и молчаливаго духа“ ²⁷⁾.

Но подвигъ молчанія представляется несообразнымъ съ природою человѣка, какъ существа разумно словеснаго. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, каждый можетъ собственнымъ опытомъ убѣдиться, какъ несродна и тяжела намъ жизнь уединенная, въ отчужденіи отъ всякаго сообщества съ подобными намъ людьми. Такъ что, кто обрекаетъ себя на безмолвіе, тотъ, повидимому, оставляетъ въ небреженіи даръ Божій и дѣлаетъ насиліе надъ своей природой. Но, съ другой стороны, если оно было вовсе противно требованіямъ и законамъ земной нашей природы,—его и въ такомъ случаѣ можно было бы оправдать высшими нравственными цѣлями, требованіями и законами, которыми человѣкъ преимущественно и долженъ управляться. И естественный разумъ внушаетъ низшія земныя требованія природы подчинять высшимъ, духовнымъ, удовлетворяя первымъ столько и тогда, сколько и когда онѣ служатъ къ достиженію нравственнаго совершенства, совѣтуетъ также нерѣдко, для этой цѣли, вовсе отказывать нѣкоторымъ низшимъ требованіямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ повелѣваетъ даже самую жизнь земную приносить въ жертву добродѣтели. Христіанство же тѣмъ болѣе заповѣдуетъ покорять плоть духу, земное—небесному, такъ какъ духъ и основаніе всего

²⁶⁾ Слово о безмолвіи, л. 126 об.

²⁷⁾ 1 Петр. III, 4.

христіанства состоятъ въ самоотверженіи, по которому человѣкъ—христіанинъ долженъ отречься всего себя,—со всѣми требованіями грѣховной своей природы, для воли Божіей и собственнаго спасенія. Поэтому, св. столпники, избиравшіе молчаніе, какъ средство къ высшему духовному совершенству, поступая нѣкоторымъ образомъ вопреки земной природѣ, въ тоже время дѣйствовали вполнѣ сообразно съ высшимъ предназначеніемъ и въ духѣ истиннаго христіанства. Они то, можно сказать, прямымъ образомъ осуществили въ своей жизни то, что совѣтуетъ Спаситель касательно управленія естественными требованіями и органами тѣлесной нашей природы. „Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную“²⁸⁾. Впрочемъ молчаніе имѣетъ нѣкоторое основаніе и въ человѣческой природѣ. Если въ человѣкѣ есть естественная потребность и стремленіе бесѣдовать съ подобными себѣ, то ему равно естественно, по временамъ, заключаться въ себя и бесѣдовать только съ самимъ собою, внутренно—въ тайнѣ своихъ помысловъ. Отсюда всѣмъ, болѣе или менѣе, свойственна скрытность, склонность къ уединенію, и такъ сказать, къ самособесѣдованію. Поэтому, и собесѣдованіе и молчаніе равно естественны человѣку и въ словесной дѣятельности его обыкновенно смѣняются одно другимъ. Даже можно сказать, что основаніе безмолвія въ природѣ человѣческой лежитъ еще глубже. Если потребность собесѣдованія съ подобными себѣ вытекаетъ изъ предназначенія человѣка для жизни общественной, то безмолвіе, или, что тоже, самособесѣдованіе, основывается на томъ, что, онъ долженъ жить въ себѣ и съ собою; но, очевидно, человѣкъ всегда ближе къ самому себѣ, нежели къ другимъ. Въ нѣкоторыхъ людяхъ эта наклонность къ безмолвію и самособесѣдованію, дѣйствительно, беретъ весьма замѣтный перевѣсъ надъ потребностью бесѣдовать съ другими, такъ что

²⁸⁾ Мѡ. V, 29.

они чаще и наиболѣе любятъ жить въ себѣ и неохотно прерываютъ свою внутреннюю тайную бесѣду, чтобы предаваться собесѣдованіямъ общимъ. Вотъ уже и естественный переходъ и начальный шагъ къ постоянному безмолвію. И съ этой точки зрѣнія безмолвіе св. столпниковъ не можетъ казаться страннымъ, противоестественнымъ.

Далѣе, молчаніе св. столпниковъ можетъ представляться противнымъ обязанности человѣка-христіанина—назидать и утѣшать братій своихъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ случаи, когда нужно преподать совѣтъ и утѣшеніе страждущему, вразумить неопытнаго, обличить заблуждающагося и упорнаго,—вообще, послужить словомъ пользы ближняго. Подвижникъ молчанія, повидимому, отрекается отъ исполненія этой спасительной, по своимъ дѣйствіямъ, обязанности.—Но, вѣдь, св. столпники только временно отрекались отъ этой обязанности, и безъ сомнѣнія потому, что, глубоко смиряясь, признавали себя недостойными учить ²⁹⁾, а тщательно занимались самоисправленіемъ и заботились только о томъ, чтобы опытомъ жизни самимъ научиться дѣятельному благочестію. Притомъ, какъ извѣстно, столпники не всегда безмолвствовали, а поучали народъ, да кромѣ того сама ихъ жизнь была внятнымъ и многознаменательнымъ урокомъ для разумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ поучительно было видѣть человѣка на землѣ, нѣкоторымъ образомъ уже не принадлежащаго землѣ, своимъ постояннымъ пребываніемъ въ себѣ, внутреннею и внѣшнею тишиною и всегдашнимъ самообладаніемъ разительно изобличающаго разсѣянность міролюбцевъ, необузданность страстей и вожделѣній.

²⁹⁾ Они, какъ извѣстно, отказывались отъ пресвитерства, главною обязанностью котораго было учительство.

Г Л А В А IV.

Проявленіе созерцательнаго аскетизма въ „столпничествѣ“. Само-созерцаніе св. столпниковъ, или стремленіе къ собранности духа и къ самообличенію своей грѣховности.

Въ связи съ уединеніемъ и молчаніемъ св. столпниковъ стоитъ другой видъ аскетическаго столпническаго упражненія — созерцаніе, къ которому молчаніе служило лишь подготовительною ступенью. Подъ созерцаніемъ въ области религіозно-нравственной жизни вообще разумѣется такая дѣятельность духа, вслѣдствіе которой намѣренно долго останавливается мысль и размышленіе на предметъ религіознаго значенія. Такими предметами могутъ быть: самъ Богъ, божественное откровеніе въ священномъ писаніи, природѣ и исторіи или же самъ человѣкъ въ его настоящемъ и будущемъ (жизнь и смерть). Уже въ языческомъ мірѣ религіозное созерцаніе занимаетъ видное мѣсто среди предметовъ, принадлежащихъ къ сферѣ аскетической дѣятельности. Пифагорейцы упражнялись въ созерцаніи, которое сопровождалось у нихъ молчаніемъ и самымъ строгимъ самоиспытаніемъ. То же самое встрѣчаемъ у стоиковъ, которые высоко цѣнили созерцаніе; неоплатоники созерцаніе Божества считали высшею обязанностію разумаго человѣка. Св. столпники, уединяясь и пребывая въ молчаніи, „душу свою направляли къ небеснымъ; по выраженію церковной пѣсни ¹⁾); умъ ихъ виталъ въ горнемъ ²⁾). Съ мыслью о Богѣ у св. столпниковъ неотлучна была и мысль о своемъ сердцѣ, которое они тщательно охраняли отъ всякихъ даже помысловъ. Св. Симеонъ Дивногорецъ „соблюдалъ себе отъ помышленій находящихъ“ ³⁾), и всѣ другіе св. столпники, естественно, заботились о томъ же. Но такъ какъ они, прервавъ всякія связи съ людьми, предоставлены были самимъ себѣ и водительство собственнаго разума и

¹⁾ Кан. 9 пѣснь, 26 ноябр. ²⁾ Кан. 6 пѣснь, 26 ноября. ³⁾ Четьи-Минеи, 24 мая.

легко могли подвергнуться опасности впасть въ мечтательность, т. е. въ такое состояніе, въ которомъ человѣкъ дѣлается открытымъ для искушеній, то они должны были слѣдить за собою для того, чтобы не разсѣиваться множественностію вещей міра сего, чтобы подвергнуть искусу собственное сердце и сдѣлать его способнымъ къ размышленію о Богѣ, къ молитвенному обращенію къ Богу. Отсюда естественно являлось у нихъ самосозерцаніе, которое есть дѣятельность размышляющаго ума, направляющаго свои взоры на собственное свое я.

Въ этой формѣ созерцаніе, какъ собранность духа, какъ стремленіе къ самоиспытанію и самонаблюденію и сопровождало аскетическую жизнь св. столпниковъ. Житія ихъ не говорятъ подробно и раздѣльно о томъ, какъ происходило самосозерцаніе у св. столпниковъ, носило ли оно систематическій характеръ и совершалось ли по извѣстнымъ правиламъ и въ извѣстное время, хотя можно изъ описанія уставовъ столпническихъ отчасти догадываться о предметахъ созерцанія и о времени созерцанія: св. Симеонъ первый съ утра до 9 часовъ вечера молился Богу; послѣ 9 час. до солнечнаго захода занимался чтеніемъ божественныхъ книгъ и писаніемъ; по заходѣ солнца снова начиналъ молитву, которую продолжалъ всю ночь до зари. „Свѣтающе же дню, повелѣваше сну, аки рабу, да приступить къ нему мало“; послѣ немногаго отдыха снова начиналъ свое молитвенное правило ⁴⁾. Св. Симеонъ Дивногорецъ держался такого же почти порядка ⁵⁾. Про другихъ св. столпниковъ извѣстно, что они почти цѣлыя сутки посвящали созерцанію (св. Алипій, св. Даніилъ). Фактическимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить и самое столпостояніе ихъ. „Чувственное жилище имѣя столпъ твой, мысленный же и небесный градъ горній Сіонъ“, поется въ стихирахъ св. Симеону I. „Тѣло твое на столпѣ оградивъ, умомъ шествовати невозбранно къ желаемому попустилъ еси“ ⁶⁾. „Тѣломъ возшедь на столпъ, умъ же возвысивъ на премірная“ ⁷⁾. Мы

⁴⁾ Четьи-Минеи, 1 сент., л. 8. ⁵⁾ Тамъ же, 24 мая, л. 159 об. ⁶⁾ Изъ службы св. Алипію, 26 ноября. ⁷⁾ Изъ службы св. Никитѣ.

знаемъ, что подвижники восходили на столпы для свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго, богомыслія. Со столповъ они не сходили, за исключеніемъ важныхъ случаевъ ⁸⁾ и потому, принимая во вниманіе ихъ личную цѣль, преслѣдуемую ими въ столпостояніи (стремленіе къ богомыслію), смѣло можно утверждать, что созерцаніе и самопознаніе св. столпниковъ было непрерывнымъ и едва ли нарушалось приходящими къ нимъ въ виду того, что умъ ихъ и тогда могъ возноситься горѣ и въ самой бесѣдѣ съ людьми они могли упражняться въ созерцаніи, а особенно въ самосозерцаніи, изучая чело-вѣческую природу. Непрерывность аскетическаго созерцанія съ его видами налагаетъ особый отпечатокъ на подвигъ „столпничества“ и отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ видовъ подвижничества, въ которыхъ созерцаніе не было непрерывнымъ и нарушалось тѣми обязанностями, какія соединялись съ званіемъ инока, игумена и пр. Итакъ, само-созерцаніе, какъ одинъ изъ видовъ созерцанія, было не-прерывнымъ дѣломъ цѣлой жизни св. столпниковъ. Удалившись отъ міра, отъ монашескаго чина, заключившись на столпахъ, они съ неослабной бдительностію наблюдали за каждымъ проявленіемъ своей мысли, внимательно слѣдили за самыми тайными своими чувствованіями и желаніями, и силою Божіей благодати, призываемой молитвою и аскетическими самоотверженными подвигами, св. столпники прозорливо предотвращали даже малѣйшее поползновеніе своей природы къ нарушенію небесной правды; такъ, св. Симеонъ I-й побѣдилъ тщеславіе, которому чуть было не подпалъ обольщенный діаволомъ, явившимся ему на колесницѣ съ приглашеніемъ вознестись на небеса, въ виду якобы окончанія нравственнаго усовершенствованія своего. Постоянно изучая въ себѣ чело-вѣческое существо, прислушиваясь къ непреложнымъ его требованіямъ и наблюдая, за что, для чего и отчего оно находится въ вѣч-

⁸⁾ Напр. св. Данииль во время безпорядковъ, поднятыхъ царемъ Василискомъ, отвергавшимъ IV-й вселенскій соборъ; св. Савва Вишерскій—разъ въ недѣлю для поученій братіи и св. Кириллъ Туровскій,—остальные не сходили со столповъ, если не считать ихъ переходовъ съ низшихъ столповъ на высшіе.

ной борьбѣ съ самимъ собою, они лучше всѣхъ мудрецовъ понимали истинное достоинство и назначеніе человѣка и небеснаго не приносили въ жертву земному, а земного не чтили, какъ небесное. Эта мысль ясно выражена въ пѣсно-пѣніяхъ церковныхъ: „привременная вся презрѣвъ, Христу послѣдовалъ еси, небесную славу присно провидя“, поется въ сѣдальнѣ по поліелеѣ въ службѣ св. Симеону, „всеблаженне Алипіе, твою изъ млада возложилъ еси жизнь Христу Богу, отъ Негоже укрѣпляемъ горшее подчинилъ еси лучшему“⁹⁾; св. Даниилъ „душу вперилъ еси къ небеснымъ“¹⁰⁾; св. Симеонъ Дивногорецъ „земныхъ отступль, къ небеснымъ возвышаемъ, къ Богу взимался присно“¹¹⁾. Словомъ, во всѣхъ пѣснопѣніяхъ въ честь св. столпниковъ выражается та мысль, что они въ виду всегда имѣли свое назначеніе и потому обращали особенное вниманіе на внутреннее свое содержаніе, на очищеніе души¹²⁾, какъ храма Божія¹³⁾, стремились къ соблюденію законовъ духа¹⁴⁾, къ свѣтлости душевной¹⁵⁾, къ ангелоподобной чистотѣ¹⁶⁾. Изъ тѣхъ же пѣснопѣній видно, что св. столпники обращали вниманіе не на то, какъ они были обставлены извнѣ, а на то, чѣмъ обусловлено ихъ самобытіе и какимъ оно являлось въ ихъ сознаніи. Они въ данномъ случаѣ забывали не только все принадлежащее имъ мірское, но и собственную свою личность для того, чтобы между сознаніемъ ихъ и ими самими не посредствовали никакіе эгоистическіе интересы, но смотрѣли на себя, какъ на предметъ посторонній. Умъ св. столпниковъ принадлежалъ всецѣло Богу, а тѣло не составляло какъ бы ихъ достоянія потому, что они умерщвляли его великими аскетическими подвигами и старались покорить его духу¹⁷⁾. Объявляя борьбу плоти, распиная ее, св. столпники чрезъ это объявляли непримири-мую вражду тому, что противно истинной жизни, чрезъ эту борьбу они и стремились искоренить въ самомъ заро-

⁹⁾ Стих. на Госп. воззв., 26 ноября. ¹⁰⁾ 11 дек., изъ канона. ¹¹⁾ 24 мая, стихиры. ¹²⁾ „Тѣло омочивъ слезами, душу очистилъ“, поется въ службѣ св. Симеону I-му. ¹³⁾ Сѣдал., 1 сент. ¹⁴⁾ Изъ канона св. Алипію, 26 ноября. ¹⁵⁾ Св. столпники именуются мужами свѣта, свѣтоподобными и пр. ¹⁶⁾ Называются ангелами на земли. ¹⁷⁾ Изъ службы св. Даниилу, 11 дек., изъ канона.

дышѣ нравственныя бѣдствія. А достигнуть этого и можно было не иначе, какъ подъ условіемъ распятія плоти, умерщвленія, уничтоженія ея, чтобы духъ могъ приобрѣсти полный просторъ и свободу, т. е. стремленіе къ тому, что даетъ жизнь всему случайному, измѣнчивому. Вѣдь, плоть врывается всюду и на все полагаетъ свой характеръ мертвенности и тлѣнія, такъ какъ вездѣ есть для нея пища, потому что во всемъ есть сторона не только внутренняя, но и внѣшняя, не только существенная, но и случайная, не только неизмѣнная, но и подлежащая измѣненію. Это ясно видно изъ того, что св. столпники, упражнявшіеся только въ богомысліи и молитвѣ, подчинялись иногда плоти. Св. Симеонъ І-й едва не подпалъ грѣху тщеславія; св. Симеонъ Дивногорецъ попущеніемъ Божиимъ, „да не хвалится всяка плоть предъ Богомъ“, подвергся сильному плотскому искушенію во снѣ и едва не осквернился во снѣ ¹⁸⁾. Чтобы истребить въ себѣ грѣхъ (плоть), св. столпники и умерщвляли тѣло. Такъ, св. Симеонъ Дивногорецъ „часто многіе дни и нощи безъ сна провождаше. Единою же тридесять дней и тридесять ночей отнюдъ не воздремася, моля Бога, да весьма отъиметъ отъ него сонъ, и бысть ему отъ благодати Божія речено: подобаетъ тебѣ мало нѣчто сномъ тѣло упокоевати“ ¹⁹⁾. Св. Симеонъ І-й, по сказанію блаженнаго Θεодорита, „овогда стояше неподвижимъ надолзѣ, овогда же частыя творя поклоны, молитвы принося Богу“. Одинъ любопытный хотѣлъ сосчитать—сколько положить поклоновъ св. Симеонъ и могъ насчитать только 1244 поклона, послѣ чего усталъ, „не могій болѣе смотрѣти на высоту столпную: обаче святой не изнеможе отъ поклоненія ²⁰⁾. Св. Алипій „свергъ покровъ малый со столпа, иже бѣ надъ главою, его, стояше имущи покровъ небо, зиму же и зной и вся воздушная премѣненія, дожди и грады, снѣгъ же и ледъ, и мразъ доблественно терпящи“. Пораженный язвами на ногахъ, за 14 лѣтъ до своей смерти, и лишенный возможности стоять, св. Алипій сталъ лежать

¹⁸⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 158 об.

¹⁹⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 159 об.

²⁰⁾ Четьи-Минеи, 1 сент., л. 7 об.

на одномъ боку до конца жизни, и когда ученики его хотѣли перевернуть его на другой бокъ, то „онъ никакоже сему быти попускаше; но терпяше, благодаря Бога“ ²¹⁾. Вотъ какъ охарактеризовалъ аскетизмъ св. Даніила Киръ, епископъ фригійскій, въ благодарность за исцѣленіе своей бѣсноватой дочери и жены одного воина, написавшій на столпѣ св. Даніила слѣдующіе стихи: „здѣ стоитъ мужъ, отвсюду вѣтры біемъ не бояся; пищу имый безсмертну, сластемъ мірскимъ не общася; основанія давыи глубокая зданію, столпы двоезрачны; есть же корень Симеоновъ, славящъ Сына Матери неискусобрачны“ ²²⁾.

Св. Никита Переяславскій нагой отдавалъ себя на сѣденіе комарамъ и мошкамъ, которые покрывали его тѣло такъ, „яко ни плоти его познаватися, и мнозѣй крови текущи отъ него“ ²³⁾. Отъ многаго стоянія у св. Симеона I-го загноилась лѣвая нога, на которой онъ стоялъ цѣлый годъ въ наказаніе за то, что хотѣлъ поддаться діавольскому искушенію и сѣсть въ колесницу, чтобы вознестись на небо; черви падали со столпа на землю, а Антоній, ученикъ св. Симеона, по повелѣнію его, собиралъ черви и носилъ ему на столпъ; св. же Симеонъ „прилагаше черви къ язвѣ, говоря: ядите, яже вамъ даде Богъ“ ²⁴⁾. Сильная боль въ ногѣ „не возможе св. Симеона отторгнуть отъ богомыслія“ ²⁵⁾. Св. Лука, новый столпникъ, „желѣзы себе обложилъ по всей плоти“ ²⁶⁾. Цѣль такого самоумерщвленія св. столпниковъ выражена писателями житій св. Симеона I-го и св. Дивногорца. Они путемъ такихъ аскетическихъ самолишеній „низлагали помышленія и плѣняли всякій разумъ въ послушаніе Христово“ ²⁷⁾, стремились къ тому, чтобы не подпасть унынію, а привлечь бы свыше на себя благодать св. Духа ²⁸⁾. Итакъ, св. столпники изнуряли свою плоть, несли великіе, высокіе подвиги христіанскаго самоотверженія для того, чтобы, побѣдивъ плоть, вознести

²¹⁾ Тамъ же, 26 ноября, л. 155 об. ²²⁾ Четъи-Минеи, 11 дек., л. 144.
²³⁾ Прол., 24 мая, л. 58 об. ²⁴⁾ Четъи-Минеи, 1 сент., л. 5 об. ²⁵⁾ Тамъ же, л. 7 об. ²⁶⁾ Прологъ, 11 дек., л. 34 об. ²⁷⁾ Четъи-Минеи, 1 сент., л. 4 об.
²⁸⁾ Тамъ же, 24 мая, л. 156 об.

свой духъ къ Тому, Кто превыше всего и всю ее излить предъ Нимъ; надо думать, что самоотверженные подвиги св. столпниковъ проистекали изъ чистаго пониманія ими ученія Христова и яснаго сознанія высокаго назначенія человѣка для жизни на небесахъ, а поэтому, св. церковь и чтить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы совлечься ветхаго человѣка надобно прилѣпиться ко Христу. По ученію св. отцевъ, Сынъ Божій сдѣлался для спасенія людей человѣкомъ, а человѣку ради Его надо сдѣлаться богоподобнымъ, для чего надобно умерщвлять плоть, потому что всякій тѣлесный покой мерзокъ Богу, Который сказалъ, что узкій и тѣсный путь вводитъ въ животъ ²⁹⁾. Избирающій этотъ путь произвольно избираетъ себѣ и скорбь по силѣ своей, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „умерщвляю тѣло мое и порабощаю“ ³⁰⁾. Имѣющій это доброе намѣреніе примѣшиваетъ и тѣлесную скорбь: напр.: могу лечь спать на мягкой постелѣ, пишетъ св. авва Іоаннъ, но предпочитаю небольшую скорбь и по собственному желанію ложусь на рогожѣ, ради немощи тѣлесной стыдясь и этого потому, что другіе упокоиваются на голой землѣ, а иные на изголовьяхъ, набитыхъ мякиною, а иные клали и терновникъ подъ голову, предпочитая скорбь ³¹⁾. Истинно хотящій спастись говоритъ авва Іоаннъ, долженъ освободиться отъ вліянія своихъ чувствъ и тогда уже пойти въ совершенное безмолвіе, какъ явилъ въ Себѣ и Самъ Іисусъ Христосъ, ибо Онъ, претерпѣвъ гоненія отъ людей, взошелъ, наконецъ, на святой крестъ, что означаетъ умерщвленіе плоти и страстей и святое совершенное успокоеніе ³²⁾. Совершенно умирающіе міру терпѣніемъ и многими скорбями сподобляются пріятія святаго Духа ³³⁾. Святые столпники, умерщвляя свое тѣло, освобождались, такимъ образомъ, отъ вліянія своихъ чувствъ и совершенно отдавались созерцанію. Объяснить это можно вотъ какъ. Нравственная дѣятельность человѣка должна состоять въ сообраз-

²⁹⁾ Мѣ. VII, 14. ³⁰⁾ 1 Кор. IX, 27. ³¹⁾ Руководство къ духовной жизни. Москва. 1883 г. отв. 113 и 132, стр. 89 и 101. ³²⁾ Руководство къ духовной жизни. Москва. 1883 г. отв. 108, стр. 82. ³³⁾ Тамъ же, стр. 84, отв. 109.

ности его чувствованій, мыслей и дѣйствій съ внушеніями откровенной Иисусомъ Христомъ истины. съ требованіями нравственнаго закона, съ святостью воли и совершенствъ Божіихъ. Когда сердце человѣка предаетъ себя всецѣло въ волю Божию и въ ней одной ищетъ своего утѣшенія, тогда способности его и всѣ силы приходятъ въ порядокъ и согласіе. Плоть обновляется, ощущаетъ въ себѣ новыя и до того неизвѣстныя силы дѣйствовать для Бога и для своего блаженства. Озаренный высшимъ свѣтомъ разумъ видитъ тогда ясно тѣ заблужденія, въ которыя влечетъ его растлѣнное грѣхомъ естество, видитъ ту бездну гибели, къ какой приближаютъ его воюющія въ удѣхъ человѣка страсти и то богатство небесныхъ дарованій, которое Богъ предуготовилъ человѣку ради заслугъ Искупителя. По мѣрѣ же того какъ свѣтъ спасительнаго познанія озаряетъ умъ человѣка и очищаетъ его чувствованія, онъ возносится къ Богу умомъ своимъ и стремится познать волю Божию и исполнить ее. Познаніе воли Божіей открываетъ разуму человѣка все богатство благодати Божіей и Его долготерпѣнія, а исполненіе воли Божіей отъ подвиговъ вѣры и преданности простираетъ къ подвигамъ упованія и терпѣнія, правды и мужества.

ГЛАВА V.

Аскетическое воздержаніе св. столпниковъ, какъ сдѣдствіе созерцательнаго ихъ аскетизма и какъ противоборство плотской страсти.

Такимъ образомъ, видно, что св. столпники стремились достигнуть безстрастія и святости, но безстрастія не того, которое проповѣдывали нѣкоторые философы, и которое состоитъ въ умерщвленіи всѣхъ чувствъ, даже святыхъ и благородныхъ. Признательность къ благодѣтелямъ ¹⁾, со-

¹⁾ Однажды „толика бысть снѣжная буря, яко ученицы св. Даниїла столпника ниже очесъ на столпъ возвести, ниже помощи что преподобному можаху. По дни же томъ паки бысть ношь лютѣйша, и паки день такожде до ноши, и едва въ третій

чувствіе и состраданіе къ людямъ бѣднымъ и несчастнымъ ²⁾, привѣтливость и любовь ко всѣмъ ³⁾, добродѣтели, которыми отличались св. столпники, показываютъ, что они не умерщвляли и не хотѣли умерщвлять въ себѣ чувствъ. Они, какъ и всѣ св. подвижники, хотѣли только умерщвлять въ себѣ ветхаго человѣка, „да упразднится тѣло грѣховное, яко къ тому не работати имъ грѣху“ ⁴⁾; стремились очистить свои чувства отъ всего чуждаго человѣческой природы, привлеченнаго въ нее паденіемъ Адама, и поставить ихъ въ зависимости отъ духа, чтобы они не только не препятствовали, но еще содѣйствовали его возвышенію и дѣятельности. И этой высокой цѣли св. столпники достигли, сколько возможно достигнуть человѣку въ этой жизни. Необыкновенная сила ихъ духа, устремленнаго всегда горѣ и преданнаго созерцанію Бога, казалось, одухотворяла самую ихъ плоть и дѣлала ее способною къ перенесенію невѣроятныхъ подвиговъ, направленныхъ къ тому, чтобы достигнуть безстрастія и одухотворенія плоти. Съ этою цѣлью св. столпники до невѣроятности презирали естественныя и необходимыя требованія своей человѣческой природы; они налагали на себя чрезвычайныя посты. Св. Симеонъ I-й „чрезъ всю седмицу не ядый пребываше“, а пищу принималъ разъ въ недѣлю и то „зѣло мало и легку“ ⁵⁾, отчего „сотворися легокъ и удобенъ къ частому кланянію“. Постничество св. Симеона I-го удивляло современниковъ; такъ, одинъ благочестивый аравійскій священникъ, придя къ св. Симеону и, пораженный его воздержаніемъ, спросилъ его: „человѣкъ ли ты или естество безтѣлесное? Слышалъ я,

день утишися, воздухъ: тогда ученицы приставиша лѣствицу, въздоша на столпъ ко отцу, и обрѣтоша его всего ледомъ омерзша отъ главы до ногъ, мало дыханіе имуща, и едва согрѣяша его, теплотою и губою отирающе тѣло его. Пришедъ же въ себѣ прѣподобный рече: почто стужаете ми, возбуждаете мя уснувша сладцѣ, моляся бо уснухъ мало: обаче благо вамъ буди, чада, яко толикое имѣете о отцѣ попеченіе“. Чет.-Мин., 11 дек., л. 148. ²⁾ О чемъ свидѣлствуютъ чудотворенія св. столпниковъ и ихъ наставленія приходящимъ. ³⁾ Св. Симеонъ (I-й) всѣмъ равнѣ показоваше и лице свѣтло и слово любовно якоже вельможи тако и рабу, яко богачу, тако и убогу и послѣднѣйшему извергу. (Чет.-Мин., 1 сент.).

⁴⁾ Римл. VI, 6. ⁵⁾ „ядь его бѣ сочиво моченое и питіе вода“ (Чет.-Мин., 1 сент., л. 5.

что ты не ѣшь, не пьешь, не спишь, а безъ этого человѣкъ жить не можетъ“. Св. Симеонъ разсѣялъ его мысли тѣмъ, что пригласивъ къ себѣ на столпъ, показалъ язву на ногѣ, какъ доказательство того, что онъ имѣетъ такую же человѣческую плоть, какъ и всѣ люди ⁶⁾. Св. Лука, новѣйшій столпникъ, „до шести дней постяся, ничтоже ино въ седмый день вкушая, точію приношаемую ему просфору и зеліе сурово“ ⁷⁾. Св. Симеонъ Дивногорецъ еще съ дѣтства показалъ свое чудное воздержаніе: въ тотъ день, когда его мать ѣла мясо и пила вино, онъ „не хотяше ссати сосца, и пребываше алченъ даже до завтра“, также не вкушалъ отъ лѣваго сосца, а если мать и хотѣла кормить его лѣвымъ, то онъ съ плачемъ отвращался отъ него. Когда ему было 2 года, онъ ѣлъ хлѣбъ, медъ и пилъ воду, а „мяса, ниже коего варенія отнюдь хотяше пріяти“; 6-ти лѣтнимъ послушникомъ въ Пильскомъ монастырѣ св. Симеонъ еще былъ строже, „пощеніе его бѣ сицевое: овогда по тріехъ днехъ, овогда же по седми, а иногда по десяти днехъ вкушаше сочива мочена водою, и воды мало піяше, о чесомъ блаженный столпникъ Іоаннъ игуменъ удивляшеся зѣло“ и умолялъ св. Дивногорца подкрѣплять себя пищею ⁸⁾. Смыслъ такихъ аскетическихъ пощеній указалъ самъ св. столпникъ Дивногорецъ. Онъ говорилъ своему игумену, что пища рождаетъ скверныя помыслы, помрачаетъ умъ, увеличиваетъ страсть и обращаетъ духовнаго человѣка въ плотскаго, приковывая его мысли къ земнымъ вожделѣніямъ“ ⁹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, по ученію св. отцевъ, постъ является главнымъ средствомъ, способствующимъ человѣку распинать плоть съ ея страстями, особенно же съ самыми пагубными, каковы всѣ виды плотскихъ страстей. „Кто постится, тотъ угашаетъ злыя страсти“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁰⁾. Постъ отнимаетъ у плоти, такъ сказать, ея душу, т. е. все то, чѣмъ она живетъ и сильна. Отнимая у ней пищу и питіе, онъ какъ бы распинаетъ ее, не давая ей ни преобладать надъ духомъ, ни дѣлать ея любимыхъ

⁶⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 4, 5 и 7. ⁷⁾ Прол., 11 дек., л. 34 об. ⁸⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 155 и 156. ⁹⁾ Тамъ же. ¹⁰⁾ Бес. 57, на Мѣ.

дѣлъ, каковы по указанію св. апостола Павла: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣяніе, вражды, рвенія, зависть, ярость, разженія, распри, соблазны, ереси, убійства, пьянство, безчинны кличи и под. ¹¹⁾). Поэтому-то, одинъ опытный въ духовной жизни мужъ сказалъ своимъ ученикамъ: „наши отцы вкушали только хлѣбъ съ солью и говорили: не должно намъ обременять себя и хлѣбомъ съ солью. Потому они и сильны были въ дѣлѣ Божіемъ“. Онъ же говорилъ: „кто изъ животныхъ сильнѣе льва? Но изъ-за чрева своего и онъ попадаетъ въ сѣти, и тогда все могущество его прекращается“. „Если какой царь захочетъ взять непріятельскій городъ, то прежде всего удерживаетъ воду и сѣстныя припасы, и непріатели, погибая отъ голода и жажды, покоряются ему. То же бываетъ и съ плотскими страстями. Если человѣкъ будетъ жить въ постѣ и голодѣ, то враги, ослабѣвъ, оставятъ его душу“ ¹²⁾).

Св. Симеонъ Дивногорецъ говорилъ, что пища помрачаетъ умъ. Значитъ, постъ напротивъ, просвѣтляетъ и укрѣпляетъ его. Это открывается изъ слѣдующихъ словъ св. подвижниковъ: „если хочешь сдѣлать крѣпкимъ умъ, говоритъ св. Василиій Великій, обуздай плоть постомъ. Это и значитъ то самое, что сказалъ апостолъ: въ какой мѣрѣ внѣшній человѣкъ тлѣетъ, въ такой внутренній обновляется ¹³⁾ и еще: когда немощствую, тогда силенъ есть ¹⁴⁾“. „Кто пребываетъ въ постѣ, говоритъ препод. Исаакъ Сиринъ, у того умъ непоколебимъ и готовъ срѣтить и отразить всѣ лютыя страсти“ ¹⁵⁾).

Такъ, постъ, служа дѣйствительнымъ и необходимымъ средствомъ къ достиженію высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, налагался св. столпниками, во-первыхъ, для выраженія ихъ живой любви къ Богу, какая цѣль проистекаетъ изъ общаго христіанскаго нравственнаго начала, обязывающаго всѣхъ съ плачущими плакать, съ радующи-

¹¹⁾ Гал. V, 19—31. ¹²⁾ Дост. сказ. о подвижн. свят. 1846 г. стр. 128, 129.

¹³⁾ 1 Кор. IV, 16. ¹⁴⁾ 2 Кор. XII, 10; 1 бес. о постѣ. Твор. св. отцевъ. 1846 г., кн. III, стр. 13. ¹⁵⁾ Твор. св. Исаака Сирина, Москва, 1854 г., сл. 21.

мися радоваться ¹⁶⁾ и, во-вторыхъ,—въ цѣляхъ освященія. Оттого-то „столпничество“ (а также и „юродство“) было сплошнымъ подвигомъ постничества, при помощи котораго св. подвижники свободно могли возносить умъ на небо. Дѣйствительно, „какъ скоро кто начнетъ поститься, говоритъ преподобный Исаакъ Сиринъ, вождельвуетъ уже съ этого времени умомъ своимъ пріити въ вождельніе собесѣдованія съ Богомъ. Ибо тѣло постящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспять на постели своей. Когда на уста человѣку налагается печать постовъ, тогда помысль его поучается въ умиленіи, сердце его источаетъ молитву, на лицѣ у него грусть, и срамные помыслы далеки отъ него, не видно веселости въ его очахъ, врагъ онъ похотѣній и суетныхъ бесѣдъ. Никто никогда не видалъ, чтобы разсудительный постникъ сталъ рабомъ худого вождельнія“ ¹⁷⁾.

Кромѣ того, своимъ непрерывнымъ постничествомъ св. столпники, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ (напр. Іезекіилю) несли, такъ сказать, на себѣ кару Божію за неправды общества.

Въ этомъ увѣряетъ то обстоятельство, что св. столпники постились иногда по 40 дней, въ подражаніе св. пророкамъ. Св. Симеонъ I-й столпникъ ежегодно ничего не ѣлъ ¹⁸⁾ въ св. Четырдесятницу ¹⁹⁾. Почему постился онъ сорокъ дней? Число 40 въ священномъ писаніи всегда являлось числомъ, означающимъ кару, сѣтованіе, исповѣданіе грѣха или наказаніе за его ²⁰⁾.

Принимая во вниманіе вышесказанное соображеніе, должно думать, что св. столпники 40-дневнымъ своимъ постомъ желали подвергнуть себя наказанію за грѣхи и выразить свое покаянно-сѣтованное настроеніе. Но какъ понимать столь продолжительный почти непрерывный постъ св. столпниковъ, повидимому невозможный для человѣка при обыкновенныхъ условіяхъ? Опытъ нашей ежедневной

¹⁶⁾ Римл. XII, 15. ¹⁷⁾ Сл. 21. ¹⁸⁾ Св. Симеонъ юродивый (21 іюля) тоже въ великій постъ ничего не ѣлъ. ¹⁹⁾ Чет.-Мин., 1 сент. ²⁰⁾ Быт. VII, 4, 12; Числ. XIV,—33; XXX, II, 13; Исх. XCV, III; Втор. IX, 25; Втор. XXV, 8; Іезек. XXI, 11; 1 Іоинн. III, 4; 2 Кор. XI, 24; Іезек. IV, 6.

жизни показываетъ, что область высшая вліяетъ на низшую. Изнуренный, измученный полкъ, который черезъ силу тащится, услышавъ звуки хорошо знакомой ему пѣсни, ободряется, забываетъ всю свою усталость; не есть ли это доказательство того, что духъ царить не только въ собственной области, но предназначенъ господствовать и господствуетъ уже не въ малой мѣрѣ надъ тою областью жизни человѣческой, которая ниже его? Матерія вмѣсто того, чтобы упорно сопротивляться духу, часто является чудно ему служащею. Чувственность искажаетъ и лишаетъ достоинства наружность человѣка; чистота и любовь облагораживаютъ ее, проливая лучи своего свѣта и на наружный видъ. И что такое самое воскресеніе тѣла, т. е. конечное прославленіе естества или большинство тѣхъ чудесъ, которыя были творимы Господомъ во время Его земной жизни, какъ не дѣйствія духа на вещество? Въ жизни людей можно достаточно находить случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ преобладаніи духа, какое онъ можетъ являть надъ требованіями естественной жизни. Всѣ сильныя страсти, какъ-то: необычайная радость, удручающая скорбь, восторженная набожность, всѣ онѣ, какъ мы всегда видимъ, заставляютъ временно забывать о нуждахъ животной жизни, отложить и прервать ея требованія на время, хотя и не очень продолжительное. Такъ, св. апостоль Павелъ послѣ своего обращенія три дня не ѣлъ и не пилъ ²¹⁾. Св. столпники всю свою жизнь заботились о своемъ внутреннемъ очищеніи и обращеніи и потому, естественно, что они забывали объ удовлетвореніи необходимыхъ естественныхъ потребностей. Кромѣ того, они находились всегда въ борьбѣ съ діаволомъ и въ созерцаніи, приковывавшихъ ихъ умъ къ себѣ и къ тому высшему существу, которое наполняло всецѣло ихъ сердце.

Значить, постъ являлся въ жизни св. столпниковъ однимъ изъ способовъ, которыми они распинали и умерщвляли въ себѣ ветхаго и плотскаго человѣка и созидали

²¹⁾ Дѣян. IX, 9.

новаго и духовнаго. Подражая примѣру Подвигоположника Іисуса Христа, Который, готовясь выйти на подвигъ искупленія людей, вооружилъ и укрѣпилъ себя сорокодневнымъ постомъ ²²⁾, и св. столпники не иначе приступали работать Господу, какъ укрѣпивъ себя постомъ. Не иначе они совершали крестный свой путь, какъ въ сопутствіи поста; не иначе боролись они съ искушеніями, становились на молитву и прочія совершали подвижническія дѣла, какъ съ постомъ. Самые успѣхи свои въ духовной жизни они измѣряли успѣхами въ постничествѣ ²³⁾, глубоко понимая смыслъ словъ св. апостола Павла: „аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется“ ²⁴⁾.

Вкушая невкусную пищу и послѣ продолжительныхъ промежутковъ, они наблюдали еще при этомъ самую строгую умѣренность. Свойство пищи уже было таково, что не могло возбуждать большого аппетита, однако, мѣрою воздержанія у нихъ былъ не аппетитъ, и они никогда не вкушали до удовлетворенія; „ѣсть не до сыта, оставлять пищу тогда, какъ есть еще нѣкоторый позывъ на нее“, — вотъ какое было правило у св. столпниковъ ²⁵⁾. Вообще, долговременный опытъ очень хорошо научалъ св. столпниковъ тому — сколько требовала плоть для поддержанія своихъ силъ, чтобы не разслабѣть отъ голода, не сдѣлать ее неспособною къ подвигамъ и совсѣмъ не разрушить ее. Они, надо полагать, смотрѣли на пищу, какъ на лѣкарство, что ясно видно изъ словъ столпника Іоанна, сказанныхъ св. Дивногорцу: „подобаетъ тебѣ о тѣлеси твоємъ имѣти нѣкое попеченіе и подавать пищу въ мѣру, да возможетъ до конца понести труды постническаго житія“ ²⁶⁾.

Привыкая къ строгому посту, св. столпники приводили свое тѣло въ такое состояніе, что постъ не только не былъ имъ въ тягость, но напротивъ, малѣйшее невоздержаніе было для нихъ вредно. При такомъ чрезвычайномъ постѣ,

²²⁾ Мѣ. IV, 21; Лк. IV, 2. ²³⁾ Св. Симеонъ I столпникъ постепенно упражнялся въ постничествѣ и усовершенсался въ этомъ подвигѣ. ²⁴⁾ 2 Кор. IV 16.
²⁵⁾ Св. Симеонъ I (1 сент.) просилъ предъ сорокадневнымъ постомъ нѣкоего Вассона запереть себя и оставить хлѣбъ и воду, которые остались нетронутыми въ теченіи 40 дней. ²⁶⁾ Чет.-Мин., 24 мая.

который, казалось, долженъ былъ изнурить и преждевременно уморить ихъ, св. столпники сохраняли свое тѣло въ полномъ здоровьи, крѣпости и силѣ. Съ утонченіемъ и очищеніемъ плоти, она у нихъ изъ мрачной темницы превращалась въ свѣтлую храмину, и душа ихъ все свободно созерцала и познавала, и постъ св. столпниковъ, такимъ образомъ, являлся слѣдствіемъ ихъ созерцанія, этого святого и благоговѣйнаго расположенія души. Но, вѣдь, какая повидимому связь между благочестивыми помыслами души и употребленіемъ тучной или скудной пищи,—а связь между тѣмъ, есть и очень тѣсная. Дѣло въ томъ, что тотъ, у кого все вниманіе и сердце занято благочестивымъ дѣломъ по необходимости забываетъ объ излишней пищѣ; для него одно требованіе природы служить побужденіемъ и мѣрою питанія. И по самому закону естества развитіе духовныхъ силъ, частое упражненіе въ дѣлахъ благочестія постепенно умѣряютъ силу прихотей, укрощаютъ, утончаютъ плоть до того, что она начинаетъ ограничиваться самымъ малымъ количествомъ брашна безъ всякаго ущерба для своей долговѣчности. Таковъ и былъ постъ св. столпниковъ. Долговременная подвижническая жизнь такъ возвышала ихъ духъ надъ плотію, что они, за духовною радостью, не внимали скорби побѣжденной плоти. Значить, постъ былъ важенъ для св. столпниковъ въ порядкѣ исправленія жизни, какъ средство или путь къ совершенству. Кто, хотя сколько нибудь, былъ внимателенъ къ своему внутреннему состоянію, тотъ не могъ не замѣтить, сколько нашъ духъ въ настоящемъ состояніи находитъ препятствій въ плоти. Часто мы хотимъ размышлять о небесномъ, а плоть, сокрытыми отъ насъ путями, вноситъ въ душу гнусные образы своихъ страстей; хотимъ рѣшиться на какое-нибудь доброе дѣло, а плоть ослабляетъ эту рѣшимость, и мы откладываемъ добро до другого времени, а потомъ и совсѣмъ забываемъ. Не начинающіе только, но и совершившіеся въ дѣлахъ самоотверженія испытываютъ тягостное ея иго. Самъ св. апостоль Павелъ жалуется на ея враждебную силу. Потому, чтобы удержать грѣховное вліяніе плоти, надобно укротить ея

силу—распятъ плоть. А постъ и есть это распятіе плоти со стороны самой плоти. Съ укрощеніемъ страстей и бурныхъ взыграній плоти, постъ, какъ по лѣствицѣ, ведетъ къ богомыслию, потому что духъ и силы человѣка освобождаются постомъ отъ преобладанія плоти. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ стороны нашей природы: духовная и тѣлесная поставлены въ такое отношеніе, что одна сторона большею частью усиливается на счетъ другой. И вотъ, когда неправильныя, безпорядочныя требованія низшей природы удержаны въ человѣкѣ строгостію воздержанія, когда отвлечено вниманіе отъ суетныхъ предметовъ, тогда душа уже менѣе находитъ препятствій для высшей, себѣ сродной, дѣятельности, легче сосредоточивается, легче обращается къ самой себѣ. Когда плоть укрощена постомъ и не въ силѣ занимать умъ образами своихъ страстей, въ душѣ удобнѣе открывается другой взоръ, другіе предметы созерцанія—ближайшіе къ духу, небесные, душеспасительные. Какъ скоро постъ оградилъ сердце отъ предметовъ, къ которымъ влечетъ чувственность, въ душѣ скоро возгораетъ пламень чистѣйшей любви, а съ нею и умной молитвы. Оттого и видно, что богомысліе, боговѣдѣніе и всѣ созерцательные аскетическіе подвиги всегда сопровождаются постомъ. Совлекаясь грубой плоти, св. столпники оставались съ тонкимъ и легкимъ тѣломъ, и духовная жизнь раскрывалась въ нихъ во всей своей полнотѣ, приходила въ мѣру совершенства и обнаруживала себя чудесными явленіями. Ихъ духъ такъ былъ свободенъ отъ узъ плоти, что подлинно, по словамъ св. Григорія Нисскаго, совершалъ свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ видѣ. Когда св. столпники становились на молитву или предавались созерцанію, то ихъ душа такъ отрѣшалась отъ земли, возносилась къ небу, умъ такъ занятъ былъ богомысліемъ, что, казалось, онѣ были внѣ тѣла. Внѣшнія чувства всѣ закрывались; ихъ не смущало ни зрѣніе, ни слухъ, ни что другое. Такое состояніе отмѣчено въ житіяхъ св. столпниковъ восторгомъ ²⁷⁾. Въ

²⁷⁾ Св. Симеонъ Дивногорецъ „бысть въ восторзѣ“.

познаніи своей души, ея внутренняго состоянія, недостатковъ и совершенствъ, страстей и наклонностей св. столпники были необыкновенно проницательными. Всегда трезвенное ихъ око усматривало малѣйшее движеніе души, и самый непримѣтный зародышъ страсти не скрывался отъ ихъ наблюденія. Чувства ихъ были такъ тонки, что проникали въ душу и узнавали внутреннее состояніе каждаго, т. е. имъ свойственно было то, что извѣстно подъ именемъ прозорливости. Ослабивъ и почти расторгнувъ узы, связывающія ихъ къ землѣ, постъ поставлялъ св. столпниковъ въ состояніе, весьма близкое къ ожидаемому нами безсмертію, какъ говоритъ св. Григорій Нисскій. Они еще здѣсь, на землѣ, начинали жить въ мірѣ будущемъ и духовномъ и отрѣшались отъ формъ пространства и времени. Отсюда св. столпники знали будущее, какъ настоящее, видѣли отдаленное, какъ близкое ²⁸⁾. Смертный часъ у св. столпниковъ былъ всегда предъ глазами, будущая жизнь съ своимъ раемъ и адомъ такъ имъ казалась близкою, что они, какъ-бы на рубежѣ уже стояли и созерцали, что тамъ дѣлается ²⁹⁾ и знали, когда совсѣмъ перейдутъ въ небесное жилище. Отсюда у нихъ являлось безпрестанное слезоистеченіе, что называется на святоотеческомъ языкѣ даромъ умиленія.

Утонченная и очищенная постомъ плоть св. столпниковъ нерѣдко показывала въ себѣ чудесныя явленія, свойственныя уже тѣлу будущему и прославленному. Отъ нихъ исходило сіяніе ³⁰⁾.

Наконецъ, тѣла св. столпниковъ, преобразенныя постомъ, остаются нетлѣнны, потому что они, съ помощію благодати, еще живо умерщвляли въ себѣ причину тлѣнія.

Такимъ образомъ, св. столпники такъ направляли силы души и тѣла, чтобы не отдать ихъ въ плѣнъ плотоугодію.

²⁸⁾ Св. Симеонъ Дивногорецъ со всею очевидностію и подробностію предсказалъ нападеніе на Антіоха варваровъ, указалъ—какими воротами они войдутъ въ городъ. что и какъ разрушать, кого возьмутъ въ плѣнъ и пр. ²⁹⁾ О чемъ говорятъ видѣнія св. столпникомъ загробнаго міра. ³⁰⁾ Св. Аліпій „только благоугоденъ Богу бысть, яко въ животъ еще своимъ небеснымъ свѣтомъ просвѣщаемый бываше“. (Чет.-Мин., 26 ноября),

а сколько возможно старались преобладать надъ плотію, обезсиливать ее и доводить до безвредности. „Питаніе, по мнѣнію епископа Теофана, въ нравственномъ отношеніи есть сѣдалище страсти къ грѣховному услажденію плоти или поприще его развитія. Незамѣтно можно развитъ сластолюбіе и неумѣренность въ пищѣ—два вида чревоугодія, эти губительныя для тѣла и души склонности, прививающіяся къ питанію“. Такъ какъ, по мнѣнію преосв. Теофана, въ отношеніи къ тѣлу жалѣніе его является главнымъ зломъ; потому-что оно отнимаетъ всякую власть у души надъ тѣломъ и дѣлаетъ первую рабою послѣдняго, то вполнѣ естественно строгое отношеніе къ тѣлу—этому сѣдалищу самыхъ свирѣпыхъ страстей,—каковы: похоть и гнѣвъ, въ виду того, что нетѣлолюбіе заграждаетъ входъ въ душу непотребному зелью чувственныхъ наслажденій, своеволія, саможалѣнія, образуя противоположныя имъ расположенія и вообще приучая владѣть тѣломъ, какъ органомъ и не подчиняться ему ³¹⁾.

Св. Варсануфій Великій говоритъ: „презри тѣло, которое будутъ есть черви; оно нисколько не поможетъ, когда предастся тлѣнію“ ³²⁾. Св. Іоаннъ Великій пишетъ, что о тѣлѣ надобно заботиться только какъ объ орудіи души ³³⁾. Умерщвленіе плоти полезно для души, по его словамъ, такъ какъ она черезъ это не впадаетъ въ болѣзнь ³⁴⁾. Прилагая сказанное къ поведенію св. столпниковъ, мы находимъ, что они совершенно избѣгали всяческаго „саможалѣнія“ и, сокрушая тѣло различными аскетическими подвигами на столпахъ ³⁵⁾, они тѣмъ самымъ дѣлали все наперекоръ живущему въ плоти грѣху, стремясь самихъ себя поставить въ должныя границы и направить свои дѣйствія, чувства и мысли согласно съ требованіями духа, а не плоти, борясь съ нею до окончательнаго уничтоженія грѣха. Силу для такой борьбы св. столпники приобрѣтали

³¹⁾ Путь ко спасенію, стр. 29, 32, 33. ³²⁾ Рук. къ дух. ж. Москва. 1883 г. отв. 614. ³³⁾ Ств. 515 ³⁴⁾ Отв. 517, стр. 359, ³⁵⁾ Стояніемъ на одной ногѣ,—какъ св. Симеонъ І; лежаньемъ на одномъ боку,—какъ св. Даніиль; борьбою съ холодомъ и жаромъ и пр.

путемъ аскетическихъ подвиговъ. Вѣдь, духовная сила, подобно физической, возрастаетъ отъ упражненія, какъ объ этомъ говорятъ всѣ подвижники ³⁶⁾, и притомъ, упражненія непрерывнаго, для чего она нуждается въ пищѣ. „Душа, говоритъ преосв. Оеофанъ, является въ міръ голою силою, возрастаетъ, богатѣетъ во внутреннемъ содержаніи, а разнообразится въ дѣятельности уже послѣ. Первую пищу для своего образованія она получаетъ извнѣ,—отъ чувствъ, чрезъ воображеніе ³⁷⁾. Значить, духовная пища состоитъ изъ мыслей и чувствъ. Силу же души развиваютъ содержаніе и обсужденіе нравственнаго закона: „чувства доставляютъ матеріаль въ воображенію, а воображенный предметъ хранится въ памяти и составляетъ содержаніе души“ ³⁸⁾. Вслѣдствіе постоянного созерцанія св. столпники, конечно, забывали о пищѣ, мало заботясь о тѣлѣ, а все свое вниманіе устремивъ на развитіе души. Вслѣдствіе такого сильнаго созерцательнаго напряженія иные изъ св. столпниковъ достигали, при помощи Божіей, того, что вовсе не принимали пищи. Св. Симеонъ Дивногорепъ, послѣ бывшихъ ему небесныхъ откровеній и видѣній, отказался навсегда отъ земной пищи, и питался небесною пищею, приносимою ему ангеломъ. Такое состояніе св. Дивногорца можно объяснить только дѣйствіемъ св. Духа, а со стороны св. подвижника слѣдствіемъ его непрестаннаго созерцанія и самоуглубленія: „никто не освобождается отъ чревоугодія, кромѣ пришедшаго въ мѣру того, который сказалъ: „забыхъ снѣси хлѣбъ мой. Отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей“ ³⁹⁾. Такой скоро достигаетъ уменьшенія пищи и питья, ибо слезы служатъ ему хлѣбомъ, и наконецъ, доходитъ до того, что питается Духомъ Святымъ“ ⁴⁰⁾.

Ничто такъ не мучило св. столпниковъ, какъ плотская страсть и ни надъ чѣмъ не пролито ими столько пота и слѣзъ, какъ надъ истребленіемъ этой страсти. Они своимъ опытомъ дознали, что безъ строгаго поста до этого дойти не-

³⁶⁾ Напр. св. Макарій Египетскій, св. Іоаннъ Лѣствничикъ и др. ³⁷⁾ Путь ко спас., стр. 33. ³⁸⁾ Тамъ же, стр. 34. ³⁹⁾ Пс. СІ, 5, 6. ⁴⁰⁾ Руков. къ духовной жизни, отв. 96 и 97, стр. 76, 77.

возможно, а посредствомъ усиленнаго воздержанія легко достигнуть безстрастія. Въ виду этого св. столпники принимали на себя подвигъ дѣвственности въ видахъ аскетическаго совершенства въ отношеніи къ безстрастію. Они стремились къ дѣвству, а тѣ, которые состояли въ бракѣ, оставляли женъ (какъ напр., св. Никита Переяславскій столпникъ). Конечно, св. столпники принимали на себя дѣвство не потому, чтобы гнушались бракомъ. Они во всей своей жизни сообразовались Христу, точно исполняя всѣ Его предписанія. Далѣе, всѣ почти св. столпники были посвящены Богу еще до рожденія и принадлежали, значитъ, Ему отъ ложа снѣ матери своей. Когда же вступали они на путь подвиговъ, тогда всѣ ихъ мысли были заняты однимъ Господомъ; умъ св. столпниковъ „неразвлекаемо“ ⁴¹⁾ пребывалъ въ любви Божіей и въ памятованіи о Богѣ; стараясь отрезвиться отъ живущаго въ себѣ грѣха, св. столпники не интересовались ужъ земнымъ и прилѣпившись всею любовью ко Христу, естественно удалялись отъ всего того, что такъ или иначе могло мѣшать имъ въ проявленіи своей любви къ Христу. Въ виду этого св. столпники аскетическое воздержаніе для достиженія совершенной дѣвственности доводили до крайней степени. Они совсѣмъ не принимали женщинъ, и онѣ не могли переступить порога ограды столпа. Такъ, царица измаильтянская, при всемъ своемъ желаніи лично поблагодарить св. Симеона столпника (I) и получить его благословеніе, не могла осуществить свое благое намѣреніе ⁴²⁾. Императоръ Зенонъ, прибывшій къ св. Даниилу столпнику, принужденъ былъ одинъ идти на столпъ, а императрицу оставить внѣ ограды ⁴³⁾. Избѣганіе женщинъ простиралось до того, что св. столпники подавляли въ себѣ даже родственныя чувства и не хотѣли видѣться ни съ сестрами, ни съ матерью. Св. Симеонъ I-й ни подъ какимъ

⁴¹⁾ Твор. преп. Макарія египетск., стр. 482. ⁴²⁾ Приходящія жены не дерзашу приближнунся съ оградѣ. но стояху отдалеча, и творяху молитвы своя на столпѣ взирающе, не лишахуся же благодати преп. Симеона, но помощь и различная приѣмляху съ вѣрою приходящии, и возвращахуся съ радостію, благодаряще Бога“. (Чет.-Мин., 1 сент., л. 7. ⁴³⁾ Тамъ же, стр. 150 об., 11 декабря.

условіємъ не хотѣлъ видѣться со своею матерью. Чѣмъ объясняется такое отношеніе къ женщинамъ вообще и въ частности къ роднымъ? надо полагать, что св. столпники допускали такое отношеніе къ женщинамъ вообще въ видахъ усмиренія жара внутреннихъ своихъ страстей; они старались отсѣкать мерзкую похоть и плотскую страсть даже въ самомалѣйшихъ ея проявленіяхъ, а потому, чтобы не соблазниться мысленно при видѣ женщины, а тѣмъ болѣе глядя ей въ лицо, они рѣшительно избѣгали встрѣчъ съ ними. Препод. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „въ борьбѣ съ блудомъ почитай для себя крѣпкимъ и непреодолимымъ оружіемъ удалаться отъ лицеизрѣнія женщинъ, такъ какъ противникъ не можетъ произвести въ насъ того, что въ состояніи сдѣлать природа своею силою, ибо не думай, что природа забываетъ о томъ, что всѣяно въ нее Богомъ для чадородія и для испытанія пребывающихъ въ семъ подвигѣ. Но удаленіе отъ предметовъ вожделѣнія умерщвляетъ въ членахъ похоть, производитъ забвеніе о ней и истребляетъ ее“ ⁴⁴). Родственные чувства подавлялись св. столпниками не изъ ненависти ихъ къ женщинамъ, а изъ желанія въ точности осуществить евангеліе ⁴⁵), а можетъ быть и по другимъ, какимъ-либо причинамъ, извѣстнымъ св. столпникамъ, но не намъ. Быть можетъ мать, посѣтившая св. Симеона I-го, могла соблазнительно подѣйствовать на него своими разказами о мірѣ, быть можетъ она пробудила бы загасшія чувства и пр. и пр. Напротивъ, св. Дивногорецъ заботится о своей матери и строитъ ей на нѣкоторомъ разстояніи отъ своего столпа келлію ⁴⁶). Св. Алипій постригаетъ свою мать въ монахини, и она, „облечена бывши, нача подвизатися, труды къ трудамъ прилагаящи“ ⁴⁷). Такимъ образомъ, въ отношеніи къ женщинамъ св. столпники руководились чисто личными своими соображеніями. Одно только можно сказать общее о ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ,—общеніе съ ними прямо бы противодѣйствовали ихъ созерцательному направленію.

⁴⁴) Сл. 77. ⁴⁵) Мѣ. XII, 50. ⁴⁶) Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. Кіевъ. 1898 г., стр. 21). ⁴⁷) Четьи-Минеи, 26 ноября.

Наконецъ, всѣ аскетическія самолишенія св. столпниковъ были слѣдствіемъ ихъ созерцанія и поста. Такъ, изнемогая подъ тяжестью постоянно носимыхъ нѣкоторыми св. столпниками ⁴⁸⁾ веригъ, они надѣялись на то, что съ изнеможеніемъ плоти утихнутъ и уничтожатся плотскія страсти. Когда съ св. Симеона I-го сняли вериги, то онъ попросилъ игумена: „пустите меня яко пса смердящаго, достоинъ бо есмь грѣховъ ради моихъ“. Игумень сказалъ ему: „осмнадцать лѣтъ едва имаши, и которіи суть грѣси твои?“ св. Симеонъ отвѣчалъ: „отче, пророкъ глаголетъ: въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя“ ⁴⁹⁾. — Слѣдствіемъ созерцанія и поста было и продолжительно-непрерывное молитвенное стояніе св. столпниковъ, какъ выраженія покаянія о своихъ грѣхахъ, и всегдашнее умиленіе, какъ плодъ размышленій о грѣховности своей.

Г Л А В А VI.

Аскетическій экстазъ, или самовосхищеніе въ „столпничество“. Вопросъ о нравственномъ смыслѣ сновидѣній св. столпниковъ.

Такимъ образомъ, духъ св. столпниковъ постоянно порывался къ своему источнику—Богу, небу, св. Духу. Онъ постоянно усиливался сбросить и стряхнуть съ себя тяжесть плоти и земли и вознестись на небо. Для исполненія своихъ нравственныхъ обязанностей, для удовлетворенія своихъ небесныхъ нуждъ, св. столпники пренебрегали всѣми земными радостями. Для достиженія своихъ высокихъ цѣлей они обрекали себя на лишенія и нужды, бѣдствія, нищету, на постъ усиленный, на всякаго рода жертвы, даже на самомученичество: „вселивъ тѣло твое въ жилище жестоко, поется въ службѣ св. Симеону I-му, страхомъ

⁴⁸⁾ Св. Никита Переяславскій.—Къ развитію этого рода аскетизма послужили отчасти евангельскія упоминанія объ узахъ, какія претерпѣлъ ради насъ Іисусъ Христосъ (Іоанн. XVIII, 12. 24; XXI, 18), отчасти указанія на узы первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. ⁴⁹⁾ Пс. L, 7: Четын-Минеи, 1 сентября.

пригвоздилъ еси духа, укротилъ еси тѣлесныя сокровенныя страсти“ ¹⁾; „всякаго сладострастія, оныя, отверглся съ зимою и варомъ борясь пострадалъ еси“, прославляетъ св. церковь св. Алипія, который „успи страсти многообразныя бдѣніи“ ²⁾. Стоя на этой точкѣ аскетизма, св. столпники уже переставали быть земными и плотяными; они возвышались надъ землею, отдѣлялись совершенно отъ ряда всѣхъ земныхъ существъ, становясь ангелоподобными, небесными, какъ воспѣваетъ св. церковь. „Ума твоего священная движенія твоя къ соблюденію божественныхъ законовъ духа, ангель явился еси на земли, ангельское жителство съ плотію воспріемъ“, поется въ канонѣ св. Алипію. Такая жизнь уже теряетъ свойства земной жизни; это уже жизнь небесная, жизнь небожителей; для такой жизни уже какъ-бы не существуетъ земли, тѣла, земныхъ радостей, земныхъ удовольствій, даже тѣлесныхъ нуждъ и потребностей. Тѣло, какъ вещь земная, при такой жизни представлялось св. столпникамъ какимъ-то домашнимъ врагомъ, за которымъ не только слѣдуетъ постоянно наблюдать, но и постоянно укрощать, изнурять, преслѣдовать, подчинять духу и, такъ сказать, постоянно одухотворять и лишать его земныхъ и вещественныхъ началъ. Отсюда-то и происходила постоянная борьба св. столпниковъ съ плотью въ цѣляхъ ея одухотворенія и стремленія къ небу: „къ высотѣ небеснѣй имѣя жителство, о тѣлеси небреглъ еси, яко растлѣтися имущемъ“, поется въ службѣ св. Алипію. Подчиняя плоть духу, св. столпники достигали безстрастія: „жезломъ воздержанія страстей море, отче, растерзавъ, прешелъ еси непотопленно и гору достиглъ еси истиннаго безстрастія, и Богу бесѣдовалъ еси ума чистотою“, поется въ канонѣ св. Даніилу столпнику. Такъ, путемъ стремленія къ собранности духа, слѣдствіемъ чего были постъ и всѣ аскетическія лишенія св. столпники достигали высшаго совершенства — безстрастія и сподоблялись величайшихъ откровеній Божіихъ, или, выражаясь аскетическимъ терми-

1) Изъ канона 9 пѣснь.

2) Изъ канона 9 пѣснь, 26 ноября.

номъ, „вкушенія“ Бога ³⁾), котораго достигали они путемъ напряженнаго созерцанія. Такое состояніе можно опредѣлить, какъ экстатическое. Въ жизни св. столпниковъ оно вполне возможно и весьма характерно, такъ какъ экстазъ столпническій не имѣетъ въ другихъ видахъ подвижничества сродства. Св. столпники все время стояли на столпахъ; умъ ихъ углубленъ былъ въ себя и устремленъ на небо, а потому, ничего нѣтъ удивительнаго, что у иныхъ изъ нихъ замѣчалось просіяніе лица, какъ будто лучъ солнца озарялъ св. столпника ⁴⁾), или сіяніе звѣзды разливало свои лучи отъ столпа на всю окрестность ⁵⁾). Въ житіи св. Симеона Дивногорца повѣствуется, что однажды въ видѣніи Іисусъ Христосъ явился ему, и ангелы по Его повелѣнію возложили на главу св. Симеона „царскій вѣнецъ, каменіемъ честнымъ украшенный, на его же версѣ бѣше крестъ блистающъ яко молнія“ ⁶⁾). Духъ святой въ видѣ горящей свѣщи сходитъ на св. Дивногорца и наполняетъ премудростію и разумомъ сердце его ⁷⁾). Однажды, по сказанію житія, онъ видѣлъ „небо отверсто и Господа Іисуса Христа, окружаема неизреченнымъ сіяніемъ, аки огненными пламенми и святіи архангели Михаилъ и Гавріиль овъ одесную страну, овъ же ошуюю стоящіи и облакъ подъ ногами его багрянъ; Господь помаваніемъ божественныхъ Своихъ перстовъ благослови Симеона трижды и даде ему финиковъ жезлъ во утвержденіе власти его надъ бѣсами ⁸⁾). Три крестообразныхъ звѣзды сіяли надъ столпомъ св. Даниїла ⁹⁾). Слухъ св. столпниковъ воспринималъ звуки невыразимо гармонической музыки. Св. Симеонъ Дивногорець слышалъ пѣніе ангеловъ: „славенъ и препрославенъ есть Христосъ Богъ Царь небесе и земли и рабъ Его Симеонъ похваленъ да будетъ“ ¹⁰⁾). Послѣ того, какъ Самъ Господь освятилъ третій его столпъ, въ воздухѣ раздалось пѣніе:

³⁾ Невид. брань. Москва 1892 г., стр. 270. ⁴⁾ Необыкновенный свѣтъ осіялъ св. Симеона Дивногорца, когда она жилъ на одной Пильской горѣ. ⁵⁾ Евагріи схоластикъ-современникъ св. Симеона Столпника (1-го) самъ видѣлъ надъ столпомъ его большую звѣзду, озаряющую всю страну (Прим. къ житію св. Симеона 1 сентября Четьи-Минеи). ⁶⁾ Четьи-Минея 24 мая л. 169). ⁷⁾ Тамъ-же л. 158 об. ⁸⁾ Тамъ-же. ⁹⁾ Четьи-Минеи, 11 декабря. ¹⁰⁾ Четьи-Минеи, 24 мая.

аминь ¹¹⁾. Св. Алипій столпникъ слышитъ пѣніе: „осанна мѣсту сему“, т. е. гдѣ должна быть построена церковь во имя св. Евѣимія ¹²⁾. Они бесѣдовали съ невидимыми для другихъ существами; такъ св. Симеонъ Дивногорецъ проситъ явившагося Ему Господа Іисуса Христа въ видѣ отрока показать ему—какъ Онъ былъ распятъ іудеями ¹³⁾. Жизнь св. столпниковъ полна была аскетическихъ самовосхищеній и откровеній. Св. Дивногорецъ видитъ однажды высокій престолъ; на немъ возсѣдалъ Господь; къ Нему стекалось множество праведниковъ; предъ Нимъ была раскрыта книга жизни, и „творяшеся судъ“: на востокъ видѣлся рай сладости, а на западѣ—геена огненная. И сказалъ св. Духъ св. Симеону: „слушай, отрокъ, и разумѣй, что здѣсь видишь; постарайся угодить Господу, чтобы сподобиться чести со святыми и получить неизреченная блага“ ¹⁴⁾. Чувство обонянія св. столпниковъ услаждалось невѣдомыми пріятными запахами. Такъ, послѣ возліянія мира (въ видѣніи) на главу св. Дивногорца распространилось благоуханіе ¹⁵⁾. Словомъ, житія св. столпниковъ переполнены описаніемъ ихъ экстатическаго состоянія, котораго они сподоблялись въ состояніи „восторга“, какъ замѣчаютъ ихъ житія. Кромѣ того жизнь св. столпниковъ наполнена видѣніями и различнаго рода откровеніями, которыя давались имъ во снѣ. Такъ, св. Даніилъ видѣлъ разъ во снѣ высокій столпъ, на которомъ будто бы стоялъ и спасался св. Симеонъ столпникъ съ двумя ангелами; ангелы будто бы звали его къ себѣ, и когда св. Даніилъ сказалъ, что онъ не можетъ туда подняться, ангелы сами будто-бы подняли его на столпъ, а св. Симеонъ принялъ его и обнялъ. Это предзнаменовало столпосостояніе св. Даніила ¹⁶⁾. Св. Симеонъ І-й во снѣ получаетъ откровеніе о томъ, что онъ долженъ неустанно трудиться въ добродѣланіи. Ему приснилось, что онъ будто-бы копалъ колодезь и копалъ до

¹¹⁾ Во время молитвы св. Дивногорца въ воздухъ слышалось иногда пѣніе аллилуія (Четьи-Минеи, 24 мая). ¹²⁾ 26 ноября Четьи-Минеи. ¹³⁾ Четьи-Минеи 24 мая. ¹⁴⁾ Тамъ-же. ¹⁵⁾ Четьи-Минеи, 14 мая л. 157. ¹⁶⁾ Четьи-Минеи 11 декабря.

тѣхъ поръ, пока невидимый голосъ не остановилъ его: „сіе видѣніе, замѣчаетъ его житіе, сбыться въ немъ, егда сицевое къ созиданію себе и инѣхъ въ смиреніи глубоцѣ положилъ основаніе, яко добродѣтели его естество человѣческое превосходити видяхуся“¹⁷⁾. Св. Алипій видитъ во снѣ двухъ лицъ въ священническихъ облаченіяхъ, которые повелѣваютъ ему „умножити“ въ безлюдной пустынѣ славословіе Богу. Въ цареградской церкви онъ во снѣ видитъ св. великомученицу Евѣимію, обѣщающуюся ему быть помощницею въ умноженіи благочестія въ пустынѣ¹⁸⁾ и пр. и пр.

Какъ объяснить подобныя явленія въ жизни св. столпниковъ? что такое аскетическій экстазъ св. столпниковъ?

У насъ есть такія состоянія, при которыхъ самая напряженная дѣятельность мозга соединяется съ нечувствительностью къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Въ нѣкоторой степени такое состояніе всякому случалось испытывать. Всякому, вѣроятно, приходилось до такой степени быть занятымъ сильно какою-нибудь мыслью, что его нужно было нѣсколько разъ громко звать прежде, чѣмъ онъ услышитъ это. Впечатлѣніе, полученное слуховымъ нервомъ въ этомъ случаѣ безпрепятственно доходитъ до мозга, но оно не сознается, потому что вниманіе сознающаго центра обращено въ другую сторону, приковано къ какому-нибудь образу, возставшему въ нашемъ воспоминаніи или поглощено работой соображенія. Въ довольно сильной степени такія состоянія часто встрѣчаются у мыслителей, поэтовъ, математиковъ, у художниковъ. Самая сильная степень этого состоянія, когда человѣкъ до того поглощенъ внутренней работой мозга, что становится совершенно нечувствительнымъ даже къ самымъ сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, когда его можно колоть, щипать, рѣзать или жечь, не причиняя ему боли, и есть экстазъ. У людей, пришедшихъ въ подобное состояніе, по взгляду, неподвижно устремленному на воображаемый предметъ, по выраженію

¹⁷⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября.

¹⁸⁾ Четьи-Минеи, 26 ноября.

лица, на которомъ изображается высшая степень изумленія, восторга, однимъ словомъ, по всей наружности, сразу видно, что мозгъ у нихъ находится въ состояніи самой напряженной дѣятельности, и что дѣятельность эта обращена исключительно на одинъ предметъ, вниманіе приковано къ одному представленію. Созерцательное положеніе св. столпниковъ на столпахъ и приводило ихъ въ такое экстатическое состояніе, и они были совершенно нечувствительны къ внѣшнимъ ощущеніямъ ¹⁹⁾. Но оно было быть можетъ состояніемъ обморочнымъ? по мнѣнію преосв. Серафима экстазъ есть состояніе бодрственное, въ которомъ человѣкъ и воспринимаетъ возникающія изъ глубины его духа образы, какъ образы внѣшней дѣйствительности, помимо всякихъ другихъ внѣшнихъ впечатлѣній, но похожее на особенный сонъ. Св. Василій Великій вотъ какъ опредѣляетъ экстатическое состояніе: „думаю, что не чувственнымъ слухомъ, не при сотрясеніи воздуха пророки внимали слову Божію, но поелику у разумной души есть свой слухъ, то безъ всякаго голоса достигало сего слуха самое означаемое. И сіе бывало съ ними, когда лучъ истиннаго свѣта достигалъ до владычественнаго въ нихъ и служилъ къ просвѣщенію пророковъ. А гласъ сей внимали тѣ, которые находились внѣ бранныхъ чувствъ и приближались къ исшествію изъ тѣла, ибо когда душа бываетъ въ созерцаніи божественнаго, собираясь сама въ себя чрезъ отрѣшеніе отъ союза съ тѣломъ, тогда говорится, что она въ изступленіи. А когда она занята дѣлами человѣческими или по необходимости служенія тѣлу, или потому, что не можетъ болѣе простираться къ высшему, тогда она какъ-бы переходитъ извнѣ внутрь, какъ-бы въ какой-то домъ или въ городъ, возвращаясь въ сострастіе съ тѣломъ“. Поэтому, св. апостолы Петръ и Павелъ воспринимаютъ видѣнія въ состояніи экстаза ²⁰⁾ или изступленія. Предъ видѣніемъ

¹⁹⁾ Такъ лица ихъ сіяли радостью и привѣтливостью и не выражали ни тѣни страданія отъ тѣхъ мукъ, какія они испытывали, изнурая плоть свою, что отмѣчено и въ житіяхъ ихъ „лице же св. Симеона бѣ свѣтло“, 1 сентября. ²⁰⁾ Дѣян. X, 10; XXII, 17; XII, 9. 11.

славы Господа на Өаворѣ св. апостолы, были отягчены сномъ ²¹⁾, находились въ страхѣ ²²⁾; во время видѣнія славы Божіей св. Петръ сказалъ: хорошо намъ здѣсь быть... не зная, что говорилъ ²³⁾. По словамъ препод. Исаака Сирина сподобившійся божественнаго вдохновенія во время видѣній бываетъ въ состояніи изступленія („тѣло бездыханно ужаснута“), а не просто созерцаетъ видъ чего-либо, „зракъ или образъ возмечтанъ“. Въ этомъ состояніи прекращается молитва, движеніе, скорбь или радость, желаніе, самообладаніе, способность къ мышленію, къ движенію представленій согласно сущности ума, а бываетъ оцѣпененное удивленіе, пребываніе въ своемъ видѣніи безъ всякаго движенія. Откровеніе, по взгляду св. Исаака Сирина, большею частію означаетъ явленіе, обнаруженіе чего-либо тайнаго и имѣетъ своимъ предметомъ познаваемое, испытываемое и постигаемое умомъ. Видѣніе же бываетъ иногда въ ясныхъ образахъ, а иногда нѣсколько неясно, такъ что созерцающій видѣніе не знаетъ—на яву-ли видитъ или во снѣ: „еже бо приѣмлетъ тѣлесными, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, можетъ паки тѣми и сказати во странѣ тѣлесь, а еже внутрь себѣ, во странѣ Духа ошутительнѣ зритъ, или слышитъ, или ощущаетъ внегда возвращается къ тѣлу, не довлѣетъ исповѣсти, воспоминаетъ же точію, яко видѣта; како же,—не вѣсть ясно исповѣсти“ ²⁴⁾. По мнѣнію преосвящ. епископа Хрисанѳа, въ состояніи изступленія человѣкъ, не лишается сознанія, личнаго чувства и активности: „личное сознаніе, говоритъ преосв. Хрисанѳъ, остается неприкосновеннымъ; Духъ Божій нисходитъ и почиваетъ въ человѣкѣ, но не вселяется въ немъ до уничтоженія личности; Онъ объемлетъ человѣческій духъ ²⁵⁾, облекаетъ его Своею силою ²⁶⁾, возбуждаетъ, но не нарушаетъ его нормальнаго состоянія, не повергаетъ въ безсознательность“. Человѣкъ во время сновидѣнія не лишается сознанія, такъ и въ состояніи экстаза ²⁷⁾ личное чувство остается при

²¹⁾ Лк. IX, 32. ²²⁾ Мр. IX, 6. ²³⁾ Мк. IX, 33. ²⁴⁾ Епископъ Серафимъ; прорицатель Валаамъ; Спб. 1899 г., стр. 278—280. ²⁵⁾ Суд. VI, 34; 1 Парал. XII, 18. ²⁶⁾ 2 Паралл. XXIV, 20. ²⁷⁾ Слав. „восторга“.

немъ, сподобившіеся экстатическихъ состояній сознають, что это откровеніе или видѣніе на яву ²⁸⁾, высказываютъ свое мнѣніе ²⁹⁾, ярко и отчетливо помнятъ его всю жизнь и описываютъ ³⁰⁾ съ мельчайшими подробностями ³¹⁾.

Сказанное вполне можно приложить и къ состоянію св. столпниковъ. Откровенія свои они получали въ состояніи „восторга“ („бысть въ восторзѣ“), т. е. такомъ состояніи изступленія, въ которомъ дѣйствія низшей жизни понижаются или отчасти прерываются для того, чтобы сдѣлать возможнымъ лучшее воспріятіе впечатлѣній или сообщеній изъ высшаго міра. Допустимъ, что „восторгъ“, или экстазъ есть обморочное состояніе. Но, вѣдь, сознание не прерывается, какъ извѣстно, въ обморокъ. Внѣшняя, правда, жизнь здѣсь на время останавливается; мышленіе же и чувствованіе не оказываютъ себя ничѣмъ внѣшнимъ образомъ, но мыслящее и чувствующее существо тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою внутреннюю жизнь. Экстазъ св. столпниковъ можно опредѣлить какъ заходъ блестящаго солнца здѣшняго міра, чтобы явились ясныя звѣзды небесной тверди. Что личное чувство во время экстаза не покидало св. столпниковъ, въ этомъ утверждаетъ насъ яркое отчетливое воспроизведеніе того, что получено было ими въ экстатическомъ состояніи. Св. столпники подробно описываютъ бывшія имъ видѣнія. Такъ, св. Дивногорецъ описалъ видѣніе рая св. Іоанну игумену ³²⁾. Св. Даніилъ рассказывалъ о видѣніи столпа препод. Сергію и пр. Св. столпники, находясь въ экстатическомъ состояніи, разговаривали съ Богомъ. Такъ, въ началѣ столпническихъ подвиговъ св. Симеона Дивногорца ему явился Іисусъ Христосъ въ образѣ прекраснаго отрока; св. Симеонъ, всѣмъ сердцемъ и любовію къ Нему разгорѣся: позна бо быти Владыку своего и при-

²⁸⁾ Дан. X, 16; Дѣян. XII, 9. ²⁹⁾ Дѣян. X, 12-14; XXII, 18. ³⁰⁾ Дѣян. IX, 3-16; XXII, 6-16; 2 кор. X, 2-4. ³¹⁾ Тамъ-же, стр. 274, 275. ³²⁾ Св. Симеонъ Дивногорецъ „бысть въ восторзѣ“, видѣлъ себя восхищеннымъ въ высоту и странно по всѣхъ вселенныя частяхъ, аки крилата, летающа“, потомъ, онъ взошелъ какъ бы по 7 лѣстницамъ на гору и восхищенъ былъ оттуда на седьмое небо, гдѣ видѣлъ рай, сады прекрасные, палаты великолѣпные, источникъ, откуда миро истекало, Адама и благоразумнаго разбойника“ (Четьи-Минеи, 24 мая, л. 158).

емши дерзновеніе рече: Господи, како Тя распяша іудеи? Господь же крестообразно руцѣ распростеръ, рече: сиче іудеи Мя распяша, обаче Самому Мнѣ распятися изволившу. Ты же мужайся и крѣпися сраспинааяся Мнѣ по вся дни“ ³³⁾. Извѣщенный въ откровеніи о имѣющемъ быть нападеніи на Антіохію Хозроя, св. Дивногорецъ молится Богу о томъ, чтобы Онъ отвратилъ Свой праведный гнѣвъ и услышалъ голосъ Божій: „се вопль грѣховъ града сего взыде предъ Мя, гнѣвъ же Мой и ярость подвиже на ся: погублю убо той во грѣсѣхъ его, пославши огонь и мечъ и смерть; той Мя раздражи въ нечестіяхъ своихъ, Азъ же предамъ той въ плѣненіе языку неразумну“. Объ этомъ видѣніи св. Симеонъ Дивногорецъ рассказывалъ приходившимъ къ нему изъ Антіохіи благоговѣйнымъ людямъ и призывалъ всѣхъ къ покаянію ³⁴⁾. Какъ понять бесѣду св. Симеона съ Богомъ? Это высшая форма откровенія, по мнѣнію преосвящ. Хрисанѳа, есть всего болѣе духовная и всего менѣе чувственная или внѣшняя. Она означала непосредственное знаніе божественной мысли, непосредственное общеніе человѣческаго духа съ Духомъ Божиимъ ³⁵⁾. Какой же нравственный смыслъ заключается въ подобныхъ откровеніяхъ? Такъ какъ исходной точкой всѣхъ благихъ дѣйствій, пишетъ преосв. Теофанъ, благодатнаго возбужденія служить живое сознаніе новаго божественнаго порядка, то милосердый Господь различнымъ образомъ раскрываетъ предъ сознаніемъ обращаемаго Свой божественный міръ, въ которомъ опредѣлено служить человѣческому духу; раскрытіе этого божественнаго чина производится двоякимъ образомъ: а) иногда тотъ самый порядокъ весь или въ частяхъ видимо, ощутительно, самымъ дѣломъ представляется человеку и б) иногда же духъ человека вводится въ него и ощущаетъ его внутренно. Такъ, иногда самый міръ небесный и особенно его чинъ и какъ-бы основныя начала живописуются предъ невѣдущимъ сознаніемъ въ поразительномъ какомъ-либо образѣ, какъ напр. св. Симеону

³³⁾ Четьи-Минеи, 24 мая.
1873 г. III, стр. 288, 289.

³⁴⁾ Тамъ-же.

³⁵⁾ Религіи древняго міра, Спб.

Дивногорцу представленъ былъ весь міръ св. ангеловъ въ противоположность полчищу темныхъ силъ ³⁶⁾. Иногда дается осязательно ощутить невидимую нѣкоторую силу, среди видимыхъ силъ и явленій дѣйствующую, но разительно отличную отъ нихъ и исходящую изъ иного міра ³⁷⁾.

Затѣмъ, мы имѣли случай замѣтить, что св. столпники сподоблялись видѣній въ сонномъ состояніи. Въ дополненіе къ приведеннымъ откровеніямъ укажемъ еще нѣсколько сновидѣній. Такъ, св. Іоаннъ столпникъ во снѣ видѣлъ „божественную нѣкую силу, имущую въ десницѣ сотъ медовый и изгнѣтающую надъ главою отрока Симеона, и течаше медъ отъ сота по главѣ его“. Монахъ Пильскаго монастыря во снѣ видѣлъ „свѣтоноснаго голубя, дверцами къ св. Симеону влетѣвша и по часѣ излетѣвша, и выпры къ небеси паряща“; нѣкоторые изъ братіи того же монастыря видѣли во снѣ 3 чертога, а въ нихъ 3 престола, на которыхъ лежали 3 вѣнца; на вопросъ ихъ—кому эта слава уготована? былъ отвѣтъ: Симеону отроку ³⁸⁾.

Нѣкоторыми за видѣніями святыхъ полученными во снѣ не признается никакого нравственного смысла, а самыя видѣнія считаются бредомъ разстроеннаго воображенія святыхъ, галлюцинаціями, т. е. ощущеніями, образующимися безъ внѣшняго раздражителя. Профессоръ П. И. Ковалевскій говоритъ, что видѣнія могутъ вызываться внѣшней обстановкой, располагающей къ мечтательности. „У мечтательныхъ людей, особенно рѣзко выражена образная жизнь. У нихъ главную роль играютъ образныя представленія и ощущенія. Путемъ постояннаго упражненія образность эта бываетъ столь велика, что она подавляюще дѣйствуетъ на мышленіе. Область видѣній—достояніе людей суевѣрныхъ, фанатиковъ“ ³⁹⁾. Въ книгѣ чудесъ, въ фізіологіи незримаго міра Дебэ, переведенной на русскій языкъ въ 1864 г., пишется: „эпидимическое распространеніе отшельничества есть бичъ государства. Однимъ изъ патологическихъ послѣдствій аскетической жизни, которой посвя-

³⁶⁾ Четьи-Минеи, 24 мая. ³⁷⁾ Путь ко спас., от. 2, стр. 133, 114. ³⁸⁾ Четьи-Минеи, 24 мая. ³⁹⁾ Книжки „Недѣли“ 1897 г. іюнь, стр. 111, 112.

щали себя монахи и отшельники, было сосредоточеніе нервной жидкости въ одномъ пунктѣ мозга и происходящія отъ того видѣнія. Если кажущійся сверхъестественнымъ фактъ не повторяется болѣе, то можно смѣло ручаться, что это обманъ и тогда должно отвергнуть его“ ⁴⁰⁾. Въ виду такого взгляда на видѣнія является необходимость разсмотрѣть вообще видѣніе съ нравственной точки зрѣнія, предпославъ ей нѣсколько словъ о томъ, какъ священное писаніе вообще относится къ явленіямъ психической жизни человѣка.

Сны, по ученію священнаго Писанія, бываютъ средствомъ нравственнаго наставленія человѣка, при непосредственномъ воздѣйствіи въ этомъ случаѣ высшаго духовнаго міра. Совѣсть, руководящая человѣкомъ, можетъ, по ученію свящ. писанія, получать, такъ сказать, въ подкрѣпленіе себя непосредственныя божественныя указанія во время сна человѣка. Такъ, Богъ являлся ночью во снѣ Авимелеху угрожающимъ и увѣщавающимъ за Сарру жену Авраама ⁴¹⁾ и Лавану ⁴²⁾. Жена Пилата проситъ своего мужа не дѣлать ничего Праведнику „много бо пострадахъ днесь во снѣ Его ради“ ⁴³⁾. Въ книгѣ Іова разсказывается о явленіи такого рода съ цѣлью показать человѣку его грѣховность и ничтожество: „возглаголетъ Господь, говоритъ Еліусъ, во снѣ, или въ поученіи ношнѣмъ, или яко егда нападаетъ страхъ лютъ на человѣки, во дреманіихъ на ложи: тогда открыетъ умъ человѣческій, видѣнми страха тацѣми ихъ устрашитъ. Да возвратитъ человѣка отъ неправды, тѣло-же его отъ паденія избави. Пощадѣ же душу его отъ смерти, еже не пасти ему на брани“ ⁴⁴⁾. Такіе сны останавливаютъ человѣка на пути его къ гибели, заставляють его размыслить о своемъ поведеніи и служатъ, такимъ образомъ, однимъ изъ безчисленныхъ предупредительныхъ благодатныхъ средствъ, доказательствомъ неисчерпаемаго милосердія Божія къ человѣку. Далѣе, изъ свящ. писанія извѣстны такіе сны, въ которыхъ

⁴⁰⁾ Христ. чт. 1866 г. августъ: совр. матер. и церк. средст. прот. него.

⁴¹⁾ Быт. XX, 3. ⁴²⁾ — XXXI, 24. ⁴³⁾ Мѡ. XXVII. ⁴⁴⁾ Іов. XXXIII, 14—18.

Богъ открывалъ людямъ Свою волю относительно какого-либо обстоятельства и въ которыхъ даетъ имъ свѣдѣнія о такого рода будущихъ событіяхъ, какія не могутъ быть предвидимы человекомъ. Таковы сны Навуходоносора, св. Даниила пророка и др. Если такіа сновидѣнія посылаются человеку, избранному Богомъ для возвѣщенія Его воли людямъ, то они суть пророческія сновидѣнія въ собственномъ смыслѣ. Такимъ характеромъ и отличались сновидѣнія св. Дивногорца, который предъ нашествіемъ на Антиохію Хозроя видѣлъ взятіе города, слышалъ вопли и плачъ жителей, одни изъ которыхъ были убиваемы, другіе—отводимы въ плѣнъ и др. подробности, въ видѣніи же ему было сообщено, что мѣсто около столпа будетъ безопасно ⁴⁵⁾, а также и св. Симеона I-го о нашествіи персовъ и скиѳовъ ⁴⁶⁾. Нравственный смыслъ сновидѣній опредѣляется самими же житіями св. столпниковъ. Св. Дивногорецъ рассказывалъ о бывшемъ ему видѣніи нѣкоторымъ антиохійцамъ и призывалъ ихъ къ покаянію. Послушавшіе его и оставшіеся у его столпа, остались невредимы. Также, персы и скиѳы совсѣмъ уже приготовились на брань, но молитвами св. Симеона были остановлены въ своемъ намѣреніи ⁴⁷⁾.

Смыслъ сновидѣній и видѣній св. Дивногорца св. столпникъ Іоаннъ, послѣ того какъ рассказалъ ему св. Симеонъ о видѣніи имъ рая, объяснилъ такъ: „благословенъ Богъ, о чадо, давый тебѣ благодать такую“. Значитъ, видѣнія—это та сила благодати Божіей, которая укрѣпляла, съ одной стороны св. подвижниковъ въ аскетическихъ подвигахъ ⁴⁸⁾,—а съ другой—наставляла и вразумляла грѣшниковъ ⁴⁹⁾.

⁴⁵⁾ Четьи-Минеи, 24 мая. ⁴⁶⁾ Тамъ-же, 1 сентября. ⁴⁷⁾ Четьи-Минеи, 24 мая и 1 сентября. ⁴⁸⁾ „Св. Симеонъ и преуспѣваше въ постническихъ трудѣхъ“ послѣ видѣній „вразумлялся божественною премудростію, и дадеся ему недовѣдомыхъ откровеніе“; св. Симеонъ I-й столпникъ во снѣ получаетъ откровеніе о томъ, что онъ долженъ непрестанно трудиться въ добродѣланіи. ⁴⁹⁾ Сновидѣніемъ игуменъ, изгнавшій св. Симеона I-го изъ монастыря за чрезвычайные аскетическіе подвиги, вразумляется и исправляется въ своемъ поступкѣ. Онъ видѣлъ множество народа, окружавшаго монастырь съ свѣщами и съ оружіемъ и спрашивавшаго „гдѣ находится рабъ Божій Симеонъ? покажите намъ того, кого любитъ Богъ и ангелю, а если не покажете, то васъ сожжемъ вмѣстѣ съ монастыремъ, такъ какъ тотъ совершеннѣе васъ есть, и чрезъ него Господь сотворитъ многія чудеса на землѣ“.

Поэтому, сновидѣнія св. столпниковъ служили для нихъ и для общества предостерегающимъ и руководящимъ средствомъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Опытъ показываетъ, что видѣнія, особенно соединенныя съ обмороками, глубоко проникаютъ въ сердце человѣка, сильно потрясаютъ его душу и почти всегда сопровождаются рѣшительною переменою жизни. Такъ, удачная борьба во снѣ съ страшнымъ эѳіопомъ и награжденіе отъ ангела драгоцѣнными вѣнцами съ обѣщаніемъ еще большихъ наградъ, вызвали св. Андрея на трудное поприще „юродства“, а видѣніе Бога въ образѣ царя укрѣпило его на этомъ поприщѣ ⁵⁰⁾. Видѣніе св. Данииломъ столпа св. Симеона побудило его избрать подвигъ „столпничества“ ⁵¹⁾. Св. Алипій послѣ бывшихъ ему сновидѣній стремится въ безлюдной пустынѣ водворить и водворяетъ „славословіе Богу“, и самъ восходитъ на столпъ ⁵²⁾. Св. Никита Переяславскій, пораженный видѣніемъ, сразу измѣняетъ свой образъ жизни и принимаетъ подвигъ „столпничества“.

Г Л А В А VII.

Общественное служеніе святыхъ столпниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если созерцательная жизнь св. столпниковъ состояла въ самоуглубленіи, въ изученіи своей души въ ея тончайшихъ изгибахъ, непрестанномъ изслѣдованіи своихъ помысловъ, въ постоянной борьбѣ съ грѣховными движеніями души, въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, если они, при помощи этой работы надъ собою, дѣлались иногда глубокими психологами, хотя были даже совсѣмъ простецами, какъ это мы видимъ на примѣрѣ св. Симеона I-го столпника, бывшаго пастухомъ, то кто же, какъ не такое лицо, можетъ подать лучшій совѣтъ въ затрудненіи, исцѣлить душевныя язвы, примирить сомнѣнія,

⁵⁰⁾ Четьи-Минеи, 2 октября.
26 ноября.

⁵¹⁾ Тамъ-же, 11 декабря.

⁵²⁾ Тамъ-же,

поднять падшаго, очистить, успокоить? вотъ потому нѣкогда и стремился народъ толпами къ Іоанну Предтечѣ, жившему въ пустынь и углубленному только въ Бога и въ свою дѣшу. Потому-то тысячи духовно-страждующихъ шли въ пустыни къ св. столпникамъ, которые щедрою рукою раздавали всѣмъ плоды своей созерцательной жизни. Не смотря на то, что св. столпники бѣжали отъ людей, ради безмолвія восходили на столпы, однако массы народа стекались отовсюду къ спасительнымъ маякамъ-столпамъ: „стекахуся вси, читаемъ въ житіи св. Симеона I-го ¹⁾), не точію близъ живущіи, но и отъ странъ далекихъ, имже многіе дни путь творити потребно бѣше. Иніи несуще къ нему больныя своя, иніи же больнымъ въ домѣхъ лежащимъ просяще здравіа, иніи напастьми и скорбѣми одержими, иніи-же отъ бѣсовъ мучими, и кійждо ихъ не тощъ возвращающеся, но пріимаше овъ цѣльбу, овъ утѣшеніе, овъ пользу, овъ иную кую помощь, и съ радостью отхождаху во свояси, прославляюще Бога. И бѣ у него видѣти аки рѣки отъсюду стекающіяся различныя народы, племена и языки: исмаилите и персы, армены-же и ивери и гомериты, испаны, вританы и италіане“ ²⁾. Къ столпу св. Алипія „собирашеся множество народа мужей и женъ, старцевъ съ юнотами ³⁾. Къ св. Симеону Дивногорцу „отъ всѣхъ странъ безчисленное множество народа прихождаху“. И иноки, и мірскіе люди: одни посмотрѣтъ на него, другіе—послушать его бѣсѣды, третьи получить исцѣленіе ⁴⁾. Отъ чего зависѣло то, что св. столпники привлекали къ себѣ народъ? объяснить это можно просто. Какъ въ мірѣ физическомъ небесныя свѣтила притягиваются другъ къ другу безъ всякаго вещественнаго посредства, такъ и въ мірѣ духовномъ каждая духовная личность, даже безъ видимаго дѣйствія,—уже однимъ своимъ пребываніемъ на нравственной высотѣ, поднимаетъ и привлекаетъ къ себѣ все сродное въ душахъ человѣческихъ (напр. покойный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій). Это одно. Затѣмъ, св. столпники — созерцатели,

¹⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября. ²⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 5. ³⁾ Тамъ-же, 26 ноября, л. 165. ⁴⁾ Тамъ-же, 24 мая, л. 157—161.

обращая вниманіе на свое сердце, способное обнять любовію всю вселенную и особенно на то, какъ дорога душа человѣка въ очахъ Божіихъ, что она искуплена честною кровію Сына Божія и въ обилии снабжена благодатными силами къ животу и благочестію, конечно, считали себя призванными къ тому, чтобы изъ своего сердца изливать на всѣхъ добро, быть въ нѣкоторомъ отношеніи, позволимъ себѣ смѣлость выразиться, творцомъ блаженства другихъ. Въ ихъ любви къ ближнему, этому второму ихъ я, заключалась всякая власть, и сила, и истина. Вслѣдствіе этой любви и слово св. столпниковъ горѣло огнемъ неотразимаго убѣжденія, согрѣвая теплотою умиленное сердце, услышавшее его и чуждое холоднаго, мертваго нравоученія, оно давало ему миръ и счастье. Вотъ разгадка того, что столпы были окружены народомъ. Надо полагать, что нравственное величіе подвига „столпничества“ возвышается участіемъ послѣдователей его въ счастья и спасеніи ближнихъ, отъ спасенія которыхъ зависѣло и ихъ нравственное благополучіе. Какимъ образомъ? Вѣдь, нравственный законъ долженъ быть исполненъ въ духовномъ обществѣ и всѣ повелѣнія этого закона могутъ быть подведены подъ одно общее велѣніе,—именно: обязанность, заключающая въ себѣ всѣ обязанности, состоитъ въ посвященіи себя, со стороны каждаго члена духовнаго общества, общему благу этого общества, т. е. его счастью, понимая подъ этимъ счастьемъ не преходящія радости, которыя могутъ расходиться съ долгомъ и противорѣчить ему, но счастливое состояніе, присущее тому порядку, выраженіе котораго и есть нравственный законъ. Св. столпники, провидя созерцательный образъ жизни, служили себѣ и вмѣстѣ содѣйствовали нравственному благу общества и духовный законъ, такимъ образомъ, осуществляли въ духовномъ обществѣ. Вѣдь, чрезъ исполненіе духовнаго закона чрезъ посвященіе себя общему благу и можетъ только осуществиться благо духовнаго общества. Общимъ выраженіемъ отношеній св. столпниковъ къ ближнимъ былъ законъ человеколюбія, какъ мы уже говорили, и этотъ-то законъ красною нитью проходилъ чрезъ всю ихъ жизнь.

Признавая въ ближнихъ достоинство и права своей собственной природы, св. столпники самоотверженно стремились облегчать себѣ подобныхъ въ ихъ тѣлесныхъ прежде всего нуждахъ. Когда кто приходилъ къ св. Симеону Дивногорцу „наготствуяй“, то онъ, снявъ съ себя свою одежду, отдавалъ тому, а самъ стоялъ нагой; дѣлалъ онъ это не только лѣтомъ, но и зимой „многажды“ ⁵⁾. Св. столпники заботились удовлетворять и духовнымъ нуждамъ общества. Они входили въ состояніе и нужды несчастныхъ и давали необходимые жизненные совѣты. Ко св. Алипію собирались люди „послушати отъ него полезнаго словесе и исцѣлиться отъ недуговъ своихъ душевныхъ же и тѣлесныхъ“ ⁶⁾. Св. Симеонъ I-й „на всякъ день напаяше слышащихъ сердца рѣкою ученія и всякаго пришедшаго къ нему потребы и прошенія послушаше и свары и пренія человѣческая укрощаще и миръ творяше“ ⁷⁾. Св. Симеонъ Дивногорецъ по повелѣнію игумена столпника Іоанна поучаетъ братію, и самъ игумень въ сладость его слушаше. „И бяше юный отрокъ, замѣчаетъ житіе, старымъ инокомъ премудръ и полезенъ учитель“ ⁸⁾. Такимъ образомъ, стоя на столпѣ и подвизаясь на немъ, св. столпники привлекали къ себѣ массы народа и выступали въ качествѣ учителей съ импровизированной каѳедры. Даже одинъ взглядъ на отрѣшенную отъ всего земного жизнь св. столпниковъ давалъ чувствовать мірскимъ людямъ, чего требуетъ отъ христіанина его небесное званіе, гдѣ его истинное отечество, истинныя радости. Живымъ стремленіемъ къ духовному совершенству св. столпники пробуждали безпечность осуетившихся мірскими заботами и показывали, что значитъ быть истиннымъ христіаниномъ. Истинная ихъ христіанственность и привлекала къ столпамъ не только простыхъ людей, но и царей, и высшихъ духовныхъ лицъ, жаждущихъ наставленія и нравственнаго утѣшенія. Патріархъ антиохійскій Домнъ нарочно изъ Антиохіи прибылъ къ св. Симеону I-му, который много съ нимъ о пользѣ души бе-

⁵⁾ Четьи-Минеи, 24 мая. ⁶⁾ Четьи-Минеи, 26 ноября, л. 165. ⁷⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8. ⁸⁾ Четьи-Минеи, 24 мая, л. 157 об.

сѣдовалъ ⁹⁾. Императоръ Маркіанъ (преемникъ Θεодосія) часто посѣщаше препод. Симеона столпника (I-го) тайно и много отъ него пользовался ¹⁰⁾. Богатому запасу духовной опытности св. столпниковъ способствовали: трезвенность ихъ души, постоянная бдительность надъ собою, борьба съ различными искушеніями на пути къ духовному совершенству; но болѣе всего благодать св. Духа, обильно изливающаяся на усердно работающихъ Господу,—и отсюда даръ сердецвѣдѣнія, ученія и духовнаго помазанія были причиною необыкновенной дѣйственности ихъ наставленій на сердца мірянъ. Оттого „все не можашу насытиться, замѣчаетъ житіе св. Симеона I-го столпника, сладкоглаголивыйя бесѣды его: уста бо его благодати св. Духа исполнена бяху ¹¹⁾. Св. Даніилъ „имѣ во устнахъ своихъ благодать многу, яко отъ словесъ его умилятися слушающимъ ¹²⁾).

Далѣе, св. столпники почитались мудрецами своего времени, глубокими знатоками предметовъ религіозныхъ: ихъ мудрость засвидѣтельствована и прославлена всѣми современниками, напр. Θεодоритомъ Кирскимъ ¹³⁾, Евагріемъ, Θεодоритомъ чтецомъ, Космою халдейскимъ священникомъ и др. Императоры: Θεодосій, Леонъ, Маркіанъ, Левъ, Зенонъ не разъ въ затруднительныхъ случаяхъ пользовались наставленіями св. столпниковъ; царей и князей и всякихъ властителей св. Симеонъ I-й наставлялъ посредствомъ своихъ писемъ и располагалъ ихъ къ страху Божію, къ милосердію, любви, къ защищенію Божіей церкви ¹⁴⁾. Св. Даніилъ столпникъ совѣтуетъ императору Льву и патриарху Геннадію „дважды въ седмицѣ“ совершать соборныя молебствія, чтобы избѣжать наказанія Божія, грядущаго на городъ. Императоръ Левъ такъ уважалъ св. Даніила, что неоднократно посѣщалъ его столпъ, прося благословенія св. столпника и наставленій; императорскія

⁹⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 5. ¹⁰⁾ Тамъ-же, л. 7 об. ¹¹⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8. ¹²⁾ Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 149. ¹³⁾ За обширныя свѣдѣнія и мудрость наванный чудомъ своего вѣка. ¹⁴⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8 об. и 9.

посѣщенія были исполнены глубокаго чувства смиренія; „царь совлечеса царскаго одѣянія, читаемъ въ житіи св. Даниїла и смиренно къ нему на столпъ припаде къ святымъ ногамъ его, яже видѣвъ отекшыя и согнившыя отъ многого стоянія, удивися великому терпѣнію его, и приѣмъ благословеніе съ веселіемъ возвратися“. Въ другой разъ императоръ Левъ посѣщаетъ св. Даниїла послѣ бывшей страшной осенней бури и лично наводитъ справки о томъ—не причинила-ли она вреда св. столпнику и приказываетъ сдѣлать новыя желѣзныя связи въ замѣнъ сломавшихся отъ бури ¹⁵⁾. Въ другой разъ онъ на колѣняхъ умоляетъ со слезами св. Даниїла сдѣлать крышу надъ столпомъ: „пощади себе, аще не тебе ради, то наша ради пользы, да не умреша прежде времени и оставиши насъ сирыхъ. Онъ же слезное моленіе царевъ видя, попусти создатися покрову не своего ради упокоенія, но прилежнаго ради моленія царевъ ¹⁶⁾. Императоръ Левъ „всѣхъ отъ различныхъ земель приходящихъ къ нему пословъ и великихъ князей привождаше къ столпу св. Даниїла, ово самимъ собою, ово же иными честными. Тѣ же удивляющеса великому преподобнаго отца терпѣнію, како зиму и зной днемъ и ношю претерпѣваетъ, умиляхуся душею, и со многою возвращахуся пользою“. Губазія, царя Лясарскаго, импер. Левъ, послѣ перемирія съ нимъ, свелъ къ св. Даниїлу и, показывая его, сказалъ: „се есть чудо въ царствіи моемъ“; Губазій, подивився терпѣнію св. столпника, не только кланялся св. Даниїлу, но и самому столпу и со слезами говорилъ: „благодарю Тя, Царю небесный, яко пришедша мя къ царю земному, сподобилъ еси видѣти небеснаго мужа и его пребываніе“. Возвратившись домой, онъ часто вспоминалъ предъ своими подданными св. столпника Даниїла и „писанія своя къ нему посылаше, прося святыхъ его молитвъ о защищеніи царства своего“. Святость жизни и неподражаемый аскетизмъ по истинѣ могъ удивлять всѣхъ приходящихъ къ св. столпникамъ ¹⁷⁾, уваженіе къ

¹⁵⁾ Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 145 об., 147. ¹⁶⁾ Тамъ-же, л. 149. ¹⁷⁾ „И бѣ св. Даниїлъ веліе всѣмъ удивленіе, ближнимъ и дальнимъ, и пришельцамъ, царемъ и

которымъ было такъ велико, что владѣтельные особы считали счастьемъ для своей страны имѣть въ ней такого подвижника. Такъ, царица Евдокія ¹⁸⁾, посѣтивъ св. Даниїла, приглашала его поселиться въ безмолвныхъ мѣстахъ ея державы, но св. Даниїль, похваливъ ея благое намѣреніе, отказался отъ предложенія и, благословивъ императрицу, отпустилъ ее съ миромъ ¹⁹⁾. Антиохіяне не отдають мощей св. Симеона I-го импер. Льву въ Царьградъ, сказавъ ему: „они стѣна и защищеніе граду ²⁰⁾“.

Хотя св. столпники непрерывно стояли на столпѣ, удаленномъ отъ мірской суеты, но они не были чужды хода мірскихъ событій и интересовъ, волнующихъ души ихъ современниковъ. Къ нимъ императоры обращаются за благословеніемъ и совѣтомъ предъ выступленіемъ въ походъ. Императоръ Левъ, прежде чѣмъ выступить на брань противъ Генсериха, царя вандальскаго, осадившаго г. Александрію, со всѣмъ синклитомъ отправляется къ св. Даниїлу столпнику и проситъ его молитвъ. Св. столпникъ предсказываетъ, что Генсерихъ не только не возьметъ Александрію, но не успѣетъ осуществить еще и другихъ предварительныхъ плановъ „и тощъ во своя возвратится“. Импер. Зенонъ Исаврянинъ ²¹⁾ тоже идетъ за благословеніемъ къ св. Даниїлу предъ битвой съ варварами, опустошавшими Фракію, и св. столпникъ предсказываетъ ему успѣхъ въ битвѣ, воцареніе по смерти Льва, изгнаніе съ престола и новое возвращеніе на царство ²²⁾. Св. столпники, способствуя душевному благу вѣрующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали распространенію православія, обличая ереси того времени и разные непорядки церковные. Императоръ Θεодосій, по случаю распри, возникшей между Кирилломъ и Іоанномъ антиохійскимъ на Ефесскомъ соборѣ, писалъ къ св. Симеону I-му, какъ къ такому мужу, кото-

всѣмъ народамъ: грекамъ же и римлянамъ, и варваромъ: иже приходяще къ нему, яко къ ангелу Божію, и отходяще, въ помощь себѣ его призываху, и получаху, чего просяху, святыми его молитвами“ (Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 148). ¹⁸⁾ Жена Θεодосія Младшаго. ¹⁹⁾ Тамъ-же, л. 144. ²⁰⁾ Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 9. ²¹⁾ Зять Льва Великаго; женатъ былъ на его дочери Аріаднѣ. ²²⁾ Тамъ-же, 11 дек. л. 150.

рый одинъ мудростію своихъ совѣтовъ и силою молитвъ можетъ положить конецъ несогласіямъ и возстановить миръ въ церкви. Св. Симеонъ пишетъ посланіе къ импер. Θεодосію о томъ, чтобы была возвращена христіанамъ ихъ церковь, отданная іудеямъ, „наказуя его и страша гнѣвомъ Божиимъ, не обвинуяся лица царска“. Получивъ посланіе св. Симеона, Θεодосій распорядился возвратить обратно церковь христіанамъ, а епарха, посовѣтовавшаго отдать ее іудеямъ, низложилъ, а къ св. столпнику послалъ моленіе, „прощенія прося, и да молитву о немъ сотворить къ Богу“. Царицу Евдокію, впавшую въ еutihianство послѣ смерти мужа ²³⁾ св. Симеонъ „писмены своими увѣща, и ко благочестію по четырехъ лѣтѣхъ обрати, яже по обращеніи своемъ другія 4 лѣта въ покаяніи проживши, блаженные кончины сподобися въ Іерусалимѣ ²⁴⁾. Св. Даніилъ для умиротворенія церкви сходитъ даже съ столпа: когда въ 476 году Василискъ свергнулъ съ императорскаго престола Зенона, то „нача зѣло смущати церковь Божию, соборъ Халкидонскій отмета, разсѣвая же еретическія ученіи“. Соборъ епископовъ во главѣ съ патріархомъ Цареградскимъ Акакіемъ оказывалъ возможное сопротивленіе Василиску, „но ничто же успѣ“. Тогда были посланы нѣсколько епископовъ къ св. столпнику Даніилу съ просьбою о томъ, „да сошедъ съ столпа, къ нимъ въ царствующій градъ на помощь церкви воюющей приидетъ. Преподобный же еще и не хотяше ниже на малое время снити отъ мѣста своего, обаче нужду церкви видя, къ сему же и свыше божественнымъ гласомъ увѣщанъ бывъ, сниде съ столпа, и во градъ къ патріарху и къ сущимъ съ нимъ епископомъ прииде“. Василискъ, узнавъ о прибытіи св. столпника, скрылся отъ него въ одно селеніе, но преподобный послѣдовалъ за нимъ, но такъ какъ, по причинѣ болѣзни отекавшихъ ногъ, онъ идти не могъ, то его несли на рукахъ. Василискъ не хотеть видѣться съ св. Даніиломъ, и тотъ возвращается въ городъ. Василискъ является къ св. столпнику и на колѣ-

²³⁾ Импер. Θεодосія.

²⁴⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 7 об.

няхъ и со слезами просить у него прощенія. Св. Даниилъ разоблачаетъ его лицемѣріе; „вскорѣ отъимется отъ тебя царство; прогнѣвая Царя небеснаго, сокровиществуешь себѣ злая многая, смиреніе твое и умиленіе притворно есть, одеждою овчею прикровенный волчій нравъ, но вскорѣ узрите всевидящее око Божіе и всесильную Его руку, сильныхъ съ престола низлагающую“. Послѣ этого свиданія съ Василискомъ св. Даниилъ опять возвращается на свой столпъ ²⁵⁾. Св. Симеонъ Дивногорецъ пишетъ письма императорамъ Юстиніану и Юстину о возникшихъ въ то время ересяхъ несторіанъ и самаританъ, какія посланія читались въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ на VII вселенскомъ соборѣ ²⁶⁾. Когда св. Кириллъ Туровскій подвизался на столпѣ, въ то время на епископскихъ каѳедрахъ явились недостойные пастыри: Леонъ, епископъ сперва ростовскій, а потомъ суздальскій и Ѳеодоръ, епископъ ростовскій ²⁷⁾. Леонъ за-прещалъ разрѣшать постъ среды и пятницы въ праздники, не исключая даже праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія; Ѳеодоръ, напротивъ, училъ, что должно разрѣшать постъ среды и пятницы не только для всѣхъ господскихъ праздниковъ, но и для праздниковъ нарочитыхъ святыхъ и въ теченіе всей пятидесятницы. Св. Кириллъ возсталъ противъ нихъ со всею ревностью: обличалъ одного, увѣщавалъ, умолялъ и, наконецъ, проклялъ другого ²⁸⁾.

Св. столпники были и миссіонерами. Про св. Симеона говорится: „не подобаетъ же и сего умолчать, яко преподобный отецъ нашъ Симеонъ, аки свѣща на свѣщницѣ на столпѣ стоя, свѣтъ міру явился, просвѣщая потемненныя идолюбѣсіемъ языки и наставляя ихъ къ свѣту познанія истиннаго Бога. Слава дивной въ немъ Божіей благодати, сие дѣйствующей, яко на единомъ стоя мѣстѣ, многія къ вѣрѣ приведе, аки бы кто проходилъ вселенную уча и проповѣдуя. Добродѣтельнаго бо житія своего, и сладкоглаголиваго ученія лучи, якоже солнце испущаше, и окрест-

²⁵⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 150. ²⁶⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Казань, т. VII, 1875 г. стр. 299—303; 383—386. ²⁷⁾ Пам. росс. слов., стр. XXIII. ²⁸⁾ Прологъ, 28 апр., л. 51.

ныя страны просвѣщаше, понеже ту бѣ видѣти Иверовъ, персовъ и арменовъ божественное пріемлющихъ крещеніе: исмаилитовъ же полками приходящихъ, по двѣстѣ, по триста, иногда и по тысячи, иже съ крикомъ заблужденія отецъ своихъ отвергахуся, и яже отъ древнихъ лѣтъ почитаху идолы, кланяющесе имъ, ту приносяще при столпѣ сокрушаху, и ногами попираху, пріемлюще законъ отъ медоточиваго онаго языка: и божественныхъ таинъ сподобляющесе возвращахуся съ радостію велию, свѣтомъ разума святаго евангелія просвѣщени ²⁹⁾. Св. столпники, значить, были великими благодѣтелями челоуѣчества, отрадными свѣтилами, разливавшими теплоту, жизнь и радость вокругъ себя. Оттого многіе изъ приходившихъ къ нимъ не хотѣли отойти отъ нихъ и, оставляя свои дома и имѣнія, поселялись при столпахъ для того, чтобы непрестанно наслаждаться лицезрѣніемъ св. столпниковъ и поучаться ихъ бесѣдами. Столпы, поэтому, являлись центрами, гдѣ сосредоточивалась религіозная жизнь. Возлѣ каждого св. столпника мало по малу возникали обители и устроились монастыри. Объединяясь въ братскія общины съ цѣлію молиться и трудиться для своего спасенія въ братскомъ единодушіи, при взаимной другъ другу помощи, при поощреніи и утѣшеніи въ подвигахъ духовныхъ со стороны св. столпниковъ, эти подвижники при столпахъ разливали свой подвижническій духъ по окрестностямъ, привлекая къ себѣ массы народа. Вотъ что читаемъ въ житіи св. Симеона I-го: „мнози ученіемъ его наставляеми, оставляху вся земная, и аки пернаты возвышахуся горѣ, овы въ монастыри, овы же въ пустыни отходяще, иніи при немъ жити хотяще“ ³⁰⁾. Нѣкоторые жити при столпѣ св. Алипія изволяху ³¹⁾. Такъ какъ около столповъ организовывались общины, то св. столпники заботились объ объединеніи членовъ общины путемъ построенія монастырей съ церквами. У столпа св. Симеона „создаша людіе церковь крестообразну, зѣло красну и монастырь великъ устроиша“ ³²⁾.

²⁹⁾ Чет. Мин., 1 сент., л. 7. ³⁰⁾ Чет.-Мин., 1 сент. ³¹⁾ Тамъ же, 26 нояб., л. 165. ³²⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 9.

На Дивной горѣ созданъ былъ тоже монастырь съ церковью, устроенною руками исцѣленныхъ ³³⁾. Императоръ Левъ по желанію св. Даниїла строить церковь во имя св. Симеона столпника, на сѣверъ отъ столпа Даниїлова, куда съ честію переносить часть мощей св. Симеона, „о чемъ св. Даниїлъ зѣло радовался и довольное къ народу слово простре на то пренесеніе“; воздвигаетъ также при церкви и страннопріимницу ³⁴⁾. Св. Алипій столпникъ располагаетъ знакомыхъ своихъ гражданъ и сосѣднихъ жителей къ построению храма въ честь св. великомученицы Евѣиміи на мѣстѣ эллинскихъ гробовъ и „освященнѣй ей бывшей, начаша приходити отъ града людіе на славословіе Божіе, и слышати полезная святаго поученія, инии же и жити при ней изволяху“. Въ виду громаднaго стеченія народа къ своему столпу св. Алипій построилъ по ту и другую сторону столпа два монастыря—мужской и женскій и „самъ посредѣ на столпѣ, аки свѣща на свѣщницѣ стоя, оба монастыря и ученіемъ и образомъ ангельскаго житія своего просвѣщаше, и молитвами своими защищаше, и законы имъ и уставы иноческаго житія подаваше, повелѣвающе имъ блюсти себе опасно отъ бѣсовскихъ козней: наипаче же заповѣдаше женамъ, да не видѣны будутъ мужескими очесы никогдаже ³⁵⁾. Можетъ возникать недоумѣніе относительно близости монастырей мужского и женскаго. Оно устраняется обычаемъ тогдашняго христіанскаго востока, по которому женскія обители располагались по сосѣдству съ мужскими, на небольшомъ разстояніи. Управляясь самостоятельно въ своей внутренней жизни, онѣ пользовались отъ мужскихъ монастырей только руководствомъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, назначавшихся обыкновенно на это дѣло настоятелями мужскихъ обителей по просьбѣ настоятельницъ обителей женскихъ, или же лицами, близкими къ монастырю ³⁶⁾. Близъ этихъ

³³⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 162. ³⁴⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 148 об. ³⁵⁾ Чет.-Мин., 26 ноября, л. 165. ³⁶⁾ Прав. св. Василия Великаго, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ прав. 33, стр. 165—167 т. V и прав. кратко излож. въ вопр. и отв. прав. 108, 109, 110, 111, стр. 265--266.

монастырей часто жили благочестивыя лица того и другого пола, иногда съ цѣлыми семействами. Они не принадлежали обыкновенно ни къ одной обители, а жили своею самостоятельною жизнію, посвящая себя молитвамъ, воздержанію и цѣломудрію. Они также поселялись вблизи обителей для того, чтобы пользоваться уроками духовной опытности подвижниковъ ³⁷⁾. Св. столпники отчасти управляли монастырями сами, какъ сейчасъ мы видѣли изъ житія св. Алипія, или поручали близкимъ себѣ; напр., тотъ-же св. Алипій столпникъ послѣ того, какъ постригъ свою мать діакониссу въ инокини, поручилъ ей управленіе женскимъ монастыремъ при столпѣ ³⁸⁾.

Смиреніе и кротость являются характеристическими чертами жизни св. столпниковъ, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и къ ближнимъ. Всѣ ихъ слова и поступки ознаменованы глубокимъ уничиженіемъ. Св. Симеонъ I-й, уважая всякаго безъ исключенія, называлъ себя не иначе какъ презрѣннымъ и отверженнымъ монахомъ, псомъ смердящимъ ³⁹⁾. Мудрость своихъ совѣтовъ всегда старался прикрывать какою-то особенною простотою и скромностію и самъ внималъ совѣтамъ другихъ (напр., когда велѣли ему снять цѣпь съ ноги, которою онъ приковался къ горѣ, въ виду того, что надобно связывать волю, то онъ со смиреніемъ исполнилъ приказаніе и съ любовію послушалъ поученіе о связываніи воли). Безчисленныя и многоразличныя исцѣленія, совершаемыя св. столпниками, они относили единственно къ благодати Божіей, запрещая исцѣленнымъ говорить про нихъ: „наказываше преп. Симеонъ (I-й), егда кого исцѣли, глаголя: прославляй Бога, исцѣлившаго тя, и никакоже дерзни рещи, яко Симеонъ тя исцѣли, да не горше ти, что будетъ“ ⁴⁰⁾. Св. Даніилъ „силу чудотворенія не своей добродѣтели причиташе, но молитвамъ св. Симеона: ибо приходящихъ къ себѣ больныхъ отсылалъ въ церковь Симеонову къ св. его мощамъ“ ⁴¹⁾. Св. Симеонъ.

³⁷⁾ Письмо св. Григорія Богослова къ Θεоклѣ 212, стр. 311. ³⁸⁾ Чет.-Мин., 26 ноября. ³⁹⁾ Св. Симеонъ I-й „бѣ кротокъ и смиренъ, и всѣхъ челоѣкъ бѣ мнѣй и непотребенъ“ (Чет.-Мин., 1 сент., л. 7 об.). ⁴⁰⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 5.

⁴¹⁾ Тамъ же, 11 дек., л. 151.

сознавая непрестанно свою виновность и недостойнство предъ Богомъ, обыкновенно поручалъ себя молитвамъ другихъ просіявшихъ подвигами и добродѣтелями ⁴²⁾. Онъ безъ ропота принялъ несправедливое отлученіе его отъ монашескаго общества и безъ всякаго прекословія повиновался требованію Сирійскихъ посланниковъ, повелѣвавшихъ ему сойти со столпа ⁴³⁾. Св. Даніиль по приказанію Геласія ⁴⁴⁾ сходитъ съ столпа и снова возвращается на него по просьбѣ того же Геласія ⁴⁵⁾. Никакія клеветы и оскорбленія не могли возбудить въ св. столпникахъ негодованія. Св. Симеона I-го обвиняли въ тщеславіи ⁴⁶⁾; мѣстные клирики клеветуютъ на св. Даніила цареградскому патріарху Анатолію, называя его чародѣемъ, лицемѣромъ, льстецомъ, волшебникомъ и просятъ изгнать св. Даніила изъ той мѣстности ⁴⁷⁾. Патріархъ Геннадій хотѣлъ казнить св. Даніила за столпостояніе ⁴⁸⁾. Нѣкоторые изъ еретиковъ, которыхъ, вѣроятно, обличалъ св. Даніиль, подкупаютъ блудницу Вассіану и распускаютъ молву о блудодѣйствѣ съ нею св. столпника ⁴⁹⁾. Нѣкто публично ругаетъ св. Даніила и, показывая народу печеную рыбу, съ насмѣшкою говоритъ: „вотъ что ѣстъ вашъ постникъ“ ⁵⁰⁾. Братія Пильскаго монастыря, гдѣ подвизался на столпѣ св. Симеонъ Дивногорецъ, ненавидитъ его, и когда случилось съ св. Симеономъ діавольское навожденіе (плотская брань), то они злорадно говорили: „гдѣ нынѣ есть пощеніе его, человѣческія силы превосходящее; гдѣ подвиги его; гдѣ чудотворенія; да поможетъ нынѣ самъ себѣ“ ⁵¹⁾. Св. столпники обидѣ не помнили, молились за своихъ враговъ и исцѣляли клеветниковъ. Св. Даніиль наказаннаго клеветника (показывавшаго рыбу) бѣснованіемъ исцѣляетъ своею молитвою, „не памятозлобствуя, ни воздая досажденія за

⁴²⁾ Напр. св. Θεодосію великому каппадокійскому (род. окт. 425 г.—Душ. Чт. 1884 г. IV). ⁴³⁾ Чет.-Мин., 1 сент., 5 л. ⁴⁴⁾ Владѣльца того мѣста, гдѣ находился столпъ св. Даніила. ⁴⁵⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 143 об. ⁴⁶⁾ „Нѣцыи отъ неiskusныхъ мняху святаго ради тщеславія таковая терпяща“. Чет.-Мен., 11 дек., л. 138 об. ⁴⁷⁾ Потому что всѣ шли къ нему и прославляли его подвиги. Тамъ же, л. 141. ⁴⁸⁾ Тамъ же. ⁴⁹⁾ Тамъ же, л. 144 об. ⁵⁰⁾ Тамъ же, л. 148 об. ⁵¹⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 157 об.

досажденіе ⁵²⁾. Жесточайшій врагъ св. Даніила Геласій становится чрезъ кротость св. столпника почитателемъ его и предъ царемъ (Львомъ) прославляетъ его добродѣтели ⁵³⁾. Св. Даніиль исцѣляетъ блудницу Вассіану отъ бѣснованія, несмотря на то, что она оклеветала его въ блудѣ съ нею по наущенію еретиковъ ⁵⁴⁾. Словомъ, св. Даніиль, по замѣчанію его житія, бѣ милостивъ и незлобивъ нравомъ, добротворя ненавидящимъ его ⁵⁵⁾. Св. Дивногорець исцѣляетъ пастуха, который хотѣлъ убить его ⁵⁶⁾. Ради смиренія св. столпники отказывались отъ всякаго начальствованія, даже отъ пресвитерства. Св. Даніиль, несмотря на усиленныя просьбы братіи отказывается отъ игуменства и уходитъ въ затворъ. ⁵⁷⁾ Св. Дивногорець, долго отказывавшійся отъ пресвитерства, только 33-хъ лѣтъ соглашается принять священство отъ Діонисія, епископа Селевкійскаго ⁵⁸⁾. Самое восхожденіе на столпы носило характеръ смиренія. Св. Даніиль, „да не увѣсть о немъ никтоже“, ночью уходитъ изъ затвора и восходитъ на столпъ ⁵⁹⁾. Св. Дивногорець тоже тайно удаляется на Дивную гору ⁶⁰⁾. Смирненіе, кротость, послушаніе, любовь св. столпники считали главными добродѣтелями инока. Это ясно засвидѣтельствовано нѣкоторыми изъ нихъ въ ихъ предсмертныхъ завѣщаніяхъ. Вотъ что написалъ св. Даніиль своимъ ученикамъ, повелѣвъ прочитатъ этотъ завѣтъ всѣмъ инокамъ: „гоните смиреніе, служите послушанію, любите страннопріимство, постъ, бдѣніе, нищету, и яже первая и большая есть заповѣдь любовь; та, яже благочестію суть прилична, право держите, еретическихъ плевелъ блюдитесь, матери же ваша св. церкви нимало же отлучайтесь: и аще та вся сотворите, будете добродѣтелію совершени ⁶¹⁾ „Хошу, завѣщаль предъ смертію св. столпникъ Іоаннъ, да вси будутъ подражатели св. Симеона (Дивногорца) въ пламенносердечной его любви къ Богу“ ⁶²⁾. Св. Савва Вишерскій

⁵²⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 149. ⁵³⁾ Тамъ же. л. 143. ⁵⁴⁾ Тамъ же. л. 145.

⁵⁵⁾ Тамъ же, л. 143—148. ⁵⁶⁾ Чет.-Мин., 24 мая. ⁵⁷⁾ Тамъ же, 11 дек., л. 139.

⁵⁸⁾ Тамъ же, 24 мая, л. 162, ⁵⁹⁾ Тамъ же, 11 дек., л. 143. ⁶⁰⁾ Тамъ же, 24 мая, л. 161. ⁶¹⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 152. ⁶²⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 159.

предъ смертію завѣщалъ ученикамъ своимъ быть смиренными, а насколько онъ самъ былъ смиренъ можно заключать изъ слѣдующей его предсмертной просьбы къ ученикамъ: „егда отъ тѣла душа моя разлучится, да не коея же чести мя сподобите, но тако: просто по земли влекуще до гроба, земли предадите“ ⁶³⁾).

Пророчества св. столпниковъ направлены были къ тому, чтобы путемъ предсказанія бѣдствій обратить къ покаянію и исправленію нерадивыхъ. Такъ св. Симеонъ I-й предсказывалъ голодъ, засухи, нападенія враговъ и призывалъ народъ къ покаянію, и самъ многими слезами и непрестанной мольбою умиловивлялъ Бога ⁶⁴⁾. Св. Симеонъ Дивногорецъ увѣщаетъ антиохійцевъ принести раскаяніе въ грѣхахъ въ виду нашествія Хозроя, и самъ молится объ избавленіи города ⁶⁵⁾ и пр. и пр. Точно также для возбужденія грѣшниковъ направлены были и всѣ чудеса св. столпниковъ. Вѣдь, и Іисусъ Христосъ Свою любовь къ человѣческому роду излилъ въ благодѣтельныхъ чудесахъ, и людей привлекалъ къ Себѣ чудеснымъ благодѣтельствомъ несчастнымъ, такъ что большая часть Его первыхъ послѣдователей были люди, освобожденные Имъ отъ неисцѣльных болѣзней и мучительства бѣсовъ; и, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, заповѣдалъ имъ: „болящія исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсы изгоняйте“ ⁶⁶⁾, и этимъ то путемъ въ короткое время привлечены къ Христу многія тысячи послѣдователей. Этотъ путь къ возбужденію грѣшниковъ наиболѣе свойственъ Промыслу Божію, Который свое божественное дѣйствіе проявляетъ и чрезъ святыхъ рабовъ Божіихъ. Св. столпники своими чудотвореніями возстановляли человѣка въ его истинномъ достоинствѣ, освобождая отъ грѣховъ или приводили путемъ ихъ къ истинной вѣрѣ. Исцѣленная св. Даніиломъ блудница Вассіана перемѣняетъ образъ жизни. Св. Симеонъ прежде чѣмъ исцѣлитъ разслабленнаго сарацина наставляетъ его въ вѣрѣ и спрашиваетъ: „отрицаеши ли ся злочестія отецъ

⁶³⁾ Новг. еп. вѣд. 1899 г., № 7, стр. 454. ⁶⁴⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 7.
⁶⁵⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 160 об. ⁶⁶⁾ Мѣ. X, 8.

твоихъ; онъ же рече: отрицаюся. И паки: вѣруеши ли во Отца и Сына и Святаго Духа; онъ же исповѣда, яко вѣруетъ несумнѣнно. Тогда рече святой: востани“ ⁶⁷⁾). Предъ исцѣленіемъ одного бѣсноватаго св. Даніилъ утверждаетъ въ вѣрѣ его отца: „аще вѣруеши, яко Господь мой Іисусъ Христосъ исцѣлитъ сына твоего мною, то по вѣрѣ твоей буди тебѣ“ ⁶⁸⁾). Св. Никита Переяславскій „всѣмъ приходящимъ къ нему пользы ради исцѣленіе подаваше“ ⁶⁹⁾). Св. Симеонъ Дивногорець со слезами молится Богу о томъ, чтобы Онъ помиловалъ людей Своихъ и отвратилъ бы отъ нихъ смертныя болѣзни, посылаемая имъ въ наказанія; „и бысть къ нему гласъ глаголющъ отъ Господа: почто болиши сердцемъ о людехъ сихъ; еда ли ты болѣе ихъ любиши, неже Азъ; по понеже умножишася беззаконія ихъ, потребно убо имъ есть и наказаніе: обаче да не опечалю тебя, даю тебѣ власть исцѣляти всякія въ нихъ недуги“ ⁷⁰⁾).

Значить, исцѣленіе болѣзней тѣлесныхъ служило пре-
дуказаніемъ исцѣленія души и изъ житій св. столпниковъ видно, что исцѣленные оставляли прежній образъ жизни, перемѣняя его на хорошій. Такъ, напр. блудница Вассіана исправила свою жизнь. Конюхъ Іорданъ императора Льва оставилъ аріанство ⁷¹⁾, благодаря увѣщаніямъ св. Даніила. Разбойникъ Іонаѳанъ перемѣняетъ образъ жизни и становится праведникомъ чрезъ увѣщаніе Симеона ⁷²⁾. По ученію священнаго писанія всѣ болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ грѣху и исцѣляющіе отъ болѣзней тѣмъ самымъ врачевали отъ грѣховъ.

Такимъ образомъ, основу всей нравственной дѣятельности св. столпниковъ въ отношеніи къ ближнимъ составляла любовь, проникавшая, какъ можно видѣть изъ представленнаго обзора общественной дѣятельности св. столпниковъ, во всѣ мельчайшіе отгѣнки ихъ отношеній къ ближнимъ. Она являлась у нихъ чувствомъ благорасположенія, участія, снисхожденія ко всякому человѣку, истекаю-

⁶⁷⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 7. ⁶⁸⁾ Чет.-Мин., 11 дек., л. 143 об. ⁶⁹⁾ Прол., 24 мая, л. 59. ⁷⁰⁾ Чет.-Мин., 24 мая, л. 161 об. ⁷¹⁾ Чет.-Мин., 11 дек. ⁷²⁾ Тамъ же, 1 сент.

щимъ изъ мысли, что всѣ люди суть творенія Божіи и братья во Христѣ. Любовь возбуждала въ св. столпникахъ самое искреннее, горячее желаніе выполнить высокія и святыя правила, предписываемыя евангеліемъ. И вотъ это-то обстоятельство и было причиною того, что около св. столпниковъ собирались люди разныхъ званій и состояній, объединявшіеся здѣсь взаимною любовью.

ГЛАВА VIII.

Разборъ нѣкоторыхъ мнѣній, отрицающихъ цѣлесообразность подвига „столпничества“.

„Столпничество“ съ первыхъ дней своего существованія подверглось нападеніямъ со стороны своихъ противниковъ. Этотъ великій подвигъ былъ объясняемъ, какъ проявленіе духа гордости, какъ желаніе восходящихъ на столпы отличиться странностью, приобрѣсть славу необыкновенныхъ подвижниковъ и привлечь къ себѣ массу поклонниковъ. Такъ думали нѣкоторые изъ современниковъ перваго столпника св. Симеона, услышавшіе въ первый разъ о его необыкновенной жизни. Египетскіе монахи, узнавъ о столпостояніи сирійскаго подвижника св. Симеона, сначала чрезвычайно раздражены были этою новостію, объясняя ее гордостію. „Зачѣмъ, говорили они, Симеонъ не хочетъ идти обыкновеннымъ путемъ отцевъ, но выдумываетъ новый, неслыханный образъ жизни?“ и послали къ нему отлучительную грамоту. Но послѣ эти же самые монахи, узнавъ подробнѣе и вѣрнѣе о жизни св. Симеона, сознались въ своей ошибкѣ и приняли его въ свое общество. Подобнымъ образомъ и сирійскіе иноки, удивленные и недовольные необычайными подвигами св. Симеона, отъ лица своего собора отправили нарочитое посольство для того, чтобы изслѣдовать образъ жизни св. Симеона и узнать его побужденія къ столпостоянію. Посланные, посмотрѣвъ на жизнь св. Симеона и убѣдившись въ его кротости и

смирении, прославили Бога и призывали благодать его на утверждение праведника въ новомъ и великомъ подвигѣ ¹⁾.

Въ настоящее время тоже не новость слышать подобныя мнѣнія относительно „столпничества“. Между тѣмъ очень легко замѣтить—какую несообразность между побужденіемъ и дѣйствіемъ допускаютъ въ своемъ объясненіи тѣ, которые началомъ „столпничества“ считаютъ гордость. Для произведенія необычайныхъ и великихъ подвиговъ нужно имѣть сильное побужденіе. Но добровольно отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, подвергать тѣло свое необычнымъ изнуреніямъ, страдать въ продолженіи десятковъ лѣтъ, только изъ за одного гордаго желанія обратиться на себя взоры людей и заставить говорить о себѣ, какъ о великомъ подвижникѣ,—совершенно невѣроятно. Противъ голоса природы и чувства самосохраненія не устоитъ голосъ какой-то странной и непонятной гордости, которую хотятъ видѣть въ св. столпникахъ. Человѣкъ, дѣйствующій по внушенію гордости, жертвуетъ иногда многимъ для достиженія своихъ цѣлей, но его жертвы кратковременны и никогда не могутъ простираться до такого удивительнаго самоотверженія, какому подвергали себя св. столпники. Гордецъ бережетъ себя, стараясь достигать своихъ цѣлей посредствомъ другихъ. Притомъ, характеръ человѣка обнаруживается въ его дѣятельности. Но что мы видѣли въ жизни св. столпниковъ? образцы смиренія, кротости, послушанія, съ которыми мы уже познакомились въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Затѣмъ, объясняютъ столпническую жизнь фанатизмомъ. Такого взгляда держится Гиббонъ († 1794 г.). Вотъ что пишетъ онъ въ своей „исторіи упадка и разрушенія римской имперіи“ ²⁾: „отшельники давали полную волю

¹⁾ Условіемъ богоугодности „столпничества“ св. Симеона было поставлено послушаніе: если св. Симеонъ по приказанію посольства захочетъ сойти со столпа, то значить подвигъ его угоденъ Богу. Св. Симеонъ сразу же хотѣлъ исполнить приказаніе сирійскаго собора, но посланные удержали его: „не сходи, но пребывай, якоже началъ еси, нынѣ бо вѣмы, яко твое зачатое дѣло отъ Бога есть, иже помощникъ тебѣ до конца да будетъ“. Чет.-Мин., 1 сент., л. 5. ²⁾ Часть IV, Москва 1884 г. перев. Невѣдомскаго.

своему фанатизму. Между ними самые благочестивые или самые честолюбивые отказывались отъ матерей такъ-же, какъ они отказывались отъ свѣта. Они жили отдѣльно отъ монастырей, и одобреніе и соревнованіе служили имъ стимуломъ для сумасбродныхъ подвиговъ покаянія. Они изнемогали подъ тяжестью крестовъ и цѣпей и сковывали свои исхудалые члены кольцами. Они презрительно отвергали заботу объ одеждѣ. Высшее достоинство пустынниковъ заключалось въ томъ, чтобы провести нѣсколько дней безъ пищи, нѣсколько ночей безъ сна, и особенную славу пріобрѣталъ тотъ человѣкъ, — если дозволено будетъ такъ злоупотреблять этимъ именемъ, — которому приходилось держать себя въ самой неудобной позѣ и выносить всѣ перемѣны погоды. Между этими героями монашества имя и геній Симеона столпника пріобрѣли безсмертіе, благодаря оригинальной его выдумкѣ совершать покаяніе въ воздушномъ пространствѣ. Привычка и упражненіе научили его держаться на столпѣ безъ опасенія свалиться и безъ головокруженія и попеременно становиться въ различныя благочестивыя позы. Иногда онъ молился съ сложенными крестомъ руками; но всего чаще онъ сгибалъ свой тощій скелетъ такъ, что голова почти касалась ногъ, а любознательный зритель, насчитавшій 1244 такихъ поклона, отказывался отъ счета, которому не предвидѣлось конца. Язва, образовавшаяся на бедрѣ, сократила его жизнь, но не прекращала его святыхъ подвиговъ, и терпѣливый отшельникъ испустилъ духъ, не сходя съ своего столпа. Монархъ, который вздумалъ бы кого-нибудь осудить на такую пытку, прослылъ бы за тирана, но и власть тирана не была-бы въ состояніи принудить жертву своей жестокости долго вести такую ужасную жизнь. Это добровольное мученичество должно было мало-по-малу довести и тѣло и душу до безчувственности и нѣтъ возможности допустить, чтобы фанатикъ, терзавшій самого себя, могъ питать состраданіе къ другимъ. Жестокосердая безчувственность была отличительной чертой монаховъ во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ; ихъ суровое безсердечіе, рѣдко смягчавшееся подъ вліяніемъ

личной дружбы, усиливалось отъ религіозной ненависти. Монашеская святость, возбуждающая въ философѣ лишь презрѣніе и сожалѣніе, служила предметомъ глубокаго уваженія и едва ли не обожанія для монаховъ и народовъ. Толпы пилигримовъ, приходившія изъ Галліи и изъ Индіи, преклонялись передъ божественнымъ столпомъ Симеона: племена сарациновъ съ оружіемъ въ рукахъ одно у другого оспаривали честь его благословенія; царицы Персіи и Аравіи съ признательностью отдавали должную дань его сверхъестественнымъ добродѣтелямъ, а младшій Θεодосій обращался къ св. столпнику за совѣтами въ самыхъ важныхъ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Его смертные останки были перенесены съ торжественной процессіей патриархомъ, главнымъ начальникомъ восточныхъ армій, 6-ю епископами, 21-мъ графомъ или трибуномъ и 6.000 солдатъ съ горы Таланиссы въ Антиохію, которая его мощи считала за самое почетное изъ своихъ украшеній и за самый надежный оплотъ своей безопасности“ ³⁾.

Смотрѣть на св. столпниковъ, какъ на фанатиковъ, можетъ только тотъ, кто не знаетъ хорошо ихъ жизни и характера или не имѣетъ надлежащаго понятія о фанатизмѣ. Что такое фанатизмъ? фанатизмъ есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ, оболыщенный какою-либо идеею, безотчетно стремится къ осуществленію своей идеи. Поэтому, фанатизмъ въ своемъ началѣ показываетъ недостатокъ благоразумія и вѣрнаго взгляда на предметы, въ своемъ дѣйствиіи всегда соединенъ съ жестокостію, которая большею частію обращена бываетъ на другихъ. Справедливо замѣчаетъ Гиббонъ, относящій св. столпниковъ къ фанатикамъ, что фанатики не имѣютъ и не могутъ имѣть сочувствія къ другимъ и, презирая всѣхъ, сами дѣлаются презрѣнными въ глазахъ другихъ ⁴⁾. Наконецъ, фанатизмъ, если онъ не охладѣваетъ и не проходитъ со временемъ, въ своемъ слѣдствіи бываетъ гибеленъ: человѣкъ не можетъ долго держаться въ неестественномъ положеніи,—онъ необходимо

³⁾ Гиббонъ, стр. 134—138. ⁴⁾ См. выше.

падаетъ, увлекаая за собою и другихъ, имъ обольщенныхъ. Ни одного изъ этихъ признаковъ фанатизма мы не замѣтили въ св. столпникахъ. Во первыхъ, ихъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи мудрости и вѣрнаго познанія предметовъ, особенно религіозныхъ, иначе надобно несправедливо предположить крайнюю степень невѣжества въ ихъ современникахъ, считавшихъ св. столпниковъ мудрецами. Во вторыхъ, ни въ характерѣ, ни въ дѣйствіяхъ ихъ не видно суровости и жестокости; сострадательность, снисходительность, ласковость ко всѣмъ и т. п. отличали жизнь св. столпниковъ, какъ объ этомъ подробно сказано въ VII главѣ. И, наконецъ, въ третьихъ, слѣдствія столпнической жизни были спасительны, какъ для самихъ св. столпниковъ, такъ и для народа. Оставаясь вѣрными своимъ правиламъ и достигая высокихъ своихъ цѣлей, св. столпники были примѣромъ добродѣтели для всѣхъ и причиною спасенія многихъ, о чемъ сказано въ VII главѣ, а поэтому заслужили всеобщее уваженіе отъ современниковъ, прославлены и до сихъ поръ прославляются всею православною церковью.

Такимъ образомъ, не гордость и не фанатизмъ были побудительными причинами и началомъ столпнической жизни. Отчасти эти причины указаны въ I-й главѣ. Въ дополненіе къ нимъ можно сказать еще слѣдующее. Духъ и направленіе монашества IV и V вв. способствовали появленію „столпничества“. Ревность въ умерщвленіи плоти, какъ бы въ замѣнъ мученичества, была необыкновенная. Старцы и настоятели подавали примѣръ самоотверженія своимъ ученикамъ, ученики старались превзойти учителей. При такомъ аскетическомъ духѣ, при такомъ религіозномъ героизмѣ пустынниковъ, вполне можно было ожидать великихъ и необычайныхъ подвижниковъ. И вотъ среди пустынь, какъ цвѣтъ подвижничества, является „столпничество“, засвидѣтельствованное современниками не какъ вымыселъ ума человѣческаго, а какъ дѣло божественное. Далѣе, вникая въ состояніе и духъ христіанства въ IV и V вв. и слѣдя за дѣйствіями св. столпниковъ, можно усматривать особенную цѣль промысла Божія, воздвигавшаго такихъ

необычайныхъ подвижниковъ. Духъ благочестія и ревности, отличавшій первенствующихъ христіанъ, съ IV-го вѣка видимо сталъ ослабѣвать. Религія христіанская сдѣлалась предметомъ гибельныхъ споровъ и распрей; появились ереси, волновавшія христіанъ, вооружавшія ихъ другъ противъ друга и подававшія язычникамъ случай къ уничтоженію вѣры христіанской. По мѣрѣ того, какъ въ обществѣ разливалось нечестіе, движимые Духомъ Божиимъ пустынники усугубляли свои подвиги и господствующему духу времени, обращенному къ гибельнымъ спорамъ и распрямъ о вѣрѣ, противопоставили истинный духъ христіанства. Но ихъ жизнь была замѣтна и назидательна только для немногихъ. И вотъ, вызванный промысломъ Божиимъ изъ среды сирійскихъ пустынниковъ св. Симеонъ восходитъ на столпъ „къ созиданію себе и тѣхъ“ ⁵⁾. Новый и дивный образъ жизни св. Симеона возбуждаетъ всеобщее вниманіе къ нему и удивленіе. Изъ отдаленныхъ странъ христіане и язычники идутъ къ нему. Конечно, не всѣ приходили къ нему съ набожнымъ чувствомъ; многіе шли изъ одного любопытства, нѣкоторые — даже съ злымъ намѣреніемъ поругаться надъ праведникомъ. Но высокая святость столпника, благодать Божія, сіявшая въ немъ, его сила чудодѣйственная, простыя рѣчи и т. п. возбуждали благоговѣніе и производили необыкновенное дѣйствіе. Еретики отрицались отъ своихъ мудрованій, язычники разбивали при столпѣ своихъ идоловъ, и всѣ невольно умилялись, славя Бога. Духъ благочестія, обитавшій въ св. Симеонѣ, переходилъ на всѣхъ окружавшихъ его, такъ что закоренѣлые злодѣи дѣлались праведниками ⁶⁾, подобно тому, какъ нѣкогда приходившіе къ св. пророку Самуилу съ намѣреніемъ взять его, сами становились пророками ⁷⁾.

Называютъ, потомъ, „столпничество“ безплоднымъ отчужденіемъ отъ трудовъ и удобствъ общественной жизни

⁵⁾ Чет.-Мин., 1 сент., л. 3 об. ⁶⁾ Такъ раскаялся у св. Симеона въ своихъ грѣхахъ разбойникъ Іонаанъ — антиохіецъ, наводившій своими разбоями страхъ и ужасъ на всѣхъ жителей того мѣста. По замѣчанію житія, Іонаанъ 7 дней жилъ при столпѣ, молясь Богу и исповѣдаясь въ своихъ грѣхахъ съ великимъ плачемъ, такъ что и другихъ привелъ въ умиленіе (1 сент.). ⁷⁾ 1 Царств. XIX, 20.

и сравниваютъ подвиги св. столпниковъ съ самоистязаніями индійскихъ факировъ ⁸⁾).

Причина такихъ отзывовъ заключается въ незнаніи истиннаго значенія христіанскаго подвижничества, которое есть совершенное и рѣшительное устремленіе духа, руководимаго благодатію Божіею, къ Богу и міру духовному, съ отчужденіемъ отъ всего міра земного. Дѣятельность этихъ искателей высшаго христіанскаго совершенства состоитъ въ искорененіи въ себѣ всѣхъ остатковъ грѣха, въ молитвѣ, объемлющей весь міръ любовію и въ ходатайствѣ за спасеніе всѣхъ людей.

Сравненіе св. столпниковъ съ факирами неосновательно. Если и есть между ними сходство, то оно только внѣшнее. Факиры — нищенствующіе дервиши на востокѣ (въ Индіи), которые налагаютъ на себя всевозможныя истязанія. Одни изъ нихъ безъ движеній остаются на одномъ мѣстѣ долгое время, иногда нѣсколько лѣтъ. Другіе сидятъ неподвижно на корточкахъ. Иные лежатъ на землѣ и походятъ на трупы, закапываютъ себя по шею въ землю и въ такомъ положеніи остаются въ продолженіи цѣлаго праздника, ярмарки или даже въ теченіе мѣсяцевъ и лѣтъ. Затѣмъ, факиры держатъ одну руку вверхъ, какъ-бы для молитвы. Также можно видѣть факира, привѣшеннаго за ноги къ дереву, который въ этомъ положеніи остается цѣлый день, перебирая четки, причемъ лицо его не измѣняется, и разговоръ свободенъ и пр. и пр. Подобныя самоистязанія факировъ вытекаютъ изъ того общаго воззрѣнія индійцевъ, что жизнь есть бѣдствіе, полна горести, страданія. Жить и страдать — для индійца понятія тождественныя. Жизнь есть печальная драма, въ которой совершаетъ игру свою Вѣчный; она сама въ себѣ есть источникъ зла и мученій. Міръ только мечта. Все тщетно, все ничтожно въ этомъ круговоротѣ бытія. Дни смертнаго исчезаютъ, какъ дрожащая капля воды на лотосовомъ листѣ, какъ влага,

⁸⁾ Фарраръ.

изсушаемая солнечнымъ жаромъ. „Я, ты, весь міръ и все въ міръ будетъ поглощено всесокрушающимъ временемъ“. Глубоко скорбную пѣснь влагаетъ Магабарата въ уста брамина, постигнутаго несчастіемъ. „Жизнь есть только страданіе; кто живетъ, тотъ не можетъ не страдать“. Такова мысль о жизни, проникающая собою все міровоззрѣніе индійца. Въ этихъ жалобахъ на жизнь высказывается не просто скорбное чувство, вызываемое ея скоротечностью, а убѣжденіе во внутреннемъ ничтожествѣ жизни, т. е. въ томъ, что жизнь, по самому своему существу, ничтожна. что бытіе само въ себѣ есть уже несовершенство, зло. Вотъ почему мудрый смотритъ на міръ, какъ на зрѣлище фокусника, видитъ въ немъ обольщеніе ⁹⁾. Отсюда и становятся понятными всѣ самоистязанія индійскихъ факировъ. Напротивъ, въ христіанствѣ человѣкъ не представляется существомъ, каждый шагъ котораго есть страданіе, плѣнникомъ, которому нѣтъ никакой надежды на спасеніе, а существомъ, властно отражающимъ всѣ препоны и препятствія на пути къ совершенству; зная, что настоящая жизнь есть суета, а вѣчность есть покой и блаженство безъ мѣры и безъ конца, человѣкъ—христіанинъ путемъ непрерывныхъ и напряженныхъ усилій защищаетъ свою благородную природу отъ нападений низшей, не боится смерти и скорбей, такъ какъ во Христѣ смерть и скорбь побѣждены. Съ такими именно взглядами на жизнь св. столпники и выступали на подвигъ умерщвленія грѣха.

Говорятъ, что подвигъ „столпничества“ несообразенъ съ природою человѣка. Несообразность можетъ представляться или потому, что невѣрно смотрятъ на природу человѣка, т. е. или слишкомъ низко или слишкомъ высоко или потому, что о „столпничествѣ“ судятъ по своимъ силамъ.

Смотрятъ на природу человѣка очень низко, потому что человѣка представляютъ чисто животнымъ. Жить сообразно съ природою человѣка, по такому взгляду, зна-

⁹⁾ Епископъ Хрисанфъ. Религіи древняго мира, I, СПб. 1873 г., стр. 249.

читать тоже, что слѣдовать естественному стремленію и требованію природы. Но человѣкъ тогда то и живетъ противоестественно, дѣлается изъ человѣка животнымъ, когда слѣпо повинуется влеченію животной природы. Главную часть существа человѣка, отличающую его отъ животныхъ и дѣлающую его человѣкомъ, составляетъ разумъ, который по самой природѣ и своему назначенію долженъ господствовать въ человѣкѣ. Поэтому, тогда только человѣкъ и живетъ сообразно съ своею природою, когда его разумъ, подчиняя духу плоть, свободно дѣйствуетъ въ исполненіи законовъ, указанныхъ священнымъ писаніемъ. Этого и достигали св. столпники, умерщвляя свою плоть на столпахъ.

Смотря на природу человѣка слишкомъ высоко, такъ какъ представляютъ его не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, то каковъ по идеѣ и какимъ онъ дѣйствительно былъ до паденія, когда духовная природа и плотская, составляя самую тѣсную связь между собою, дѣйствовали гармонически. Тогда для достиженія высшей святости требовалось только послушаніе волѣ Божіей. Теперь, когда дѣйствіемъ грѣха обѣ природы въ человѣкѣ разстроились гармонія въ нихъ нарушена, когда плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть ¹⁰⁾, теперь умерщвленіе плоти необходимо для жизни духа, теперь, по словамъ Іисуса Христа, „Царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ е“, надобно восходить туда тѣснымъ путемъ, и тѣ, которые идутъ широкимъ путемъ, неминуемо влекутся въ пагубу. Кто хочетъ достигнуть святости, тотъ естественно долженъ нести крестъ самоотверженія, распинанія плоти съ ея страстями и похотями. При такомъ взглядѣ на человѣческую природу „столпничество“ не должно представляться неестественнымъ.

„Столпничество“ представляется несообразнымъ съ человѣческою природою потому, что о немъ судятъ по своимъ силамъ. Но тѣ, которымъ „столпничество“ представляется превышающимъ человѣческія силы, можетъ быть

¹⁰⁾ Гал. V, 17.

еще не испытывали своихъ собственныхъ силъ, не вступали никогда ни въ какой подвигъ, а потому и не знаютъ своихъ силъ. Самое обыкновенное дѣло кажется намъ труднымъ, а иногда невозможнымъ, пока мы только смотримъ на него, но когда приступимъ къ исполненію его, то дѣло становится легкимъ и удобоисполнимымъ. Мы не въ состояніи опредѣлить силъ нашего духа, но знаемъ, что онѣ велики или малы, и отъ постояннаго упражненія могутъ увеличиваться и развиваться до безконечности. „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“, говоритъ св. апостоль Павелъ. Дѣйствительно, человѣкъ, при помощи благодати Божіей, все можетъ сдѣлать изъ себя, можетъ стать выше своей природы. Нельзя судить о силахъ другихъ по своимъ силамъ. То, что для одного кажется невозможнымъ, удобноисполнимо для другого. Тяжесть, которая непосильна младенцу, легко поднимается взрослымъ; но изъ того, что извѣстная тяжесть непосильна младенцу и, слѣдовательно, несообразна съ его природою, не слѣдуетъ заключать, что эта тяжесть превышаетъ вообще силы человѣка. Между тѣмъ, именно такъ разсуждаютъ тѣ, которые „столпничество“ считаютъ неестественнымъ и несообразнымъ съ человѣческою природою только потому, что этотъ подвигъ чрезвычайно труденъ и для многихъ невозможенъ. Называютъ столпнической аскетизмъ медленнымъ убійствомъ. Это не вѣрно. Св. столпники не возлагали на себя непосильнаго съ своею природою, такъ что непомѣрные подвиги ихъ на столпахъ не только не сокращали жизни св. столпниковъ, но, казалось, еще продолжали ее; они, при всѣхъ изнуреніяхъ своей плоти, достигали глубокой старости: св. Симеонъ I жилъ 103 г., стоялъ на столпѣ 80 лѣтъ; св. Даниилъ—83, стоялъ на столпѣ 33 года; св. Алипій Адрианопольскій—117 лѣтъ, стоялъ на столпѣ 53 г.; св. Симеонъ Дивногорецъ — 85 лѣтъ, стоялъ на столпѣ около 70 лѣтъ; св. Θεодосій стоялъ на столпѣ 50 лѣтъ; св. Лука новый столпникъ стоялъ 45 лѣтъ. Въ чемъ — тайна ихъ долголѣтія, какія причины его? въ благочестіи, которое весьма много способствуетъ благосостоянію самаго

здоровья. Вѣдь, благочестіе главнымъ образомъ состоитъ изъ чистаго сыновняго страха къ Богу и изъ сыновней любви къ Нему. Этотъ чистый страхъ, или трепетное благоговѣніе составляетъ какъ бы духовную прохладу, а любовь — горячесть духа. Изъ соединенія и взаимнаго сра-
творенія ихъ образуется какъ бы благораствореніе воз-
духа внутренней жизни человѣка, благотворное для души и здоровья тѣла, подобное весеннему времени во внѣшней природѣ, чуждому и большаго холода и сильнаго жара. Такое настроеніе, или состояніе души, въ существѣ и основаніи своемъ уже молитвенное, даетъ правильное біеніе сердцу и такое же теченіе самой крови человѣка, которая подъ этимъ благотворнымъ вліяніемъ духа, очищается, живится и разливаетъ здоровье во всемъ тѣлесномъ составѣ человѣка. А главное — благочестіе привлекаетъ Божію благодать, укрѣпляющую и немощная врачующую. Это одна причина долговѣчности св. столпниковъ. Другая — заключается въ слѣдующемъ: жизнь ихъ была проста и сурова. Строгіе постники, они отказываются отъ всякихъ и раздражающихъ явствъ и питій, какова, напр., мясо, вино, а употребляютъ пищу растительную и воду. Далѣе, жизнь свою св. столпники проводятъ въ дѣятельности, предпринимаемая самые разнообразныя подвижническіе труды, особенно въ началѣ, когда проходили разные виды послушанія. Это сообщало тѣлу ихъ крѣпость — условіе долговѣчности.

Потомъ, св. столпники обрекаютъ себя на всевозможныя лишенія и нужды, не щадятъ себя, не берегутъ своего тѣла отъ разныхъ непріятныхъ и вредныхъ вліяній, ощущеній, напр. сильнаго холода и жара, голода и жажды, и тѣло ихъ привыкало ко всему этому, закалялось, такъ сказать, и могло выдерживать несравненно болѣе, чѣмъ тѣло людей изнѣженныхъ; самое цѣломудріе св. столпниковъ могло служить источникомъ укрѣпленія и жизненности для ихъ тѣла, истощаемаго постомъ и тяжкими подвигами. А если бы даже такіе великіе подвиги и дѣйствительно сокращали жизнь св. столпниковъ, то и тогда какое бы

мы имѣли право называть это убійствомъ? въ угожденіе ли прихотямъ людей, по волѣ ли своихъ страстей св. столпники умерщвляли свою плоть? нѣтъ. Они дѣлали это для искорененія своихъ страстей, для очищенія и возвышенія своего духа, для того, чтобы достойно приготовить безсмертное свое существо къ вѣчному соединенію съ Богомъ, привести его къ берегу и краю желаній.

Наконецъ, говорятъ, что „столпничество“ противно духу вѣры Христовой, оно не заповѣдуется св. Писаніемъ. Но для того, кто знакомъ съ ученіемъ христіанскимъ, „столпничество“ не покажется противнымъ его духу. Ученіе христіанское требуетъ отъ христіанина подвиговъ самоотверженія¹¹⁾, а отличительнымъ признакомъ истинныхъ христіанъ служить именно умерщвленіе плоти. Но какъ именно распинать плоть свою и совлекаться ветхаго человѣка—это предоставляется свободѣ и благоразумію cadaго. Законъ Христовъ, опредѣляя отношенія человѣка къ Богу и ближнимъ, многое предоставляетъ свободѣ христіанина. „Кійждо своею мыслію да извѣствуется“,—вотъ правило, какимъ христіанинъ долженъ руководиться въ принаровленіи общихъ евангельскихъ законовъ къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ своей жизни, а слѣдовательно, и въ способѣ умерщвленія своей плоти. Поэтому, неосновательно искать въ ученіи вѣры христіанской ясныхъ предписаній о „столпничествѣ“ и, не находя ихъ, признавать его несогласнымъ съ духомъ вѣры. „Столпничество“—это своего рода совокупность добровольныхъ обѣтовъ служащихъ давшимъ ихъ важнымъ пособіемъ къ духовному совершенству, расширяющихъ и возвышающихъ поприще духовнаго усовершенствованія, такъ какъ они (обѣты) побуждали св. столпниковъ приносить Богу въ даръ то, что могло-бы быть и не принесено и требовали уже отъ нихъ большихъ и постоянныхъ усилій въ совершеніи добродѣтелей и подвиговъ, съ одной стороны, предостерегая ихъ отъ совращенія съ пути богоугожденія, а съ другой — сообщая чистоту сердцу. Это возводитъ

¹¹⁾ Мѡ. X. 28; Мр. VIII, 34, 38; Римл. XIV, 5; 1 Кор. IX, 27, XI, 1; 2 Кор. IV, 16; Гал. V. 24; VI, 14; Ефес. IV, 16. 22.

„столпничество“ на почву законности и сообразности съ ученіемъ Христовымъ, которое, правда прямыхъ указаній на обѣты не даетъ, а дѣлаетъ, такъ сказать, благочестивыя предложенія, напр. нестяжанія ¹²⁾, дѣвства ¹³⁾ и съ апостольскимъ, которое основныя правила, необходимыя къ исполненію, называетъ повелѣніями, а руководственныя указанія свободныхъ и особенныхъ подвиговъ благочестія именуетъ совѣтами ¹⁴⁾. Вообще же надо сказать, что о многомъ, относящемся къ существу вѣры и жизни христіанской, не сказано прямо и подробно въ словѣ Божіемъ, какъ объ этомъ не разъ замѣчается въ св. Писаніи ¹⁵⁾.

Г Л А В А IX.

Посланіе св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу, какъ свидѣтельство нравственнаго общенія этихъ двухъ подвижниковъ.

Св. столпники не представляли изъ себя какихъ-либо замкнутыхъ аскетовъ, всецѣло занятыхъ самими собой и не имѣвшихъ ничего общаго съ другими. Отчасти мы уже познакомились объ ихъ общеніи съ ближними, а теперь коснемся вопроса о руководительствѣ въ духовной жизни, которымъ св. столпники весьма дорожили и о томъ нравственномъ общеніи, въ какомъ они находились съ другими подвижниками. Руководителями ихъ, во-первыхъ, былъ Самъ Господь, дававшій наставленія, напр., св. Дивногорцу о сораспятіи Ему, во вторыхъ, игумены монастырей, гдѣ св. столпники начинали свою подвижническую жизнь и, въ третьихъ, лица, посылаемая Богомъ, разъяснявшія св. столпникамъ смыслъ благодатной жизни. Въ этомъ увѣряетъ насъ посланіе св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу. Оно имѣетъ то еще значеніе, что въ отрывкахъ

¹²⁾ Иночества, нестяжанія, дѣвства, непрерывнаго умерщвленія плоти путемъ „столпостоянія“, созерцанія, затворничества, молчальничества и пр. и пр. Мѣ. XIX. 21.

¹³⁾ XIX, 12. ¹⁴⁾ 1 Кор. VII. 25. 34. 38. 40; 2 Кор. VIII, 8.10; 1 Солун. IV, 2.

¹⁵⁾ Иоанн. XXI, 25; 2 Иоанн. 12 ст., 3 Иоанн. 13 ст., 2 Солун. II, 15.

сохраняетъ въ себѣ тѣ вопросы жизни, какими занимался св. столпникъ-созерцатель. Посланія св. столпника къ преп. Исааку Сирину не сохранились, и потому посланіе Исааково весьма драгоцѣнно. Можетъ быть и другіе св. столпники находились въ перепискѣ съ опытными подвижниками, но объ этомъ въ житіяхъ ихъ не упоминается, и потому намъ остается довольствоваться только однимъ посланіемъ св. Исаака Сирина къ св. Симеону столпнику съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ аскетическимъ міровоззрѣніемъ св. столпника Симеона, вѣроятно, раздѣляемымъ и другими св. столпниками ¹⁾. Вотъ его изложеніе ²⁾. Получивъ посланіе отъ св. столпника, св. Исаакъ Сиринъ пишетъ отвѣтное посланіе, въ которомъ прежде всего поражается тою любовью, какую оказываетъ св. столпникъ къ нему и тѣмъ предупредительнымъ вниманіемъ, какое св. столпникъ являетъ св. Исааку, надѣявшемуся учиться истинѣ отъ него. Считая себя недостойнымъ учить великаго св. столпника, но руководясь желаніемъ его и вѣря тому, что вопросами духовными св. столпника онъ возбудитъ отъ нерадѣнія свою душу, св. Исаакъ исполняетъ просьбу св. столпника, котораго предварительно приглашаетъ молиться Богу, чтобы Онъ открылъ св. Симеону чрезъ посланіе св. Исаака, какъ искреннему Своему слугѣ то, чего онъ проситъ. Послѣ этого введенія св. Исаакъ Сиринъ приступаетъ къ рѣшенію вопросовъ, предложенныхъ св. Симеономъ столпникомъ. Св. столпникъ въ своемъ посланіи задавалъ такой вопросъ: „слѣдуетъ-ли исполнять всѣ заповѣди Божіи и нѣтъ-ли способа въ спасеніи не сохраняющему ихъ“? Изъ этого вопроса видно, чѣмъ св. столпникъ въ своей безмолвной созерцательной жизни занимался. Его тяготила, можно думать, такая мысль—слѣдуетъ-ли всѣ исполнять заповѣди Божіи,—нельзя ли обойтись храненіемъ только нѣкоторыхъ главныхъ. Можно думать, что подобный вопросъ предло-

¹⁾ Такъ какъ посланіе св. Исаака Сирина адресовано къ св. Симеону столпнику, то и изложеніе его содержанія и выясненіе значенія его представляется удобнымъ представить отдѣльно. ²⁾ При изложеніи посланія мы пользовались московскимъ изданіемъ твореній св. Исаака Сирина 1859 г. (сл. 55, стр. 273).

женъ былъ св. столпнику кѣмъ-либо изъ приходящихъ къ нему, и онъ, не считая себя компетентнымъ въ рѣшеніи такого вопроса, самъ обратился за разрѣшеніемъ его къ св. Исааку Сирину. Можетъ быть онъ былъ слѣдствіемъ долгихъ размышленій св. столпника о томъ, какъ спасутся всѣ тѣ люди, которыхъ любитъ Богъ, но которые не исполняютъ заповѣдей Божіихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни возникла подобная мысль у св. Симеона, раскрытіе которой нуждалось въ компетенціи другого лица, она была достояніемъ подвижника, и мы на основаніи ея имѣемъ право судить о томъ, какія стороны нравственной жизни занимали умъ св. подвижника. Кромѣ вопроса о томъ—необходимо-ли исполнять всѣ заповѣди Божіи, св. столпника смущала мысль—о способѣ спасенія безъ сохраненія заповѣдей, по всей вѣроятности возникшая у него подъ вліяніемъ бесѣдъ съ приходящими къ нему, среди которыхъ, были люди разнаго свойства въ религіозномъ отношеніи. Конечно, св. Симеонъ самъ былъ далекъ отъ этой мысли, онъ не могъ такъ думать, потому что, какъ великій отшельникъ, старался всю жизнь исполнять заповѣди Божіи. Вѣроятнѣе, это былъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ, возникшій, можетъ быть, среди мірянъ, посѣщавшихъ его, рѣшеніемъ котораго занимался самъ св. столпникъ, а для большей убѣдительности неправильности такого сужденія письменно спросившій мнѣнія св. Исаака Сирина; наконецъ, подобныя мысли могли волновать кого-нибудь изъ братіи монастырской, который нуждался въ совѣтѣ и указаніи, не своего монаха, можетъ быть презираемаго ³⁾, а другого, не заинтересованнаго вопросомъ, лица, какимъ въ данномъ случаѣ и является св. Исаакъ Сиринъ. Словомъ, предложенный св. столпникомъ св. Исааку Сирину вопросъ о спасеніи безъ соблюденія заповѣдей Божіихъ обличаетъ въ св. столпникѣ мудрую, духовную наблюдательность.

Какъ же св. Исаакъ Сиринъ рѣшаетъ предложенный ему св. Симеономъ вопросъ о спасеніи? прежде всего, по

³⁾ Св. Симеонъ Дивногорецъ дѣйствительно былъ унижаемъ братією, о чемъ мы раньше замѣчали.

его мнѣнію, и спрашивать объ этомъ никому не слѣдуетъ ⁴⁾. Хотя и много есть заповѣдей Божіихъ, но онѣ всѣ должны быть исполняемы, такъ какъ Господь лишняго бремени никогда бы не возложилъ на человѣка. Божіи заповѣди, по словамъ св. Исаака Сирина, это не что иное, какъ врачевныя средства, данныя человѣку Богомъ къ уврачеванію его грѣшной души; причемъ, средствами этими пользоваться должно не изъ за страха, а изъ любви. Необходимость исполненія всѣхъ заповѣдей непремѣнно подтверждается словами Спасителя: „разоряй едину заповѣдей сихъ малыхъ и учай тако человѣки, мнѣ наречется въ царствіи небеснѣмъ“ ⁵⁾. Очищеніе души только и можетъ совершаться путемъ исполненія всѣхъ заповѣдей и не слѣдуетъ мыслить такъ, что Богъ можетъ и безъ соблюденія заповѣдей Его чрезъ благодать Свою даровать очищеніе души, „зане сія судьбы суть Господня и не заповѣдаетъ церкви таковая просити намъ“. Бываетъ, что иные усерднымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ достигаютъ душевной чистоты, а нѣкоторые сподобляются этого даромъ благодати, но послѣдняго не слѣдуетъ просить у Бога въ молитвѣ, оставивъ исполненіе заповѣдей. На вопросъ богатаго юноши о спасеніи Господь отвѣтилъ—„сохрани заповѣди“ ⁶⁾ и частнѣйшимъ указаніемъ ихъ „научилъ его естественнымъ заповѣдемъ“ и удовлетворилъ, потомъ, его болѣе высшимъ запросамъ духа, предложивъ продать свое имѣніе и раздать деньги нищимъ, взять крестъ и слѣдовать за Нимъ ⁷⁾. Этотъ совѣтъ Господа, по мнѣнію св. Исаака Сирина, означаетъ—надобно уйти изъ ветхаго міра страстей и стремиться войти въ новый, благодатный міръ, сдѣлаться мертвымъ для всего земного, страстнаго. Только тогда, когда человѣкъ совлечется похотей, онъ можетъ обновиться, а тѣ же, которые плотская мудрствуютъ, угодити Богу мудрованіемъ духа, не могутъ ⁸⁾. Поэтому, св. Исаакъ Сиринъ и совѣтуетъ далѣе св. Симеону столпнику: если ты,

⁴⁾ Значить, вопросъ былъ предложенъ св. Симеону, и онъ не хотѣлъ оставить безъ духовнаго назиданія вопрошавшаго. ⁵⁾ Мѣ. V, 19. ⁶⁾ Мѣ. XIX, 17—21.

⁷⁾ Мр. X, 21. ⁸⁾ Римл. XIII, 7—8.

говорить онъ, любишь чистоту сердца и мудрованіе духовное, о чемъ ты мнѣ пишешь, то прилѣпись къ заповѣдямъ Бога, любовь Котораго предложила ихъ, исполняя заповѣди не изъ за страха за неисполненіе или изъ за награды за исполненіе ихъ, потому что мы не тогда извѣдываемъ всю сладость, когда дѣлаемъ правду, но тогда, когда „вожде-лѣніе правды снѣдаетъ сердце наше“, и не тогда мы бываемъ грѣшниками, когда грѣхъ содѣваемъ, но тогда, когда его мы не возненавидимъ и не станемъ въ немъ раская-ваться. Тѣ, которые заповѣдей Божіихъ не сохранили и не слѣдовали апостольскимъ путемъ, святыми быть названы не могутъ ⁹⁾).

Затѣмъ, св. Симеона интересовало то, почему св. Василий Великій иногда хвалить общежитіе, иногда же пустыничество?

Св. Исаакъ Сиринъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: духовная польза пріобрѣтается двумя способами, смотря по силамъ и намѣреніямъ человѣка. Сильнымъ лю-дямъ иногда бываетъ полезно жить въ общежитіи, а сла-бымъ иногда полезно жить въ пустынѣ. Достигшему же нравственнаго совершенства и окончательно умершему для міра и общества, пребываніе среди нихъ оказывается вред-нымъ, ибо онъ призывается къ уединенію какъ бы Самимъ Богомъ. Немощному же и нуждающемуся въ укрѣпленіи себя на пути исполненія заповѣдей Божіихъ полезнѣе жить въ общежитіи, „дондеже обучится, и утомится, и заушенъ будетъ искушеніи, и падеть, и возстанетъ между множай-шими и стяжетъ здравіе души“. Какъ младенецъ не мо-жетъ быть воспитанъ безъ молока, такъ и монахъ не мо-жетъ быть имъ (т. е. монахомъ), не будучи вскормленъ „млекомъ“ заповѣдей Божіихъ для того, чтобы побѣждать страсти, достигать чистоты. Такъ, пустыня иногда немощ-нымъ и бѣгающимъ общества бываетъ полезна въ нрав-ственномъ отношеніи, а иногда оказывается благотворною для сильныхъ. Первымъ—въ виду того, чтобы они при

⁹⁾ Стр. 273—277.

благопріятныхъ условіяхъ не увеличили-бы страсти. Вторымъ, т. е. сильнымъ, при отсутствіи земного можно свободнѣе въ пустынѣ бороться съ діаволомъ. Пустыня, по истинѣ, усыпляетъ страсти, какъ пишетъ и св. Симеонъ столпникъ въ своемъ письмѣ, но этого мало, дополняетъ св. Исаакъ Сиринъ; слѣдуетъ не усыпить только страсти, а совершенно ихъ исторгнуть, побѣдить, когда онѣ возстанутъ противъ человѣка, потому что, вѣдь, усыпленные только страсти, могутъ снова пробудиться.

Но не одна пустыня усыпляетъ страсти, а иногда и сами страсти усыпляютъ одна другую; такъ страсть тщеславія отгоняетъ блудную, а блудная, напротивъ, укрощаетъ „славонеистовство“. Но, совѣтуетъ дальше св. Исаакъ Сиринъ, въ пустынѣ надобно обитать не потому, что она усыпляетъ страсти, а потому, что въ ней легче создается внутренній человѣкъ, и она болѣе способствуетъ къ созерцательной жизни¹⁰⁾. Что касается того, что св. Василій Великій и Григорій Богословъ, на которыхъ ссылается св. Дивногорецъ, любили пустыню, восхваляли безмолвіе, достигли тамъ чистоты и сподобились откровеній, то для правильнаго пониманія ихъ взгляда на пустыню, гдѣ можно достигнуть чистоты и сподобиться откровеній, надо имѣть въ виду ихъ приготовленіе въ мірѣ къ пустынной жизни путемъ дѣятельнаго исполненія заповѣдей.

Далѣе, св. Симеона столпника интересовалъ слѣдующій вопросъ. Господь установилъ заповѣдь о милостынѣ, которая уподобляетъ человѣка Отцу небесному, а монахи выше ея ставятъ безмолвіе: какъ примирить это?

Безмолвіе безъ милостыни немыслимо, хотя мы, монахи, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, стараемся насколько возможно удаляться отъ мірскаго мятежа, но не отрекаемся оказывать милость въ случаѣ дѣйствительной надобности, заботимся въ тоже время и о безмолвіи для того, чтобы очиститься отъ душевныхъ возмущеній и приблизиться къ Господу. Необходимо принуждать себя къ тому, чтобы

¹⁰⁾ Стр. 277—279.

воплотить въ себѣ милостивость и не только сохранять внутри себя милосердіе, но и дѣломъ стараться оказывать любовь къ ближнему, такъ какъ какой это будетъ монахъ, который, имѣя пищу и одежду и видя своего ближняго алчущимъ и наготующимъ, не удѣлитъ послѣдному нѣкоторой части изъ того, что имѣеть? или развѣ не оставитъ кто своего затвора ради больного ближняго, нуждающагося въ посѣщеніи и участіи другихъ? но положимъ, подобнаго рода случаи, способствующіе проявить въ отношеніи къ ближнимъ милостивость, будутъ отсутствовать, то надобно хоть въ мысляхъ сохранять духъ такой милостивости. Когда же подобные случаи будутъ представляться монаху, то необходимо послѣдному воспользоваться ими для того, чтобы на дѣлѣ показать ту любовь къ ближнимъ, какую онъ носитъ въ сердцѣ. А безмолвникъ, не желающій упражняться въ дѣлахъ милосердія и мірянинъ, пренебрегающій милостивостью—немилостивцы; надобно всегда приводить себѣ на память милосерднаго Христа и не кичиться ложнымъ безмолвіемъ. Примѣры, приведенные св. столпникомъ въ доказательство несовмѣстимости безмолвія съ милостивостью изъ жизни св. Іоанна Оивайдскаго и св. Арсенія, которые не заботились о недужныхъ и нищихъ въ ущербъ своему безмолвію, св. Исаакъ Сиринъ считаетъ неосновательными: „да не приближиши къ дѣламъ нѣкимъ таковыхъ; аще бо отстоиши отъ всякаго покоя и срѣтенія человѣкъ, яко же бяху сіи, повелѣваетъ ти Господь презирати таковая; аще-ли же отъ онаго совершенства отстоиши. и во трудѣхъ тѣлесныхъ, и бесѣдѣ чловѣчестей еси во всяко время, почто нерадиши о заповѣдѣхъ, яже мѣрѣ твоей подобаетъ сохранить, пребывати извиняся въ жительствѣ велицѣмъ святыхъ, къ нему же не приближился еси“. Какъ бы въ противовѣсъ примѣрамъ, приведеннымъ св. столпникомъ, св. Исаакъ Сиринъ ссылается на примѣръ изъ жизни св. Макарія Великаго, который, посѣтивъ больного брата и, узнавъ, что ему нужно немножечко мягкаго хлѣба, самъ отправился, несмотря на свои 90 лѣтъ. изъ скита въ г. Александрію за мягкимъ

хлѣбомъ для больного, такъ какъ въ монастырѣ по обычаю не было мягкаго хлѣба, а братія питалась сухимъ. Авва же Агаеонъ, великій безмолвникъ, 6 мѣсяцевъ работалъ въ міру за одного больного человѣка. Такимъ образомъ, боящіеся Господа всѣми мѣрами заботятся о томъ, чтобы сохранить и исполнить заповѣди Божіи и, если представляется возможность, то и непріятности терпятъ ради благоденствія ближнихъ. Въ силу того, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, онъ и любовь свою въ отношеніи къ ближнимъ долженъ оказывать двоякимъ образомъ—духовнымъ и тѣлеснымъ; а если невозможно осуществить одинъ способъ милостивости дѣлами, по какимъ либо обстоятельствамъ, то довольно будетъ и того, что такая любовь будетъ храниться въ сердцѣ монаха-безмолвника ¹¹⁾). Примиривъ кажущуюся несовмѣстимость безмолвія съ милостивостью, св. Исаакъ Сиринъ дальнѣйшимъ разсужденіемъ опредѣляетъ значеніе и нравственное достоинство милосердія для безмолвника-монаха, который, ради своего безмолвія, не желая оказывать никакой милостивости, можетъ дойти до презрѣнія людей и впасть въ гордость. Презирающій больного, пишетъ онъ, не увидитъ свѣта, отвращающійся отъ скорбящаго погибнетъ, и тотъ, кто презираетъ вопли злостраждущихъ, накажется. Ничто не въ состояніи избавить монаха отъ гордости и ничто не можетъ споспѣшествовать цѣломудрію особенно во время борьбы съ плотію, какъ посѣщеніе больныхъ и скорбящихъ. Такую дѣятельную любовь монахъ можетъ проявлять, проводя созерцательный образъ жизни; находясь въ безмолвіи, можетъ совершать дѣла милосердія ¹²⁾).

Св. Симеонъ столпникъ въ своемъ посланіи къ св. Исааку Сирину, между прочимъ, разсуждаетъ о томъ, что монахъ, желающій любить Бога, больше всего долженъ заботиться о чистотѣ своей души, и что душа, не побѣдившая страстей, не можетъ имѣть дерзновенія въ молитвѣ.

Св. Исаакъ Сиринъ въ отвѣтномъ посланіи развиваетъ

¹¹⁾ Стр. 279—284. ¹²⁾ Стр. 284—286.

эти мысли св. Симеона и прежде всего между первымъ понятіемъ — о чистотѣ — души — и вторымъ о дерзновеніи въ молитвѣ — находитъ много общаго: изъ перваго вытекаетъ второе и изъ втораго положенія съ необходимостью слѣдуетъ первое. Душа, не побѣдивъ страстей, не можетъ заботиться о чистотѣ, потому что какъ она можетъ достигнуть того, что выше ея, ибо нежеланіе любви есть любовь, а дѣятельное проявленіе любви, предваряющее желаніе, составляетъ любовь. Страсти — это запертая дверь для чистоты и если ее не открыть, то чистотѣ въ душу проникнуть невозможно, а тѣмъ болѣе душѣ недоступно бываетъ тогда дерзновеніе, которое выше чистоты. Что же надобно для того, чтобы открыть дверь для чистоты и дерзновенія? терпѣніе съ принужденіемъ себя къ борьбѣ съ страстями; когда же будутъ побѣждены страсти, тогда душа пріобрѣтаетъ чистоту. Истинная же чистота сообщаетъ уму дерзновеніе во время молитвы. Но во время молитвеннаго созерцанія монаху надо быть очень осторожнымъ и не слѣдуетъ ему въ молитвѣ просить у Бога того или другого, потому что Господь лучше знаетъ, — что необходимо молящемуся. Монахъ достигаетъ совершенства молитвеннаго тогда, когда смиряетъ себя и плачетъ о своихъ согрѣшеніяхъ, молясь мытаревымъ гласомъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ ¹³⁾. Смирненіе, — выражающееся въ сознаніи своего окаянства — верхъ добродѣтели: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите яко раби неключими есмы, яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ“ ¹⁴⁾, да и человѣческая совѣсть говоритъ о томъ, что люди неключимые рабы, нуждающіеся въ высшей, благодатной помощи. Знай же ты, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ св. Симеону, что не дѣла открываютъ дверь души, но сердце сокрушенное и смиреніе души, т. е. тогда откроется дверь для чистоты, когда побѣдишь страсти съ смиреніемъ, а не съ превозношеніемъ. Чистота же сердца и здоровье души составляютъ внутреннее царство въ человѣческой

¹³⁾ Лк. XVIII, 13. ¹⁴⁾ Лк. XVII, 10.

душѣ, такъ какъ кающійся вслѣдствіе здороваго состоянія своей души вступаетъ въ единеніе съ Богомъ, Отцемъ небеснымъ, входитъ въ страну чистаго естества и царствуетъ въ славѣ Отца своего. Вспомнимъ, говоритъ св. Исаакъ, св. апостола Павла, кающагося въ своихъ прегрѣшеніяхъ и смиряющаго себя; онъ свидѣтельствуется, что Христосъ „прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Но сего ради помилова мя, да во мнѣ прежде покажетъ все свое долготерпѣніе“ ¹⁵). Сначала онъ былъ гонителемъ и хульникомъ, но помилованъ Богомъ, потому что грѣхъ творилъ въ невѣдѣніи. Приведенныя же слова онъ произнесъ тогда, когда искусился уже въ великихъ подвигахъ, послѣ проповѣдническихъ трудовъ, соединенныхъ съ большими скорбями и искушеніями. Будучи уже великимъ проповѣдникомъ, онъ всетаки воспоминаетъ свои прежніе грѣхи, не смѣетъ называть себя ученикомъ Христовымъ, какъ бывшій Его гонитель; побѣдившій страсти, онъ говоритъ: „умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду“ ¹⁶). Вотъ примѣръ для подражанія. Св. апостолъ Павелъ не просилъ у Господа царствія души, но говорилъ: „молилъ быхъ ся анаѡема быти отъ Христа“ ¹⁷). Какъ же мы, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ, осмѣлимся просить у Бога царствія душѣ, не соблюдая еще заповѣдей, не побѣдивъ страсти, не отдавъ долга? и далѣе, умоляетъ св. Симеона столпника о томъ, чтобы подобныя мысли не волновали его душу, а совѣтуетъ укрѣпляться въ терпѣніи, въ перенесеніи скорбей и въ смиренномъ чувствѣ покаянія и сердечнаго сокрушенія о „сущихъ въ себѣ страстяхъ“ и немощахъ, просить прощенія у Бога грѣховъ и смиренія духа“ ¹⁸). Одинъ изъ святыхъ отцовъ говорилъ: кто не считаетъ себя грѣшникомъ, того молитва Господу непріятна, —необходимо покаяніе за отложеніе гордости для стяжанія смиренія ¹⁹).

Потомъ, св. Симеонъ столпникъ писалъ св. Исааку Сирину, что его душа стремится возлюбить Бога, но что

¹⁵) Тим. 1, 15, 16. ¹⁶) 1 Кор. IX, 27. ¹⁷) Римл. IX, 3. ¹⁸) Стр. 286—289.

¹⁹) Стр. 290.

онъ не достигъ еще совершенной любви, хотя имѣетъ сильное къ ней влеченіе, что пустынножительство пріятно ему, что въ сердцѣ своемъ онъ ощущаетъ какую-то чистоту, и что памятованіе о Богѣ „разгрѣвается и разжигается“ въ немъ.

Порадовавшись такому духовно-нравственному усовершенствованію св. столпника, св. Исаакъ Сиринъ предостерегаетъ, однако, его отъ того, чтобы онъ не впалъ въ прелесть: „ты не одинъ говоришь, что хочешь любить Бога, но и каждый говоритъ тоже самое, и не только христіане, но и неправо чтущіи Бога; но большинство высказываетъ такое желаніе только языкомъ, а въ душѣ нисколько не ощущается этой любви. Находясь, такимъ образомъ, въ нравственномъ ослѣпленіи, подобные люди думаютъ, что они нравственно здоровы, а не замѣчаютъ того, что сами находятся въ грѣхѣ, и будучи прославляемы за свои мнимыя показныя добродѣтели, впадаютъ въ прелесть“. Опредѣливъ „прелесть“, св. Исаакъ указываетъ далѣе врачество отъ нея, а именно—дѣятельное исполненіе въ смиреніи всѣхъ заповѣдей Божіихъ для очищенія души отъ страсти. Вѣдь, если „страстная часть“ души не исцѣлится, не обновится и не освятится, то душа „не стяжетъ здравія“ и не въ состояніи совершенно освободиться отъ того, что можетъ влечь ее къ грѣху. Здравіе душъ сообщаетъ благодать Божія подобно тому, какъ она низошла на св. апостоловъ. Иногда же дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей воспріимается благодать Божія, обновляющая умъ и освящающая сердце. Когда же умъ обновится, тогда всѣ мысли въ сердцѣ человѣка приходятъ въ движеніе, и прежде всего „движется вожделѣніе божественныхъ“, желаніе общенія съ ангелами и разумѣнія откровеній св. Духа. Тогда духовное разумѣніе наполняетъ все его существо, и онъ начинаетъ созерцать таинства св. Троицы. Если же могла бы „страстная“ душа истинно любить Бога, то, конечно, она уразумѣла бы таинства духовнаго міра, но, такъ какъ ясно, что познаніе тайнъ міра духовнаго при страстяхъ невозможно, то одинъ человѣческій разумъ, одно людское ученіе

безъ благодати Божіей открыть дверь въ высшее вѣдѣніе не могутъ. Если же душа освободится отъ страстей, то умъ человѣка, озаренный свѣсомъ, просвѣтится и тогда „узритъ благая“, и учиться этому не потребуется, спрашивать объ этомъ (духовномъ озареніи) другихъ не придется, потому что созерцательный умъ, если онъ находится въ здоровомъ нравственномъ состояніи, здраво „славу Христову зритъ“, наслаждается самостоятельно, безъ разъяснительныхъ указаній другихъ о высшемъ духовномъ вѣдѣніи, сладостью тайнъ новаго открывшагося для него міра безъ участія его воли, а единственно вслѣдствіе теплоты его вѣры и надежды во Христа, какъ говоритъ св. апостоль Павелъ: „еже бо видимъ, что и уповаемъ; аще ли его же не видимъ, надѣмся, терпѣніемъ ждемъ“²⁰⁾. Поэтому, чтобы сподобиться высшаго созерцанія надобно уповать на милость Божію и пребывать въ уединеніи съ самимъ собою. Умъ, что видитъ, то и воспринимаетъ. Если онъ обращенъ къ міру, то изъ міра же и заимствуетъ образы и подобія, что вызываетъ въ немъ и соотвѣтствующіе имъ помыслы. Помыслы, придя въ движеніе, овладѣваютъ умомъ. А если умъ заключенъ въ самого себя и кромѣ Христа никого и ничего не видитъ, то ясно, что онъ воспринимаетъ все то, что „облагоухаетъ гортань души“, а главное достигаетъ дерзновенія въ молитвѣ. Когда же умъ достигнетъ познанія истины, тогда уже не требуется спрашивать у другихъ о ней, потому что тѣлесное око сначала спрашиваетъ, а потомъ уже видитъ солнце, такъ и око души — оно „зритъ разумъ Духа“ послѣ того, какъ уже испытается въ вѣдѣніи. Такое сравненіе можно приложить и къ видѣніямъ. Они открываются уму, когда будетъ здорова душа. Стремиться же понять существо видѣній, „испытывать“ ихъ.— есть безуміе. Вѣдь, и св. апостоль Павелъ не съ наученіемъ, или въ вещественномъ мѣстѣ получалъ откровенія и слышалъ неизреченные глаголы, но восхищенъ былъ въ страну духовную и видѣлъ тамъ откровенія тайнъ²¹⁾. Для полученія

²⁰⁾ Римл. VIII, 25. ²¹⁾ 3 Кор. XII, 3, 4.

откровеній надобно: исторгнуть изъ своей души страсти, стараться не видѣть человѣческой злобы, чтобы созерцать Бога. Затѣмъ, для того, чтобы сердце наполнялось духовными откровеніями надобно прежде обогатить себя тѣлесными дѣлами: постомъ, бдѣніемъ, послушаніемъ, терпѣніемъ, низложеніемъ помысловъ и пр., умъ направить къ чтенію св. писанія, въ которомъ необходимо поучаться, всегда имѣть предъ собою заповѣди Божіи, бороться съ страстями, непрестанною молитвою и постояннымъ поученіемъ въ свящ. писаніи, стремиться исторгнуть изъ своего сердца всякій образъ и подобіе того, что прежде сильно волновало душу. Направляя умъ къ высшему созерцанію, надо оставить „прошеніе“ о разумѣніи тайнъ духовнаго міра и видѣній, которыхъ словами выразить нѣтъ возможности, но надобно послѣдовать ревностному исполненію заповѣдей Божіихъ и просить у Господа только снисшествія благодати Божіей, какою Богъ вложилъ въ сердца св. апостоловъ, мучениковъ и св. отецъ. Начало, середина и конецъ такой созерцательной жизни — удаленіе отъ всего земного и соединеніе со Христомъ. „Если же желаешь, пишетъ Исаакъ Сиринъ св. столпнику, видѣнія тайнъ, то исполняй заповѣди, а не разумомъ старайся ихъ только постигнуть“. Духовное вѣдѣніе и познаніе тайнъ прежде всего ощущается внутри, а потому и трудиться прежде всего надо на поприщѣ самонаблюденія.

Чистота достигается исполненіемъ Божіихъ заповѣдей, а созерцаніе духовнаго міра путемъ размышленія о домостроительствѣ Господомъ человѣческаго спасенія. Ими обновляется сердце, и человѣкъ путемъ навыка въ нихъ укрѣпляется въ духовномъ созерцаніи, постепенно восходя по лѣствицѣ нравственнаго совершенства на высоту добродѣтелей до тѣхъ поръ, пока не вселится въ него радость духовная, и онъ, будучи вознесенъ къ Богу, увѣнчается славою. Такимъ путемъ человѣкъ доходитъ до созерцанія Бога, но на этомъ пути онъ подвергается искушеніямъ,

борется съ ними, падаетъ и опять возстаётъ и до тѣхъ поръ это продолжается, пока онъ не сподобится видѣнія св. Троицы. Тогда то онъ прилѣпляется ко Христу и съ любовію, безъ страха исполняетъ Его заповѣди. Такимъ образомъ, человѣкъ сподобляется благодати Божіей храненіемъ заповѣдей, „а не якоже премудрость твоя вознепщева, яко дѣло храненія заповѣдей, возбраненіе есть видѣній божественныхъ тайнъ, совершаемыхъ въ безмолвіи“, замѣчаетъ св. Исаакъ Симеону ²³⁾.

Дальше св. Исаакъ Сиринъ предлагаетъ св. столпнику стяжать любовь—этого стража въ жизни, особенно подвижническо-безмолвной. Какъ только монахъ отторгнетъ отъ себя любовь, такъ въ душѣ его уже не будетъ мира, и благодать Божія его оставитъ ²⁴⁾. Необходимо стяжать любовь для того, чтобы ощутить въ себѣ присутствіе Іисуса Христа, а не желать только видѣній ²⁵⁾. Изъ этихъ послѣднихъ замѣчаній св. Исаака Сирина видно, что св. Симеонъ столпникъ особенно желалъ сподобиться видѣній божественныхъ; св. Исаакъ Сиринъ, приводя слова св. столпника,—что „дѣланіе“ заповѣдей препятствуетъ сподобляться видѣній,—осуждаетъ его за подобныя мысли и говоритъ ему, что такими словами онъ порицаетъ любовь къ ближнимъ и, предпочитая любви видѣніе, хочетъ сподобиться того, что „не зрится“. Мы не можемъ видѣть видѣнія, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ, но видѣніе само показываетъ намъ себя въ своемъ мѣстѣ. Подобно тому, какъ ростъ тѣлесный стоитъ въ зависимости отъ естественныхъ причинъ, такъ и возрастаніе духовное увеличивается богомысліемъ и прочими духовными дѣланіями. При дерзостномъ же стремленіи къ духовнымъ видѣніямъ, духовное зрѣніе тотчасъ притупляется, и человѣкъ вмѣсто истинныхъ видѣній созерцаетъ мечтанія и образы. Какъ въ физическомъ мірѣ бываютъ видѣнія истинныя и галлюцинаціи, такъ тоже самое замѣчается и въ мірѣ духовномъ. Галлюцинаціи происходятъ, по Исааку Сирину, именно тогда, когда человѣкъ самъ хочетъ сподобиться видѣнія не во время ²⁶⁾. Если

²³⁾ Стр. 296—298.

²⁴⁾ Стр. 299.

²⁵⁾ Стр. 300.

²⁶⁾ Стр. 301.

душа человѣка не будетъ очищена отъ страстей дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей, то умъ его не можетъ быть истиннымъ созерцателемъ божественныхъ видѣній, а станетъ останавливаться на однихъ только мечтаніяхъ. Истинное видѣніе получается только отъ Христова откровенія. Видѣніе міра духовнаго, гдѣ умъ наслаждается духовно, есть дѣйствіе благодати Божіей. Такое видѣніе—пища для ума, который, подкрѣпляясь впослѣдствіи видѣніями, достигаетъ еще высшихъ видѣній, когда, наконецъ, будетъ введенъ въ страну совершенной любви. Когда же умъ воплотится въ любви, тогда онъ дѣйствіемъ Божіей благодати пріемлетъ духовное высшее видѣніе и бываетъ созерцателемъ великихъ тайнъ. Дарованіе откровеній сообщается двумя способами: благодатію и чистотою. Умъ очищается простою вѣрою, сердце способнымъ становится воспріять откровеніе, какъ было съ св. апостолами въ день Пятидесятницы, когда св. Духъ очистилъ ихъ своимъ снітіемъ на нихъ, умертвивъ въ нихъ ветхаго человѣка и ожививъ въ нихъ новаго, духовнаго. Такъ, и св. апостолъ Павелъ былъ таинственнымъ образомъ обновленъ и сподобился принять откровеніе тайнъ, когда послѣ крещенія исполнился благодати Духа Святаго. Онъ обновился Имъ и духомъ созерцалъ откровенія, наслаждался видѣніями небесными. Но евтихіане, валентіане, маркіониты и пр. еретики мудрствуютъ, что св. апостолъ Павелъ своимъ „хотѣніемъ“ сподобился небеснаго восхожденія. Это — заблужденіе. Св. апостолъ Павелъ восхищенъ былъ „духомъ откровенія“, какъ писалъ онъ въ своемъ посланіи къ коринѣянамъ, среди которыхъ начались партійныя разногласія и описывалъ имъ свое божественное видѣніе со смиреніемъ и многимъ страхомъ, относя его къ другому лицу: „вѣмъ, говоритъ, человѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцать: еще кромѣ тѣла, или въ тѣлѣ, не вѣмъ, Богъ вѣсть: восхищена бывша въ рай и слышавша глаголы, ихже не лѣтъ есть человѣку глаголати“ ²⁷⁾. Восхищеніемъ, такимъ образомъ, а не волею, какъ говорятъ еретики, св. апостолъ достигъ рая. Если бы

²⁷⁾ 2 Кор. XII, 2, 4.

волею своею, то онъ могъ-бы пересказать про все то, что тамъ видѣлъ, а такъ какъ онъ не тѣлесными чувствами воспринималъ откровеніе, то и не могъ съ нимъ подѣлиться съ людьми; онъ только помнилъ, что видѣлъ тамъ, а какъ—этого повѣдать не могъ, потому что „еже внутрь себе во странѣ Духа ошутительнѣ зрѣть, или слышитъ, или ощущаетъ, вѣгда возвращается къ тѣлу, не довлѣетъ исповѣсти ²⁸⁾“. Надобно остерегаться бѣсовскихъ мечтаній, посылаемыхъ для всѣхъ, ищущихъ суетной славы. Въ подтвержденіе этой мысли св. Исаакъ Сиринъ приводитъ нѣсколько примѣровъ: нѣкто Малпатъ, изъ Едеса, посѣтивъ однажды преподобнаго Антонія и, услышавъ его бесѣду о томъ, какъ достигнуть безстрастія и сподобиться откровеній, „разгорячися, якоже огонь“ и, отправившись въ Едесъ, поселился въ небольшой хижинкѣ и началъ вести тяжелую аскетическую жизнь, проводя все время въ молитвѣ, сгорая желаніемъ сподобиться откровеній. Но такъ какъ онъ надѣялся только на свои силы и на свои подвижническіе труды: нестяжательность, постничество и пр., то и упустилъ изъ виду самое главное—смиреніе и сердечное сокрушеніе, что составляетъ непобѣдимое оружіе противъ діавола; забывъ слова Спасителя: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ глаголите, яко раби неключими есмы“ ²⁹⁾, онъ и не замѣтилъ того, какъ попалъ подъ власть діавола. Наконецъ, когда желаніе высокихъ откровеній сильно стало разѣдать сердце неопытнаго славолюбиваго подвижника, діаволъ явился ему въ свѣтломъ видѣ и сказалъ: „я утѣшитель и посланъ къ тебѣ отъ отца, чтобы сподобить тебя видѣнія, котораго ты желаешь ради твоихъ трудовъ и дать тебѣ безстрастіе, освободивъ тебя отъ дальнѣйшихъ подвиговъ, но поклонись только мнѣ за это“. Онъ же, безумный, съ радостію принялъ его предложеніе—поклонился діаволу и тотчасъ же подпалъ подъ власть его, который вмѣсто божественныхъ откровеній, сталъ преслѣдовать его мечтаніями, надругался надъ его безстрастіемъ, и въ концѣ концовъ этотъ обольщенный рабъ сталъ въ первые ряды

²⁸⁾ Стр. 305—306. ²⁹⁾ Лк. XVII, 10.

еретиковъ евхитовъ. Другой—именемъ Асина, составитель духовныхъ пѣснопѣній, тоже изъ Едеса, такъ же, какъ и Малпатъ, сталъ изнурять себя великими подвигами для того, чтобы прославиться. Скоро діаволь прельстилъ его: онъ вывелъ его изъ келіи, возвелъ на высокую гору Сторій, гдѣ показалъ ему множество колесницъ и коней, сказавъ: „Богъ послалъ меня взять тебя въ рай, какъ Илію“. Славолюбецъ согласился; но лишь только онъ хотѣлъ сѣсть въ колесницу, какъ мечтаніе исчезло, и онъ упалъ съ горы на землю и до смерти разбился. Эти примѣры св. Исаакъ Сиринъ привелъ св. Дивногорцу для того, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, побудить остерегаться бѣсовскихъ мечтаній, дабы не впасть въ прелесть. Господь требуетъ отъ чловѣка вѣры и покаянныхъ подвиговъ: сердечнаго сокрушенія, слезъ, покаянія разбойника и т. п. Онъ „туне“ его простилъ и ради его одного слова царство небесное обѣщалъ; отъ блудницы кромѣ вѣры и слезъ, ничего не потребовалъ; а отъ мучениковъ же и исповѣдниковъ при вѣрѣ и исповѣданіи Господь принималъ и скорби—различныя ихъ мученія.

Теперь, заключаетъ свои наставленія св. Исаакъ св. Симеону Дивногорцу, послѣ того, какъ тебѣ стало извѣстнымъ свойство вообще видѣній, разумѣй о первыхъ, т. е. истинныхъ откровеніяхъ, помышляй и о послѣднихъ, т. е. мечтаніяхъ бѣсовскихъ и не желай откровеній не во время, а пока находишься въ тѣлѣ, заботься о покаяніи, борись съ страстями, терпѣливо исполняй заповѣди Божіи и остерегайся наводненій бѣсовскихъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя проповѣдуютъ непреложное совершенство въ мірѣ. Его здѣсь нѣтъ, потому что въ мірѣ часто радость смѣняется горестью, горе—радостью; значитъ, постоянства нѣтъ. Смѣна же чувствъ и обстоятельствъ ясно противорѣчитъ тому, что здѣсь, на землѣ, имѣется совершенство; а такъ какъ его здѣсь нѣтъ, то надобно стремиться къ нему путемъ непрерывнаго добродѣланія при помощи благодати Божіей ³⁰⁾.

Вотъ вкратцѣ изложеніе содержанія посланія св. Исаака

³⁰⁾ Стр. 306—310.

Сирина къ св. Симеону Дивногорцу. Легко замѣтитъ въ посланіи то, что собственно хотѣлъ предложить св. Исаакъ Сиринъ въ качествѣ духовнаго назиданія св. Симеону Дивногорцу. Онъ желалъ подробно раскрыть св. столпнику смыслъ и цѣль подвижнической жизни, т. е. путь богоуподобленія, существеннымъ условіемъ для чего служить, по его ученію, очищеніе сердца, какъ средоточія душевной и духовной жизни человѣка, въ которомъ зачинается и рождается рѣшимость его на такія или на другія дѣла, въ которомъ возникаютъ многоразличныя преднамѣренія и желанія, какъ сѣдалища воли и ея хотѣній ³¹⁾, и всѣхъ познавательныхъ дѣйствій души ³²⁾, какъ средоточія нравственной жизни человѣка ³³⁾. Вотъ почему св. Исаакъ Сиринъ такъ настаиваетъ на приобрѣтеніи чистоты сердца путемъ искорененія изъ него страстей, препятствующихъ человѣку достигнуть конечной цѣли подвижничества и всѣхъ его трудовъ, а именно—богоуподобленія.

Такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго посланія св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу можно уяснить себѣ аскетическое міровоззрѣніе св. столпника и опредѣлить содержаніе его аскетическо-созерцательной жизни. Цѣль, къ которой долженъ стремиться подвижникъ и устремлять все свое вниманіе есть спасеніе, для достиженія котораго имѣются различные способы. Однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ является милостивость, легко совмѣстимая съ безмолвіемъ. Непрерывная усовершенствованность въ дѣлахъ милосердія сообщаетъ подвижнику-безмолвнику навѣкъ къ созерцанію, побуждая его сердце, глубоко проникнутое любовію къ Господу и ближнимъ, естественно находить для себя высокое наслажденіе въ непрестанномолитвенномъ общеніи съ Нимъ для того, чтобы, сколько можно, полнѣе выразить Господу наполняющія душу подвижника чувства удивленія и любви. Молитвенно-созерцательное настроеніе способствуетъ подвижнику быть въ безмолвіи, въ удаленіи отъ всего и отъ всѣхъ, безъ внима-

³¹⁾ Римл. VI, 17; 2. Кор. VII, 3; Фил. I, 7. ³²⁾ 1 Кор. II, 9; Евр. IV, 12.

³³⁾ Лк. VI, 45; Римл. II, 15.

нія ко всему внѣшнему, и безмолвникъ обрѣтаетъ внутри себя царство Божіе, которое есть миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Такое погруженіе внутрь или въ Бога есть умное безмолвіе. Существеннымъ условіемъ его постоянности служитъ чистота души, приобрѣтаемая путемъ исполненія всѣхъ заповѣдей Божіихъ. Въ чувствѣ смиренія св. подвижникъ, считая себя ниже и хуже всѣхъ, вмѣнивъ все въ ничто, упражняясь въ самопознаніи, въ терпѣніи переноситъ всѣ искушенія и терпѣливо совершаетъ духовные подвиги для приобрѣтенія постоянной покаянной настроенности. Всегда осуждая себя и ненавидя свою волю, а поражая себя страхомъ безнадежности, подвижникъ находитъ себя недостойнымъ пощады и всегда смиряетъ себя для того, чтобы не впасть въ прелесть. Этою борьбою подвижникъ приобрѣтаетъ навыкъ къ созерцанію и съ ревностію ищетъ Господа, и тогда Богъ видимо вселяется въ подвижника, соединяется и сообщается съ нимъ. Благодать озаряетъ все существо его, и подвижникъ дѣлается вполне жилищемъ Святаго Духа. Свѣтъ благодати, сіяющій тогда въ немъ такъ озаряетъ все его существо, что онъ, погружаясь, въ этой сладости, находится какъ бы внѣ себя. Душа его стремится тогда выйти изъ тѣла и отойти къ Господу и какъ бы не знать временной этой жизни. Когда же умъ обновится и душа очистится отъ страстей, тогда подвижникъ достигаетъ созерцанія тайнъ святаго Троицы. Познаніе это приобрѣтается не ученіемъ, не различными изслѣдованіями, но оно само приходитъ съ пріятіемъ Св. Духа, который вводитъ духъ подвижника въ тотъ міръ, порядокъ или область созерцанія. Но воспринимая, при помощи Божіей, созерцаніе другого, невидимаго міра и, такимъ образомъ, исходя изъ настоящаго міра, а пребывая въ другомъ своимъ сознаніемъ и сердцемъ, подвижникъ обязанъ слѣдить за собой и долженъ опасаться того, какъ бы не подпасть бѣсовскому мечтанію. Постоянное самонаблюденіе и нестремленіе къ откровеніямъ не во время въ состояніи удержать подвижника на пути къ богоуподобленію—конечной цѣли подвижничеству.

Заключеніе.

Заклучимъ наши блѣдныя очерки общею картиною аскетической жизни св. юродивыхъ и св. столпниковъ. Мы говорили въ введеніи, что „юродство“ и „столпничество“ по своей оригинальности весьма сходны между собою. Сходство между этими двумя подвигами еще болѣе увеличится, если мы примемъ во вниманіе, что какъ св. юродивые были дѣвственниками и большею частію иноками, такъ и св. столпники держались тѣхъ же обѣтовъ. Обѣты вольной нищеты, избраніе тягостнаго и прискорбнаго житія въ цѣляхъ пріобрѣтенія свободы духа и искорененія грѣха, обѣты молчанія ¹⁾, удаленіе изъ міра св. юродивыхъ путемъ пребыванія въ мірѣ, а св. столпниковъ — путемъ заключенія на столпахъ, а главное—умерщвленіе плоти,—вотъ все то, что объединяетъ эти два оригинальныхъ подвига. Далѣе, какъ тѣ, такъ и другіе пріучали себя къ смиренію, пособіемъ къ чему имъ служило созерцаніе и самоиспытаніе—строгое требованіе отъ себя отчета въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, обзорѣніе своей нравственной жизни. Разница въ нихъ только въ томъ, что св. столпники стояли на столпахъ, и міръ шелъ къ нимъ, отъ котораго они бѣжали, а св. юродивые сами шли въ міръ, чтобы служить страждущему человѣчеству. Затѣмъ, въ борьбѣ съ плотскою страстію св. столпники употребляли способъ рѣшительнаго избѣганія женщинъ, а св. юродивые, наоборотъ, имѣли постоянное обращеніе съ женщинами, пріучаясь къ индеферентному безстрастному отношенію. Наконецъ, замѣтимъ, что сходство этихъ двухъ подвиговъ заключается

¹⁾ Св. юродивые, какъ извѣстно, очень мало говорили, а если и приходилось имъ пользоваться даромъ слова, то въ такомъ случаѣ ихъ рѣчь была очень кратка и отрывочна; очевидно, дѣлалось это въ видахъ ненарушенія молчанія.

еще въ непрерывности ихъ. Иные святые измѣняли свои подвиги и налагали на себя и на извѣстное время (на годъ, на нѣсколько мѣсяцевъ) различные обѣты: то молчанія, то затворничества, то сорокадневнаго стоянія на камняхъ и т. п., но обѣты эти не были постоянными, а св. юродивые и св. столпники ²⁾ свои обѣты: „юродства“ и „столпничества“ со всѣми ихъ видами довели до конца, не ослабѣвая и не унывая. Въ достиженіи нравственнаго усовершенствованія св. юродивые и св. столпники дѣйствовали такъ, чтобы всегда простираться въ предняя ³⁾ и дѣятельно усовершенствоваться въ добродѣланіи. Это непрестанное усовершенствованіе въ „юродствѣ“ происходило своеобразнымъ способомъ. Св. юродивые, какъ жившіе въ міру и вращавшіеся среди различныхъ лицъ, не позволяли себѣ того, чтобы изъ ихъ рукъ, такъ сказать, ускользало то, что могло послужить поводомъ къ стяжанію добродѣтели.

Мы видѣли, что они сами напрашивались на оскорбленія и дѣлали такъ, чтобы ихъ били, ругали. На подобныя ихъ дѣйствія надобно смотрѣть съ той точки зрѣнія, что они старались сколько хватало ихъ силъ — не избѣгать всякихъ „противностей“ ⁴⁾ на пути къ добродѣтели, которыя могли служить имъ къ благоуспѣшному шествію по пути добродѣланія. Поэтому, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ смиренію и терпѣнію св. юродивые и не старались избѣгать тѣхъ лицъ, дѣлъ и обстоятельствъ, которыя наиболѣе выводили ихъ изъ терпѣнія, но встрѣчали ихъ охотно, съ добрымъ намѣреніемъ — предать себя непріятному ихъ дѣйствію по отношенію къ себѣ, приготовясь, однако, перенести то съ непоколебимымъ спокойствіемъ духа. Мы не слышимъ ни звука ропота, ни выраженій нетерпѣливости, ни порывовъ гнѣва или мстительности, когда св. юродивыхъ били и увѣчили, а напротивъ, слышимъ изъ устъ ихъ молитву за оскорбившихъ.

Подобные случаи, по ученію св. отцевъ ⁵⁾, поддержи-

²⁾ Св. Кириллъ Туровскій и св. Савва Вишерскій, только временно стояли на столпахъ. ³⁾ Филип. III, 13. ⁴⁾ Невидим. брань, гл. 39, стр. 159. ⁵⁾ Невид. брань, стр. 162—163.

вають въ подвижникѣ непрерывность добродѣланія. укрѣпляютъ его нравственную силу и тѣмъ способствуютъ ему держать себя такъ, какъ должно въ нравственномъ отношеніи.

Св. же столпники нѣсколько иначе упражнялись въ терпѣніи и смиреніи и достигали непрерывности въ нравственномъ усовершенствованіи себя, чѣмъ св. юродивые. Сначала они, какъ видѣли, приучались къ самонаблюденію путемъ затвора, потомъ къ терпѣнію—путемъ той борьбы, какую воздвигали противъ ихъ добрыхъ дѣлъ плоть и діаволъ, затѣмъ, принимали на себя высшіе подвиги аскетическаго распинанія плоти и потомъ уже восходили на столпы.

И св. юродивые, замѣтимъ, тоже не сразу вступали на подвигъ „юродства“, а приготавливались къ нему. Такъ, св. Симеонъ (21 іюля) приготовилъ себя къ „юродству“ пустыннымъ безмолвіемъ и пошелъ въ міръ тогда, когда уже не чувствовалъ нападковъ со стороны низшей чувственной своей природы. Когда же св. юродивые и св. столпники вступали на путь высшаго аскетизма, то они стремились увеличивать внѣшніе подвиги самоумерщвления, присоединяя къ нимъ и внутреннюю борьбу съ помыслами, чтобы путемъ внѣшне-внутренней борьбы съ грѣхомъ достигнуть созерцанія и самосозерцанія; свойство же духовныхъ подвиговъ, по ученію св. Макарія Египетскаго ⁶⁾, таково, что оно способно вызывать алчбу и жажду другихъ, еще труднѣйшихъ: чѣмъ больше подвижникъ упражняется въ подвигахъ самолишенія, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ жажду большихъ и высшихъ подвиговъ. Эту жажду подвиговъ можно удовлетворять только новыми, еще труднѣйшими подвигами. По мѣрѣ удовлетворенія ихъ, жажда подвиговъ еще болѣе возрастаетъ, и требованія ея становятся еще сильнѣе и сильнѣе. Возрастающая сила жажды требуетъ и непрерывно возрастающихъ подвиговъ духовной жизни. Отсюда понятно, почему св. юродивые и св. столп-

⁶⁾ Бес. 10, § 4, стр. 106—107. .

ники увеличивали постепенно подвиги самоумерщвления. Они прекрасно знали, что сколько бы ни усовершеншались и какого-бы они ни достигали совершенства, все-таки они чувствовали, какъ мы говорили раньше, безконечное разстояніе отъ своего высочайшаго образца Бога и потому потребность умерщвлять себя становилась для нихъ очевидною, такъ какъ, гдѣ и когда могли бы они, съ полнымъ сознаниемъ своей справедливости, прекратить свои подвиги.

Въ виду этого св. столпники и св. юродивые постоянно упражнялись (ἀσκήσω, ехерсео — упражняюсь) въ служеніи Богу, въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія самихъ себя путемъ различныхъ духовныхъ подвиговъ въ цѣляхъ развитія нравственной свободы своей личности. Но изнуреніе себя трудными духовными подвигами многимъ представляется сумасброднымъ. Такой взглядъ происходитъ онъ неправильнаго пониманія аскетизма, подъ именемъ котораго разумѣютъ упражненія подвижника или монаха, называемаго аскетомъ, въ дѣлахъ, ведущихъ къ самоумерщвлению плоти. Такое понятіе объ аскетизмѣ и объ аскетѣ слишкомъ односторонне. Подъ именемъ аскета надобно разумѣть всякаго христіанина, употребляющаго тѣ или другія средства въ борьбѣ съ грѣховными влеченіями своей плоти, а подъ именемъ аскетизма — совокупность всѣхъ тѣхъ характеристическихъ средствъ, помощію которыхъ христіанинъ поставляетъ себя на путь добродѣтели. Аскетизмъ и добродѣтель — въ нѣкоторомъ родѣ понятія, совпадающія одно съ другимъ по своему содержанію. У св. отцевъ подъ аскетизмомъ понимается сознательное и цѣлесообразное примѣненіе тѣхъ средствъ, которыя вели къ добродѣтели. Аскетизмъ, значитъ, есть такое упражненіе, которое вело къ достиженію нравственнаго совершенства, къ осуществленію идеала добродѣтели въ дѣйствительной нравственной жизни, а аскетическіе подвиги суть проявленія сильнаго религіознаго чувства, одушевлявшаго подвижниковъ, доказательства замѣчательной, неподражаемой энергіи ихъ религіознаго духа. Эти обстоятельства опускаются изъ виду противниками аскетизма и аскетическихъ подви-

говъ, и потому въ своихъ сужденіяхъ о нихъ писавшіе объ аскетизмѣ впадаютъ въ ошибки.

Познакомимся кратко съ мнѣніями объ аскетизмѣ Стоюнина ⁷⁾, Энгельгардта ⁸⁾, Скабичевского ⁹⁾, Розанова ¹⁰⁾ и проф. Гусева ¹¹⁾. Всѣ они отчасти касались въ своихъ статьяхъ „юродства“ и „столпничества“.

Г. Стоюнинъ говоритъ, что аскетизмъ дѣлаетъ жизнь человѣка слишкомъ печальною: жизнь веселая, довольная, пріятная, представляется какъ помѣха къ христіанскому совершенству; аскетизмъ, по словамъ Энгельгардта, не знаетъ любви и привязанности: „любовь къ человѣчеству, говоритъ онъ, у аскета выражается лишь проповѣдью ненависти къ жизни и міру и въ призывѣ погрузиться въ безстрастіе“. Надо имѣть въ виду слѣдующее: христіанинъ, вѣрующій, что истинная жизнь начинается для него за предѣлами гроба, можетъ не слишкомъ дорожить удовольствіями настоящей жизни.

Далѣе, г. Стоюнинъ говоритъ, что аскетизмъ не практиченъ, такъ какъ даетъ полный просторъ кулачному праву и всякаго рода неустройствамъ въ общественной жизни. Эту мысль Стоюнинъ подтверждаетъ такъ ¹²⁾: „въ вѣкъ насилія русскому человѣку говорятъ: всѣхъ благодари, въ скорбяхъ терпи, ко всѣмъ смиренъ будь: въ вѣкъ неправды онъ слышитъ: плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай, не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй себя грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми; въ обществѣ, гдѣ умъ не научился сдерживать страсти, въ сознаніи своего человѣческаго достоинства, гдѣ не существуетъ уваженія къ личности, онъ слышитъ совѣты: уко-

⁷⁾ Свой взглядъ на аскетизмъ онъ провелъ въ своемъ сочиненіи: „О преподаваніи русской литературы“ стр. 108, 109, Спб. 1898 г. ⁸⁾ „Книжки Недѣли“ 1897 г. I, гл. VI. „Философія русскаго самосознанія“, стр. 268—276. ⁹⁾ „Русская Мысль“ 1900 г. X, XI: „аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи“. Статья эта подвергнута обстоятельной критикѣ въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ 1901 г., кн. III, стр. 481—504. ¹⁰⁾ „Новое Время“ 1897 г. 31 декабря. Разборъ этой статьи, слѣданный Мих. Сменцовскимъ, помѣщенъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1898 г. № 3, стр. 88—95. ¹¹⁾ „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ Спб. 1874. ¹²⁾ Имѣя въ виду древне-русскія аскетическія поученія.

ряемъ будь, а не укоряй, біенъ будь, а не бей, обидимъ будь, а не обижай. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ человѣкъ беззащитно отдается въ жертву насилія, обидъ, оскорбленія, неправды, обмана, безъ всякой попытки оградить свою личность отъ покушеній на нее чужого эгоизма и чужой страсти. Спрашивается—чѣмъ же долженъ сдѣлаться человѣкъ, слѣдующій подобнымъ совѣтамъ въ тогдашнемъ обществѣ? возможно-ли съ такимъ идеаломъ явиться дѣятелемъ? такой человѣкъ сдѣлался бы забитымъ, ничтожнымъ, юродивымъ въ жизни“.

Достаточно припомнить слова Спасителя: блаженіи кротцыи, яко тѣи наслѣдятъ землю, чтобы опровергнуть эти заключенія.

Энгельгардтъ аскетизмъ опредѣляетъ, какъ самоистязаніе духа, какъ стремленіе къ тому, чтобы стать сверхъ-человѣкомъ ¹³⁾, какъ плодъ сомнѣнія, скептицизма, какъ виртуозное искусство, какъ систему поведенія, съ мелочною пунктуальностью, обставленную множествомъ ухищренныхъ правилъ. Аскетизму, по его мнѣнію, учатся, какъ гимнастикѣ и акробатству. Онъ есть порожденіе болѣе закона, нежели благодати. „Прочтите, пишетъ Энгельгардтъ, двѣ, три страницы подвижническаго устава и вы убѣдитесь, что его писала старость, лицо которой всегда печально: не коснись, не взгляни, не помысли — постоянно стучить въ мозгу аскета. Аскетизмъ, потому, не знаетъ любви и привязанности. Любовь къ человѣчеству у аскета выражается лишь проповѣдью ненависти къ жизни и міру и въ призывѣ погрузиться въ безстрастіе. Аскеты прививали обществу одно только внѣшнее самоотверженіе, способность примиряться съ всякимъ строемъ, ограничивать свои потребности до minimum'a, спать на голой землѣ, ходить въ рубищѣ, терпѣть и не роптать, быть одеждой, которая о томъ не размышляетъ, если разорвутъ ее и въ тряпки“ ¹⁴⁾.

Подобный взглядъ на аскетизмъ у г. Энгельгардта

¹³⁾ Это выражается тѣмъ, что аскетъ долженъ достигнуть равнодушія даже къ собственному подвигу. ¹⁴⁾ „Книжки Недѣли“ I, гл. VI, 1897 г. стр. 276.

сложился, вѣроятно подѣ вліяніемъ того, что онъ недостаточно вникнулъ въ духъ аскетическихъ твореній, который можно представлять въ слѣдующемъ видѣ: христіанинъ—причастникъ званія небеснаго ¹⁵⁾, сонаслѣдникъ Христу ¹⁶⁾, жилище св. Духа ¹⁷⁾, чадо Божіе ¹⁸⁾. Званіе это налагаетъ на христіанина великія обязанности, которыя тѣмъ священнѣе, чѣмъ выше права, даруемыя ему его званіемъ. Первая обязанность—подражаніе Богу, какъ Отцу и вторая, любовь къ Нему. Такъ какъ любовь обязываетъ христіанина ходить по заповѣдямъ Божіимъ ¹⁹⁾, то очевидно, что вторая обязанность, сопряженная съ званіемъ христіанина, есть исполненіе Закона Божія. Чтобы быть достойнымъ своего званія онъ естественно долженъ въ точности выполнить обѣ эти обязанности. Но какъ ихъ возможно выполнить? извѣстно, что Богъ — полнота совершенствъ, извѣстно также, что человѣкъ ограниченъ и по своей природѣ, очевидно, не можетъ быть вполнѣ совершеннымъ, но извѣстно и то, что онъ имѣетъ способность подвигами духовной жизни восходить выше и дѣлаться совершеннѣе, становится ближе къ Богу и болѣе ему уподобляется ²⁰⁾. Но такъ какъ онъ на землѣ не въ состояніи достигнуть совершенства, то онъ обязанъ естественно, сколько возможно, приближаться къ совершенству, простираясь въ предняя ²¹⁾. Приближеніе это можетъ достигаться путемъ исполненія заповѣдей, но не механическимъ и притомъ временнымъ исполненіемъ той или другой заповѣди, а непрерывнымъ для того, чтобы пріобрѣсти навѣкъ жить и дѣйствовать согласно съ требованіемъ закона и достигнуть, наконецъ, до того, что жизнь свою поставить въ соотвѣтствіе съ закономъ Божіимъ. Въ силу этого обстоятельства христіанинъ долженъ приневоливать и принуждать себя къ исполненію заповѣдей Божіихъ ²²⁾, соединенному, естественно, съ нѣкоторыми самолишеніями. О томъ, какъ могли зародиться аскетическія идеи въ душѣ подвижника весьма ясно гово-

¹⁵⁾ Евр. III, 1. ¹⁶⁾ Римлян. VIII, 17. ¹⁷⁾ 1 Кор. III, 16. ¹⁸⁾ Ефес. V, 1.
¹⁹⁾ 2 Іоанн. 1, 6. ²⁰⁾ 2 Кор. III, 18. ²¹⁾ Филипп. III, 14. ²²⁾ Твор. св. Мак.
Египетскаго, бес. 19, § 5, 6, стр. 217, 218.

рить св. Василий Великій. Вотъ какъ онъ объясняетъ зарожденіе въ себѣ аскетизма: „много времени, говоритъ онъ, я потратилъ на суету и всю почти юность свою потерялъ въ суетномъ трудѣ, съ какимъ упражнялся въ томъ, чтобы уразумѣть уроки мудрости, обращенной Богомъ въ юродство. Когда же, наконецъ, какъ бы воставъ отъ глубокаго сна, обратилъ взоръ къ чудному свѣту истины евангельской и увидѣлъ бесполезность мудрости князей вѣка сего престающихъ ²³⁾, тогда, проливъ много слезъ о жалкой своей жизни, пожелалъ я, чтобы дано мнѣ было руководство къ первоначальному изученію догматовъ благочестія. Прочитавъ евангеліе, и увидѣвъ тамъ, что дѣйствительнѣйшее средство къ усовершенію — продать свое имущество, подѣлиться имъ съ неимущими братіями и вообще не заботиться о сей жизни, не вдаваться душою ни въ какое пристрастіе къ здѣшнему, пожелалъ я найти какогонибудь брата, избравшаго этотъ путь жизни, чтобы съ нимъ переплыть скоропреходящую волну сей жизни. И подлинно многихъ нашелъ я и въ Александріи и въ пр. мѣстахъ Египта, а иныхъ въ Палестинѣ, въ Килистріи и Месопотаміи; дивился воздержанію ихъ въ пищѣ, дивился терпѣнію въ трудахъ, изумлялся неослабности въ молитвахъ, тому, какъ преодолевали они сонъ, не уступая никакой естественной необходимости, всегда сохраняя въ душѣ высокій и непоработанный образъ мыслей; не имѣя привязанности къ тѣлу, но живя какъ бы въ чужой плоти, они самымъ дѣломъ показали, — что значитъ быть здѣсь пришельцами ²⁴⁾ и что значитъ имѣть житіе на небѣ ²⁵⁾. Подивясь сему и ублаживъ жизнь сихъ мужей, которые на дѣлѣ показываютъ, что носятъ въ тѣлѣ мертвость Іисусову, пожелалъ и самъ я, сколько было мнѣ возможно сдѣлаться подражателемъ оныхъ мужей“ ²⁶⁾. Изъ этихъ словъ видно, что св. Василий Великій видѣлъ въ аскетизмѣ воплощеніе того идеала, который онъ составилъ себѣ о жизни по евангелію, изучая его. Тѣ-же побужденія, которыя руководили св. Василиемъ

²³⁾ 1 Кор. II, 6. ²⁴⁾ Евр. II, 13. ²⁵⁾ Филип. III, 20. ²⁶⁾ Твор. св. Василия Великаго ч. VII, стр. 122—124.

Великимъ въ выборѣ для себя аскетической жизни, по всей вѣроятности, были мотивами и всѣхъ аскетовъ. Картина жизни, проводимой среди дикой, суровой пустыни, среди всевозможныхъ лишеній и трудовъ, представляла слишкомъ рѣзкій контрастъ съ мірскою жизнью и должна была сильно дѣйствовать на воображеніе благочестивыхъ душъ. Затѣмъ въ ученіи аскетовъ нѣтъ пессимистическаго отношенія къ жизни, взятой въ ея принципъ. Если въ ихъ твореніяхъ, напр. св. Іоанна Лѣствичника и др. встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, выражающія какъ бы недовольство земнымъ міромъ и осужденіе его, то они направляются не на самое существованіе міра и его жизнь, но имѣютъ въ виду грѣхъ, живущій въ мірѣ, но отнюдь не самый міръ въ самомъ его бытіи и въ основномъ принципѣ его жизни и развитія. Къ грѣху и злу аскеты относились дѣйствительно съ величайшею строгостью, но ненависти къ міру не проповѣдывали, какъ пишетъ г. Энгельгардтъ.

Г. Скабическій опредѣляетъ аскетизмъ, какъ особенный родъ психической болѣзни, симптомы которой правильною своею періодичностію напоминаютъ запойное пьянство ²⁷⁾. Причинами возникновенія аскетизма г. Скабичевскій считаетъ: недовольство жизнью, угнетенія какого-бы то ни было рода: семейнаго, гражданскаго, экономическаго, пресыщеніе всѣми благами жизни. Аскеты, по его мнѣнію, шли противъ природы, совершенно истощая нервную систему ²⁸⁾. Соображенія г. Скабичевского, попирающія дорогія завѣты вѣры Христовой, подвергнуты разбору въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ (кн. III за 1901 г. стр. 481—504), который мы вкратцѣ и представимъ.

²⁷⁾ „Русск. Мысль“ 1900 г. X. ²⁸⁾ „Аскетическій недугъ въ томъ заключается, пишетъ г. Скабичевскій, что правильная смѣна упражненій и отдыховъ различныхъ нервныхъ системъ пренебрегается: человѣкъ воображаетъ, что онъ способенъ безъ отдыха и перерыва отдаваться однимъ высшимъ духовнымъ стремленіямъ, въ которыхъ видитъ существенную цѣль своей жизни. Въ результатъ такой односторонности и является, вмѣсто разумно-правильной и спокойной смѣны работъ различныхъ нервныхъ системъ, произвольно стихійные и необузданно безумные взрывы то одной, то другой системы, ведущіе къ истощенію и разстройству нервной системы“ („Русск. Мысль“ XI, стр. 33).

Скабичевскій въ доказательство того, что аскетизмъ есть болѣзнь, сопоставляетъ проявленія его съ приступами пьянства у запойныхъ пьяницъ, которые или чувствуютъ отвращеніе къ вину или же непреодолимое влеченіе къ нему, а аскеты періодически переходятъ отъ духовныхъ экстазовъ къ чувственнымъ и наоборотъ. Представленія объ аскетизмѣ у Скабичевского не вѣрны. Аскетизмъ (отъ ἀσκήω—упражняю) предполагаетъ со стороны человѣка самодѣятельность, направленную къ достиженію какой-либо, имъ самимъ намѣченной, цѣли. Аскетизмъ—упражненіе: а всякое упражненіе предполагаетъ волю и сознательное отношеніе къ дѣлу. Между тѣмъ увлеченіе чѣмъ нибудь, а потомъ отрицаніе чего-нибудь вовсе не носитъ характера сознательности, самодѣятельности, а совершается помимо воли человѣка, какъ то само собою. Напр. появленіе внезапно радости, или позывъ къ вину. Человѣкъ въ данномъ случаѣ сознаетъ только присутствіе въ себѣ извѣстнаго настроенія, а образованія его онъ не знаетъ и измѣнить его, пока оно само не пройдетъ, не властенъ.

Напротивъ, аскетъ, если отказывается отъ извѣстныхъ привычекъ и склонностей, то не потому только, что ему почему-то такъ хочется, а потому, что его сознанію предносится иной лучшій міръ, другой порядокъ жизни. Отсюда и дѣйствія его проистекаютъ изъ опредѣленныхъ и продуманныхъ данныхъ, носящихъ на себѣ характеръ полной сознательности и свободы (стр. 487).

Аскеты, якобы, пытаясь дать мѣсто въ своей жизни однимъ духовнымъ стремленіямъ, тѣмъ самымъ идутъ противъ природы и совершенно истощаютъ свою нервную систему.—Это невѣрно. Каждый нервъ требуетъ для себя дѣятельности, только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общаго направленія дѣятельности организма. Такъ, у вора при видѣ часовъ вся почти нервная дѣятельность направляется на то, чтобы украсть ихъ, а у честнаго человѣка происходятъ при этомъ совершенно другіе нервные процессы. Въ ихъ дѣйствіяхъ выражаются только различныя ихъ настроенія, сообразно съ которыми приведены

были въ дѣйствіе тѣ или другіе нервы, но нельзя утверждать, что природа нервовъ обоихъ принуждаетъ къ различнымъ дѣйствіямъ (стр. 488). Далѣе, аскеты, разнообразя свои аскетическіе подвиги (тѣлесн. труды, писаніе сочиненій, напр. св. Сим. Дивн. и пр.), отдавались, такимъ образомъ, высшимъ аскетическимъ духовнымъ стремленіямъ не въ ущербъ соотвѣтствующимъ этимъ стремленіямъ нервамъ и не въ пользу тѣмъ, которые управляютъ плотскими влеченіями. Они физической жизни придавали такой порядокъ, въ которомъ видѣлась бы жизнь Божія, а не плотская животная. Тѣлесный трудъ у аскетовъ являлся тогда, когда, какъ говоритъ преосв. Оеофанъ, утомлялась душа. Итакъ, аскеты разнообразили свои духовные труды и имъ не нужно было прибѣгать къ удовлетворенію плотскихъ потребностей, что долженъ дѣлать, по мнѣнію г. Скабичевскаго, нормальный человѣкъ, когда даютъ знать о себѣ нервы, управляющіе плотскими влеченіями. Впрочемъ, дѣленіе нервовъ на духовные и плотскіе неудобно. Нервы кромѣ того сами по себѣ не служатъ причиной господства въ человѣкѣ высшихъ или низшихъ потребностей, а напротивъ, такое или иное употребленіе нервовъ служитъ человѣку средствомъ для удовлетворенія господствующей въ немъ потребности. Такъ, у человѣка высоконравственнаго половая потребность занимаетъ самое скромное мѣсто и не требуетъ чрезвычайныхъ и постоянныхъ расходовъ энергіи, а у человѣка противоположнаго настроенія—наоборотъ; но это вовсе не значитъ, что служащія половой потребности нервы у обоихъ людей различны; это свидѣтельствуется только о различіи ихъ склонностей и происходящемъ отсюда различіи въ распредѣленіи энергіи (стр. 491).

Представляя дѣло такъ, мы ясно можемъ видѣть слѣдующее: для человѣка, предающагося аскетической дѣятельности изъ любви къ Богу и ближнимъ, возможны 2 пути: добра и зла, плоти и духа. Въ его сознаніи является признаніе того, что истиннымъ долженъ быть путь добра. Основаніемъ этому служить ему такое или иное міросо-

зерцаніе,—религіозное или философское. У него, смотря по силѣ убѣжденія, является извѣстное сильное устремленіе въ извѣстную сторону. Соотвѣтственно характеру устремленія извѣстные нервы и въ извѣстномъ порядкѣ подвергаются особенно усиленной дѣятельности, а другіе—менѣе или совсѣмъ не привлекаются. Это дѣлается не вдругъ, такъ какъ привычка беретъ свое, и вотъ задачею человѣка служить противостать этой привычкѣ, начать борьбу съ прежними воззрѣніями и жизнью, чтобы дать мѣсто новому, лучшему порядку жизни. Въ этомъ смыслъ аскетизма. Онъ, по необходимости, сопровождается, особенно въ началѣ, борьбою въ человѣкѣ двухъ началъ: стараго и новаго. И если человѣкъ твердо проникнуть новыми началами, то иногда ему удастся довести борьбу до конца, уничтожить въ себѣ наклонность къ прежнему порядку жизни и дать мѣсто новому, лучшему. Извѣстно о св. Симеонѣ юродивомъ, что онъ умертвилъ въ себѣ даже похоть плоти и среди нагихъ женщинъ чувствовалъ себя невозмутимо. Но онъ долго боролся съ нею. Въ самомъ дѣлѣ человѣку естественно бороться здѣсь на землѣ во имя другого порядка жизни, во имя Христова ученія, объ отверженіи себя, распятіи плоти, служеніи ближнимъ, чтобы уничтожить ветхаго человѣка и образовать новаго, и борьба эта не бесполезна: человѣку-христіанину дается прямое, непосредственное удостовѣреніе реальности другого міра, во имя котораго онъ долженъ презрѣть настоящій и непосредственное сознаніе превосходства того міра, внушается необходимость стремиться къ нему и, наконецъ, дается помощь для борьбы“ (стр. 492 и 493).

Мнѣніе Скабичевского объ аскетизмѣ не ново. Еще въ 1897 г. В. Розановъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Новаго Времени“ подъ заглавіемъ: „смыслъ аскетизма“ высказалъ тѣ соображенія, которыя и повторилъ Скабичевскій. Такъ, В. Розановъ начало аскетическихъ стремленій видитъ въ безуміяхъ плотской любви, въ богатствѣ темперамента, понимаемаго имъ въ смыслѣ половыхъ излишествъ.—Чувственное влеченіе, говоритъ онъ, есть нѣчто положительное

выраженіе не только внѣшней красоты, но и внутренняго достоинства специфической религіозной высоты и значительности“. Въ этомъ именно чувственномъ влеченіи, которое „необдуманно вздумали грязнить теперь въ человѣкѣ, отметать въ немъ, порицать, какъ животное, какъ нѣкую грязь, нечистоту его природы“,—по мнѣнію г. Розанова, дано объясненіе всего великаго въ человѣчествѣ. „Геній и молитва, наравнѣ съ благоуханіемъ цвѣтовъ лучатся оттуда же, говоритъ онъ, откуда нисходитъ на землю быть можетъ лучшее, чѣмъ самая молитва, самый геній—живое человѣческое дитя“. Здѣсь же и объясненіе монашества и аскетизма. „Здѣсь, въ аскетизмѣ, лучится собственно плоть же, многоочитая, исполненная очей плоть“. „Кстати и исторически аскетизмъ возникъ именно въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ процвѣтали чувственныя вакханаліи. Земля почти полуденнаго солнца, отъ зноя почернѣвшая—она первая открыла и мелодію молитвы и познала сладость отреченія... Вотъ вамъ объясненіе аскетическихъ феноменовъ, какъ Амвросій Оптинскій, этой вышей, дѣятельной героической любви, неустающаго подвига, вотъ вамъ объясненіе Іоанны д'Аркъ“ и т. д. Совершенно вѣрно, говоритъ Сменцовскій, что богатство темперамента, или, точнѣе, полнота дарованій есть условіе если не всего, то очень много великаго, что совершается въ мірѣ. Но это богатство темперамента выражается не въ половыхъ излишествахъ, не въ чувственности, неукротимой и бурной, а въ величіи ума, воспріимчивости сердца и энергіи воли. Христіанство не признаетъ, и наука, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не можетъ доказать и не докажетъ того единства физическихъ и психическихъ силъ человѣка, которое бы позволяло во всѣхъ случаяхъ утверждать: „въ здоровомъ тѣлѣ—здравый духъ“. Напротивъ, чуть-ли не на каждомъ шагу мы видимъ, что „духъ бываетъ бодръ, а плоть немощна“ ²⁹⁾. Почему это? потому, что взаимоотношеніе, которое существуетъ между душою и тѣломъ человѣка, не

²⁹⁾ Мѡ. XXVI, 41.

исключаетъ между ими и той борьбы, о которой говорить апостолъ: „плоть противовоюетъ на духа, духъ же на плоть; сія другъ другу противятся“ ³⁰⁾. Христіанство понимаетъ этотъ разладъ, какъ противорѣчіе между разумной и эгоистической волей самаго человѣка. первоначальное отношеніе котораго къ своему Творцу нарушено; въ этомъ заключается основное и главное препятствіе, которое слѣдуетъ устранить, чтобы человѣку можно было достигнуть внутренняго мира съ самимъ собою. Съ пришествіемъ Христа Спасителя на землю пала преграда, отдѣляющая людей отъ Бога.—Уничтоженъ грѣхъ и насаждено сѣмя новой жизни. Но въ человѣкѣ осталась, какъ слѣдствіе грѣха, удобопреклонность къ злу, и внутренній разладъ съ самимъ собою, если и не въ такой мѣрѣ, какъ прежде, ощущается и искупленнымъ человѣкомъ. И если этотъ великій разладъ между „закономъ ума“ и грѣховнымъ „закономъ плоти“ тяжело испыталъ на себѣ самъ первоверховный апостолъ, если онъ въ мукахъ внутренней борьбы съ самимъ собою воскликнулъ: „бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“ ³¹⁾, то будемъ ли отрицать его мы, ничтожные и слабые люди? Здѣсь-то въ этомъ постоянно ощущаемомъ разладѣ человѣка съ самимъ собою, и нигдѣ инуду, получаютъ начало аскетическія стремленія человѣка къ преодолѣнію похоти плоти, похоти очей и болѣе духовныхъ страстей—эгоизма и гордости. Путемъ аскетическихъ подвиговъ, путемъ непрерывнаго поста, и молитвъ, человѣкъ стремится воспитать себя въ цѣльный и совершенный характеръ, создать въ душѣ своей то небесное царство, которое принесъ на землю Христосъ, отдаетъ Ему всю свою душу, всю свою крѣпость и силу, всѣ свои мысли и чувства, каждый вздохъ сердца, каждое даже ничтожное движеніе воли, дабы быть едино съ Нимъ, „единный духъ, единое сраствореніе, единый умъ“ ³²⁾.

Г. Розанова смущаетъ то, непонятное для него, явленіе, что аскеты, „совлекши съ себя плоть, любятъ однако

³⁰⁾ Гал. V, 17.

³¹⁾ Римл. VII, 24.

³²⁾ Макарь. Египт. бес. 46, § 3.

плоть и плотское, не убѣгаютъ въ пустыню, а бѣгутъ къ людямъ, а если и удаляются въ пустыню,—ласкаютъ львовъ, вынимаютъ занозы изъ медвѣдя, не могутъ оторвать взгляда отъ звѣздъ, т. е. во всѣхъ видахъ любятъ міръ и именно въ плоти его“,—то естественное объясненіе этого явленія въ самой природѣ аскетизма, въ основаніи котораго лежитъ начало самоотверженія и великодушія. Мы не будемъ утверждать, пишетъ г. Сменцовскій, что аскеты любятъ міръ именно въ плоти его, на чемъ такъ усиленно настаиваетъ г. Розановъ, но не будемъ называть эту любовь къ міру плотскою. Они любятъ всѣ творенія Божіи, любятъ міръ и съ духовной и съ тѣлесной его стороны, любятъ дѣлательно, не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною, согласно наставленію апостола: „если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дасть имъ потребнаго для тѣла; что пользы?“³³⁾. Зная по опыту, какъ трудно отказывать себѣ и переносить лишенія, они всегда съ готовностію облегчаютъ страданія ближнихъ и даже безсловесныхъ тварей³⁴⁾, но еще болѣе они сочувствуютъ душевнымъ немощамъ ближнихъ и облегчаютъ ихъ, еще чаще упражняются въ дѣлахъ милости духовной, а тѣлесную вещественную милость они оказывали предъ своимъ выступленіемъ на аскетическіе подвиги³⁵⁾.

Оцѣнивъ, общую принципіальную сторону разсужденій г. Розанова, Сменцовскій останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ его статьи, а именно, разбираетъ положенія В. В. Розанова о томъ, что 1) „Соломонъ въ молодости, тотчасъ послѣ смерти Давида, приносилъ жертвы и куренія на высотахъ“³⁶⁾, т. е. по сиропиникійскому ритуалу; 2) что Платонъ-философъ былъ якобы поклонникомъ плотскихъ удовольствій; 3) что между апокалипсическими

³³⁾ Іак. II, 15—16. ³⁴⁾ Юродивые, напримѣръ, раздавали свои имѣнія и пр. и потомъ совершали дѣла благотворенія—см. обществ. дѣятельность юродивыхъ и столпниковъ. ³⁵⁾ Такъ св. Симеонъ I-й столпникъ исцѣляетъ змѣя; вообще всѣ св. юродивые и св. столпники оказываютъ благодѣянія всѣмъ людямъ своими чудотвореніями и пр., о чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ. ³⁶⁾ 3 Царствъ, гл. III.

³⁷⁾ Гл. XIX.

животными (льва, тельца и орла) находится связь съ египетскими культами плоти (аписа, копчика, сфинкса), и 4) что праведный Іовъ есть одинъ изъ типовъ „въ хороводѣ безумствующихъ въ любви“, потому что, будучи боленъ онъ и то умоляетъ жену приходить къ нему ради плода чрева своего ³⁸⁾, о чемъ жаловался своимъ друзьямъ на гноищѣ; а сойдя съ него, порождаетъ еще 7 сыновей и 7 дочерей, опять погружается въ мірскія дѣла, какъ и до болѣзни, и пребываетъ, однако, во всѣ дни бытія своего праведнымъ и благочестивымъ.

Оставляемъ разсужденія по этимъ вопросамъ въ сторонѣ въ виду того, что они не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ.

Наконецъ, весьма любопытно познакомиться вкратцѣ съ мнѣніемъ о происхожденіи аскетизма, высказаннымъ профессоромъ Гусевымъ въ его сочиненіи: „нравственный идеаль буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ ³⁹⁾.— Въ этомъ сочиненіи доказывается, что исходнымъ пунктомъ христіанскаго аскетизма, а также его характеристическимъ признакомъ служитъ пламенная любовь къ людямъ, соединенная съ готовностью ради ихъ блага ко всевозможнымъ жертвамъ. Это положеніе проф. Гусевъ подтверждаетъ въ своей антикритикѣ замѣчаній проф. Гренкова ⁴⁰⁾ фактами изъ жизни св. столпника Симеона, который, несмотря на то, что удалился отъ общества, поучалъ приходящихъ и принималъ въ нихъ самое теплое, живое участіе. Это мнѣніе признано невѣрнымъ авторомъ ⁴¹⁾ примѣчаній къ статьѣ: „изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауэра“, помѣщенной въ Православномъ Обозрѣніи за 1877 г., XII, стр. 652—686.

Общею и главнѣйшею основою аскетизма критикъ, на основаніи ученія Спасителя и св. отцевъ ⁴²⁾, считаетъ прежде всего любовь къ Богу. Эта любовь сама собою при-

³⁸⁾ „Церковныя Вѣдом.“ 1898 г. № 3, стр. 88—95, статья: „аскетизмъ и ложныя сужденія о немъ“. ³⁹⁾ Изд. 1874. ⁴⁰⁾ Вынужденное слово въ защиту сочиненія „нравственный идеаль буддизма въ его отнош. къ христ. Прав. Обозр. 1875 г. II стр. 242—271 III стр. 472—575. ⁴¹⁾ Профессоромъ Э. Э. Гусевымъ.

⁴²⁾ Св. Макарія Египетскаго, св. Іоанна Лѣствичника, св. Исаака Сирина и др.

водитъ къ аскетическому образу жизни, создаетъ его. Дальнѣйшимъ основаніемъ аскетизма служитъ общая идея проповѣди Иисуса Христа, состоящая въ призваніи къ исканію царства небснаго прежде всего и вообще къ царству духовнаго надъ плотскимъ. Евангельская проповѣдь объ исканіи царства Божія прежде и больше всего и о непривязанности къ земному и чувственному, падая на нѣкоторыя, особенно воспріимчивыя сердца естественно могла возбудить въ нихъ жажду духовной жизни и небснаго царствія до совершеннаго и полнаго охлажденія ко всему земному. Въ этихъ людяхъ, глубоко уязвленныхъ любовію къ Богу и царствію Божію, все вниманіе и чувство отдавалось безраздѣльно и всецѣло небсному, духовному. Далѣе, въ ученіи Спасителя имѣются основы и для практически-дѣятельной жизни въ пользу людей. Вслѣдъ за заповѣдью о любви къ Богу стоитъ заповѣдь: „люби ближняго, какъ самаго себя“ ⁴³⁾. Любовь же, и притомъ, самоотверженную, заповѣдалъ Иисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ ⁴⁴⁾. Такимъ образомъ, христіанство заключаетъ въ себѣ 2 основныхъ элемента: одинъ изъ нихъ, получившій величайшее напряженіе и преобладаніе въ какомъ-либо лицѣ, можетъ приводить къ аскетическо-отшельнической жизни; другой элементъ, получивши доминирующую силу въ душѣ человѣка, даетъ ему стимулъ къ самоотверженной дѣятельности въ жизни для людей. Эти 2 элемента, при особомъ и одностороннемъ напряженіи ведущіе или только къ созерцательной жизни или только къ жизни практически дѣятельной, могутъ такъ комбинироваться въ душѣ человѣка и получать въ немъ такую равномѣрность своего напряженія, что человѣкъ, съ одной стороны, удовлетворяетъ своему чувству любви къ Богу и въ то же время съ другой—стремится дѣятельно исполнить заповѣдь о любви къ ближнимъ.

Такимъ образомъ, христіанскій аскетизмъ со всѣми своими формами имѣетъ своимъ основаніемъ пламенную

⁴³⁾ Мѣ. VI, 19, 20, 28. Іоанн. VI, 27.
36; XV, 12, 13.

⁴⁴⁾ Мѣ. XXII, 39. Іоанн. XIII, 34,

любовь къ Богу, влеченіе къ умному созерцанію, слѣдствіемъ чего естественно является дѣятельная любовь къ ближнимъ. Вѣдь, любить Бога и въ то же время не любить человѣка, психологически невозможно; та и другая любовь въ аскетѣ необходимо и неизмѣнно существуютъ, и притомъ такъ, что любовь къ ближнимъ стоитъ въ зависимости отъ любви къ Богу. Но она въ нихъ не составляетъ, такъ сказать, опредѣляющаго начала жизни. Пламенно любящій Бога весь устремляется къ созерцанію и къ тому, чтобы въ безмолвіи упиться любовью Богу, а потому она и служитъ главнѣйшимъ опредѣляющимъ началомъ его дѣятельности, не вытѣсняющимъ, однако, изъ его сознанія дѣятельной любви къ ближнимъ настолько, чтобы она совершенно бездѣйствовала. Упившійся любовью къ Богу и исполненный религіознаго умиленія, проникается пламенною любовью и ко всему живущему, ко всякой твари.

Ссылка на св. Симеона Столпника ⁴⁵⁾ въ доказательство того, что исходнымъ пунктомъ аскетизма служитъ самоотверженная любовь къ ближнимъ, ничего не доказываетъ, потому что общественная его дѣятельность говорить не объ исходномъ пунктѣ аскетизма св. столпника, но объ его отношеніи къ людямъ въ теченіе его аскетической жизни.

Авторъ разбора Шопенгауэровскаго ученія ⁴⁶⁾ говоритъ, между прочимъ, что христіанскій аскетизмъ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ первоначальнымъ мотивомъ имѣлъ любовь къ Богу; непосредственною причиною аскетизма служило оплакиваніе грѣховъ своихъ, напр. св. Симеономъ Столпникомъ ⁴⁷⁾. Это не вѣрно. Вѣдь христіанинъ потому и оплакиваетъ свои грѣхи, что они удаляютъ его отъ любви Бога. Стремясь къ Богу, желая Его любить, онъ естественно долженъ освободиться отъ всего того, что

⁴⁵⁾ Который съ столпа утѣшалъ скорбящихъ, научалъ жаждущихъ истины, проповѣдывалъ покаяніе и даже писалъ письма къ правителямъ. ⁴⁶⁾ Профессоръ
Ө. Ө. Гусевъ. ⁴⁷⁾ Прав. Обзор. 1877 г., стр. 652, XII.

препятствуетъ этой любви; размышляя объ этомъ христіанинъ постепенно доходитъ до сознанія своего окаянства и глубины грѣховнаго паденія и начинаетъ оплакивать свои грѣхи, чтобы приблизиться къ Богу. Значитъ, первопричиною оплакиванія грѣховъ является всетаки любовь къ Богу, къ которой стремится человѣкъ. Изъ любви къ Богу онъ оставляетъ свою грѣховную жизнь и совершенно можетъ отрѣшиться отъ всего земного и чувственнаго и путемъ аскетическихъ лишеній смирять грѣхъ.

Св. юродивые и св. столпники, не смотри на свое уединеніе и удаленіе отъ міра, приносили и приносятъ пользу міру. Они служатъ постояннымъ воодушевляющимъ примѣромъ въ дѣлѣ нравственнаго самообразованія, которое было совершено ими съ величайшею энергіей и самоотверженіемъ. Не будь этихъ подвижниковъ, для міра и человѣчества не существовало-бы величественныхъ примѣровъ нравственной собранности духа и сурово-самоотверженнаго ограниченія влеченій плоти и чувственности. Для міра и человѣчества не существовало-бы также примѣровъ той замѣчательнѣйшей преданности духовному и вѣчному, которая приводила св. юродивыхъ и св. столпниковъ къ охлажденію ко всему чувственному, плотяному. Словомъ, они служатъ для міра и человѣчества возбудителями къ перевѣсу духа надъ плотію, къ господству высшихъ сторонъ человѣческой природы надъ низшими. Но надлежащее обстоятельное выясненіе аскетическаго значенія этихъ двухъ аскетическихъ подвиговъ можетъ составить предметъ особой обширной монографіи въ нѣсколько большихъ томовъ.

Трудъ этотъ требуетъ особой долгой спеціальной подготовки и продолжительнаго разносторонняго изученія этихъ подвиговъ съ исторической и моральной стороны. Всякаго, желающаго выполнить такую грандіозную задачу, преслѣдовать будутъ непреодолимые трудности, и прежде всего состояніе церковно-исторической науки выдвинетъ

передъ взявшимъ на себя такую задачу затрудненія, съ которыми единолично считаться не въ состояніи. Имѣемъ въ виду прежде всего отсутствіе сочиненій, посвященныхъ обстоятельному историческому изображенію нѣкоторыхъ аскетическихъ подвиговъ; всѣ же журнальныя статьи, въ которыхъ выяснялось значеніе нѣкоторыхъ аскетическихъ подвиговъ, преслѣдуютъ назидательный, а не научный интересъ.

с. Лысково, Нижег. губ.

1912 г. Августа 22-го дня.